

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Изданы подъ редакціей Н. О. Дубровина.

— КНИГА ВТОРАЯ. —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подьяческая, д. № 39.

1902.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго общества, подъ наблюденіемъ члена совѣта Н. О. Дубровина.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ II.

Мѣстное управлѣніе.

ОТДѢЛЕНИЕ XI (Продолженіе).

	СТРАН.
5) Чрезвычайныя ревизіи епархій лицами, посылавшимися отъ синода.	1
I. Слѣдствіе надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ	4
II. Ревизія тульской консисторіи	61
III. Ревизія оренбургскаго духовнаго управлѣнія.	79
IV. Ревизія тифлісской семинаріи	121
V. Ревизія костромскаго епархіального управлѣнія.	177
VI. Ревизія псковскаго епархіального управлѣнія	188
VII. Ревизія пензенскаго епархіального управлѣнія	250
VIII. Ревизія пермскаго епархіального управлѣнія.	272
IX. Ревизія олонецкаго епархіального управлѣнія	301
X. Ревизія кавказскаго епархіального управлѣнія	312
XI. Слѣдствіе надъ архангельскимъ епископомъ Варлаамомъ	327
6) Выговоры архіереямъ	340
I. Выговоръ Антонію, епископу воронежскому.	—
II. Выговоръ Аарону, епископу архангельскому.	341
III. Выговоръ Стефану, епископу вологодскому.	346
IV. Строгое замѣчаніе епископу тамбовскому Евгению	351
V. Замѣчаніе архангельскому епископу Георгію	352
VI. Высочайшее замѣчаніе смоленскому епископу Іосифу	357
VII. Выговоръ Иллодору, епископу курскому	358
VIII. Выговоръ Евлампію, епископу орловскому	359
IX. Выговоръ епископу подольскому Елпидифору	360
X. Выговоръ Иннокентію, епископу екатеринославскому.	364
XI. Выговоръ екатеринославскому епископу Гавріилу	366

	СТРАН.
7) Низведеніе архієреевъ на низшія кафедры и посылка ихъ на покой	370
I. Низведеніе на низшую епархію пермского епископа Діонісія и посылка его на покой	—
II. Увольненіе на покой архангельского епископа Аарона и низведеніе Георгія полтавскаго на архангельскую кафедру	373
III. Низведеніе нижегородскаго епископа Амвросія на циценскую епископію .	377
IV. Низведеніе вятскаго епископа Іоанникія на оренбургскую кафедру . .	380
V. Увольненіе на покой екатеринославскаго архієпископа Феофіла . .	381
VI. Низведеніе епископа Елпідіфора съ каменецъ-подольской кафедры на вятскую	383
VII. Постылка на покой екатеринославскаго епископа Іннокентія	—

Часть вторая.

МЪСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Отдѣленіе XI.

5) Чрезвычайная ревизия епархій лицами, пославшимися отъ синода.

Для возбужденія заснувшей или ослабѣвшей дѣятельности иѣкоторыхъ архіереевъ, а также для направленія дѣятельности, уклонившейся отъ своего прямого пути и истиннаго назначенія, синодъ посыпалъ отъ себя довѣренныхъ лицъ, съ порученіемъ повѣрить на мѣстѣ распоряженія архіереевъ по епархіальному управлению и обслѣдовать характеръ и образъ ихъ іерархическихъ поступковъ. Если-же синодъ, зная о беспорядкахъ по епархіальному управлению, почему-либо медлилъ производствомъ слѣдствія надъ извѣстнымъ архіереемъ, а между тѣмъ о нихъ помимо синода было доводимо до свѣдѣнія Государя, въ такомъ случаѣ непрѣдѣко самъ Государь приказывалъ произвести ревизію. Замѣтимъ вообще, что синодъ приступалъ къ такой гласной и торжественной мѣрѣ исправленія архіереевъ, какова ревизія, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, побуждаемый къ тому слишкомъ многочисленными беспорядками, замѣчеными имъ по епархіальному управлению. Обыкновенно-же онъ довольствовался отбораніемъ объясненій отъ того архіерея, въ епархіи котораго замѣчались беспорядки по управлению, или о неправильномъ образѣ дѣйствій котораго доходили неблагопріятные слухи. Съ какою осторожностью синодъ приступалъ къ этой крайней мѣрѣ исправленія архіереевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая:

8-го января 1848 г. гр. Пратасовъ предложилъ синоду доность чиновника IX-го класса Костенскаго на херсонскаго архіепископа Гавриила, состоявш-

шій въ томъ, что этотъ архіерей, по прибытии своемъ въ Одессу, отдалъ состоящія при церквахъ лавки свѣтной продажи въ аренду первоначально одесскимъ купцамъ Владиміру Харламову и Семену Маркову, а впослѣдствіи, по взаимному ихъ соглашенію, утвердилъ эту аренду за однимъ Марковымъ, который, такимъ образомъ, сдѣлался монополистомъ свѣтной торговли въ Одессѣ. За право такой монополіи Марковъ былъ обязанъ вносить въ епархіальное одесское вѣдомство 6.000 рублей ассигнаціями въ годъ, тогда какъ эта операция, по словамъ Костенского, приносila 100.000 рублей ассигнаціями. Такое право куплено было подаркомъ архіерею двухтысячной кареты купцомъ Харламовымъ. Тотъ-же преосвященный, отобравъ во всѣхъ церквамъ отъ иконъ серебрянныя и золотыя привѣски въ значительномъ, по выражению Костенского, числѣ пудовъ, а равно драгоценные камни и жемчугъ и церковную сумму, публиковалъ въ газетахъ, что все это пожертвовано ему отъ неизвѣстнаго. Затѣмъ послалъ эконома своего дома, іеромонаха Антонія, въ Москву съ однимъ священникомъ, чтобы тамъ изъ означенныхъ вещей устроить архіерейскую ризницу со всѣми къ ней принадлежностями. Здѣсь іеромонахъ Антоній признанъ былъ своею законною женою, по ея доносу взять подъ арестъ, а потому, по ходатайству преосвященнаго Гавріила, препровождѣнъ въ Одессу и за прелюбодѣйство подпалъ суду.

«Жена Антонія, продолжаетъ Костенский, находится въ монастырѣ, а онъ, Антоній, проживая нынѣ на архіерейскомъ дворѣ близъ г. Очакова, прижилъ съ монастырской дѣвкой незаконное дитя. Тотъ-же преосвященный Гавріилъ приказалъ благочиннымъ взимать на архіерейскій домъ по десяти рублей ассигнаціями въ годъ съ каждой церкви, а съ богатыхъ и болѣе, и это, будто-бы, за церковные отчеты и метрическія книги; ставленниковъ производить на мѣдомѣтвѣ, писалъ Костенский, взимая съ священника 1.000 руб. асс., а съ діакона 500». Деньги эти преосвященный бралъ чрезъ келейника своего, пономаря Ивана Дракова, который за это получалъ щедрое вознагражденіе отъ владыки. Алчность и корыстолюбіе Дракова коснулись даже армянъ, живущихъ въ херсонской епархіи, раскольниковъ безпоповицкой секты и молоканъ. Синодъ, выслушавъ этотъ доносъ, рѣшилъ такъ: «Прошеніе не принимается, когда въ ономъ не показано доказательствъ, на коихъ оно основано (см. XV т. Св. Зак. ст. 924 и X т. Св. Зак. кн. VI, раз. 11, ст. 2277), и какъ всякий доносъ долженъ быть основанъ на явныхъ и точныхъ доказательствахъ, а потому означенный доносъ отставнаго чиновника IX-го класса Капитона Костенского препроводить при указѣ нынѣшнему херсонскому архіепископу Иннокентію (а у Гавріила, переведеннаго тогда изъ Одессы въ Тверь, даже

не спросили и объясненія по этому доносу) къ зависящему распоряженію и о дальнѣйшемъ послѣдованіи донести св. синоду¹); но Иннокентій ничего не донесъ синоду²). А между тѣмъ, подобные-же беспорядки, о которыхъ писалъ Костенскій, открылись и въ тверской епархіи³) съ прибытіемъ на тамошнюю каѳедру преосвященнаго Гавріила. Значитъ, доносъ Костенскаго былъ не совсѣмъ несправедливъ и требовалъ къ себѣ большаго вниманія со стороны синода, который, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ истребовать отъ преосвященнаго Иннокентія увѣдомленіе о результатахъ его изслѣдованій по этому доносу. Этою-то неохотою синода къ производству слѣдствій надъ архіереями объясняется причина незначительного, сравнительно съ беспорядками по епархіальному управлѣнію, числа ревизій надъ архіереями въ царствованіе Николая I.

Впрочемъ, нѣкоторые архіереи подвергались даже двумъ ревизіямъ и почти все время своего епархіальнаго управлѣнія находились подъ слѣдствіемъ. Но прежде приступа къ описанію этихъ ревизій, мы счи-таемъ нужнымъ предварительно указать на нѣкоторое различіе между ними: однѣ изъ нихъ ограничивались обслѣдованіемъ собственно дѣйствій и поступковъ архіереевъ, другія занимались обсужденіемъ поступковъ архіереевъ въ связи съ беспорядками ихъ консисторій и даже семинарій, третыи главнымъ образомъ касались консисторій и семинарій, и только косвенно задѣвали архіереевъ, поскольку беспорядки по этимъ

¹) См. въ св. синодѣ дѣло 1848 года по доносу IX-го класса чиновника Костенскаго о беспорядкахъ въ херсонскомъ епархіальномъ управлѣніи.

²) Замѣчательно, что еще въ 1829 года Фонть-Фокъ донесеніи синоду о беспорядкахъ по епархіальному управлѣнію Гавріила; въ донесеніи Фонть-Фока, между прочимъ, сказано было, что домовый секретарь Гавріила Пиколавскій за объявление ставленникамъ резолюцій преосвященнаго вымогаетъ съ каждого отъ 20 до 50 рублей; граматы, за кои положено брать по 15 коп., продаются по 16 руб. Но синодъ остался равнодушенъ къ этому доносу, удовольствовавшись самимъ слабымъ и уклончивымъ объясненіемъ преосвященнаго (см. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло о злоупотребленіяхъ по екатеринославской консисторії, 15-го іюня 1829 года).

³) Вотъ что писалъ шефъ жандармовъ къ графу Пратасову 7-го января 1850 года: «До моего свѣдѣнія дошло, что письмоводитель тверскаго архіепископа Пархоменко, пользуясь вліяніемъ своимъ на его преосвященство и снисхожденіемъ, которое ему сей послѣдній оказываетъ, позволяетъ себѣ корыстолюбивыя дѣйствія по управлѣнію дѣлами епархіи, до такой степени, что каждый имѣющій какое-либо дѣло по духовному управлѣнію или ищущій мѣста, иначе не можетъ ожидать успѣха, какъ заплативши прежде письмоводителю Пархоменку, по его назначенію, и что такое злоупотребленіе, возбуждая ропотъ, навлекаетъ отъ жителей нареканіе на архіепископа Гавріила, которому извѣстны противозаконныя дѣйствія помянутаго чиновника» (см. въ св. синодѣ дѣло о письмоводителѣ преосвященнаго тверскаго Пархоменко, 13-го февраля 1850 года).

ввѣреннымъ ихъ надзору учрежденіямъ были или поддерживаемы ими, или съ преступнымъ равнодушіемъ терпимы и не остановлены своевременно.

I. Слѣдствіе надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ.

Первое мѣсто и по времени, и по драматическому характеру, занимаетъ слѣдствіе, произведенное въ 1831 году надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ. Имя его становится извѣстнымъ еще съ двадцатыхъ годовъ. Вигель, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», говорить о немъ, какъ о личности весьма замѣчательной по уму, характеру и ревности къ православію. Но Вигель зналъ Иринея въ ту эпоху его жизни, когда онъ былъ только еще ректоромъ кишиневской семинаріи и когда онъ дѣйствительно былъ извѣстенъ какъ человѣкъ безукоризненный въ частной своей жизни, строго монашеской, свѣдущій въ богословскихъ наукахъ, ревностный къ православію до нѣкотораго энтузіазма, впечатлительный, немножко желчный, съ кровью жителей юга¹), довольно упорный и стойкий въ своихъ убѣжденіяхъ. Но съ того времени до 1831 года многое перемѣнилось въ Иринеѣ и не къ лучшему.

Въ 1825 году Иринеѣ изъ ректора кишиневской семинаріи былъ посвященъ въ епископа пензенскаго. Въ этомъ санѣ съ нимъ совершилась большая перемѣна: дурная склонности, болѣе не сдерживаемы высшимъ постороннимъ надзоромъ, получили полный просторъ; теперь впечатлительность и раздражительность его перешла въ ярость, твердость въ самоуправство и совершенное презрѣніе къ правамъ другихъ и даже безчеловѣчіе, ревность по вѣрѣ—въ какой-то фанатизмъ и стремленіе изъ міра сдѣлать скитъ отшельниковъ; его поступки и дѣйствія сдѣлались выходками и странностями; однимъ словомъ, власть окончательно испортила его. Въ Пензѣ уже начали смотрѣть на него, какъ на чудака, потому что онъ позволялъ себѣ кричать въ церкви во время служенія літургіи, обращался въ присутствіи всѣхъ съ такими словами къ ректору семинаріи: «Что ты много о себѣ-то думаешь, что ты много знаешь иностранныхъ языковъ; Митридатъ-то больше тебя зналъ, а убилъ свою родную мать»; бранился во время богослуженія, останавливалъ отправление богослуженія, съ подчиненными обра-

¹) Говорили, что онъ родомъ молдаванъ. Физіономія его была очень похожа на цыганскую.

щался сурово, награждалъ и казнилъ ихъ безъ суда и причины. Наконецъ, хотя изъ добрыхъ и благихъ побужденій, сдѣлалъ онъ одно прибавленіе къ богослуженію, надѣлавшее тогда много шума и ставшее извѣстнымъ синоду. Въ 1827 году Ириней, обозрѣвая ввѣренную ему епархію, замѣтилъ въ ней быстрое усиленіе раскола: многія семейства, даже цѣлые села и деревни вдругъ отпадали отъ православной церкви и переходили въ расколъ. «Недоумѣвая, объяснялъ онъ синоду, какимъ образомъ столь усиленно дѣйствуютъ распространители раскола на низшій классъ людей, всегда приверженный къ православной церкви, я старался изыскывать сему причины. Проѣзжая по епархіи, я бесѣдовалъ съ раскольниками разныхъ толковъ. Собесѣданія сіи открыли мнѣ, что всѣ тѣ, кои издавна находились въ отступничествѣ, научены были не только молитвамъ, но и толкованію многихъ мѣстъ священнаго Писанія, хотя въ превратномъ смыслѣ, но въ совершенномъ убѣжденіи, что они мыслятъ истинно, отчего и не влемлютъ никакимъ уже внушеніямъ. Для привлеченія въ свою ересь простодушныхъ, употребляютъ они наружные обряды, симъ послѣднимъ вовсе неизвѣстные, какъ-то: чтеніе молитвъ съ извѣстнымъ числомъ большихъ и малыхъ поклоновъ, называя сіе началомъ молитвы. Для счета поклоновъ имѣютъ всѣ почти безъ исключенія чѣтки, или такъ-называемыя ими лестовки. Средство сіе въ обольщеніи простодушныхъ, желающихъ спасенія, употребляемое подъ столь благовиднымъ предлогомъ, тѣмъ болѣе дѣйствительно, что производится не одними лжеучителями, но даже безграмотными бабами и дѣвками. Между тѣмъ какъ православные не только не знаютъ молитвъ и никѣмъ оныхъ не научаются, но многіе по небреженію своему не умѣютъ порядочно изобразить на себѣ крестное знаменіе. Небрежность сія произошла частію и отъ самого духовенства, ибо и изъ него многіе, знаменуя на себѣ крестъ, производятъ сіе машинально, безъ всякаго благоговѣнія. Раскольники, указуя на сіе небреженіе, соблазняютъ простодушныхъ наружнымъ своимъ благоговѣніемъ, упрекая ихъ, что съ измѣненіемъ (по ихъ мнѣнію) священныхъ книгъ, потеряно всякое достодолжное благочестіе. Молоканы-же, отвергающіе всякое наружное богочитаніе, настѣхаясь надъ неблагоговѣннымъ изображеніемъ крестнаго знаменія, упрекаютъ православныхъ, что они не крестятся, а махаются, и что священники ихъ не пастыри, а наемники, ибо де стараются не о обученіи своихъ прихожанъ православному исповѣданію вѣры, но обѣ одномъ только прибыткѣ своемъ, и что только у нихъ однихъ находятся свыше вдохновенные старцы. Зло сіе до того простерлось, что между многими другими сектами внесено

ужаснейшая секта самоубийц, известная по селу Копенамъ и могущая служить разительнымъ примѣромъ заблужденія простодушныхъ... Къ отвращенію впаденія въ столь богопротивную секту, содѣлавшуюся мнѣ известною подъ именемъ «спасовцевъ», предварительно разослано было по всей епархіи сочиненіе мое подъ названіемъ: «О необходимости устной предъ іереемъ исповѣди». Кромѣ сихъ заблужденій, новокрещеные мордва и татары, не будучи назидаемы въ христіанскомъ благочестіи и научены молитвамъ и доктринальнымъ вѣры, остаются донынѣ въ совершенномъ невѣжествѣ. Для приведенія въ познаніе истинъ христіанской вѣры нашей и къ отвращенію впаденія въ гибельный расколъ, при обозрѣніи вѣренной мнѣ епархіи, возбуждалъ я надежныхъ священниковъ, дабы они озабочились обученіемъ прихожанъ своихъ, а особенно малолѣтнихъ дѣтей, молитвамъ и прочему (способъ сего обученія для примѣра я преподалъ самъ), поручивъ духовенству извѣщать меня о плодахъ, какіе отъ сего усмотрѣнія будутъ. Впослѣдствіи времени доѣзжано мною, что таковое обученіе можетъ произвести желаемое дѣйствіе, ибо замѣчено, что народъ, а особенно малолѣтныя дѣти, въ большемъ количествѣ приходили въ церковь и всѣ съ удовольствіемъ производили за священникомъ молитвы. Руководствуясь симъ примѣромъ и указомъ св. синода 1821 года января 25-го дня, коимъ предоставлено епархіальными архіереямъ употребить всевозможное пастырское попеченіе о усиленіи церковнаго наставленія между православнымъ народомъ въ вѣрѣ и благонравіи христіанскомъ, съ предоставленіемъ ближайшему ихъ усмотрѣнію употребить къ тому средства, сообразныя съ обстоятельствами вѣренныхъ имъ паствъ, призналь я необходимо нужнымъ сдѣлать повсемѣстное уже распоряженіе, дабы священники первоначально занялись обученіемъ прихожанъ своихъ молитвамъ по тому порядку, какой изложенъ мною въ предложеніи пензенской духовной консисторіи».

Порядокъ этотъ былъ слѣдующій: по совершенніи божественной літургіи, послѣ отпуска, священникъ долженъ былъ учить своихъ прихожанъ въ церкви такъ:

- 1) Во имя Отца... трижды, съ тремя земными поклонами.
- 2) Молитвами святыхъ отецъ.
- 3) Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ.
- 4) Царю небесному.
- 5) Святый Боже, трижды, съ тремя доземными (малыми) поклонами.
- 6) Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу.
- 7) Пресвятая Троице.

8) Господи помилуй, трижды.

9) Слава и нынъ.

10) Отче нашъ, безъ яко Твое есть царство, съ однимъ поклономъ.

11) Господи помилуй, 12 разъ.

12) Слава и нынъ.

13) Приидите, поклонимся, трижды, съ тремя доземными поклонами.

14) Вѣрю.

15) Ослаби, остави, съ доземнымъ поклономъ.

По окончаніи:

16) Богородице Дѣво.

17) Десять заповѣдей Божіихъ, прибавляя къ началу каждой заповѣди: 1-я заповѣдь Божія; 2-я заповѣдь Божія, и такъ далѣе, дабы сильнѣе напечатлѣлось въ сердцѣ, что заповѣди сіи не человѣческія, а Божіи.

18) Достойно есть; по окончаніи, до земли поклонъ.

19) Боже, милостивый буди мнѣ грѣшному, трижды, съ тремя доземными поклонами.

«Но чтобы дать дѣйствію сему, продолжаетъ Ириней, особую важность и благовѣніе и поставить твердый оплотъ противъ раскольническихъ обрядовъ, назначилъ я приличные поклоны. По окончаніи-же урока, священникъ долженъ быть, кроме обыкновенныхъ поклоновъ при упомянутыхъ молитвахъ, обратившись къ народу и произнесши слова: «Простите мя, братіе», *насть на землю*, дабы явить собою примѣръ самоотверженія Иисуса Христа. За то и народъ, въ свою очередь, когда скажетъ: *Богъ да проститъ ти, честный отче!* помолись о насъ, *прости и благослови насъ!* долженъ насть на землю, а священникъ встать и сказать: *Господь нашъ Иисусъ Христосъ благодатію и щедротами своего човѣколюбія да проститъ и помилуетъ и благословитъ васъ.* Послѣ этого, не прибавляя болѣе никакихъ словъ, священникъ осѣняетъ всѣхъ рукою въ образъ креста Господня. Мѣру сію призналъ я потому болѣе необходимою, что постоянное преподаваніе христіанскаго ученія и толкованіе катехизиса, введенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по плензенской епархіи, не имѣютъ не только должнаго успѣха въ обращеніи уклонившихся въ расколь, но ниже малѣйшаго вліянія на простодушныхъ, по совершенному незнанію ими догматовъ православной церкви нашей, особенно-же при невнятномъ и невпечатлительномъ чтеніи, и, такимъ образомъ, необходимо нужно было приготовить ихъ къ слушанію катехизиса изученіемъ сказанныхъ молитвъ. Да и въ числѣ самого духовенства есть столь неблагомыслящіе священнослужители,

что, оставляя прихожанъ своихъ въ совершенномъ невѣжествѣ, доводятъ ихъ до той степени закоснѣлости, что они, сдѣлавшись равнодушными къ вѣрѣ и виавши въ грѣхи, не чувствуютъ гибельности своего состоянія и не ищутъ исправленія. Между тѣмъ, сами сіи священники, представляя ежегодно исповѣдные списки, показываютъ всѣхъ бывшими у исповѣди и св. причастія, и сіе столь страшное злоупотребленіе дѣлаютъ изъ жадности къ корыстолюбію, коимъ пользуются при составленіи сихъ списковъ по домамъ своихъ прихожанъ. Равнымъ образомъ, извлекаютъ они свою пользу и изъ незнанія прихожанами своими молитвы Господней, символа, вѣры и заповѣдей Божіихъ, ибо при вступленіи въ супружество брачивающіеся, не бывъ научены онымъ, по неимѣнію сельскихъ училищъ и нерадѣнію о томъ священно- и церковнослужителей, принуждены бываются исполнять, хотя и съ болѣшимъ отягощеніемъ, всѣ незаконныя требованія духовенства; нѣкоторые изъ священнослужителей до того простираютъ свои притязанія, что и самое исхожденіе на молитвословія, бываемыя во время бездождя и безведрія, исполняютъ не иначе, какъ по полученіи съ прихожанъ значительной платы. Чтобы искоренить таковыя злоупотребленія и истребить всякое на духовенство нареканіе, сдѣланы мною слѣдующія распоряженія: а) предписаны правила благочиннымъ и приходскимъ священникамъ, дабы, подъ надзоромъ первыхъ, священники, а сихъ церковнослужители, обучались всѣмъ предметамъ, до должностей ихъ относящимся, задавая имъ для изученія по временамъ такие уроки, какіе они назначать, по силамъ своимъ, въ чемъ и требуются отъ нихъ по временамъ надлежащіе отчеты; б) всѣ священно- и церковнослужители обязаны подписками, дабы при входѣ во храмъ и св. алтарь, а также при всякомъ приступѣ къ дѣйствію священнослуженія, чинили поклоненіе со страхомъ Божіимъ; в) таковыми-же подписками обязаны они, священно- и церковнослужители, довольствоваться узаконенію за требы платою, а для общаго свѣдѣнія, сколько слѣдуетъ взимать имъ денегъ, на основаніи высочайшаго указа 1801 г., апрѣля 3-го дня, прибиты въ трапезахъ церковныхъ объявленія»¹⁾).

Не отрицая ни важности побужденій, заставившихъ преосвященнаго Иринея прибѣгнуть къ вышеупомянутой мѣрѣ, ни той пользы, какая въ нѣкоторой степени могла произтечь отъ нея для утвержденія хри-

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 18-го июля 1828 г., № 114/114, по предложенію синодального члена Серафима, митрополита новгородскаго, о сдѣланномъ пензенскимъ преосвященнымъ Иринеемъ добавленіи къ богослуженію.

стіанъ въ православії, мы не можемъ въ то-же время не замѣтить въ немъ увлеченія своею идею до крайности, преступленія границъ своей власти и слишкомъ большой свободы въ дѣйствіяхъ. По мнѣнію сго, расколъ какъ будто оттого только и держится и распространяется, что православные худо или вовсе не знаютъ молитвъ, а священники не учатъ ихъ молитвамъ и поклонамъ, и что будто-бы стоить только начать въ церквяхъ обученіе православнымъ молитвамъ, заставить ихъ дѣлать при этомъ извѣстное число поклоновъ и ввести пустынно-житѣльскій способъ испрошенія священникомъ прощенія у своихъ прихожанъ и прихожанъ у священника, чрезъ поверженіе на землю,—такъ расколъ и падеть. А что это было со стороны Иринея истинно увлеченіе своею идею, что эта мѣра вовсе не сопровождалась тѣми плодами, какихъ онъ ожидалъ отъ нея, и что она, напротивъ, произвела резуль-таты совершенно противоположные—это всего лучше можно видѣть изъ отношенія саратовскаго гражданскаго губернатора къ оберъ-прокурору св. синода отъ 25-го июня 1828 г.¹), и изъ распоряженій самого си-нода²). Первый, вполнѣ соглашаясь съ важностью и основательностью побужденій, руководившихъ Иринеемъ при введеніи упомянутой мѣры, и отдавая должную справедливость его ревности къ православію, замѣ-чаетъ при этомъ, что «это распоряженіе новизною своею возродило раз-ные толки и особенно въ старообрядцахъ, основывающихъ богослуженіе свое на неизмѣняемыхъ древнихъ правилахъ, утвержденныхъ святыми отцами и вселенскими соборами. Они сей новый обрядъ усиленного моле-пія нашего и познанія о вѣрѣ почитають, по духу суевѣрія своего, противнымъ общимъ правиламъ церкви и тѣмъ болѣе усиливаются удер-жать сю мысль за собою, что сей новый обрядъ есть единственный только въ Саратовской губерніи. Такіе и подобные тому толки, возрождая каждый разъ новое о себѣ сужденіе, становятся для раскольниковъ по-вою пищею и новымъ доказательствомъ къ тѣмъ причинамъ, по коимъ они удаляются отъ соединенія съ православною церковью нашею». Си-нодъ, чрезъ преемниковъ Иринея, епископовъ пензенскаго и саратовскаго, дѣлалъ дознаніе о результатахъ мѣры, введенной имъ, и окончательно убѣдился въ ея безполезности, а потому приказалъ отмѣнить ее. Но въ Пензѣ страсти Иринея еще не достигли своего апогея; имъ суждено

¹) См. въ этомъ-же дѣлѣ списокъ съ отношенія саратовскаго гражданскаго губернатора къ оберъ-прокурору св. синода, отъ 25-го июня 1828 г., за № 7030.

²) См. тамъ-же опредѣленіе синода и указъ митрополиту Серафиму, августа 10-го дня 1832 г.

было развиться въ Иркутскъ, куда онъ былъ переведенъ въ 1830 году. Переводъ этотъ сопровождался, къ несчастію, такими обстоятельствами, которыя, бывъ Иринеемъ поняты по-своему, служили ему какъ-бы поощреніемъ и возбужденіемъ къ тѣмъ самымъ дѣйствіямъ, которыя навлекли на него порицаніе въ Пензѣ. Его переводили въ Иркутскъ съ по-жалованіемъ во архіепископа и съ извѣщеніемъ, что его посылаютъ туда какъ человѣка твердаго; это вскружило ему голову; онъ не могъ понять, что этими ласкателыми словами хотѣли смягчить горечь почетной ссылки. Мѣстныя обстоятельства иркутской епархіи, этого, по словамъ иркутского іерарха Нила¹), края переселенія и изгнанія, гдѣ въ основу населенія легло отребіе человѣческаго рода, края, на которомъ отражалась всякая политическая буря, проносившаяся по Россіи, и непремѣнно заносившая туда свои жертвы, гдѣ и московскіе стрѣльцы, и участники пугачевщины, и вѣтковскіе и стародубскіе изувѣры, и литовскіе бродяги; и польскіе крамольники, всѣ оставили свои отродья, обреченные передавать изъ рода въ родъ печальную память отцовъ своихъ; беспорядки по епархиальному управлению, допущенные предмѣстникомъ Иринея, не-высокое нравственное состояніе тамошняго духовенства; слишкомъ угловатыя отношенія Иринея къ мѣстной гражданской власти, которая, нужно сказать, не отличалась ни высокою нравственностью, ни мягкостью манеръ, ни деликатностью въ сношеніяхъ,—все это служило горючимъ материаломъ для отненаго характера Иринея. Онъ явился въ Иркутскъ безпощаднымъ и въ то-же время самымъ неразборчивымъ и самоуправнымъ карателемъ и мстителемъ за всѣ преступленія, совершенныя иркутскимъ духовенствомъ до него²), наказывалъ не только за преступленія, прежде совершенныя, но и за тѣ, которыя онъ, такъ сказать, предугадывалъ въ духовенствѣ или подозрѣвалъ, и наказывалъ безъ милости, безъ суда, съ холоднымъ безчеловѣчіемъ азіятскаго деспота. Не довольствуясь карательною ролью по отношенію къ духовнымъ,

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1847 года, подъ № 94, по замѣчаніямъ относительно духовной части, сдѣланымъ при ревизіи государственныхъ имуществъ въ Сибири, тобольской, томской и иркутской епархій.

²⁾ Въ продолженіе менѣе года Ириней отрѣшилъ отъ должности: каѳедрального протоіерея Парнякова, протоіерея Громова, протоіерея и благочиннаго Флоренсова, секретаря консисторіи Кошлова, удалилъ отъ управления игуменомъ Иларію, запретилъ присутствовать въ консисторіи ректору иркутской семинаріи. Мы не упоминаемъ здѣсь о другихъ духовныхъ лицахъ, то удаленныхъ Иринеемъ отъ должностей, то запрещенныхъ въ священнослуженіи, то переведенныхъ съ хорошихъ мѣстъ на худыя, безъ всякаго суда и слѣдствія.

онъ взялъ на себя обязанность Наёана-пророка по отношению къ генераль-губернатору Лавинскому, грозилъ ему анаемою и чуть не публично обличалъ его¹). Замѣтивъ явное отвращеніе къ себѣ во всѣхъ, гласныя и открытыя насыпки надъ собою, онъ еще болѣе ожесточился и, наконецъ, дошелъ, кажется, до помѣшательства и началъ съумасбродствовать. Чтобы имѣть иѣкоторое понятіе о дѣйствіяхъ Иринея въ Иркутскѣ, мы приведемъ здѣсь выдержку изъ записки иркутскаго каѳедральнаго протоіерея Парнякова, поданной имъ Государю Императору, въ которой онъ жалуется на обращеніе съ нимъ Иринея, а также извлеченіе изъ дѣла по жалобѣ на Иринея благочиннаго иркутскихъ церквей, протоіерея Флоренсова. Вотъ что писалъ Парняковъ:

1) «Преосвященный Ириней, не удовольствовавшись услугами, состоявшими въ провожаніи его изъ архіерейскаго дома въ каѳедральный соборъ предъ каждою божественною литургіею, приказалъ встрѣчать себя при рундукѣ, къ придѣлу Казанской Божіей Матери примкнутомъ, и возводить подъ руки на оный такъ, чтобы тяжесть тѣла его лежала на моихъ и ключаря Масюкова рукахъ. Потомъ, не удовольствовавшись и симъ, приказалъ встрѣчать на срединѣ помоста между каѳедральнымъ соборомъ и архіерейскимъ домомъ, шагахъ въ тридцати съ южной стороны параллельно лежащаго. Наконецъ, и симъ не удовольствовавшись, строжайше приказалъ мнѣ ожидать его на той срединѣ помоста полчаса непремѣнно, и въ самые жестокіе морозы въ холдной одеждѣ, въ случаѣ-же невозможности отъ сихъ морозовъ стоять на мѣстѣ неподвижно, прохаживаться по оному, какъ дозволено военнымъ часовымъ, угрожая за неисполненіе сего приказанія строжайшимъ съ меня взысканіемъ и усиливая приказаніе сіе образами встрѣчъ россійскихъ первостепенныхъ архипастырей. Приказаніе сіе исполнялъ я въ виду народа, съ постояннною точностью, такимъ-же образомъ встрѣчая его преосвящество и у приходскихъ храмовъ, при подъѣздѣ къ нимъ вынимая изъ кареты, и по выходѣ изъ оныхъ садя въ оную.

2) «5-го дня ноября минувшаго 1830 года архіепископъ Ириней, по входѣ въ Петропавловскій храмъ въ мантіи, взошедъ на возвышенное мѣсто предъ царскими вратами для слушанія обычнаго входнаго, при испрашиваніи отъ него исправляющимъ должностъ протодіакона

¹) Одна старуха, не получившая удовлетворенія по своей просьбѣ у Лавинскаго, пришла къ архіерею съ жалобою на губернатора. Архіерей, встрѣтивши Лавинскаго близъ собора, въ присутствіи многихъ началъ поносить его вслухъ, называя притѣснителемъ бѣдныхъ и сирыхъ.

благословенія на чтеніе входнаго, вдругъ обратившись ко мнѣ, грознымъ голосомъ спросилъ меня, почему я не распространилъ праваго клироса? и за симъ вопросомъ, сондѣль съ мѣста и подошедъ къ углу клироса, дѣлалъ мнѣ всенародно строгіе выговоры, сравнивая меня съ мальчи-комъ, стоявшимъ за онимъ клиросомъ въ разодранномъ платьѣ. Хотя, по выслушаніи сихъ выговоровъ, осмѣлился было я на уваженіе его преосвященству представить, что какъ протяженіемъ клироса и стояніемъ на ономъ пѣвчихъ будетъ закрыта отъ взоровъ благоговѣйныхъ читателей чудотворная икона Пресвятой Богородицы, поставленная въ ономъ мѣстѣ съ самого основанія собора, то, въ отвращеніе народнаго ропота и охлажденія къ вѣрѣ, нужно съ архипастырскаго его благоразсмотрѣнія предварительно избрать и уготовить благоприличное для онай другое мѣсто. Но преосвященный Ириней, съ гневомъ погрозивъ мнѣ пальцемъ, пошелъ искать по каѳедральному собору мѣста для чудотворной иконы, и остановившись прямо у каменнаго въ сводѣ столпа, среди собора стоящаго, въ коемъ помѣщена икона Чудотворца Николая, приказалъ чудотворную икону Божіей Матери перенести въ онай столпъ. Но какъ въ послѣдствіи времени открылось, что въ протяженіи клироса за мѣсто чудотворной иконы, существенной нужды вовсе не настало, то и чудотворная икона осталась на прежнемъ мѣстѣ.

3) «19-го ноября, по приѣздѣ преосвященнаго Иринея къ западному рундуку каѳедральнаго собора, по вынутіи его изъ кареты мною съ клю-чаремъ протоіереемъ Масюковымъ, въ эпитрахили одѣтымъ, и по воз-веденіи подъ-руки на рундукъ, остановившись его преосвященство на пантери собора, сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за подачу ему иѣ-которыми канцелярскими служителями прошенія о выдачѣ имъ впередъ жалованья, поставивъ вину ихъ въ вину мнѣ, съ угрозою строгимъ за сіе съ меня взысканіемъ, несмотря на то, что я вовсе не имѣль и понятія о томъ прошеніи, а по входѣ въ притворъ церковный, остановившись на мѣстѣ облаченія въ мантіи, вслухъ предстоявшаго народа весьма громко сказаль: «Гдѣ пьяный діаконъ? сейчасъ подайте его сюда!» разумѣя подъ симъ вдоваго діакона Суслова, подъ смотрѣніемъ эконома архіерейскаго дома находившагося; послѣ сего такимъ-же голосомъ сказалъ мнѣ, погрозивъ пальцемъ: «Я съ тѣбя взыщу; я тѣбя отрѣшту отъ собора и консисторіи», и, одѣвшись въ мантію на семь мѣстѣ, поно-силъ меня дотолѣ, пока пришелъ изъ архіерейскаго дома и явился къ нему вышеозначенный діаконъ, коему публично архіепископъ Ириней гром-кимъ голосомъ грозилъ отсылкою въ военную службу; наконецъ, и по

совершении божественной литургии архиепископъ Ириней поносилъ меня на томъ-же мѣстѣ, какъ ему было угодно.

4) «Двадцатаго дня сего-же мѣсяца, во всерадостный день празднованія всевождѣнійшаго восшествія Его Императорскаго Величества на всероссійскій Императорскій престолъ, по обыкновенной встречѣ архиепископа Иринея, при возведеніи его изъ кареты на рундукъ собора, обратившись ко мнѣ съ суровымъ видомъ, въ сильномъ гнѣвѣ сказалъ: «Вамъ неприлично носить рясу этого цвѣта», указывая на мою рясу краснаго цвѣта, по скучности моей, какъ извѣстно иркутскимъ жителямъ и прочимъ, однимъ изъ доброхотныхъ купцовъ мнѣ подаренную, въ которую, какъ пандашную изъ трехъ, я одѣлся въ ознаменованіе сердечной, искренней и сыновней радости о благоденственномъ, мирномъ и отеческомъ самодержавіи Его Императорскаго Величества; и проходя преосвященный Ириней до мѣста съ разными мнѣ упреками и поношениями, остановившись на паперти, весьма громко сказалъ мнѣ, съ угрозою пальцемъ: «Не смѣй носить эту рясу; довольно для тебя, что Государь далъ тебѣ лоскутокъ такого бархату», указывая на камилавку, всемилостивѣше мнѣ пожалованную. Потомъ дѣлалъ мнѣ разныя и такія укоризны, кои, при собравшемся на паперти народѣ, шедшемъ къ божественной литургіи въ соборъ, произали сердце мое, и въ сильномъ азартѣ продолжалъ поносить меня дотолѣ, пока уже усмотрѣль взади правой стороны на паперти генераль-губернатора Восточной Сибири Лавинскаго, стоявшаго въ сie время съ фрейлиною Лавинскою. Не удовольствовавшись архиепископъ Ириней и симъ мщеніемъ, во время чтенія шестого часа предъ божественною литургіею, по выходѣ моемъ со служившими тогда священнослужителями изъ святаго алтаря въ храмъ, вслухъ народа назвалъ меня невѣжою за то, что я, проходя мимо г. генераль-губернатора, поклонился ему, запретивъ между тѣмъ и впредь кланяться сими словами: «Невѣжа, при мнѣ ты не долженъ кланяться г. губернатору; *гдѣ я, тамъ все должно уничтожаться и падать*», подтвердивъ сie и во св. алтарѣ, по пріобщеніи страшныхъ Христовыхъ Таинъ. Послѣ божественной литургіи, когда архиепископъ Ириней, при провожаніи его изъ собора, усмотрѣль на мнѣ рясу другую, цвѣта зеленаго, которую, во избѣжаніе горшаго отъ него гнѣва и мщенія, приказалъ я принести изъ дома въ соборъ во время служенія литургіи, такъ какъ, кромѣ сей, другой, приличнѣйшей высоко-торжественному и всерадостнѣйшему дню сему, я уже не имѣль, его преосвященству и сія ряса не понравилась.

5) «Впослѣдствій хотя преосвященный архиепископъ Ириней 20-го дня ноября въ архиерейскомъ домѣ и просилъ у меня прощенія въ обидѣ,

нанесенной мнѣ въ соборѣ, сознавъ и ошибку свою, во время молебна сдѣланный, при духовныхъ лицахъ, въ томъ домѣ бывшихъ; по симъ христіанскимъ дѣйствіемъ его преосвященство хотѣль только прикрыть сердечную на меня злобу, которую онъ весьма скоро и обнаружилъ, ибо 21-го дня сего-же мѣсяца воспретилъ мнѣ носить и послѣднюю рясу темнаго цвѣта, покойнымъ архіепископомъ Михаиломъ за усердное исполненіе порученій его въ 1822 году предъ св. Пасхой мнѣ данную.

6) «8-го дня декабря, при самомъ началѣ благовѣста къ божественной литургії, архіепископъ Ириней, пришедши въ каѳедральный соборъ прежде назначенаго имъ самимъ времени къ благовѣсту, приказавъ самолично чередному священнику сдѣлать начало къ чтенію часовъ, поставилъ сіе въ вину мнѣ, съ угрозою въ храмѣ пальцемъ: взыскать съ меня строго, отрѣшить отъ собора и консисторіи и сдѣлать меня запятнаннымъ, а подъ видомъ и якобы для приведенія въ порядокъ собора, въ томъ-же храмѣ отрѣшивъ меня отъ консисторіи, приказалъ мнѣ *ночеватъ въ соборѣ со сторожами* и свидѣтельствовать въ домахъ больныхъ священно- и церковнослужителей, сторожей и звонарей, такъ какъ въ то время многіе изъ нихъ и градожителей, при свирипствовавшемъ повѣтріи, страдали головною и грудною болѣзнями съ жестокимъ кашлемъ, вслѣдствіе чего какъ того дня съ исправляющимъ должность протодіакона діакономъ Кедровымъ, такъ и послѣ, свидѣтельствовалъ ключаря и прочихъ священно- и церковнослужителей.

7) «Девятаго дня сего-же мѣсяца, когда, по неожиданному требованію преосвященнаго архіепископа Ирина, явился я въ 4-мѣ часу полуночи въ архіерейскій домъ, архіепископъ, при самомъ появлениі моемъ къ нему, не удостоивъ меня и благословенія архипастырскаго, сдѣлалъ мнѣ съ азартнымъ видомъ и весьма громкимъ голосомъ пріцѣпку, якобы и я, и священно- и церковнослужители не во время собираемся въ соборѣ, куда якобы приказалъ онъ собираться при первомъ ударѣ въ колоколь, вмѣсто того, что самъ-же онъ какъ прежде приказалъ, такъ и наканунѣ, т. е. 8-го дня, строго подтвердилъ собираться въ соборѣ въ теченіи полчаса, которое время назначено имъ на благовѣсть, который и доселъ продолжается столько-же времени, а во дни священнослуженія его преосвященства продолжается часъ. Потомъ дѣлалъ мнѣ рѣзкія укоризны, даже въ ужасъ меня приводившія, за слово, въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества мною произнесенное, 5-го дня его преосвященствомъ смотрѣнное, и во всерадостнѣйшій день имъ-же самимъ похваленное, приказавъ мнѣ читать оное слово, и по прочтеніи первой части трактациіи онаго, сказалъ: «Ты похитилъ тексты изъ св. Ви-

санія, какъ Прометей похитилъ священный огонь съ неба». Послѣ сего дѣлалъ мнѣ угрозы отрѣшеніемъ меня отъ каѳедрального собора и консисторіи (?), очерненіемъ предъ св. правительствующимъ синодомъ и лишеніемъ высокомонаршихъ знаковъ отличій, усиливая угрозы сіи для большаго впечатлѣнія во мнѣ страха тѣмъ, что онъ *изъ всіхъ архіеревовъ избранийшій и отличинійшій*; что онъ имѣетъ *высочайшую грамату на знаки ордена св. Анны преимущественную предъ прочими архіерелями*; что весь жребій мой *въ рукахъ его преосвященства*; что онъ накажетъ меня примѣрно. Окончивъ укоризны и угрозы сіи, около часа вмѣстѣ съ благовѣстомъ къ утрени продолжавшіяся, на конецъ назначилъ онъ мнѣ съ священно-и церковнослужителями каѳедрального собора изъ разныхъ мѣстъ священнаго Писанія для изученія тексты, строжайше приказавъ явиться къ себѣ предъ каждымъ богослуженіемъ, какъ для отчета въ урокахъ оныхъ, такъ и для получения новыхъ.

8) «Когда къ его преосвященству являлся я со священно- и церковнослужителями сего же 9-го дня предъ литургіею, предъ вечернею, 10-го дня предъ утренею, литургіею и вечернею, то каждый разъ при отчетѣ въ старыхъ урокахъ и полученіи новыхъ, получалъ отъ него по-вые упреки, укоризны и угрозы, а 11-го дня предъ утренею архіепископъ Ириней, при всѣхъ усилияхъ стѣснить чѣмъ-нибудь меня, истощивъ-ли средства къ таковому притѣсненію, или наскучивъ уже онимъ, въ хожденіи въ архіерейскій домъ со священно- и церковнослужителями мнѣ отказалъ, приказавъ отсѣль мнѣ назначать уроки и себѣ, и священно- и церковнослужителямъ, разрѣшивъ мнѣ, вопреки своему приказанію, 8-го дня въ каѳедральномъ соборѣ словесно данному и въ канцеляріи консисторіи словесно-же въ тотъ день объявленному, ходить въ присутствіе консисторіи по-прежнему. *Уроки сіи, извѣстные мнѣ и магистру іерою Николаю Спасскому, мы учили въ твердость.*

9) «Когда отъ продолжительныхъ ожиданій преосвященнаго Иринея въ жестокіе сибирскіе морозы, въ холодной одеждѣ, и отъ безвременныхъ въ ночное время къ нему хожденій, при всегдашнемъ страхѣ получить выговоры, которыми онъ часто останавливалъ меня то на помостѣ между каѳедральнымъ соборомъ и архіерейскимъ домомъ, то въ казанскомъ холдномъ придѣлѣ, то на паперти собора, будучи самъ онъ въ теплой одеждѣ, получиль я сильную простуду, при геморроическихъ припадкахъ, около 25-ти лѣтъ меня мучавшихъ и отъ простуды сей еще болѣе усилившихся, и съ 24-го ноября страдаль жесточайшею болѣзнью по 4-е декабря, когда и послѣ сей болѣзни, при несовершенномъ здоровьѣ,

изможденномъ тѣлѣ и слабыхъ силахъ, 12-го декабря, почувствовавъ при ожиданіи и встрѣчѣ преосвященнаго Иринея въ каѳедральномъ соборѣ на открытомъ и возвышенномъ рундуке онаго сильнейшую простуду отъ быстраго стремленія порывистой со снѣгомъ бури съ сѣверной стороны рѣки Ангара, проникнувшей (sic) чрезъ правое ухо во внутренность головы и шеи, досель неизлѣчимыхъ, только до 14-го дня сего мѣсяца имѣлъ силы бороться съ болѣзни, и когда сего 14-го дня послѣ утрени столь жестоко пораженъ былъ сею болѣзни, что штабъ-лекарь 7-го класса и кавалеръ Сорочинскій, всегда мнѣ помогающій, опытнымъ токмо искусствомъ и неусыпнымъ попеченіемъ могъ остановить опаснѣшія оной послѣдствія чрезъ истребленіе желчи, разлившейся по желудку и появившейся на поверхности тѣла,—его преосвященство, совершенно знаяши о качествѣ моей болѣзни и о сомнительномъ отъ оной выздоровленіи, вмѣсто того, чтобы по архипастырской своей милости попещиць о москѣ здоровъ, или, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ потребное на выздоровленіе и укрепленіе силъ время,—время сіе нарочито избралъ, дабы сильнѣе дать мнѣ почувствовать всю тяжесть его гоненія: 23-го дня декабря, сверхъ моего чаянія, отрѣшивъ меня отъ собора и духовной консисторіи вовсе, запретилъ и священнослуженіе, опредѣливъ къ двуприходской градо-иркутской Воскресенской церкви на мѣсто протоіеряя Прокопія Громова третьимъ, только для полученія отъ оной дохода, чѣмъ поразилъ меня такъ жестоко, что я, при очевидной уже опасности отъ болѣзни тѣлесной, опасался даже болѣзни душевной, а семейство мое, т. е. осьмидесятисемилѣтняя дряхлая мать, жена и дочь, при горестнѣйшихъ слезахъ и вопляхъ, по немощи ихъ пола, не въ силахъ будучи перенести сего неожиданного и сильнаго удара, сдѣлались тяжко больны.

10) «Двадцать четвертаго декабря, когда я, полумертвый, помышляя только о христіанскомъ напутствіи въ вѣчность, архіепископъ Ириней, потому-ли, что еще искалъ во мнѣ пищи своему мщенію, или потому, что хотѣлъ ускорить смерть мою, послалъ ко мнѣ секретаря иркутской духовной консисторіи Конылова для того, чтобы 1-е, спросить меня: *великодушно-ли я переношу наказаніе?* 2-е, предложить его преосвященства созѣть мнѣ и семейству, дабы не входили въ св. синодъ съ жалобою на него, угрожая за противное сему самимъ жесточайшимъ отягощеніемъ судьбы моей».

Опиская 11, 12, 13 и 14 пункты жалобы Парнякова, въ которыхъ онъ защищается противъ взводимыхъ на него архіепископомъ Иринеемъ обвиненій, переходимъ къ 15-му пункту, гдѣ Парняковъ доносить, что

Ириней своимъ соблазнительнымъ отправлениемъ богослуженія, а не онъ, Парняковъ, довелъ каѳедральный иркутскій соборъ до того разстройства, въ какомъ онъ находится, по описанію Иринея. «Хотя—пишеть Парняковъ—изъ усилій преосвященнаго Иринея привести въ порядокъ каѳедральный соборъ, извѣстны мнѣ, священно- и церковнослужителямъ, сторожамъ, звонарямъ и публикѣ: *первое*: разговоры, кои онъ продолжалъ въ соборѣ при облаченіи въ мантію, прежде въ казанскомъ холодномъ соборѣ, а послѣ въ притворѣ собора, при входѣ въ самый соборъ, при чтеніи входнаго и часовъ, предъ божественною литургіею, предъ первою частью оной, а иногда и въ самую литургію и при самомъ чтеніи имъ проноўди, отчего и литургія, начавшаяся въ 10 часовъ пополуночи, исключая времени благовѣста, оканчивалась въ два часа съ половиною, а иногда и въ три пополудни, и многіе изъ богомольцевъ выходили изъ собора прежде окончанія литургіи, но въ сихъ разговорахъ, или, по выражению архіепископа Иринея, усиліяхъ видно было только то, что онъ въ продолженіи оныхъ *то переставлялъ священниковъ и діаконовъ съ мѣста на мѣсто, то поправлялъ у сихъ послѣднихъ платки на шею, то перелагалъ ковергъ своими руками*, то ходилъ въ мантіи по собору, то громкимъ голосомъ останавливалъ безъ нужды исправляющаго должностъ протодіакона, угрожая ему отсылкою либо на село, либо въ полицію, либо къ коменданту, то останавливалъ псаломщиковъ и пѣвчихъ, передразнивая ихъ, какъ его преосвященству угодно, то съ установкою также чтенія часовъ вызывалъ меня изъ алтаря и приказывалъ мнѣ всенародно *зачесывать* волосы у псаломщиковъ и пономарей, то при чтеніи: «Господи, помилуй» приказывалъ псаломщикамъ въ случаѣ недостатка въ душевномъ умиленіи лицемѣрить, а въ случаѣ недостатка и въ сей способности, возглашать по подобію рабовъ, умоляющихъ господъ своихъ при наказаніи сими первыхъ, возвышая для сего самъ архіепископъ Ириней голосъ свой, по подобію тѣхъ рабовъ, съ троекратнымъ повтореніемъ сего слова: «*помилуй*»; то требовалъ отъ кого-либо изъ священно- и церковнослужителей объясненій на нѣкоторыя слова изъ псалмовъ чтимыхъ, или уже прочтенныхъ, то изъяснялъ самъ или какой-либо текстъ изъ св. Писанія имъ взятый, или какое-либо таинство, объяснивъ однажды дѣйствіе помазанія миромъ сравненіемъ съ такимъ дѣйствіемъ, которое, при уничиженіи сего высокаго таинства, слушателей привело въ соблазнъ, а воспоминаніе объ немъ и доселѣ приводить въ душевную скорбь, а 21-го дня ноября изъясненіемъ совершенно противнымъ св. Писанію обряда введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, при наведеніи на слушателей ужаса, пронзилъ до самой глубины

сердца ихъ, оставивъ въ оныхъ самое пагубное впечатлѣніе; то, наконецъ, при чтеніи проповѣдей, останавливалась, обращался къ священно- и церковнослужителямъ съ упреками ихъ мягкими перинами. *Второе:* посѣщеніе имъ каѳедрального собора чрезъ нѣсколько дней во время повседневнаго пѣнія утрени, литургіи и вечерни, такъ какъ въ дванадцатые праздники и торжественные дни архіепископъ Ириней ни для совершенія всенощнаго бдѣнія, по примѣру его предшественниковъ, ни для моленія собора вовсе не посѣщалъ; но въ тѣ времена его преосвященство, при тогдашнемъ продолженіи утренняго пѣнія по четыре часа, а вечерняго по два съ половиною, учредилъ токмо новый порядокъ, по которому въ вечернене пѣніе девятый часть и повечеріе читаются въ притворѣ церковномъ, чинъ вечерни отправляется священникомъ въ одной эпитрахили безъ фелони; въ вышеозначенное время священно- и церковнослужители сперва стоять въ притворѣ съ народомъ, потомъ переходять изъ онаго во храмъ, наконецъ изъ сего паки въ притворъ. Священникъ чередный предъ окончаніемъ повечерія и полунощницы испрашивается обычнаго прощенія, *лежа на полу притвора*, и порядокъ сей соблюдался съ строгою точностью неизмѣнно¹⁾). Но въ словахъ Парнякова, какъ человѣка обиженнаго и раздраженнаго, быть можетъ есть преувеличеніе. Обратимся къ жалобѣ на Иринея протоіерея Флоренсова, которой справедливость подтвердилаась формальнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ преемникомъ Иринея, преосвященнымъ Мелетіемъ. Сущность этой жалобы заключается въ томъ: 1) что онъ, Флоренсовъ, несмотря на исправленіе со всѣмъ тщаніемъ и по долгу данной присяги должностей благочиннаго и члена консисторіи, былъ отъ нихъ уволенъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы не радѣлъ по благочинію, утаивая пынствующихъ, а въ консисторіи подписывалъ бумаги безъ всякаго разсмотрѣнія; въ сущности же за то, что обще съ другими членами иркутской консисторіи подписалъ докладъ по просьбѣ протоіерея Парнякова, просившаго консисторію пріостановиться исполненіемъ невыгодныхъ для него распоряженій преосвященнаго Иринея до получения отвѣта на жалобу, поданную имъ, Парняковымъ, въ синодъ на Иринея.

2) «Но этимъ, писалъ Флоренсовъ, преосвященный Ириней не прекратилъ своего къ нему неблаговоленія, но, напротивъ, болѣе и болѣе усиливая оно, обнаружилъ преимущественно 20-го мая минувшаго

¹⁾ См. въ св. синодѣ записку о нанесенной обидѣ преосвященнымъ Иринеемъ каѳедральному протоіерою Парнякову отрѣшеніемъ его отъ собора и консисторіи съ запрещеніемъ священничества.

1831 г. въ произнесеніи на счетъ его, Флоренсова, разныхъ оскорбительныхъ укоризнъ и угрозъ, что было при товарищѣ его, Флоренсова, священникѣ Иоаннѣ Сукнѣвѣ и діаконѣ Кузнецовѣ, бывшихъ съ тѣмъ Флоренсовымъ въ тѣ время у архіепископа Иринея для принятія благословенія, по случаю наступавшаго храмового праздника Владимірской Божіей Матери. 3) Такое неблаговоленіе къ нему не переставалъ Ириней обнаруживать и въ самый праздникъ, т. е. 21-го мая, во время совершенія имъ въ упомянутой церкви литургіи, относя на счетъ Флоренсова разныя неисправности, какъ-то: поставлялъ ему въ вину: а) что на жертвенникѣ и престолѣ невеликолѣпныя одежды; в) что антиимиць хранится въ женскомъ платкѣ; е) что птички свили въ окнахъ оной церкви гнѣзда, за что угрожалъ взятиемъ его, Флоренсова, подъ надзоръ въ крестовую церковь и страданіями его самого и даже жены и дѣтей его. 4) Мая 22-го дня, когда онъ, Флоренсовъ, съ товарищемъ своимъ, священникомъ Сукнѣвымъ, и діакономъ Кузнецовымъ пришли благодарить его, преосвященнаго, за отслуженіе въ сей праздникъ божественной литургіи: то послѣ укоренія его, Флоренсова, вышеупомянутыми неисправностями, дѣйствительно было приказано имъ, преосвященнымъ Иринеемъ, ходить ему въ домовую церковь учиться пѣть и читать подъ надзоромъ іеромонаха Варлаама, который изъ костромской епархіи поступилъ въ иркутскую съ нечистымъ послужнымъ спискомъ и самимъ преосвященнымъ Иринеемъ за развратное и соблазнительное поведеніе былъ отрѣшенъ отъ экономской при иркутской семинаріи должности. 5) 23-го мая въ продолженіе утрени былъ испытуемъ вышеупомянутымъ іеромонахомъ Варлаамомъ въ чтеніи и того-жъ числа послѣ поздней литургіи, во время которой преосвященный архіепископъ Ириней, при неумѣстныхъ разсужденіяхъ, производилъ ужасные беспорядки, былъ онъ отъ хожденія въ домовую церковь уволенъ съ объявленіемъ, что чрезъ мѣсяцъ будетъ въ оную призванъ на экзаменъ». Эти ужасные беспорядки, которые производилъ архіерей въ своей домовой церкви, состояли, по описанію Флоренсова, въ томъ, что Ириней безпрестанно останавливалъ читавшаго часы запрещеннаго священника Христофора Куртукова, взятаго также на испытаніе, говоря ему, будто онъ читаетъ неправильно, противъ ударенія, безъ чувства, и что самъ Богъ его наказываетъ, что онъ, архіепископъ Ириней, сколько разъ ни покушался разрѣшить ему, Куртукову, священнослуженіе, но сдѣлать сего никакъ не могъ; разсуждалъ, остановивъ службу, о протоіереѣ Прокопіѣ Громовѣ, будто-бы защищавшемъ протоіерея Никифора Парнякова отъ притѣсненія архіепископа Иринея, и о протоіереѣ Парняковѣ, будто-бы прежде притѣснявшемъ въ это время тутъ-же находившагося запре-

щеннаго священника Георгія Амвросова; рассказывалъ, будто протоіерей Громовъ ъездилъ въ заморскій край не для обозрѣнія церквей, а для оботашенія, ибо по возвращеніи изъ поѣздки купилъ себѣ домъ, и будто протоіерей Парняковъ, бѣгая гдѣ-то за какою-то женщиною, сронилъ съ себя крестъ. Грозно допрашивалъ Флоренсова, подписался-ли онъ, или нѣтъ, подъ дѣломъ упомянутаго священника Амвросова, котораго онъ называлъ бѣднымъ и невиннымъ страдальцемъ; рассказывалъ, съ злостною улыбкою, какъ и гдѣ подписывалъ вышепрописанный докладъ о протоіерѣ Парняковѣ посольскій архимандритъ Феодоритъ. Пѣвчаго Петра Ковригина, что нынѣ діакономъ при иркутскомъ каѳедральномъ соборѣ, называлъ человѣкомъ добрымъ, но ожирѣвшимъ отъ монашескаго хлѣба, и говорилъ ему, чтобы онъ шелъ въ монастырь; кричалъ на іеромонаха Варлаама, что не смотрѣть за вѣренными его смотрѣнію; дѣлалъ распоряженія, кому смотрѣть того дня въ отсутствіе іеромонаха Варлаама; съ крикомъ останавливалъ служащаго священника съ діакономъ, приказывалъ имъ повторять одно и то-же и даже неоднократно издѣвался, передразнивая голосъ и произношеніе послѣдняго во время чтенія св. Евангелія; призывалъ во св. алтарь священника Флоренсова, показывалъ мѣсто, гдѣ стоить зеркало, укорялъ, что онъ въ ихъ церкви видѣлъ гдѣ-то начесанные волосы; подходилъ неоднократно къ царскимъ вратамъ, смотрѣлъ чрезъ нихъ сверху въ алтарь на дѣйствующихъ священнослужителей, приказывалъ имъ останавливаться во время освященія даровъ, вѣбѣгалъ въ св. алтарь, и при этомъ разъ ударился такъ въ восточныхъ дверяхъ, что едва могла удержаться на немъ камилавка; похваляясь неограниченностью архіерейской власти, утверждалъ, что онъ, какъ архіерей, можетъ дѣлать все, что ни захочетъ, и въ самой церкви, въ какой-бы то часть ни было; давалъ Флоренсову приказаніе перенестъ стоящія при ихъ владимірской церкви дрова съ настоящаго мѣста на другое; полая мѣста заградить такъ, чтобы не могли входить въ оную собаки, которыя, какъ онъ говорилъ, чинять непотрѣбства; сдѣлать большой образъ съ золотыми рамами и устроить горнѣе мѣсто¹). Такія и многія другія имъ подобныя дѣйствія совершались Иринеемъ открыто, часто въ каѳедральномъ соборѣ и въ высокоторжественные дни. Притомъ-же, какъ сказано выше, Ириней позволялъ себѣ дѣлать обличенія и генераль-губернатору Восточной Сибири Лавинскому, человѣку гордому, мстительному и несовсѣмъ

¹) См. въ св. синодѣ дѣло объ удаленіи архіепископа Иринея отъ управлѣнія иркутскою епархіею и о переведеніи на мѣсто его пермскаго епископа Мелетія съ повышеніемъ во архіепископа.

чистому, а поэтому очень обидчивому, и дѣлать ихъ гласно, на улицѣ, при стечениі народа.

Лавинскій не могъ перенести этого и чрезъ шефа жандармовъ донесъ Государю о всѣхъ выходкахъ Иринея.

26-го іюня 1831 года оберъ-прокуроръ св. синода князь Мещерскій сдѣлалъ синоду такого рода предложеніе, что «по дошедшемъ до Государя Императора свѣдѣніямъ о беспорядкахъ, происшедшихъ по иркутской епархіи во время управлѣнія оною архіепископа Иринея, и о предосудительныхъ его дѣйствіяхъ, по коимъ полагать должно, что онъ подвергся разстройству умственныхъ способностей, Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ удалить его немедленно отъ управлѣнія епархіею и запереть въ монастырь по усмотрѣнію св. синода, съ назначеніемъ ему содержанія, а на мѣсто его представить кандидатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь Императоръ повелѣваетъ, чтобы по назначеніи въ иркутскую епархію другого архіерея, поручить ему разсмотрѣніе жалобъ и доносовъ, поступившихъ на архіепископа Иринея, и затѣмъ представить св. синоду мнѣніе о исправлѣніи тѣхъ беспорядковъ и неустройствъ, кои по духовному управлѣнію тамъ оказались»¹⁾). Синодъ, выслушавъ такое предложеніе, по довольномъ о семъ разсужденіи, приговорилъ поднестъ Государю докладъ слѣдующаго содержанія: «*Первое*: означеннаго архіепископа Иринея, по удаленіи отъ управлѣнія епархіею, не допускать болѣе до священнослуженія; *второе*: пребываніе ему имѣть вологодской епархіи во второклассномъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, гдѣ, сверхъ бдительнаго за нимъ надзора настоятеля сего монастыря, имѣть таковыи-же и вологодскому епархіальному архіерою, а касательно образа жизни и поступковъ доносить по третямъ года; *третье*: по надлежащемъ объявленіи о семъ ему, архіепископу, и по принятіи отъ него всего принадлежащаго иркутскому архіерейскому дому казеннаго имущества и денежнай суммы, кому отъ синода поручено сіе будетъ, слѣдовать ему въ назначаемое мѣстопребываніе въ сопровожденіи надежнаго чиновника, коего истребовать отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири; *четвертое*: на проѣздъ и препровожденіе его, архіепископа, Иринея отъ Иркутска въ Вологду и на путевыя при семъ дальнемъ нерѣзѣ издержки, отпустить прогонныя деньги по сану его, да на обратный путь въ Иркутскъ чиновнику, имѣющему провожать его, архіепископа, въ Вологду, сколько по чину его слѣдовать будетъ, на счетъ экстраординарной суммы, ассигнуемой ежегодно по духовному вѣдомству. *Пятое*: на содержаніе его,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ предложеніе князя Мещерскаго синоду.

архієпископа, въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ производить ежегодно по 1.200 рублей изъ Государственного казначейства» ¹⁾). Даље въ докладѣ говорится о кандидатахъ, представляемыхъ на иркутскую каѳедру. Государь вполнѣ утвердилъ докладъ синода. Къ Стефану, епископу вологодскому, а равно и къ Иринею, посланы были указы изъ св. синода по этому предмету. Но при получениіи послѣднимъ указа объ его удаленіи отъ епархіи, онъ счелъ его за подложный и за продѣлку Лавинскаго и другихъ его зложелателей. Вотъ какъ объ этомъ произошествіи, на основаніи донесеній генераль-губернатора Восточной Сибири и иркутскаго коменданта, писалъ князь Мещерскій въ предложеніи синоду: «Государь Императоръ получилъ отъ генераль-губернатора Восточной Сибири и иркутскаго коменданта донесенія о необыкновенномъ поступкѣ преосвященнаго Иринея, бывшаго архієпископа иркутскаго, который, утверждая, что присланный изъ св. синода объ удаленіи его изъ епархіи указъ есть подложный, потому что непечатный, рѣшился самъ отвѣсть на гауптвахту чиновника, отряженаго для сопровожденія его въ Вологду, гдѣ для пребыванія его назначенъ Спасоприлуцкій монастырь, обвинялъ сего чиновника предъ солдатами и народомъ въ злоумышленіи на жизнь его и убѣждалъ ихъ защитить своего пастыря ²⁾».

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ докладъ св. синода.

²⁾ Чтобы получить обстоятельное понятіе о поступкѣ Иринея, мы приведемъ здѣсь дословно донесеніе объ этомъ чиновника Голубева, отношеніе иркутскаго гражданскаго губернатора къ генераль-губернатору Восточной Сибири и рапорты эконома архіерейскаго иркутскаго дома Варлаама и протоіерея Каноровскаго.

Голубевъ доносилъ Лавинскому, что когда онъ 20-го сентября, въ 8¹/₂ часовъ полуночи, явился къ высокопреосвященному Иринею и послѣ должностного привѣтствія объявилъ ему, что онъ назначенъ сопутствовать ему до мѣста его пребыванія, «то сіе объявление преосвященнаго Иринея принялъ въ видѣ насилия и спросилъ у меня, по какому праву я пришелъ его схватить, присовокупляя къ тому, что онъ долженъ сдать соборъ имѣющему прибыть архієпископу Мелетію; но постепенно отклоняясь отъ сего послѣдняго изреченія, объявилъ мнѣ, что присланный указъ на счетъ смѣни его есть подложный и что онъ не признаетъ его дѣйствительнымъ потому, что всѣ именные указы должны быть печатанные; что никакого архіерея Мелетія на мѣсто его не назначено, и пришѣлъ въ нѣкоторое изступленіе, вышелъ изъ дома, украшенный орденскими знаками и панагіею, не переставая повторять вышесказанного, и что я первый, какъ исполнитель сего ложнаго указа, лишусь чиновъ и моего штаго мундира, и что онъ не хочетъ отдать себя гражданскому начальству. Я, слѣдя за нимъ, удостовѣрялъ его самыми почтительными выраженіями, что я отнюдь не пріѣхалъ схватить его; что время отправленія его вовсе не принужденно, но онъ ничего не слушалъ и держалъ меня за руку; хватая даже за шлагу и за бортъ, приближился къ стоящему у собора часовому и приказалъ какъ ему, такъ и собравшимся на дворѣ служителямъ и казначею его, за-

«Его Величество, относя таковыя дѣйствія архіепископа Иринея къ помѣшательству ума, въ коемъ онъ уже замѣченъ, но, тѣмъ не менѣе,

щищать его отъ насилия и задержать меня, а между тѣмъ послалъ еще за часовыми, которые и прибыли отъ находящагося вблизи шлагбаума и тріумфальныхъ воротъ, и получили отъ него тѣ-же отзывы на счетъ насилия и таковое-же приказаніе задержать меня и вести за нимъ на главную гауптвахту. Я, предвидя, что сіе рѣшительное намѣреніе его можетъ произвести большое смятеніе въ городѣ, хотѣлъ съ помощью служителей его и казначея не допустить его выдти изъ соборнаго двора, но будучи окружентъ людьми его и часовыми, убѣжденными ложными объявленіями его о насилии и о прочемъ и въ точности исполняющими его приказанія, я излишнимъ счелъ сопротивляться, и за таковыемъ конвоемъ вышли мы чрезъ соборный дворъ къ помянутой заставѣ, съ которой ефрейторъ нарядилъ двухъ часовыхъ, приказавъ имъ идти за нами на главную гауптвахту. Всѣ убѣженія мои къ его высокопреосвященству и ко всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ оставить сюю столь позорную для сана его процессію, или, по крайней мѣрѣ, идти къ г. генераль-губернатору, были бесполезны и мы въ такомъ видѣ и въ сопровожденіи постепенно стекавшагося народа прибыли на главную гауптвахту, гдѣ и были встрѣчены караульнымъ офицеромъ и плацъ-маіоромъ, и не взирая на дальнѣйшія состоянія высокопреосвященнаго Иринея задержать меня, я оставилъ ихъ и имѣль честь явиться къ вашему высокопревосходительству. Во время-же слѣдованія нашего онъ, высокопреосвященный Ириней, всякому встрѣчающемуся лицу объявлялъ, что я хотѣлъ внезапно схватить его, не допустить къ сдачѣ собора, зарѣзать его на пути и потомъ объявить, что онъ, какъ съумашедшій, самъ зарѣзался; что до сихъ поръ не было молебствія по случаю рожденія великаго князя Николая Николаевича и что указы синода о смѣнѣ его ложны».

Гражданскій губернаторъ въ отношеніи своемъ писалъ: «Послѣ произведенного 20-го сентября соблазнительного и предосудительного поступка высокопреосвященнымъ Иринеемъ, я, желая узнать о состояніи его здоровья, послалъ къ нему окружнаго лекаря Сарочинскаго, который по возвращеніи отъ него доложилъ мнѣ, что здоровье его не показываетъ никакого болѣзненнаго состоянія, но что умственныя его способности находятся еще въ воспламененіи. Въ разговорѣ старался ему доказать ложность указовъ, уѣбя его, что онъ вскорѣ опять будетъ архіепископомъ иркутскимъ и тогда онъ ему въ знакъ благодарности и его къ нему, архіерею, преданности поручитъ пользованіе въ семинарской больницѣ.

«По прошествіи недѣли, полагая, что имѣль время обдуматъ нелѣпость учиненнаго имъ поступка, я, вмѣстѣ съ г. комендантромъ Покровскимъ, отправился къ нему; но прибытии въ келю доложили о нашемъ приходѣ; онъ вышелъ въ приличной одеждѣ, сѣдалъ скромное привѣтствіе, спросилъ о нашемъ здоровье; но когда я, по краткому разговорѣ, сѣдалъ вопросъ о его здоровье, то онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ и что это докажетъ мнѣ, вскочилъ съ нѣкоторою горячностью съ дивана, пошелъ въ спальню и вынесъ нѣсколько бумагъ, сѣлъ опять и, отложивъ ихъ къ сторонѣ, началъ разсказывать о Пугачевѣ, о возмущеніяхъ, бывшихъ въ царствованіе блаженной памяти Государыни Екатерины, и что они всѣ происходили отъ ложныхъ указовъ, почему письменными не велико вѣрить. Когда я ему сказалъ, что это относится къ дѣламъ, кои во всемъ государствѣ должны быть извѣстны, а что дѣла къ лицамъ, или

признавая необходимымъ отправление его изъ Иркутска и сопровождение до мѣста назначения произвестъ подъ строгимъ надзоромъ, какого по-

одной части принадлежащія, исполняются по письменнымъ указамъ: то онъ съ горячностью стремился мнѣ разъяснить, чтѣ есть письменное или печатное распоряженіе и какъ должно понимать именная Высочайшія повелѣнія, указывая на печатный докладъ св. синода о его назначеніи въ иркутскую епархію. На возраженіе мое, что докладъ печатается для циркулярнаго свѣдѣнія и разсылки въ другія епархіи, онъ назвалъ мое сужденіе софизмами, потому началъ разъяснять предшествовавшія предъ 20 числомъ дѣйствія свои; что онъ приготовлялся къ публичной сценѣ, зная съ мая мѣсяца, что ему предназначается перемѣна, что онъ чрезъ разныя хитрости вывѣдывалъ расположение умовъ; что мы вѣрно перемѣну его права замѣтили; что въ немъ азіатская кровь, но что высокопреосвященный патріархъ константинопольскій, при которомъ онъ яко-бы находился въ служеніи, замѣчалъ его умъ и говорилъ, что рѣдко такой хитрости найти можно; что и здѣсь, получивъ указъ синода на имя его, онъ 7 дней удерживалъ его безъ огласки; что онъ отъ того времени старался знакомить солдатъ съ его особой, выходилъ подъ видомъ прогулки къ стоящимъ у собора и у московскаго шлагбаума часовыемъ и караульнымъ, разговаривалъ съ ними и такъ готовилъ ихъ къ тому, что ежели ему нужна будетъ запада войскъ, они его уже знали; что посѣщеніе его къ г. генераль-губернатору и изъявленіе готовности къ отѣзду была хитрость и отзывъ его, что не имѣть готоваго экипажа, сдѣлалъ для того, дабы г. генераль-губернаторъ приказалъ починить экипажъ въ ремесленномъ домѣ и чрезъ что всѣ каторжные узнали, что ему готовятъ отѣзду. Продолжая такой разговоръ болѣе часа, на отзывъ г. коменданта, чтобы онъ былъ теперь спокоенъ, ибо никто его къ выѣзду принуждать не будетъ, а вѣрно прибудетъ довѣренная особа изъ С.-Петербурга, онъ отвѣчалъ: Можно нарядить какого нибудь обманщика въ генеральскій мундиръ и обвѣшать его орденами для того только, чтобы выманить его изъ Иркутска и тогда умертвить; почему никакая сила не вывѣзетъ его отсюда, если ему не будуть предъявлены нѣкоторые печатные указы.

«Междѣ продолжавшихся болѣе 2-хъ часовъ разговоръ (ибо когда мы хотѣли удалиться, онъ опустился предо мною на колѣна и просилъ терпѣливо его слушать), онъ увѣрялъ меня, что буде я къ нему буду расположенъ, спасти меня и выпутасть изъ сего дѣла и что онъ одного губернатора, который съ семействомъ своимъ у ногъ его просилъ, избавилъ отъ всякой бѣды. Потомъ упрекалъ, что я съ архимандритомъ Илариемъ въ дружбѣ и что старались скрыть 15.000 рублей, но что все это выведено. Когда-же я его спросилъ, что вѣрно онъ шутить, дѣлая мнѣ такія укоризны, то сталъ извиняться. Продолжая разговоръ, онъ сказывалъ, что собирались всѣхъ священниковъ, убѣждаль ихъ не вѣрить полученному указу, что архіепископъ Мелетій не существуетъ; что за республиканіе указа секретарь будетъ наказанъ кнутомъ, аprotoіерей разстриженъ; что онъ, дабы пріобрѣсть преданность духовныхъ лицъ, дарилъ ихъ серебромъ, рясами, богатыми поясами. Всѣ его разсказы клонились къ тому, чтобы доказать, что онъ не можетъ лишиться своего мѣста и что всѣ партикулярныя письма, получаемыя имъ отъ знакомыхъ и объясняющія участіе въ его положеніи, есть слѣдствіе подложныхъ указовъ, разосланныхъ отъ извѣстныхъ ему лицъ изъ С.-Петербурга во всѣ мѣста. Преніе продолжалось два часа; увѣренія наши, что онъ заблуждается, всегда приви-

ступокъ его заслуживаетъ, высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ генераль-губернатору, повелѣть соизволилъ: объявить архіепископу Иринею

маемы были съ обновлениемъ горячности, которая въ продолженіи его разговора опять утихала. Изъ всего сего я вижу какое-то смышеніе обдуманного плана и запальчивости страстей; полагаю, что безъ особенныхъ рѣшительныхъ мѣръ нельзя будетъ склонить его къ выѣзду изъ Иркутска».

Съ другой стороны, экономъ Варлаамъ такъ рапортовалъ объ этомъ иркутской консисторіи: «Вчерашияго, т. е. 20-го сентября, въ 9 часовъ утра, пришедши въ архіерейскій домъ, чиновникъ Голубевъ имѣлъ съ его высокопреосвященствомъ архіепископомъ Иринеемъ аудіенцію во внутреннихъ покояхъ дома, по выходѣ изъ коихъ въ прихожую учинилъ между ними неизвѣстно почему громкій споръ и въ тѣ-же самыя минуты пошли они оба къ часовому солдату, охраняющему соборную ризницу. Когда они шли, трудно было замѣтить, который изъ нихъ котораго вель, поелику держались одинъ за другого. Въ сіе время сказано было о семъ происшествіи economy архіерейскаго дома іеромонаху Варлааму, находящемуся тогда въ своей кельѣ, который прибѣжалъ къ означеному караулу и увидѣлъ ихъ держащихъ другъ друга за воротъ, и чиновникъ Голубевъ кричалъ своему кучеру: За Кабритомъ сейчасъ, за Кабритомъ, чтобы заставалъ меня здѣсь! Между тѣмъ извѣщенъ бывши военный караулъ, стоящій на постѣ съ вѣзду Московскаго тракта, сбѣжался и, взявши того чиновника, повелъ со двора архіерейскаго чрезъ семинарскій дворъ. Что за оградою между ними происходило, памъ неизвѣстно, поелику economy во время ухода ихъ за ограду, возвратился осмотрѣть домъ архіерейскій, и чрезъ полчаса примѣрно отправился освѣдомиться о преосвященномъ, коего нашель въ ордонансъ-гаузѣ, окруженного чиновниками и солдатами. Въ ордонансъ-гаузѣ economy, препятствуемъ будучи толпою чиновниковъ, ничего не могъ услышать, кромѣ какъ преосвященный часто произносилъ имя Императора Николая и предавалъ себя защитѣ воиновъ, требуя присутствія г. коменданта. Между тѣмъ economy, не зная причины сего обстоятельства, за нужное почель просить г. иркутскаго городничаго, тамъ-же находившагося, обезопасить домъ архіерейскій воинскою стражею, и самъ возвратился въ архіерейскій домъ, куда чрезъ малое время прибылъ и его высокопреосвященство, въ сопровожденіи г. коменданта; затѣмъ прибыли г. генераль-губернаторъ Александръ Степановичъ Лавинскій съ чиновниками; немного спустя, прибылъ гражданскій губернаторъ Иванъ Богдановичъ Цейдлеръ, а наконецъ и г. прокуроръ, недавно прѣѣхавшій изъ С.-Петербургага. Будучи всѣ въ залѣ архіерейскаго дома, разговаривали много, но разговоровъ ихъ никто изъ наасъ въ связи замѣтить не могли, испужавшись внезапности происшествія. Со стороны его высокопреосвященства часто выражаемо было Высочайшее имя Императора Николая, коего рѣшенію онъ вѣрялъ свою участъ, и объявилъ, что онъ желаетъ встать предъ судъ вмѣстѣ съ г. генераль-губернаторомъ, увѣряя притомъ, что указы объ отправлениіи его высокопреосвященства архіепископа Иринея и о опредѣленіи на его мѣсто архіепископа Мелетія суть подложные, и что онъ желаетъ быть судимъ здѣсь, не соглашаясь отправиться изъ Иркутска, особенно съ чиновникомъ для него подозрительнымъ, и вообще ни съ какимъ, до рѣшенія своей судьбы на мѣстѣ въ Иркутскѣ Государемъ Императоромъ. Послѣ сего г. генераль-губернаторъ, г. гражданскій губернаторъ и всѣ чиновники отправились, оставя караулъ около архіерейскаго дома, который караулъ и теперь находится».

таковую волю его Величества, въ ре скриптъ семъ изложенную, и непосредственно за симъ, въ присутствіи генералъ-губернатора и отправлен-

Рапортъ протоіерея Каноровскаго отличается особенными подробностями. «Сего сентября 20-го числа, совершая позднюю божественную литургию, могъ замѣтить какъ въ церкви великое смятеніе народа, такъ и въ церкви многихъ пришедшихъ въ смущеніе и вышедшихъ изъ оной. По окончаніи литургіи узналъ по слухамъ, что причиной сего смятѣнія было взятіе преосвященнаго архіепіоскона Иринея чиновникомъ Голубевымъ изъ архіерейскаго дома и отведеніе его въ гауптвахту, чтѣ и понудило меня прямо изъ церкви идти въ архіерейскій домъ, куда пришелъ, не засталъ уже ни чиновниковъ и никого изъ постороннихъ людей, но только разставленный кругомъ архіерейскаго дома военный караулъ, и вошедши въ келью преосвященнаго, нашель въ оной іеродіакона Панія и прочихъ принадлежащихъ преосвященному келейниковъ, которые всѣ совокупно объяснили мнѣ слѣдующее происшествіе: какъ только начался благовѣстъ къ поздней божественной литургіи въ соборѣ, въ то самое время вдругъ вошелъ въ прихожую комнату чиновникъ высокаго роста и спросилъ у бывшаго тутъ іеродіакона Панія весьма грубо: «У себя-ли архіерей?» Онъ отвѣчалъ: дома. Чиновникъ сказалъ: «Гдѣ онъ?» доложи ему, что чиновникъ Голубевъ пришелъ къ нему отъ генералъ-губернатора за важнымъ дѣломъ». Паній сказалъ: «Хорошо, я сейчасъ доложу», и вошелъ во внутренніе покоя и доложилъ преосвященному. Преосвященный, надѣвъ рясу и прилично одѣвшись, вошелъ въ гостиную залу и приказалъ Панію просить чиновника Голубева къ себѣ, и когда Голубевъ пришелъ къ преосвященному въ зало, то былъ встрѣченъ имъ, преосвященнымъ, весьма учили и, расхаживая по залѣ, сказалъ преосвященному: «Я посланъ отъ г. генералъ-губернатора объявить вамъ, чтобы вы готовы были къ выѣзду сегодня въ третью часу», и что ему поручено сопровождать его, преосвященнаго. На что преосвященный говорилъ ему со скромностю: «Ниакъ невозможно мнѣ исправиться такъ скоро больше потому, что имѣющеся у меня въ отвѣтственности имущество никому не сдано, а сдавать оное нужно время». Голубевъ на то сказалъ: «Это вздоръ, и мнѣ до того дѣла нѣтъ, а вы будьте готовы къ выѣзду въ третью часу». Преосвященный говорилъ, что и отъ чего происходит такая поспѣшность, и какъ можно такъ скоро исправиться къ отѣзду.

«Голубевъ говорилъ съ величайшою грубоствію: «Когда такъ, и ты не хочешь, то вѣсъ свяжутъ и увезутъ: мнѣ то поручено по Высочайшему повелѣнію!» Преосвященный на это сказалъ: «Какъ ты смѣешь мнѣ такъ дерзко говорить, нѣвѣжа!» Послѣ чего, должно полагать, что Голубевъ ударила преосвященнаго, потому что послѣдовала стукъ и шумъ, и вдругъ увидѣли, что Голубевъ тащить преосвященнаго по кельямъ, держа за воротъ ризы у горла, и такъ протащилъ его по всѣмъ покоямъ, вытащилъ въ сѣни, гдѣ неизвѣстно кто изъ нихъ кричалъ: караулъ! Видя таковое происшествіе, келейники испугались и побѣжали къ шлагбауму объявить караулу, стоящему у перевоза на Московскій трактъ, и просить солдатъ на защиту къ преосвященному. Голубевъ, вытащивши въ ограду преосвященнаго, кричалъ караульному, стоящему у собора: «Возьми, свяжи его!» Но караульный сказалъ: «Я не могу отойти отъ поста». Голубевъ, ведя преосвященнаго чрезъ ограду къ караульному, дернулъ его посреди ограды такъ сильно за рясу, что преосвященный повалился, причемъ Адріанъ Быковъ подхватилъ его и удержалъ, а Голубевъ кричалъ своему кучеру: «Кучерь, за Кабритомъ, сейчасъ за Ка-

наго съ симъ реескриптомъ въ Иркутскъ флигель-адъютанта поручика Го-
теля 1-го, сдать его въ вѣдомство корпуса жандармовъ подполковника

бритомъ! чтобы заставилъ меня здѣсь! и, притаща къ будкѣ, толкалъ его, преосвящен-
наго, въ оную, но преосвященный въ томъ воспротивился. Послѣ чего Голубевъ хотѣлъ
тащить преосвященного въ ворота, гдѣ стояли лошади съ дрожками, куда преосвящен-
ный также воспротивился и не пошелъ, а пошелъ съ Голубевымъ, держа другъ друга,
по оградѣ мимо консисторіи, гдѣ встрѣтились съ ними солдаты, пришедши отъ шлаг-
баума по повѣсткѣ келейниковъ. Преосвященный, увидавши солдатъ, сказалъ имъ: «Воины!
защитите меня; я нахожусь въ опасности!» и въ сопровождѣніи солдатъ пришли они на
шлагбаумъ, гдѣ преосвященный взошелъ на плаць-форму и говорилъ солдатамъ: «Воины,
защитники отечества! сохраните меня, пусть я здѣсь у васъ умру, но только-бы сей из-
вергъ не могъ у меня отнять жизни и меня задушить. Ведите насъ обоихъ куда слѣ-
дуетъ!» И послѣ того пошли на гауптвахту въ сопровождѣніи четырехъ человѣкъ сол-
датъ, которые шли за ними съ ружьями. Голубевъ, отгоняя солдатъ, кричалъ имъ: «Не
троньтесь! не ходите! я вамъ приказываю именемъ бригаднаго: мнѣ дана власть свя-
зать его и везти». Но чтѣ солдаты отвѣчали: «Мы, видя такую особу въ опасности, не
можемъ тебя слушать, а должны васъ обоихъ препроводить куда слѣдуетъ, и тамъ
ваше дѣло будетъ разсмотрѣно». Но Голубевъ кричалъ: «Прочь! я васъ всѣхъ пере-
душу!» причемъ ругалъ ихъ и преосвященного называлъ разбойникомъ, и когда при-
шли къ гауптвахтѣ, то преосвященный взошелъ на фронтъ и просилъ у стоящаго тутъ
караула защиты, объявляя, что онъ и даже самая жизнь его состоить въ величайшей
опасности, а Голубевъ неизвѣстно куда ушелъ. Вскорѣ послѣ того, пришелъ тутъ гене-
раль-губернаторъ Лавинскій въ фуражкѣ, во фракѣ и въ плащѣ, и, пришедши, прика-
зывалъ тутъ бывшимъ взять преосвященного и увести въ арестантскую, но плаць-маіоръ
и никто другое не исполняли сего приказанія. А генераль-губернаторъ, самъ взявши
преосвященного, повелъ на крыльцо и говорилъ ему: «Потиши! потиши! не разглашайте
ничего народу, пойдемъ лучше въ комнату и тамъ поговоримъ». Преосвященный, входя
на крыльцо, увидѣлъ, что его генераль-губернаторъ ведетъ въ арестантскую, испугался
и не пошелъ далѣ и сѣлъ тутъ на ступень, и, сидя тутъ, плакалъ, утираясь платкомъ.
Народъ, стоящій предъ гауптвахтою, видя въ такомъ положеніи преосвященного, также
плакалъ. Вдругъ вставши, сѣжалъ (онъ) со ступеней на фронтъ и говорилъ народу:
«Православные христіане! вы видите, съумасшедшій-ли я, и въ какомъ я нахожусь тѣ-
перь положеніи! можете видѣть, что самая жизнь моя состоить теперь въ опасности!
пропусти васъ, будьте свидѣтели всего, чтѣ дѣлается теперь со мною». Между тѣмъ, гене-
раль-губернаторъ, тутъ-же подошдѣ, приказывалъ нѣсколько разъ тащить его, пре-
освященного, въ арестантскую, но никто на то не соглашался, почему генераль-губерна-
торъ, съ досадою и азартомъ взялъ преосвященного за руку, тащилъ его съ скверно-
словнымъ ругательствомъ, а преосвященный, ухватившись за столбикъ, гдѣ кладутъ
ружья, и держась за оній крѣпко, требовалъ коменданта и говорилъ генераль-губерна-
тору: «По какому праву вы требуете отъ меня, чтобы я шелъ въ арестантскую и для чего?»
Генераль-губернаторъ говорилъ, что то дѣлаетъ по Высочайшему повелѣнію Государя
Императора. На сіе преосвященный сказалъ: «Объявите и покажите мнѣ подлинный на
сіе указъ». Въ то время, подошдѣ къ нему, предсѣдатель губернскаго правленія Му-
равьевъ сказалъ: «У насъ есть въ губернскомъ правленіи о томъ указъ печатный, чтобы

Брянчанинова, назначенного для сопровождения его от Иркутска до Спасоприлуцкого монастыря.

«За симъ его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы, по прибытии архіепископа Иринея въ Спасоприлуцкій монастырь, произведено было по распоряженію св. синода самое строгое изслѣдованіе объ означенномъ поступкѣ его, и ежели по сему изслѣдованію окажется, что поступокъ сей учиненъ не въ помѣшательствѣ ума, то, по мнѣнію Его Величества, важность преступленія заслуживаетъ, чтобы виновный былъ лишенъ архіерейскаго сана и сосланъ въ Соловецкій монастырь; но

васъ увезти даже связанныго». На что преосвященный сказалъ: «Да гдѣ-же онъ? покажите мнѣ его, и когда я самъ увижу повелѣніе Государя Императора и будеть здѣсь комендантъ, то тогда не только пойду въ арестантскую, но даже въ тюрьму, и готовъ буду во всемъ повелѣнію Высочайшему повиноваться». Потомъ, обратясь къ народу, говорилъ: «Прошу васъ, будьте свидѣтели всѣ въ томъ, что генераль-губернаторъ ложно объявляетъ фальшивый указъ, чтобы меня посадить въ арестантскую и, связавъ, увезти неизвѣстно куда». Между тѣмъ, прѣѣхалъ комендантъ и, съ поспѣшностью соскочивъ съ дрожекъ, бѣжалъ къ преосвященному, а преосвященный, увидѣвши его, пошелъ къ нему навстрѣчу. Комендантъ подошелъ съ утѣшениемъ къ преосвященному и просилъ у него благословенія. Преосвященный, давъ руку, объявилъ ему обо всемъ случившемся происшествіи и просилъ у него, воспоминая имя Государя Императора, защиты. Комендантъ сказалъ: «Какъ и кто могъ здѣсь помимо меня распоряжаться и брать таковую особу подъ арестъ? Потомъ пошли они къ дому преосвященнѣшаго, куда за ними послѣдовали генераль-губернаторъ, за нимъ Муравьевъ, городничій и съ ними прочіе чиновники и весь народъ, и когда преосвященный съ комендантомъ и генераль-губернаторомъ съ прочими чиновниками вошли въ кельи и покой преосвященнаго, тогда вскорѣ прибыли тутъ-же г. гражданскій губернаторъ и прокуроръ, коимъ всѣмъ преосвященный объявлялъ и говорилъ, что генераль-губернаторъ не есть ему судья, потому что самъ въ себѣ дѣлъ судью быть не можетъ, на что самъ генераль-губернаторъ, подошедъ близко къ преосвященному, сказалъ: «У насть съ вами никакихъ дѣлъ нѣть, да и не бывало». Преосвященный говорилъ: «Наши съ вами дѣла велики, ихъ разбирать можетъ только довѣренная особа отъ Государя Императора. И такъ мы оба будемъ предъ правосудіемъ великаго монарха на одной стоять половицѣ и между нами Государь будеть посредникомъ. Я донесъ на тебя Его Императорскому Величеству чрезъ г. Бенкендорфа отъ 11-го и 18-го июля». Затѣмъ преосвященный всему собранию объявлялъ обо всѣхъ чинимыхъ ему притѣспеніяхъ и о бывшемъ происшествіи, и Высочайшимъ именемъ Государя Императора просилъ у всѣхъ защитить его отъ генераль-губернатора и его сообщниковъ. Наконецъ, генераль-губернаторъ вышелъ въ особое мѣсто и съ нимъ нѣсколько чиновниковъ и, неизвѣстно о чемъ посовѣтовавшись, опять вошли въ зало и всѣ, учили откланявшись, ушли отъ преосвященнаго, который всѣхъ ихъ сопроводилъ учили, а г. комендантъ разставилъ вокругъ дома архіерейскаго военный караулъ, который остается и донынѣ, съ таковыми, притомъ, строжайшимъ приказаніемъ, чтобы никого изъ свѣтскихъ особъ не впускать въ покой преосвященнаго».

впрочемъ, Его Величество предоставляетъ св. синоду сдѣлать о семъ въ свое время постановленіе, на церковныхъ законахъ основанное, и под- несть оное къ Высочайшему утвержденію¹⁾). Видно было, что посту- покъ Иринея встревожилъ Государя и напугалъ Лавинскаго и синодъ. Лавинскій писалъ къ Государю о необходимости прислать въ Иркутскъ, для отправленія оттуда Иринея, особу высшаго сана, по Государю на это не согласился²⁾). Въ синодѣ, послѣ совѣщанія двухъ его членовъ, Сера- фима и Филарета, было положено³⁾, чтобы, по снисхожденію къ сомните- тельному состоянію Иринея и къ возможному устраниенію дальнѣйшаго соблазна, Серафимъ, какъ первенствующій членъ синода, къ которому Иринеи долженъ имѣть надлежащее довѣріе, написалъ къ нему частное письмо съ увѣщаніемъ покориться волѣ Божіей и распоряженіямъ пра- вительства. Государь самъ прочиталъ письмо Серафима къ Иринею, вполнѣ одобрилъ его и приказалъ отдать его отправлявшемуся въ Иркутскъ флигель-адъютанту Гогелю для доставленія Иринею. Дѣйстви- тельно, правительство имѣло основаніе тревожиться; такой человѣкъ, какъ Иринея, способенъ быть рѣшиться на всякую крайность и даже произвѣстить движеніе, въ которое очень легко могла быть вовлечена Си- бирь, гдѣ такъ много элементовъ для всякаго движенія. При томъ-же, видѣ архіерея, явившагося предъ солдатами и умоляющаго о защитѣ и пощадѣ и вообще предрасположеніе нашихъ мужиковъ и солдатъ болѣе довѣрять лицу священному, чѣмъ свѣтскому, могло привести въ броже- ніе массу простого народа и привлечь ее на сторону Иринея, особенно при его завѣреніи, что въ поступкѣ губернатора съ нимъ кроются за- мыслы самые злодѣйскіе. Примѣръ протоіерея Баноровскаго, принявшаго сторону Иринея, показываетъ, что и люди образованные могли увлечься и пристать къ нему. Убѣжденіе самого Иринея въ подлогѣ было сильно и, кажется, искренне. Слѣдующія письма его къ митрополиту Серафиму и князю Мещерскому раскрываютъ намъ состояніе его духа въ эту ми- нуту и отчасти объясняютъ его поступокъ, столь поразившій другихъ. «Спѣшу—пишетъ онъ къ Серафиму—хотя иѣсколько, увѣдомить васъ, милостивѣйшій архіпастырь, по дѣлу неслыханному. Выдуманы три фальшивые указа. Прилагаю копіи ихъ вѣрныя. По онымъ вся моя епар- хія съ 3-го сентября воспоминаетъ въ церквахъ имя Мелетія. Зло-

¹⁾ См. въ вышеписанномъ дѣлѣ предложеніе князя Мещерскаго синоду.

²⁾ Тамъ-же письмо Лавинскаго къ князю Мещерскому отъ 23-го сентября 1831 года.

³⁾ Тамъ-же приведенное нами предложеніе князя Мещерскаго синоду.

дѣи даже въ войскѣ поспѣшили распространить сю страшную ложь. Пружина всего есть генераль-губернаторъ Лавинскій. Онъ послалъ Государю Императору донесеніе, за подписомъ добрыхъ, по несчастныхъ гражданъ Иркутска, что я сошелъ съ ума. Не подпиши—и все у тебя пойдетъ худо. Многіе однако-же имѣли духъ не подписать. Споспѣшествовали генераль-губернатору два протоіерея, Парняковъ и Громовъ, мною давно запрещенные, но о которыхъ, къ несчастью, ни въ св. синодѣ, ни по дѣламъ прокурорскимъ, за всѣми моими донесеніями, нѣть никакого движенія. Злодѣйства ихъ невѣроятны. Слѣдовало тушить искру въ началѣ. Но выслушайте уже слѣдующее ужасное происшествіе: среди бѣлага дня, послѣ ранней литургіи, въ воскресный день 20-го сентября сего 1831 года, генераль-губернаторъ Лавинскій велѣлъ чиновнику своему Голубеву схватить и увезти меня, дабы предать смерти мученической. Все было по-адски приготовлено. Солдаты, офицеръ и комендантъ, вѣрные Богу, церкви святой и своему Государю, стоявшіе на постахъ и гауптвахтѣ, спасли меня, хотя генераль-губернаторъ, его соумышленники и два протоіерея, Пѣтуховъ и Масюковъ, всѣ силы истощили и на самой гауптвахтѣ погубить меня. Почта самая неблагонадежная: доселѣ нѣть указовъ св. синода о рожденіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. Нынѣ спасаю я жизнь подъ защитою коменданта, плац-маіора и 20 лучшихъ солдатъ, перемѣняющихся. Всего теперь открывать не должно; только самой довѣренной особѣ Государя Императора все открыть можно. Доложите Его Императорскому Величеству. Я предвидѣлъ сіе происшествіе и два раза—отъ 11-го и 18-го сего іюля—писалъ къ господину генераль-адъютанту Бенкендорфу. Получено-ли? Бѣда съ почтою. Исходатайствуйте мнѣ разрѣшеніе въ священнослуженіи, а также повелѣніе не воспоминать въ церквяхъ Мелетія, а меня, и право удалить тѣхъ отъ присутствія въ консисторіи, кто расpubликовалъ меня (sic) и лишилъ меня даннаго мнѣ свыше и моимъ Государемъ права быть въ соединеніи и единодушіи со святою православною церковью. Пять мѣсяцевъ нахожусь я уже въ не-престанномъ бореніи съ адомъ. Живъ Господь! Онъ силенъ сохранить своихъ. Кое-что писалъ я и къ князю Петру Сергеевичу Мещерскому¹). Письмо къ князю Мещерскому, въ главномъ, сходно съ предшествовавшимъ, но въ подробностяхъ представляетъ нѣкоторыя особенности. «Тремя фальшивыми указами, коихъ вѣрныя копіи прилагаю у сего, удаленъ

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ письмо Иринея къ Серафиму, отъ 29-го сентября 1831 года.

я отъ управления епархию и подвергнуть всякаго рода неслыханнымъ обидамъ. Съ 3-го сентября по всей Восточной Сибири воспоминаютъ въ церквяхъ имя Мелетія; но его нѣть, да и быть не можетъ. Духовенство предалось пьянству до того, что одинъ священникъ отъ онаго уже померъ внезапно, а слѣдствія никто учинить не хочетъ, хотя и требовалъ я онаго отъ духовной и гражданской власти. Безстыдство и сожженіе совѣсти возросло до высочайшей степени между духовенствомъ и штатскими. Дѣти духовнаго званія не знаютъ брака, съ самыхъ юныхъ лѣтъ предаются оба пола пьянству и разврату, бываютъ своихъ родителей и отнимаютъ дома у нихъ, а гражданская власть и консисторія сему всемѣрно споспѣщаютъ. Отъ великаго до малаго, за исключеніемъ немногихъ, единодушны и мудры въ твореніи зла. Съ прибытія моего на сю епархию я видѣлъ неизѣяснимые ужасы; писалъ, протестовалъ, взывалъ къ Богу, св. синоду, вамъ, и помощи ни откуда не получилъ. Грабежъ здѣсь консисторіи невѣроятенъ. Изъ одного только Киренскаго монастыря, самаго бѣднаго, взято ею до 7.000 рублей, прочие содѣлались мѣстами торговли (sic); и я золъ, что ввожу порядокъ. Въ указахъ фальшивыхъ я даже именемъ Государя Императора названъ съумасшедшімъ. Не знаю, дошло-ли къ вамъ, сіятельный князь, донесеніе мое, что всенародно нѣкто въ Спасской градо-иркутской церкви оборвалъ кисти у салона честной купеческой дочери-дѣвицы и влекъ ее въ чащу публичнаго сада, окружающаго церковь (было всенощное бдѣніе) для блудодѣянія, давая деньги. Сего мало; выслушайте слѣдующее: среди бѣлаго дня, посль ранней литургіи, въ воскресный день, 20-го сего сентября, генераль-губернаторъ Лавинскій именемъ Его Императорскаго Величества велѣлъ схватить меня чиновнику своему Голубеву и везти на край свѣта, или лучше, за Ангару, или въ самую Ангару для отправленія въ вѣчность. Все по-адски было приготовлено. Все знаю, но теперь не время открывать—перехватить письма. Доселъ нѣть указовъ изъ св. синода о рожденіи Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича. Меня спасли военные посты, гауптвахта, офицеръ и комендантъ. Генераль-губернаторъ и его соумышленники—Муравьевъ, Кабрить, Рыкачевъ и два протоіерея—Пѣтуховъ и Масюковъ—и тутъ меня погубить хотѣли. Обратите вниманіе, ваше сіятельство, на двухъ запрещенныхъ мною за злодѣяніе протоіереевъ, Парнякова и Громова. Множество бумагъ послалъ я обѣихъ въ св. синодъ и къ вамъ. Они неистовствовали, когда въ консисторію были присланы вышеупомянутые фальшивые указы обѣ удаленіи меня и запрещеніи въ священнослуженіи. Сверхъ того, священникъ Шергинъ при торжественномъ собраніи въ ка-

федральномъ соборѣ градо-иркутскаго духовенства 5-го истекающаго сен-
тября безстыднѣйшимъ образомъ поносилъ благочиннаго и занесъ руку,
намѣреваясь ударить его, а сынъ его, священникъ-же, Алексѣй Шергинъ,
ворвался въ консисторію, прочиталъ тотчасъ по полученіи фальшивый
указъ и началъ своевольно, къ соблазну города, воспоминать въ церкви
имя Мелетія. Исправляющій должность секретаря спасся бѣгствомъ отъ
побоевъ стараго секретаря Конылова, самаго злонамѣренаго чиновника,
и его товарищевъ. Не стану говорить о другихъ происшествіяхъ, лично
до меня относящихся. Тысячи смертей претерпѣлъ я. Предвидя мое бѣд-
ствіе, два раза—отъ 11-го и 18-го минувшаго июля—писалъ я по секрету
къ генераль-адъютанту Бенкендорфу. Не знаю, получены-ли сіи важныя
бумаги. Нынѣ, подъ охраненіемъ вѣрныхъ своему Царю и церкви солдатъ,
плацъ-маюра и коменданта, я, какъ-бы во время нашествія иноніемен-
ныхъ, спасаю жизнь мою. Ректоръ семинаріи въ прямомъ смыслѣ чудо-
вище; вся душа его предана аду. Два года, вмѣсто архіерея, самъ ре-
комендуется академіи профессоровъ своей семинаріи и успѣхъ ихъ; кромѣ
секретаря—все совершенно развратилъ. Ученики сгорали отъ винопитія
и погибали безъ вѣсти; неизвѣстно, гдѣ дѣвали 15.000 рублей, адрес-
ованныхъ комиссіею духовныхъ училищъ на мое имя, для построенія
въ Якутскѣ училищъ; требованія мои ни во чѣмъ не поставляемы были.
Не допустилъ меня исполнить порученіе комиссіи духовныхъ училищъ,
всѣдствіе Высочайшей воли, по дѣлу устроенія новой семинаріи или
перестройки старой, и прочее. Всѣхъ обморочивалъ въ моемъ запрещеніи
и удаленіи отъ епархіи, составляя фальшивыя письма. Ходатайствуйте
обо мнѣ» ¹⁾.

Но скоро заблужденіе Иринея должно было разсѣяться. Такъ какъ онъ, главнымъ образомъ, основывалъ свое сомнѣніе въ подлинности
указа объ удаленіи его отъ иркутской епархіи на томъ, что указъ этотъ
написанный, а не печатный, то Государь чрезъ Адлерберга приказалъ
князю Мещерскому приготовить для отсылки въ Иркутскъ съ нарочнымъ
изъ Москвы до 500 печатныхъ экземпляровъ указа св. синода объ
удаленіи Иринея. Указы эти были отправлены къ Лавинскому, съ та-
кимъ повелѣніемъ отъ Государя, чтобы онъ, если со стороны архіепи-
скопа Иринея, послѣ извѣстнаго уже поступка, будуть еще сдѣланы
новыя подобныя покушенія и ежели генераль-губернаторъ имѣть дѣй-
ствительныя причины опасаться неблагопріятнаго впечатлѣнія на народъ,
сдѣлалъ немедленно распоряженіе о распространеніи того изъ трехъ ука-

¹⁾ Тамъ-же письмо Иринея отъ 28-го сентября 1831 года.

зовъ, который будетъ имъ признанъ болѣе надежнымъ¹⁾ къ истребленію сего впечатлѣнія; если-же, по обстоятельствамъ, окажется выпускъ сихъ экземпляровъ вовсе излишнимъ, то, не пуская дѣла сего въ дальний-шую огласку, уничтожить всѣ сіи экземпляры²⁾). Указы эти оказались ненужными: письмо Серафима, съ приложеніемъ печатнаго указа, и пріѣздъ въ Иркутскъ Гогеля, заставили Иринея отказаться отъ его убѣжденія; онъ увидѣлъ, что участъ его рѣшена, и тогда онъ безропотно покорился своей судьбѣ и изъ задорнаго, вспыльчиваго и упрямаго вдругъ сдѣлался тихимъ, спокойнымъ и кроткимъ. Въ сопровожденіи Брянчанинова, онъ, безъ всякихъ приключеній, пріѣхалъ 18-го декабря 1831 года въ Спасоприлуцкій монастырь, а на другой день представленъ былъ настоятелемъ монастыря въ вологодскій архіерейскій домъ. Тогда-то начались почти одновременно, но въ двухъ разныхъ пунктахъ, въ Вологдѣ и Иркутскѣ, два слѣдствія надъ Иринеемъ. Для этой цѣли составлены были особыя комиссіи изъ двухъ старшихъ членовъ мѣстныхъ консисторій, подъ предсѣдательствомъ тамошнихъ преосвященныхъ. Слѣдственная комиссія въ Вологдѣ открыла свои засѣданія на другой-же день по прибытии Иринея. По предъявленію ему указа объ учрежденіи комиссіи, начали допрашивать его письменно и требовали отъ него также письменнаго объясненія по слѣдующимъ пунктамъ: а) «Почему онъ усомнился въ письменномъ указѣ о удаленіи его отъ управленія иркутскою епархию послѣ того, какъ на переведеніе его изъ Пензы въ Иркутскъ имѣлъ онъ также письменный указъ, въ которомъ сомнѣнія въ то время не изъявлялъ, и когда въ подлинности указа удостовѣряли его, кромѣ печати, подписи бывшаго оберъ-секретаря Журихина и секретаря Гиновскаго, коихъ почеркъ были ему известны изъ прежніхъ указовъ? б) Если подлинно усомнился онъ въ подлинности указа, полученнаго 3-го сентября, то почему сомнѣнія своего не изъявилъ немедленно, а обнаружилъ оное словесно 20-го сентября, а письменно 29-го?

¹⁾ Въ синодѣ состоялись три указа объ удаленіи Иринея: одинъ письменный, на имя иркутской консисторії, объ удаленіи Иринея отъ управленія иркутскою епархию, о сдачѣ имъ всей собственности архіерейскаго дома и о слѣдованіи въ вологодскій Спасоприлуцкій монастырь, въ сопровожденіи особаго чиновника; другой, тоже письменный и также на имя Иркутской консисторії, о назначеніи на мѣсто Иринея Мелетія; третій, печатный, разосланный по всему синодальному вѣдомству, говорилъ только о назначеніи Мелетія въ Иркутскъ. Теперь въ числѣ 500 печатныхъ экземпляровъ посланы были всѣ три указа.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ предложеніе св. синоду князя Мещерскаго, отъ 28-го октября 1831 года.

в) Какое происшествіе было между нимъ и чиновникомъ Голубевымъ въ архіерейскомъ домѣ, на заставѣ и главной гауптвахтѣ, отъ какихъ оное произошло причинѣ и какими сопровождалось обстоятельствами и по-слѣдствіями? объяснить съ точностию по сущей справедливости. г) Чрезъ недѣлю послѣ сего происшествія какой разговоръ имѣлъ онъ въ своеемъ домѣ съ г. гражданскимъ губернаторомъ въ присутствіи коменданта?

На эти предложенные вопросы Ириней своеручно написалъ отвѣты, которыхъ содержаніе слѣдующее: 1) «Объ удаленіи меня отъ управления иркутскою епархіею я всегда судилъ въ связи съ моимъ преемникомъ, преосвященнымъ Мелетіемъ. Обстоятельство, что я не былъ распубликованъ печатнымъ указомъ, считалъ я за величайшую милость; но въ то же время имѣлъ долгъ требовать, по силѣ указа отъ 2-го мая 1783 г., коимъ письменные государственные указы называются пасквилями, краткаго печатнаго циркулярнаго указа о моемъ преемникѣ, преосвященнымъ Мелетіи, каковъ мнѣ и присланъ высокопреосвященнѣйшимъ Серафимомъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ и новгородскимъ, уже послѣ, отъ 20-го октября сего года. Я-бы и тогда не усомнился въ истинѣ письменнаго указа, ежели-бы хотя въ консисторію былъ присланъ тако-вый печатный циркулярный указъ, или увидѣлъ онъ напечатаннымъ хотя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Да сіе нужно и для сношенія въ по-требныхъ случаяхъ, какъ всѣхъ епархіальныхъ, такъ и другихъ присут-ственныхъ мѣстъ и властей. Таковыи циркулярный печатный указъ приложенъ былъ къ письменному и на переведеніе мое изъ Пензы въ Иркутскъ, а потому и повода къ сомнѣнію никакого не было. Оныи по-чтеннѣйше представляю сему присутствію. Относительно печати я тоже имѣлъ случай сомнѣваться; ибо съ почтою, предшествовавшею полученію указовъ объ удаленіи меня отъ управления иркутскою епархіею, полу-чены таковыи-же изъ св. синода, то на мое имя съ изъясненіемъ словъ: иркутскій, перчинскій и якутскій, то на имя консисторіи, подъ одною и тою-же печатью, безъ словъ, вдвойнѣ намѣленною, заставлявшо меня думать о какихъ-либо неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ неблагона-мѣреныхъ людей. Конвертъ съ таковою печатью я велѣлъ хранить въ консисторіи за замкомъ.

«Подпись бывшаго оберъ-секретаря Журихина показалась мнѣ сомнѣ-тельною по буквѣ заглавной Г въ словѣ Гаврило. На всѣхъ указахъ, ко мнѣ адресованныхъ, и на прочихъ, кои я сличалъ, она писалась такъ: Г. Какъ будто въ опроверженіе сего моего сомнѣнія, кое и объявлялъ при-существующимъ иркутской консисторіи, присланъ пензенскою консисторіею св. синода указъ о томъ-же предметѣ, о коемъ значилось въ прежнихъ

указахъ, но уже съ требуемою мною буквою *Ж*, и, притомъ, послѣ про-
исшествія 20-го сентября мнѣ плаць-маюромъ Шушковскимъ доставлен-
ный. Сей указъ, вмѣстѣ съ отношеніемъ пинзенской консисторіи и кон-
вертомъ, почтеннѣйше представляю сему присутствію».

2) «Коль скоро представлены мнѣ членами консисторскими 3-го
сентября ввечеру около 9 часовъ указы изъ св. синода объ удаленіи
меня отъ управления иркутскою епархіею, то въ то-же почти время по-
лучено мною отъ г. генераль-губернатора письмо на молдавскомъ языке
изъ С.-Петербурга, въ коемъ служащій переводчикомъ молдавскаго языка
при иностранной коллегіи, по азіатскому департаменту, бывшій нѣкогда
моимъ ученикомъ въ Бессарабіи, Яковъ Гинкуловъ, между прочимъ, на-
писалъ: «Блаженны изгнанные правды ради; такъ изгоняли и пророковъ». Я
показывалъ сие письмо присутствующимъ, принесшимъ указы, изъ-
являя недовѣрчивость мою къ онымъ и заключилъ, что письмомъ быв-
шаго ученика моего, въ одно почти время съ указами принесеннымъ,
хотя разстроить справедливость моихъ сомнѣній, съ давняго уже вре-
мени мною обнаруживаемыхъ.

«Изъявляя я мое сомнѣніе вскорѣ за симъ предъ тѣми-же при-
сутствующими, а особливо предъ каѳедральнымъ протоіереемъ Фортунатомъ
Пѣтуховымъ и исправляющимъ должность секретаря консисторіи
Любославовомъ. Ихъ отвѣтъ былъ: «Не мы будемъ виноваты, а тотъ,
кто составилъ сіи указы». Сомнѣніе мое въ подлинности тѣхъ указовъ я
письменно изъяснялъ предъ г. комендантомъ генераль-маюромъ Покров-
скимъ 9-го сентября, за № 1, и получилъ отвѣтъ, что военная часть
въ сіе дѣло не вмѣшивается.

«Указъ отъ 14-го марта 1764 г., коимъ повелѣвается письменнымъ
указамъ, до всенароднаго свѣдѣнія относящимся, не вѣрить, примѣняя
оный къ преосвященному Мелетію, а не къ себѣ, былъ мною прочиты-
ваемъ какъ предъ присутствующими, такъ и предъ исправляющими
должность секретаря консисторіи, и вслѣдствіе сего одинъ изъ присут-
ствующихъ, протоіерей Василий Капоровскій, не подписывалъ бумагъ,
относящихся до моего удаленія.

«19-го сентября, когда казачій чиновникъ, начальникъ надъ ссыль-
ными иркутскаго рабочаго дома, Кривогорицынъ, объявилъ мнѣ поутру
того дня, что экипажи мои готовы, я требовалъ настоятельно, дабы онъ
тотчасъ отправился къ г. генераль-губернатору и къ г. коменданту и
объявилъ имъ рѣшительно, что указы о высылкѣ меня подложны.

3) «19-го сентября, поутру, какъ выше сказано, я рѣшительно
объявилъ казачьему чиновнику, начальнику надъ ссыльными иркутскаго

рабочаго дома, Кривогорницыну, чтобы онъ не доставлялъ ко мнѣ экипажей, т. е. моей собственной коляски, по повелѣнію г. генераль-губернатора починенной, и тараптаса (дорги крытыя, долгущи) и немедленно-бы явился къ нему, г. генераль-губернатору, и коменданту съ объявленіемъ, что я ни моего собственнаго экипажа, ни тараптаса не приму, поелику совершенно удостовѣренъ, что указы о высылкѣ меня подложны. Сей чиновникъ далъ слово, что тотчасъ отправится и исполнить мое порученіе. Отвѣта отъ него я не имѣлъ, но экипажи не были доставлены. На другой день, 20-го сентября, когда вышелъ я отъ ранней обѣдни изъ Крестовой архіерейскаго иркутскаго дома церкви, въ воскресный день, спустя около четверти часа, мнѣ сказано было келейникомъ, что явился отъ генераль-губернатора чиновникъ. Я надѣлъ рясу съ орденскимъ знакомъ, т. е. звѣздою, панагию и клобукъ, и встрѣтилъ его въ приемной залѣ учтиво. Онъ объявилъ, что присланъ отъ г. генераль-губернатора и что по именному указу долженъ я слѣдоватъ съ нимъ въ вологодскій монастырь. Я доказывалъ, что именный указъ, яко непечатный, есть подложный, поставляя ему, Голубеву, на видъ преемника моего, пр. Мелетія, а не себя. Голубевъ горячился, повторяя непрерывно: «Вы должны ѿхать». Я указывалъ на его шпагу и мундиръ, и говорилъ, что онъ лишится ихъ, ежели отважится подложный указъ привести въ дѣйствіе. Голубевъ никакимъ моимъ убѣжденіемъ не внималъ, но приходилъ въ ярость, повторяя одно и то-же: «Вы должны ѿхать». Сдавъ уже почти весь домъ іеромонахамъ: economy Варлааму и казначею Владиміру, а именно составивъ описи имуществу онаго, передавши имъ мою библиотеку, съ намѣреніемъ учинить ее собственностию иркутскаго архіерейскаго дома, удовлетворивъ всѣхъ жалованьемъ, а монаховъ наградивъ и пособіемъ изъ неокладной суммы, ввѣривъ для окончанія постройки значительное количество денегъ онымъ economy іеромонаху Варлааму и казначею Владиміру, я занимался съ ними разборомъ документовъ и окончательными денежными расчетами, дабы вскорѣ безъ дальнѣйшаго затрудненія все имущество дома, всѣ документы и всѣ суммы передать консисторіи по надлежащему. Сіе тѣмъ болѣе нужно было, что, вступивъ въ управлѣніе иркутскою епархіею, ничего подобнаго не нашелъ я, и что убѣжденъ быль въ ожидавшій меня на пути насильственной кончинѣ.

«Хотя я совершенно былъувѣренъ въ подлогѣ указовъ, видя однакоже настояніе генераль-губернаторскаго чиновника, я рѣшился, предвидя даже неминуемую смерть, ѿхать съ нимъ. Но при семъ все-же не терялъ надежды, думая, что истина вскорѣ раскроется и я спасенъ буду, и,

кромъ того, полагая, что въ сіе наипаче время, когда и въ самыхъ столицахъ С.-Петербургъ и Москвѣ происходить и распространяются смуты, жизнь моя нужна не для меня одного, но для всей ввѣренной мнѣ епархіи и для самого моего отечества—Россіи, какъ сіе ниже объяснено будетъ мною.

«По указу, послѣдовавшему въ консисторію, я долженствовалъ сдать все, даже ризничныя вещи, не взирая, что слово: «ризничныя», превращали въ «различныя». А по сему я объявилъ чиновнику Голубеву, что мнѣ осталось еще сдать соборъ. «Вы его не принимали; вы его не обязаны сдавать», отвѣтствовалъ онъ съ нахальствомъ, свойственнымъ осужденнымъ и безответнымъ колодникамъ, а не человѣку духовнаго званія, посвятившему всего себя съ самыхъ первыхъ лѣтъ юности на служеніе церкви и отечеству и непрерывно пользовавшемуся во всю свою жизнь отличными похвалами своего начальства и высокими наградами своихъ монарховъ, да и теперь еще при сдачѣ святыни дома Господня стремящемуся оправдать заботливость свою о благѣ общемъ не словами, но самимъ дѣломъ.

«Сіе рѣшительно и окончательно утвердило меня въ мысли, что чиновникъ Голубевъ есть мой будущій неумолимый убийца; ибо онъ не только къ людямъ, но и къ мѣсту славы Царя Царей не имѣть уваженія. Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе, дабы послѣдующее было очевиднѣе. Вступивъ въ предѣлы Восточной Сибири, на границу ввѣренной мнѣ епархіи, и поѣзжая всѣ церкви по пути до самаго Иркутска, примѣтилъ я, что новые св. антиминсы въ нѣкоторыхъ церквяхъ, судя по матеріи, на которой напечатаны, и по самой формѣ не имѣютъ сходства съ получаемыми изъ московской св. синода конторы. Прибывъ въ Иркутскъ, я замѣтилъ то-же. Спрашивалъ ключаря о причинѣ, но отвѣты были сомнительные. Когда уже всѣ антиминсы разошлись, то одинъ изъ иркутскаго рабочаго дома, ссыльный, принесъ ко мнѣ мѣдную доску, имѣ выгравированную, для напечатанія антиминсовъ. Ссыльного сего я тотчасъ узналъ. Онъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій сосланъ изъ Одессы въ Сибирь. Знакомъ мнѣ потому, что Бессарабской области въ городѣ Кишиневѣ, гдѣ я былъ ректоромъ семинаріи, онъ золотилъ иконостасы и гравировалъ на мѣди. Имя и прозваніе его Григорій Золотарь. Его знаетъ и іеродіаконъ Паисій, прибывшій вмѣстѣ со мною изъ Бессарабской области въ С.-Петербургъ, а затѣмъ перемѣстившійся со мною же изъ Пензы въ Иркутскъ и нынѣ тамъ остающійся.

«Примѣтилъ я также, что въ Иркутскѣ печатаются граматы ставленническія, за всѣмъ тѣмъ, что я нашелъ ихъ въ консисторіи много го-

товыхъ, напечатанныхъ при московской св. синода конторѣ и принесенныхъ мнѣ изъ консисторіи повытчикомъ Вагановымъ. Одну изъ таковыхъ грамать почтеннѣйше представляю сему присутствію.

«На вопросъ мой: довольно-ли св. мѣра? ключарь собора отвѣтствовалъ мнѣ, что онаго станеть на сто лѣтъ.

«Не буду здѣсь говорить о чудесахъ, кои долженствовали-бы подлежать розысканию.

«Сие и кромѣ сего ниже излагаемое приводило меня къ страшной мысли: неѣтъ-ли, или не было-ли какого злоумышленія или законопреступныхъ отдаленнѣйшихъ связей на счетъ цѣлости государства, особенно здѣсь, гдѣ столь много отличнѣйшихъ и самыхъ отчаянныхъ ссыльныхъ и такъ мало войскъ, да и между сими есть ссыльные, когда уже и самая церковь отдаляется, печатая такие документы въ Иркутскѣ, кои зависятъ только отъ высшаго начальства. По долгу присяги и совѣсти я долженствовалъ сіе обнаружить.

«Въ соборѣ хранилась сумма камчатская 13.000 руб., въ вѣдѣніе архіерея, а не консисторіи отпущенная, но коею, безъ моего вѣдома распоряжались, какъ сіе и документъ свидѣтельствуетъ, изъ Камчатки мною отъ г. попечителя Голенищева незадолго до сего полученный и у сего прилагаемый, и другіе мои свѣдѣнія обнаружили-бы.

«Не стану говорить о другихъ злоупотребленіяхъ по собору, на кои слѣдовало мнѣ указать, дабы преемникъ мой могъ увидѣть все въ настоящемъ положеніи и прекратить злоупотребленія, а я оправдать себя, ежели-бы живъ остался, предъ св. синодомъ, а чрезъ то заслужить и Монаршее благовolenіе.

«Къ сему присовокупить должно 24-е августа и 4-е сентября.

«Происшествіе 24-го августа, со мною случившееся, состоить въ слѣдующемъ:

«Наканунѣ сего дня, т. е. 23-го августа, объявлено мнѣ повытчикомъ консисторіи Вагановымъ, представлявшимъ мнѣ бумаги изъ почты, относившимъ онны въ консисторію и наоборотъ, что какой-то, сказывавшійся предъ нимъ пріѣзжимъ, впрочемъ опознанный тутошимъ, человѣкъ предварилъ его, что его ищетъ чиновникъ, прибывшій изъ С.-Петербурга и записавшій его имя, квартиру имѣть близъ Кабрита, правителя канцеляріи г. генерал-губернатора, и будѣть къ нему въ 7 часовъ утра на другой день, т. е. 24-го августа. По сему случаю я послалъ его, Ваганова, и эконома іеромонаха Варлаама къ г. коменданту. Даны были солдаты, дабы схватить онаго чиновника, безъ сомнѣнія мошенника. 7 часовъ утра 24-го августа пришло, а мошенникъ не явился. Но вскорѣ Вагановъ, на-

ходившийся уже у меня, извѣщенъ бытъ, что онъ мнімый с.-петербургскій чиновникъ пришелъ къ нему. Вагановъ, увидя его, примѣтилъ, что это Медоксъ, извѣстный ему по иѣкоторому происшествію въ маскарадѣ иркутскомъ, но притворился не знающимъ его. Сей Медоксъ объявилъ ему, что вскорѣ будуть получены указы объ удаленіи меня отъ управлѣнія епархіею, но потому замедливаются, что идутъ чрезъ метрополію московскую; что я болѣе ему, Ваганову, не нуженъ; что генераль-губернаторъ предлагаетъ ему 200 рублей и требуетъ, чтобы онъ, Вагановъ, доставилъ ему копіи тѣхъ бумагъ, кои я секретно съ почтою отъ 11-го и 18-го іюля послалъ въ собственныя руки г. генераль-адютанта Бенкендорфа, и что, кромѣ денежнаго награжденія, онъ, г. губернаторъ, будетъ умѣть наградить его. Отвѣтъ Ваганова бытъ, что онъ сего никогда не исполнитъ, да кромѣ того и ничего не знаетъ. Метоксъ далѣе говорилъ Ваганову: «Вашъ архіерей знаетъ законы: онъ бытъ въ Бессарабіи долго присутствующимъ консисторіи. Нынѣ онъ запретилъ вѣнчать браки ночью, не знаю, позволить-ли сего дня ввечеру быть свадѣбѣ княжны, прибывшей изъ Москвы». Напомнилъ и о Парняковѣ, священникѣ приходскомъ селенія, недалеко отстоящаго отъ Иркутска, гдѣ имѣется винный заводъ, родственникѣ запрещеннаго мною и отрѣшенаго отъ собора, бывшаго каѳедральнаго протоіерея Парнякова.

«День прошелъ, насталъ вечеръ 24-го августа. Было около 9 или болѣе часовъ. Я занимался спокойно чтеніемъ въ пріемной залѣ. Ночь была самая темная, такъ что трудно было различить человѣка отъ человѣка. Внезапно раздались выстрѣлы, наподобіе залпа изъ ружей. Минѣ показалось, что сіе произошло предъ домомъ генераль-губернатора въ знакъ радости, что бракъ княжны, изъ Москвы прибывшей, совершился (Послѣ сказывали мнѣ, что выстрѣлы происходили въ оградѣ польскаго костела, а иѣкоторые, что въ самомъ костелѣ, дабы болѣе придать выстрѣламъ гулу). Я спокойно продолжалъ свое чтеніе. Но вскорѣ, какъ-бы возль самой каменной стѣны архіерейскаго дома, противъ окошечъ, гдѣ я читалъ, раздались какіе-то глухія выстрѣлы, будто-бы изъ мортирокъ. Опрометью я бросился изъ залы съ намѣреніемъ унять стрѣляющихъ, думая, что этотъ беспорядокъ происходитъ отъ служителей архіерейскаго дома, но какъ-бы нарочно готовы были для встрѣчи экономъ архіерейскаго дома іеромонахъ Варлаамъ и исправляющій должностъ секретаря консисторіи Любославовъ. Они взяли меня подъ руки, не допустили до того мѣста, куда я стремился, но повели меня въ огородъ и велѣли мнѣ прилечь на землю. Я слышалъ еще кое-гдѣ выстрѣлы, и одинъ близъ Московской заставы, за семинаріею, гдѣ держать караулъ военные. Возвра-

тись съ тѣмъ-же Вагановымъ и Любославовымъ въ келію, я велѣлъ имъ спрavitься, что происходить на проспектѣ близъ собора. Они донесли мнѣ, что тамъ ключарь и что около 10 человѣкъ мужиковъ пробѣжалъ около собора и ограды архіерейскаго дома. Спустя нѣкоторое время, они взяли у меня ключъ отъ спальни и отвели меня по темнымъ переходамъ и лѣстницамъ наверхъ дома, обѣщавъ всю ночь бодрствовать и удалить всякую опасность на случай какихъ-либо новыхъ происшествій. Предъ заутренею 25-го августа они-же свели меня съ чердака.

«Поутру сего-же 25-го августа явился ко мнѣ голова градской Константинъ Петровъ сынъ Трапезниковъ, мужъ отличнѣйшихъ добродѣтелей и необыкновенной твердости характера. Первое мое къ нему слово было: Что? Бунтъ? — «Бунтъ, отвѣтствовалъ онъ, но не созрѣлъ. Дай Богъ управиться нашему Государю поскорѣе съ поляками, управится и съ сими». Затѣмъ говорилъ мнѣ о многихъ важныхъ предметахъ, посматривая, дабы не забыть какого, въ свою записку, и между прочимъ, что въ нѣкоторомъ домѣ, гдѣ находился и бывшій градо-иркутскимъ благочиннымъ протоіерей Василий Шастинъ, чиновникъ, служащий при генераль-губернаторѣ, человѣкъ очень честныхъ правилъ, Воиновъ произнесъ съ силою духа: «Муравьевъ хочетъ быть сибирскимъ принцемъ; онъ раздаетъ офицерамъ деньги; я имѣю данное мнѣ отцомъ моимъ двухствольное ружье — я первый застрѣлю его и не допущу до сего».

«На вопросъ: кто Медокъ, о коемъ выше мною упомянуто? градской голова отвѣтствовалъ: это генеральский сынъ, сосланный въ Сибирь за то, что въ 1812 году собираясь въ Грузіи войска, ложно представляя себя флигель-адъютантомъ; что кромѣ его есть здѣсь Раевскій, и что когда я былъ еще на пути изъ Пензы въ Иркутскъ, распространилась молва, что я виной ссылки его, Раевскаго, въ Сибирь, что онъ часто проводить время у Муравьева, покупаетъ водку на заводѣ близъ города и развозить оную для продажи по селеніямъ, и что онъ подъ чужимъ именемъ держитъ гоньбу почтовую. При семъ я вспомнилъ, что еще когда я былъ ректоромъ въ Бессарабіи, то мною первоначально было открыто зловредное для государства ученіе, которое преподавалъ бывшій тогда маіоромъ сей Раевскій юнкерамъ въ военномъ бессарабскомъ Лицѣ. Тогда дивизіоннымъ генераломъ въ Кишиневѣ былъ Михаилъ Федоровичъ Орловъ, а корпуснымъ Сабанеевъ. Раевскій найденъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь. Съ головою симъ, могу сказать, истинно великимъ мужемъ и патріотомъ, я разставался въ слезахъ и симъ возбудилъ и въ немъ слезы. При послѣднемъ прощаніи я сказалъ ему: «Мы оба постраждемъ». «Остается цѣлая вѣчность, тамъ будемъ награждены, отвѣтствовалъ

онъ; но не должно еще терять надежды, на нашей сторонѣ Богъ». — «Насъ не много, возразилъ я, да притомъ за нами смотрятъ». «О, чрезвычайно много!» сказалъ онъ съ какою-то необыкновенною впечатлительностью и умиленiemъ, и, откланившись, ушелъ.

«Выше мною сказано о 4 числѣ сентября. По удаленіи меня отъ управления, на другой день, т. е. 4-го сентября ввечеру, ключарь градо-иркутского каѳедральнаго собора протоіерей Масюковъ съ причетниками собора, мною изъ Урики переведенными, занимался во время торжественнаго всенощнаго бдѣнія выноскою изъ колокольни каѳедральнаго собора какихъ-то вещей и покрылъ ихъ холстомъ на очень большое пространство между архіерейскимъ домомъ и соборомъ. На другой день, 5-го сентября, каѳедральный протоіерей Фортунатъ Пѣтуховъ объявилъ мнѣ, что во время всенощнаго бдѣнія некому было пѣть, потому что ключарь съ причетниками занимался выноскою желѣзныхъ шестовъ, бывшихъ подъ крышею собора, и что купецъ Николай Баснинъ припѣвалъ, стоя между народомъ, отчего происходилъ беспорядокъ въ церкви. Шесты-ли желѣзные или другое что-либо было покрыто холстомъ, мнѣ неизвѣстно, но сіе видѣли многіе, яко публично выставленное. На 6-е сентября ночью все было прибрано.

«Присовокупляю къ сему слова г. коменданта, говоренныя мнѣ однажды: «Дойдетъ до пушекъ», и случившіяся смуты въ обѣихъ столицахъ и возлѣ Новгорода, укрощеніе первыхъ самимъ Государемъ Императоромъ и Высочайший по сему случаю манифестъ. Носилось письмо объ истребленіи якобы корпуса Ридигера поляками и слухи о буйствахъ французовъ и объ имѣющей быть въ пользу поляковъ войнѣ ихъ съ Россіею, начавшейся якобы уже посредствомъ белгійцевъ и принца Оранского.

«При семъ взялъ еще въ соображеніе:

а) «Дѣйствія г. генераль-губернатора, бывшаго городничаго Муравьева и губернскаго правленія, по коимъ я съ подвѣдомыми мнѣ постоянно лишался законной защиты и получалъ всегда противные письменные отзывы, между тѣмъ какъ невинные страдали, на мѣсть святъ водворялась мерзость запустѣнія и буйство дерзновенныхъ торжествовало, подавая опасный примѣръ, что можно ненаказанно ругаться надъ законною властію.

б) «Отдѣленіе гражданскихъ чиновниковъ и почтеннѣйшихъ гражданъ отъ собора и разстройство духовенства чрезъ то, что г. генераль-губернаторъ устроилъ какъ-бы новый соборъ въ Воскресенской Тихвинской церкви, завѣль тамъ соблазнительную, по театральному напѣву, казачью пѣвческую, отдѣлилъ для себя особенное мѣсто, устроилъ возвы-

шенное со ступенями съдалище и принималъ особенную отъ священно-дѣйствующихъ честь.

в) «Покровительство ламизма между монголами и чрезъ то умноженіе ихъ ламъ и кумирень, распространеніе ихъ заблужденій даже между добрыми, готовыми цѣлыми тысячами принять св. крещеніе бурятами или братскими, и неуваженіе тѣхъ изъ нихъ, кои обращаемы были, или уже обратились. Вмѣсто Христа Спасителя нынѣ ознакомляются они съ Шишмуні, китайскій Фоэ, и явилось изображеніе его. Добродѣтельнѣйшій и неутомимый въ обращеніи ихъ подвижникъ, миссіонеръ іеромонахъ Нифонтъ, со скорбю о семъ преждевременно сошелъ въ мотилу.

г) «Свиданіе мое по секретному совѣту г. коменданта съ г. генераль-губернаторомъ въ его, генераль-губернатора, домѣ 10-го сентября, при коемъ никого не находилось и при коемъ г. генераль-губернаторъ непонятныя для меня или двусмысленныя рѣчи говорилъ и даже намекалъ, что по сибирскому учрежденію онъ можетъ перемѣнить самыя определенія высшей власти.

д) «Замки, устроенные по повелѣнію г. генераль-губернатора въ моемъ экипажѣ и распространившіеся по сему ужасные слухи.

е) «Присылку незнакомаго мнѣ чиновника Голубева.

ж) «Веревку на куполѣ подъ крестомъ каѳедральнаго собора, которую ключарь по повелѣнію моему снять не хотѣлъ и которая непрерывно напоминала мнѣ его слова, слышанныя имъ отъ священника, крайне неблагонадежнаго, Иоанна Шергина. Онъ говорилъ ихъ предъ народомъ тогда, когда при звонѣ во всѣ колокола возвышали на главы собора позолоченные кресты и когда народъ спрашивалъ его, Иоанна Шергина: зачѣмъ звонять? Слова тѣ заключались въ слѣдующемъ его отвѣтѣ народу: «Въ знакъ, что увезутъ нашего архіерея». — Куда? «Вонъ туда, за Ангару». Слова сіи произнесъ онъ задолго еще до моего удаленія. Веревку сію я показывалъ секретно и г. плаць-маюру Шушковскому послѣ 20-го сентября. Она снята уже предъ прибытіемъ преосвященнаго Мелетія въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

з) «Рѣчь, бывшую въ большомъ собраніи: «Архіерея увезутъ при колоколахъ», и насмѣшки посему священника Алексія Шергина. О семъ мнѣ сказывалъ каѳедральнаго собора священникъ изъ бурятъ, Николай Каноровскій. Сіи насмѣшки сбылись: Голубевъ тогда пришелъ ко мнѣ и требовалъ, дабы я вѣхалъ съ нимъ, когда звонили къ поздней обѣднѣ въ воскресный день во всѣ колокола, между тѣмъ какъ я ни въ моемъ домѣ,

ни па пути не слышаль отъ него, что мнѣ дается какой-либо срокъ для приготовленія, кромѣ словъ: «Вы должны ѿхать».

и) «Гробъ, видѣній мною въ Нижнеудинскѣй, протоіерея, пострадавшаго отъ гражданской власти, и таковыи-же архіерея, пострадавшаго тоже отъ гражданской власти, отстоящій недалеко отъ первого и находящійся въ Братскомъ Острогѣ, о которомъ мнѣ рассказывалъ при осмотрѣ Нижнеудинской церкви и ея погоста протоіерей Нарциссовъ, переведенный мною затѣмъ въ губернскій городъ Красноярскъ.

«Взявъ все сіе въ соображеніе, я заключилъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ обязанность вѣрноподданнаго Его Императорскаго Величества, носящаго на себѣ званіе архіепископа и не имѣющаго никакого свѣдѣнія о своемъ преемнике, между тѣмъ какъ въ С.-Петербургѣ нападали на врачей, и возлѣ Новгорода и въ Москвѣ по случаю колодцевъ произошли смуты, есть не спѣшить выѣздомъ изъ своей епархіи, но первому, ежели-бы надобность потребовала, положить душу свою за овцы, а вмѣстѣ избѣгнуть мученической смерти, которую искусно и безотвѣтно умѣль-бы для меня приготовить въ ономъ экипажѣ съ замками Голубевъ, и что на сей конецъ мнѣ слѣдуетъ ввѣрить себя коменданту; но какъ сей письменно отказался брать во мнѣ участіе, Голубевъ-же не внималъ никакимъ моимъ представленіямъ, а твердилъ только: «Вы должны ѿхать», то рѣшился я достигнуть сего посредствомъ гауптвахты, а потому и сказалъ Голубеву спокойно, а не въ изступленіи: «Пойдемъ». Онъ пошелъ; мы вышли изъ дома. Тутъ-же вблизи нась при соборѣ находился часовой (болѣе ихъ здѣсь не положено, и не было). Приближалася къ нему, я взялъ Голубева, не касаясь вовсе шпаги его, за бортъ мундира и отдалъ тому часовому, а вмѣстѣ и себя, приказывая ему не отпускать его, а между тѣмъ велѣль позвать изъ Московской заставы, недалеко отъ собора находящейся, другихъ часовыхъ служителей. При мнѣ казначея вовсе не было, а находился мальчикъ, который сіе и исполнилъ. Голубевъ въ сіе время произносилъ: «Кабрить! Кабрить!» но Кабрить не являлся. Пришли часовые изъ Московской заставы, тоже вблизи находящейся. Я велѣль нась обопихъ отвести туда. Мы пришли. Тутъ Голубевъ очень горячился и много говорилъ. Я сказалъ «Солдаты! вы обязаны исполнить долгъ вашей присяги въ вѣрности вашему Государю и отвести нась на гауптвахту». Имя Государя сильно потрясло гофрейтера (sic); онъ тотчасъ обезоружилъ двухъ солдатъ и велѣль отвести. По церквамъ звонили во всѣ колокола къ поздней обѣднѣ. Словъ моихъ никто, кромѣ солдатъ, слышать не могъ. Ежели кто встрѣчался, то я издали благословлялъ его. Возвышенныхъ словъ: «Православ-

ные воины»! я не говорилъ, а просто: «Солдаты», ибо ихъ было очень немного—при соборѣ одинъ и на заставѣ нѣсколько. Идучи на гауптвахту, въ душѣ моей молился, страшась, дабы Голубевъ не увлекъ меня къ генераль-губернатору, а не подло кричалъ: «Заштите меня, вашего пастыря! Голубевъ хотѣлъ меня зарѣзать» и тому подобное. Сіе я келейно и условно говорилъ, въ видѣ повѣствованія, послѣ происшествія 20-го сентября: «Зарѣзаль-бы, умертвиль-бы», и то предъ тѣми, коихъ считалъ себѣ благопріятствующими. По слухамъ вышеупомянутаго съ замѣками экипажа, предполагалъ, что меня въ немъ, яко съумашедшаго, заковаль-бы Голубевъ по рукамъ и по ногамъ и умертвиль-бы или голодомъ, или затрясъ-бы въ дурное осенне время по дурной дорогѣ, или зарѣзаль-бы, приписавъ сіе дѣйствію припадка моего съумашествія, ибо по этимъ указамъ отъ 27-го юля отдаваемъ былъ я чиновнику Голубеву, на случай разстройства ума моего въ пути, въ полное распоряженіе. Сіе говорилъ я еще и потому келейно, что послѣ происшествія 20-го сентября дошли до меня слухи, что генераль-губернаторъ предварительно, съ отходившемъ 19-го сентября почтою, послалъ донесеніе, якобы я въ припадкѣ съумашествія зарѣзался на пути и что потому Голубевъ на второй день, т. е. 20-го сентября, не допускалъ меня до сдачи собора, предполагая непремѣнно въ сей день рано или поздно увезти меня, имѣя на сей конецъ уже все изготовленнымъ и отчаянныхъ соумышленни-ковъ, въ видѣ казаковъ, которыхъ послѣ никто-бы отыскать не могъ, яко несостоящихъ въ спискѣ, и что сіе было причиною необыкновенной настойчивости его Голубева и словъ: «Вы должны ѿхать». Мои рѣчи, говоренныя келейно и переданныя тотчасъ, подали случай написать, что я ихъ говорилъ всенародно и предъ солдатами. И въ приложеніяхъ при всеподданійшемъ письмѣ къ Государю Императору отъ 29-го сентября я о семъ выражался. Мы пришли на гауптвахту. Я просилъ взять насть. Не было никакихъ дѣйствій. Голубевъ тотчасъ ушелъ, а я подъ столбомъ строенія стоялъ и плакалъ. Вообще отъ самаго дома до гауптвахты по большей части я былъ въ чувствѣ умиленія и кротости, какъ спасаю-щійся, а Голубевъ въ чувствѣ ярости и преобладанія, какъ преслѣдую-щій, такъ что и моимъ домашнимъ, и всѣмъ въ городѣ показалось, что меня Голубевъ хочетъ то заколоть шпагою своею, за которую онъ хватался, то якобы наносить мнѣ своими руками удары.

«Стоя при столбѣ строенія на гауптвахтѣ и плача, я увидѣлъ генераль-губернатора, стремящагося съ Кабритомъ въ шинели и фуражкѣ. На гауптвахтѣ забили ему дробь. Позади фронта я требовалъ, чтобы онъ передалъ меня коменданту, но вместо того онъ своими руками старался

втащить меня въ сѣни. Вскорѣ однако послалъ за комендантомъ. Отвѣтъ былъ: «боленъ». Меня опять тащилъ онъ, г. генераль-губернаторъ, въ сѣни; я вторично просилъ, чтобы послалъ за комендантомъ; послалъ, но отвѣтъ былъ тотъ-же: «боленъ».

«Замѣтивъ, что ярость г. генераль-губернатора умножается, и видя движенія его, при усилии втащить меня въ сѣни, крайне неблагопри-
стойными (отъ сего послѣ распространилась молва въ городѣ, что онъ мнѣ наносилъ удары), а притомъ увидѣвъ тутъ-же Муравьеву, Рыка-
чева и другихъ чиновниковъ, мнѣ неблагопріятствовавшихъ, я въ по-
слѣдній разъ попросилъ его, г. генераль-губернатора, дабы послалъ за
комендантомъ. Онъ послалъ, а я между тѣмъ пробрался къ офицеру
передъ фронта. Офицеръ изъявилъ мнѣ знакъ почтительности; подходив-
шихъ тутъ ко мнѣ я благословлялъ. Подѣлъ меня тотчасъ-же сталъ и
генераль-губернаторъ. Позади фронта, а не передъ фронтомъ, и въ сѣняхъ,
куда до прибытія еще г. генераль-губернатора я вошелъ однажды, гово-
риль солдатамъ, чтобы они любили своего Государя Императора Нико-
лая I. Я готовъ былъ первый умереть и не допустить въ городѣ или
епархіи, мнѣ ввѣренной, произойти злу, по связямъ какимъ-либо законо-
преступнымъ, которая я предполагалъ, какъ выше мною изъяснено и
о чёмъ я писалъ къ г. генераль-адъютанту Бенкендорфу отъ 11-го и 18-го
июля. Я хотѣлъ оправдать слова Государя Императора: «Избрать самаго
твѣрдаго и надежнаго и перевѣстъ въ Иркутскъ». Сверхъ сего, ссылаясь
на всю мою жизнь, съ самой первой юности посвященную на служеніе
церкви и отечеству. И въ Иркутскѣ каждый поступокъ и каждая бу-
мага моя то-же свидѣтельствовали. Мнѣ очень приятно повторять, что въ
Иркутскѣ, ежели-бы потребовала надобность, я первый желалъ умереть
за Царя, толико меня облагодѣтельствовавшаго.

«Оканчиваю: послѣ третьяго приглашенія коменданть немедленно
явился; я ту-же минуту отдалъ себя въ руки его, наскѣ окружили сол-
даты и отвели въ архіерейскій домъ.

«И здѣсь г. генераль-губернаторъ, при многочисленномъ собраниі
пochtеннѣйшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, бросался на меня
съ яростю и повелѣвалъ свести на низъ мокраго, усталаго, въ дурную
и холодную комнату, которую заблаговременно приготовили, а между
тѣмъ консисторекіе принялись опечатывать домъ. Коменданть и новый
городничій Тюменцевъ, человѣкъ честныхъ правилъ, испросили дозво-
леніе остататься мнѣ въ тѣхъ-же комнатахъ, кои до сего были занимаемы
мною, и прекратили опечатываніе. Такимъ образомъ, подъ вѣдѣніемъ
коменданта, плацъ-маюра и низкихъ военныхъ чиновъ находился я съ

20-го сентября по 21-го ноября, а съ сего числа поступиль въ вѣдѣніе г. жандармскаго подполковника Брянчанинова, который, отправясь со мною изъ Иркутска 26-го ноября, прибыль благополучно въ вологодскій Спасоприлуцкій монастырь 18-го декабря. Я ссылаюсь на него и на всѣхъ бывшихъ съ нимъ, замѣтили-ли они во мнѣ какой-либо беспорядокъ въ денно-ночномъ продолжительномъ пути.

«Послѣдствія оправдали мое дѣйствіе, приписываемое съумашествію, а не вѣрноподданнической пламенной любви къ своему Государю: открыты въ городѣ гражданскіе чиновники, уготовлявшіеся на убийство съ какими-то необыкновенными ножами; прекращены сигналы городскихъ часовъ; потушенъ благополучно пожаръ; не допущены до зажигательства, во время наступившей бури, два ссыльные въ архіерейскомъ домѣ. Училилось недѣйствительнымъ слово: «арсеналь», которое произнесъ архитекторъ Васильевъ при солдатахъ и унтеръ-офицерѣ, содержавшихъ карауль вокругъ иркутскаго архіерейскаго дома, о чёмъ мнѣ донесъ служитель келейный Адріанъ и протоіерей Василій Каноровскій, членъ консисторіи, прикомандированный ко мнѣ, и что должно быть не безъ извѣстно и г. плацъ-маіору и коменданту. Наконецъ, раздалось въ городѣ: «Варшава у ногъ Вашего Императорскаго Величества», и все затихло. Буйство на колокольняхъ города, производившее безвременій и непріличный звонъ въ теченіи августа и сентября, умолкло; явился преосвященный Мелетій; уѣхалъ и я мирно и достигъ благополучно мѣста своего. Не все я могу здѣсь объяснить, но вѣрю, что, ставъ передъ судомъ Божіимъ, не буду постыженъ.

4) «Чрезъ недѣлю посѣтили меня г. губернаторъ и г. комендантъ. Когда я принесъ бумаги къ нимъ, обѣщаю доказать по онымъ, что я здоровъ и не поврежденъ умомъ, то цѣль моя была обратить ихъ вниманіе не на меня, а на преосвященнаго Мелетія. Между прочимъ, представляя я имъ и краткій печатный циркулярный обомнѣ указъ, напечатанный по случаю перемѣщенія моего изъ Пензы въ Иркутскъ, и утверждалъ, что такой-же циркуляръ былъ-бы и о преосвященномъ Мелетіѣ, ежели-бы истинно было мое удаленіе, а его перемѣщеніе, но сего нигдѣ не имѣется. Г. гражданскій губернаторъ не хотѣлъ понимать меня и говорилъ не отъ сердца, а софистически; софизмы я и называлъ софизмами, а свою рѣчь, ссылаясь на указъ 1773 года отъ 19-го октября, подкѣпляя тѣмъ, что безъ печатаемыхъ, и то не губернскими правленіями, а высшимъ правительствомъ, указовъ, появлялись-бы самозванцы и Пугачевы. Они ничему не внимали и хотѣли уйти съ тѣмъ-же обо мнѣ предубѣжденіемъ. Я сдѣлалъ видъ, сидя, впрочемъ, на канапѣ и держась за столъ, будто

хочу опуститься на колѣни и просить ихъ выслушать меня, дабы убѣдиться въ истинѣ. Симъ способомъ я успѣлъ представить г. гражданскому губернатору еще самое важное измѣненіе формы, подкрайнившее мое сомнѣніе, а именно, что даже въ письменномъ указѣ о преосвященномъ Мелетіѣ въ рѣчи: «для свѣдѣнія дать знать», пропущены слѣдующія слова: «московской и грузино-имеретинской св. синода конторамъ»; при словахъ: «епархіальныи архіереямъ», пропущено слово: «и про-чимъ», а также пропущены слова: «ставропигіальныи лаврамъ и монастырямъ и типографской конторѣ».

«Мнѣ известно было мое удаленіе въ маѣ мѣсяцѣ». Сіи слова говорилъ по слѣдующимъ причинамъ: есть въ Иркутскѣ Баснины, купцы кяхтинские, люди богатые. Они пользуются особенною милостію г. генералъ-губернатора. О Николаѣ Баснинѣ разсказывалъ мнѣ самъ г. комендантъ, что сей человѣкъ былъ причиною наказанія шпицуромъ (sic) по чину болѣе, нежели унтеръ-офицера, артиллериста Дементьева, и сдѣлалъ другихъ несчастными, не признавъ подиши руки своей, дабы не уплатить 500 руб., хотя, говоря по совѣсти, оная его была. Брать сего Николая Баснина, Петръ Баснинъ, обратилъ на меня все свое мщеніе за то, что родную сестру его, игуменью Иларію, удалилъ я послѣ многихъ напоминаній отъ управления монастыремъ, поелику вовсе безграмотна и допустила управлять онымъ брата своего, сего Петра Баснина, сдѣлавшагося причиною всѣхъ соблазновъ и злоупотребленій по оному, о чемъ я донесъ и св. синоду. Сей Петръ Баснинъ распространялъ еще въ маѣ мѣсяцѣ молву, что меня скоро не будетъ; что онъ для сего отправляется въ Россію, и неизвѣстно, почему и для чего говорилъ: «Ежели я напишу въ мое защищеніе пять словъ, то у него готовы 5000 руб., ежели десять, то 10,000 руб., ежели сто, то 100,000 рублей». — И дѣйствительно, онъ взялъ съ собою все свое семейство и отправился въ Россію. Въ Иркутскѣ получены письма изъ Пензы, писанныя тамъ 17-го июня (за полтора мѣсяца до Высочайшаго утвержденія доклада св. синода о моемъ удаленіи), что меня постигло величайшее несчастіе. И нынѣ сей Петръ Баснинъ со всѣмъ своимъ семействомъ разѣзжаетъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, къ удивленію многихъ, что небезъизвѣстно и г. жандармскому полковнику Александру Петровичу Маслову, встрѣтившемуся со мною недалеко отъ Перми.

«О 15.000, яко адресованныхъ на мое имя, я имѣлъ право говорить предъ г. губернаторомъ, и онъ, признавая справедливость моей рѣчи, прощааясь со мною, очень благосклонно отвѣтствовалъ: «Отыщемъ»,

а не говорилъ: «Вы шутите», не упрекалъ и я тоже г. губернатора за дружбу съ архимандритомъ Иларіемъ.

«Я собиралъ всѣхъ священниковъ». Никогда! Не должностъ епархіального архіерея меня занимала, но долгъ мой по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ и глубочайшаяувѣренность, что указы подложны и что слѣдовательно, по обыкновенному порядку вещей, исполнивши долгъ мой, я останусь при должностіи.

«Я дарилъ имъ». Дарилъ, желая пѣкоторыхъ изъ духовенства, способнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ, возбудить дѣйствовать со мною во благо церкви святой.

«Прочія рѣчи, приписываемыя мнѣ г. губернаторомъ и комендантомъ, считаю или превращенными, или ужасными и крайне для меня обидными, по неприкосновенности и мыслию къ какому-либо злому преднамѣренію.

«Въ заключеніе, осмѣливаюсь изъясниться: въ необыкновенные времена между необыкновенными людьми, на предѣлахъ отдаленнѣйшаго края обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи, всѣми моими силами старался я распространить добро, руководствуясь правилами Господа нашего Иисуса Христа и исполняя въ точности указы Его Императорскаго Величества и св. правительствующаго синода. Въ краткое время я успѣлъ ввести во многомъ надлежащей порядокъ. Всѣ добрые меня любили.

«То, что признавалъ указы подложными, не было во мнѣ притворствомъ ни на одну минуту. Наказаніе отъ моего начальства всегда принималъ и буду принимать до послѣдняго издыханія моего, ежели-бы оно и усилено было напредъ до возможной степени, какъ сладость закона. Одни ужасы беззаконія были для меня несносны. Но я былъ-бы гордъ, ежели-бы терялъ надежду. А потому смиреннѣйше прошу св. правительствующій синодъ ходатайствовать обо мнѣ предъ правосуднѣйшимъ, но вмѣстѣ и милосерднѣйшимъ Монархомъ нашимъ» ¹⁾.

Послѣ этого объясненія, въ которомъ представляется такая чудная и странная смѣсь здравыхъ мыслей съ бредомъ полупомѣшаннаго, суждений мужа опытнаго съ понятіями ребенка или съ грезами одержимаго горячкою—Иринея подвергли, въ присутствіи епископа Стефана, редактора вологодской семинаріи Евтихіана и игумена Израїля, медицинскому освидѣтельствованію чрезъ инспектора вологодской врачебной управы Энгельмейера и акушера Карпинскаго. Замѣчательнъ журналъ, состав-

¹⁾ См. дѣло обѣ удаленіи архіепископа Иринея отъ управлениія иркутскою епархіею и о прочемъ.

ленный послѣ этого освидѣтельствованія: «Архіепископъ Ириней, при хорошемъ видимомъ тѣлосложеніи, пользуется, какъ объясняетъ, довольно постояннымъ тѣлеснымъ здоровьемъ. Относительно умственныхъ способностей наблюдано: въ разговорахъ, объясняющихъ случившіяся съ нимъ, архіепископомъ Иринеемъ, происшествія, соблюдаетъ тождество и одинаковую послѣдовательность онъ съ припамятованіемъ даже самыхъ мелкихъ подробностей. Въ самомъ образѣ изложенія видна должная связь идей предшествующихъ съ послѣдующими. Въ произношеніи выраженій не замѣчается порывовъ страсти, столь обыкновенной у потерявшихъ равновѣсіе мыслящихъ способностей. А посему заключаемъ, что архіепископъ Ириней во дни наблюденія, при хорошемъ состояніи физического здоровья, находился въ здоровомъ состояніи и душевныхъ способностей. На вопросъ-же: не замѣчается-ли въ архіепископѣ Иринѣ слѣдовъ бывшаго разстройства ума? отвѣтъ ни утвердительно, ни отрицательно наблюденіемъ не пріобрѣтено основанія, доколѣ повтореніе подобного припадка (если дѣйствительно онъ былъ), или совершение онаго отсутствіе въ послѣдствіи времени, не поведетъ къ рѣшительно вѣрному на сей предметъ заключенію» ¹⁾.

Занятія иркутской слѣдственной комиссіи по дѣлу Иринея были гораздо многосложнѣе и труднѣе, чѣмъ занятія вологодской. Ей предлежало допросить и снять показанія съ тѣхъ лицъ, которыхъ или были прикосновенны къ дѣлу Иринея, или могли свидѣтельствовать, какъ очевидцы о тѣхъ происшествіяхъ, на которыхъ онъ указалъ въ своихъ объясненіяхъ вологодской слѣдственной комиссіи, а также дознать справедливость и истину доносовъ Иринея касательно безпорядковъ по иркутской епархіи, о коихъ онъ упомянулъ въ этихъ-же объясненіяхъ. Такимъ образомъ, дѣйствія иркутской слѣдственной комиссіи распались на три части: сначала она занялась отобраніемъ показаній отъ протоіерея Каноровскаго и іеродіакона Паисія, принявшихъ сторону Иринея, или лучше, увлеченныхъ имъ, потомъ повѣркою ссылокъ Иринея на лица, будто бы бывшія свидѣтелями описываемыхъ имъ происшествій, т. е. допросомъ купца Трапезникова, эконома Варлаама и исправлявшаго должностъ секретаря иркутской консисторіи Любославова, и, наконецъ, разслѣданіемъ о напечатанныхъ въ Иркутскѣ ставленническихъ граматахъ,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ журналъ, составленный при вологодскомъ архіерейскомъ домѣ 28-го декабря 1831 года, а также свидѣтельство о состояніи здоровья архіепископа Иринея, произведенное инспекторомъ врачебной управы и акушеромъ.

антиминсахъ, о св. мурѣ и другихъ безпорядкахъ. Каноровскій, убѣжденный Иринеемъ въ подложности указа объ удаленіи его отъ управлѣнія иркутскою епархіею, извѣстилъ о подложности указа мѣстную консисторію и отрапортовалъ синоду. Іеродіаконъ Паисій, бывшій келейникомъ при Иринеѣ, видѣлъ сцену, происшедшую между Иринеемъ и чиновникомъ Голубевымъ, когда послѣдній явился къ Иринею, чтобы взять его и бѣхать съ нимъ въ Вологду. Со словъ Паисія, какъ очевидца происшествія, составлены были Каноровскимъ и экономомъ архіерейскаго иркутскаго дома рапорты въ иркутскую консисторію и синодъ, но въ этихъ рапортахъ происшествіе изображалось совсѣмъ не такъ, какъ оно представлено мѣстными иркутскими гражданскими властями, даже было разнорѣчіе въ нихъ самихъ. Оба эти лица, еще прежде производства формальнаго надѣя ними слѣдствія, подверглись наказанію: Каноровскому было запрещено священнослуженіе, благословеніе рукою, ношеніе рясы, документы на званіе священника отъ него отобраны, его самого заключили въ монастырь подъ присмотръ, чтобы не разглашать своихъ неосновательныхъ сомнѣній, а если въ этомъ будетъ замѣченъ, то, для предупрежденія вредной молвы, вѣдьно было отдать его подъ арестъ въ вѣдѣніе губернскаго начальства ¹). Что-же касается до Паисія, то о немъ въ журналѣ св. синода отъ 4-го ноября 1831 года постановлено было: «Какъ въ рапортахъ эконома архіерейскаго дома съ братіею и присутствующаго консисторіи протоіерея Каноровскаго описано бывшее происшествіе архіепископа Иринея съ чиновникомъ Голубевымъ и прочими совершенно различно, и какъ подъ обоими сими рапортами въ вѣрности происшествія подписался іеродіаконъ архіерейскаго дома Паисій; то, по сомнѣнію въ неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ его, Паисія, предписать преосвященному Мелетію, архіепископу иркутскому, запретить ему священнослуженіе и учредить за нимъ строгій надзоръ впредь до общаго разсмотрѣнія обстоятельствъ оказываемаго архіепископомъ Иринеемъ сопротивленія ²). Слѣдственною иркутскою комиссию предложены были протоіерею Каноровскому слѣдующіе вопросные пункты: а) Почему онъ усомнился въ двухъ письменныхъ указахъ объ удаленіи отъ управлѣнія архіепископа Иринея и объ опредѣленіи на его мѣсто архіепископа Мелетія, тогда какъ объ указѣ, которымъ опредѣленъ архіепископъ Иринеѣ,

¹) См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ журналѣ св. синода отъ 30-го октября 1831 года по дѣлу объ оглашеніи указовъ св. синода архіепископомъ Иринеемъ подложными.

²) Тамъ-же.

также письменномъ, сомнѣнія не изъявлялъ, и когда о подлинности всѣхъ сихъ указовъ, кромѣ печати, свидѣтельствовали подписи оберъ-секретаря и секретаря, коихъ почеркъ по другимъ указамъ консисторіи извѣстенъ? б) Почему сомнѣніе объ указахъ, полученныхъ 3-го сентября, изъявилъ онъ не прежде, какъ 29-го сентября? в) Самъ-ли собою вошелъ онъ въ сіе сомнѣніе, или введенъ былъ кѣмъ-либо другимъ, и въ семь случаѣ какимъ образомъ сіе произошло? г) Какая именно несообразности и несходства двухъ указовъ съ прежде состоявшимися замѣтилъ онъ и почему разности сіи призналъ сомнительными? д) Объявилъ-ли онъ о своемъ сомнѣніи консисторіи письменно или словесно, когда именно, и записано-ли то въ журналъ консисторіи, или нѣтъ, и почему? е) обнаруживалъ-ли свои сомнѣнія о подлинности указовъ, кромѣ консисторіи, предъ кѣмъ именно и съ какими обстоятельствами? ж) Отъ кого и какимъ образомъ узналъ онъ о третьемъ указѣ, послѣдовавшемъ на имя архіепископа Иринея, и о томъ, отъ какого числа сей указъ, и даже подъ какимъ номеромъ?—Каноровскій отвѣчалъ, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе преосвященнымъ Иринеемъ, который указалъ ему на несообразности въ указахъ св. синода и доказалъ, что указы объ удаленіи и перемѣщеніи архіереевъ должны быть непремѣнно печатные. Въ подлинности указа при опредѣленіи Иринея на иркутскую епархію онъ не имѣлъ слу-
чая сомнѣваться, потому что въ то время не былъ присутствующимъ въ консисторіи. Сличенія подписей на сихъ указахъ съ подписями оберъ-секретаря и секретаря св. синода на другихъ указахъ не сдѣлалъ потому, что былъ совершенно убѣжденъ словами преосвященнаго Иринея въ под-
ложности первыхъ. Сомнѣніе свое въ указахъ объявилъ иркутской ду-
ховной консисторіи 28-го сентября, а составленъ-ли о семъ журналъ, о томъ не знаетъ; другимъ-же о подложности указовъ не говорилъ. О третьемъ указѣ узналъ отъ преосвященнаго Иринея. Въ заключеніе сво-
его объясненія, Каноровскій присоединилъ, что онъ не хотѣлъ было доно-
сить св. синоду о своемъ сомнѣніи, но былъ принужденъ къ тому раз-
личными увѣреніями и даже устрашиваніемъ архіепископа Иринея, «что ежели я о семъ не донесу, то долженъ буду лишиться сана и чести. Преосвященный Ириней даже черновой рапортъ, написанный мною, по-
правлялъ своею рукою».

Паисій, спрошенный слѣдственою комиссию о причинѣ данныхъ имъ разнорѣчивыхъ показаній о происшествіи, случившемся 20-го сен-
тября 1831 г. у архіепископа Иринея съ чиновникомъ Голубевымъ, отвѣ-
чалъ, что онъ, будучи родомъ изъ молдаванъ, худо понимаетъ русскій
языкъ, а потому, понадѣявшись, что въ рапортахъ эконома архіерейскаго

иркутского дома и протоиерея Каноровского все происшествие описано по справедливости, подпись оба эти рапорта, не читавши.

Послѣ Каноровского и Пансія комиссія начала допрашивать лицъ, которыхъ, по указанію преосвященнаго Иринея, были свидѣтелями происшествій, упоминаемыхъ имъ въ своихъ объясненіяхъ, именно купца Трапезникова, эконома Варлаама и чиновника Любославова.

Трапезникова подѣ присягою, при депутатѣ съ совѣтской стороны, спрашивали о содержаніи разговора его съ Иринеемъ 25-го августа, который (разговоръ), по словамъ Иринея, состоялъ въ слѣдующемъ: «Когда 25-го августа явился къ нему Трапезниковъ, первое Иринея къ нему слово было: что, бунтъ? Бунтъ, отвѣтствовалъ онъ, но не созрѣлъ; дай Богъ управиться нашему Государю поскорѣе съ поляками, управится Его Величество и съ сими». Потомъ Трапезниковъ разсказывалъ ему о нѣкоторомъ чиновнику Воинову, говорившемъ въ одномъ домѣ, что Муравьевъ хочетъ быть сибирскимъ принцемъ, раздаетъ офицерамъ деньги, и что онъ, Воиновъ, первый застрѣлить его и не допустить до того. При прощаніи съ Трапезниковымъ, архіепископъ Ириней сказалъ ему: «Мы оба постраждемъ»; на что отвѣтствовалъ Трапезниковъ: «Остается цѣлая вѣчность; тамъ будемъ награждены; но не должно еще терять надежды, на нашей сторонѣ Богъ». «Насъ немногого, возразилъ архіепископъ, да притомъ за нами смотрѣть». «О, чрезвычайно много!» сказалъ на то Трапезниковъ. При допросѣ Трапезниковъ отрекся отъ разговора своего съ преосвященнымъ Иринеемъ въ томъ видѣ, какъ онъ прописанъ въ указѣ св. синода; относительно иркутского городничаго Муравьевы сказалъ, что совѣтникъ Елисеевъ передавалъ ему свой разговоръ съ совѣтникомъ Воиновымъ, который находилъ дѣйствія Муравьевы подозрительными, словъ-же, что Муравьевъ желаетъ быть сибирскимъ принцемъ и раздаетъ солдатамъ деньги, не говорилъ. Въ разговорахъ съ архіепископомъ Иринеемъ иногда изъявлялъ желаніе, чтобы возмутители отечества были усмирены, а начинался-ли когда разговоръ между ними словами: «Что? бунтъ?» не помнить; словъ: «бунтъ, но не созрѣлъ», не произносилъ. Касательно готовности Воинова застрѣлить всякаго измѣнника отечества, хотябы въ томъ числѣ и Муравьевы, кажется, говорилъ архіепископу Иринею, пересказывая ему вышеописанный слышанный разговоръ. О упованіи и надеждѣ на Бога и о покровительствѣ Его за всѣ добрыя дѣла, разговоръ былъ у нихъ нерѣдко; но былъ-ли такой разговоръ, который прописанъ въ указѣ св. синода, онъ не помнить.

Эконома Варлаама и чиновника Любославова спрашивали о происшествіи, бывшемъ, по словамъ Иринея, въ ночь съ 24-го на 25-е авгу-

ста, именно: было-ли въ это время въ Иркутскѣ какое-либо движение, похожее на бунтъ, сопровождавшееся выстрелами, даже возлѣ самой каменной стѣны архіерейскаго дома; дѣйствительно-ли было то, что, когда Ириней бросился изъ своей залы съ намѣреніемъ унять стрѣляющихъ, думая, что этотъ беспорядокъ происходитъ отъ служителей архіерейскаго дома, то Варлаамъ и Любославовъ какъ-бы нарочно готовы были для встрѣчи его и, взявъ его подъ-руки, не допустили до того мѣста, куда онъ стремился, но повели въ огородъ и велѣли ему прилечь на землѣ; потомъ, возвратясь всѣ въ келіи, они отвели его по темнымъ переходамъ и лѣстницамъ наверхъ дома, обѣщавъ всю ночь бодрствовать и удалять всякую опасность на случай какихъ-либо новыхъ происшествій, и что 25-го августа предъ заутреней они-же свели его съ чердака. Варлаамъ показалъ, что онъ слышалъ (впрочемъ, не по одинъ вечеръ) два выстрѣла какъ-будто изъ ружья, но не подѣлъ ограды архіерейскаго дома, а около католической церкви, причемъ никакого движения, похожаго на бунтъ, не было; архіепископъ Ириней, встревоженный этими выстрелами, просилъ его, эконома, гдѣ-либо укрыть себя; экономъ притасилъ преосвященнаго къ себѣ въ келію, откуда онъ неоднократно посыпалъ его слушать представлявшіеся ему стрѣльбу и колокольный звонъ. Несмотря на всѣ увѣренія Варлаама, что ни стрѣльбы ни звона нѣть, архіепископъ Ириней вышелъ изъ келіи съ намѣреніемъ найти себѣ убѣжище въ семинаріи; по дорогѣ къ огороду, около деревяннаго флигеля, они встрѣтили исправляющаго должностъ секретаря Любославова, который пошелъ съ ними-же. Пришель въ огородъ, архіепископъ Ириней порывался было пройти въ семинарскій корпусъ, но они, экономъ и Любославовъ, удержали его отъ этого и онъ легъ между грядами, пославъ Варлаама за ворота узнать, что тамъ дѣлается. Когда возвратившійся экономъ увѣрилъ преосвященнаго, что никакой опасности не предстоитъ, тогда всѣ трое пришли въ архіерейскій домъ, гдѣ Ириней, по нѣкоторомъ времени, снова началъ тревожиться. Наконецъ, онъ приказалъ отвести себя на чердакъ, гдѣ и пробылъ до разсвѣта, совершенно одинъ, успокоенный обѣщаніями Варлаама и Любославова, что они будутъ надѣять бодрствовать всю ночь. Архіепископъ Ириней во время описанного происшествія представлялся чрезвычайно испуганнымъ, такъ что дрожалъ и даже отдавалъ经济ому и Любославову деньги, которыхъ онъ, послѣ ихъ отказа принять, положилъ за шкафъ, находящійся на чердакѣ. Преосвященнаго Иринея经济омъ встрѣтилъ въ сѣняхъ архіерейскаго дома, куда онъ вошелъ, по предварительному извѣщенію мальчика о встревоженномъ состояніи архіерея, и увидѣлъ его дѣйствительно чрезвычайно смущеннымъ. Любо-

славова показаніе представляеть значительныя разности съ показаніями эконома, именно: Любославовъ говоритьъ, что онъ выстрѣловъ не слыхалъ, въ огородъ Иринея не сопровождалъ, призванный въ архіерейскій домъ, встрѣтилъ архіепископа въ испуганномъ видѣ уже сходящимъ съ лѣстницы, ведущей на задній дворъ, въ сопровожденіи эконома и вдоваго діакона Суслова, и что слѣдовалъ за преосвященнымъ по его приказанію только до воротъ огорода, откуда былъ имъ отпущенъ домой. Впрочемъ, Любославовъ на очной ставкѣ, данной ему съ экономомъ Варлаамомъ, извинялъ себя въ разнорѣчіяхъ давностію происшествія, по причинѣ которой не помнить всѣхъ его подробностей.

Изъ доносовъ Иринея о безпорядкахъ по иркутской епархіи одни оправдались, другіе оказались преувеличенными, иѣкоторые-же совсѣмъ несправедливыми. Такъ, касательно напечатанныхъ въ Иркутскѣ гражданскими буквами ставленническихъ граматъ открылось, что въ 1826 году, при архіепископѣ Михаилѣ, ихъ было отпечатано 25 экземпляровъ и изъ нихъ 8 выдано діаконамъ церквей, состоящихъ въ вѣдѣніи красноярскаго, канскаго, нижнеудинскаго и троицкосавскаго духовныхъ правленій. Точно также была заказана архіепископомъ Михаиломъ Григорію Золотареву мѣдная доска для печатанія антиминсовъ и въ одной церкви, освященной лично покойнымъ преосвященнымъ Михаиломъ (Алзамаевской), антиминсъ былъ не печатанный, а рисованный¹⁾). Но оказался преувеличеннымъ извѣтъ Иринея о томъ, будто-бы генераль-губернаторъ Лавинскій устроилъ въ Воскресенской Тихвинской церкви, какъ-бы новый соборъ, завелъ тамъ соблазнительную по театральному напѣву казачью пѣвческую, отдалъ для нея особенное мѣсто, устроилъ возвышенное со ступенями сѣдалище и принималъ отъ священнодѣйствующихъ особенную почесть. Отобранныя по этому предмету объясненія отъ протоіерея Громова и причта Воскресенской церкви обнаружили слѣдующее: 1) Что въ означенной церкви не было ничего, отличающаго ее отъ обыкновенныхъ приходскихъ, кромѣ, можетъ быть, иѣкотораго благолѣпія, зависѣвшаго отъ усердія прихожанъ, изъ коихъ многіе принадлежали къ богатому купечеству, и кромѣ хожденія въ нее генераль-губернатора, вслѣдствіе чего въ эту-же церковь собирались и почти всѣ чиновники. 2) Пѣвчіе, по распоряженію бывшаго иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина, набраны изъ казачьихъ дѣтей и по распоряженію настоящаго генераль-гу-

¹⁾ См. въ дѣлѣ обѣ удаленіи Иринея рапортъ св. прав. синоду отъ преосвященнаго Мелетія, архіепископа иркутскаго, отъ 24-го сентября 1832 года.

бернатора въ этой церкви во всѣ воскресеніе и праздничные дни поють патріесно; впрочемъ, ничего соблазнительнаго въ пѣніи не замѣчено. Сверхъ того, эти-же самые пѣвчіе неоднократно пѣвали литургію и въ соборѣ при архіепископѣ Михаилѣ, а преосвященныи Иринеемъ были поставлены въ образецъ архіерейскімъ, такъ что надзирающій за генераль-губернаторскімъ хоромъ надворный совѣтникъ Константиновъ, съ регентомъ архіерейскаго хора, бывали по вечерамъ въ покояхъ архіепископа Иринея и руководствовали тамъ архіерейскихъ пѣвчихъ. 3) Означенные генераль-губернаторскіе пѣвчіе дѣйствительно, съ согласія покойнаго архіепископа Михаила, имѣли помѣщеніе, и то лишь для приготовленія къ пѣнію, а не для постояннаго жительства (ибо они имѣютъ дома), въ камennомъ домѣ, принадлежащемъ къ Воскресенской церкви, нижъ тогда не занятомъ, по неимѣнію въ немъ оконъ и службъ; но послѣ, когда домъ сей купцами Трапезниковыми, помнится, въ 1829 г., съ позволенія архіепископа Михаила, былъ исправленъ для помѣщенія неимущихъ, то пѣвчіе неизвѣстно кѣмъ изъ сего дома высланы. Нынѣ-же въ означенномъ домѣ проживаетъ діаконъ Воскресенской церкви Василий Ивановъ съ семействомъ. 4) Генераль-губернаторъ Лавинскій никакого возвышенаго со ступенями сѣдалища не устроилъ; а хотя въ холодной Воскресенской церкви и есть подъ хорами близъ арки по обѣимъ сторонамъ два возвышенныя мѣста, но мѣста сіи еще устроены губернаторомъ Трескинымъ, и на нихъ генераль-губернаторъ, всегда занимающій мѣсто подъ праваго клироса, никогда не стоялъ. Случалось, что для дочери его, фрейлины Лавинской, поставлялись, впрочемъ безъ всякаго со стороны ея предварительнаго распоряженія, а единствено по предосторожности страсти церковнаго, кресла, но она никогда на оныя не саживалась, а только въ случаѣ ослабленія иногда облокачивалась. 5) Никогда и никакой особенной чести генераль-губернаторъ отъ священодѣйствующихъ не требовалъ и таковой ему не оказывалось, кромѣ а) что, по приказанію покойнаго архіепископа Михаила, обѣдня не начиналась до прибытія генераль-губернатора, а это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы онъ, по приходѣ въ церковь, не могъ найти священнослужителей еще неготовыми къ начатію литургіи. Протоіерей Громовъ докладывалъ объ этомъ архіепископу Иринею и не получилъ запрещенія. 6) При выходѣ съ Евангеліемъ генераль-губернаторъ имѣть обыкновеніе кланяться священодѣйствующему, который на это отвѣчаетъ ему также поклономъ. 7) Предъ окончаніемъ литургіи, генераль-губернатору чрезъ діакона подносима была просфора и красное вино, такъ какъ сю почестъ оказывалъ ему и преосвященный архіепископъ Михаиль. Наконецъ, доносы Иринея о св. мурѣ и растратѣ

консисторію суммы, пожертвованной митрополитомъ Серафимомъ на камчатское училище, оказались совершенно несправедливыми. Ключарь иркутского собора отрекся отъ словъ, которыя приписалъ ему Ириней о св. мурѣ, что его достанетъ на сто лѣтъ. При освидѣтельствованіи св. мура, въ присутствіи преосвященнаго Мелетія, его оказалось, примѣрно, полтора ведра изъ двухъ ведерь, полученныхъ изъ московской св. синода канторы 28-го ноября 1824 года.

Сумма, назначенная на камчатское училище и, по словамъ Ирина, растратаенная иркутскою консисторію, оказалась въ цѣлости, и къ тому-же она не только не находилась въ распоряженіи консисторіи, но даже и въ вѣдѣніи ея.

Этимъ кончилось изслѣдованіе о поступкахъ Ирина, которое потомъ было представлено въ св. синодъ на окончательное обсужденіе и для произнесенія приговора Иринею и тѣмъ лицамъ, кои были, болѣе или менѣе, замѣшаны въ его дѣлѣ. Синодъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: «Подле-жащіе въ семъ дѣлѣ разсмотрѣнію поступки архіепископа Ирина, а именно: непризнаніе подлинными указовъ св. правительствующаго синода безъ достаточной на то причины и подъ предлогомъ опасности жизни отъ чиновника Голубева, публичное порученіе себя защитѣ военной стражи, оказываются сдѣланными не въ здравомъ состояніи ума по слѣдующимъ признакамъ: 1) Предъ вышеозначенными поступками, съ 24-го на 25-е августа 1831 года, вечеромъ, архіепископъ Ириней, по случаю двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ не вблизи отъ архіерейскаго дома, несмотря на то, что таковыя случались и въ другіе вечера, представлялся, какъ свидѣтельствуетъ экономъ Варлаамъ, чрезвычайно испуганнымъ, такъ что дрожалъ, просилъ эконома гдѣ-либо прикрыть себя; представлялась ему, архіепископу, продолжающаяся стрѣльба и звонъ, чего совсѣмъ не было; хотѣлъ онъ скрыться въ семинаріи; съ тою-же цѣлію ложился въ огородѣ между грядами, а потомъ до конца ночи скрывался на чердакѣ; даже и тогда, какъ ночь прошла благополучно, архіепископъ не увѣрился въ ничтожности вечерняго приклю-ченія, но, какъ самъ показываетъ, поутру 25-го августа, пришедшему градскому главѣ Трапезникову первое слово его, архіепископа, было: «Что? бунтъ?» 2) Въ показаніи, данномъ архіепископомъ Иринеемъ 23-го де-кабря 1831 года въ Вологдѣ, встрѣчаются такія соединенія понятій, каковыхъ здравомыслящий человѣкъ употребить не можетъ, напр., взявъ онъ, архіепископъ, въ соображеніе, между прочимъ, веревку на куполѣ подъ крестомъ каѳедрального собора, которую ключарь по повелѣнію его не хотѣлъ снять, заключилъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ обязан-

пость върношодданаго есть—не спѣшить выѣздомъ изъ своей епархіи, но первому, ежели-бы надобность потребовала, положить душу свою за овцы. Онъ прибавляетъ, что веревку сю секретно показывалъ плаць-маюру Шушковскому послѣ 20-го сентября, и что она снята уже предъ прибытіемъ преосвященнаго Мелетія въ ноябрѣ. Хотя изъ того-же показанія видна простая причина повѣшенія сей веревки, а именно поднятіе позолоченныхъ крестовъ на главы собора, но архіепископъ, несмотря на то, давалъ и продолжаетъ давать сей веревкѣ какое-то таинственное значеніе, соединенное, будто-бы, съ опасными для общественнаго спокойствія предпріятіями. 3) Подобное разстройство мыслей обнаруживается и въ способѣ, какимъ оправдываетъ преосвященный Ириней свое сомнѣніе о подлинности синодскаго указа. Человѣкъ, находящійся въ состояніи полнаго здравомыслія, не извлекъ-бы важнаго сомнѣнія изъ употребленія одной буквы Г вмѣсто Г въ подписи бывшаго оберъ-секретаря Гаврилы Журихина, тогда какъ сомнѣніе разрѣшили всѣ прочія буквы его подписи, почерка довольно оригинального, и, по долговременной службѣ сего чиновника, извѣстнаго по всему вѣдомству духовному. Если-же предположить, что архіепископъ притворно вводилъ подозрѣніе на подлинность указа, чтобы имѣть предлогъ не исполнить онаго, то и въ семъ случаѣ только нездравомыслящему, можно было увѣрить себя, что онъ удержится на мѣстѣ, увѣривъ подчиненныхъ въ подложности указа, какъ-будто правительство и не свѣдѣаетъ о семъ и не употребитъ мѣръ для выполненія своего подлиннаго указа. 4) Изреченіе архіепископа Иринея, что Мелетія нѣть и быть не можетъ, также не иначе могло быть произнесено, какъ въ состояніи нездравомыслія; ибо онъ не могъ не знать о существованіи Мелетія, какъ епископа одной изъ ближайшихъ епархій, и о возможности переведенія его въ Иркутскъ. Посему хотя поступки архіепископа Иринея, какъ противные подчиненности и соединенные съ явнымъ соблазномъ, подвергали-бы его строгой отвѣтственности; но, приемля въ разсужденіе, что архіепископъ Ириней сдѣлалъ оные въ припадкахъ нездравомыслія, что симъ обстоятельствомъ сколько уменьшается виновность его дѣйствій, столько-же увеличивается потребность снисхожденія къ его лицу и, по возможности, краткаго съ нимъ обращенія, въ предосторожность возврата припадковъ умоповрежденія, приключившихся, какъ примѣтно, отъ излишней мнительности, духа подозрѣнія и опасенія бѣдственныхъ происшествій; что, наконецъ, при всей несообразности его поступковъ, не обнаружилъ онъ въ нихъ никакой неблагонамѣренности, а напротивъ того, оказывалъ намѣреніе въ опасностяхъ, хотя впрочемъ погрѣшительно предполагаемыхъ, соблюсти долгъ върноподданнической

присяти Его Императорскому Величеству; то 1) архієпископа Иринея, какъ уже изъ иркутской епархіи удаленнаго, а въ сдѣланныхъ поступкахъ припадками умоповрежденія извиняемаго, отъ дальнѣйшей по сему дѣлу отвѣтственности освободить. 2) Въ предосторожность могущихъ вновь послѣдовать публичныхъ беспорядочныхъ поступковъ отъ возврата припадковъ умоповрежденія, содржать его въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ безъисходно и не допускать до священнодѣйствія впредь до усмотрѣнія и особеннаго разрѣшенія св. синода. 3) Впрочемъ, какъ по донесеніямъ вологодскаго епископа въ поведеніи архієпископа Иринея въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ ничего предосудительного и беспорядочнаго не замѣчается, то для собственнаго душевнаго блага не возбранять ему при священнослуженіи другаго пріобщаться Св. Таинъ во св. алтарѣ, въ маломъ облаченіи. 4) Вологодскому епископу предписать, чтобы при бдительномъ смотрѣніи за образомъ жизни и мыслей архієпископа Иринея, доносимо было о семъ синоду по третяму года» ¹⁾.

Государь утвердилъ рѣшеніе синода и далъ на немъ собственноручно слѣдующую резолюцію: «Согласенъ; о поведеніи его доносить по временамъ» ²⁾.

О протоіерѣ Каноровскомъ и іеродіаконѣ Паисіѣ постановлено было синодомъ: «Какъ протоіерей Каноровскій по дѣлу о неосновательномъ сомнѣніи въ подлинности указа св. прав. синода находится подъ запрещеніемъ въ священнодѣйствіи и лишенный рясы съ 18-го декабря 1831 года и съ того времени, содржась подъ надзоромъ въ иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, по свидѣтельству настоятеля сего монастыря, ведеть себя честно и мирно: то, пріемля въ уваженіе долговременную его, беспорочную до сего случая, службу, вмѣнить ему, Каноровскому, въ наказаніе понесенное имъ чрезъ два почти года запрещеніе и заключеніе въ монастырѣ, и, разрѣшивъ въ священнодѣйствіи, опредѣлить его на священническое мѣсто къ сельской церкви по усмотрѣнію преосвященнаго; касательно іеродіакона Паисія, котораго за лжествидѣтельство миѳіемъ епархіальнаго начальства положено, запретивъ въ священнослуженіи, опредѣлить въ послушническую должность на три года,—оное миѳіе утвердить ³⁾. Архимандриту Иларію и секретарю Конылову съ повытчикомъ Бурдуковымъ сдѣлать замѣчаніе за то, что они подписывали безъ постановленія

¹⁾ См. протоколъ св. синода, составленный о преосвященномъ архієпископѣ Иринеѣ 1832 г. мая 16-го и октября 24-го.

²⁾ См. предложеніе кнізя Мещерскаго св. синоду 16-го ноября 1832 года.

³⁾ См. протоколъ св. синода 1834 г. 14-го февраля.

консисторії отношеніе въ губернскую типографію о напечатанії ставленническихъ граматъ, и обязать иркутское епархіальное начальство впредь непремѣнно выписывать какъ ставленническія граматы, такъ и антиминсы изъ конторы московской синодальной типографії». Наконецъ, священнослужителямъ иркутской Воскресенской церкви подтверждено, «чтобы начатіе литургіи и прочихъ священнослуженій церковныхъ до прибытія генераль-губернатора не было отлагаемо и чтобы при вынесеніи св. Евангелія священнослужитель генераль-губернатору не кланялся и также, чтобы не было ему оказываемо при церковномъ богослуженіи другихъ отличій, каковыя, на основаніи 9-го изъ докладныхъ пунктовъ св. синода 1722 г. августа 12-го дня, предоставлены токмо Его Императорскому Величеству и Высочайшей фамилії»¹⁾.

По окончаніи слѣдствія, на преемникъ Иринея лежала обязанность разсмотрѣть и разобрать жалобы на Иринея обиженныхъ имъ лицъ, именно: протоіерея Флоренсова и Парнякова, которыхъ были известны и св. синоду. Преосвященный Мелетій передалъ дѣло какъ Флоренсова, такъ и Парнякова, суду мѣстной консисторіи. Флоренсовъ былъ совершенно оправданъ консисторію, съ мнѣніемъ которой согласился и Мелетій. «Поелику преосвященный Ириней, писала иркутская консисторія, опредѣленного по собственному усмотрѣнію своему присутствующимъ консисторіи и благочиннымъ священника Флоренсова отрѣшилъ отъ сихъ должностей за подписаніе, въ числѣ прочихъ присутствующихъ, апрѣля 3-го дня минувшаго 1831 г. доклада о протоіереѣ Никифорѣ Парняковѣ, который докладъ, по мнѣнію архіепископа Иринея, названъ законопреступнымъ, а не за нерадѣніе и опущеніе должности, что доказывается тѣмъ, что на другой-же день послѣ сдачи означенного доклада въ консисторію, т. е. 4-го же апрѣля, даль. онъ, преосвященный, обѣ отрѣшениіи его, Флоренсова, отъ присутствованія въ консисторіи и благочиннической должности предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, значится, что священника Флоренсова за нерадѣніе къ своей должности по благочинію, такъ что пьянствующіе имъ утаиваются, а прочее запущается, отрѣшить вовсе отъ присутствованія въ консисторіи и отъ благочиннической должности; но ни самъ не означилъ, ни по учиненной въ консисторіи справѣ не оказалось, чтобы пьянствующіе были Флоренсовыми утаиваемы и чтобы было какое-нибудь въ теченіи трехъ мѣсяцевъ нахожденія его, Флоренсова, при сей должности опущеніе, не видно: то сіе отрѣшеніе, какъ незаслуженное сдѣланное безъ суда и слѣдствія, не поставлять ему

¹⁾ См. протоколы 1832 г. мая 16-го и октября 24-го.

въ порокъ и безчестіе, но, какъ пристрастное, отнести, на основаніи указа св. прав. синода отъ 5-го сентября 1831 г., по Высочайшему повелѣнію состоявшагося, къ безпорядкамъ архіепископа Иринея»¹).

О Парняковѣ мнѣнія въ иркутской консисторіи раздѣлились: одни изъ ся членовъ признали его виновнымъ и отрѣшеніе его отъ консисторіи и собора правильнымъ, другіе-же напротивъ. Преосвященный Мелетій хотя и согласился съ мнѣніемъ членовъ, обвинившихъ Парнякова, но въ то-же время разрѣшилъ его въ священнослуженіи и оставилъ его на настоятельскомъ мѣстѣ при Воскресенской церкви. Сверхъ того, чтобы доставить ему случай совершенно оправдать себя и доказать свое усердіе и исправность по должности каѳедрального протоіерея, такъ какъ онъ архіепископомъ Иринеемъ былъ обвиненъ въ нерачительности по собору, преосвященный Мелетій назначилъ его съ прочими въ учрежденій комитетъ для освидѣтельствованія архіерейской ризницы и соборнаго имущества. Но, видно, обида, нанесенная Иринеемъ Парнякову, а равно и неблагопріятное для него рѣшеніе членовъ иркутской консисторіи до того сильно оскорбили его самолюбіе, что онъ сдѣлался нестоворчивъ и неуступчивъ, ничего не хотѣлъ дѣлать и требовалъ возвращенія себѣ всѣхъ прежніхъ должностей, а слѣдовательно и должности каѳедральнаго протоіерея. Домогательства Парнякова Мелетій представилъ на усмотрѣніе синода, который постановилъ отказать ему въ оныхъ.

Примѣчаніе. Ириней, во время пребыванія своего въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, молился и занимался чтеніемъ св. отцевъ. Поведеніе его здѣсь было тихо и безукоризненно. Преосвященный вологодскій въ рапортахъ своихъ св. синоду всегда отзывался объ Иринѣ съ весьма хорошей стороны, а потому синодъ сначала исходатайствовалъ ему право священнослуженія, потомъ право выѣзда изъ монастыря, наконецъ далъ ему въ управление богатый Толгскій монастырь около Ярославля. Но управление Иринея монастыремъ уже вынудило его, архимандрита, принести св. синоду нѣсколько жалобъ на бывшаго иркутскаго преосвященнаго.

¹) См. рапортъ преосвященнаго архіепископа Мелетія св. синоду отъ 29-го октября 1832 г., за № 170.

П. Ревизія тульской консисторії.

Ревизія тульской консисторії, произведенная въ 1834 году, слѣдуетъ въ хронологическомъ порядке непосредственно послѣ слѣдствія надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ. Ревизія эта представляеть въкоторыя замѣчательныя особенности: во 1-хъ, она была первою по духовному вѣдомству, возложеню на лицо свѣтское; во 2-хъ, лицо это посыпалось по Высочайшему повелѣнію и въ 3-хъ, касаясь, повидимому, безпорядковъ только въ консисторії, она имѣла, главнымъ образомъ, въ виду повѣрку дѣйствій мѣстнаго архіерея. Тульскимъ архіереемъ въ это время былъ Дамаскинъ. Нельзя сказать, чтобы его управлѣніе епархію шло хуже, чѣмъ у другихъ архіереевъ, и если онъ былъ жаденъ и корыстолюбивъ до цинизма и оставилъ послѣ себя довольно поразительныя и ясныя улики своего корыстолюбія ¹⁾, если онъ любилъ подарки и не былъ чистъ отъ грѣха симоніи ²⁾, былъ грубъ въ обращеніи и человѣкоугодливъ предъ людьми вліятельными и помѣщикаами до подлости и былъ готовъ втоптать въ грязь священника по самой недоказательной жалобѣ; если онъ требовалъ, чтобы всѣ духовные его епархіи за 100 саженъ до архіерейскаго дома снимали шапки и заставляли ихъ стоять по три часа зимою въ холодномъ коридорѣ, когда они являлись къ нему съ прошеніями; если, сверхъ того, онъ былъ недѣяленъ, любилъ комфортъ, а потому сохранилъ пріятную свѣжесть и даже румянецъ въ лицѣ до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни, былъ непотистъ и любилъ пристраивать своихъ племянницъ за духовныхъ тульской епархіи, которые нерѣдко злоупотребляли своими къ нему отношеніями, то всѣ эти грѣхи не были исключительной принадлежностью только одного Дамаскина. Сама тульская консисторія, на которую даже нельзя было жаловаться Дамаскину—такъ онъ ей потакалъ—хотя свое вольничала, грабила, дѣлала подлоги и представляла хаосъ по дѣло-производству, храненію суммъ и бумагъ, но по такимъ безпорядкамъ была не единственою. Многіе архіереи и многія консисторіи того вре-

¹⁾ Послѣ преосвященнаго Дамаскина остались сундуки, наполненные серебряными самоварами, подносами, деньгами и т. п. Когда преосвященный Димитрій, пріѣхавъ на похороны Дамаскина, увидѣлъ эти сундуки, то отвернулся отъ нихъ и плюнулъ.

²⁾ Страшнымъ бичемъ при Дамаскинѣ былъ экономъ тульского архіерейскаго дома Никаноръ, который отличался корыстолюбіемъ, мстительностью, гордостью и своимъ вліяніемъ на архіерея. Извѣстно, что при Дамаскинѣ однажды на воротахъ тульского архіерейскаго дома явилась слѣдующая надпись: «Здѣсь продаются самыя лучшія мѣста».

мени были не лучше, а между тѣмъ ревизіи не подвергались: Дамаскинъ и его консисторія въ этомъ случаѣ были просто несчастливы. Нечаевъ, прежде назначенія своего оберъ-прокуроромъ св. синода, занималъ должность директора тульской гимназіи и въ это время не только могъ узнать о беспорядкахъ тульского епархіального управлѣнія, но и быть ихъ очевидцемъ; сверхъ того, на бѣду Дамаскина, Нечаевъ въ бытность свою директоромъ гимназіи не только узналъ его съ худой стороны, но между ними даже возникли непріятныя отношенія. Когда Нечаевъ сдѣлался оберъ-прокуроромъ св. синода, то онъ, частью изъ мщенія, а частью изъ болѣе благородныхъ побужденій, искалъ случая обнаружить всѣ беспорядки по тульскому епархіальному управлѣнію. Случай этотъ скоро представился.

Въ 1833 году въ тульской епархіи случилось слѣдующее происшествіе: благочинный Новосильского уѣзда, села Богоявленскаго, по донесенію ему того-же села діакона Антонія Терентьевъ и сотскаго Васильева, представилъ тульскому епархіальному начальству, что 26-го июня тамошній помѣщикъ Давыдовъ, бывъ у приходскаго священника Григорьева, сдѣлалъ находившемуся тамъ помянутому діакону Терентьеву выговоръ за непоздравленіе его, Давыдова, съ прѣѣздомъ изъ Воронежа и пригласилъ его тогда-же къ себѣ, сказавъ, что имѣть къ нему надобность. Когда діаконъ и случившійся тутъ-же села Троицкаго священникъ Ивановъ пришли къ Давыдову, то онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу въ сѣни и велѣлъ имъ обоимъ нѣсколько времени подождать въ людской. Священникъ Ивановъ не захотѣлъ дожидаться, діаконъ-же остался въ людской, куда вскорѣ вошелъ Давыдовъ и ударилъ его въ щеку, будто-бы за непокорность мѣстному своему священнику. Когда же діаконъ, желая уйти, выбѣжалъ на дворъ, то Давыдовъ приказалъ догнать его своему старостѣ Никитину и пяти дворовымъ людямъ, которые схватили діакона у самыхъ воротъ, гдѣ и начали его раздѣвать; вслѣдъ за симъ вошли во дворъ 20 человѣкъ крестьянъ, положили обнаженнаго діакона на землю и стали бить палками, а Давыдовъ изъ своихъ рукъ полѣномъ и ногами по головѣ и бокамъ, приговаривая: «Покоряйся священнику». Потомъ Давыдовъ, вылизъ на діакона двѣ бутылки вина и покрывъ его намоченнымъ полотномъ, велѣлъ его сѣчь витыми солеными розгами. Въ это самое время сотскому Васильеву случилось идти мимо дома Давыдова и быть свидѣтелемъ безчеловѣчнаго истязанія діакона. На вопросъ сотскаго Давыдову: что онъ дѣластъ? послѣдній спросилъ его, что онъ за человѣкъ и, схвативъ его за руку, сказалъ, чтобы онъшелъ, куда идетъ, а то и ему будетъ то-же. Васильевъ

побежжалъ къ церкви, ударилъ въ набатъ и, взявъ находившихся подъ нея у житницъ караульныхъ, пошелъ съ ними къ дому Давыдова, но по дорогѣ встрѣтилъ едва движущагося діакона, котораго, за приключившимся ему припадкомъ, не могли они отвѣстъ домой и положили близъ церкви. При освидѣтельствованіи благочиннымъ съ священно- и церковнослужителями двухъ стороннихъ сель, діаконъ Терентьевъ найденъ едва живымъ и до того избитымъ палками и изсѣченнымъ розгами или плетьми, что все его тѣло было покрыто смертельными ранами. Въ такомъ видѣ это происшествіе доведено было до свѣдѣнія синода и оберъ-прокурора; въ такомъ-же видѣ было оно представлено Государю Нечаевымъ, который, кромѣ того, доложилъ ему, что онъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою обратить особое вниманіе на ходъ сего дѣла, а преосвященному тульскому предложилъ увѣдомить его о томъ, какъ оно будетъ рѣшено. Государь на докладъ Нечаева написалъ слѣдующія грозныя слова: «Г. Чернышеву велѣть послать флигель-адъютанта узнать всѣ подробности сего; а буде окажется справедливымъ хотя и въ десятую долю, то помѣщика Давыдова арестовать, содержать подъ строгимъ карауломъ и судить безъ очереди военнымъ судомъ. Донести, что за Давыдовъ»¹). Чернышевъ послалъ для производства слѣдствія гвардіи ротмистра Бутурлина, который представилъ это происшествіе въ другомъ свѣтѣ, много смягчающемъ поступокъ Давыдова, хотя сущность факта, именно, что діаконъ Терентьевъ дѣйствительно былъ имъ высѣченъ, осталась неопровержимою и засвидѣтельствована самимъ слѣдователемъ.

Вотъ что донесъ Бутурлинъ Чернышеву: «1) Помѣщикъ Давыдовъ, въ чистосердечномъ раскаяніи и полагаясь на милость Его Императорскаго Величества, показалъ: что дѣйствительно онъ заставилъ людей своихъ сѣчь пришедшаго къ нему въ дому въ пьяномъ видѣ діакона и обидѣвшагося за то, что онъ, Давыдовъ, не пригласилъ его въ ту комнату, гдѣ были у него гости, а именно: того села священникъ и Новосильскаго уѣзда помѣщикъ Дементьевъ, а приказалъ токмо впустить его, діакона, въ особенную комнату и ему подать туда травнику. Помянутый-же діаконъ, хотя въ ту минуту и оставилъ дому Давыдова, но, выходя со двора, ругаль его, и Давыдовъ, весьма пьяный и будучи подстрекаемъ помѣщикомъ Дементьевымъ, приказалъ діакона втащить въ избу людскую. Всльдѣ за симъ діаконъ, увидя вошедшаго въ ту избу Давыдова, началъ его ругать и, бросившись на него, разорвалъ на немъ

¹) См. докладъ оберъ-прокурора сп. синода 1833 года № 242.

все платье¹), послѣ чего Давыдовъ, по наущенію Дементьеву, приказалъ собраннымъ по его приказанію крестьянамъ вытащить на дворъ и сѣчь діакона, покрыть полотномъ его и обливать виномъ. Въ продолженіе съченія Дементьевъ неоднократно кричалъ на людей: «Сѣки его, вора, мошенника; онъ того стдитъ», а діакону приговаривалъ: «Живи ладнѣе съ помѣщикомъ». Спустя-же нѣсколько времени Дементьевъ началъ уговаривать Давыдова перестать, но сей послѣдній, разъяренный, пьяный и болѣе всего имъ-же, Дементьевымъ, ободренный на столъ гнусный поступокъ, не винимъ уже никакимъ словамъ и продолжалъ сѣчь; Дементьевъ выбѣжалъ на улицу и, повстрѣчавшись съ сотскимъ, увѣрилъ его, что необходимо бить въ набатъ, чтѣ и исполнено было имъ, сотскимъ, въ ту минуту. Люди Давыдова, услышавъ звонъ колокола, разбѣжались по домамъ. 2) Высѣченный діаконъ Терентьевъ послѣ онаго происшествія неоднократно уговаривалъ сотскаго не давать о томъ знать суду, и онъ, сотскій, единственно токмо по глупости выполнилъ желаніе діакона».

(Только причетникъ Авраамъ Алексѣевъ, сказалъ при допросѣ, что Давыдовъ былъ пьянъ; самъ-же Давыдовъ показалъ, что онъ дѣйствительно при съченіи діакона Терентьеву приказывалъ покрыть его полотномъ и поливать по немъ виномъ, но что все это онъ дѣлалъ почти въ безпамятствѣ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго раздраженія отъ нанесенного ему діакономъ Терентьевымъ оскорбленія бранными словами²). Что Давыдовъ подсыпалъ къ діакону штабсъ-капитана Пересыпкина съ предложеніемъ мировой, отъ которой, впрочемъ, діаконъ отказался, а также о совѣтѣ, данномъ діакону дворянскому засѣдателемъ Хотинскимъ прекратитьссору полюбовно, объ этомъ Бутурлинъ не сказалъ ни слова въ своемъ донесеніи).

«Я-же при производствѣ изслѣдованія, соображаясь съ обстоятельствами дѣла, не могъ не обратить вниманія на первоначальную и весьма странную настойчивость діакона къ умолчанію причиненой ему столъ гласно обиды. Отобравъ по сему предмету показаніе разныхъ лицъ, обнаружилось, что хотя діаконъ дѣйствительно и болѣе высѣченъ розгами, но не такъ однако, какъ объяснено въ приложенномъ при вышеупомянутомъ предписаніи вашего сіятельства за № 8153 спискѣ съ рапорта секретаря

¹) Одни панталоны.

²) Предъ комиссией, производившей слѣдствіе надъ Давыдовымъ до прибытія Бутурлина, Давыдовъ заперся въ томъ, что поливалъ виномъ діакона Терентьеву и покрывалъ его полотномъ, но Бутурлину сознался въ этомъ.

тульской консисторії ¹⁾ къ оберъ-прокурору св. синода отъ 14-го августа за № 42, ибо въ ономъ донесеніи прописано, что при произведениі мѣстнымъ благочиннымъ съ священно- и церковнослужителями двухъ стороннихъ селъ освидѣтельствованіи найденъ діаконъ Терентьевъ едва живымъ избитый палками, изсѣченный розгами или плетьми отъ головы до пять ногъ, такъ что не имѣть даже и вида человѣческаго и знака настоящаго тѣла, но весь совершенно покрытъ смертельными ранами, тогда какъ нынѣ, при производствѣ мною изслѣдованія, открылось: 4) кромѣ того, что діаконъ 26-го іюня вечеромъ ничѣмъ другимъ не былъ сѣченъ, какъ лозовыми прутьями, наломанными въ то-же время съ деревъ двора, на коемъ было происшествіе. Мѣстный благочинный села Покровска священникъ Каменевъ, родственникъ діакону Терентьеву, 29-го іюня приказалъ священо- и церковнослужителямъ двухъ означенніхъ въ дѣлѣ стороннихъ селъ отправиться съ нимъ для освидѣтельствованія діакона; по прибытіи на мѣсто вкупѣ съ благочиннымъ, осматривали они найденные ими знаки, произшедшіе отъ сѣченія; смертельныхъ-же ранъ на тѣлѣ вовсе не оказалось. По окончаніи онаго освидѣтельствованія, благочинный Каменевъ написалъ на-черно свидѣтельство, въ коемъ и прописалъ, что назначенныя имъ духовныя лица дѣйствительно видѣли, что онъ, діаконъ, съ головы и до ногъ не имѣлъ даже и знака настоящаго тѣла, но весь покрытъ совершенно смертельными ранами и, приказавъ одному изъ тѣхъ духовныхъ лицъ переписать на-бѣло, требовалъ наконецъ, чтобы всѣ они, духовные, вопреки ихъ желанію, подписали несправедливое и сочиненное имъ-же самимъ свѣдѣніе, и сіи духовные, убоясь власти благочиннаго, колеблясь, подписали. Сверхъ того, онъ-же, благочинный, потребовалъ по сему случаю отъ сотскаго показаніе и заставилъ другого села дьячка Терентьева, роднаго брата высѣченаго діакона, писать со словъ сотскаго черновое показаніе, а діакона ближняго села на-бѣло переписывать, руку-же прикладывалъ за сотскаго другой дьячекъ, по настоянію того, который писалъ на-черно.

«Излагая такимъ образомъ приведенное мною къ концу изслѣдованіе дѣло вашему сіятельству, имѣю честь присовокупить, что помѣщикъ Давыдовъ, по сдѣланному до прибытія моего повальному обыску, до

¹⁾ По медицинскому свидѣтельству, произведеному 3-го іюля, т. е. спустя недѣлю послѣ высѣченія діакона, оказалось, что у него на лицѣ, подъ лѣвымъ глазомъ, былъ синебрагровый знакъ, на спинѣ пониже плечъ, на сѣдалицѣ и лядвіяхъ во многихъ мѣстахъ синебрагровые, продолговатые и мелкіе знаки, начинающіе проходить и мѣстами заструпившіе, произшедшіе, повидимому, отъ наказанія палками и розгами.

сего поступка ни въ чёмъ дурномъ замѣченымъ не былъ, а діаконъ Терентьевъ неоднократно поступками своими оказывался вреднымъ его сану, что и подтверждается какъ учиненнымъ мною о немъ повальной обыскомъ, такъ и тѣмъ, что онъ, діаконъ, былъ преданъ суду за шумъ, сдѣланный имъ пьянымъ въ церкви при повѣнчаніи брака, и удареніе имъ-же въ то время въ набатъ, а также за кражу меда и овчинъ. Изъ таковыхъ его поступковъ за первый былъ наказанъ полугодичною епитиміею, а по второму не оправданъ, но токмо подведенъ подъ милостивый Его Императорскаго Величества манифестъ¹⁾). Эти послѣднія слова Бутурлина были ящикомъ Пандоры, какъ для діакона Терентьева, такъ для тульскаго преосвященнаго и тульской консисторіи; отсюда начался для нихъ рядъ бѣдствій и золъ. Государь въ докладѣ Чернышева по донесенію Бутурлина обратилъ вниманіе на описанные слѣдователемъ поступки діакона Терентьева и велъ кошю съ представленнаго Чернышеву слѣдствія препроводить къ Нечаеву, съ тѣмъ, «чтобы, во 1-хъ, безотлагательно истребовано было отъ кого слѣдуетъ свѣданіе и донесено Ему: почему діаконъ Терентьевъ былъ терпимъ до сего времени въ священнослужительскомъ званіи, несмотря на предосудительное его по- веденіе и бытность подъ судомъ по двумъ дѣламъ, изъ коихъ по одному онъ былъ уже наказанъ полугодичною епитиміею, а по второму, о по- кражѣ меда и овчинъ, не оправданъ, по подведенъ подъ милостивый ма- нифестъ; во 2-хъ, чтобы независимо отъ того обращено было на поступки діакона Терентьева, слѣдствіемъ обнаруженные, равно на пристрастное свидѣтельство благочиннаго Каменева и на предосудительное покрови- тельство порочному діакону близайшее вниманіе епархиальнаго архіерея для надлежащаго съ нихъ взысканія, поставивъ, притомъ, въ виду преосвященнаго крайнее сожалѣніе Его Величества о слабомъ надзорѣ за служащими во вѣренной ему епархіи духовными лицами, тогда какъ бдительнѣйшее и неослабное надзiranіе, дабы они въ дѣйствіяхъ своихъ и даже въ образѣ жизни соблюдали всегда приличное ихъ сану благо- чиніе и добронравіе—сіи необходимыя условія къ снисканію должностнаго отъ мірянъ уваженія—лежать главнѣйше на его обязанности»²⁾).

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1833 года, подъ № 269, объ истязаніи, учиненномъ помѣщикомъ Давыдовымъ діакону Антонію, Терентьеву, и о сдачѣ въ архивъ тульской консисторіи нерѣшеннаго дѣла, касавшагося до означенного діакона, и въ дѣлѣ рапортъ Бутурлина Чернышеву отъ 7-го октября 1833 года, за № 10.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ объ истязаніи діакона Терентьевы помѣщикомъ Давыдовымъ предложеніе оберъ-прокурора Нечаева св. синоду, отъ 24-го октября 1833 года.

Такимъ образомъ, къ дѣлу о діаконѣ Терентьевѣ былъ привлеченъ и мѣстный архіерей. Синодъ, поставивъ на видъ Дамаскину замѣчаніе Государя, между прочимъ, приказалъ ему разсмотрѣть поступки діакона Терентьева, а равно пристрастное свидѣтельство благочиннаго о побояхъ, нанесенныхъ означеному діакону помѣщикомъ Давыдовымъ, и немедленно представить о томъ синоду свое мнѣніе, съ приложеніемъ всего подлиннаго дѣлопроизводства, какое состоялось въ тульской консисторіи обѣ означенномъ происшествіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ него объясненія, почему діаконъ Терентьевъ, будучи порочнаго поведенія, былъ терпимъ до сего времени въ духовномъ званіи и въ настоящемъ санѣ. Дамаскинъ отвѣчалъ синоду, что 1) «благочинный, большею частию рекомендовавшій діакона Терентьева съ хорошей стороны, за такое злоупотребленіе довѣрности начальства отрѣшень отъ должности до дальнѣйшаго сужденія при рѣшеніи дѣла; 2) діаконъ Терентьевъ также удаленъ отъ должности, съ запрещеніемъ ему священнослуженія; 3) ему, преосвященному, извѣстно было по вѣдомостямъ одно только дѣло, касавшееся до Терентьева: о безчиніи, произведенномъ имъ въ пьяномъ видѣ 19-го октября 1819 года въ церкви, при вѣнчаніи одного приходскаго брака, а именно: онъ надѣлъ стихарь задомъ напередъ и, не слушая совѣта священника, чтобы онъ разоблачился, сталъ перечитывать читаемую священникомъ эктенію; при такомъ безпорядкѣ священникъ, оставя вѣнчаніе брака, разоблачился и вышелъ съ брачившимися и всѣми бывшими въ церкви вонъ изъ оной; спустя часа съ два, священникъ, пришедъ къ церкви для совершенія того брака, приказалъ побѣжанамъ діакона не впускать въ нее, а діаконъ, усиливаясь взойти въ церковь, сказалъ, что бракъ вѣнчается не въ законные часы, и по томъ, вскочивъ на колокольню, былъ во всѣ колокола въ набатъ; на каскую тревогу присланъ былъ отъ приходскаго помѣщика, полковника Крюкова, дворовый человѣкъ, за что онъ (діаконъ Терентьевъ) и былъ наказанъ отсылкою въ монастырь на четыре мѣсяца. Но другое, открывшееся нынѣ, дѣло о покражѣ діакономъ Терентьевымъ изъ двухъ ульевъ меда у пономаря и овчинъ у одного крестьянина, не было совершенно извѣстно ему (преосвященному), потому что отъ консисторіи обѣ этомъ дѣлѣ ему не было доносимо, а въ вѣдомостяхъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ не было показано»¹⁾). Послѣднія слова Дамаскина явно обличали тульскую консисторію въ подлогѣ, и архіерей ими всю отвѣт-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ обѣ истязаніи діакона Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ рапортъ Дамаскина синоду отъ 13-го октября 1833 года.

ственность за сокрытие дѣла о покражѣ діакономъ Терентьевымъ меда и овчинъ сваливалъ съ себя на консисторію. Начались розысканія, какимъ образомъ нерѣшенное дѣло попало въ архивъ. Розысканія эти открыли, что дѣло о покражѣ діакономъ Терентьевымъ меда и овчинъ поступило въ тульскую консисторію въ 1822 году изъ Новосильского уѣзднаго суда, въ которомъ оно прежде производилось, и что оно было сдано нерѣшеннымъ въ консисторскій архивъ, будто-бы, умершимъ повытчикомъ тульской консисторіи Луневымъ, и отъ него было принято архиваріусомъ Куркинскимъ, тоже умершимъ. Розысканія эти были произведены самою тульскою консисторіею, которая, обвинивъ въ подлогѣ умершихъ Лунева и Куркинскаго, думала, что она этимъ совершенно оградила себя отъ всякихъ дальнѣйшихъ привязокъ и что слова ея будуть безусловно приняты синодомъ; но она жестоко въ этомъ ошиблась. «Синодъ, какъ выразился Нечаевъ, затрудняясь согласиться съ тѣмъ, что въ сдачѣ нерѣшеннаго дѣла въ архивъ были виновны единственно упомянутые повытчикъ и архиваріусъ, ибо сіе не могло произойти безъ вѣдома присутствующихъ, и въ особенности секретаря консисторіи, а если и случилось такъ, то сіе обнаруживаетъ явную небрежность ихъ въ исполненіи своихъ обязанностей,—положилъ предписать преосвященному Дамаскину, чтобы онъ, составя изъ трехъ, заслуживающихъ довѣріе начальства, духовныхъ лицъ, и притомъ такихъ, которые-бы съ начала 1822 года не были присутствующими въ консисторіи, особую комиссию, поручилъ ей строжайшимъ образомъ учинить изысканіе, когда и почему сдано упомянутое дѣло въ архивъ, можно-ли, по всей справедливости, признать въ этомъ виновными повытчика Лунева и архиваріуса Куркинскаго, и не дѣйствовалъ-ли еще кто въ сокрытии онаго дѣла? также, отъ кого именно произошло, что дѣло сіе не было поставлено на видъ ему, преосвященному, ни по полученіи его въ консисторіи, ни послѣ вѣдомостяхъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ? и потомъ, сообразивъ съ тѣмъ, что откроется, постановивъ, на законномъ основаніи, заключеніе, донести объ ономъ синоду. Секретаря-же консисторіи, титуллярнаго совѣтника Морева, при коемъ и дѣло сіе возникло въ 1822 году, впередъ до рѣшенія по сему предмету дѣла, удалить отъ должности»¹⁾). Но отъ комиссіи, составленной изъ мѣстнаго духовенства, нельзя было ожидать тѣхъ результатовъ, какихъ хотѣлъ Нечаевъ, потому что она, находясь подъ урожающимъ вліяніемъ архіерея и консисторіи, едва-ли осмѣлилась-бы дѣйствовать безпристрастно въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ были замѣ-

¹⁾ См. докладъ оберъ-прокурора св. синода 1834 года, № 55.

шаны и таъ, и другая. Поэтому Нечаевъ не могъ согласиться съ определеніемъ синода и, чтобы вывести на свѣтъ всѣ беспорядки тульской консисторіи, избралъ для ея ревизіи лицо, совершенно независимое отъ тульского епархіального начальства, по вполнѣ зависѣвшее отъ него, всѣмъ ему обязанное, и слѣдовательно отъ котораго онъ могъ ожидать самой строгой, точной и беспристрастной ревизіи. Лицомъ этимъ былъ Войцеховичъ. Но такъ какъ назначеніе Войцеховича не только могло показаться явленіемъ необыкновеннымъ, потому что до этого времени еще не было примѣра по духовному вѣдомству, чтобы свѣтское лицо, въ чинѣ коллежскаго ассесора, ревизовало цѣлое мѣстное духовное управлѣніе, но даже обиднымъ для чести епархіального архіерея¹⁾), такъ что легко могло быть не одобрено синодомъ, то, чтобы избѣжать всякой оппозиціи со стороны его и чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, Нечаевъ поставилъ свою мысль подъ защиту Высочайшей воли. Получивъ утвержденіе своего плана отъ Государя, онъ предложилъ его синоду уже въ видѣ повелѣнія самого Государя. Любопытно по докладу Нечаева слѣдить за его изворотливостью, искусствомъ и ловкостью, съ которыми онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ. Нечаевъ, упомянувъ въ докладѣ своеемъ Государю объ учрежденіи по синодскому распоряженію комиссіи изъ трехъ духовныхъ лицъ, избранныхъ между тульскимъ духовенствомъ, для изслѣдованія дѣла о поступкѣ

¹⁾ Здѣсь считаемъ нужнымъ сказать, что синодъ, а особенно оберъ-прокуроры св. синода всегда смотрѣли на ревизію консисторіи, какъ на ревизію въ то-же время и административной дѣятельности архіерея. Всего лучше это подтверждается слѣдующимъ случаемъ: когда въ 1829 году Государь велѣлъ предать суду уголовной палаты секретаря с.-петербургской консисторіи Соколовскаго, то оберъ-прокуроръ князь Мещерскій прямо доложилъ Государю, что отъ этого можетъ пострадать честь митрополита Серафима.... «Но, предавая его (Соколовскаго) сужденію на основаніи общаго порядка, нельзя оставить безъ вниманія, что къ сему дѣлу прикоснувшись лицо, по сану, по заслугамъ и по лѣтамъ заслуживающее снисходительного огражденія отъ тѣхъ непріятностей, кои сопряжены съ судопроизводствомъ слѣдственного дѣла. Напр., судъ обязанъ будетъ требовать объясненій, почему преосвященный Серафимъ не письменно, а словесно изъявилъ несогласіе свое на докладъ консисторіи и приказалъ вновь пересмотрѣть дѣло. Личная довѣренность можетъ послужить преосвященному извиненіемъ; судъ не въправѣ будетъ прейти молчаніемъ сіе обстоятельство и заключеніе его легко можетъ обратиться въ слишкомъ гласное и несоразмѣрное поступку оскорбленіе чести митрополита.

«По симъ уваженіямъ я осмѣливаюсь всеподданѣйше представить, не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству повелѣть консисторскаго секретаря Соколовскаго отрѣшить отъ должности безъ суда, яко ненадежнаго къ отправленію онай, наводящаго на себя довольно сильное подозрѣніе въ лихомиствѣ и вообще имѣющаго въ семъ отношеніи худую репутацію» (См. докладъ оберъ-прокурора св. синода 17-го февраля 1829 года).

діакона Терентьева, продолжаетъ: «О таковомъ распоряженіи св. синода, по порученію онаго, всеподданійшіе доводы до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, поставляю долгомъ при семъ представить, съ своей стороны, слѣдующее мнѣніе: а) поелику изслѣдованіе вышеобъясненныхъ обстоятельствъ, по необходимости, повѣряется лицамъ, подвѣдомымъ той-же самой консисторіи, гдѣ замѣчается такого рода подлогъ, то, для большей достовѣрности въ семъ розысканіи, я полагалъ-бы нужнымъ командировать въ Тулу отъ себя довѣренаго чиновника, который-бы наблюдалъ за всѣми дѣйствіями учреждаемой тамъ комиссіи, на правѣ прокурора. б) Какъ независимо отъ сего неоднократно доходили до синода и до меня жалобы на дѣлопроизводство въ тульской консисторіи, то мнѣ представляется еще неизлишнимъ и особенно удобнымъ, чтобы сей-же самый чиновникъ, по окончаніи того слѣдствія, занялся вообще обревизованіемъ консисторской канцеляріи, въ отношеніи къ порядку дѣлопроизводства, сдачи и храненія дѣлъ, приема и храненія суммъ и проч. Для сего порученія почитаю я весьма способнымъ служащаго при отдѣлѣніи духовныхъ дѣлъ грекороссійскаго исповѣданія коллежскаго ассесора Войцеховича, который и при предмѣстникѣ моемъ, тайномъ со-вѣтникѣ князѣ Мещерскомъ, неоднократно употребляемъ былъ съ наиболѣшимъ успѣхомъ въ дѣлахъ еще большей важности, или требовавшихъ, по крайней мѣрѣ, столько-же вѣрности и честности несомнѣнной. Но какъ предполагаемыя мною мѣры: прикомандированіе особенного чиновника для наблюденія за слѣдствіемъ лицъ мѣстнаго вѣдомства и обревизованіе тѣмъ-же способомъ консисторской канцеляріи до сего времени еще не были предпринимаемы, то я счелъ долгомъ представить о томъ предварительно на благоусмотрѣніе Вашего Величества, и на исполненіе таковаго, впрочемъ не новаго по другимъ вѣдомствамъ распоряженія, испросить Высочайшее соизволеніе, въ томъ полномъ убѣжденіи, что оно можетъ быть существенно полезно какъ въ настоящемъ случаѣ непосредственнымъ образомъ, такъ и въ отношеніи къ другимъ консисторіямъ, которыя, ожидая также нечаянныхъ обревизованій, вѣроятно, будутъ осмотрительнѣе и осторожнѣе, а строгій порядокъ въ сихъ судебныхъ мѣстахъ, если Богъ поможетъ мало-по-малу установить его, можетъ имѣть спасительное вліяніе на благочиніе всей массы духовенства¹). Государь совершилъ одобрилъ мысль Нечаева, который, вслѣдствіе этого, 23-го февраля 1834 года сдѣлалъ такого рода предложеніе синоду: «По случаю учрежденной въ г. Тулѣ изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ комиссіи, для

¹) См. докладъ оберъ-прокурора св. синода 27-го января 1834 г., № 55.

изслѣдованія, по какому случаю сдано было въ архивъ тульской духовной консисторіи нерѣшеннное дѣло, касавшееся до діакона села Богоявленскаго, Антона Терентьева, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы я командировалъ въ Тулу отъ себя особаго довѣреннаго чиновника, который-бы имѣлъ наблюденіе за всѣми дѣйствіями упомянутой комиссіи, на правѣ прокурора, и потомъ занялся-бы обревизованіемъ консисторской канцеляріи въ отношеніи къ порядку дѣлопроизводства вообще, храненія и сдачи въ архивъ дѣлъ, приема и храненія суммъ и проч.»¹⁾. Такимъ образомъ, Войцеховичъ былъ назначенъ главнымъ слѣдователемъ въ этомъ дѣлѣ. Дѣятельность его, по двойственному свойству самого порученія, распалась на двѣ части: а) ему нужно было отыскать виновныхъ въ подлогѣ по дѣлу о покражѣ меда и кожи діакономъ Терентьевымъ и б) обревизовать тульскую консисторію во всѣхъ ея частяхъ. Въ первомъ случаѣ онъ какъ-бы скрывался за учрежденною комиссіею, хотя и тутъ былъ главнымъ лицомъ, а во второмъ уже открыто дѣйствовалъ самъ собою. По дѣлу о подлогѣ, независимо отъ слѣдствія, представленного комиссіею св. синоду, Войцеховичъ донесъ Нечаеву, что 1) «Умершій повытчикъ Луневъ, которому приписана была сдана упомянутаго дѣла въ архивъ, не сдавалъ, да и не могъ сдать, а слѣдственно и умершій архиваріусъ Куркинскій, которому приписанъ приемъ того дѣла отъ Лунева, не могъ отъ сего послѣдняго принять его. 2) Дѣло о діаконѣ Терентьевѣ и не сдавалось въ архивъ, а было просто положено въ немъ, неизвѣстно точно въ какое время, но послѣ 1826 г., въ которомъ оно подложно подведено было подъ всемилостивѣйшій манифестъ. 3) Положилъ сіе дѣло въ архивъ несомнѣнно повытчикъ Покровскій, у котораго оно было въ дѣлопроизводствѣ. 4) Покровскій побуждался къ тому надобностю скрыть упомянутый подлогъ. 5) Участникомъ таковаго дѣйствія повытчика Покровскаго былъ несомнѣнно секретарь Моревъ, который, бывъ участникомъ въ подлогѣ, старался всѣми мѣрами оны скрыть, намѣревался въ представленныхъ справкахъ показать дѣло подведеніемъ подъ манифестъ, но, бывъ остановленъ вопросомъ преосвященнаго: «Значится-ли оно въ вѣдомостяхъ, св. синоду представленныхъ?» донесъ, что дѣло сдано было нерѣшеннымъ въ архивъ. 6) Подтвердишіе своимъ подpisомъ таковую справку два члена консисторіи: іеромонахъ Никаноръ и протоіерей Романовъ, симъ поступкомъ своимъ и другими обстоятельствами паводятъ на себя иѣкоторое подозрѣніе, что они

¹⁾ См. въ дѣлѣ обѣ истязаній діакона Терентьевы помѣщикомъ Давыдовымъ предложеніе оберъ-прокурора Нечаева св. синоду, отъ 23-го февраля 1834 года.

знали, въ какомъ положеніи было дѣло. 7) Дѣло, поступившее въ консисторію въ 1822 году, было однажды поставлено въ виду преосвященнаго, въ краткой, однако-же, справкѣ при другомъ дѣлѣ о Терентьевѣ, но въ вѣдомостяхъ о нерѣшенныхъ дѣлахъ оно никогда не показывалось и виною въ томъ Моревъ и Покровскій. 8) На другихъ присутствующихъ консисторіи не пало никакого подозрѣнія ни въ отношеніи сокрытія дѣла въ архивѣ, ни въ отношеніи непоказанія онаго въ вѣдомостяхъ. Завѣдывавшіе-же собственно Новосильскимъ повытѣмъ до 1826 г., въ томъ году померли. Впрочемъ, и относительно къ симъ послѣднимъ, ни изъ собранныхъ епархій, ни изъ взятыхъ показаній, ничего не усмотрѣно. 9) Подложное подведеніе дѣла діакона Терентьева подъ манифестъ произошло непосредственно отъ секретаря Морева и повытчика Покровскаго. 10) Подпись на указѣ, посланномъ въ новосильское духовное правленіе о прощеніи Терентьева по манифесту, обнаруживаетъ еще третьяго участника въ подлогѣ, бывшаго присутствующаго въ консисторіи, протоіерея Глаголева. Комиссія объяснила подробно все, касающееся до сего протоіерея, но не рѣшилась прямо признать его виновнымъ, такъ какъ на сіе нѣть достаточныхъ въ дѣлѣ убѣжденій; самъ-же онъ, сознаваясь въ неосмотрительности, призываетъ Бога во свидѣтели, что не былъ намѣреннымъ въ подлогѣ участникомъ. 11) Моревъ и Покровскій во всемъ вышеизложенномъ не сознались, но уличены собранными свѣдѣніями, открывшимися обстоятельствами, документами, укрывательствомъ всѣхъ спрошенныхъ комиссію бумагъ, ею-же самою отысканныхъ, и наконецъ собственными ихъ противорѣчіями въ разныхъ показаніяхъ». Замѣтительно заключеніе, которымъ Войцеховичъ оканчиваетъ свой рапортъ Нечаеву: «Во исполненіе предписанія вашего превосходительства, я наблюдалъ за всѣми дѣйствіями комиссіи, руководствуясь предписанными мнѣ правилами, участвовалъ во всѣхъ ея сужденіяхъ и разсмотрѣніяхъ, скрѣпляя по листамъ представленное ею преосвященному подробное изложеніе всего, открывавшагося по изслѣдованію»¹⁾.

Безпорядки, обнаруженные Войцеховичемъ по канцеляріи тульской консисторіи, по свойству своему, были весьма значительны. Такъ, 1) въ регистратурѣ, на которой основанъ весь порядокъ дѣлопроизводства, оказалось, что входящіе и исходящіе реестры до 1824 года были или безъ начала или безъ конца, съ пропусками, перемаранные и до того истлѣвшіе, что немалаго труда стоило прочесть написанное въ нихъ. Но главная

¹⁾) См. въ дѣлѣ объ истязаніи діакона Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ рапортъ Войцеховича Нечаеву, отъ 16-го апрѣля 1834 года, за № 37.

неисправность реестровъ заключалась въ томъ, что противъ многихъ вступившихъ бумагъ не имѣлось росписокъ повытчиковъ, получившихъ ихъ въ повытъе. За многіе присутственные дни журналовъ совершенно не было, а за нѣкоторые оказалось по два, но разнаго содержанія. Найдено немало журналовъ, безъ подписей членовъ, или подписанныхъ однимъ изъ нихъ за тѣ дни, въ которые присутствовали и другіе члены, а также подписанныхъ лишь однимъ секретаремъ. Журналы составлялись небрежно, съ ошибками въ показаній дней и съ помарками. Съ 1824 по 1834 годъ они еще не были переписаны; журналы за прежніе годы не были сданы въ архивъ и найдены Войцеховичемъ на консисторскому чердакѣ. Вмѣсто протоколовъ, большею частью, составлялись по дѣламъ краткія донесенія преосвященному; находящимся-же на лицо протоколамъ не было описей. Въ настольномъ реестрѣ входящихъ суммъ не было отмѣтокъ въ особо назначеннай для того графѣ, когда вступившія деньги отправлены по назначенію. Указы св. синода съ 1827 года безъ переплета, безъ описей и не въ должномъ порядкѣ. Всякій изъ повытчиковъ бралъ ихъ и держалъ у себя подолгу. Въ ежегодныхъ вѣдомостяхъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ многія изъ нихъ никогда не показывались и потому оставались безъ наблюденія со стороны членовъ, а иногда, не бывъ даже кончены, обращались на чердакъ или въ архивъ. Секретарь Моревъ обыкновенно распоряжался тѣмъ, какія дѣла вносить, или не вносить въ вѣдомость.

Что касается 2) консисторскаго дѣлопроизводства, то каждое повытъе имѣло свой настольный реестръ, за исключеніемъ небольшого промежутка времени, когда у всѣхъ ихъ былъ одинъ общий настольный реестръ. Реестры эти до 1822 г. были или безъ начала и конца, или съ пропусками, изорваны и попорчены. Съ 1822 года они въ болѣйшей исправности, но зато оказались упущенія въ другихъ важнѣйшихъ предметахъ, а именно: весьма много дѣлъ и бумагъ, по существу своему немаловажныхъ, не были вписаны въ эти реестры, а потому, оставаясь въ неизвѣстности, не имѣли и движенія. Такого рода неисправность особенно замѣтна по двумъ повытьямъ: 1) по тульскому и бѣлевскому и 2) по ефремовскому и новосильскому. По послѣднему дѣла и бумаги за цѣлые мѣсяцы послѣднихъ годовъ не внесены въ настольные реестры.

Служаніе дѣлъ происходило не по порядку ихъ вступленія, съ соблюденіемъ строго предписанной закономъ очереди, но просто по произволу канцеляріи; оттого многія дѣла оставались въ теченіе долгаго времени незаслушанными. Въ настольныхъ докладныхъ реестрахъ вовсе не было отмѣтокъ о времени исполненія резолюцій. Войцеховичъ нашелъ

также, что резолюціі преосвященнаго и опредѣленія консисторіі съ давняго времени по дѣламъ немаловажнымъ оставались неисполненными, и многія изъ такихъ дѣлъ положены были на чердакъ, или сданы въ архивъ. Вотъ обращикъ того, какъ исполнялись тульскою консисторіею резолюціі мѣстнаго преосвященнаго: въ мартѣ 1832 года бѣлевское духовное правленіе представило въ тульскую консисторію слѣдствіе, по которому копіистъ того правленія Василій Воскобойниковъ былъ сильно заподозрѣнъ въ похищениі консисторскаго указа съ приложенными при ономъ двумя свидѣтельствами изъ дѣла о пропускѣ въ метрическихъ книгахъ записи о рожденіи и крещеніи дочери бѣлевскаго мѣщанина Богомолова, дѣвицы Анны. 18-го июня того-же 1832 г. состоялось въ тульской консисторіи слѣдующее опредѣленіе: «Воскобойникова исключить изъ службы и отправить въ губернское правленіе для употребленія, куда годнымъ окажется». Это опредѣленіе консисторіи тогда-же утверждено преосвященнымъ, но не было исполнено и Воскобойниковъ спокойно жилъ въ Тулѣ въ то время, когда Войцеховичъ производилъ ревизію тульской консисторіи.

При ревизіи самыхъ дѣлъ открылось, что 1) бумаги посылались безъ доклада присутствію; 2) резолюціи преосвященнаго исполнялись и помимо присутствія; 3) справки по дѣламъ производились неполные; такъ, напр., въ ноябрѣ 1829 г. благочинный города Крапивны доносъ о побояхъ, причиненныхъ дьячкомъ села Красногорья, Иваномъ Иларіоновымъ, крестьянину Григорию Иванову. Рапортъ благочинного не былъ заслушанъ въ консисторіи, а между тѣмъ дьячокъ Иларіоновъ уволился въ крапивинское мѣщанство. Ни архіерею, ни казенной палатѣ не было дано знать о побояхъ, нанесенныхъ бывшимъ дьячкомъ Иларіоновымъ крестьянину Иванову. А вотъ еще другое доказательство: въ дѣлѣ о поступкахъ бывшаго игумена новосильскаго Святодухова монастыря Августина не было приведено на справку дѣло о самовольномъ увольненіи имъ изъ монастыря двухъ скопцовъ, причинившихъ впослѣдствіи много беспокойствъ своими поступками.

4) «Описей дѣламъ въ повытъяхъ нѣть, пишетъ Войцеховичъ, а если и есть за нѣкоторые года, то неполныя. Дѣла вообще содержатся въ большомъ беспорядкѣ, не подшитыя, разбросанныя по частямъ, перемѣшанныя съ лежащими въ такомъ-же беспорядкѣ клировыми вѣдомостями и неповѣренными книгами, выдаваемыми для сборовъ въ пользу церквей. Повытчики сами не знали, какія дѣла находились у нихъ, а потому и затруднялись въ отысканіи ихъ, а нѣкоторыхъ дѣлъ совсѣмъ не находили. Естественнымъ слѣдствіемъ такого беспорядка было то,

что дѣла получали неправильное направление, разсматривались и переносились несолько разъ.

5) «Въ архивъ сдавались дѣла не въ томъ порядке, въ какомъ слѣдовало, т. е. съ означеніемъ на каждомъ дѣлѣ: кѣмъ, кому и когда дѣло сдано, но просто по описямъ, изъ которыхъ иные даже никѣмъ не подписаны. Метрическія книги и исповѣдныя росписи свалены въ архивъ кос-какъ и разбиты до такой степени, что нѣть возможности справляться по нимъ.

6) «Не меньшій беспорядокъ былъ и въ записываніи и храненіи денежныхъ суммъ: въ книгахъ остатокъ отъ каждого года не показывался въ приходъ слѣдующаго; каждый присутствующій въ консисторіи, записывая въ книгахъ приходъ и расходъ суммъ по своему повытію, не обращалъ вниманія на прочія, отъ чего и не было въ книгахъ надлежащей опредѣлительности, точности, итоговъ, транспортовъ и проч., а между тѣмъ замѣчено множество подскобокъ и переправокъ. Суммы подолгу лежали безъ отправленія, а повѣрки суммъ съ документами никогда не бывали. Билеты опекунскихъ совѣтовъ, банковъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, переходя чрезъ консисторію въ другое какое-либо мѣсто, церковь или монастырь, не всегда хранились вмѣстѣ съ суммами, но оставались иногда въ повытіяхъ.

7) «Помѣщеніе архива неудобно, сырь и тѣсно, такъ что въ немъ нельзя помѣстить всѣхъ дѣлъ, лежащихъ въ повытіяхъ и на чердакѣ».

Что-же касается до сдачи и храненія дѣлъ въ архивъ, то первая производилась самыми безпорядочными образомъ, потому что въ связкахъ дѣлъ Войцеховичъ находилъ просто бумаги разныхъ годовъ и разнаго содержанія, съ надписями, что они исполнены. Метрическія книги и исповѣдныя росписи лежали разбиты на полу и отъ сырости начали гнить.

Въ заключеніе, Войцеховичъ высказалъ свое мнѣніе о составѣ канцеляріи тульской консисторіи. «По настоящему ограниченному штату канцеляріи, пишетъ онъ, конечно, нѣть возможности къ совершенно удобному распределенію предметовъ и уравнительному раздѣленію труда. Особенно это неуравнительное раздѣленіе трудовъ примѣчается въ отношеніи повытчика Покровскаго. Сей повытчикъ оказался нынѣ самымъ неисправнѣйшимъ. На неисправность его и прежде были жалобы; на нее роптали члены консисторіи и самъ преосвященный замѣчалъ обѣ онай. Было даже и опредѣленіе обѣ исключеніе его, но секретарь Моревъ его удерживалъ и, между тѣмъ, возлагалъ на него всѣ важнѣйшія дѣла. Онъ и понынѣ занимается составленіемъ ежегодныхъ вѣдомостей о дви-

женії дѣлъ по консисторії, занимался дѣломъ о священникахъ, бывшихъ подъ судомъ, велъ дѣла о разводѣ,—и все сіе велъ въ крайнемъ безпорядкѣ. По роду-же открытыхъ въ его повытъ упущеній, нельзя относить ихъ къ одной неисправности, ибо они обнаруживаются и неблагонамѣренность; такъ, напр., извѣстное подведеніе подъ манифестъ діакона Терентьевъ, оставленіе безъ доклада дѣлъ особой важности и неисполненіе таковыхъ-же опредѣленій. Сверхъ всего этого, онъ рѣдко бываетъ трезвъ, и подолгу не является иногда къ должности. А довѣренность и послабленіе со стороны секретаря Морева ничѣмъ инымъ нельзя объяснить, какъ очевидною связью ихъ, основаніемъ которой было единственное употребленіе во зло довѣренности начальства.

«Изъ числа прочихъ чиновниковъ канцеляріи нельзя, по всей справедливости, ни одного сравнить съ Покровскимъ. Не совсѣмъ благонадежнымъ представляется одинъ токмо канцеляристъ Глаголевъ, завѣдывающій повытъемъ по уѣздамъ Каширскому и Алексинскому—о немъ говорятъ съ дурной стороны. При ревизіи-же я замѣтилъ, что онъ часто намѣревался представлять дѣла не въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся. При томъ-же до него касается дѣло о грубостяхъ, причиненныхъ имъ въ нетрезвомъ видѣ секретарю. Всѣ другіе повытчики одобряются, а въ особенности титулярный совѣтникъ Іерусалимскій и исправляющій нынѣ должность секретаря, канцеляристъ Воскресенскій.

«Остальные канцелярскіе чиновники мало и опытны, и способны, и недостатки въ средствахъ къ жизни ясно на нихъ отражаются.

«Всѣ они почти изъ исключенныхъ учениковъ духовныхъ училищъ. Одинъ только не изъ духовнаго званія, коллежскій регистраторъ Орловъ. Онъ изъ киргизъ, принявшихъ христіанскую вѣру, не токмо не знающъ въ дѣлопроизводствѣ, но едва можетъ писать.

«Поступокъ повытчика Покровскаго и обнаруженныя по всему дѣлопроизводству канцеляріи упущенія, ясно показывая, сколько былъ слабъ со стороны секретаря Морева надзоръ за поведеніемъ и дѣятельностію чиновниковъ, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по роду и степени оныхъ весьма сомнительную благонадежность самого Морева. Очевидно, что онъ имѣлъ неограниченное вліяніе на рѣшеніе дѣлъ и отважно дозволялъ себѣ распоряжать исполненіями; ибо невозможно, чтобы безъ свѣдѣнія его столько дѣлъ, и особой важности, оставлено было безъ доклада, или окончательного исполненія, а сіе несогласно уже съ понятіемъ о неисправности просто, въ которой Моревъ и себя, и прочихъ чиновниковъ канцеляріи, бывшей у него въ завѣдываніи, сознаетъ виновными: такъ онъ мнѣ объяснялся, впрочемъ, на словахъ, ибо я не входилъ съ

нимъ ни въ какую переписку, довольствуясь требованіемъ на бумагѣ свѣдѣній и объясненій, представлявшихся мнѣ нужными, отъ исправляющаго должностъ сскретаря. Моревъ-же, при ревизіі, всегда былъ въ канцеляріи и объяснялъ встрѣтившіяся недоумѣнія, или помогалъ въ отысканіи дѣлъ» ¹⁾.

Нетрудно угадать, что результатъ какъ слѣдствія, произведенаго флигель-адъютантомъ Бутурлинымъ и бывшаго причиною ревизіі тульской консисторіи, такъ и самой ревизіі, будетъ неблагопріятенъ для многихъ лицъ. Дѣйствительно, діаконъ Терентьевъ, дѣло о которомъ было главнымъ поводомъ къ ревизіі тульской консисторіи, лишенъ былъ діаконскаго сана, исключенъ изъ духовнаго вѣдомства и отосланъ въ губернское правленіе для пріиниски въ податное состояніе. Благочинный Каменевъ, за покровительство Терентьеву, удаленъ былъ отъ благочиннической должностіи, съ тѣмъ, чтобы впредь его не опредѣлять къ общественнымъ должностямъ. Священники, діаконы и причетники, подписавшіе свидѣтельство благочиннаго о причиненіяхъ Терентьеву отъ помѣщика Давыдова побояхъ,—первые посланы въ монастырь на два мѣсяца, вторые на мѣсяцъ, а треты наказаны положеніемъ по сту земныхъ поклоновъ въ городскомъ Новосильскомъ соборѣ. Уличенные въ подлогѣ по дѣлу о покражѣ діакономъ Терентьевымъ меда и овчинъ, секретарь тульской консисторіи Моревъ и повытчикъ Покровскій отрѣшены отъ должностей и преданы суду уголовной палаты. Той-же участи подвергся и присутствовавшій въ тульской консисторіи протоіерей Глаголевъ (подписавшійся подъ указомъ о прощеніяхъ по всемилостивѣшему манифесту), съ запрещеніемъ ему священодѣйствія; но онъ впослѣдствії былъ оправданъ уголовною палатою. Присутствующіе въ тульской консисторіи: протоіерей Романовъ и іеромонахъ Никаноръ, подписавшіе неувѣреную о Терентьевѣ справку, получили замѣчаніе отъ синода ²⁾.

Что-же касается главнаго начальника епархіи, котораго беззаботность, по выражению Нечаева, оказалась при этой ревизіі въ непозволительной степени, то ему сдѣлано было только строгое замѣчаніе отъ синода, съ предписаніемъ непремѣнно озаботиться исправленіемъ всѣхъ беспорядковъ въ тульской консисторіи. Можетъ быть, Нечаевъ домогался

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1834 года о беспорядкахъ тульской консисторіи, подъ № 812.

²⁾ См. въ дѣлѣ объ истязаніи, учиненномъ помѣщикомъ Давыдовымъ діакону Антонію Терентьеву и о сдачѣ въ архивъ тульской консисторіи нерѣшеннаго дѣла, касавшагося до означенаго діакона, указы св. синода 1835 г. отъ 16-го января и 26-го февраля.

не тѣхъ результатовъ по отношенію къ Дамаскину, какіе были добыты ревизіею, можетъ быть, стремленія его и увѣнчались бы успѣхомъ, еслибы Дамаскину не помогли особенные обстоятельства, заключавшіяся въ его отношеніяхъ къ митрополиту Серафиму и Серафима къ Нечаеву.

Дамаскинъ, первоначально бывшій викаріемъ Серафима по новгородской епархіи, который и рекомендовалъ его на тульскую каѳедру, находился подъ покровительствомъ митрополита, такъ что въ бѣдѣ могъ всегда найти защиту у своего бывшаго начальника. Вѣроятно, при этомъ случай не обошлось безъ просительныхъ писемъ со стороны преосвященнаго Дамаскина къ митрополиту Серафиму о покровительствѣ, которое и было оказано послѣднимъ тѣмъ охотнѣ, что отношенія его къ Нечаеву и Нечаѣву къ нему были въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ, что Нечаевъ, приставшій къ сторонѣ митрополита Филарета и опиравшійся на князя А. Н. Голицына, чрезъ котораго въ то время шли всѣ доклады по важнейшимъ синодскимъ дѣламъ къ Государю, естественно поставилъ себя не въ дружественные отношенія къ противной сторонѣ, т. е. къ митрополитамъ Серафиму и Евгенію.

Обѣ стороны не скрывали своихъ чувствъ, напротивъ, нерѣдко обнаруживали ихъ съ самою свободною откровенностью, которою особенно отличались два члена этихъ противоположныхъ партій: митрополитъ Серафимъ и оберъ-прокуроръ Нечаевъ. Послѣдній въ описываемую пами эпоху вотъ какъ откровенно-невѣжливо обнаружилъ свои отношенія къ митрополиту Евгенію: поѣхавъ въ 1834 году Кіевъ, онъ не хотѣлъ первый сдѣлать визита митрополиту и выжидалъ, что онъ къ нему явится; но Евгеній не приѣхалъ. За это Нечаевъ, чтобы колынуть митрополита, выставилъ его въ отчетъ Государю съ самой невыгодной стороны. «Московская академія—писалъ Нечаевъ—много обязана своимъ благоустройствомъ начальственному вліянію митрополита московскаго, кіевская же вспомъ обязана нынешнему ректору Иннокентію и бывшему инспектору Леремію¹), т. е. другими словами, митрополитъ Евгеній ничего не дѣлаетъ для академіи. Столь-же ясно онъ выражалъ непріязненные свои отношенія и къ митрополиту Серафиму. Слѣдующій анекдотъ весьма наглядно характеризуетъ взаимныя ихъ отношенія. Нечаевъ, постоянно пріѣзжавшій въ синодъ позже митрополита, при входѣ въ комнату, находящуюся передъ залою синодального присутствія, весьма часто громко спрашивалъ синодскаго экзекутора: «Серафимъ

¹) См. въ отчетѣ оберъ-прокурора св. синода за 1834 г. стр. 82.

здесь? Серафимъ пріѣхалъ?» Эти вопросы дѣлались такъ невѣжливо и такъ громко, что ихъ не могъ не слышать митрополитъ. Чтобы положить этому конецъ, Серафимъ однажды намѣренно пріѣхалъ въ синодъ позже обыкновенного, когда Нечаевъ уже находился въ залѣ присутствія, и, входя въ находящуюся передъ нею комнату, громко и, притомъ, несолько разъ спросилъ экзекутора: *«Степанъ здесь? Степанъ ужъ пріѣхалъ? Степанъ Нечаевъ здесь?»* При такихъ непріятныхъ отношеніяхъ митрополита Серафима къ оберъ-прокурору Нечаеву, неудивительно, что ревизія тульской консисторіи кончилась для преосвященнаго Дамаскина только замѣчаніемъ, полученнымъ имъ отъ синода.

3) Ревизія оренбургскаго духовнаго управлениія.

Эта ревизія была вызвана безпорядками по оренбургскому духовному управлению, сдѣлавшимися извѣстными св. синоду, съ одной стороны, по доносамъ архіерея и членовъ консисторіи на ея секретаря, а съ другой, по извѣстамъ секретаря на архіерея и членовъ консисторіи. Но прежде чѣмъ приступимъ къ изложению содержанія самыхъ доносовъ, скажемъ несолько словъ о главныхъ ратоборцахъ, тогдашихъ оренбургскомъ архіереѣ и консисторскомъ секретарѣ. Послѣ доброго, кроткаго и отчасти слабаго преосвященнаго Михаила, переведенъ былъ въ 1835 г. на оренбургскую каѳедру изъ Вятки Ioannikij. Уже самыи переводъ его изъ богатой и высшей по степени епархіи на оренбургскую, бѣднѣйшую и низшую, показываетъ, что синодъ имѣлъ невысокое понятіе объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ Ioannikij. Докладъ синодальнаго оберъ-прокурора Государю о причинѣ перевода Ioannikij изъ Вятки въ Уфу какъ нельзя лучше доказываетъ это, несмотря на то, что Нечаевъ всемѣрно старался смягчить предъ Государемъ невыгодное мнѣніе синода объ Ioannikij. «Поднося, пишетъ Нечаевъ, при семъ докладѣ св. синода обѣ избранныхъ на вакансію оренбургской архіерейской каѳедры кандидатахъ, долгомъ почитаю представить Вашему Импѣраторскому Величеству предварительное объясненіе о причинѣ, почему въ числѣ ихъ внесены, совокупно съ двумя архимандритами, епископомъ вятскій Ioannikij, занимающій нынѣ каѳедру хотя также третьеклассной епархіи, но старшой противу оренбургской. Побужденіемъ къ сему назначению были особенные обстоятельства вятской епархіи и учрежденіи въ ней миссій, по которымъ, при всей благонамѣренности нынѣшняго начальника, остается еще желать въ занимающемъ сіе мѣсто особенной твердости и личной настоятельности въ надзорѣ управлениія. Въ сей

епархии замѣчено не всегда просвѣщенное и усердное и не всегда безкорыстное дѣйствованіе приходскаго духовенства относительно неутвержденныхъ въ вѣрѣ черемисъ и вотяковъ; донесенія объ успѣхахъ миссій оказываются не во всѣхъ частяхъ вѣриыми, а со стороны епископа Іоанникія неполная мѣра силы характера, каковая въ преимущественной степени требуется въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы ближайшимъ и точнѣйшимъ образомъ открыть положеніе дѣлъ и людей и дать тѣмъ и другимъ рѣшительное направлѣніе къ лучшему. Напротивъ того, оренбургская епархія, малочисленная и по населенію военному зависящая наиболѣе отъ особеннаго поставленнаго надъ нимъ начальства, не представляется такихъ трудностей въ своемъ управлѣніи, почему и можно надѣяться, что епископъ Іоанникій, пріобрѣвши уже иѣкоторую опытность въ епархіальномъ управлѣніи, будетъ здѣсь существенѣе полезенъ, ежели Вашему Величеству благоугодно будетъ назначить его на сию каѳедру.

«Члены св. синода, препоручая мнѣ всеподданнѣйше доложить о таковомъ ихъ предположеніи, изъявили мнѣніе, что было-бы по обстоятельствамъ обѣихъ епархій полезнѣйше мѣрою, еслибы поступилъ на оренбургскую каѳедру сей первый кандидатъ, епископъ Іоанникій, съ сохраненіемъ настоящей своей степени (ибо пониженія не заслуживаетъ), какъ о томъ упомянуто и въ синодальномъ докладѣ, а въ вятскую епархію быть опредѣленъ другой начальникъ съ качествами, наиболѣе для дѣлъ ея нужными¹). Іоанникій, при ограниченныхъ умственныхъ способностяхъ и при непростительномъ въ его званіи незнаніи самыхъ обыкновенныхъ формъ духовнаго судопроизводства, быть, сверхъ того, задорливъ, сварливъ, надутъ, мстителенъ, пристрастенъ и несправедливъ; будучи окруженъ своими племянниками, людьми не совсѣмъ нравственными, онъ позволялъ имъ вмѣшиваться въ дѣла епархіального управлѣнія, и не только имъ, но даже и женамъ ихъ. Не строгій къ самому себѣ, онъ снисходительно смотрѣлъ на поступки грязнаго и пьяного ректора оренбургской семинаріи Никодима, и нравственнаго урода, смотрителя уфимскихъ училищъ, іеромонаха Филиппа. Но главный порокъ, которымъ опозорилъ себя Іоанникій и за который въ глаза называли его даже татары грабителемъ, было корыстолюбіе, послужившее началомъ вражды между нимъ и секретаремъ Маминымъ.

Маминъ былъ натура энергическая, огненная, смѣлая и дерзкая до наглости, язвительная, изворотливая, опытная въ крючкотворствѣ и са-

¹) См. докладъ оберъ-прокурора св. синода, годъ 1835, № 305, о кандидатахъ на оренбургскую каѳедру.

мая умная и даровитая среди безграмотной, невѣжественной и лѣнивой
челяди консисторской; натура гордая, мстительная и, какъ всѣ консистор-
ские секретари, корыстолюбивая. Съ семинарской скамьи Маминь попалъ
въ консисторію, гдѣ, при безлюдѣ умныхъ и мало-мальски грамотныхъ,
онъ скоро былъ замѣченъ и, какъ человѣкъ смысленный, въ непродолжи-
тельное время успѣлъ достигнуть мѣста секретаря. Время назначенія Ма-
мина на эту должность было для него самое неблагопріятное: оренбург-
ская консисторія доведена была до крайняго разстройства и представляла
по дѣлопроизводству чистый хаосъ. Одинъ изъ предмѣстниковъ Мамина
былъ преданъ суду уголовной палаты за безпорядки по консисторіи, дру-
гой едва избѣгъ этой чаши. Маминь принялъ должность только по усилен-
ной просьбѣ тогдашняго преосвященнаго оренбургскаго Амвросія, который
писалъ къ оберъ-прокурору князю Мещерскому, вызывавшему Мамина на
службу въ синодъ, что если угодно будетъ его сіятельству «взять Мамина
въ канцелярію синода, то онъ, по неимѣнію благонадежныхъ чиновниковъ,
долженъ будетъ запереть консисторію» ¹⁾). Это обстоятельство, конечно,
должно было имѣть вліяніе какъ на характеръ Мамина, и безъ того уже
гордый, такъ и на образъ его дѣйствій. Впрочемъ, къ чести Мамина слѣ-
дуетъ сказать, что онъ съ необыкновенною дѣятельностью принялъ за
исполненіе своей обязанности: сотни дѣлъ, лежавшихъ до него по иѣ-
сколько лѣтъ безъ движенія, были окончены въ самый короткій срокъ
и консисторія даже по виѣшности приняла болѣе благообразный видъ.
Преосвященный Михаилъ рекомендовалъ Мамина за такую его дѣя-
тельность съ отличной стороны ²⁾). Но вскорѣ случилось съ нимъ происше-
ствіе, о которомъ трудно сказать, было-ли оно злонамѣреннымъ, или только
слѣдствіемъ его оплошности: онъ былъ обвиненъ въ растратѣ консистор-
скихъ суммъ идержаніи у себя 880 руб. асс., принадлежавшихъ комиссіи
духовныхъ училищъ. Хотя большую часть растратенной суммы Маминь
пополнилъ, а другая часть этой суммы была вмѣнена ему въ пособіе,
какъ пострадавшему отъ пожара и во вниманіе къ его похвальному пове-
денію, способностямъ и трудамъ по приведенію въ возможный порядокъ
разстроенныхъ при прежнихъ секретаряхъ дѣлъ, и хотя преосвященный
Михаилъ даже ходатайствовалъ предъ св. синодомъ, чтобы не судить за
это Мамина и не дѣлать отмѣтки въ его формулярѣ, однако синодъ, не только

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1836 года, подъ № 1.291, объ удаленіи секретаря
оренбургской духовной консисторіи Василія Мамина отъ занимаемой имъ должности, и
въ немъ приложеніе подъ буквою С.

²⁾ Тамъ-же.

удалилъ Мамина отъ должности, но и предалъ его суду уголовной палаты. Уголовная палата оправдала Мамина, «какъ необличаемаго въ умыслѣ воспользоваться консисторскими суммами, а показавшаго только неотчетное дѣйствие по онымъ и уклоненіе отъ своевременнаго ихъ направленія». Преосвященный Михаилъ снова послѣ этого сталъ ходатайствовать предъ синодомъ о допущеніи Мамина къ секретарской должности, какъ благонадежнѣйшаго изъ всѣхъ чиновниковъ консисторской канцеляріи. Синодъ, послѣ многихъ отказовъ, наконецъ согласился на ходатайство преосвященнаго, но и то неохотно и только подъ тѣмъ условіемъ, «чтобы въ случаѣ какихъ-либо отъ Мамина безпорядковъ и незаконныхъ дѣйствій виредъ, отвѣтственность въ томъ преимущественно отнесена была на самое епархиальное начальство, какъ ручающеся за его благонадежность»¹⁾). Маминъ во второй разъ, уступая просьбамъ преосвященнаго Михаила, принялъ должность секретаря, но уже съ чувствомъ оскорблѣнія самолюбія. Между тѣмъ, во время удаленія Мамина отъ секретарства, т. е. впродолженіе 3 лѣтъ (съ 1830 г. по 1833 г.), дѣла консисторскія пришли въ совершилное разстройство. Должность секретаря въ оренбургской консисторіи была тогда столь тягостна и страшна, что, по удаленіи Мамина, чиновникъ Голубевъ, вызванный нарочно для занятія ея изъ духовнаго правленія, несмотря на убѣдительныя представленія консисторіи и преосвященнаго, рѣшительно отказался отъ нея и возвратился на прежнее мѣсто службы²⁾). Наиболѣе разстроена была консисторія Агафоновыемъ, исправлявшимъ должность секретаря по удаленіи Мамина, чиновникомъ невѣжественнымъ, лѣнивымъ, безсовѣстнымъ и глупымъ: архивъ консисторскій въ это время пришелъ въ совершилное запустѣніе, въ канцеляріи бумаги лежали незаписанными во входящіе реестры, исполненія дѣлались безъ резолюцій; у членовъ консисторіи за одинъ 1831 годъ нерѣшенныхъ дѣлъ и бумагъ оказалось 458³⁾). Маминъ снова съ жаромъ принялъ за исправленіе консисторскихъ безпорядковъ и въ два мѣсяца отъ своего вступленія въ должность сдѣлалъ столько, сколько безъ него сдѣлано было въ цѣлый годъ⁴⁾). Но его зависимое положеніе отъ членовъ консисто-

¹⁾ См. дѣло св. синода подъ № 1291, обѣ удаленіи секретаря оренбургской консисторіи Василія Мамина отъ занимаемой имъ должности, и тутъ-же указъ св. синода подъ № 313, на стр. 126, а также приложеніе къ этому дѣлу подъ лит. С, стр. 130.

²⁾ См. приложеніе къ упомянутому уже дѣлу подъ лит. С, озаглавленное такъ: «Записки и заключеніе изъ слѣдствія по доносу трехъ членовъ на секретаря Мамина», стр. 130.

³⁾ Тамъ-же, стр. 131.

⁴⁾ Тамъ-же.

рії и въ то-же время обидное для его самолюбія, было въ высшей степени вредно для быстроты и правильности консисторскаго дѣлопроизводства и всегда могло, при натинутости и напряженіи своемъ, служить источникомъ раздоровъ и ссоръ между нимъ и членами консисторіи. Члены же, зная, что судьба секретаря совершенно зависитъ отъ ихъ одобрительного отзыва, явно требовали, чтобы онъ былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ ихъ злоупотреблений, упущеній по должностіи и ихъ поблажекъ своимъ родственникамъ, и не терпѣли никакого контроля съ его стороны надъ своими поступками, никакихъ возраженій и напоминаній. Дѣйствія секретаря были парализованы такими ненормальными его отношеніями къ членамъ консисторіи: онъ долженъ быть молчать и какъ-бы не видѣть ихъ грѣховъ и злоупотреблений. Правда, огненная натура Мамина не всегда могла сдерживать себя; иногда у него то вырывалось колкое слово на счетъ того или другого члена консисторіи, то вылетала насмѣшка; но все это сносилось членами только потому, что Маминъ былъ покровительствующимъ преосвященнымъ Михаиломъ. Съ другой стороны, Маминъ, видя злоупотреблений членовъ, зная за каждымъ изъ нихъ нѣсколько грѣховъ и снисходительно смотря на ихъ лѣнность и упущенія по службѣ, тѣмъ смильѣ, свободнѣе и развязнѣе дѣйствовалъ тамъ, гдѣ можно было ему дѣйствовать, тѣмъ болѣе вліянія пріобрѣталъ надъ нѣкоторыми дѣлами въ консисторіи. Можетъ быть, членамъ казалось иногда и непрѣятнѣмъ преобладающее вліяніе Мамина; можетъ быть, и разъ возникала у нихъ мысль ограничить его, и даже удалить изъ консисторіи, но боязнь, чтобы онъ, по выходѣ отсюда, не обличилъ ихъ злоупотреблений и не вывелъ наружу всѣхъ ихъ темныхъ дѣлъ, опасеніе нападеніями на него оскорбить покровительствовавшаго ему преосвященнаго Михаила,—все это связывало руки членамъ консисторіи, заставляло ихъ скрывать свое нерасположеніе къ Мамину и вынудило ихъ рекомендовать его въ 1835 г. съ хорошей стороны. Маминъ, вслѣдствіе этой рекомендациіи крѣпко утвердясь на мѣстѣ, сталъ требовательнѣе и взыскательнѣе по отношенію къ членамъ консисторіи. Самыя обстоятельства такъ сложились, что Маминъ, получивъ особыя предписанія синодального оберъ-прокурора, долженъ былъ напоминать нѣкоторымъ изъ нихъ объ усиленіи ихъ дѣятельности, какъ, напримѣръ, каѳедральному протоіерею Кандарицкому, которому поручено было привести въ порядокъ консисторскій архивъ и который, между тѣмъ, ничего не дѣлалъ, а оберъ-прокуроръ предписаніями своими къ секретарю постоянно напоминалъ о скорѣйшемъ окончаніи этого дѣла. Члены по-своему объясняли перемѣну въ обращеніи съ ними Мамина. Кстати замѣтимъ здѣсь, что разныя секрет-

ная предписанія оберъ-прокуроровъ Нечаева и Пратасова ¹⁾ къ секретарямъ консисторій, какъ-бы дававшія имъ особыя полномочія и право како-то наблюденія за мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, сбили съ толку многихъ консисторскихъ секретарей, поставили ихъ въ фальшивое положеніе къ членамъ консисторіи и архіереямъ, и многихъ изъ нихъ погубили. Въ это время, когда взаимныя отношенія членовъ и секретаря становились болѣе и болѣе напряженными, преосвященный Михаилъ отказался отъ управления оренбургскою епархіею и былъ уволенъ на покой, а мѣсто его занялъ Іоанникій. Съ первыхъ-же недѣль по поступленіи Іоанникія на оренбургскую каѳедру, начались неудовольствія между нимъ и секретаремъ. Прежде, при слабомъ, безкорыстномъ и довѣрчивомъ преосвященномъ Михаилѣ, Маминъ имѣлъ большое вліяніе на движение и направление дѣлъ; теперь-же статьи доходныя отошли отъ Мамина къ свитѣ ново-прибывшаго преосвященнаго, которая, независимо отъ секретаря и даже во вредъ его интересамъ, начала вліять на ходъ епархіальныхъ дѣлъ. Маминъ, лишенный выгодъ, какими онъ дотолѣ пользовался, сталъ врагомъ архіерея и, при своей мстительности, искалъ случая напасть на него. Сначала вражда Мамина къ архіерею ограничивалась остротами на счетъ владыки и его свиты. При усердномъ угодничествѣ нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ показать свое усердіе, преосвященный Іоанникій, охотно слушавшій всякія сплетни, немедленно узнавалъ все, что было говорено Маминымъ на его счетъ. Затаенная вражда съ той и другой стороны росла со дня на день. Нѣкоторые изъ членовъ консисторіи, недовольные Маминымъ и боявшіеся, чтобы онъ не обнаружилъ ихъ злоупотребленій, всемѣрно раздували эту вражду, надѣясь при помощи архіерея изба-

¹⁾ При Пратасовѣ возникло множество ссоръ архіереевъ съ консисторскими секретарями, вслѣдствіе той системы, которой онъ держался по отношенію къ архіереямъ, всячески ограничивая и обуздывая ихъ власть и силу. Для достижениія этой цѣли, между прочимъ, употребляемы были и секретари, которымъ словесно и письменно приказывалось наблюдать за всѣми дѣйствіями архіереевъ и членовъ консисторій, слѣдить за всѣми событиями епархіальными и прямо обо всемъ доносить оберъ-прокурору, такъ что секретарь, въ нѣкоторомъ родѣ, былъ прокуроромъ, ревизоромъ и шпіономъ всего, что совершилось въ епархіальномъ управлѣніи. Отсюда начало той частой и смѣлой оппозиціи со стороны секретарей архіереямъ, обнаружившіейся во времена Пратасовскія. Въ этой-же системѣ нужно искать причины и того явленія, что секретари, по большей части, были назначаемы противъ воли архіереевъ изъ чиновниковъ синодальной или оберъ-прокурорской канцелярій, и притомъ изъ чиновниковъ, пользовавшихся особенною довѣренностю директоровъ Сербиновича, Войцеховича и Карасевскаго, или даже состоявшихъ съ ними въ законномъ или незаконномъ родствѣ.

виться безъ хлопотъ отъ секретаря. Наконецъ, 6-е февраля 1836 г. было началомъ открытой вражды между архіереемъ и Маминымъ. По-водомъ къ обнаружению ея послужило слѣдующее обстоятельство: на 5-е февраля (1836 г.) въ архіерейскомъ домѣ случилось воровство: у іеродіакона Филарета, засидѣвшаго до 4-хъ часовъ за полночь въ кельѣ іеромонаха Платона, украдено было 2.500 руб. (асс.); похититель былъ найденъ на другой день и возвратилъ Филарету изъ украшенныхъ только 200 руб., а остальную сумму обѣщаъ уплатить впослѣдствіи, внося въ нее ежегодно по 300 руб. Воръ былъ служитель архіерейского дома Федоровъ, который, послѣ уличенія въ кражѣ, болѣе трехъ сутокъ скрывался въ архіерейскомъ домѣ, въ кельѣ архіерейского эконома Владимира, покровительствовавшаго Федорову¹). Дѣло, кажется, хотѣли замять, какъ скандальное для архіерейского дома, или, по крайней мѣрѣ, кончить домашнимъ образомъ. Но Маминъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы кольнуть архіерея и выставить на показъ темныя дѣла архіерейского дома, и подалъ въ консисторію 6-го февраля такого содержанія докладъ: «До свѣдѣнія моего дошло, что въ оренбургскомъ архіерейскомъ домѣ, именно въ кельѣ іеродіакона Филарета, во время ночи, въ небытность его, покрадено 2.500 руб., по его показанію. Воръ этихъ денегъ найденъ и укрывается въ архіерейскомъ домѣ. Вслѣдствіе чего я просилъ-бы оренбургскую консисторію спросить кого слѣдуетъ, справедливѣ-ли этотъ слухъ²). Со стороны Мамина это былъ самый дерзкій вызовъ архіерея на брань; выходка самая обидная и язвительная, заключавшая въ себѣ гораздо болѣе, нежели сколько сказано въ докладѣ. Архіерей былъ раздраженъ, потому что его унизили въ глазахъ консисторіи и цѣлаго города. Это состояніе души преосвященнаго Іоанникія не могло укрыться отъ нѣкоторыхъ членовъ консисторіи, особенно пользовавшихся его расположениемъ; а можетъ быть и самъ Іоанникій не скрылъ предъ ними своихъ чувствъ и далъ полную свободу своему негодованію на поступокъ Мамина. Когда, такимъ образомъ, члены консисторіи увѣрились, что архіерей будетъ за нихъ противъ Мамина и что всякое нападеніе со стороны ихъ на секретаря будетъ принято съ удовольствіемъ преосвященнымъ, тогда три члена: Кандарицкій, Лепоринскій и іеромонахъ Владимиръ, какъ-бы желая подслужиться архіерею,

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ объясненіе преосв. Іоанникія синоду, стр. 40.

²) См. въ упомянутомъ нами дѣлѣ списокъ съ доклада, поданного въ 12 день апрѣля 1836 г., за № 15, къ преосв. Іоанникію секретаремъ оренбургской консисторіи.

23-го марта 1836 г. подали ему слѣдующій докладъ: «Указомъ изъ св. правительствующаго синода, 28-го ноября 1832 г. воспослѣдовавшимъ, по дѣлу о сужденномъ въ оренбургской палатѣ уголовнаго суда губернскому секретарю Мамину за растрату разныхъ суммъ консисторскихъ, между прочимъ, предписано было: допустить Мамина къ прежней должности секретаря въ консисторіи съ тѣмъ, что въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ и незаконныхъ дѣйствій впредь, отвѣтственность въ томъ отнесена будетъ на самое епархиальное начальство.

«Вслѣдствіе чего, допустивъ того Мамина къ исправленію должности секретаря въ консисторіи, мы надѣялись, что урокъ оной бытности подъ судомъ за растрату сказанныхъ суммъ уже внушилъ ему важность государственной службы, а обязавъ его въ то-же время подпиською въ томъ, что сію должность, снова ему поручаемую, онъ исправлять будетъ сообразно узаконеніямъ, мы полагали, что если онъ, Маминъ, и забудетъ оный урокъ, правительствомъ ему заданный, то, по крайней мѣрѣ, останется вѣренъ упомянутой подписью своей.

«Въ каковыхъ понятіяхъ обѣ немъ, секретарь Маминъ, мы и были до минувшаго 1835 г., но, одобравъ его въ послужныхъ спискахъ, какъ и прежде, за оный минувшій годъ, нынѣ уже раскаяваемся. Ибо сождавъ лукаво сего одобренія нашего, онъ, секретарь Маминъ, не только въ замѣченныхъ нами безпорядкахъ у него не исправляется, но отъ одного дня до другаго дѣлается безнадежнѣйшимъ.

«Когда-жъ доходитъ у насъ до напоминаній ему обо всемъ томъ, тогда онъ, секретарь Маминъ, отвергая ихъ съ презрѣніемъ, величается, что не мы, а самъ онъ ревизоръ наше въ консисторіи по власти, якобы данной ему отъ г. оберъ-прокурора св. синода, что только его-же пре-восходительству какъ за насть, членовъ, такъ и за всю консисторію отвѣчаетъ онъ, имѣя отъ него на все то, будто-бы, предписанія, и что по неимѣнію прокурора въ консисторіи, самъ онъ, Маминъ, не только секретарь, но и прокуроръ въ оной. А какія между тѣмъ дѣлалъ онъ еще личныя обиды намъ, членамъ, по проявившейся наглости въ немъ, то хотя обѣ оныхъ мы здѣсь писать и стыдимся, но долѣе терпѣть ихъ отъ него уже не можемъ: такъ онъ грубы и тяжки. Докладывая о семъ вашему преосвященству, мы, въ заключеніе всего, имѣемъ долгъ изъясниться, что съ сего времени мы уже никакой за него, секретаря Мамина, отвѣтственности на себя не пріемлемъ, ибо по прописаннымъ обстоятельствамъ оной боимся. А потому и просимъ покорѣйше учинить архи-пастырское вашего преосвященства распоряженіе обѣ избавленіи настъ

отъ оной отвѣтственности за него, секретаря Мамина»¹⁾). Архіерей съ радостью принялъ этотъ докладъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій его собственному желанію; но какъ докладъ былъ подписанъ только тремя членами консисторіи, а слѣдовательно поѣтому не имѣлъ полной силы и значенія, то преосвященный сдѣлалъ запросъ не подписавшимся членамъ: «Ручаются-ли они за секретаря Мамина, и почему не подписались подъ докладомъ протоіереевъ: Кандарицкаго и Лепоринскаго и іеромонаха Владіміра?» Протоіереи Брѣевъ и Несмѣловъ, къ которымъ относился запросъ Іоанникія, хотя также не брали на себя отвѣтственности за Мамина, но и не подтвердили доноса трехъ членовъ, и дали отвѣтъ по этому случаю уклончивый и неопределенный²⁾). Архіерей, получивши

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ докладъ пр. Іоанникію трехъ членовъ оренбургской духовной консисторіи.

²⁾ Вотъ отвѣтъ Брѣева: «На предложенный вашимъ преосвященствомъ на оборотѣ листа сего мнѣ запросъ о секретарѣ консисторіи, губернскомъ секретарѣ Маминѣ, имѣю долгъ отозваться, что докладъ относительно ненадежности его, секретаря, внесенный къ вашему преосвященству гг. присутствующими консисторіи протоіереями Александромъ Кандарицкимъ, Андреемъ Лепоринскимъ и іеромонахомъ Владіміромъ, не подписанъ мною потому, что изложенныхъ въ ономъ обстоятельствѣ я достовѣрно не знаю и утвердить оныхъ не могу. Что-же касается до требуемаго вашимъ преосвященствомъ отъ меня обѣ нѣмъ, секретарѣ Маминѣ, отзыва: ручаюсь-ли я за его исправность по должностіи и могу-ли имѣть его на своей отвѣтственности, то по неревностному усердію его къ должностіи секретарской я никакъ поручиться за него, Мамина, не могу, а тѣмъ паче принять еще его и на свою отвѣтственность».

А вотъ отзывъ Несмѣлова: «На предложеніе вашего преосвященства, отъ 7-го числа сего апрѣля за № 691 послѣдовавшее, симъ долгъ имѣю вашему преосвященству объявить: 1) что докладъ консисторіи, прочими членами, за подписаніемъ ихъ, къ вашему преосвященству поданный, относительно ненадежности г. секретаря Мамина и неосновательныхъ его поступковъ мною не подписанъ потому, а) что о подачѣ оного въ общемъ присутствіи консисторіи при мнѣ никогда разсуждаю не было; б) въ то число, когда былъ написанъ и поданъ къ вашему преосвященству сей докладъ, я совсѣмъ не былъ въ присутствіи, да и совершенно не зналъ, въ которое именно время былъ оной писанъ, ибо никѣмъ изъ членовъ доселѣ о семъ предувѣдомленъ не былъ; 2) что поелику въ прошломъ 1834 г., какъ мнѣ известно, оренбургское епархіальное начальство, особымъ представленіемъ засвидѣтельствовало предъ св. правительствующимъ синодомъ обѣ отличномъ поведеніи г. Мамина и о исправномъ прохожденіи должностіи его, ходатайствовало даже о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ, да и нынѣ въ послужномъ его спискѣ аттестованъ онъ съ хорошей стороны какъ по должностіи, такъ и по поведенію его: то вопреки сему въ столь короткое время отзываться о исправности его въ противную сторону не могу; равнымъ образомъ и неосновательныхъ поступковъ его, г. Мамина, какіе замѣчены въ немъ прочими членами консисторіи, я не знаю и съ своей стороны доказать не надѣюсь, и 3) ручаться-же на будущее время за его исправность, равно и взять на свою отвѣтственность дѣйствія его я также никакъ не могу».

отзывы Брѣева и Несмѣлова, тотчасъ удалилъ Мамина отъ должности, велѣлъ прекратить ему жалованье и запретилъ выдавать ему въ почт-амтѣ бумаги, адресованныя на имя консисторскаго секретаря, а должность секретаря поручилъ Агаѳонову, врагу Мамина. Если дерзокъ былъ поступокъ Мамина, то столь-же беззаконно самоуправство архіерея, предвосхитившаго себѣ власть синодальную, потому что опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе секретарей консисторій принадлежитъ власти синода, а не мѣстнаго архіерея. Самоуправство Іоанникія должно было вызвать новыя дерзости и сильные протесты со стороны секретаря. Маминъ, видя, что теперь идетъ игра на всю его судьбу и карьеру, началь употреблять всѣ средства, чтобы защитить себя и погубить своихъ враговъ: онъ обращался съ обидными докладами и дерзкими вопросами къ архіерею, слѣдилъ за нимъ и не давалъ ему покоя, завалилъ оберъ-прокурора доносами, а архіерея и консисторію докладами и протестами. Лишь только онъ узналъ о доносѣ на него членовъ консисторіи, какъ подалъ два доклада—одинъ въ консисторію, а другой архіерею; въ этихъ докладахъ онъ просилъ оренбургскую духовную консисторію до прибытія въ Уфу синодальнаго оберъ-прокурора, или комиссіи, которую онъ рѣшился испросить у верховнаго правительства для изслѣдованія дѣйствій здѣшняго епархіального начальства, «всѣми секретными мѣрами противъ него пріостановиться». «Причемъ—писалъ онъ—обязанностью считаю доложить оренбургской консисторіи, что въ случаѣ малѣшней несправедливости противъ меня, до прибытія или г. синодальнаго оберъ-прокурора, или комиссіи, я вынужденъ буду испросить защиты у посторонняго правительства»¹). Когда угроза не имѣла никакого дѣйствія и онъ былъ отставленъ, тогда онъ дѣлаетъ докладъ, обидный для Іоанникія, или, лучше, задаетъ ему вопросъ: «можетъ-ли экономъ архіерейскаго дома Владіміръ, отрѣшній отъ экономской должности вслѣдствіе резолюціи вашего преосвященства, какъ укрыватель вора и какъ неспособный къ исправленію, присутствовать въ консисторіи, гдѣ должно засѣдать не только безпорочное, но и избранное духовенство»? Этимъ вопросомъ Маминъ прямо почти называлъ Іоанникія глупцомъ, который до такой степени недалекъ, что человѣка, который не можетъ быть экономомъ архіерейскаго дома, оставляетъ членомъ консисторіи. Потомъ посыпался отъ Мамина рядъ доносовъ на Іоанникія оберъ-прокурору: во-первыхъ, онъ доносилъ что «съ прибытіемъ преосвященнаго Іоанникія изъ

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ докладъ секретаря Мамина отъ 8-го апрѣля 1836 г.

Вятки въ Уфу появились въ архіерейскомъ домѣ пять человѣкъ: одинъ изъ нихъ іеромонахъ Виталій, какъ видно изъ послужного его списка, бывшій вятского архіерейского дома экономъ, вступившій въ монашество изъ подьяческаго званія, другой, Лелявскій, именується послушникомъ, а троє неизвѣстныхъ консисторіи. Виталій сдѣланъ былъ экономомъ вмѣсто іеромонаха Владіміра, исправлявшаго эту должность 12-ть лѣтъ не только безпорочно, но еще пріобрѣвшаго архіерейскому дому 12,000 рублей. Лелявскій-же занялъ двѣ должности: іеродіаконскую при крестовой церкви и іподіаконскую при кафедральномъ соборѣ, а прочие неизвѣстно консисторіи чѣмъ занимаются. Лица эти при первомъ своемъ вступлѣніи въ оренбургскую епархію начали вести себя очень несообразно своему званію и мѣсту, гдѣ они угнѣздились. Получивъ въ городѣ, привыкшемъ видѣть благочестіе въ домѣ архіерейскомъ, невыгодные слухи о ихъ поведеніи, я обязанностю почелъ словесно дожелить его преосвященству о такихъ соблазнительныхъ слухахъ. Его преосвященство, по-видимому оказавши удовольствіе за предостереженіе, благоволилъ сказать мнѣ, что онъ постараєтся все это прекратить. Слѣдствіе показало противное; въ доказательство чего Маминъ приводить воровство, случившееся въ архіерейскомъ домѣ, о чѣмъ мы уже упомянули, распространившееся по городу слухи о соблазнительномъ поведеніи молодежи, наполняющей архіерейский домъ, и изгнаніе изъ архіерейского дома старца Нехорошкова, носившаго на себѣ желѣзныя вериги. Во-вторыхъ, жаловался Маминъ оберъ-прокурору, что когда оренбургская консисторія спрашивала преосвященнаго: кому ей сдать имущество архіерейского дома, онъ, поручивъ пріемъ новому, привезенному изъ Вятки экономическому, его, Мамина отъ сдачи устранилъ, потому что еще до начала сдачи издержано было на содержаніе пріѣхавшей съ архіереемъ свиты болѣе тысячи рублей изъ накопленныхъ прежде 12,000. Въ-третьихъ, что преосвященный Іоанникій, раздраженный словесными и письменными докладами Мамина о беспорядкахъ по архіерейскому дому, приказалъ членамъ консисторіи, которыхъ опредѣленіе и смѣна и даже самъ санъ зависятъ прямо отъ него, на послѣдней недѣлѣ великаго поста, когда и присутствующіе консисторіи (кромѣ кафедрального протоіерея Кандаріцкаго), и канцелярскіе чиновники съ нимъ занимались однимъ богомысліемъ для исполненія христіанскихъ обязанностей своихъ, написать противъ него вышеприведенный докладъ. «Я, продолжаетъ Маминъ, послѣ узнанія, что докладъ тотъ подписанъ членами, подвергшимися отвѣтственности вслѣдствіе моихъ настоящій, именно: о. протоіереемъ Кандаріцкимъ, разстроившимъ совершенно архивъ консисторійский, ключаремъ протоіереемъ Лепо-

ринскимъ, противу котораго я еще въ прошломъ году протестовалъ въ томъ, что онъ, при преосвященномъ Амвросіи за отмѣнно противозаконное дѣйствіе бывъ отрѣшенъ отъ присутствованія въ консисторіи, съ тѣмъ, чтобы на будущее время не опредѣлять его къ подобнымъ должностямъ, при преосвященномъ Аркадіи допустилъ себя къ присутствованію въ оной (безъ справокъ), и іеромонахомъ Владіміромъ, который, будучи угнетенъ при архіерейскомъ домѣ и его преосвященствомъ, и пріѣхавшею съ нимъ свитою, не имѣть духа воспротивиться приказанію его преосвященства; другіе-же члены доклада того подписать не согласились. Его преосвященство, послѣ многихъ личныхъ убѣждений симъ послѣднимъ подписать докладъ, наконецъ отобралъ отъ нихъ показанія. Показанія эти, какъ дошло до свѣдѣнія моего, вполнѣ не подтвердили доклада, составленаго виѣ присутствія и даже не имѣющаго нумера. Но его преосвященство въ данномъ консисторіи предложеній изволилъ написать, что онъ вслѣдствіе доклада иѣкоторыхъ членовъ консисторіи, подтвержденаго показаніями другихъ въ чёмъ-то, представилъ св. синоду обѣ удаленіи меня отъ секретарской должности, и вслѣдствіе сего приказалъ удалить меня тотчасъ-же. По поводу этому я безъ всякаго даже постановленія консисторіи упоминаемыми о. протоіереями Кандаріцкимъ и Лепоринскимъ устраниенъ въ тотъ-же день отъ дѣла, за которыя болѣе всѣхъ обязанъ отвѣтчать вышшему правительству, а по вытчикамъ внушенуо, въ случаѣ если я рѣшусь оправдываться, не давать мнѣ ни одного дѣла для справокъ, и внослѣдствіи сообщено въ Уфимскую почтовую контору, чтобы бумагъ, слѣдующихъ на мое имя, не доставлять мнѣ» ¹⁾). Въ-четвертыхъ, что преосвященный Іоанникій разрѣшилъ священослуженіе священику Уфимской Богоявленской церкви Высокогорскому, который, сверхъ многихъ другихъ противозаконныхъ поступковъ, подвергся отвѣтственности за неведеніе метрическихъ и обыскныхъ книгъ и за незаписываніе суммъ по церкви въ приходорасходныя книги, а также за отказъ дать объясненіе по этому дѣлу консисторіи, соединенный съ обидою членовъ консисторіи и секретаря.

Пратасовъ всѣ эти доносы Мамина предложилъ синоду, который нашелъ докладъ противъ секретаря, подписанный только тремя, а не всѣми членами, сомнительнымъ, а основанное на этомъ докладѣ распоряженіе преосвященнаго обѣ удаленіи Мамина отъ должности самоуправнымъ и приказалъ немедленно допустить его къ исправленію должности, удовлетворивъ и всѣмъ слѣдующимъ по сіе время жалованіемъ. «Если-же, пи-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ доносы Мамина на стр. 18—34.

саль синодъ, Маминъ изъяснялся иногда предъ преосвященнымъ, забывая должное приличие и какъ-бы съ нѣкоторымъ устрашиваніемъ, то сія нескромность требовала одного начальническаго замѣчанія и внушенія Мамину быть впредь осторожнѣе и не забывать должнаго къ преосвященному уваженія. А два доклада Мамина, къ преосвященному и въ консисторію поданные, о пріостановленіи распоряженій по докладу на него трехъ членовъ, ничего особеннаго въ себѣ не заключаютъ, кромѣ необдуманнаго предположенія его просить для изслѣдованія дѣйствій епархіального начальства назначенія особой комиссіи и пособія отъ гражданскаго начальства, а посему и сіи обстоятельства не подвергали Мамина удаленію отъ должности¹⁾). Что-же касается до приписываемыхъ Мамину беспорядковъ и упущеній по должности и неприличныхъ поступковъ, то синодъ велѣлъ произвестъ надлежащее слѣдствіе, истребовавъ прежде отъ подписавшихся подъ докладомъ членовъ ясное показаніе, въ чемъ именно состоять эти беспорядки и неприличные поступки, а также гдѣ, когда и почему безъ вѣдома и согласія двухъ присутствующихъ тотъ докладъ былъ составленъ. За неприличныя и дерзкія выраженія Мамина въ докладахъ противъ преосвященнаго Іоанникія синодъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ, съ подтвержденіемъ впредь таковыхъ поступковъ остерегаться. Самому преосвященному поставлено было синодомъ на видъ его самоуправство въ удаленіи отъ должности Мамина, такъ какъ опредѣленіе и увольненіе консисторскихъ секретарей зависитъ отъ св. синода, и подтверждено ему, чтобы на будущее время не простирали власти своей далѣе ея предѣловъ. Наконецъ, по протестамъ на него Мамина потребованы обстоятельный объясненія. Вообще указъ синодальный былъ болѣе въ пользу секретаря, чѣмъ архіерея. Маминъ торжествовалъ; сторонники его, прежде робко и боязливо державшіеся его, теперь открыто пристали къ нему и стали защищать его интересы; самъ онъ, ободренный первымъ успѣхомъ, сталъ еще неумолимѣе къ архіерею и его партіи, досаждая и постоянно беспокоилъ его докладами, неутомимо доносилъ оберъ-прокурору о беспорядкахъ, открываемыхъ имъ въ епархіальномъ управлѣніи. Вражда между партіями теперь приняла характеръ ожесточенный; враги, считая позволительными всѣ средства, дошли до забвенія всякаго приличія, клеветали другъ на друга, подъискивались, подсыпали дѣла и бумаги, разламывали столы, гдѣ хранились дѣла, судили другъ друга, производили слѣдствія, отрѣшили отъ должностей, не довольствуясь судомъ домашнимъ, обращались

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 7-го іюля 1836 г.

къ суду уголовной палаты и губернского правления, и во всемъ этомъ пробивались наружу мщеніе къ врагамъ и пристрастіе къ сторонникамъ. Доносы, одинъ другого грязнѣе, отъ той и другой стороны, восходили въ синодъ и къ оберъ-прокурору. Маминъ обыкновенно обращался съ своими доносами къ оберъ-прокурору, а архіерей въ синодъ. Такъ, Маминъ доносилъ оберъ-прокурору, что 1) архіерей въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ выдаѣтъ около ста сорока ставленическихъ граматъ, тогда какъ по мало-численности церквей въ оренбургской епархіи прежде сего не выдавалось и пятой части въ цѣлый годъ. Между тѣмъ, въ то-же время онъ съ не-понятнымъ равнодушіемъ отказывалъ поставить священника туда, где въ немъ настаила крайняя надобность, въ доказательство чего представлялъ Маминъ то обстоятельство, что еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1836 г. иѣсколько разъ лично просили его преосвященство повѣренные отъ единовѣрцевъ Челябинской округи села Сладкихъ Карасинской церкви къ себѣ священника. Они имѣли въ немъ необходиющую нужду, потому что приходъ ихъ, состоящій слишкомъ изъ пяти тысячъ душъ обоего пола и разсѣянный по всей Челябинской округѣ на пространствѣ болѣе двухсотъ верстъ, не имѣлъ у себя ни одного штатнаго пастыря. Но его преосвященство, несмотря на представленіе повѣренныхъ, что многіе изъ довѣрителей ихъ, будучи еще юны въ единовѣріи, могутъ обратиться опять въ расколъ; несмотря на представленіе консисторіи, опасавшейся того-же самаго и объяснявшей ему, чего стоило епархіальному начальству обращеніе ихъ къ единовѣрію, не даль имъ священника, и они вынужденными нашлись обратиться съ своею просьбою въ Пермскую губернію, къ какому-то покровителю единовѣрцевъ, купцу; 2) что Лепоринскій, членъ консисторіи, съ чиновникомъ Агаѳоновымъ скрывали дѣло о священникѣ Агровѣ, родственникѣ Лепоринскаго, обличаемомъ діакономъ Касаткинымъ въ произнесеніи оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора; 3) что въ архіерейской Крестовой церкви найдены разбитыми два ящика, въ которыхъ хранилась свѣчная и братская сумма, и находившіяся въ нихъ деньги неизвѣстно кѣмъ украдены. Дѣло это хотѣли скрыть и послѣдствія произведенныхъ по немъ розысканій ограничились только тѣмъ, что вскорѣ послѣ этого случая одинъ изъ племянниковъ Іоанникія переведенъ изъ архіерейскаго дома на жительство въ семинарію. Но Маминъ написалъ объ этомъ воровствѣ докладъ Іоанникію, который сдалъ его въ консисторію съ такою резолюціею: «Хотя докладъ сей заключаетъ, повидимому, одно донесеніе о прописанномъ происшествіи, но поелику я подобными докладами секретаря Мамина оболганъ уже предъ г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и св. синодомъ, то полагаю,

что и сей докладъ имѣть ту-же цѣль, а не доношеніе ко мнѣ, а по-тому объявить ему, что я ревизоромъ его надъ собою и архіерей-скимъ домомъ не признаю и впредъ подобныхъ бумагъ принимать отъ него не буду, имѣя въ домѣ своеѣ должностныхъ лицъ, наблю-дающихъ за порядкомъ. А какъ я слышалъ, что въ консисторіи имѣется дѣло объ обидѣ, причиненной имъ самимъ, Маминомъ, въ консисторіи бывшему соборному священнику Соколову, то донесено-ли было о семъ г. оберъ-прокурору, и чѣмъ оно рѣшено, рекомендую консисторіи представить ко мнѣ оное». Маминъ и эту резолюцію архіеря сообщилъ оберъ-прокурору при докладѣ объ извѣстной покражѣ съ такимъ интерес-нымъ прибавленіемъ, что «въ Крестовую церковь есть два входа—одинъ изъ коридора, другой изъ комнатъ его преосвященства; замки того и дру-гаго входа оказались цѣлыми и даже неповрежденными; ключи-же отъ нихъ хранились отъ первого у казначея іеродиакона Филарета, а отъ послѣдняго у его преосвященства, но похитители не отысканы». Доносилось также 4) что, вскорѣ по удаленіи Мамина отъ должности, члены консисторіи, съ утвержденіемъ его преосвященства, подъ предлогомъ приведенія въ порядокъ разстроенныхъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кандарицкимъ и титулярнымъ совѣтникомъ Агаѳоновымъ дѣль, собрали въ одну кучу всѣ дѣла безъ описей по 1833 годъ, смѣшали съ ними прежнія и въ комнатѣ, занятой сторожемъ, четыре дня сряду топили печь по два и по три раза въ день, по распоряженію Агаѳонова, и сожгли такимъ образомъ множество кон-систорскихъ бумагъ. Впослѣдствіи Агаѳоновъ донесъ консисторіи, что онъ, по неусердію къ предпринятымъ дѣлу канцелярскихъ чиновниковъ кон-систоріи, не можетъ далѣе продолжать сдѣланнаго ему порученія и этимъ кончила свое существованіе комиссія о приведеніи консисторскаго архива въ порядокъ. По вступленіи въ должность секретаря, Маминъ съ жаромъ принялъ за разслѣдованіе этого дѣла и узналъ, что обвиненіе въ недѣя-тельности канцелярскихъ служителей при разборѣ консисторскихъ дѣль было со стороны Агаѳонова уловкой для сокрытия своего поступка. Объясненія чиновниковъ Боголюбскаго, Бирюкова и Докина, представ-ленія консисторіи, ясно обличили Агаѳонова въ сожженіи консистор-скихъ дѣль, а потому члены консисторіи, бывшіе на сторонѣ Мамина, постановили: Агаѳонова, какъ уже удаленнаго отъ должностей по конси-сторіи, отрѣшить вовсе отъ нихъ и предать суду. Но преосвященный оставилъ это опредѣленіе безъ исполненія. 5) Что «4-го числа ноября въ секретарскомъ столѣ, гдѣ хранились секретныя бумаги, одна доска, при-битая гвоздемъ, была отодрана такъ, что свободно можно было въ за-пертый столъ просунуть руку и взять оттуда бумаги, или положить

ихъ. Обстоятельствомъ симъ бывъ я пораженъ, тотчасъ призвалъ канцелярскихъ чиновниковъ консисторіи и отодранную отъ стола доску показалъ имъ, потомъ заявилъ это членамъ консисторіи и настояль записать все это въ журналъ, запечатавъ столъ. Послѣ попросилъ освидѣтельствовать столъ и сдѣлать розыскъ. Но архіерей и этой бумаги не рѣшилъ». 6) Что ему, Мамину, подкидываютъ на окошко подъ секретарскаго стола дѣла и бумаги, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія, чтобы обвинить его въ сокрытіи этихъ дѣлъ и бумагъ, и что онъ подозрѣваетъ въ этихъ продѣлкахъ члена консисторіи Лепоринскаго и Агаѳонова. 7) Что протоіерей Брѣевъ представилъ въ присутствіе консисторіи мещеряка Шалкумдилова, объявившаго, что онъ не допускается къ преосвященному служкою, который послѣ многихъ вымогательствъ взялъ съ него два цѣлковыхъ, но прошенія его не принялъ, сказавъ, что оно написано не по формѣ. А прошеніе мещеряка состояло въ просьбѣ просвѣтить его св. крещеніемъ.

Если Маминъ былъ щедръ на доносы, то и враги его также не дремали. Преосвященный Іоанникій, въ объясненіяхъ своихъ синоду на протесты Мамина, обвинялъ его во лжи, дерзости, безсовѣтности и т. под. Такъ, онъ въ опроверженіе слуховъ о безпорядочной, будто-бы, жизни своей свиты представлялъ, что вся свита, прибывшая съ нимъ изъ Вятки, состоитъ изъ іеромонаха Виталія, котораго онъ сдѣлалъ экономомъ архіерейскаго дома, послушника Лелявскаго, помѣщенаго на іеродіаконскую вакансію и иподіаконскую при соборѣ, и трехъ его племянниковъ, *людей не секретныхъ, а известныхъ*. Племянники его родомъ изъ тверской епархіи, дѣти родного брата, взяты имъ на воспитаніе по бѣдности матери въ 1832 г., при поступлениі его въ вятскую епархію; изъ нихъ двое старшихъ, Иванъ и Федоръ Образцовы, поступили нынѣ въ философскій классъ, а третій, Василій, въ словесность, и состоять въ вѣдомствѣ оренбургской семинаріи, а по епархіальной части принадлежать вѣдомству тверской епархіи. «Секретарь Маминъ—писалъ Іоанникій—въ продолженіи января, февраля, марта и апрѣля, пока сдѣлалъ доносъ начальству, хорошо и вѣрно-бы могъ узнать о происхожденіи и занятіяхъ ихъ отъ семинарскаго правленія, но ему нужны были ябеды на меня, а потому и сіе ничтожное обстоятельство, какъ важное, не устыдился внести къ умноженію клеветъ въ число ихъ и выставить, какъ можно съ черной стороны. Послушникъ Лелявскій есть дѣйствительный послушникъ, а не по имени, не іеродіаконъ, ибо не имѣть сего сана, происходит изъ духовнаго званія и при мнѣ находится не менѣе пятнадцати лѣтъ. Іеромонахъ Виталій также духовнаго происхожденія, изъ священ-

ническихъ дѣтей, но служилъ сперва по канцеляріи въ свѣтскомъ званіи, а потомъ, дослужившись оберъ-офицерскаго чина, поступилъ въ монашество и находился въ разныхъ монастыряхъ, нося главныя должностіи. Чтобы эти лица вели непристойную жизнь, я ни самъ ничего не замѣчалъ, ни отъ постороннихъ не слыхалъ. Въ покражѣ, случившейся въ моемъ домѣ у іеродіакона Филарета, никто изъ нихъ не былъ участникомъ, а потому и никакого нареканія не могло на нихъ ни отъ кого падать. А если были какіе слухи, до ушѣй моихъ доходившіе, то это были слухи: а) о самомъ секретарь Маминъ, заключавшійся въ томъ, что онъ разныя изобрѣтаетъ неіѣности относительно архіерейскаго дома и распускаетъ оныя по городу, какъ-то: похвалился якобы въ домѣ-ли бывшаго вице-губернатора г. Лаврова, гдѣ онъ коротко былъ принятъ, или въ другомъ мѣстѣ, что одного архіеря упряталъ въ Успенскій, а другаго упряталъ въ Соловки, и что меня во всемъ онъ преслѣдуєтъ. Но поелику слухамъ довѣрять не позволительно, то я старался, по возможности, удостовѣриться въ качествахъ секретаря Мамина по обращенію его самого и изъ онаго ничего не усмотрѣлъ, кромѣ сваръ и дерзостей, что и настоящіе извѣты показываютъ, и нынѣшнее положеніе дѣлъ. Пока секретарь Маминъ былъ не у должностіи, дотолѣ по консисторіи и по дому моему все шло чинно и въ порядкѣ, а пынѣ, коль скоро опять возвратился къ оной, то сейчасъ-же появились новыя предосудительныя происшествія въ домѣ моемъ, а въ консисторіи разныя препирательства. Особенно замѣчательно: секретарь Маминъ вступилъ снова въ консисторію въ 15-е сентября, а у меня въ то-же число, или на другой день оказалась въ Крестовой церкви расхищеною братская кружка, изъ коей выкрадено 20 руб. серебромъ. Конечно, это дѣлаютъ неблагонамѣренные люди, но поелику разныя происшествія слѣдуютъ одно за другимъ съ поступленіемъ вновь Мамина въ консисторію, то не могу не подумать, что это все дѣлается по интригамъ враждебныхъ дому лицъ, преданныхъ Мамину. Въ консисторіи одни раздоры и даже бумажная состязанія. Увѣренъ, что ни въ одной консисторіи нѣтъ подобнаго хаоса. Изъ присутствующихъ одни работѣютъ секретарю и поддерживаютъ его замыслы, другіе, основательнѣйшіе изъ нихъ: протоіерей Кандаріцкій и ключарь Лепоринскій, желали-бы вовсе выйти изъ оной, отчего выходить одно нестроеніе. Я смущился, видя и слыша такое нестроеніе въ духовной коллегіи, какое не можетъ быть терпимо и въ свѣтскомъ правительствѣ. Св. синодъ умоляю обратить на сіе прозорливое свое вниманіе. Ей, не лгу! б) Былъ также недобрый слухъ о служителѣ Федоровѣ, что онъ, будучи женатъ, неотлучно живетъ у эконома іеромонаха Владимира, а экономъ особенно

ему доброхотствует; но прежде, нежели я что могъ сдѣлать относительно этой невыгодной молвы, служитель Федоровъ учинилъ воровство въ іеродіаконской кельѣ и преданъ свѣтскому суду». Далѣе пр. Іоанникій разсказываетъ, какъ произошло это воровство, какъ экономъ Владимиръ укрывалъ вора у себя въ продолженіе четырехъ сутокъ¹⁾ и тѣмъ изобличилъ себя въ неблагонамѣренности, да, кромѣ того, не показываетъ ни малѣйшаго усердія къ своей должности. «Сидѣть, пишетъ Іоанникій, какъ-бы неподвижно въ покояхъ, не обращая никуда вниманія, гдѣ что дѣлается. Притомъ, покражи и прежде этого случались въ архіерейскомъ домѣ, отъ чего наконецъ зло это возросло до величайшей степени, а ограниченія ни мало не видно; кто-бы долженъ останавливать оное, въ томъ примѣтна еще защита. По симъ обстоятельствамъ, я вынужденнымъ нашелъ уволить іеромонаха Владимира отъ экономской должности и поручить ону ю іеромонаху Виталию, по его способности». Потомъ Іоанникій, опровергая Мамина, утверждаетъ, что розыскъ о воровствѣ начался по распоряженію его, а не вслѣдствіе доклада секретаря, даже отрицаютъ существованіе этого доклада; если-же онъ былъ, то при дѣлѣ его нѣть. Также опровергаетъ преосвященный Іоанникій доносы Мамина о безвинномъ изгнаніи изъ архіерейскаго дома Нехорошкова. «Нехорошковъ, писалъ архіерей, былъ изъ сословія казаковъ и имѣлъ въ живыхъ жену. Консисторія ходатайствовала, вѣроятно, по дѣлѣ Мамина, чтобы постричь его въ рясофоръ. Но я не рѣшился на это и отказалъ по означенному препятствію. Онъ былъ не иное чѣ, какъ ханжа. Часто сквернословилъ и нерѣдко рассказывалъ сны, а между тѣмъ сковалъ себѣ безъ позволенія вериги, надѣвалъ ихъ въ одни праздничные дни для показу и распространялъ слухъ къ соблазну простодушныхъ, что они у него со святаго. Узнавши объ этомъ, я приказалъ экономическому воспретить ношеніе ихъ. Вслѣдствіе сего вериги онъ продалъ штатному служителю за пять рублей, а послѣ, спустя мѣсяцъ или болѣе, сталъ просить себѣ билета на богомолье. Консисторія положила уволить его, а я утвердилъ опредѣленіе консисторіи. Нынѣ, обозрѣвая епархію, видѣлъ его Челябинской округи Усть-Уйской крѣпости на мѣстѣ жительства его, гдѣ онъ въ домѣ проживаетъ съ своею женою. Таковъ-то благочестивый старецъ, котораго секретарь Маминъ превозноситъ похвалами и великолѣпно описываетъ его добродѣтели. Ему не было и нѣть никакого повода имѣть неудовольствіе на архіерейскій домъ и произносить хулы на онай»²⁾. По другимъ извѣстамъ Мамина, Іоанникій

¹⁾ По словамъ Мамина, около трехъ слишкомъ сутокъ.

²⁾ См. вышеупомянутое дѣло.

оправдывается такъ: 1) что онъ не устранилъ Мамина отъ присутствованія при сдачѣ имущества архіерейскаго дома, когда была первая сдача этого имущества, по прибытии его въ Уфу; что-же касается до второй сдачи, послѣдовавшей при перемѣнѣ эконома архіерейскаго дома, то секретарь допущенъ не былъ потому, что сдача дома была недавно, а слѣдовательно могла быть совершена и безъ него, имѣющаго такъ много дѣлъ по консисторіи, въ присутствіи при этомъ одного члена консисторіи и казначея архіерейскаго дома. 2) Извѣстъ Мамина, что онъ устранилъ отъ сдачи будто-бы потому, что величъ былъ расходъ въ деньгахъ, истраченныхъ на архіерейскую свиту, есть сущая ложь. Расходъ по архіерейскому дому вель экономъ Владіміръ, а слѣдовательно архіерей даже не могъ знать, какъ величъ былъ этотъ расходъ. На свиту свою архіерей ничего особеннаго не требовалъ, потому что племянниковъ своихъ содержать собственнымъ своимъ коштомъ, доставляя имъ отъ себя платье, бѣлье, обувь, книги и другія потребности, а простой столъ, получаемый ими отъ эконома, въ общей массѣ почти не составляетъ никакого счета «и дать кусокъ хлѣба имъ, или другимъ, кажется, пишетъ Іоанникій, я имѣю право». Расходъ по дому архіерейскому не превосходитъ пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ. Въ доказательство того, что у него нѣть напрасной траты денегъ по дому и казенный интересъ соблюдается честно, Іоанникій обращалъ вниманіе синода на остатокъ отъ прошедшаго года, который не мало превышалъ остатки отъ прежнихъ годовъ, несмотря на то, что издержки были довольно значительны. 3) Писать докладъ о беспорядкахъ Мамина членамъ консисторіи не приказывалъ, а также не убѣждалъprotoіереевъ Брѣева и Несмѣлова къ подписанію доклада на Мамина, но только, когда докладъ поданъ былъ protoіереемъ Кандарицкимъ безъ ихъ руки, призывалъ ихъ къ себѣ и далъ каждому прочитать его вполнѣ, а потомъ потребовалъ отъ нихъ отзыва письменно. Наконецъ, въ 4-хъ, разрѣшилъ въ служеніи священника Высокогорскаго, потому, что суммы по Богоявленской Уфимской церкви находятся, по свидѣтельству протоіерея Субботина, въ должномъ порядкѣ и исправности. Въ заключеніе своихъ объясненій, Іоанникій написалъ:

«Смѣю увѣрить, едва-ли есть подобный секретарю Мамину по консисторіямъ въ цѣлой Россіи»¹⁾). Доселѣ Іоанникій только защищался отъ нападеній Мамина, но теперь онъ выходитъ изъ этого страдательнаго положенія и начинаетъ съ своею партіею вести противъ него войну на-

¹⁾ См. въ дѣлѣ обѣ удаленіи секретаря Мамина рапортъ Іоанникія синоду отъ 28-го октября 1836 г.

ступательную. Такъ, 1), доносилъ онъ синоду, что служацій въ уфимской консисторіи титулярный совѣтникъ Агаѳоновъ рапортомъ донесъ ему о важномъ подлогѣ, сдѣланномъ секретаремъ Маминымъ и подканцеляристомъ Боголюбскимъ, именно, будто-бы они доставили изъ канцелярии оренбургской консисторіи въ оренбургское рекрутское присутствіе фальшивую справку о новокрещенъ изъ мещеряковъ Дмитріи Гавріловъ, показавши ему 18 лѣтъ, чего въ метрикахъ не значится, да и нѣтъ правиль, чтобы годы крещенныхъ выставлять въ метрическихъ книгахъ. 2) Маминъ самовольно съ протоіереемъ Брѣвымъ произвели слѣдствіе надъ Агаѳоновымъ, по случаю сожженія, будто-бы, имъ архивныхъ дѣлъ, тогда какъ Агаѳоновъ, заботясь о приведеніи въ порядокъ консисторскаго архива, при исполненіи этого дѣла, встрѣтилъ нерасположеніе къ сему занятію въ канцелярскихъ служителяхъ и донесъ о томъ консисторіи, жалуясь особенно на столоначальника Боголюбскаго и кописта Бирюкова. Консисторія, по разсмотрѣніи его доклада, сдѣлала имъ строгое подтвержденіе къ послушанію, а отъ Боголюбскаго и Бирюкова потребовала объясненія. Объясненія ими представлены поздно, когда Маминъ снова находился при своей должности, а потому дѣло это принялъ совсѣмъ другой оборотъ. Присутствующіе консисторіи, протоіереи Брѣвъ и Несмѣловъ и іеромонахъ Владіміръ, по настроенію Мамина, оставя въ сторонѣ доносъ Агаѳонова на непослушаніе Боголюбскаго и Бирюкова, рѣшились самовольно произвестъ слѣдствіе надъ самимъ Агаѳоновымъ въ томъ, что онъ, перебирая бумаги въ архивѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, будто-бы, предалъ огню. Когда архіерей спросилъ ихъ, какое они производятъ слѣдствіе и съ чьего позволенія, то они отвѣчали, что слѣдствія никакого не производятъ, а между тѣмъ, вмѣстѣ съ этимъ объясненіемъ, прислали къ нему и слѣдственное дѣло «о сожженіи якобы бумагъ Агаѳоновымъ», съ мнѣніемъ своимъ и протоіерея Несмѣлова и іеромонаха Владіміра, чтобы «Агаѳонова отрѣшить отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, а приведеніе въ устройство архива, какъ требующее особыхъ средствъ, отложить до особаго разсмотрѣнія». Старшіе члены консисторіи мнѣнія этого не утвердили и положили снова учинить розыскъ обѣ этомъ дѣлѣ, устранивъ отъ него, какъ прикосновенное, секретаря Мамина, старающагося всѣми мѣрами затмить истину. 3) Секретарь Маминъ въ присутствіи консисторіи 10-го декабря (1836 г.) произвелъ непристойный шумъ, чувствительно оскорбивъ члена ея, каѳедральнаго протоіерея Кандарицкаго, о чёмъ сей послѣдній представилъ рапортъ архіерю въ то-же время. 12-го числа, для удостовѣренія въ этомъ происшествіи, архіерей лично отправился въ консисторію, гдѣ протоіерей Кандарицкій

опять повторилъ свою жалобу на Мамина при немъ самомъ, а члены, бывшіе въ то время налицо, подтвердили почти во всемъ ея справедливость, вслѣдствіе чего составленъ былъ журналъ въ присутствіи архіерея, за подписаніемъ членовъ.

«При семъ случаѣ, писалъ Іоаникій, за неизлишнее почель я обратить нѣкоторый взглядъ на порядокъ текущихъ дѣлъ въ консисторіи въ настоящемъ годѣ, по коему оказалось: 1) нѣкоторые журналы со времени допущенія къ должностіи Мамина не подписаны членами консисторіи и даже самимъ Маминымъ; 2) настольные реестры онъ держитъ у себя, не предлагая присутствію».

При возбужденіи страстей съ обѣихъ сторонъ, конечно, нельзя было и надѣяться на успешное производство надъ Маминымъ слѣдствія. Дѣйствительно, оно прекратилось при самомъ началѣ, частью отъ неопытности слѣдователя, архимандрита Никодима, давшаго ему неправильное направлѣніе, а частью отъ страстнаго и напряженного состоянія членовъ консисторіи, которые при спросахъ начали между собою состязаться, возражать другъ противъ друга и говорить колкости, нѣкоторые-же приняли на себя роль адвокатовъ Мамина, отказавшагося наконецъ отъ дачи отвѣтовъ. Такимъ образомъ, главный предметъ, который нужно было обслѣдовать—доносъ трехъ членовъ о беспорядкахъ секретаря Мамина—нетолько остался неразъясненнымъ для св. синода, но еще болѣе запутался и осложнился отъ обстановки его разными протестами, доносами, докладами и обвиненіями, которые изъ своей совокупности образовали самое многосложное дѣло. Синодъ, разсмотрѣвъ всѣ предметы, вошедши въ составъ этого дѣла, и дѣлопроизводство по нимъ, пораженъ былъ невѣжествомъ и совершеннымъ незнакомствомъ епархіального начальства съ самыми первоначальными формами судопроизводства, неправильностью и пристрастіемъ рѣшеній, несоблюденіемъ формъ, забвеніемъ приличія и неумѣстнымъ обращеніемъ къ суду гражданскому. Но въ то-же время изъ донесеній самого преосвященнаго Іоаникія и взаимныхъ обвиненій членовъ и секретаря, синодъ не могъ не усмотрѣть, какъ много допущено беспорядковъ по оренбургскому духовному управлѣнію и консисторіи. Такъ, по епархіальному управлѣнію замѣчено было синодомъ, что а) послушники архіерейского дома имѣютъ по два мѣста, что несообразно съ церковными правилами; б) въ домѣ преосвященнаго живутъ его племянники, принадлежащіе по рожденію тверской епархіи; «сіе допущено, пишетъ синодъ, несообразно, съ указомъ св. синода, которымъ архіереямъ имѣть при себѣ родственниковъ не позволено»; в) іеромонаха Владимира, какъ удаленнаго отъ должностіи

эконома архієрейського дома за неісправность и, притомъ, какъ объясняеть самъ преосвященный, поведенія непостоянного, не слѣдовало оставлять членомъ консисторіи; г) на донесеніе Мамина, будто-бы за нѣкоторое не-маловажное дѣло протоіерей Лепоринскій былъ удаленъ еще въ 1825 году отъ должности по консисторіи, не обращено вниманія и предметъ этотъ св. синоду не объясненъ. По консисторіи: а) помѣщеннное дѣло-производство о положеніи архива и о дѣйствіяхъ чиновника Агаѳонова, о которыхъ, согласно съ доносомъ Мамина, показали и прочіе чиновники канцеляріи, обнаруживаетъ въ высшей степени безпорядокъ въ архивѣ, куда, какъ видно, дѣла не сдавались изъ столовъ за нѣсколько лѣтъ и могли поступать даже нерѣшеныя; б) изъ объясненій членовъ на запросы архимандрита Никодима, и вообще изъ преній ихъ, видно, что порядокъ дѣлопроизводства по консисторіи нисколько не соблюдался: дѣла въ до-кладные реестры вносились членами, а журналы засѣданій составлялись только для вида, преосвященному-же представлялись черновые, что со-вершенно виѣ всякаго порядка; в) въ такомъ безпорядкѣ могли дѣйстви-тельно дѣла лежать безъ движенія по нѣсколько лѣтъ и совершенно пропадать, какъ и пропала, будто-бы, по изъясненію Мамина, часть дѣла о протоіерее Лепоринскомъ; г) распри между членами довели ихъ до забвенія всякаго порядка. На протоіерея Брѣева падаетъ подозрѣніе, что онъ, изъ дружбы къ Мамину, рѣшился ввесть въ присутствіе консисторіи какого-то мещера яка Шалкумдилова, объявившаго, что онъ не допускается къ преосвященному служкою, который требуетъ отъ него денегъ. Даље, такія распри членовъ дали поводъ къ ссорамъ и канцелярскимъ чинов-никамъ, которыхъ взаимныя обвиненія обнаруживаются, что одни изъ нихъ склонны къ злоупотребленіямъ, какъ обвиняютъ Агаѳонова, а сей обвиняетъ другихъ, а другіе къ нетрезвости, какъ показываетъ Агаѳоновъ о Бирюковѣ. «По существу всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, говорится въ синодальномъ указѣ, св. синодъ опредѣляетъ: 1) секретаря Мамина, за дерзость противу начальства, удалить отъ должности, оста-вивъ дальнѣйшее о немъ сужденіе до окончанія пред назначенаго изслѣ-дованія по упоминаемымъ дѣламъ и 2) протоіерея Брѣева, за дерзость также противу начальства, удалить отъ присутствованія въ консисторіи, а на мѣсто его въ консисторію предоставить епархіальному преосвящен-ному опредѣлить другаго, благонадежнѣйшаго. О протоіерее Несмѣловѣ, котораго неправильное дѣйствованіе происходило примѣтно болѣе отъ слабости характера и неблагонамѣренныхъ внушеній, нежели отъ собствен-ной неблагонамѣренности, предоставить преосвященному разсмотрѣть,

можеть-ли онъ съ пользою оставленъ быть присутствующимъ въ консисторіи. Іеромонаха Владимира тепрь-же удалить отъ должности члена консисторіи, а протоіереямъ Кандарицкому и Лепоринскому внушиТЬ, чтобы они впредь удерживались отъ всѣхъ отступлений отъ порядка и не допускали себя ни къ какимъ распрымъ и неправильнымъ дѣйствіямъ. 3) Вышеизложенныя неправильныя дѣйствія преосвященнаго Ioанникія поставить ему на видъ, съ тѣмъ, чтобы онъ употреблялъ бдительнѣйшее вліяніе, дабы дѣйствованіе его по дѣламъ было въ точной сообразности съ законнымъ порядкомъ и съ достоинствомъ его званія. 4) За симъ, относительно замѣченныхъ по епархіальному управлению безпорядковъ, преосвященному Ioанникію предписать: а) обратить строгое вниманіе на положеніе архіерейскаго дома и установить въ немъ порядокъ, соотвѣтственный сему дому, удаливъ лицъ постороннихъ и въ по- веденіи сколько-нибудь сомнительныхъ; б) послушника Лелявскаго и всѣхъ другихъ, занимающихъ по двѣ должности, вопреки порядку, оставить при одной какой-либо и впредь подобного не допускать и в) по дѣламъ: по докладу членовъ консисторіи на секретаря Мамина отъ 4-го апрѣля о невѣрной справѣ относительно лѣтъ новокрещеннаго Гаврілова, о сожженіи архивныхъ дѣлъ, о сокрытии протоіереемъ Лепоринскимъ доноса на священника Агрова, и вообще о всѣхъ безпорядкахъ по консисторіи, все начатое производство, по несоблюдению законнаго порядка, какъ недѣйствительное, прекратить. 5) О всемъ томъ произвестъ новое подробное изслѣдованіе, которое и поручить московской св. синода конторы члену, ставропигіального Донскаго монастыря архимандриту Феофану, съ предписаніемъ ему произвестъ оное отдельно по каждому изъ вышеупомянутыхъ дѣлъ со всею точностью, и, притомъ, обревизовать вообще за послѣдніе шесть лѣтъ дѣла консисторіи въ отношеніи порядка и успѣшности производства оныхъ, съ обращеніемъ вниманія и на составъ чиновниковъ канцеляріи въ отношеніи ихъ способности и нравственности, и затѣмъ произведенныя имъ слѣдствія представить св. синоду для разсмотрѣнія и дальнѣйшаго поступленія съ виновными по законамъ. Въ помошь ему, архимандриту Феофану, назначить ректора оренбургской семинаріи архимандрита Никодима, съ тѣмъ, чтобы они составляли присутствіе, вели журналъ своихъ дѣйствій, и потребныя къ дѣлу показанія отъ прикосновенныхъ лицъ брали въ своеемъ присутствіи, не допуская, какъ допускаемо было прежде, медлить и писать по домамъ бумаги не по существу касающихся до каждого вопросовъ, съ примѣшаніемъ обстоятельствъ постороннихъ и отзывовъ оскорбительныхъ, а

по части письмоводства прикомандировать того чиновника, который определенъ будеть въ консисторию секретаремъ»¹).

Дѣйствительно, единственнымъ исходомъ изъ того состоянія, до котораго дошли дѣла епархіальная по оренбургскому управлению, была синодальная ревизія: домашними, мѣстными лицами и средствами нельзя было развязать того узла, который страстями, неумѣренностью и недобросовѣстностью былъ до нельзѧ запутанъ. Но, разсматривая вышеприведенный синодальный указъ, нельзя не замѣтить, что синодъ отчасти облегчилъ для ревизора развязку этого узла, безусловно обвинивъ маминскую партію, отставивъ отъ должности его и протоіерея Брѣева, и что такимъ образомъ указалъ ревизору направлѣніе, котораго онъ долженъ держаться при производствѣ слѣдствія. Сравнивая этотъ указъ съ другимъ, которымъ опредѣлялось произвѣсть слѣдствіе о Маминѣ по доносу на него трехъ членовъ консисторіи, открывается рѣзкое различіе опредѣлений св. синода по одному и тому-же предмету: въ одномъ видна синходительность къ поступкамъ Мамина, находящая въ нихъ только забвеніе приличія и нескромность, которыя заслуживаютъ лишь начальническаго замѣчанія и внушенія и, много-много, строгаго выговора, съ подтверждениемъ впредь таковыхъ поступковъ остерегаться; а въ другомъ такая строгость, открывающая въ нихъ дерзость, за которую виновный отставляется отъ должности, не дожидалась даже окончанія слѣдствія, производимаго надъ нимъ. Причину различія возрѣній синода на одинъ и тотъ же предметъ можно объяснить, но только гадательно. Разсматривая подписи синодальныхъ членовъ подъ обоими опредѣленіями, находимъ, что подъ однимъ нѣть именъ митрополитовъ Серафима и Филарета, а подъ другимъ эти имена стоять; значитъ, опредѣленіе синода въ пользу Мамина состоялось болѣе подъ вліяніемъ синодской канцеляріи, а другое, невыгодное для него, было дѣйствиемъ іерархическаго вліянія: на немъ отпечатлѣлась, можетъ быть, мысль самихъ членовъ и, по всей вѣроятности, мысль московскаго митрополита, а слѣдовательно оно состоялось въ видахъ защищенія и огражденія іерархическихъ интересовъ и правъ. Можно, впрочемъ, дать и другое объясненіе этому противорѣчію: одинъ изъ племянниковъ Іоанникія, когда составлялось позднѣйшее опредѣленіе синода, служилъ въ то время въ синодѣ, а слѣдовательно могъ ходатайствовать за своего дядю всѣми зависящими отъ него способами.

¹) См. въ дѣлѣ обѣ удаленіи Мамина указъ св. синода, 27-го января 1837 года, № 313.

Ревизоры строго держались программы, данной имъ св. синодомъ, произвели слѣдствіе по всѣмъ взаимнымъ доносамъ и обвиненіямъ членовъ и секретаря. Но прежде изложенія тѣхъ открытій и результатовъ, которые были добыты ревизіею, мы считаемъ нужнымъ предварительно замѣтить, что она была ведена съ должнымъ безпристрастіемъ и приличнымъ до-стоинствомъ. Мы не видимъ тутъ ни натяжекъ, ни потворства одной какой-либо сторонѣ, Маминъ является не такъ дурнымъ, какъ хотѣли представить его архіерей и члены консисторіи, которые, наоборотъ, не такъ хороши, какъ они себя выставляли предъ начальствомъ. Если-же при раз-смотрѣніи этой ревизіи мы замѣчаемъ отсутствіе въ ней строгаго вни-манія къ дѣйствіямъ преосвященнаго, то это не вина ревизоровъ. Синодъ программою, имъ данною, какъ-бы изъялъ лицо преосвященнаго отъ ре-визіи. Впрочемъ, она коснулась и его, хотя глухо и робко. Касательно дѣйствій Мамина ревизія постановила заключеніе, что онъ не обличается въ злоупотребленіяхъ, а оказывается только въ нѣкоторой степени не-исправнымъ по должности, а именно: 1) въ позднемъ иногда приходѣ къ должности въ утренніе часы и рѣдкомъ хожденіи послѣ обѣда; 2) въ отлучкѣ, по его собственному признанію, изъ города за 40 верстъ въ Благовѣщенскій заводъ, на которую отлучку было-ли дозволеніе началь-ства, по дѣламъ консисторіи не видно; 3) въ недостаткѣ собственной дѣятельности и занятія существенною своею обязанностью, къ которой относится и выписка приличныхъ къ дѣламъ узаконеній, чѣмъ Маминъ самъ не занимался. Въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, въ кои былъ онъ секретаремъ, остались нерѣшеными семь дѣлъ, за неучине-niемъ выписки приличныхъ къ нимъ узаконеній. Одно дѣло остановилось въ ходѣ своемъ съ 1833 г. и лежало безъ всякаго движенія до самой ревизіи, по причинѣ неизготовленія имъ, Маминымъ, отношенія отъ лица преосвященнаго Михаила на имя г.-губернатора; 4) въ неведеніи имъ за всѣ четыре года, въ кои былъ онъ секретаремъ, общаго настольнаго реэстра; 5) въ непредставленіи св. синоду вѣдомостей о полученіи ука-зовъ и обѣ исполненій по нимъ съ августа 1834 г. по ноябрь 1836 г., какъ видно изъ побужденія отъ экзекуторскихъ дѣлъ, найденного кон-систоріею у Мамина и имъ не помѣченаго, и въ неправильной отмѣткѣ въ вѣдомости о причинахъ неисполненія по указамъ св. синода. 6) Ка-сательно бѣловыхъ журналовъ: а) въ несмогрѣніи за своевременною и исправною перепискою ихъ, и б) въ томъ, что большая часть ихъ не подпісана членами консисторіи, къ чему побуждать ихъ въ свое время съ должною благопристойностью и законнымъ образомъ была его обязан-ность. 7) Въ скрѣпленіи имъ на дому, по небытію въ консисторіи, одной

исходящей бумаги, безъ удостовѣренія, состоялъ-ли на нее журналъ. 8) Въ недостаткѣ должностнаго смотрѣнія за столоначальниками и законнаго побужденія ихъ къ скорѣйшему исполненію своихъ обязанностей и даже въ прикрытии медленности ихъ тѣмъ, что на справкахъ, требуемыхъ отъ нихъ къ дѣламъ, Маминъ не дѣлалъ помѣты, когда справки доложены. Кромѣ того, что справки, экстракты, выписки изъ законовъ и протоколы предлагались чрезъ полгода, чрезъ годъ, полтора и болѣе, самимъ дѣламъ рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ не было у повѣтчиковъ описей, которыя были составлены уже во время ревизіи и по требованію ревизора. Побуждалъ-ли Маминъ нерадивыхъ повѣтчиковъ къ исправленію такихъ упущеній, по дѣламъ консисторіи не видно. 9) Въ дерзости Мамина противъ своего начальства, замѣченной и св. правительствующимъ синодомъ. «Затѣмъ, говорятъ ревизоры, въ другихъ пунктахъ доклада на него, Мамина, трехъ членовъ, какъ-то: въ отверженіи имъ якобы напоминаній ихъ съ презрѣніемъ, называніи себя ревизоромъ и прокуроромъ, самъ онъ признанія не учинилъ и ничѣмъ по слѣдствію не изобличенъ. Что касается до причиняемыхъ якобы имъ, Маминымъ, грубыхъ, тяжкихъ и нестерпимыхъ обидъ тремъ членамъ, доносившимъ на него, то двѣ протоіереемъ Кандарицкимъ, по чувству христіанскаго долга, прощены ему, Мамину, а двѣ, представленныя протоіереемъ Лепоринскимъ, изъ коихъ послѣдняя случилась уже послѣ поданнаго на Мамина доклада спустя полгода, не доказаны. Іеромонахъ Владіміръ, подписавшій, вмѣстѣ съ двумя протоіереями докладъ, ни одной учиненной ему Маминымъ обиды не объявилъ. Совершенное якобы неповиновеніе Мамина своему епархіальному начальству, на которое ссылается Лепоринскій въ своихъ доказательствахъ, и по случаю котораго якобы постановленъ журналъ 20-го апрѣля 1836 г., также ничѣмъ не доказано и въ самомъ томъ журналѣ не сказано о немъ ни слова»¹⁾). По сообщенному въ рекрутское присутствіе неправильному свѣдѣнію о лѣтахъ новокрещенаго Гаврілова Маминъ оказался виновнымъ въ невнимательности къ своей должности.

Но и въ безпорядкахъ по службѣ, замѣченныхъ ревизію, Маминъ оправдывался тѣмъ, что не было возможности найти способныхъ чиновниковъ по малымъ окладамъ, а самъ онъ не могъ дѣйствовать съ надлежащею дѣятельностью по враждебнымъ отношеніямъ къ нему членовъ консисторіи. Сравнивая состояніе консисторіи при секретарствѣ Мамина съ положеніемъ ея при его предшественникахъ, ревизія открыла, что во

¹⁾ См. приложение къ дѣлу обѣ удаленій Мамина, подъ лит. С, стр. 125—128.

время Мамина дѣла пришли въ лучшій порядокъ, было болѣе дѣятельности и движенія, нежели прежде, такъ что отсюда открывается справедливость словъ Мамина, что члены консисторіи не могли и не имѣли причинъ дѣлать ему напоминаній объ исправленіи безпорядковъ. Да и въ допущенныхъ Маминымъ неисправностяхъ по его должностіи, по мнѣнію ревизоровъ, виноваты сами-же члены, доносившіе на Мамина, во-первыхъ, потому, что не смотрѣли за исправностью его вообще по законамъ, и особенно по возложеній на нихъ указомъ св. правительству-ющаго синода отвѣтственности за него, и еще болѣе виновны, какъ члены отдѣленій, въ совершенномъ невниманіи и даже потворствѣ своимъ нерадивымъ столоначальникамъ. «Пропадаютъ дѣла (особенно у Агаѳонова) и находятся, если строго потребуютъ; не докладываются бумаги по году и по два, не доставляются требуемыя къ нимъ справки; не дѣлается исполненія по резолюціямъ консисторіи несолько мѣсяцевъ, гдѣ и два. Посыпались указы изъ канцеляріи прежде иногда вовсе безъ резолюцій присутствующихъ. Безпорядки сіи особенно замѣчены въ 1831 и 1832 годахъ, въ отсутствіе Мамина. Когда они открывались присутствію, члены смотрѣли на нихъ хладнокровно: требуются объясненія—ихъ не даютъ; дѣлаются замѣчаніе виновному, а сами-же не хотятъ порядкомъ объявить его и взять росписку въ слышаніи. Опозорившіе себя пьянствомъ столоначальники Степановъ и Некрасовъ уволены—первый съ аттестатомъ въ поведеніи весьма хорошимъ, послѣдній съ хорошимъ». «Въ дѣлахъ шести лѣть, пишетъ далѣе Феофанъ, не замѣчено мною ни одного примѣра, чтобы хотя одинъ нерадивецъ или безпорядочный человѣкъ изъ приказныхъ получилъ какое взысканіе или наказаніе. Даже не заведено было и книги для записыванія выговоровъ. Отъ сей ненаказанности беспечность въ исправленіи своей должностіи, дерзость въ нарушеніи порядка въ приказныхъ весьма усилилась. Ни одинъ членъ не хотѣлъ и знать, есть-ли описи рѣшеными и нерѣшеными дѣламъ по его отдѣленію. Наконецъ, какое обращали вниманіе члены консисторіи на своихъ столоначальниковъ и какъ судили о ихъ поступкахъ, консисторія, какъ-бы въ подтвержденіе истины сего моего донесенія, изъяснила въ послѣднемъ своемъ ко мнѣ отъ 30-го апрѣля сего года отношеніи объ Емельяновѣ. Консисторія и членъ отдѣленія въ продолженіи десяти лѣть не знали, и только нынѣ узнали, что Емельяновъ, по малымъ своимъ способностямъ, неспособенъ къ своей должностіи».

Самый доносъ членовъ консисторіи на Мамина ревизоръ считаетъ ковомъ, замыщленнымъ однимъ изъ самыхъ неисправныхъ членовъ консисторіи, увлекшимъ на свою сторону и другихъ,—ковомъ, задуман-

нымъ съ черною цѣлью скрыть свои злоупотребленія, погубивши Мамина. «Оттого они, пишеть Феофанъ, и не раскрывали его безпорядковъ, что съ ними были связаны ихъ собственныя, а оттого и доносы ихъ были недоказательны и направлены на предметы посторонніе, какъ-то: на величаніе Мамина себя ревизоромъ и прокуроромъ. Такъ, протоіерей Кандарицкій не доказалъ и не могъ даже пояснить, въ чёмъ именно состояли безпорядки и упущенія Мамина, а также не могъ ничѣмъ подтвердить и того, что отъ членовъ были напоминанія Мамину о исправленіи допущенныхъ имъ по консисторіи безпорядковъ, и что онъ отвергалъ эти напоминовенія съ презрѣніемъ. Другой членъ, Лепоринскій, хотя приводилъ довольно доказательствъ на неисправность Мамина, но заимствовалъ ихъ большею частию изъ своего только отдѣленія и потому неисправности и безпорядки своихъ столоначальниковъ приписывалъ Мамину несправедливо, и свое собственное несмѣтрѣніе за ними слагать на Мамина еще несправедливѣе, потому что за два первыхъ года, въ которые собственно усилились безпорядки столоначальниковъ, Мамина не было при консисторіи, а напротивъ того, Лепоринскій постоянно былъ членомъ одного и того-же отдѣленія. Третій членъ, іеромонахъ Владіміръ, никакихъ безпорядковъ и упущеній Мамина по должностіи, ни обидъ отъ него себѣ не доказалъ, но и не объявилъ».

Что-же касается членовъ консисторіи, то ревизія оставила въ покой тѣхъ изъ нихъ, которые уже были отставлены, какъ-то: іеромонаха Владіміра, протоіереевъ Брѣева и Несмѣлова, и главнымъ образомъ обратила вниманіе на оставшихся еще при консисторіи: протоіереевъ Кандарицкаго и Лепоринскаго. Кандарицкій прикосновенъ былъ къ дѣлу о безпорядкахъ, произошедшихъ при разборѣ консисторскаго архива въ 1836 году. Кандарицкому поручено было отъ преосвященнаго Аркадія въ 1831 году привести въ порядокъ архивъ и при этомъ доносить каждонедѣльно обѣ успѣшномъ ходѣ этого дѣла. Чрезъ два съ половиною мѣсяца Кандарицкій донесъ, что дѣла съ 1800 по 1810 годъ имъ разобраны и приведены въ порядокъ. Но это донесеніе было несправедливо потому, что въ бывшій въ 1806 году пожаръ всѣ дѣла по тотъ годъ егорѣли, а слѣдовательно и не могли быть приводимы въ порядокъ. Когда преосвященный Аркадій переведенъ былъ въ Пермь, то преемникъ его требовалъ свѣдѣнія о состояніи архива. Кандарицкій скрылъ о сдѣланномъ ему предмѣстникомъ преосвященнаго Михаила порученіи и, такимъ образомъ, не исполнилъ возложенной на него обязанности и архивъ остался въ прежнемъ хаотическомъ состояніи. Хотя, безъ сомнѣнія, въ этомъ безпорядкѣ виновны были болѣе или менѣе и другие члены консисторіи, но Кандарицкій

рицкій по преимуществу; по вышеизложенной причинѣ Лепоринскій найденъ былъ ревизію не только неисправиѣшімъ изъ всѣхъ членовъ оренбургской консисторіи, но и самыи неблагонамѣренныи. Вотъ что писалъ о немъ ревизоръ: ...«само собою разумѣется, что первою причиною въ составленіи доклада на секретаря Мамина былъ тотъ изъ членовъ, который самъ зналъ за собою болѣе другихъ беспорядковъ и неисправности. По ревизіи замѣчено, что изъ пяти отдѣлений, на кои раздѣлена оренбургская консисторія, отдѣлениe протоіеряя Лепоринскаго всѣхъ неисправиѣ. Изъ двухсотъ дѣлъ, оставшихся нерѣшеными къ 1837 году по всей консисторіи, 70 дѣлъ осталось по его только отдѣлению, и въ томъ числѣ 24 дѣла остановились собственно за нимъ. Замѣчено, что резолюціи давалъ онъ не въ свое время, а спустя мѣсяцъ, два, три и болѣе, и по многимъ дѣламъ писалъ ихъ не въ консисторіи, а у себя въ домѣ. Онъ показалъ пропавшими такія дѣла, которыя должны быть по его отдѣлению и не были показаны въ вѣдомости. Онъ также изобличается въ намѣренномъ сокрытии у себя бумаги о священнике Агровѣ, обвиняемомъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Высочайшей фамиліи. Опасаясь, чтобы неисправность и упущенія его по должностіи не открылись сами собою, а касавшіяся до него дѣла не открылись Маминъ, знаяшій ихъ по долговременной службѣ въ консисторіи, онъ рѣшился предупредить его—составилъ на него докладъ, убѣдилъ къ тому и другихъ двухъ членовъ, конечно въ полной увѣренности, что дѣло по докладу окончится однимъ удаленіемъ Мамина отъ консисторіи по собственному распоряженію епархиальнаго начальства».

Послѣ заключенія о секретарѣ и членахъ консисторіи, ревизія произнесла судъ свой и надъ чиновниками консисторской канцеляріи. Всѣхъ ихъ виновиѣ и грязиѣ былъ помощникъ секретаря и врагъ его Агаѳонъ. Вотъ какія злоупотребленія приписала ему ревизія: а) сожженіе бумагъ при разборѣ архива; б) беспорядки по дѣлу о новокрещенномъ мещерякѣ Гавриловѣ, навлекающіе на него сильное подозрѣніе въ злоупотребленіи; в) участіе въ сокрытии, вмѣстѣ съ протоіереемъ Лепоринскимъ доноса діакона Касаткина на священника Агрова; в) разстройство архива за время бытности его архиваріусомъ, а по дѣламъ своего повѣтъя былъ болѣе другихъ неисправенъ; г) служилъ орудіемъ къ взаимнымъ по консисторіи несогласіямъ подачею несвоевременныхъ и неправодушныхъ доносовъ, и наконецъ д) сильно подозрѣвается въ требованіи въ подарокъ часовъ у священника Орской крѣпости Василья Косьмина. Другіе канцелярскіе чиновники замѣчены въ безграмотности, невѣжествѣ, въ подлогѣ и пьянствѣ. Вотъ какъ, напр., ревизоръ отзыкается о пѣкоторыхъ

изъ нихъ: 1) о чиновнике Емельяновѣ: «Наукамъ нигдѣ не обучался, почеркъ письма имѣеть очень плохой; по ревизіи особенно замѣченъ въ скрытии и удержаніи у себя дѣлъ, въ учиненіи подлоговъ, въ подчисткѣ и поправкѣ чиcль въ журналахъ, на поступающихъ и исходящихъ бумагахъ»; 2) о коллежскомъ регистраторѣ Боголюбскому: «Наукамъ нигдѣ не обучался; по ревизіи въ исправлѣніи должности повытчика оказался неисправнымъ»; 3) о канцеляристѣ Поповѣ: «Наукамъ нигдѣ не обучался, почеркъ письма имѣеть плохой, а способности ума весьма посредственныя; чиновникъ сей весьма виновенъ въ нерадѣніи обѣ архивѣ»; 4) «канцеляристѣ Докинѣ наукамъ нигдѣ не обучался; на службу вступилъ въ оренбургскую консисторію изъ Бугульминскаго духовнаго правленія, гдѣ замѣченъ былъ во многихъ безпорядкахъ»; 5) о подканцеляристѣ Бирюковѣ: «Замѣченъ въ нетрезвости и рваніи бумагъ». Всѣ эти лица замѣчены по ревизіи въ медленности и въ неимѣніи описи рѣшеннѣмъ и нерѣшеннѣмъ дѣламъ за шесть лѣтъ. Уже по прибытіи ревизора и по востребованію на ревизію дѣлъ, они принялись приводить ихъ въ порядокъ и составлять имъ описи.

Наконецъ, ревизія отчасти обратила вниманіе и на епархіальное начальство и произнесла свой судъ о характерѣ и образѣ управления его. Здѣсь она замѣтила медленность въ дѣлахъ, занятіе не тѣмъ, чѣмъ надлежало ей заниматься; незнаніе обыкновенныхъ формъ судопроизводства, недостатокъ вниманія къ дѣлу, неумѣніе приняться за него, а оттого безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ. «Оренбургская епархія, пишетъ Феофанъ, имѣеть 316 церквей и 441 причтъ. Посему дѣла должны-бы производиться успѣшнѣе и нерѣшеннѣхъ не должно-бы оставаться отъ года къ другому въ такомъ количествѣ. Сіе побудило меня при ревизіи дѣлъ обратить вниманіе на причины толикой неуспѣшности. Онѣ суть слѣдующія: первая: принимались прошенія и чинилось производство по дѣламъ, духовному суду не принадлежащимъ, а чрезъ то не доставало времени и трудовъ для дѣлъ, собственно предоставленныхъ духовному вѣдомству. Столоначальники, обязанные знать законы и порядокъ, писали многія по такимъ дѣламъ прошенія, и на сіе ни отъ кого никакого не было обращаемо вниманія. Вторая причина: всѣ дѣла тяжебныя, исковыя и по многимъ неудовольствіямъ начинались рапортами на простой бумагѣ обиженныхъ лицъ благочиннымъ, а отъ нихъ преосвященнымъ, и чрезъ сіе открывался свободный путь ябедѣ. По симъ рапортамъ наряжались и производились слѣдствія, для благочинныхъ въ оренбургской епархіи, за дальнимъ разстояніемъ одного отъ другаго селенія, весьма затруднительныя; канцелярія загружалась огромною перепискою. Дѣлопроизводство на-

чинялось, продолжалось и оканчивалось на простой бумагѣ, безъ взысканія за гербовую денегъ, съ потерю должнаго казнѣ дохода. Третья причина: наряжалась слѣдствія по доносамъ и жалобамъ въ дѣлахъ маловажныхъ, для коихъ довольно было-бы разсмотрѣнія благочиннаго, или даже мѣстнаго священника, и многія неосновательныя по такимъ мелочнымъ дѣламъ прошенія писались чиновниками канцеляріи консисторской съ упущеніемъ своихъ по должностіи занятій. Четвертая причина: Оренбургская консисторія принимала на себя разматривать и решать всѣ слѣдственныя дѣла, вмѣсто того, чтобы предварительное разсмотрѣніе каждого предоставить мѣстному духовному правленію, въ вѣдомствѣ котораго оно производилось. Отъ сего присутствующіе въ духовныхъ правленіяхъ протоіереи и священники были весьма свободны, а члены консисторіи, при другихъ своихъ занятіяхъ, были весьма много обременены. Для консисторіи было-бы легче размотрѣть и, въ чемъ слѣдуетъ, исправить и дополнить, или только утвердить готовое мнѣніе духовнаго правленія, нежели самой заниматься по каждому слѣдствію составленіемъ экстракта, выпискою изъ законовъ и сочиненіемъ протокола, а лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, ближе было-бы явиться для рукоприкладства, или для другихъ причинъ въ мѣстное духовное правленіе, нежели въ консисторію, отъ которой иные концы оренбургской епархіи отстоять около 800 верстъ. Пятая причина: невниманіе присутствующихъ къ дѣйствіямъ канцеляріи и даже потворство членовъ отдѣлений своимъ столонаачальникамъ и непомѣрное снисхожденіе епархіального начальства къ благочиннымъ, изъ которыхъ одни не рапортуютъ на указы иѣсколько лѣтъ, другіе по многимъ указамъ не чинятъ исполненія, за другими стоять по пяти и болѣе предписанныхъ слѣдствій. Со стороны епархіального начальства не видно никакого побужденія симъ нерадивымъ благочиннымъ, а по причинѣ ихъ медленности и небреженія естественно стоять дѣла и въ самой консисторії¹». Ревизія этимъ и ограничила свои дѣйствія. Что-же касается доносовъ секретаря на архіерея, то она не входила въ разсмотрѣніе ихъ, слѣдя вѣрно и точно данной ей св. синодомъ программѣ.

Приговоръ св. синода о лицахъ, подвергшихся слѣдствію, состоялся такой: «1) Бывшаго секретаря оренбургской консисторіи Василия Мамина, какъ недоказанного въ самыхъ злоупотребленіяхъ, но оказавшагося неисправнымъ, дерзкимъ противъ начальства и неблагонадежнымъ по безопасности и уклоненію отъ порядка и какъ уже отрѣшенного отъ должности,

¹) См. въ дѣлѣ обѣ удаленіи Мамина рапортъ арх. Феофана св. синоду отъ 5-го августа 1838 г., за № 54.

и впредь къ подобнымъ должностямъ по духовному вѣдомству не допускать. 2) Протоіерея Лепоринскаго, по падающему на него сильному подозрѣнію въ сокрытіи доноса діакона Касаткина на священника Агрова въ продолженіе двухъ недѣль и особенной противъ другихъ неисправности и беспечности по должностіи присутствующаго, отрѣшить отъ консисторіи, не поручая ему впредь никакихъ должностей, съ управлениемъ соединенныхъ. 3) Протоіерея Кандарицкаго, за невыполненіе возложенаго на него порученія по устройству консисторскаго архива, съ донесеніемъ, притомъ ложно, что дѣла архива приведены имъ въ порядокъ за 10 лѣтъ, съ 1800 по 1810, тогда какъ за первые 6 лѣтъ, по сгорѣнію ихъ въ 1806 году, приводить было нечего, хотя-бы слѣдовало также удалить отъ должностіи по консисторіи, но какъ онъ въ замѣченныхъ по консисторіи беспорядкахъ менѣе виновенъ, чѣмъ Лепоринскій, то въ настоящемъ случаѣ сдѣлать ему строгій выговоръ за неисполненіе обязанностей по архиву, со внушеніемъ впредь быть исправиѣ, подъ опасеніемъ взысканія по законамъ. 4) Помощника секретаря Агафонова, оказавшагося виновнымъ: а) въ жженіи бумагъ при разборѣ архива; б) въ беспорядкахъ по дѣлу о новокрещенномъ мещерякѣ Гавріловѣ навлекающемъ на себя сильное въ злоупотребленіи по оному подозрѣніе; в) въ участіи къ сокрытію съ протоіереемъ Лепоринскимъ доноса діакона Касаткина; г) въ разстройствѣ архива за время бытности его архиваріусомъ, а по дѣламъ своего повытъ болѣе другихъ неисправнаго, служащаго, притомъ, орудіемъ къ взаимнымъ по консисторіи несогласіямъ подачею несвоевременныхъ и неправодушныхъ доносовъ и д) по прикосновенности его, Агафонова, къ дѣлу въ сильномъ требованіи въ подарокъ часовъ, во избѣженіе соблазна и вреднаго вліянія на другихъ чиновниковъ, отрѣшить отъ службы по консисторіи, предписавъ епархіальному начальству скорѣйшимъ окончаніемъ начатаго обѣ немъ о вымогательствѣ часовъ дѣла. Относительно-же прочихъ чиновниковъ консисторской канцеляріи, какъ-то: Емельянова, Боголюбскаго, Попова, Докина и Бирюкова, какъ рекомендуемыхъ малоспособными и нерадивыми къ службѣ, предоставить преосвященному, чтобы онъ на мѣсто ихъ, по мѣрѣ возможности, озабочился опредѣлить другихъ, болѣе полезныхъ для служенія». Сужденіе синода о преосвященномъ отличается мягкостью и снисходительностью. Доносы Мамина на него признаны синодомъ неосновательными, служащими къ одному лишь оскорблению чести епархіальнаго архіерея, а дѣйствія преосвященнаго незаключающими въ себѣ ни для кого и ничего противозаконнаго и соблазнительнаго¹). Синодъ

¹) См. въ дѣлѣ обѣ удаленіи Мамина указъ св. синода 4-го ноября 1838 года, № 242.

позволилъ даже архіерею, несмотря на прежнее свое строгое предписаніе, воспитывать въ оренбургской семинаріи своихъ племянниковъ и держать ихъ при себѣ до окончанія семинарскаго курса¹). Впрочемъ, нельзя-же было не замѣтить ничего преосвященному Іоанникію, и синодъ касательно его сдѣлалъ такого рода опредѣленіе: «Изъ представленной по настоящему дѣлу ревизіи видно, что оренбургское епархіальное начальство не обращало должнаго вниманія на порядокъ дѣлопроизводства и на побужденіе нерадивыхъ къ выполненію своихъ обязанностей, почему, поставя безпорядки сіи епархіальному начальству на видъ, во-1-хъ, строго подтвердить, чтобы впредь подобныхъ допускаемо не было, подъ опасеніемъ подвергнуться за противное строгому сужденію по законамъ; во-2-хъ, чтобы дѣлопроизводство въ консисторіи соотвѣтствовало во всемъ предписаннѣемъ правиламъ; въ-3-хъ, приступить немедленно къ разсмотрѣнію всѣхъ остановившихся дѣлъ, открытыхъ при ревизіи, и дать имъ надлежащий ходъ по законамъ. О послѣдствіи-же исправленія всѣхъ опущеній донесть св. синоду къ концу будущаго года. О приведеніи въ устройство консисторскаго архива, оказавшагося по ревизіи въ совершенномъ безпорядкѣ, епархіальному начальству предписать, чтобы оно устройствомъ онаго особенно озабочилось, поручивъ дѣло сіе человѣку опытному, знающему и благонадежному, съ предоставленіемъ ему, по возможности, необходимыхъ для того занятія средствъ и съ откомандированіемъ къ нему въ помошь городскихъ діаконовъ и причетниковъ, къ сему способныхъ, съ тѣмъ, чтобы они симъ занимались въ свободное отъ службы и занятій по церквамъ время. Объ успѣхѣ-же приведенія въ порядокъ архива доносить св. синоду пополугодно²». Но не успѣла еще кончиться ревизія, какъ въ синодѣ получено было извѣстіе о томъ, что Іоанникій оказывается по-такому и поблажку раскольникамъ Дуванейскаго приказа, запретивши православнымъ священникамъ и благочинномуувѣщевать сорвавшихся изъ православія и позволивъ этимъ совращеннымъ совершенно исключиться изъ списковъ православныхъ. Доносъ этотъ оказался вѣрнымъ. Племянники Іоанникія, несмотря на прямое и ясное предписаніе синода—отослать ихъ по окончаніи семинарскаго курса въ тверскую епархію, были оставлены въ оренбургской и одинъ изъ нихъ даже получилъ здѣсь священническое мѣсто въ каѳедральномъ соборѣ (впрочемъ, одинъ отправился на службу въ С.-Петербургъ). Вообще Іоанникій, ободренный результатомъ ревизіи, сдѣлалъ смѣлѣе, свободнѣе и размашистѣе въ своихъ

¹⁾ Тутъ-же указъ 16-го мая 1838 года, № 156.

²⁾ Тамъ-же.

дѣйствіяхъ. Епархія была недовольна его управлениемъ и глухо роптала, а нѣкоторые, болѣе смѣлые, открыто жаловались графу Пратасову. Слѣдствіемъ этихъ жалобъ на дѣйствія Іоанникія былъ переводъ его на кавказскую каѳедру, но и здѣсь онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ, и также подпалъ ревизіи.

Чтобы познакомиться съ характеромъ жалобъ на Іоанникія, мы приводимъ здѣсь, для образца, одну изъ нихъ. Несмотря на то, что въ ней много желчи и преувеличеній, она можетъ служить доказательствомъ, до какой степени сильно было въ епархіи неудовольствіе на Іоанникія. Жалоба эта, въ формѣ письма, принесена графу Пратасову въ 1849 году каѳедральнымъ протоіеремъ Субботинымъ и содержитъ въ себѣ нѣкоторые факты, уже известные изъ дѣла о Маминѣ. ... «Оренбургская епархія управлялась архипастырями, если не отличными умомъ, то добрыми по сердцу, соотвѣтствующими своему назначенію. Спокойствіе не было возмущаемо, духовенство было счастливо, въ возможной для него степени. Въ 1836 году, послѣ незабвенного преосвященнаго Михаила, изъ Вятки перемѣщенъ на оренбургскую насту преосвященный Іоанникій, съ удержаніемъ первого достоинства; онъ прибылъ, окруженный родственниками и приближенными къ нему; затѣмъ послѣдовали изъ Вятки и женщины. Настало время преобразованія. Это преобразованіе открылось смѣною эконома архіерейскаго дома. Настало время безпорядковъ. Первое воровство учинено въ архіерейскомъ домѣ, за открытие, будто-бы, котораго прежній экономъ архіерейскаго дома удаленъ отъ должности и отъ присутствованія въ консисторіи и на мѣсто его опредѣленъ привезенный іеромонахъ Виталій, человѣкъ нрава самовластнаго и дурнаго. Вскорѣ затѣмъ похищена церковная сумма изъ Крестовой домовой архіерейской церкви. Похищеніе сдѣлано изъ внутреннихъ по-коевъ его преосвященства, какъ полагаютъ съ вѣроятностью, однимъ изъ его племянниковъ. Дѣло объ этомъ похищеніи производилось въ уѣздномъ судѣ. Это дѣло истребовано было преосвященнымъ изъ уѣзднаго суда. Оно сдано было въ консисторію съ предложеніемъ, чтобы быть ему прекращеннымъ, дабы избавить архіерейскій домъ отъ поношеннія, но смыслъ этого предложения, какъ несоответствующаго закону, по моему настоянію, былъ измѣненъ. Прежніе преосвященные, соблюдая предписанія правительства о непроизводствѣ неполучившихъ полнаго образованія въ священники, доставили преосвященному Іоанникію поводъ почти въ одинъ разъ произвѣсть, большую частью совершенно безграмотныхъ и безнравственныхъ, до 90 человѣкъ. Все это сдѣлано по видамъ весьма неодобреніемъ, хотя истолкованнымъ и въ хорошую сторону. Бывшій секре-

тарь Маминъ, получавшій въ годъ 300 руб., которые были достаточны только на одинъ проѣздъ его въ консисторію, видя, что всѣ выгоды, правда незаконныя, были сосредоточены въ архіерейскомъ домѣ, рѣшился возстать противу несправедливостей архіерейскаго дома. Изъ этого противостоянія произошло раздѣленіе членовъ консисторіи. Одни, подвергшись вліянію власти архіерейской, были на сторонѣ архіерея, другіе приняли сторону Мамина. Секретарь Маминъ самовластно былъ удаленъ отъ должностей и со всѣми, державшими его сторону. Дѣла были приведены въ ужасный хаосъ. Въ это-то время преосвященный Ioannikij убѣдилъ меня принять званіе члена консисторіи, и такъ какъ былъ присутствующимъ мой тестъ, каѳедральный протоіерей Кандарицкій, то о несомнѣнности и нуждѣ опредѣленнаго мнѣ назначенія было представлено св. синоду, и св. правительствующимъ синодомъ нужда, несмотря на несомнѣнность, была признана. Я трудился одинъ за всѣхъ тѣхъ, которымъ должно было трудиться, трудился неусыпно, трудился тѣмъ болѣе, что былъ неопытенъ на новомъ поприщѣ, не имѣлъ ни образцовъ хорошихъ, ни руководства, ни сотрудниковъ. Пользуясь крайнимъ моимъ разумѣніемъ, привель я дѣла въ возможный порядокъ съ чиновниками канцеляріи, которые, поступивъ на мѣсто опытныхъ, своею неопытностію труды мои иногда дѣлали невыносимыми. Къ моему несчастію, померъ ключарь, протоіерей Лепоринскій; къ исполненію обязанностей его я былъ снова призванъ съ тѣмъ пожертвованіемъ, котораго отъ меня требовали: я долженъ былъ отказаться отъ службы по семинаріи и отъ всѣхъ ея выгодъ. Ябеда, что мы съ покойникомъ-тестемъ, заслуженнѣйшимъ протоіереемъ, засѣдая въ консисторіи, имѣли, будто-бы, вредное вліяніе на дѣла частныхъ просителей, была основаніемъ предложения преосвященному Ioannikiju, чтобы онъ того изъ нась, коего находить полезнѣе для службы, оставилъ членомъ, а другаго удалилъ отъ присутствованія. Я за мою дѣятельность, несмотря на опытность старца, предпочтенъ былъ старцу и все продолжалъ служить одинъ за всѣхъ. Мой тестъ, отецъ и покровитель меня и моего семейства, удрученный оскорблѣніями тѣжкими по службѣ, померъ; я изъ ключаря низведенъ былъ на степень каѳедрального протоіерея. Это выраженіе, графъ, удивляетъ, можетъ быть, потому, что вы не знаете самовластія Ioannikija, по которому онъ уважаетъ только облеченнѣхъ его довѣренностію, по которому онъ уничтожаетъ всякое значеніе подвластныхъ ему властей; по которому онъ на всѣхъ имѣеть взглядъ какой-то царственныи, смотрѣть на бѣлое духовенство, какъ на рабовъ, презираетъ его болѣе, нежели рабовъ; отрекшись отъ міра, не щадить міра, владѣть міромъ деспотически. Давши обѣтъ смиренія предъ Богомъ, унижаетъ другихъ до послѣдней

степени. Безпорядки, связанные съ особою его преосвященства Іоанникія, начали развиваться: за отрѣшениемъ отъ должности добросовѣстнаго расходчика, за увольненіемъ сторожей честныхъ, приказно-служителей, знающихъ свою обязанность, выкрадены были суммы изъ кладовой консисторіи—это первое воровство. Я сдѣлалъ постановленіе, съ согласія другихъ присутствующихъ, чтобы всѣ суммы для храненія отсылаемы были въ казначейство; объ этомъ было представлено св. синоду, но Іоанникій по какимъ-то видамъ попечительскія суммы допустилъ перенести для храненія въ соборъ; я, опасаясь за безопасность перенесенныхъ суммъ, сдѣлалъ докладъ его преосвященству съ перенесеніемъ тѣхъ ругательствъ, къ которымъ онъ такъ обычень, о дурномъ поведеніи сторожа Фалезова, но на этомъ докладѣ, къ моему удивленію, послѣдовала резолюція таковая: если Фалезовъ не можетъ быть сторожемъ, то опредѣлить его звонаремъ. Послѣ сего суммы, перенесенные въ соборъ, были украдены—это второе воровство. Его любимецъ, покойный Лелявскій, оставленный имъ противу указа св. синода, привезъ мнѣ въ мое отсутствіе чугунныя плиты, снятая съ крылецъ собора и найденныя въ архіерейской конюшнѣ, какъ онъ послѣ мнѣ объяснился;—это третью воровство. По настоянію преосвященнаго Іоанникія, сдѣлано было распоряженіе объ образованіи особеннаго счетнаго стола и назначеніи, сверхъ расходчика, казначея, спасскаго протоіерея Несмѣлова; у этихъ двухъ нянекъ дитя осталось безъ глаза: оказалось недочета 4.700 руб.—это четвертое воровство. Я настоялъ, чтобы суммы соборныя хранились въ казначействѣ. Ключарь, нисколько не уважая меня и получая приказанія непосредственно отъ преосвященнаго, хранилъ суммы въ соборѣ и эти деньги были похищены—это пятое воровство. Преосвященный Іоанникій, желая совершенно уничтожить меня и управлять соборомъ чрезъ ключаря непосредственно, приказалъ мнѣ устроенныя чугунныя печи съ трубами отмынить и устроить другія къ измѣненію плана на соборъ, Высочайше утвержденнаго, и отъ того благоустройства въ день восшествія Государя Императора на престолъ многихъ изъ собора выносили за-мертво отъ угара. Соборъ совершенно оставленъ всѣми и по вышеписанному, и потому, что назначенный катехизаторъ въ своихъ поученіяхъ часто дозволяетъ себѣ оскорбительныя выходки; оставленъ потому, что племянникъ Іоанникія, Образцовъ, опредѣленный священникомъ къ собору, нерѣдко служить литургію пьяный; оставленъ потому, что преосвященный Іоанникій по какимъ-то своимъ видамъ рѣдко служить въ соборѣ; оставленъ потому, что въ немъ нѣть главнаго украшенія, нѣть преосвященнаго, который наставу свою чему-бы нибудь училъ; оставленъ потому, что я

совершенно имъ уничтоженъ. Почтеннѣйший графъ! есть-ли тѣло безъ головы? Бѣлое духовенство, хотя худую и слабую, но должно имѣть голову. Есть-ли справедливость тамъ, гдѣ уважаются не заслуги, не порода, а форма одежды, гдѣ мантія изъ раба дѣлаетъ господина, гдѣ ряса и съ достоинствами человѣка низводить на степень раба? Ректоръ Никодимъ былъ рѣзанъ послушниками его воли, приготовленными въ монашество, людьми безнравственными,—людьми, которые приводили къ нему женщинъ въ мужской одеждѣ¹⁾). Объ этомъ я, уважая подчиненность, доводилъ до свѣдѣнія преосвященнаго Ioannikia. Подвижнику Никодиму Ioannikii исходатайствовалъ Аниу 2-й степени и достоинство, присвоенное архимандриту второкласснаго монастыря. Былъ и другой подвижникъ, смотритель уфимскихъ училищъ, іеромонахъ Филиппъ: онъ, между прочимъ, занимался растлѣніемъ ; я противу этого сильно возставалъ, а мнѣ объявили, что это въ монашествѣ не считается грѣхомъ: впрочемъ, это отвратительное существо, по крайней мѣрѣ, удалено изъ Уфы. Теперь, графъ, взгляните на управление оренбургской семинаріи монахами. Тутъ вы увидите чистое іезуитство, увидите искаженіе правильной методы; увидите, что они не руководствуютъ къ той цѣли, къ которой дѣти предназначены. Я не могу сообразить, почему изъ всѣхъ свѣтскихъ училищъ устраниены монахи и почему они остаются доселѣ самовластными начальниками въ духовныхъ училищахъ? Вы заботитесь или содѣйствуете заботливости Царя о просвѣщеніи бѣлага духовенства

¹⁾ Вотъ какъ записано это происшествіе въ синодальномъ протоколѣ 1840 г. 23-го декабря: «7-го декабря 1840 г., въ три четверти 7-го часа пополудни, вѣжаль въ комнаты эконома семинаріи, профессора Ипполита Подбѣльскаго, ректоръ семинаріи, архимандритъ Никодимъ, весь въ крови, сильно раненный въ горло ножомъ и еще вилятъ, но слабымъ голосомъ проговорилъ ему, экономическому, слѣдующія слова: «Меня зарѣзали, меня зарѣзаль Елпидифорка» (жившій у ректора дворовый человѣкъ г-жи Степановой); это случилось во время отправляемаго въ семинарской залѣ всенощнаго бѣнія, когда всѣ ученики семинаріи, а въ числѣ ихъ и живущій у ректора ученикъ, его племянникъ, находились у богослуженія. Когда экономическому немедленно было оглашено сіе происшествіе въ семинарскомъ корпусѣ, то тотъ-же ректоръ, подтвердивъ прежде сказанное экономическому, присовокупилъ, что въ преступленіи съ Елпидифоркою участвовалъ уфимскій мѣщанинъ Аполлонъ Алексѣевъ (прежде тоже у него, ректора, жившій). О какомъ несчастномъ случаѣ немедленно дано было знать градской полиції, а для оказанія медицинской помощи приглашенъ былъ врачъ. Виновники вышеозначенаго преступленія успѣли между тѣмъ скрыться; но мѣрами семинарскаго правленія одинъ изъ нихъ, именно Елпидифорка, былъ пойманъ, и въ присутствіи какъ семинарскихъ чиновниковъ, такъ и прибывшихъ въ семинарію гг. гражданскаго губернатора и полицій-майстера, представленъ былъ ректору, который и обозналъ въ немъ, Елпидифоркѣ, ви-*

и потому предоставьте духовное юношество руководствовать не монахамъ, взыскиющимъ не настоящаго, а грядущаго, но самому-же бѣлому духовенству. Умъ нашъ дается въ одномъ только сѣмени, но возрастаетъ и укрѣпляется опытностю. Сидя на берегу, нельзя управлять кораблемъ на морѣ, изъ келіи монастыря нельзя управлять міромъ. Для соблюденія собственного величія аскетовъ нужно, чтобы они не имѣли власти надъ міромъ. Когда такъ будетъ, тогда благочестивѣ въ мірѣ почтуть отрекшихся отъ міра; тогда святость ихъ, нынѣ сомнительная, будетъ очевидна; тогда они будутъ прямymi руководителями другихъ къ небу; тогда они громы будутъ бросать противъ мірскихъ соблазновъ, а теперь они молчатъ, замѣшившись въ суеты мірскія. Графъ! я по слуху уважаю въ вѣсть благородство души, и по моему мнѣнію, истинному или ложному, полагая всѣхъ просвѣщенныхъ людей, какъ-бы они ни были судьбою разбросаны по ступенямъ гражданской лѣстницы, равными между собою, вѣрю, что вы не оскорбитесь мою искреннею исповѣдью предъ вами. Спросите Іоанникія, на какомъ основаніи онъ, оставляя діаконовъ въ числѣ 25-ти человѣкъ сверхъ штата съ двойными доходами, къ обидѣ причтовъ и къ междуусобнымъ ссорамъ, на открывшіяся вновь діаконскія вакансіи, производить причетниковъ; на какомъ основаніи возвышаешь на степень священниковъ неученыхъ, производить въ священники исключенныхъ изъ семинаріи за дурное поведеніе, переводить не-престанно всѣхъ съ однихъ мѣстъ на другія. Почему ему неблагоугодно

новника своей раны, полученной отъ него въ горло. Онъ, Елпидифорка, обознанный самимъ ректоромъ и, сверхъ того, уличенный въ учиненіи преступленія кровавыми знаками на рукахъ и полурубѣкъ, по приказанію самого гражданского губернатора чрезъ полицейскихъ служителей отправленъ въ полицію». Къ этому семинарское правленіе въ журналѣ своеемъ, состоявшемся по сему случаю на другой день, т. е. 8-го декабря, присовокупило слѣдующее: «1) въ продолженіи ночи съ 7-го на 8-е число ректоръ, въ поясненіе дѣла, объявилъ находившимся при немъ безотлучно ученикамъ, что вышеупомянутые покусители на его жизнь, пришедши къ нему, спачала просили у него взаймы денегъ, но внезапно покушались накинуть на шею его веревочную петлю, которая, впрочемъ, оказалась мала; затѣмъ начали давить его кушакомъ и одинъ изъ нихъ, схвативъ лежавшій на столѣ перочинный ножъ, симъ послѣднимъ наносилъ ему удары въ горло, а другой, именно Аполлонъ Алексѣевъ, схватилъ ректора за языки, силясь вытянуть оній, но ректоръ, стиснувъ его руку въ зубахъ, весьма сильно укусилъ его палецъ. Послѣ сего ректоръ, обезпамятѣвъ, упалъ въ кровь на полъ. Злодѣи, почитая его мертвымъ, кинулись одинъ за огнемъ (поелику свѣча въ обоюдной борьбѣ была загашена), а другой къ комоду, гдѣ хранились деньги. Ректоръ, въ это время опамятовавшись нѣсколько и пользуясь темнотою, собравъ силы, вышелъ изъ комнаты въ другія двери на корридоръ и вѣжаль въ комнаты эконома, какъ выше упомянуто» (см. вт. св. синодѣ протоколъ 23-го декабря 1840 года).

досмотрѣть за преподаваніемъ въ семинаріи, гдѣ преподаются то, чего дѣти понять не могутъ, преподаются то, что уже признано неправильнымъ въ мірѣ ученомъ. Графъ! я, угнетенный Иоанникіемъ, доведенный до крайности съ многочисленнымъ моимъ семействомъ, рѣшился представить вамъ пока малый очеркъ тѣхъ злоупотребленій, которыя совершаются въ оренбургской епархіи и которымъ нѣтъ подобныхъ въ другой. Въ городѣ Оренбургѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, во время свирѣпствованія холеры, былъ въ собственномъ смыслѣ страшный судъ: одни изъ священниковъ были жертвою смертоносной заразы, другіе были прикованы къ смертному одру. Но о сихъ послѣднихъ безъ всякаго основанія и тайно наряжено слѣдствіе преосвященнымъ Иоанникіемъ, потому что слѣдствіе надъ мертвыми было-бы уже бесполезно; слѣдователемъ назначенъ протоіерей Челноковъ, въ цѣлой епархіи извѣстный своимъ сумасбродствомъ, безстыдствомъ и наглості. Противъ этого слѣдствія вооружается весь городъ, понимая всю неосновательность онаго; противу слѣдователя и его безумныхъ поступковъ, почти возмутительныхъ, нѣсколько разъ доводимо было до свѣдѣнія преосвященнаго офиціальнымъ и частнымъ образомъ, но преосвященный Иоанникій, по какимъ-то необъяснимымъ видамъ, вышеупомянутаго сумасброма, уполномочивая къ угнетенію заслуженныхъ священнослужителей, представилъ къ наперсному кресту. Вотъ, графъ, голова представляемыхъ: можете судить по ней о хвостѣ! Опытомъ я постигъ, какъ вредно для службы, когда награждаются незаслуживающіе того; судить уголовнымъ судомъ тѣхъ, которые крадутъ деньги; почему же не судить тѣхъ правителей, которые заслуги однихъ присвоиваютъ другимъ? Я, графъ, видя пристрастіе преосвященнаго къ людямъ его ордена, ихъ гордое обращеніе со мною, доходящее почти до невѣжества; видя похищеніе заслугъ и присвоеніе ихъ тѣмъ, которые никакъ не служили; видя слезы бѣлаго духовенства, извлекаемыя отшельниками отъ міра, желая лучше ничего не дѣлать, нежели дѣлать зло, началь устраниться отъ сближенія съ преосвященнымъ, наказы котораго противосвѣтные стѣсняли свободу моей совѣсти. Преосвященный къ уничтоженію въ лицѣ моемъ всего бѣлаго духовенства и къ нарушенію Высочайшей воли предложилъ мнѣ послѣ сельскаго попа перейти въ городъ Троицкъ. Я, понимая, каѳедральнаго протоіеря, какъ защитника презрѣннаго и угнетеннаго бѣлаго духовенства, понимая по крайнему моему разумѣнію, что такое предложеніе самовластно, далъ ему отвѣтъ, который, вѣроятно, по его непріятной истинности скрыть. Еще обращусь къ управлению: Благовѣщенскій женскій монастырь лишенъ существеннаго утѣшенія, поелику отъ надлежащаго надзора за построеніемъ храма

въ этомъ монастырѣ на сумму, завѣщанную г-жей Степановой и хранимую съ приращеніемъ въ мѣстномъ Приказѣ общественнаго призрѣнія, игуменья была удалена преосвященнымъ Иоанникіемъ, и этотъ надзоръ порученъ былъ безнравственному Стрѣлкову, моту и невоздержному. Когда игуменья Филарета отрапортовала преосвященному Иоанникію о непрочномъ возведеніи дома Божія, преосвященный по своимъ какимъ-то видамъ приказалъ оставить вышеупомянутый рапортъ безъ всякаго вниманія. Куполь церкви упалъ и церковь остается доселѣ въ развалинахъ, къ неизѣяснимой горести монастыря. Распоряженіями Иоанникія по построенію Ильинской церкви консисторія приведена была въ непріятное столкновеніе съ мѣстной строительной комиссией и поставлена во враждебное положеніе съ г. Балкашинъ, гражданскимъ губернаторомъ. Первымъ послѣдствіемъ чего была остановка постройки и совершенное прекращеніе доброхотныхъ пожертвованій на ону. Преосвященный Иоанникій, давъ обѣщаніе покойному Талызину, бывшему оренбургскому гражданскому губернатору, о перемѣщеніи протоіерея Агрова изъ города Бирска и не исполнивши своего обѣщанія, навлекъ на бѣлое духовенство гоненіе человѣка, въ свое время сильнаго, сопровождавшееся ужасными неустройствами. Когда въ уѣздѣ Челябинскомъ крестьяне возстали противъ мѣстныхъ властей, обманутые нелѣпыми слухами, Иоанникій оставался совершенно бездѣятельнымъ, между тѣмъ по ябедѣ бездушнаго попа бѣглеца, подкрѣпленной тѣмъ, о чёмъ я стыжусь говорить, измучилъ священника Шмотина¹⁾ и довелъ его до смерти. Будучи недоволенъ приказаніемъ св. синода, чтобы преосвященный Михаилъ управлялъ епархию оренбургскую во время увольненія его, Иоанникія, отъ такого управліенія, онъ дозволялъ себѣ многія интриги, и за возстаніе мое противъ этихъ интригъ, онъ началъ меня жестоко преслѣдовывать. Крестьяне г-на Бенардаки, въ особенности моимъ тщаніемъ приведенные на иѣко-

¹⁾ Этотъ Шмотинъ оговоренъ былъ священникомъ Петровымъ и исправникомъ Челябинского уѣзда въ томъ, будто бы онъ, вмѣстѣ съ священникомъ Милицынымъ, поддерживалъ возмутившихся казенныхъ крестьянъ Челябинского уѣзда въ вѣрованіи нелѣпымъ слухамъ о передачѣ ихъ изъ казеннаго вѣдомства въ частное владѣніе какого-то Кульнева. Военный губернаторъ Обручевъ тотчасъ донесъ объ этомъ оберъ-прокурору св. синода. Обвиняемымъ прямо запрещено было священничество, наряжено слѣдствіе, они вызваны были въ пермской архіерейской домъ; мѣста ихъ заняты другими священниками. Оказалось, что Шмотинъ не только не поддерживалъ волненія между означенными крестьянами, но выходилъ къ нимъ съ крестомъ и еще уговаривалъ ихъ, давать имъ изъ церковнаго архива для прочтенія указъ о сѣяніи картофеля, который (указъ) и былъ, между прочимъ, виной и началомъ всѣхъ послѣдующихъ волненій. Дознано было, что

торую степень сближенія съ правильнымъ священствомъ, имъ были разогорчены: онъ, давши имъ священника, ими избраннаго, или вѣрнѣ, ими принятаго по его-же рекомендаціи, потому что у этого священника жена раскольница,—этого Брѣева непрестанно вызывалъ въ Уфу и, вѣроятно, не вполнѣ достигая цѣли своихъ вызововъ, отстранилъ его самовластно отъ общества старообрядцевъ, въ которое, противъ правиль о старообрядцахъ и единовѣрцахъ, самовластно рукоположилъ во священника ничтожнаго діакона по своимъ обычнымъ видамъ. Этому новорукоположенному и непринятому старообрядцами, чтѣ могъ предвидѣть преосвященный Іоанникій, дано хорошее мѣсто въ православномъ приходѣ. Слѣдствіемъ такихъ распоряженій, о причинѣ которыхъ я умолчу по уваженію къ святительскому сану, произошли многія неустроїства. Священникъ Брѣевъ, какъ оказался виновнымъ въ принятіи *исправы* (перепомазанія) по раскольническому обряду, подвергнутъ строжайшему осужденію по закону, но преосвященный Іоанникій, чѣмъ-то убѣжденный въ его правотѣ, далъ ему мѣсто при православной церкви, а нынѣ перевѣль его въ другое, лучшее. При обращеніи часовни города Уральска въ церковь, преосвященный Іоанникій допустилъ много распоряженій стѣснительныхъ, замѣчненныхъ и св. синодомъ. Наконецъ, онъ новообразленыхъ ожесточилъ до того, что они совершенно оставили церковь; противъ Высочайшей воли, ихъ духовенство подчинилъ уральскому единовѣрческому благочинному Корчагину, по своимъ частнымъ видамъ. Разъѣздами своими по епархіи преосвященный Іоанникій заслужилъ не-выгодное имя даже между иновѣрцами—татарами и другими,—возстановилъ противъ себя всѣ приходы, довѣль себя до такого униженія, что пѣкоторые изъ священниковъ называли его въ глаза и грабителемъ, и человѣкомъ безнравственнымъ, и о подобныхъ оскорблѣніяхъ лицу своему доселѣ молчать. Подобная оскорблѣнія, или сцены самыя грубыя происходо-

эта клевета затѣяна была сослуживцемъ Шмотина, Петровымъ, который, испугавшись возмущенія крестьянъ, убѣжалъ не только изъ своего села, но даже и изъ своей епархіи. Преосвященный Іоанникій дѣйствительно вѣль себя въ этомъ дѣлѣ такъ, что можно было легко замѣтить какое-то снисхожденіе къ Петрову; въ рапортахъ своихъ синоду онъ называлъ Петрова не злобнымъ доносителемъ, а малодушнымъ, который для своей защиты берется за все безразсудно. Св. синодъ назначилъ Шмотину другое священническое мѣсто, взамѣнъ прежняго. Но бѣднаго отъ сильнаго пораженія горемъ лишился употребленія руки, ноги и языка и наконецъ умеръ (См. въ св. синодѣ дѣло 1843 года, подъ № 480, о священникахъ Іоаннѣ Милицынѣ и Іоаннѣ Шмотинѣ, оговоренныхъ въ участіи съ возмутившимися крестьянами Челябинскаго уѣзда).

дили у него и со священникомъ Алфеевымъ, нынѣ умершимъ священникомъ Евлампіевымъ и другими. Къ скрытию всѣхъ этихъ сценъ преосвященный Ioannikij имѣлъ свои причины. Жена пьяного его племянника, любимая Ioannikiemъ, дозволяетъ себѣ вмѣшиваться въ управление епархию: она, лишенная всякаго образованія, на площадяхъ разсказываетъ, кто ея дядею назначенъ къ повышенню, или пониженню. Левковскій, священникъ села Березовки, родственникъ Ioannikiu, женатый по избранію Ioannikia на дочери богатаго священника, чувствуя себя отравленнымъ, писалъ къ родному племяннику Ioannikiu, Василію Образцову, не одно письмо, съ присовокупленіемъ ходатайства о различныхъ лицахъ у преосвященнаго Ioannikia, о доставленіи ему помощи противъ отравы. Преосвященный Ioannikij своему племяннику обѣ этихъ письмахъ велѣлъ умолчать по своимъ-же видамъ. Преосвященный Ioannikij ссорить членовъ консисторіи для ихъ обезсиленія; входитъ въ дружескія и довѣренныя совѣщанія съ приказнослужителями, каковою его фамильярностію приказнослужители доведены до дерзкаго неповиновенія. Имъ все низведено на степень какой-то вульгарности: пѣніе дурно, соборная ризница истощена, сослужащіе съ нимъ по засаленнымъ облаченіямъ похожи болѣе на блинниковъ, чѣмъ на священниковъ; Ioannikij сумму на заведеніе соборной ризницы и на поправку старой удѣрживаетъ у себя, или въ своемъ архіерейкомъ домѣ. У насъ все продажно: мы продаемъ антиминсы по 15 рублей, чтѣ съ понятіями о производствѣ на высшія духовныя степени производить совершенный соблазнъ въ народѣ. Мы со всѣми ссоримся: преосвященный Ioannikij это дѣлаетъ по охотѣ, а проче по неволѣ, поелику и пишемся нижайшими послушниками его преосвященства и рекомендуемся способными къ послушанію, въ тонѣ монашескаго безусловнаго повиновенія высшимъ. Итакъ, графъ, чѣмъ мы виноваты, что грѣшишь своимъ повиновеніемъ облеченному властію, почти неприкосновенію, грѣшащему такъ, что въ этомъ подвигъ съ нимъ никто и сравниться не можетъ.

«Графъ! примите это письмо сніходительно, какъ на-скоро написанное. Я буду вамъ писать отчетливо, я объясню всю ложь, которую безстыдно доводятъ до св. синода, какъ истину. Я вамъ открою, что я былъ поборникомъ правды по моимъ силамъ, сжатый всегда могущественнымъ саномъ архіерейскимъ; можетъ быть, успѣю доказать, что мною не управлялъ былъ Ioannikij, что все то, чтѣ сколько-нибудь согласно было съ совѣстю и здравымъ смысломъ и съ желаніемъ общаго добра, есть собственность моя, а прочее долженъ принять на свою долю тотъ, кто,

смѣю вамъ сказать, и не рожденъ для того, чтобы, что-нибудь понимать, кромѣ собственныхъ интересовъ»¹).

IV. Ревизія тифлісской семинаріи.

Хотя ревизія семинаріи не составляетъ ревизіи епархіального управлінія, тѣмъ не менѣе мы отнесли ее къ отдѣлу послѣднихъ, по слѣдующимъ обстоятельствамъ, вызвавшимъ эту ревизію, сопровождавшимъ ее и за нею послѣдовавшимъ: 1) лицо, бывшее причиною ревизіи тифлісской семинаріи, состояло въ особыхъ, близкихъ отношеніяхъ къ экзарху и, злоупотребляя его къ себѣ довѣренностью и любовью, до такой степени связало свою судьбу съ его судьбою, что жалоба и нападеніе на одного были жалобою и нападеніемъ на другого. 2) Въ то самое время, когда къ графу Пратасову поступила отъ учениковъ тифлісской семинаріи жалоба на инспектора Порфирия, вслѣдствіе которой состоялась и самая ревизія семинаріи, исправлявшій тогда должность прокурора тифлісской синодальной конторы Дмитріевъ донесъ тому-же Пратасову, что въ поступкахъ, въ которыхъ ученики обвиняютъ своего инспектора, уличается и экзархъ. 3) Ревизія тифлісской семинаріи имѣла явною цѣлью изслѣдованіе поступковъ ея инспектора, а тайною повѣрку дѣйствій экзарха. 4) Результатъ этой ревизіи былъ неблагопріятенъ сколько для Порфирия, столько-же и для экзарха. Однимъ словомъ, ревизія тифлісской семинаріи

¹) См. въ св. синодѣ секретное дѣло по доносу протоіерея Уфимскаго каѳедральнаго собора Субботина о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по епархіальному управлінію въ Оренбургской губерніи; началось 14-го января 1849 года. Доносъ Субботина признаетъ св. синодомъ голословнымъ, выражавшимъ стремленіе чернить своего архіерея, ибо въ доносѣ его помѣщены многія изъ такихъ обстоятельствъ, которыя относятся къ давнему времени, были въ виду св. синода и обсуждены окончательно и которыхъ посему повторять не было никакой надобности. «Св. синодъ, такъ говорится въ синодальномъ указѣ, имѣя все сіе въ виду и принявъ во вниманіе, что протоіерей Субботинъ наполнилъ извѣтъ свой укоризнами не только на счетъ преосвященнаго, но и на все высшее монашествующее духовенство, и, сверхъ того, дозволилъ себѣ употребить въ ономъ такія выраженія, которыя показываютъ въ немъ преобладающій духъ противленія и непокорности установленной надъ нимъ власти, заключилъ, что протоіерей Субботинъ, при такомъ несвойственномъ священнослужителю образѣ мыслей, неблагонадеженъ къ дальнѣйшему прохожденію занимаемыхъ имъ нынѣ должностей настоятеля каѳедрального собора и члена консисторіи, и вслѣдствіе того опредѣляется: перевѣстъ его въ сосѣдственную съ оренбургскою вятскую епархію для опредѣленія на священническое мѣсто по усмотрѣнію преосвященнаго».

была вмѣстѣ и ревизію мѣстнаго епархіального управлениія. Если синодъ и отдалъ дѣло Порфирия отъ дѣла экзарха, то не такъ смотрѣлъ на это графъ Пратасовъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ извѣстнымъ данимъ. Вотъ причины, по которымъ ревизія тифлисской семинаріи заняла мѣсто въ отдѣлѣ ревизій епархіальныхъ управлений. Впрочемъ, самымъ лучшимъ оправданіемъ этому послужитъ изложеніе самой ревизіи.

Система управлениія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ никогда не отличалась мягкостью и кротостью; напротивъ, въ ней постоянно господствовали жестокость и суворость; власть въ этихъ заведеніяхъ, большею частью, понималась какъ право наказывать и карать, а не миловать, и потому внушала страхъ и трепетъ, а не любовь и довѣріе. Подобная-же система управлениія имѣла мѣсто и въ тифлисской семинаріи, съ тою только разницей, что она здѣсь достигла крайнихъ предѣловъ своего развитія¹⁾; а между тѣмъ ни въ одной семинаріи она не была такъ неумѣстна, какъ въ тифлисской, и по недавнему ея учрежденію, и по особенному характеру ея воспитанниковъ, еще не привыкшихъ къ формамъ и дисциплинѣ нашихъ семинарій. Къ чести нѣкоторыхъ лицъ, начальствовавшихъ въ тифлисской семинаріи, нужно сказать, что они не одобряли этой системы, по крайней мѣрѣ, не прибѣгали къ ней при вся-

¹⁾ Приводимъ здѣсь наивное оправданіе игумена Порфирия на обвиненіе его въ жестокомъ обращеніи съ учениками тифлисской семинаріи, какъ доказательство господствующаго въ нашихъ семинаріяхъ возврѣнія на систему воспитанія. «Я, говорить Порфирий въ объясненіи своемъ, пользуясь правомъ родителей, въ крайней нуждѣ, примѣняясь къ возрасту, классу и важности проступковъ, наказывалъ виновныхъ въ духѣ отеческому розгамъ; каковое наказаніе употребляемо было и прежними инспекторами; да и въ какихъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ такая мѣра наказанія не употребляется? Это не было бесполезно и здѣсь до того времени, когда злоба неблагонамѣренныхъ людей и нѣкоторыхъ учениковъ не перетолковала таковыхъ наказаний въ худую сторону, называя оныя неумѣстными, строгими и даже жестокими.. Мѣры, употребляемыя мною, были соединены съ отеческою любовью къ ученикамъ, какъ къ дѣтямъ своимъ, именно: лишеніе обѣда, стояніе на колѣнѣахъ въ столовой во время обѣда или ужина, содержаніе въ карцерѣ отъ 3-хъ до 8 часовъ, но на цѣлый день, особенно на ночь, никогда не простиравлось, а иногда, по весьма рѣдко (?), учениковъ низшаго отдѣленія, за неуваженіе къ учителямъ и за проступки, требующіе большаго наказанія, слегка наказывалъ розгами, имѣя въ виду примѣръ первосвященника Илія, и помня слова мудрѣшаго изъ царей: «Розы и наказаніе дѣлаютъ людей умными который бо есть сынъ, его же не наказуетъ отецъ? (Евр. XII. 7). Любай сына своего, да участитъ ему раны (Сирах. X.X.X.).» (См. въ св. синодѣ дѣло подъ № 122 по жалобѣ ученика тифлисской семинаріи Давида Тинникова на жестокое обращеніе съ нимъ инспектора той семинаріи, игумена Порфирия, и приложеній къ нему часть 2-ю, стран. 154—155, 56—57).

комъ случаѣ, и вина какъ введенія, такъ и особеннаго ея развитія въ тифлисской семинаріи, главнымъ образомъ падаетъ на ея инспектора, игумена Порфирия, и на покровителя его, экзарха Грузіи Евгения. Въ интимной связи, существовавшой между этими двумя лицами и начавшійся уже давно, есть что-то таинственное. Еще будучи ректоромъ костромской семинаріи, Евгений приблизилъ къ себѣ одного мальчика семинариста и оказывалъ ему особенное свое расположение. Въ 1830 году Евгений назначенъ былъ епископомъ въ Тамбовъ. Отправляясь туда, онъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ любимцемъ-семинаристомъ и вывезъ его изъ Костромы въ Тамбовъ, гдѣ онъ докончилъ семинарскій курсъ и получилъ мѣсто учителя Тамбовскаго уѣзднаго училища. Послѣ кратковременнаго управлѣнія тамбовскою епархіею, Евгений былъ переведенъ въ Минскъ; любимецъ его перѣѣхалъ туда-же и занялъ постъ высшій, сравнительно съ прежнимъ, постригся въ монашество, произведенъ въ іеромонахи и сдѣланъ смотрителемъ минскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1834 г. Евгений назначенъ экзархомъ Грузіи, а въ 1835 г. является Порфирий, уже въ санѣ игумена, инспекторомъ и учителемъ тифлисской семинаріи. Черезъ нѣсколько времени по прибытіи, онъ былъ также назначенъ членомъ осетинской комиссіи и попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія тифлисской епархіи. Съ расширенiemъ круга его дѣятельности, росло и его вліяніе на духовный дѣла въ экзархатѣ, и онъ вскорѣ сталъ играть здѣсь роль временщика, тѣмъ болѣе нестерпимаго, что по своему характеру былъ и грубъ, и подлъ. Не касаясь его вліянія вообще на духовное управлѣніе въ экзархатѣ, мы ограничимся здѣсь изображеніемъ его вліянія на дѣла семинаріи, въ которой онъ захватилъ въ свои руки всѣ должности: онъ былъ въ ней и ректоромъ, и экономомъ, и секретаремъ, и библіотекаремъ, и по всѣмъ этимъ должностямъ имѣлъ самое злоредное вліяніе. Пользуясь неограниченной довѣренностью и необыкновенною любовью экзарха, у которого онъ обѣдалъ почти каждый день и просиживалъ за полночь, Порфирий сдѣлался главнымъ начальникомъ тифлисской семинаріи и совершенно отстранилъ отъ управлѣнія ректора, который, больной душою и тѣломъ, безхарактерный, кроткій, запуганный экзархомъ, долженъ былъ уступить ему свои права¹). Самое пребываніе ректора виѣ семинаріи, въ монастырѣ, находящемся въ значительномъ отъ нея отдаленіи, какъ

¹⁾ Вотъ официальный отзывъ о Сергіи, сдѣланный въ одномъ рапортѣ синоду экзархомъ Грузіи: «Архимандритъ Сергій, по своимъ болѣзняеннымъ припадкамъ иногда впадая въ задумчивость, забываетъ то, о чѣмъ было словесно разсуждаемо въ присут-

нельзя лучше содействовало усиленію власти инспектора и расширению
ея за должностные предѣлы. Инспекторъ самовластно и самъ собою распо-
ряжался въ тѣхъ случаяхъ, которые могли быть рѣшаемы только прав-
леніемъ, или, по крайней мѣрѣ, словеснымъ совѣщаніемъ съ ректоромъ.
Резолюціи и опредѣленія составлялись инспекторомъ и все въ правленіи
(семинарскомъ) дѣлалось по его мысли и волѣ; если-же иногда кто-ни-
будь изъ членовъ правленія осмѣливался возражать и противорѣчить
Порфирию, то дерзновенный получалъ отъ него обыкновенно въ отвѣтъ:
«Такъ приказано рѣшить это дѣло преосвященнымъ экзархомъ» и смѣль-
чакъ послѣ этого прикусывалъ языкъ. Дѣйствія его, какъ инспектора,
ознаменованы были жестокостью и безчеловѣчіемъ: онъ сѣкъ мальчиковъ
почти за всякий проступокъ, бить ихъ даже до крови и въ запальчивости
способенъ быть заколотить до полусмерти; въ то-же время былъ при-
страсень, несправедливъ, мстителенъ, имѣлъ любимцевъ и наушниковъ.
Но несмотря на это жестокое обращеніе съ учениками, нравственное
состояніе тифлісской семинаріи было далеко незавидное; инспектура Пор-
фирия была близорукая и самая узкая: ученики не отличались трезвостью,
и даже подъ носомъ инспектора развились много гнусныхъ пороковъ¹⁾.
Жадный и корыстолюбивый, подозрѣваемый во взяточничествѣ²⁾, одарен-
ный особыми экономическими способностями, Порфирий совершилъ
завладѣлъ должностю эконома и предоставилъ лицу, официально носив-
шему это званіе, только подписываться подъ бумагами и закупать дрова,
въ которыхъ, по климатическому положенію, была самая ничтожная по-
требность. Семинарское хозяйство подъ его управлѣніемъ велось самыемъ
безотчетнымъ и скарднымъ образомъ: всѣ закупки производились безъ
опредѣленія правленія семинаріи, въ которое, по окончаніи каждого мѣ-
сяца, подавались записки съ требованіемъ уплаты тѣмъ лицамъ, у кото-
рыхъ забраны были припасы; пища давалась ученикамъ не надлежащей
доброты: говядина бывала тухлая, сыръ съ червями, масло горькое до

ствіи конторы» (см. рапортъ экзарха въ дѣлѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода
подъ № 2037 объ исполненіи конторою журналовъ ея, безъ сообщенія оныхъ на проку-
рорскій просмотръ).

¹⁾ См. въ духовно-учебномъ управлѣніи при св. син. дѣло по отношенію проку-
рора грузино-имеретинской синодальной конторы. Здѣсь-же и о ревизіи оной по сему
случаю, № 122, 1843 г.

²⁾ См. въ приб. къ дѣлу о Тинниковѣ, ч. II, стр. 186—187, гдѣ между прочимъ
Мелитонъ Фоминъ показалъ, что Порфирий взялъ съ ученика Матафьева лошадь и до-
вольно большой бурдюкъ вина.

того, что ученики страдали кровяною рвотою; некоторые изъ воспитанниковъ, по недостатку кроватей, должны были спать по-двое на одной. Какъ наставникъ, Порфирий былъ самый плохой: преподаваніе его ограничивалось чтеніемъ по книгѣ и потомъ выслушиваніемъ по ней отвѣтовъ учениковъ. Негодный какъ начальникъ и наставникъ, онъ въ то-же время былъ и самымъ дурнымъ товарищемъ между сослуживцами: надменный любовью къ себѣ экзархъ, онъ гордо и дерзко обращался съ ними и всегда говорилъ какъ-то повелительно; секретари семинарскаго правленія, имѣвшіе по своей должности болѣе случаевъ къ столкновеніямъ съ нимъ, отъ его дерзкихъ выходокъ выходили въ отставку послѣ самаго короткаго срока своей службы. Экзархъ зналъ о всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ своего любимца, но не останавливалъ его, а напротивъ какъ-бы поощрялъ, обращаясь подобнымъ-же образомъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ и преслѣдуя тѣхъ, которые осмѣливались возвышать свой голосъ противъ инспектора. Бѣдные воспитанники съ покорностію переносили жестокое обращеніе съ собою инспектора и, вѣроятно, никогда не подумали-бы открыто возстать противъ этого, еслибы не подали сигнала къ возстанію некоторые изъ наставниковъ семинаріи и постороннихъ лицъ. Наставники, постоянно оскорбляемые грубымъ и наглымъ обращеніемъ Порфирия, болѣе и болѣе вооружались противъ него; злоба противъ инспектора росла въ нихъ вмѣстѣ съ глубокимъ презрѣніемъ къ его невѣжеству. Глухая, затаенная ненависть къ нему искала только случая обнаружиться явнымъ и открытымъ взрывомъ. Къ наставникамъ присоединились, по своимъ особенностямъ побужденіямъ: исправлявшій должность прокурора тифлисской синодальной конторы Дмитріевъ и бывшій инспекторъ тифлисской семинаріи Дроздовъ. Дмитріевъ въ нападеніи на Порфирия видѣлъ случай еще разъ поразить экзарха, съ которымъ несогласіе у него дошло уже до бумажной переписки и сдѣлалось извѣстнымъ и синоду, и оберъ-прокурору¹⁾. Дроздовъ ненавидѣлъ Порфирия, какъ своего преемника: ему пріятно было под-

¹⁾ Экзархъ тайно жаловался св. синоду на Дмитріева за то, будто-бы онъ укорительными словами выражался о присутствіи тифлисской синодальной конторы. Дмитріевъ, съ своей стороны, не пропускалъ некоторыхъ журнальныхъ статей синодальной конторы, по его мнѣнію противозаконныхъ, и жаловался оберъ-прокурору св. синода, что присутствіе синодальной тифлисской конторы запретило выдавать ему копіи съ непропущенныхъ статей (см. въ канцеляріи оберъ-прокурора дѣло 1840 г., подъ № 2041, о медленности въ составленіи по синодальной конторѣ журналовъ, и дѣло 1840 г., подъ № 2047, объ исполненіи конторою журналовъ, безъ сообщенія оныхъ на прокурорскій просмотръ).

мъчать и выводить наружу недостатки Порфирия и, такимъ образомъ, давать другимъ возможность сравнивать характеръ и образъ инспектуры Порфирия съ своею собственною. Дроздовъ, чтобы лучше слѣдить за дѣйствіями Порфирия, нарочно нанялъ для себя квартиру близъ семинарскаго дома, входилъ въ разговоры съ учениками семинаріи объ ихъ инспекторѣ и отъ нихъ узнавалъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ. Общая антипатія названныхъ лицъ къ Порфирию скоро сблизила ихъ другъ съ другомъ и между ними образовалось нечто въ родѣ союза. Къ побужденіямъ личнымъ, довольно эгоистическимъ, соединившимъ этихъ людей въ общей ненависти къ Порфирию, какъ кажется, превосходили побужденія и болѣе благородныя и возвышенныя: состраданіе къ ученикамъ, угнетеннымъ инспекторомъ, и ненависть къ его жестокости и самоуправству. По крайней мѣрѣ, одно изъ этихъ лицъ, именно преподаватель Іосселіані, видѣлъ въ Порфирии тирана своихъ соотечественниковъ¹⁾). Какъ-бы то ни было, только партія недовольныхъ Порфириемъ ждала удобнаго случая, чтобы напасть на него. Отношенія Дмитріева къ экзарху и наставниковъ семинаріи къ Порфирию становились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе напряженными. Ученики семинаріи, зная объ этихъ отношеніяхъ частью отъ самихъ наставниковъ, а частью отъ Дроздова, съ одной стороны болѣе и болѣе теряли терпѣніе, съ другой, подстрекаемые Дроздовымъ, увѣренные въ поддержкѣ наставниковъ, ненавидѣвшихъ Порфирия, дѣлались смѣлѣе и поползновеннѣе къ жалобамъ на Порфирия. Экзархъ и любимецъ его имѣли страсть бить своеручно и, притомъ жестоко; на этомъ-то и вздумала уловить ихъ враждебная имъ партія. 18-го февраля 1840 года одинъ изъ учениковъ тифлисской семинаріи, Давидъ Тинниковъ, пошелъ изъ семинарскаго дома въ гости къ своему товарищу Лонгину Борисову, жившему на наемной квартирѣ; вечеромъ онъ возвратился домой, но нетрезвый, и, пришедши въ свою комнату, легъ спать. Инспекторъ Пор-

¹⁾ См. прибавл. къ дѣлу о Тинниковѣ, ч. II, стр. 155, гдѣ Порфирий въ объясненіи своемъ пишетъ, что одинъ изъ возмутившихся учениковъ, именно Григорій Павліевъ, былъ родственникъ Іосселіані. См. также тамъ-же стр. 116, гдѣ инспекторъ тифлисскихъ духовныхъ училищъ Павлинскій въ объясненіи своемъ слѣдственной комиссіи пишетъ, что Іосселіані, въ квартирѣ Дроздова, когда зашла рѣчь объ ученикахъ тифлисской семинаріи, въ разговорѣ произнесъ слѣдующія слова: «Въ самомъ дѣлѣ, къ чему такія нападки на учениковъ? Я никакъ не согласенъ на мнѣніе некоторыхъ членовъ семинарскаго правленія; я подамъ отзывъ въ семинарское правленіе, протестъ противъ строгости наказаній, опредѣляемыхъ ученикамъ. Я по долгу моему буду стараться облегченіе наказаній: они мои соотеччи. И дѣйствительно поступлю безсовѣтно, противъ правилъ любви къ отечеству, если соглашусь на опредѣленіе строгаго наказанія».

фирий, осматривая того-же дня вечеромъ комнаты, занятыя семинаристами, вошелъ въ ту, гдѣ спалъ Тинниковъ, который былъ въ ней старшимъ, и, замѣтивъ одного ученика, по фамиліи Татіева, пьянымъ, пришелъ въ такой гнѣвъ, что началъ бить его по щекамъ, таскать за волосы, волочить по полу и топтать ногами, а въ заключеніе выѣхъ его до крови. Тинниковъ во все время этой сцены лежалъ на своей кровати и спалъ. Но Порфирию показалось, что онъ притворяется только спящимъ и это еще болѣе его взбѣсило: въ азартѣ онъ бросился къ Тинникову съ такими, словами: «Такъ-то у васъ все скрытно!» и началъ бить его по щекамъ и таскать за волосы. Тинниковъ свалился на полъ съ кровати; у него хлынула кровь изъ носу и рта и запятнала его рубашку и полъ. Нападеніе инспектора было такъ быстро, что Тинниковъ въ первую минуту не могъ прийти въ себя; но лишь только онъ опамятаился, какъ быстро вскочилъ съ пола и закричалъ въ бѣшенствѣ Порфирию: «Здѣсь не Россія, а Грузія!» Инспекторъ еще продолжалъ страшать его отдачею въ солдаты, но грозная мина Тинникова, который былъ юноша довольно рослый и здоровый ¹), испугала Порфирия, и онъ бросился вонъ изъ комнаты; черезъ нѣсколько времени онъ вернулся въ нее уже со сторожами, чтобы связать Тинникова и посадить въ карцеръ. Но Тинниковъ, схвативъ желѣзную кочергу, грозилъ размозжить ею голову первому, кто осмѣлится подойти къ нему. Угроза подействовала на инспектора и сторожей: они оставили Тинникова въ покоѣ и удалились изъ его комнаты. Тинниковъ, по удаленіи инспектора, выбѣжалъ на улицу и хотѣлъ куда-то идти, но былъ остановленъ своими товарищами и возвратился въ комнату. Между тѣмъ Порфирий, испуганный-ли неожиданнымъ отпоромъ, обнаружившимся между семинаристами въ лицѣ Тинникова, или желая соблюсти формальность, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, поѣхалъ къ ректору семинаріи съ доносомъ о буйствѣ Тинникова. Ректоръ прїѣхалъ въ семинарію въ половинѣ девятаго часа вечера и хотѣлъ видѣть Тинникова, но инспекторъ не допустилъ его, сказавши, что Тинниковъ уже спитъ. Окровавленный полъ въ ту-же ночь былъ тщательно вымытъ. На другой день Тинниковъ призванъ былъ въ присутствіе семинарскаго правленія, гдѣ онъ, разсказавъ о случившемся съ нимъ вчерашинемъ происшествіи, въ заключеніе прибавилъ, что «и змѣи не жалятъ спящихъ». Послѣ этого онъ былъ посаженъ въ карцеръ на три дня ²).

¹) Тинниковъ по происхожденію былъ *Пшавецъ*, изъ полудикихъ горскихъ племенъ (см. мнѣніе экзарха въ приложеніи къ дѣлу Тинникова, стр. 5, на обратѣ).

²) См. въ св. синодѣ дѣло 1840 г., № 122, по жалобѣ ученика тифлисской се-

Событие съ Тинниковымъ и Татиевымъ послужило для учениковъ началомъ къ явному восстанию противъ возмутительныхъ дѣйствий инспектора, а вмѣстѣ прекраснымъ случаемъ для враговъ его къ нападенію на него. Въ семинаріи между учениками и наставниками началось необыкновенное движение. Ученики сгруппировались въ одну партію подъ тайнымъ водительствомъ Дроздова, Іосселіани и другихъ наставниковъ; отъ имени Тинникова было послано прошеніе къ графу Пратасову о жестокостяхъ Порфирия, которое прошло чрезъ редакцію Дроздова; подъ прошеніемъ подписалось 35 учениковъ, частью по собственному желанію, частью по убѣженію Тинникова; нѣкоторые-же были принуждены къ подписи угрозами, или склонены обманомъ. Тинниковъ въ свое мѣсто прошеніи, описавъ жестокій съ нимъ поступокъ инспектора и тщательно скрывъ обстоятельства, невыгодныя для его репутаціи, какъ-то: нетрезвость и дерзкія слова, сказанныя Порфирию, доносилъ Пратасову, что «еслибы было изслѣдовано, въ какомъ бѣдственномъ положеніи содержатся казенномоштные воспитанники, то было-бы узано о такихъ жестокостяхъ и неприличномъ обращеніи, которыя можно видѣть только между рабами злаго владѣльца. Одинъ страхъ удерживаетъ учениковъ семинаріи отъ жалобъ на инспектора, покровительствуемаго экзархомъ. Отъ лица всѣхъ воспитанниковъ смѣю представить вашему сіятельству, что отъ настоящаго инспектора, если онъ еще надолго останется, здѣшняя семинарія можетъ совершенно разстроиться. Мы не привыкли до его прїѣзда видѣть, чтобы съ воспитанниками гдѣ-либо въ Грузіи было поступаемо такъ безчеловѣчно, жестоко и несправедливо, какъ съ нами онъ поступаетъ. Тѣмъ болѣе поразительно для нась, что нашъ начальникъ, лицо духовное, бѣть собственоручно своихъ питомцевъ до окровавленія, безъ всякой вины.

«Ваше сіятельство! я не смѣю докладывать о способѣ преподаванія инспекторомъ предмета церковной исторіи. Доселѣ мы еще не слышали ни разу, чтобы онъ хотя что-нибудь объяснилъ ученикамъ.

«Предполагая, что месть инспектора на меня не ограничится сдѣланными мнѣ побоями и полагая одну надежду и защиту у вашего сіятельства, пріемлю смѣость всенижайше просить ваше сіятельство обратить благосклонное вниманіе на сіе дѣло и войти въ жалкое положеніе учениковъ здѣшней семинаріи и воззрѣть на нась окомъ милости, а меня, если

семинаріи Давида Тинникова на жестокое обращеніе съ нимъ инспектора той семинаріи, игумена Порфирия, и при этомъ дѣлѣ два приложенія, заключающія въ себѣ слѣдственное дѣло по жалобѣ Тинникова.

сей инспекторъ будетъ здѣсь, вовсе уволить изъ духовнаго званія съ надлежащимъ аттестатомъ, потребуя отъ правленія тифлісской семинаріи и свѣривъ его съ отмѣтками въ вѣдомостяхъ, съ самаго вступленія моего въ училище, выдать мнѣ для вступленія въ службу по свѣтской части, чтобы тѣмъ доставить способъ къ содержанію».

Въ заключеніе своего прошенія Тинниковъ прибавилъ: «А что все это справедливо, въ томъ свидѣтельствуемъ собственноручнымъ подпомъ, и что вся семинарія находится въ смятеніи отъ жестокости инспектора; льется кровь учениковъ по всей семинаріи; часто предъ портретомъ Государя Императора ученики семинаріи безпощадно наказываются, предъ образами, гдѣ для нихъ инспекторъ совершаеть всенощную»¹⁾). Дмитріевъ радовался въ душѣ этому пробужденію недовольства въ ученикахъ противъ инспектора и чрезъ Дроздова даже ободрялъ ихъ; въ то-же время онъ не могъ не воспользоваться случаемъ, чтобы, донося оберъ-прокурору св. синода, по обязанности своей, о поступкѣ Порфирия съ Тинниковымъ, не упомянуть о виновности въ подобныхъ-же дѣйствіяхъ и самого экзарха; такимъ образомъ, Дмитріевъ дѣло Порфирия тѣсно связывалъ съ дѣломъ экзарха. Рапортъ Дмитріева Пратасову былъ слѣдующаго содержанія: «Дошло въ частности до моего свѣдѣнія о неприличныхъ дѣйствіяхъ инспектора тифлісской семинаріи игумена Порфирия, включительно о дракѣ его, произведенной двумъ ученикамъ въ семинаріи, и что подробности объ ономъ изложены учениками, якобы въ посланномъ чрезъ почту къ вашему сіятельству прошеніи; по видимости, для сохраненія порядка, подали жалобу и къ преосвященному экзарху, остающуюся и по нынѣ безъ дѣйствія. За симъ мнѣ не остается ничего болѣе пояснить, какъ только то, что если по упомянутому обстоятельству будетъ произведено по волѣ высшаго начальства законное слѣдствіе, и по которому, вѣроятно, игуменъ Порфирий не останется неподлежащимъ наказанію: то, по нахожденію его подъ близкимъ покровительствомъ нынѣшняго преосвященнаго экзарха Грузіи, можетъ породиться поводъ къ жалобамъ въ подобныхъ-же непозволительностяхъ и на самаго преосвященнаго, и кои, какъ мнѣ известно, въ случаѣ обслѣдованій, едва-ли не подтверждатся, ибо они производились и съ немалыми неосторожностями, т. е. при тѣхъ, кои могутъ свидѣтельствовать. Таковая непозволительность была произведена преосвященнымъ экзархомъ, какъ до свѣдѣнія моего доходило, и въ концѣ прошедшой недѣли, о чемъ, при всей непріятности даже слышать, не смѣю умолчать предъ вашимъ сіятельствомъ, тѣмъ болѣе, что все то выходитъ

¹⁾ См. слѣдственнаго дѣла по жалобѣ Тинникова ч. I, стр. 4—7.

въ огласку народа и что я уже имѣлъ честь о подобномъ-же объяснять вашему сіятельству въ рапортѣ своемъ 22-го минувшаго февраля за № 50»¹⁾. Изъ рапорта Дмитріева видно, между прочимъ, что Тинниковъ, для соблюденія формальности, подалъ жалобу на Порфирия и экзарху. Всльдъ за этимъ подана была имъ жалоба семинарскому правленію, а по-томъ и Дмитріеву, какъ прокурору синодальной конторы, которая уже содержала въ себѣ обвиненія не только Порфирия, но и всего семинарскаго начальства. Описавъ притѣсненія, претерпѣваемыя имъ отъ инспектора, ябеды и клеветы, взвѣденныя на него изъ угощенія Порфирию экономомъ семинаріи, и отказъ въ защищѣ, сдѣланный ему членами правленія, Тинниковъ въ концѣ прошенія говоритъ: «Видя, что месть инспектора на меня съ каждымъ днемъ усиливается, ибо онъ находится подъ защитою экзарха, и не видя никакого доселъ удовлетворенія ни отъ правленія, ни отъ экзарха, на мое прошеніе, поданное 4-го марта о томъ, что инспекторъ прибылъ меня; не надѣясь также отъ его сіятельства г. оберъ-прокурора св. синода скораго разрѣшенія на мое прошеніе, по отдаленности края, вынужденнымъ нахожусь искать защиты у вашего высокоблагородія, всенижайше просить васъ обратить благосклонное вниманіе на стѣснительное мое положеніе, оказать милость, защитить меня отъ угнетенія и нападенія начальства»²⁾. Примѣръ Тинникова былъ заразителенъ; всльдъ за его жалобою получены были Дмитріевымъ жалобы на инспектора отъ двухъ еще учениковъ: Татіева и Мамацова, и, наконецъ, графомъ Пратасовыемъ отъ 27-ми, въ числѣ коихъ 12 было изъ подпишавшихся подъ прошеніемъ Тинникова, а 15 новыхъ³⁾. Такое движеніе не могло не по-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прок. св. синода дѣло 1840 года, подъ № 265, по доношенію исправляющаго должность прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы о неприличныхъ дѣйствіяхъ инспектора тифлісской семинаріи, игумена Порфирия, и самого экзарха Грузіи.

²⁾ См. слѣдств. дѣла по жалобѣ Тинникова ч. I, стр. 10—13.

³⁾ Вотъ эти прошенія: 1) прошеніе Татіева: «Сего 1840 г. апрѣля 18-го числа я, вмѣстѣ съ старшимъ моямъ, ученикомъ богословія Тинниковымъ, былъ уволенъ къ ученику богословія Лонгину Борисову. Пообѣдавъ у него, мы вышли; Тинниковъ прямо ушелъ домой, а я пошелъ къ брату моему, для узнанія домашняго обстоятельства. Не заставилъ брата въ квартирѣ, я пошелъ въ семинарію и часомъ позже Тинникова прішелъ. Взшедши въ комнату, я вижу весь полъ окровавленнымъ и учениковъ трясущихся отъ страха. Спрашивалъ я учениковъ: что это значитъ? Они, не говоря о проишествіи, только совѣтуютъ удалиться отъ взоровъ жестокаго инспектора, а то въ противномъ случаѣ убьетъ меня. Имѣя чистую совѣсть, я имъ отвѣчалъ: «Для чего онъ убьетъ меня? Я былъ уволенъ имъ самимъ». «Да, такъ, они отвѣчали; кажется, и Тинниковъ былъ уволенъ инспекторомъ, на это кровь его, и онъ, т. е. инспекторъ, такъ былъ озлобленъ, что ежели-бы могъ, убиль-бы до смерти, а тебя, какъ меньшаго, кулакомъ».

ражать экзарха и Порфирия. Последний, понявъ теперь всю опасность своего положенія, предлагалъ было Тинникову мировую; но когда это не удалось, тогда онъ прибѣгъ къ другой мѣрѣ: началь хлопотать объ уменьшении числа возставшихъ противъ него учениковъ и при этомъ употреб

ками убить». На другой день призываетъ меня въ правленіе; призывая сторожей, запираетъ дверь семинарскаго правленія и, поваливъ меня, бьетъ меня розами дотолѣ, покамѣстъ я отъ крика и испуга и въ отчаяніи замолчалъ и не могъ уже чувствовать. Едва пришли въ чувство, я всталъ и послѣшно удалился. Взошедши въ комнату, я не могъ сидѣть ни на минуту заднею; почему я отъ стыда принужденъ былъ удалиться изъ семинарскаго дома въ одну ночь, чтобы, поправясь гдѣ-нибудь, я могъ здоровымъ явиться въ семинарію; ибо я такъ былъ изуродованъ, что едва остановилъ кровь, прошедшую отъ розогъ. На другой день семинарское правленіе присыпаетъ сторожа и съ великимъ трудомъ дошелъ до семинаріи (sic) и за отсутствіе я осужденъ стоять на колѣньяхъ во время обѣда. Но этимъ не кончилось мое несчастіе и непрерывное бѣдствіе: я исключенъ изъ письмоводства инспекторомъ семинаріи, игуменомъ Порфиремъ, и на мѣсто меня опредѣлилъ Ивана Уварова, который безпрестанно просилъ инспектора, дабы я былъ лишенъ письмоводства и онъ опредѣлился-бы на мѣсто меня. Я отъ инспектора лишенъ слуха; однажды, не заставъ меня дома и когда идущаго меня встрѣтилъ на улицѣ, кулаками бьетъ меня по щекамъ и ушамъ такъ болѣо, что, ежели-бы онъ не постыдился постороннихъ, тутъ-же-бы убилъ меня. Не насытясь этимъ наказаніемъ, онъ призываетъ меня въ правленіе, запираетъ дверь, и такъ сильно и долго билъ меня, что покамѣстъ не заболѣли у него руки, пота не отступила отъ меня. Отъ сего жестокаго біенія у меня распухли виски и щеки и цѣлый мѣсяцъ болѣла голова, такъ что я едва уже на своеумѣ. А сколь много я страдалъ въ темницахъ безвинно голоднымъ и голымъ, когда вспоминаю, едва удерживаюсь отъ слезъ. Находясь еще письмоводителемъ, несмотря на то, что я, имѣя двухъ товарищѣй, дѣлалъ одинъ болѣе, нежели они оба, чему будутъ служить доказательствомъ записи инспектора, гдѣ онъ отмѣчалъ мою усердную службу. Порозовъ безпрестанно жаловался на меня и меня сажали въ карцеръ. Хотя у насъ назначено было каждому особенное дѣло и несмотря на то, что меня обидѣли и въ семь опредѣленіи, назначивъ трудъ одному мнѣ болѣе, нежели имъ обоимъ, но Порозовъ заставлялъ переносить и свои труды, поелику былъ любимъ инспекторомъ, а когда я отказывался отъ его трудовъ, то страдалъ отъ жестокихъ наказаній; ибо что хуже, какъ въ зимнее время сидѣть въ карцерахъ холодныхъ, не ъвиши и голымъ? Кто можетъ выразить тѣ бѣдствія, которыхъ я претерпѣвалъ отъ инспектора и отъ научниковъ! Сильная любовь къ наукѣ заставила терпѣть таковое бѣдствіе, а то-бы я лучше желалъ быть наемникомъ, нежели видѣть себя въ таковомъ жалкомъ положеніи. И нынѣ до той степени я обиженъ, что уже не въ силахъ переносить эти бѣдствія. Посему припадая подъ ноги, прошу возрѣть на жалкое мое положеніе и защитить меня, и Богъ, который не оставляетъ ни одного доброго дѣла безъ награды, воздастъ вамъ за ваше милосердіе къ столь несчастному, каковъ я».

2) А вотъ содержаніе прошенія Мамацова: «1840 г. апрѣля 4-го числа вечеромъ, послѣ, ужина большая часть учениковъ, такъ какъ непускаютъ ихъ никуда, бываетъ (sic) на крыше семинарскаго дома, гдѣ и я былъ и пѣль тихо въ сіе время съ нѣсколькими учениками пѣсни, поемыя на св. Пасху, т. е. Да воскреснетъ Богъ и

быль въ дѣло ласки, обѣщанія, убѣжденія и, кажется, подкупъ. Мѣра эта отчасти произвела ожидаемое дѣйствіе; начали посыпаться отъ нѣкоторыхъ изъ подпишавшихъ учениковъ письма графу Пратасову, въ кото-

расточается врази его, и другія. На другой день кто-то донесъ инспектору семинаріи Порfirію, что я пѣлъ на крышѣ пѣсни. Послѣ сего въ седьмомъ часу утромъ инспекторъ призываетъ меня къ себѣ въ свою комнату и говоритъ громко: «Что ты пѣши пѣлъ? ты не знаешьъ, что это не позволено?». Въ отвѣтъ я говорю: когда? и какія? Онъ-же отвѣчаетъ мнѣ: «Въ солдаты тебя! развѣ не знаешьъ, какія пѣсни? Вѣдь ты послѣ ужина пѣлъ вчера на крышѣ!» Я желалъ оправдать себя; но онъ взялъ меня за волоса, вывелъ меня на дворъ и закричалъ: «Снимите съ него платье!»—и по окончаніи сихъ словъ, я самъ скинулся сюртукъ и шаровары; послѣ чего онъ велѣлъ ученику Антону Фомину запереть меня въ карцеръ, гдѣ я и сидѣлъ по приказанію его въ рубашкѣ и подштанникахъ довольно долгое время, отъ чего я простудился отъ холода. Потомъ инспекторъ присыпаетъ мнѣ чрезъ этого-же ученика раздранный сюртукъ, а самъ пошелъ въ соборъ и служилъ, а меня не пустилъ ни въ церковь, ни обѣдать, оставивъ тамъ отъ седьмого часа утра до пятаго пополудни. Выпустивъ меня изъ карцера, я пошелъ (sic) тотчасъ къ о. ректору и сказалъ подробно все случившееся и въ заключеніе сказалъ на его слова: «Все это у васъ нехорошо: «Я правъ, я правы! и кажется, что онъ безъ васъ и правлѣнія не можетъ посадить въ карцеръ голымъ, а тѣмъ болѣе безъ надлежащаго изслѣдованія, допросовъ и безъ малѣйшей причины, основываясь на однихъ только тайныхъ доносахъ своихъ на-
шниковъ». Но онъ сказалъ только то: «Иди; хорошо».

«На другой день въ правлѣніи зашедъ я къ о. ректору, гдѣ были еще инспекторъ и Климентъ Васильчикъ (Каневскій), сказалъ: «За чѣмъ посадилъ онъ меня вчера въ карцеръ?» Ректоръ отвѣчаетъ мнѣ: «За буйство». Я-же сказалъ: «За какое буйство, когда я правъ во всемъ этомъ случаѣ? Извольте изслѣдовать все это». Инспекторъ говоритъ мнѣ при семъ: «Что, ты развѣ не пѣлъ пѣсни?» Я говорю: «Пѣлъ пѣсни, но не свѣтскія, а духовныя, именно: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его, и т. далѣе,—притомъ весьма тихо; поелику мы хорошо знаемъ, что еслибы громко запѣли, то слышно-бы было всѣмъ и повсюду». «Кто съ тобою былъ?» спрашиваетъ ректоръ. «Со мною были такіе-то ученики, коихъ призывая спрашивали: вчера послѣ ужина на крышѣ были вы? они говорятъ: были. «Пѣсни пѣли тамъ?» Пѣли: да воскреснетъ Богъ. «Этотъ ученикъ совсѣмъ не умѣеть пѣть, говоритъ инспекторъ о. ректору, указывая рукою, и какъ-же онъ говоритъ: что и они пѣли? Я не говорю, сказалъ ему, именно, что этотъ ученикъ пѣлъ, а говорю, что эти были со мною и, разумѣется, кто изъ нихъ зналъ, пѣлъ, а кто не зналъ, сидѣлъ только. Потомъ, призывая другихъ учениковъ, на крышѣ семинарскаго дома бывшихъ, спрашиваютъ: «Вы тамъ были? Тамъ слыхали, что эти ученики пѣли?» Нѣть. «А какъ-же вы тамъ были и не слыхали?» Были, отвѣчаютъ они, но мы не слыхали, что они пѣли что-нибудь; за ними я сказалъ имъ: мы не пѣли такъ громко, чтобы слышно было имъ, хотя и недалеко отъ насъ они ходили и прочимъ тамъ бывшимъ и разговаривающимъ. Далѣе инспекторъ говоритъ мнѣ: «Какъ вы тихо пѣли: вы на той сторонѣ крыши пѣли пѣсни?» указывая рукою на югъ. А я сказалъ ему: Не тамъ пѣли, а здѣсь, поднимая руку на верхъ—къ сѣверу. «Нѣть, ты врешь?» Я говорю: «Ежели я вру, то спросите этихъ учениковъ, не пѣль-ли я пѣсни духовныя

рыхъ они просили объ исключениі себя изъ числа жаловавшихся на инспектора, такъ какъ они были склонены къ подписанію этихъ жалобъ обманомъ, или угрозами. Такого рода прошенія явились отъ учениковъ:

тихо и притомъ на этой сторонѣ. Притомъ могу сказать я, что ни одной пѣсни свѣтской я не знаю; если я не духовная пѣль, то какія-же именно пѣсни свѣтская я пѣль? «Вотъ какія пѣсни пѣль», говорить мнѣ, и, сказавши сіе, онъ задумался долго, но послѣ, не могши сказать ничего, обращается рукою на письмоводителя Уварова и спрашиваетъ: «Какія пѣсни пѣль онъ?» Но онъ также, не смѣя сказать ничего ложнаго предо мною, поелику я не пѣль другой пѣсни, кромѣ вышесказаний пѣсни духовной, оба замолчали, а ректоръ, погодя немногого, сказалъ мнѣ: «Иди, хорошо».

«На третій день опять позвали въ правленіе, гдѣ спросилъ ректоръ: «Что ты, Мамацовъ, не врешь въ томъ, что не пѣль пѣсни свѣтской, а духовная пѣсни? Я говорю: нѣть; инспекторъ-же сказалъ мнѣ: «Свидѣтели есть на то, что ты пѣль свѣтскую пѣснь, именно: По улицѣ мостовой, тѣ самыя, которыя ты пѣль съ Тинниковымъ, Мревловымъ и Цицвіанидзевымъ». Вотъ я здѣсь, отвѣчалъ я: призовите ихъ сюда, и пусть скажутъ они, ежели это правда; я въ то время этой пѣсни не пѣль и не только не знаю, но и не слыхалъ никогда, сказалъ я; призовите ихъ, ежели со мною они пѣли, или, по крайней мѣрѣ, были. Но они сказали: «У тебя съ Тинниковымъ есть шайка?» У насъ никакой шайки нѣть; я другой и Тинниковъ другой. «Ступай, хорошо», сказалъ мнѣ ректоръ, и я вышелъ, пошелъ тотчасъ въ классъ. Потомъ призвавъ Цицвіанидзева, спросили: «Ты былъ и пѣль съ Мамазовымъ пѣсни? Онъ-же отвѣчаетъ: «Нѣть, и если я пѣль пѣсни, то представьте здѣсь свидѣтелей; притомъ, гдѣ я пѣль? какія пѣсни? и кто видѣлъ? Я совсѣмъ въ эту вечеръ не ходилъ туда». Теперь видя себя, что невинно безъ всякаго надлежащаго изслѣдованія, безъ допросовъ и безъ малѣйшей причины наказанъ строго, прошу ваше высокоблагородіе войти въ несчастное и жалкое мое положеніе, довести сіе до свѣдѣнія г. оберъ-прокурора св. синода и тѣмъ ускорить наше дѣло; поелику ежедневно мучать какъ меня, такъ и другихъ; эдакимъ образомъ и стараются какъ-нибудь испортить хорошихъ учениковъ».

3) Прошеніе 27 учениковъ: «Доведенные до послѣдней крайности уничиженія жестокостями и неприличнымъ обращеніемъ съ нами семинарскаго начальства и не находя ни въ комъ себѣ защиты, осмѣливаемся прибѣгнуть къ вашему сіятельству и покорнѣйше просить, дабы обращено было на насъ милостивое вниманіе и доставлены были намъ всѣ средства къ воспитанію и содержанію себя, съ избавленіемъ насъ отъ тиранства нѣкоторыхъ нашихъ начальниковъ».

«Состояніе наше до 1836 г. было самое лучшее въ отношеніи какъ къ образованію, такъ и содержанію нашимъ; всѣ средства были направляемы къ тому, чтобы воспитанники семинаріи принесли пользу отечеству и церкви въ свое время. Посему всѣ наставники тщательно старались внушать намъ просвѣщеніе, отъ того и умы наши, развиваясь подъ руководствомъ тогданихъ наставниковъ, обѣщали большия успѣхи. Книги давались ученикамъ для чтенія; бумаги, перья, чернила и чернильницы и прочія нужные вещи для ученика были также отпускаемы всегда столько, сколько нужно было на классическія потребности. Холодъ и голодъ не причиняли намъ никакого вреда, одежды у всякаго было довольно и постель чиста; комнаты чисты и прибраны; никто, какъ нынѣ, не шатался въ раздранномъ платьѣ; больница была чиста, пища и питье

Протопопова, Данкієва и Унелова. Мы приведемъ здѣсь письма двухъ первыхъ. Вотъ чтѣ писаль Протопоповъ къ Пратасову: «Ученикъ высшаго отдѣленія тифлісской духовной семинаріи Давидъ Тинниковъ, ко-

для больныхъ приготвлялись, какія только лекарь приказывалъ. Никто не могъ, какъ нынѣ, въ городѣ обижать настѣ. Главное, то было хорошо, что всѣ происшествія и жалобы на учениковъ до тонкости были изслѣдываемы и никто не наказывался безвинно; имѣли хорошие ученики цѣну и достоинство; благополучіе и спокойствіе во всей семинаріи были въполнѣ. Пища была всегда естественная нашимъ сложеніямъ и по перемѣнамъ различна, а въ праздничные дни по три кушанья. Такжѣ сказать и время было отыхати, и время читати; словомъ, каждый почивалъ подъ своимъ виноградомъ, яко во дни Соломона Израильяне.

«Но вскорѣ за симъ изсякла надежда и успѣхи на дальнѣйшее благосостояніе и просвѣщеніе ихъ (?). Съ прибытіемъ настоящаго инспектора Порфирия все образованіе наше состоить только въ одномъ заучиваніи уроковъ на память. Учителя семинаріи, кромѣ ректора и Іосселіани, рѣдко объясняютъ ученикамъ предметы, коимъ они учатъ; но отъ инспектора доселѣ не слышали, чтобы онъ хотя что-либо объяснялъ намъ изъ церковно-біблейской исторіи, отчего мы менѣе всего знакомы съ нею. Упражненія по части сочиненія хотя и заставляютъ дѣлать, но, кромѣ Іосселіани, не разбираютъ ихъ въ классѣ и не показываютъ ученикамъ ихъ ошибокъ и никогда не даютъ этихъ задачъ, а прямо относятъ къ экзарху. Поэтому ученики совершенно не знаютъ тѣхъ погрѣшностей, которыхъ должно избѣгать въ сочиненіяхъ. Учителя татарскаго языка Ксенофонтовъ и осетинскаго Хундуковъ, должно сказать, что они совершенно настѣ не учатъ и въ продолженіе 4-хъ съ половиною лѣтъ не знаемъ отъ нихъ и 40 словъ, иба они только занимаются пустяками и повѣстями о чёмъ-нибудь. Не можемъ исчислить, сколько они ложными своими доносами замарали учениковъ и подвергали невинно наказаніямъ начальства.

«Семинарская бібліотека не приноситъ намъ ни малѣйшей пользы, потому что не даютъ намъ книгъ для чтенія, и хотя мы неоднократно просили у инспектора и профессоровъ, съ тѣмъ условіемъ, если затеряемъ книги, которыя они дадутъ, то въ такомъ случаѣ мы заплатимъ за оныя, и что мы, читая сіи книги, дадимъ каждый отчетъ, чѣмъ мы извлекли изъ такой-то книги; но всѣ таковыя условія наши были тщетны и безуспѣшны къ полученію книгъ. Даже инспекторъ не позволяетъ ученикамъ читать книги, кромѣ проповѣдей, когда они достанутъ со стороны. Однимъ словомъ, все наше ученіе заключается въ затвержваніи уроковъ наизусть, которыхъ болѣею частію ученики не понимаютъ, и въ писаніи задачъ такимъ образомъ, какъ кому вздумается. Изъ такого образа воспитанія учениковъ мы замѣчаемъ, что наставники наши не только не хотятъ развить наши способности и внушить намъ какія-либо свѣдѣнія, но, кажется, намѣренно стараются оставить настѣ въ томъ-же состояніи невѣжества, въ какомъ мы пришли въ училище, и отбить всякую охоту къ ученію.

«Что-же касается до нравственнаго образованія нашего, то инспекторъ, Порфирий, на которомъ лежитъ эта обязанность, ни внушеніями, ни примѣромъ не назидаетъ настѣ. Никогда не случалось, чтобы инспекторъ, приходя въ комнаты учениковъ, или призывая къ себѣ на домъ, далъ имъ какое-либо наставленіе и внушеніе, какъ себя вести безгрѣшно и прилично. Поэтому обѣ ученикахъ можно сказать, что они живутъ, не

торый принялъ смѣость утруждать ваше сіятельство прошеніемъ отъ 29-го февраля сего года, обманомъ убѣдилъ меня подписать на ономъ прошеніи свидѣтелемъ, увѣривъ меня, что содержаніе оного не можетъ

знай правиль, какъ надобно жить, и не получая отъ наставника руководства въ томъ, чтѣ хорошо, чтѣ худо, и почему. Даже въ случаѣ, когда ученики сдѣлаютъ какой-либо проступокъ, инспекторъ не внушаетъ имъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ отцы съ дѣтьми, но ограничивается однимъ наказаніемъ, которое обыкновенно начинается руганіемъ, продолжается посажденіемъ въ карцеръ и оканчивается или розгами, или даже исключѣніями изъ казеннокоштнаго содержанія и изъ семинаріи, и все это дѣлается безъ изслѣдованія, безъ распросовъ ученика о причинахъ и обстоятельствахъ, которыя побудили его сдѣлать проступокъ, и часто основываясь на какихъ-то тайныхъ и ложныхъ доносахъ. Отъ того на инспектора мы смотримъ, не какъ на наставника доброй нравственности, но какъ на человѣка, у котораго власть въ рукахъ наказывать учениковъ. При томъ, при разборѣ этихъ проступковъ мы не видимъ справедливости: часто за одинаковые проступки одинъ ученикъ наказывается весьма строго, а другой совсѣмъ не наказывается или слабо.

«Что сказать объ обращеніи инспектора Порфирия съ воспитанниками семинаріи? Бѣдные воспитанники часто наказываются невинно розгами, не говоря о стояніи на колѣнахъ. Именно, онъ наказалъ розгами учениковъ богословія въ правленіи, Аполлона Размадзева и Георгія Надирова, которые нынѣ окончили курсъ семинарскихъ наукъ, за то, что армяне поссорились съ солдатами и они были съ ними, но не участвовали въ ссорѣ. Димитрія Іонина болѣе четырехъ разовъ побилъ собственоручно за то, что учитель осетинскаго языка напрасно жаловался на него, что онъ будто не уважаетъ его; также лишилъ его онъ инспекторъ полнокоштнаго иждивенія на счетъ митрополита Іоны; заключилъ, между прочимъ, одинъ разъ въ карцеръ въ то время, когда онъ, по дозволенію о. ректора, долженъ былъ произнести въ церкви проповѣдь. Димитрія Мамацова, также, по донесенію того-же учителя, что онъ, Мамацовъ, будто-бы обижаетъ его, не слушаетъ, не уважаетъ и не учится, который хотя и не былъ таковыемъ. За это по распоряженію инспектора, будучи записанъ въ журналъ, лишенъ былъ экзархомъ церковнаго содержанія. Мало того: во время экзамена, когда онъ Мамацовъ мучился лихорадкою, несмотря на таковую болѣзнь его, онъ былъ приведенъ въ публику экзархомъ и наказанъ стояніемъ на колѣнахъ въ разстроенному положеніи и потѣ, и это, вѣроятно, было по донесенію инспектора. Фому Элизбарова два раза побилъ собственоручно за то, что онъ занимался ночью заучиваніемъ уроковъ и сочиненіемъ задачъ далѣе десяти часовъ. Ученика Исаака Вардіева, бывшаго тогда еще въ риторикѣ, презирая по какому-то побужденію, мучили его такъ одинъ годъ; ибо сей ученикъ просилъ принятия на церковное содержаніе, а на другой объявили ему, что онъ будто рожденъ тогда, когда еще отецъ его былъ дѣячкомъ, несмотря на то, что церковнымъ иждивеніемъ пользуются дѣти разнаго званія, и другія какія-то ложныя причины, и выключили его изъ бурсы, говоря: «Учись на своеемъ содержаніи». Когда-же онъ просилъ и увольненія вовсе изъ класса, поелику по сиротству и крайней бѣдности не въ состояніи содержать себя, то ему сказали: «Нельзя; куда ты хочешь идти?» Оный Вардіевъ, долго смотря, что не удовлетворяютъ его ничѣмъ, поступилъ въ писаря въ управу, чтобы пропитывать себя. Инспекторъ-же, узнавъ это, вѣрѣлъ привести его, говоря: «Примемъ тебя

послужить вредомъ какъ мнѣ, такъ и никому, и что въ ономъ не заключаются никакія противныя начальству выраженія, а одно только ходатайство объ улучшенніи состоянія семинарскаго.

опять на церковное иждивеніе». Послѣ чего представляли его экзарху Грузіи, что онъ Вардіевъ самовольно ушелъ и самъ-же пришелъ къ намъ и просить принятія, полагая себя виновнымъ. Экзархъ велѣлъ наказать его тридневнымъ заключеніемъ въ карцеръ, и послѣ не приняли его на церковное иждивеніе, пока не согласился по окончаніи курса служить въ осетинской комиссіи. Павла Королевскаго, который никогда не ходить въ татарскіе классы, и, притомъ, не знаетъ даже азбуки татарской, не пишутъ въ экзаменическихъ вѣдомостяхъ и онъ не бываетъ на экзаменахъ; но когда составляютъ общіе списки въ академическое правленіе, записываются первымъ. Между прочимъ Цицвіанидзе, ученика философіи, обругалъ и побилъ линейкою 4-го апрѣля 1840 г., угрожая ему лишеніемъ церковнаго содержанія, отправилъ въ карцеръ со сторожами за то, что Цицвіанидзе, обучая нотному пѣнію учениковъ тифлісскихъ духовныхъ училищъ, зашелъ въ канцелярію семинарскаго правленія за бумагою для составленія списка онъхъ. Ложно доносилъ письмоводитель Порозовъ, будто-бы обругалъ какъ его, такъ и всѣхъ наставниковъ, чего никогда не было (?). Онъ инспекторъ, не спрося Цицвіанидзе, обращается къ нему съ этими словами: «Какъ ты смѣлъ взойти въ правленіе? ты знаешь, что и профессора не могутъ входить туда!» Но не видно, чтобы та комната была правленіемъ, потому что тамъ живутъ письмоводители, которые съ наушниками инспектора напиваются виномъ и нѣсколько разъ изъ нихъ Порозова рвало, котораго инспекторъ Порfirій видѣлъ однажды въ такомъ безчестномъ видѣ, и не только ничего не говорилъ ему, но еще взялъ его и положилъ на свое ложе, и потому что инспекторъ часто играетъ такъ въ шашки съ Порозовымъ и Уваровыми и дѣлаютъ тамъ сіи и прочія мерзости. Лашаурова, бывшаго тогда еще въ философіи, въ 1839 г. за греческімъ классомъ побилъ при всѣхъ ученикахъ собственноручно потому только, что онъ, Лашауровъ, во время сего класса занимался другимъ предметомъ. Побилъ Александзева Михаила, ученика высшаго отдѣленія уѣзданаго училища, въ канцеляріи правленія, такъ что у него изо рта и носу лилась кровь, за то, что онъ Александзевъ, будто купивъ татарскую азбуку у инспектора, принесъ ему фальшивый абаузъ. Но кто исчислить всѣ побои, нанесенные инспекторомъ ученикамъ какъ семинаріи, такъ и училищъ? Кроме вышесчисленныхъ учениковъ, многіе ученики, исключая училищныхъ, за маловажную и ложную причину, иногда-же невинно, розгами предъ портретомъ помазанника Государя Императора Николая Павловича и зерцаломъ наказываются безпощадно. Не говоря о прошедшыхъ временахъ, въ которыхъ наказывали учениковъ, представимъ для примѣра слѣдующихъ учениковъ семинаріи, которыхъ наказывали въ настоящемъ годѣ, въ мѣсяцѣ марта: Ивана Микадзева, Спиридона Мтварелова, Ивана Абелова, Ивана Протопопова, Соломона Дидебулидзе, Захара Аладова, Георгія Еліосидзева, Юпли Аладова. При образахъ въ залѣ, гдѣ самъ-же инспекторъ Порfirій совершає всенощную и часы для настѣ, высѣкъ: Феодора Іосебадзева, Ивана Махарова, Ивана Цихистова, Димитрія и Евстафія Наскідовыхъ, Алексѣя Калубанскаго, Александра Гурисидзева и проч.

«Очень нерѣдко случается, что инспекторъ въ воскресеніе и праздничные дни собственноручно бѣть учениковъ семинаріи, ругаетъ,—и отправляется въ соборъ къ літургіи служить. Въ соборѣ, равно какъ въ залѣ, гдѣ самъ совершає для учениковъ

«Спустя нѣсколько дней я узналъ о содержаніи того прошенія, содрогнулся и долго помышлялъ, какъ-бы поправить свою опрометчивость, но не нашелъ другаго средства, какъ только прибѣгнуть къ стоп-

всенощную, начинаятъ мутить словами и пѣть такъ, что слушатели не могутъ удержаться часто отъ смѣха, и самъ смѣется. Этимъ онъ подаетъ намъ дурной примѣръ къ благоговѣнію во время молитвы. Наушники инспектора со всякими учениками низшими и высшими себя классами и успѣхами сорятся и ругаютъ, полагая надежду на инспектора, который береть съ учениковъ подарки и для того возвышаетъ ихъ въ спискахъ учениковъ.

«Съ самаго пріѣзда инспектора Порфирия все испортилось въ бурѣ: онъ, желая оставить много денегъ изъ положенной ученикамъ суммы, для одной только выгодаы своей покупаетъ самъ для настъ что-либо нужное дешевой цѣны, несмотря на то, что то вредно настъ. Картофеля, капусты, шпана сарачинскаго, орѣховъ и прочаго, узнавши что дешево, покупаетъ много; почему онъ, сгнивши, составляютъ наше продовольствіе, такъ что многіе, набѣгши, заболѣваютъ. Въ первые два года по простымъ днамъ было одно кушанье, а по праздничнымъ по два; послѣ-же по два по простымъ, а по три по праздничнымъ днамъ; но эти кушанья приготовлялись такъ, что лучше желали имѣть одно, да хорошее. Вода до посѣщенія г. Гаевскаго воняла по причинѣ нечистыхъ бочекъ. Не дѣлаютъ и квасу, а если бываетъ, то непремѣнно такой, котораго нельзя принять. Въ самый день Благовѣщенія не было у настъ рыбы, а когда-же мы спросили, отчего не было у настъ ея, то комиссаръ по наущенію инспектора говорилъ: «Не нашелъ и пигдѣ нѣть»; но какъ вѣрить, чтобы въ Тифлисѣ не было рыбы? Въ масляницѣ кушанье наше состояло въ лоби, которая приготовлялась съ немногимъ масломъ. Опасаясь вреда, кушанья худаго остается часто много, которое и на другой день съ прибавлениемъ немногого свѣжаго подается ученикамъ. Пловъ, почти всегдашнее кушанье, дѣлается у настъ съ горькимъ масломъ, отъ чего двое умерли, а многіе заболѣли такъ, что кашель ихъ была кровь. Видя это и зная сіе, не ёли плова; но комиссаръ, оклеветавъ ихъ предъ инспекторомъ, что они не ёдятъ потому, что бунтуютъ, успѣлъ наказать ихъ. Хотя неоднократно просили перемѣнить кушанье, но тщетно. Въ столовой кувшинны у настъ нечисты, развѣ только въ мѣсяцъ одинъ разъ помоютъ, и столы также нечисты и пичѣмъ не покрыты; чашки и тарелки по пятницамъ, средамъ и въ постныхъ днѣхъ также нечисты. Пожи и вилки до 1839 г. было по парѣ на четырехъ или пять учениковъ, а другимъ вовсе не было ихъ, и эти всѣ заржавѣлые и нечистые, а послѣ купили онѣ вполнѣ, отнявши жаркое, котораго не было у настъ въ праздничныхъ днѣхъ два раза. Такоже когда недостаетъ у настъ чашекъ или ложекъ, лишаютъ какого-либо кушанья и тѣмъ покупаютъ онѣ. Старшіе вмѣсто сторожей стоять и раздаютъ ученикамъ кушанье и хлѣбъ; не видѣли никогда, чтобы экономъ хотя-бы одинъ разъ зашелъ въ столовую и посмотрѣлъ, чтд тамъ дѣляется. Но что-же сказать болѣе о кушаны, когда и хлѣба не даютъ весьма часто достаточно!

«Несмотря на то, и у больныхъ не бываетъ никогда пріятнаго кушанья, хотя и лекарь много разъ говорилъ сдѣлать имъ такія-то кушанья; чай и сахаръ не отпускается достаточно, и не для всѣхъ, а только для тѣхъ, кои весьма больны. Что касается до больницы, постели пахнуть отъ нечистоты; больницами бываютъ иногда и погреба, гдѣ темно даже и днѣмъ, отъ чего тяжело выздоравливать больнымъ, тѣмъ

памъ вашего сіятельства и подъ высокое ваше покровительство, прося всенижайше исключить меня изъ списка подписавшихся на вышеупомянутомъ прошени, по тѣмъ уваженіямъ, что изложенный въ ономъ обстоятельства для меня вовсе чужды и я не могу свидѣтельствовать объ

болѣе, что въ случаѣ идти на дворъ, одѣвается больной однимъ тѣмъ сюртукомъ, какой онъ имѣть, чрезъ что часто вѣтеръ, разстроивъ его, причиняетъ ему новое нездоровье. Подавая пищу больнымъ, всякой изъ нихъ долженъ поставить на постелю. Часто сторожъ и подлекарь, который обыкновенно бываетъ ученикъ, уходя, оставляютъ больныхъ, которые, томясь жаждою, или нуждаясь въ чемъ-либо, мучатся вмѣстѣ съ болѣзни. Вообще, что лекарь приказывается, того не найдете въ больницѣ, ибо инспекторъ говоритъ: «О, нельзя: вредить вамъ»; послѣ чего нечего и говорить. Въ 1839 г. появилась въ семинаріи заразительная болѣзнь. Лекарь, видя, что это не прекращается въ долгое время, просилъ ректора и инспектора объ увольненіи учениковъ, пока прекратится эта заразительная болѣзнь, но тщетно. Потомъ вскорѣ за симъ умеръ одинъ, и еще тогда просилъ онъ ихъ, но и тогда напрасно, ибо они говорили въ отвѣтъ: «Богъ милостивъ, сама болѣзнь прекратится». Пять самыхъ хорошихъ умерли, а всѣ прочіе заболѣли. Ученики больные лежали безъ всякой помощи, потому что подлекарь былъ болѣнъ, сторожа также, а они лежали въ своихъ комнатахъ.

«Говоря объ одѣждахъ, надобно сказать, что и онѣ несоразмѣрны при настоящемъ инспекторѣ, который самъ одинъ и инспекторъ, и экономъ, и ректоръ. Онъ съ самаго пріѣзда своего въ Тифлісъ не сошилъ намъ кромѣ одной, но жилетки лишилъ, пары рубашекъ съ подштанниками; началъ шить намъ сюртуки изъ сукна сѣраго, гнилаго и худаго; говорилъ портнымъ: «Берегитесь, чтобы много матеріи не пошло»; отчего узкіе и короткіе сюртуки суконные и ванковые, и отчего многіе претерпѣваютъ наготу, сами будучи не въ состояніи дать себѣ ни малѣйшаго даже пособія. Для рубашекъ и подштанниковъ, по причинѣ того, что инспекторъ велитъ шить слишкомъ узкіе, многіе берутъ у инспектора матерію, и кто въ состояніи, прибавляя свое, отсылаетъ домой для шитья полныхъ. Въ прибытіе г. Гаевскаго одѣяла, кои были дурны, сошили новые, сколькимъ успѣли, а другимъ постигали вмѣсто ихъ покрывала; послѣ Гаевскаго спали давать намъ наволочки, простыни и опять дали прежде убавленную рубашку съ подштанниками; а до прибытія г. Гаевскаго ученики спали на одной кровати по двое; но кровати были такія, что часто въ полуночи вставали нѣсколько разъ и занимались поправленіемъ ихъ, не имѣя покоя.

«Въ прибытіе Императора Николая Павловича вся Грузія торжественно ликовала, въ городѣ вездѣ слышенъ былъ тонъ радости; всѣ удостоились узрѣть Царя; но мы, будучи заперты въ домѣ, подобно какъ многія животныя, во время зимы запертыя въ пещерахъ и норахъ, составляли ни что иное, какъ одно только заключеніе арестантовъ. Въ такомъ состояніи бываемъ всегда, но тогда болѣе, ибо не видали, пока Государь не уѣхалъ, и дневнаго свѣту. Лучезарное наше солнце озарило нашу страну, но мы не чувствовали его теплоты; весь народъ, привѣтствуя Вѣнценосца сыновнею любовію, торжественно удовольствовался; но мы, сидя въ запертомъ домѣ, не слышали ни одного привѣтствія сего народа, съ которымъ-бы и мы смыслили свое собственное о пріѣздѣ Государя. Что-же было причиною сего нашего огорченія?.... Вѣроятно, причиною сего

оныхъ ни въ какомъ случаѣ. Ваше сіятельство! воззрите на легковѣрнаго юношу и освободите его отъ отвѣтственности, какой онъ подвергнутъ обманомъ»¹⁾.

Данкіевъ писалъ, что онъ не обманомъ былъ вовлеченъ и склоненъ къ подписанію прошенія Тинникова, а принужденъ былъ угрозами и насилиемъ:

«Въ началѣ великаго поста сего 1840 г., когда уже вѣдно было ученикамъ отъ начальства ходить въ семинарію за всенощную и заутренію, и я тоже ходилъ всегда въ оную семинарію молиться Богу, для

было то, что ученики, исключая наушниковъ и близкихъ инспектора, были не совсѣмъ одѣты, чтѣ можно видѣть и нынѣ. Осмѣлимся сказать, что инспекторъ, не чувствуя того, что онъ, какъ отецъ сиротъ, долженъ имѣть одинаковое обѣ ученикахъ попеченіе, заботится только обѣ тѣхъ, которые хороши только по наружнымъ видамъ. Онъ, подражая Нерону, лишаетъ беззаконнымъ образомъ правъ хорошихъ и допускаетъ своихъ любовниковъ пользоваться ими. Это подаетъ намъ смѣлость докладывать вашему сіятельству нѣчто еще обѣ одѣдахъ учениковъ. Однажды вмѣсто сюртуковъ сошли намъ халаты изъ такого холста, который не употребляется и на мѣшки; но этихъ халатовъ нельзя было надѣть, не услышавъ насмѣшки народа. Но недавно изъ Россіи пріѣхали двое, Иванъ и Михаилъ Уваровы, которые, еще не кончивъ курса риторики, были переведены въ философию. Ихъ, несмотря на то, что они имѣютъ отца священника здѣсь, брата учителя, получающаго изъ училища 200 руб. сер. и изъ экзаршеской канцеляріи также 200 руб., приняли на полное церковное содержаніе и въ скоромъ времени сошли имъ сюртуки и брюки изъ хорошаго сукна, котораго мы никогда не имѣли, сошли имъ сюртуки изъ панки и еще дали имъ сюртуки суконные, не совсѣмъ старые.

«Подрядясь съ сапожникомъ за малую цѣну, шьютъ сапоги худые, которые недовольны бывають до назначенаго срока. Кратко сказать: много у насъ худаго изъ того, что намъ дается, а еще чего намъ недостаетъ нужнаго и необходимаго намъ, можете видѣть въ проектѣ устава духовныхъ семинарій въ точности.

«Окончившіе курсъ семинаріи, исключая немногихъ, должны служить въ осетинской духовной комиссіи. Изъ нихъ многихъ насильно отсылають; въ случаѣ-же несогласія, долженъ шататься безъ мѣста. Исключенные-же, хотя-бы были изъ философскаго класса, отсылаются большою частію насильно дѣялками въ осетинскую духовную комиссию.

«Мы не такъ сильны въ русскомъ языке, чтобы могли во всей подробности и ясности описать наше положеніе. Одна крайность дала намъ смѣлость выразить предъ вами такъ, какъ умѣемъ.

«Будьте нашимъ благодѣтелемъ, отцомъ, примите участіе въ нашемъ положеніи и избавьте насъ отъ тиранства нѣкоторыхъ нашихъ наставниковъ.

«Мы немногаго желаемъ и просимъ: мы просимъ и молимъ, чтобы наши наставники обучали насъ, какъ слѣдуетъ, и воспитывали не какъ сторожей; тогда мы не пожалѣмъ о своемъ прежнемъ невѣжествѣ».

¹⁾ См. слѣдствен. дѣла ч. I, стр. 5.

приготовленія къ св. Тайнамъ, никакъ не зная умысла учениковъ семинаріи. На прежней (?) день великаго поста я пришелъ въ семинарію къ утрені до начинанія оной. Сперва позвалъ меня ученикъ Давидъ Тинниковъ въ свою комнату и сказалъ мнѣ ласково подписать руку на прошніи, котораго содержанія мнѣ вовсе не объявлялъ; но какъ я не согласился подписать руку, то онъ, Тинниковъ, оставилъ меня, и я вышелъ изъ комнаты и пошелъ къ утренѣ; а когда отошла утреня, призвалъ меня другой ученикъ, товарищъ оного ученика Давида Тинникова, Аѳанасій Амиранидзевъ, въ классъ богословскій. Въ это время вошелъ опять и Давидъ Тинниковъ, гдѣ заперли меня въ комнату съ обѣихъ сторонъ и насильственнымъ образомъ заставили меня подписать какую-то бумагу насчетъ отца инспектора. Хотя вовсе не желалъ быть съ ними соучастникомъ и даже не зналъ ихъ намѣренія, но только по однімъ ихъ угрозамъ былъ принужденъ подписать составленное на о. инспектора прошеніе, котораго содержанія я вовсе не зналъ...» ¹⁾.

Въ то-же самое время началось систематическое преслѣдованіе какъ самого Тинникова, такъ и всѣхъ его соучастниковъ: отъ Порфирия былъ поданъ на нихъ цѣлый рядъ формальныхъ доносовъ. Во всѣхъ этихъ доносахъ намѣренно изображались такие поступки, которые ослабляли силу и значеніе жалобъ ихъ, именно: дерзость, своеольство и непокорность начальству. Какъ-бы въ помошь и въ подкѣплѣніе доносовъ Порфирия, были поданы жалобы отъ другихъ наставниковъ семинаріи ²⁾, обвинявшихъ Тинникова и его товарищѣ въ тѣхъ-же проступкахъ, о какихъ представлялъ семинарскому правленію Порфирий. Наконецъ, чтобы, съ одной стороны, остановить дальнѣйшее развитіе начавшагося между семинаристами движенія и навѣсть страхъ какъ на подписавшихся, такъ и на неподписавшихся, а съ другой представить зачинщиковъ этого движенія негодяями, которыхъ слова не заслуживаютъ вѣры, и такимъ образомъ формально осудить ихъ, назначено было по этому случаю чрезвычайное засѣданіе семинарскаго правленія. Вопреки всѣмъ правиламъ семинарскаго устава, въ это засѣданіе приглашены были лица, не принадлежавшія къ составу семинарскаго правленія, и именно тѣ самыя, которыхъ держали сторону учениковъ ³⁾. Можно съ вѣроятностью объяснить

¹⁾ См. слѣдств. дѣла ч. I, стр. 68 и 76.

²⁾ Эти наставники были учителя осетинскаго и татарскаго языковъ.

³⁾ Приглашенные наставники были слѣдующіе: Іосселіани, Соколовъ; Каневскій долженъ былъ быть въ этомъ засѣданіи ex officio, какъ секретарь семинарскаго правленія. Кромѣ этихъ лицъ, приглашены были ректоръ тифлисскихъ духовныхъ училищъ, протоіерей Кульматицкій, тоже принадлежавшій къ партіи Дмитріева и Дроздова.

причины и цѣль такого странного приглашенія: экзарху и Порфирию хотѣлось показать Іосселіані, Каневскому и Соколову, что они защищаютъ людей, которые недостойны этой защиты, какъ всегдашніе грубіяны, дерзкіе и непокорные начальству. А можетъ быть, это была со стороны экзарха и Порфирия ловушка, поставленная означеннымъ наставникамъ. Они думали, что если наставники въ присутствіи цѣлаго правленія стали бы защищать дѣло возмутившихся учениковъ, то явно показали-бы что они заодно съ ними, а это дало-бы возможность экзарху и Порфирию представить дѣло учениковъ вышему начальству совершенно въ другомъ видѣ, изобразить его заговоромъ наставниковъ противъ инспектора, дѣломъ партіи и интриги, въ которую были вовлечены ученики, обученные написать жалобу на инспектора и вымыслить небывалое происшествіе съ Тинниковымъ и другими учениками. Если-же, паче чаянія, наставники отказались-бы отъ защиты учениковъ, тогда они осудили-бы формально тѣхъ самыхъ, которые были орудіемъ ихъ плановъ; а ученики, оставленные людьми, которые подстрекали ихъ къ возстанію противъ инспектора, и раздраженные такимъ поступкомъ съ ними своихъ руководителей, безъ сомнѣнія, отказались-бы отъ своего дѣла и выдали-бы своихъ подстрекателей. Но экзархъ и Порфирий ошиблись въ своихъ расчетахъ: наставники, не обинуясь, приняли сторону учениковъ и открыто стали защищать ихъ. Во время трехъ бывшихъ засѣданій, наставники явно протестовали противъ мнѣнія семинарскаго правленія¹⁾. Первый подалъ протестъ Каневскій. Когда читанъ былъ докладъ, приготовленный для журнала правленія, о поступкахъ Тинникова, Татіева и другихъ его сообщниковъ, тогда Каневскій, какъ секретарь семинарскаго правленія, заявилъ, что докладъ этотъ составленъ инспекторомъ безъ его вѣдома и что изложенныя въ немъ обстоятельства никогда не существовали и, притомъ, представлены такъ, что прямо клонятся къ тому, чтобы учениковъ сдѣлать безответственными. Къ такимъ обстоятельствамъ онъ относилъ слова учениковъ, произнесенные въ присутствіи правленія въ духѣ кротости и уваженія къ своему начальству, но нѣкоторыми членами правленія, особенно инспекторомъ, принятыя за грубость и дерзость. Іосселіані и Соколовъ присоединились къ Каневскому и представили вмѣстѣ съ нимъ объясненія, почему они несогласны съ мнѣніемъ семинарскаго правленія исключить Тинникова изъ семинаріи. «Тинниковъ, писалъ Каневскій, постоянно рекомендовавшій себя съ хорошей стороны, безъ особенной причины вдругъ поведенія своего измѣнить не могъ, и

¹⁾ Мнѣніе семинарскаго правленія было исключить Тинникова изъ семинаріи.

если подаль въ правленіе жалобу на инспектора семинаріи, то это произошло не отъ дерзости противъ начальства, но, вѣроятно, отъ того, что онъ безъ всякаго изслѣдованія претерпѣлъ отъ инспектора незаслуженное наказаніе. Тинниковъ, какъ ученикъ прилежный, можетъ съ честію продолжать курсъ ученія и, при другихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ своихъ къ начальству, могущихъ возвратить ему надежду на благость и покровительство его, скоро можетъ загладить тѣ дѣтскія погрѣшности, которыя онъ, увлекаемый безнадежностію на помилованіе и забвеніе ихъ, успѣлъ надѣлать въ критическое для него время, и подмѣченъ былъ особенною бдительностію надъ нимъ инспектора семинаріи». Іосселіані подаль мнѣніе въ томъ-же смыслѣ, прибавивъ, что въ запискѣ инспектора на Тинникова и Татіева написано много лишняго и преувеличенного и онъ, по долгу совѣсти и внутренняго убѣжденія, признаетъ Тинникова незаслуживающимъ исключенія изъ семинаріи. «Въ немъ, писалъ Іосселіані, есть большая надежда на исправленіе тѣхъ слабостей, которыя допущены имъ временною горячностію, образовавшееся не болѣе, какъ въ два или три мѣсяца и воспитавшееся въ немъ записками многихъ лицъ въ этотъ краткій періодъ времени (?), тогда какъ нѣкоторыя погрѣшности можно-бы было удержать начальническими, отеческими и въ проектѣ семинаріи означенными мѣрами. Исключеніе же изъ семинаріи, не принося пользы церкви, можетъ имѣть вредныя и пагубныя слѣдствія для его жизни, еще неиспорченной по нравственности и ни мало не зараженной духомъ грубости и дерзости. Всякая другая мѣра послужить къ исправленію его и обрадуетъ тѣхъ наставниковъ, которыхъ онъ служилъ на экзаменахъ укращеніемъ. Таковымъ непомѣрнымъ наказаніемъ ученика первого разряда за проступки, не совсѣмъ доказанные, а можетъ быть и допущенные въ разстройствѣ мыслей, въ волненіи чувствъ отъ того затруднительного положенія, въ которое онъ, еще неопытный въ жизни, поставленъ безпрерывными на него жалобами и допросами, подадимъ опасный примѣръ непомѣрной строгости начальства, ослабимъ въ нихъ силы физической, посѣмъ страхъ рабскій, могущій заглушить въ нихъ всѣ благородныя чувства къ истинному, добруму и изящному и образующій всегда людей скрытныхъ и опасныхъ, а слѣдовательно бесполезныхъ церкви и правительству». Объясненіе Соколова отличается большею обстоятельностью и юридическою основательностью. «Изъ доклада въ журналѣ семинарскаго правленія, писалъ Соколовъ, видно, что ученикъ Тинниковъ нѣсколько разъ самовольно отлучался изъ семинарскаго дома, дѣлалъ грубости инспектору семинаріи и въ классѣ учителю осетинскаго языка Хунду-

кову, даже въ присутствіи всего правленія говорилъ довольно грубо. Съ мнѣніемъ семинарскаго правленія—исключить Тинникова за означенные поступки изъ семинаріи—я несогласенъ: 1) самовольныя отлучки Тинникова изъ семинарскаго дома и грубости противъ инспектора семинаріи достойны наказанія (и наказаны), но не исключенія изъ семинаріи; 2) что Тинниковъ говорилъ довольно грубо въ присутствіи правленія, то это произошло отъ невѣдѣнія и неблагоразумія Тинникова; 2) что касается до того, въ какомъ духѣ и съ какимъ намѣреніемъ сдѣланы Тинниковымъ вышеозначенные поступки, обѣ этомъ знаетъ только тотъ, кто постоянно смотритъ за поведеніемъ учениковъ и слѣдовательно можетъ знать сколько-нибудь ихъ характеръ; 4) жалоба учителя Хундукова на грубости Тинникова, оказанная будто-бы ему въ классѣ, заслуживаетъ вниманія только потому, что есть жалоба учителя на ученика. Но какъ известно, что Хундуковъ прежде обходился съ учениками по-дружески (чтѣ и долженъ былъ дѣлать, такъ какъ самъ онъ потому только не ученикъ, что знаетъ осетинскій языкъ), то оказанная строгость, конечно, не могла понравиться ученикамъ. А что это сдѣлалъ Тинниковъ, а не другой кто, такъ это, можетъ быть, потому, что онъ болѣе другихъ сознавалъ свое достоинство; 5) ученикъ Тинникова до сихъ поръ извѣстенъ былъ семинарскому правленію съ отличной стороны и по классамъ, и по поведенію; не болѣе, какъ три мѣсяца, онъ по какому-то случаю измѣнилъ свое поведеніе и нельзя думать, чтобы онъ навсегда остался таковymъ». А потому мнѣніе учителя Соколова таково: «употребить еще мѣры (строгія-ли то, или кроткія, а кажется, лучше послѣднія) къ исправленію Тинникова; если-же и эти послѣднія мѣры останутся тщетными, тогда уже поступить съ нимъ по всей строгости»¹⁾. Протоіерей Кульматицкій, сначала было согласившійся съ мнѣніемъ семинарскаго правленія, но потомъ увлеченный дружною оппозиціею трехъ вышепоименованныхъ нами наставниковъ семинаріи, взялъ свое мнѣніе назадъ и далъ другое, во всемъ согласное съ объясненіями Каневскаго Іосселіани и Соколова. Послѣ всего этого, ректоръ и инспекторъ поневолѣ должны были согласиться съ мнѣніемъ наставниковъ; но послѣдніе представили новое препятствіе къ соглашенію: они потребовали, чтобы ихъ отзывы были прописаны въ журналѣ, а такъ какъ ректоръ и инспекторъ не хотѣли допустить этого, то дѣло о Тинниковѣ и его сообщникахъ совершенно остановилось, произведя, впрочемъ, впечатлѣніе, невыгодное для семинарскаго начальства. Всльдѣ за этимъ, Каневскій подалъ прошеніе

¹⁾ Слѣдственнаго дѣла по жалобѣ Тинникова ч. 1, стр. 249—255.

объ увольненіи его отъ должности секретаря, потому что, какъ выражался онъ, «при настоящихъ отношеніяхъ своихъ къ правленію онъ не можетъ съ успѣхомъ проходить этой должности, когда правленіе отнимаетъ у него послѣднія права его» ¹⁾). Определенный на мѣсто Каневскаго Соколовъ пробылъ секретаремъ только полторы недѣли и тоже вышелъ въ отставку. Однимъ словомъ, оппозиція со стороны нѣкоторыхъ наставниковъ противъ инспектора, бывшая до того временитайною, теперь обнаружилась и заявила себя въ формальномъ протестѣ противъ его дѣйствій. Не имѣя нужды болѣе скрывать свои чувствованія, Іосселіані, Каневскій и Соколовъ явно стали въ ряды защитниковъ Тинникова и его сообщниковъ и рѣшились прямо и открыто дѣйствовать противъ инспектора и экзарха. Чтобы не отдѣлять своего дѣла отъ дѣла Тинникова и его сообщниковъ, они, подобно имъ, обратились теперь къ графу Пратасову съ жалобою на жестокое обращеніе инспектора съ учениками и на покровительство ему экзарха. «Говорить истину, писали они, и защищать ее похвально и необходимо во всякомъ случаѣ. Но говорить и защищать справедливость тамъ, где она теряетъ свою послѣднюю защиту у людей, отъ которыхъ зависитъ судьба ея, есть непремѣнный долгъ каждого. Эта мысль была главнымъ побужденіемъ, которое заставило насъ расторгнуть долговременное наше молчаніе и вмѣстѣ съ истинною, объявленною нами ближайшему нашему начальству, укрыться подъ защиту вашего сіятельства. Съ другой стороны, опасность, которой нерѣдко подвергаются защитники истины отъ людей, отъ которыхъ зависитъ непосредственно судьба самой истины и защитниковъ ея, послужила новымъ побужденіемъ къ тому, что мы осмѣливаемся теперь объяснить вашему сіятельству тѣ неблагопріятныя отношенія наши къ ближайшему нашему начальству, въ которыхъ поставило насъ наше чистосердечіе и любовь къ справедливости. Все это въ совокупности даетъ намъ смѣлость представить на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства нижеслѣдующія обстоятельства.

«Юная тифлисская семинарія, укрѣпляемая въ силахъ своихъ отеческимъ вниманіемъ и попечительностью высшаго начальства, всегда отличалась повиновеніемъ къ ближайшимъ начальникамъ своимъ, и многіе ученики семинаріи получали отъ семинарскаго начальства лестное одобреніе за кроткое поведеніе. Наконецъ, самовластное и почти жестокое обращеніе съ учениками отца инспектора семинаріи, игумена Порфирия, который за всѣ дѣтскіе проступки учениковъ бьетъ ихъ собственными руками и самъ, безъ вѣдома семинарскаго правленія, наказываетъ ихъ

¹⁾ Тамъ-же.

ропгами, вывело иѣкоторыхъ учениковъ изъ терпѣнія, но отнюдь не изъ повиновенія начальству, и одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи, Давидъ Тинниковъ, принужденъ былъ подать въ семинарское правленіе прошеніе, въ коемъ приносить жалобу на инспектора семинаріи за то, что онъ билъ его собственными руками безъ всякой пощады. Это прошеніе ученика Тинникова, въ коемъ изложены подробно всѣ обстоятельства дѣла, до сего времени остается въ семинарскомъ правленіи безъ надлежащаго изслѣдованія, хотя секретарь Климентъ Каневскій въ самый день подачи прошенія докладывалъ его правленію.

«Послѣ того инспекторъ семинаріи, по обязанности-ли своей, или-же для того, чтобы оправдать дѣйствія свои предъ семинарскимъ правленіемъ, до котораго начали доходить неблагопріятные о нихъ слухи, въ мартѣ мѣсяцѣ сего года подалъ въ правленіе семинаріи иѣсколько записокъ, коими доводилъ до свѣдѣнія правленія о иѣкоторыхъ неодобрительныхъ поступкахъ учениковъ семинаріи.

«Первою запискою инспекторъ семинаріи доносилъ правленію о томъ, что онъ однажды замѣтилъ ученика высшаго отдѣленія Давида Тинникова и ученика средняго отдѣленія Яссона Татіева въ нетрезвости; второю доносилъ правленію о томъ, что иѣкоторые ученики пѣли свѣтскія пѣсни въ классѣ и на крыше семинарскаго дома; прочими-же записками инспекторъ доносилъ правленію о томъ, что иѣкоторые ученики отлучались въ Фомино воскресеніе на народное гулянье въ Тифлісѣ, а другіе ученики замѣчены имъ въ другихъ самовольныхъ отлучкахъ. Вслѣдъ за инспекторомъ жаловался правленію особенною запискою экономъ семинаріи, священникъ Басхаровъ, на ученика Тинникова за то, что онъ входилъ въ кухню, гдѣ какъ о немъ, Басхаровѣ, такъ и о прочихъ своихъ начальникахъ отзывался съ неуваженіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ о. ректоръ семинаріи, архимандритъ Сергій, входилъ въ правленіе съ запискою, кою доводилъ до свѣдѣнія правленія, что ученикъ Тинниковъ, противъ воли его высокопреосвященства, экзарха Грузіи, являлся для сказыванія проповѣди не въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, а въ Сіонскомъ соборѣ. Напослѣдокъ, жаловался на ученика Тинникова и учитель осетинскаго языка Евстафій Хундуковъ за то, что Тинниковъ отвѣчалъ урокъ нетвердо, сѣль на мѣсто безъ его приказанія и подходилъ къ столу, за которымъ сидѣлъ учитель, съ требованіемъ не жаловаться на него напрасно начальству. Вслѣдствіе записокъ инспектора всѣ ученики, замѣченные имъ, будто-бы, въ самовольныхъ отлучкахъ и нетрезвомъ видѣ, по опредѣленію семинарскаго правленія, понесли разнаго рода наказанія, равно и по запискамъ о. ректора и эконома семинаріи ученикъ Тинниковъ также понесъ, по опредѣленію

семинарского правлениј, наказанія, сообразныя съ своими проступками; да еще прежде опредѣленія правлениј, ученики Тинникова и Татіевъ домашнимъ образомъ, по волѣ инспектора семинаріи, понесли тѣлесное наказаніе: первый бить былъ въ комнатѣ, а послѣдній не только въ комнатѣ, но и на улицѣ, оба собственными руками инспектора. Не довольствуясь симъ, семинарское правление, по настоянію инспектора, произвѣдило въ своемъ присутствіи формальное слѣдствіе по запискамъ инспектора обѣ отлучкѣ учениковъ на народное гулянье, о пѣніи свѣтскихъ пѣсень въ классѣ и на крыши, и по прошенію учителя осетинскаго языка на ученика Тинникова касательно неуваженія, оказанного имъ учителю въ классѣ; для сего всѣ ученики призываются были въ правление, гдѣ спрашивали каждого изъ низъ порознь, записывали въ настольный журналъ ихъ показанія и заставляли учениковъ подлинность оныхъ свидѣтельствовать собственноручнымъ подпісомъ. Плодомъ означеннаго слѣдствія было то, что ученики, показанные въ запискахъ инспектора отлучавшимися на народное гулянье, отлучались, какъ они сами показали, не на гулянье, а для молитвы къ развалинамъ одной древней церкви, къ которымъ всѣ жители Тифлиса въ юности посвѣщались своимъ свидѣтельствуютъ религіозное уваженіе. Слѣдствіе, произведенное правлениемъ по запискѣ инспектора касательно пѣнія свѣтскихъ пѣсень, показало, что ученики пѣли въ классѣ болѣе духовныя, нежели свѣтскія пѣсни; и все это было 1-го мая, въ тотъ день, который, по волѣ начальства, въ прежніе годы ученики семинаріи посвѣщали на отдыхъ и гулянье, извѣстное въ семинаріяхъ подъ именемъ рекреаціи. Слѣдствіе-же, произведенное по прошенію учителя осетинскаго языка на ученика Тинникова, будто бы неуваженіе оказавшаго учителю въ классѣ, вовсе не оправдало жалобы на него учителя Хундукова. Всѣ вышеозначенные слѣдствія, произведенныя правлениемъ надъ учениками, не обнаружили въ ученикахъ такихъ проступковъ, о которыхъ слѣдовало-бы розыскивать формальнымъ дознаніемъ, но, напротивъ того, принесли ту невыгоду, что они обнаружили въ начальствѣ подозрѣніе къ собственнымъ донесеніямъ, а въ ученикахъ легко могли поселить недовѣрчивость къ начальству, которое за обыкновенныя дѣтскія шалости начало судить ихъ строгимъ судомъ гражданскимъ». Даѣ, описавши, какъ экзархъ назначилъ чрезвычайное засѣданіе семинарского правлениј, куда приглашены были и они, какъ въ этомъ засѣданіи подали мнѣніе въ защиту Тинникова, вопреки опредѣленію правлениј, и представили каждый по этому случаю свои объясненія, какъ отъ стѣсненія инспектора принуждены были оставить должность секретаря Каневскій и Соколовъ, въ заключеніе прибавили: «Все выше-

прописанное можно было бы дополнить еще новыми обстоятельствами, гдѣ инспекторъ семинарии, полагаясь на непосредственное покровительство экзарха Грузіи, злоупотребляетъ довѣренностью къ нему его высокопреосвященства и дѣйствуетъ къ ущербу благоденствія семинарии. Но, желая сказать только то, что мы сами видѣли и достовѣрно знаемъ, мы осмѣливаемся теперь представить благоусмотрѣнію вашего сіятельства такія только обстоятельства, въ которыхъ мы сами принимали участіе. И изъ вышесказанного нами изволите усмотрѣть, ваше сіятельство, въ какомъ состояніи находится тифлисская семинария, которая управляется, съ пре-вышеицемъ власти, такимъ человѣкомъ, который или не можетъ, или не считаетъ нужнымъ обращать особенного вниманія на учебную и нравственную часть семинарии. Съ своей стороны, мы считаемъ нужнымъ еще присовокупить и то, что инспекторъ семинарии, дѣйствуя подъ за-щитою высшаго мѣстнаго духовнаго начальства, стѣсняетъ и прочихъ товарищѣй своихъ по службѣ, которые не всегда могутъ дѣйствовать ко благу семинарии такъ, какъ-бы хотѣли и какъ долгъ повелѣвается. Съ другой стороны, инспекторъ, обращеніемъ своимъ съ учениками, однихъ изъ нихъ ожесточилъ до того, что многие изъ лучшихъ учениковъ поте-ряли охоту къ ученію, а другіе въ характерѣ получили дурное направле-ніе. Вообще сказать можно, что мѣстное духовное начальство заботится болѣе о томъ, чтобы дать семинарии одну только наружную форму порядка.

«Теперь извѣстны вашему сіятельству отношенія наши къ ближай-шему нашему мѣстному начальству и можно предвидѣть, что истина, сказанная нами, не останется въ послѣдствіи времени безъ нареканій со стороны тѣхъ людей, для которыхъ она покажется непріятною, и, мо-жетъ быть, защитники ея испытаютъ на себѣ участіе тѣхъ, которые страда-ли за правду. Въ такомъ случаѣ, мы осмѣливаемся искать защиты у вашего сіятельства и предоставить благоусмотрѣнію вашему все наше будущее» ¹⁾.

Междуд тѣмъ синодъ, по выслушаніи предложения Пратасова о жа-лобѣ Тинникова на инспектора, высказалъ свое неудовольствіе, какъ выражается синодскій указъ, «что въ тифлисской семинарии, въ духовно-учебномъ заведеніи, которое, по назначенію своему, должно служить разсадникомъ достойныхъ служителей церкви Христовой, образуя ихъ съ дѣствія въ правилахъ строгой нравственности, кротости душевной, смиренія и уваженія къ начальствующимъ властямъ, проявился нынѣ

¹⁾ См. слѣдственнаго дѣла по жалобѣ Тинникова ч. I. стр. 246—258.

между воспитанниками небывалый примѣр дерзости, съ которою они, въ числѣ 35 человѣкъ, рѣшились приносить высшему начальству жалобу свою на инспектора семинаріи, игумена Порфирия. Симъ случаемъ обнаруживаются: и несоблюденіе самимъ семинарскимъ начальствомъ лежащихъ на немъ обязанностей, чрезъ допущеніе между воспитанниками столь пагубнаго духа своеволія, и вредное направленіе нравственности воспитанниковъ тифлисской семинаріи, требующее строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію онаго»¹⁾). Но, съ другой стороны, св. синодъ пораженъ былъ и патріархальною расправою съ учениками игумена Порфирия, а потому въ томъ-же указѣ не могъ не прибавить о дѣйствіяхъ Порфирия, что «тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе инспекторъ, на которомъ наибольѣе возложитъ обязанность надзора и который по-далъ поводъ къ настоящему случаю»²⁾). Потому св. синодъ положилъ: «1) О прописанныхъ въ жалобѣ ученика Давида Тинникова обстоятельствахъ произвѣсть строгое законное изслѣдованіе, на каковой конецъ составить на мѣстѣ особую комиссию изъ члена грузино-имеретинской св. синода конторы архимандрита Иоанна, одного лица изъ почетнѣйшаго тамошняго бѣлага духовенства и исправляющаго должность прокурора Дмитриева; 2) комиссіи сей вмѣнить въ обязанность немедленно обревизовать тифлисскую семинарію со всею подробностію и раскрыть дѣйствительную причину столь дурнаго направленія нравственности въ ея воспитанникахъ; 3) по произведеніи комиссіей изслѣдованія и по составленіи объ открывшихся обстоятельствахъ дѣла надлежащаго заключенія, возложить на преосвященнаго экзарха Грузіи подробнѣ разсмотрѣть сіе дѣло и, вмѣсть съ заключеніемъ комиссіи, представить и съ своей стороны по оному мнѣніе, принявъ мѣры, дабы то и другое не были рановременно оглашены; 4) на все время, въ которое будетъ производиться дѣло по жалобѣ Тинникова, игумена Порфирия отстранить отъ должности инспектора семинаріи, поручивъ исправленіе оной другому благонадежному изъ тамошнихъ семинарскихъ наставниковъ; 5) ректору рязанской семинаріи, архимандриту Аѳанасію, уволенному нынѣ по прошенію его на Кавказъ для пользованія минеральными водами, если, по окончаніи курса лечения, состояніе здоровья его не будетъ къ тому препятствовать, поручить на обратномъ пути обревизовать тифлисскую семинарію, причемъ, обративъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ по жалобѣ ученика тифлисской семинаріи Давида Тинникова на жестокое обращеніе съ нимъ инспектора той семинаріи, игумена Порфирия, синодскій указъ отъ 6-го мая 1840 года.

²⁾ Тамъ-же.

вниманіе на происшествіе, возникшее по жалобамъ ученика Давида Тинникова, представить, вмѣстъ съ донесеніемъ о ревизіи, и заключеніе свое по сему предмету»¹⁾. Определеніе синода вообще было неблагопріятно для Порфирия и самого экзарха; устраненіе отъ должности инспектора Порфирия, назначеніе въ составъ слѣдственной комиссіи Дмитріева, явнаго врага экзарха и Порфирия и тайного покровителя семинаристовъ, самое назначеніе ревизоромъ тифлісской семинаріи ректора рязанской семинаріи Аѳанасія, извѣстнаго своею строгостью и дѣйствіями не въ видахъ защищенія правъ іерархическихъ,—все это предвѣщало мало доброго для Порфирия и экзарха и сильно ободряло и воодушевляло противную партію, которая теперь не скрывала своей радости и проявляла ее въ разныхъ выходкахъ и возгласахъ; число ея членовъ постоянно умножалось: даже самые робкіе и трусливые, не боясь уже болѣе экзаршескаго гнѣва, явно переходили на сторону враговъ экзарха и Порфирия. Къ числу такихъ относится ректоръ тифлісской семинаріи Сергій, который до этого времени покорно сносилъ свое зависимое и уничижительное положеніе и только втайнѣ одобрялъ восстаніе семинаристовъ²⁾). Каждое дѣйствіе, какъ ревизора Аѳанасія, такъ и слѣдственной комиссіи, было ударомъ для Порфирия: Аѳанасій явно сблизился съ Сергіемъ и наставниками Іосселяномъ, Каневскимъ и Соколовымъ; мало этого, Каневскій сдѣланъ былъ исправляющимъ должность инспектора семинаріи, вмѣсто Порфирия; Дмитріевъ зорко слѣдилъ за всѣми ухищреніями Порфирия, разбивалъ ихъ, обезоруживалъ всѣ его усилия парализовать дѣйствія слѣдственной комиссіи и вель дѣло такъ, что каждое обстоятельство, открываемое слѣдствіемъ, было обвиненіемъ и осужденіемъ Порфирия. Порфирий употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства отстранить Дмитріева отъ производства надъ нимъ слѣдствія и остановить на время производство самого слѣдствія. Для этого на Высочайшее имя подалъ онъ слѣдующее прошеніе: «Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ посвятивъ себя единственno служенію Богу, я во все продолженіе онаго, по строгому убѣжденію чистой моей христіанской совѣсти, совершенно чуждъ былъ самомаѣйшаго пополновенія къ чему-либо противозаконному и такимъ точно образомъ поступалъ во время служенія моего болѣе четырехъ лѣтъ инспекторомъ тифлісской семинаріи. Но, объясняю это, я не имѣю въ виду и не думаю представлять въ настоящее время какія-либо съ моей стороны противу

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Какъ показываетъ то обстоятельство, что діаконъ Урусовъ, жившій у Сергія, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Тинниковымъ и другими.

жалобы Тинникова оправданія; напротивъ, желаю слѣдствія строгаго и беспристрастнаго, да оправдаюсь предъ начальствомъ и закономъ: ибо увѣренъ, что только злоба людей неблагонамѣренныхъ могла вну- шить Тинникову и другимъ молодымъ и неопытнымъ ученикамъ подать на меня подобную жалобу, доказательствомъ чего можетъ служить и сознаніе ученика Дмитрія Протопопова, въ особой просьбѣ къ г. оберъ-прокурору сдѣланное. Посему, возлагая надежду мою на слѣдствіе, я не могу не обратить вниманія на лица, коимъ поручено производство онаго. На беспристрастіе о. архимандрита Іоанна и протоіеря Дмитрія Алексѣева я совершенно полагаюсь; но не могу того-же сказать объ исправляющемъ должность прокурора г. Дмитріевѣ, по слѣдующимъ причинамъ: А) главный виновникъ подачи на меня учениками жалобы есть предмѣстникъ мой, бывшій инспекторъ тифлісской семинаріи, коллежскій асессоръ Дроздовъ, который по неудовольствіямъ-же его съ духовнымъ начальствомъ, или по какимъ другимъ причинамъ, давно, какъ извѣстно, оказывалъ къ духовному и семинарскому начальству нерасположеніе и вслѣдствіе того происками своими успѣлъ, наконецъ, склонить учениковъ къ несправедливымъ жалобамъ, самимъ имъ сочиняямы, или, по крайней мѣрѣ, исправляемымъ; доказательствомъ чего служить хранящаяся нынѣ у меня одна изъ таковыхъ жалобъ, исправленная и, по большей части, писанная рукою Дроздова, который на той-же жалобѣ надписалъ подать ее г. Дмитріеву, съ которымъ Дроздовъ находится въ самыхъ короткихъ, дружественныхъ связяхъ, а со времени подачи учениками жалобъ Дмитріевъ и Дроздовъ еще чаще и почти безпрестанно бываютъ одинъ у другаго, какъ это я самъ видѣлъ по смежности квартиры моей съ квартирой Дроздова. Подобныя связи и духъ своеvolства, оказавшійся между учениками со времени подачи ими жалобъ и еще болѣе усилившійся и часть-отъ-часу возрастающій со времени порученія г. Дмитріеву производства по настоящему предмету слѣдствія, явно показываютъ ожидаемое жалобщиками, или подстрекателемъ ихъ Дроздовымъ, покровительство со стороны слѣдователя г. Дмитріева, который, сколько мнѣ извѣстно, и не упустилъ обѣщать имъ сего. Дерзость-же учениковъ усмѣтъна уже и св. правительствующімъ синодомъ изъ предложенныхъ оному г. оберъ-прокуроромъ помянутыхъ выше прошений. Б) Не одно дружество съ Дроздовымъ заставляетъ г. Дмитріева поддерживать сторону дерзостныхъ учениковъ, или лучше сказать, стараться угодить Дроздову, но г. Дмитріевъ имѣть къ тому и другія, гораздо важнѣйшія побужденія, именно: со времени порученія г. Дмитріеву въ концѣ прошлаго года должности прокурора, онъ, сколько мнѣ вообще отъ другихъ и въ особенности отъ самого

его извѣстно, находится, не знаю, впрочемъ, почему, не въ хорошихъ отношеніяхъ съ преосвященнымъ экзархомъ Грузіи, о чемъ, какъ думаю, небезъизвѣстно и св. прав. синоду и г. оберъ-прокурору онаго. Питая, такимъ образомъ, чувство неудовольствія къ экзарху, г. Дмитріевъ безъ сомнѣнія радъ слушаю, гдѣ онъ можетъ излить свое мщеніе надъ однимъ изъ подчиненныхъ экзарха и особенно надъ тѣмъ, который ближе къ нему, нежели другіе: ибо я не могу скрыть, что какъ въ прежнее время службы моей, такъ и со времени перевода меня на службу въ Грузію, я всегда постоянно пользовался благорасположеніемъ пр. экзарха; слѣдственно нѣтъ ничего мудренаго, если г. Дмитріевъ питаемое имъ къ экзарху неудовольствіе станетъ теперь отмщать на мнѣ, къ чему, сколько я по самому началу дѣла вижу, онъ и стремится всѣми силами; ибо, вмѣсто того, чтобы открыть въ свое время повелѣнную св. прав. синодомъ комиссію и производить слѣдствіе въ ея присутствій, или собирать нужные откуда слѣдуетъ свѣдѣнія отъ всей комиссіи, г. Дмитріевъ началъ дѣйствовать и дѣйствуетъ отъ своего лица, безъ всякаго участія другихъ двухъ членовъ комиссіи, о. архимандрита Іоанна и протоіерея Алексѣева, такъ что комиссія понынѣ еще не открыта. Видя столь неправильныя и незаконныя дѣйствія г. Дмитріева, могу-ли надѣяться, что г. Дмитріевъ, при дальнѣйшемъ производствѣ настоящаго слѣдствія, можетъ быть менѣе безпри-старенъ и будетъ стараться открыть истину? Я заключаю это еще болѣе изъ того, что ученики, подписавшіе на жалобѣ, не стыдятся въ классахъ семинарій говорить, что они зависятъ теперь болѣе отъ прокурора, нежели отъ духовнаго начальства и, читая, въ классахъ-же, проектъ семинарій, толковали оный въ укоризну начальству. В) Главнѣйшіе изъ учениковъ, участвовавшихъ въ подачѣ жалобы: Давидъ Тинниковъ, Михаилъ Элизбаровъ, Тома Элизбаровъ, Иванъ Лашауровъ, Аѳанасій Амиранидзевъ, Александръ Мамацовъ, Іасонъ Татіевъ и Андрей Цицвіанд-зевъ, какъ знаю я, неоднократно сами упрашивали г. Дмитріева поддер-жать ихъ и, наконецъ, просили его о томъ чрезъ своихъ наставниковъ, учителей семинаріи: Платона Іосселіани, Клиmenta Каневскаго, Матея Соколова и смотрителя тифлисскихъ духовныхъ училищъ, каѳедральнаго протоіерея Андрея Кульматицкаго: ибо всѣ сіи четыре лица, будучи и прежде въ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Дроздовымъ, а чрезъ него и съ г. Дмитріевымъ, присоединились нынѣ совершенно къ Дроздову и явно поддерживаютъ и настраиваютъ учениковъ противу меня одного. Всѣ сіи обстоятельства убѣждаютъ меня совершенно, что отъ дѣйствій г. Дмитріева ни мнѣ, ни начальству нельзя ожидать истины и безпри-старствія, столь необходимыхъ при всякомъ слѣдствіи для наказанія ви-

новныхъ и для оправданія невинныхъ, а тѣмъ болѣе важныхъ въ настоящемъ дѣлѣ, отъ которого зависитъ спокойствіе и участъ учениковъ семинаріи, кои въ своихъ наставникахъ видятъ теперь руководителей или подстрекателей къ несправедливымъ противу начальства своего жалобамъ. И хотя слѣдственная комиссія въ полномъ составѣ ея еще не открыта, однако, какъ я выше сказалъ, начальныя, столь неправильныя и на пристрастіи лишь основанныя дѣйствія одного г. Дмитріева, даютъ уже мнѣ полное право просить обѣ устраниеніи его отъ производства слѣдствія, о чёмъ я, по открытии комиссіи, и подалъ въ оную прошеніе и буду просить, дабы она, до полученія отъ св. прав. синода разрѣшенія, производствомъ слѣдствія пріостановилась. Желая, такимъ образомъ, слѣдствія справедливаго и совершенно безпристрастнаго и полагаясь на святость законовъ, начертанныхъ въ 887 и 1297 статьяхъ XV тома Свода Законовъ уголовныхъ, представляющихъ обвиняемому всѣ средства къ его оправданію, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣнно было, сіе мое прошеніе принять, записать и для достиженія въ этомъ, столь важномъ для меня и для учениковъ семинаріи, дѣлѣ истины, устранивъ исправляющаго должностъ прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы г. Дмитріева отъ производства слѣдствія, поручить оное одному изъ состоящихъ при главноуправляющемъ въ Грузіи чиновниковъ, кому онъ довѣрить, или кому-либо другому, кромѣ чиновниковъ, служащихъ по духовной части въ Тифлісѣ и могущихъ болѣе или менѣе навлечь на себя съ той или другой стороны невыгодное мнѣніе. Что-же касается до духовныхъ лицъ, нынѣ въ комиссію назначенныхъ: архимандрита Іоанна и протоіерея Дмитрія Алексѣева, то къ дѣйствіямъ ихъ не имѣя теперь ни малѣйшаго съ моей стороны подозрѣнія, я предоставляю благоусмотрѣнію начальства, оставить-ли ихъ въ комиссіи, или съ назначеніемъ на мѣсто г. Дмитріева другаго лица назначить и съ духовной стороны другихъ особъ»¹⁾).

Но несмотря на это самовосхваленіе, лицемѣріе и представленіе себя жертвою, страждущею невинно, по злобѣ неблагонамѣренныхъ людей, прошеніе это не произвело того дѣйствія, какого ожидалъ Порфирий. Точно также осталось безъ послѣдствій и другое прошеніе его, поданное имъ въ слѣдственную комиссію о пріостановленіи производствомъ слѣдствія по дѣлу его. Напротивъ, это прошеніе Порфирия какъ-бы еще усилило

¹⁾ См. въ дѣлѣ по жалобѣ ученика Тинникова прошеніе на Высочайшее имя инспектора Порфирия, отъ 4-го июля 1840 г., стр. 18—22.

энергію Дмитріева въ преслѣдованіи Порфирия и заставило его употребить всѣ средства предупредить и уничтожить усилія Порфирия освободиться изъ его рукъ. Препровождая въ копіи прошеніе Порфирия къ графу Пратасову, Дмитріевъ такими черными красками описалъ дѣйствія и ухищренія Порфирия и экзарха, что послѣ того оба они еще болѣе упали въ глазахъ Пратасова. «Главная цѣль, писалъ Дмитріевъ Пратасову, желанія игумена Порфирия объ остановленіи дѣйствій учрежденной надъ нимъ слѣдственной комиссіи состоить въ томъ, какъ имъ донынѣ замѣчено было, чтобы въ теченіи времени бездѣйствія комиссіи успѣть согласить болѣе число учениковъ семинаріи, подписавшихся на прошеніи ученика Тинникова, на подачу просьбы якобы о незнаніи ихъ существа подписаннаго ими того прошенія ученика Тинникова, кои уже и стали поступать въ комиссію, и предвидится сіе впредь, что послужить единственно только для большихъ комиссіи затрудненій, отъ коихъ едва-ли будетъ какая-либо и польза для игумена Порфирия, повидимости, имъ ожидаемая. Другая цѣль есть та, чтобы больше очернить учениковъ семинаріи; для чего со временеми учиненныхъ игуменомъ Порфириемъ побоевъ ученику Тинникову и другимъ, т. е. съ 18-го февраля сего года, начали подаваться въ семинарское правленіе записки о дурномъ поведеніи учениковъ, и по нынѣ непрекращающіяся, по поводу коихъ были чинимы въ правленіи и по нынѣ непрекращающіяся слѣдствія, съ видимыми неблагонамѣренностями игумена Порфирия, противъ коихъ, какъ значится изъ переданнаго на разсмотрѣніе комиссіи пр. экзархомъ Грузіи донесенія ему объ ономъ семинарскаго правленія съ подробною справкою, начавшееся съ 20-го февраля сего года, три наставника семинаріи подали свои отзывы и, сверхъ сего, семинарія находится близко къ возмутительному состоянію, такъ что и ректоръ оной, архимандритъ Сергій, страдаетъ тягостію бремени, на немъ лежащаго и выводящаго его изъ терпѣнія, чтобы противостоять дѣйствіямъ со стороны игумена Порфирия, не взирая ни на свое смиреніе и покорность къ начальству, и на могущій открыться гнѣвъ его на него. За симъ, для комиссіи предстоять занятія не по одному исполненію порученія, возложеннаго по опредѣленію св. синода, но и по разсмотрѣнію съ нужными, въ случаѣ надобности, преслѣдованіями производимыхъ семинарскимъ правленіемъ слѣдствій, коимъ окончанія тогда только можно ожидать, когда а) не будетъ видимаго покровительства со стороны пр. экзарха игумену Порфирию, донесеніямъ и мнѣніямъ коего онъ, пр. экзархъ, пребываетъ довѣрчивъ; б) когда игуменъ Порфирий будетъ удаленъ отъ должности, занимаемой имъ по нынѣ, учителя семинаріи по церковной исторіи и будетъ выведенъ изъ занимаемой и по

ныи имъ инспекторской при семинаріи квартиры и изъ того прекратится вліяніе его на учениковъ и въ особенности стремящихся ему угодить, изъ коихъ составились двѣ противоположныя партіи; в) когда будетъ жить въ инспекторской квартирѣ исправляющій инспектора должностъ и тѣмъ дастся ему ближайшее средство въ надзорѣ за учениками и по исполненію всѣхъ по сей должностіи обязанностей; г) когда, по подаваемымъ въ семинарское правленіе запискамъ на учениковъ, слѣдствія не правленіе семинаріи, но слѣдственная комиссія во время существованія ея будетъ производить; тѣмъ болѣе сіе нужно, что въ правленіи семинаріи почти некому стало и производить таковыя слѣдствія отъ разныхъ въ оной обстоятельствъ, о чемъ сія послѣдняя хотя и произвела требованіе къ первому, но пр. экзархъ, узнавъ о семъ, сего 10-го іюля ему, Дмитріеву, въ присутствіи конторы объявилъ нежеланіе свое на то». Въ этомъ-же донесеніи Дмитріевъ присовокупилъ, что въ учрежденной комиссіи, исключая его, «другіе два члена туземцы, лица подчиненные пр. экзарху, а можетъ быть и имѣющія своихъ родственниковъ, къ сему дѣлу приковыненныхъ, и, какъ видно, или изъ боязни гнѣва, или изъ желанія угодить, пребываютъ либо въ молчаніи при его сужденіяхъ, или-же съ противопоставляющими желаніями своими къ отклоненію нужныхъ, стротихъ и скорыхъ дѣйствій комиссіи, то неежедневнымъ хожденіемъ въ оную и маловременнымъ присутствіемъ въ ней подъ видомъ разныхъ надобностей и тягости отъ лѣтняго жара, то медленнымъ подпісомъ журналовъ ея, то отзывомъ незнанія хорошо русскаго языка и требованіемъ переводчика, который для протоіерея Алексѣева необходимъ, ибо онъ читать и писать по-русски не знаетъ, да и говорить очень мало, а желаетъ обо всемъ имѣть понятіе, съ требованіемъ даже принятія его мнѣній, не вовсе для него (Дмитріева) понятныхъ. Члена сего легко можно было-бы замѣнить или русскимъ протоіереемъ Сіонскаго каѳедрального собора Кульматицкимъ, умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, или-же другимъ кѣмъ изъ духовенства, хорошо знающимъ русскій языкъ и могущимъ быть добрымъ его сотрудникомъ, ибо старшій членъ, отецъ архимандритъ Іоаннъ, хотя и говорить не вовсе исправно по-русски, но писать можетъ только на грузинскомъ языке¹). Въ другомъ рапортѣ Пратасову Дмитріевъ доносилъ, что «по случаю распространившагося въ Тифлісѣ слуха о прибытіи на кавказскія воды архимандрита Аѳанасія, должностнуюЩаго на обратномъ пути ревизовать семинарію, пр. экзархъ Грузіи, зная строгость дѣйствій сего архимандрита, убѣдилъ

¹) См. вышеприведенное нами дѣло.

ректора семинарии, архимандрита Сергия, по товариществу его съ ректоромъ Аѳанасіемъ, писать къ нему и просить увѣдомленія о времени прибытии его въ Тифлісъ, каковое отъ него хотя и было прислано, но по распоряженію пр. экзарха перехвачено съ почты и отправлено имъ, или игуменомъ Порфириемъ, въ С.-Петербургъ, съ тою, какъ предполагаю я, цѣлью, чтобы архимандритъ Аѳанасій отклоненъ быть отъ исполненія возложенного на него порученія¹). По прошенію Порфирия не только ничего не было сдѣлано въ пользу его, но, напротивъ, какъ-бы нарочно все было сдѣлано наперекоръ ему и согласно желанію Дмитріева: ему вѣтвно было синодомъ выѣхать изъ семинарскаго дома; его удалили отъ учительской должности и положили перевестъ въ другую семинарію, но не прежде, какъ по окончаніи слѣдствія, а до того онъ былъ оставленъ въ Тифлісѣ безъ всякаго содержанія, потому что синодомъ предоставлено было ему на содержаніе пользоваться доходами съ монастыря, будучи игуменомъ номинальнымъ. Самому экзарху сдѣланъ быть отъ синода ясный намекъ на то, что онъ противодѣйствуетъ слѣдствен-ной комиссіи и запрещено было принимать отъ учениковъ прошенія, заключающія къ себѣ отказъ отъ подписи подъ прошеніемъ Тинни-кова²). По желанію Дмитріева, недѣятельный членъ комиссіи протоіерей Алексѣевъ былъ уволенъ и замѣненъ священникомъ Давидомъ Месхіевымъ. Такимъ образомъ, Дмитріевъ совершенно достигъ своей цѣли и могъ свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, производить слѣдствіе. Онъ доно-силъ Пратасову, что «изъ отвѣтовъ учениковъ, спрошенныхъ при слѣдствіи, открывается: 1) что движение, обнаружившееся въ тифліс-ской семинаріи, было слѣдствіемъ потери ими всякаго терпѣнія отъ производимаго Порфириемъ своеvolства въ управлѣніи семинарію, съ упо-требленіемъ многихъ непозволительностей и чтѣ имъ чинилось отъ явнаго и даже мало обыкновенного покровительства ему нынѣшняго преосвя-щенаго экзарха Грузіи, доказательствомъ чего прежде служило невниманіе экзарха ни къ какимъ доходившимъ до него на игумена Порфирия жалобамъ и даже на самые недостатки его, Порфирия, въ преподаваніи имъ въ семинаріи ученія по церковной исторіи, учителемъ чего едва-ли онъ имѣлъ право и быть, какъ неучившійся въ духовной академіи; 2) что Порфирий былъ учениковъ собственными своими руками; 3) на-казывалъ ихъ розгами предъ портретомъ Государя и предъ святыми

¹) Тамъ-же.

²) См. въ томъ же дѣлѣ стр. 22, а также указъ синодскій отъ 23-го сентября 1840 года.

иконами, находящимися въ присутствіи семинарскаго правленія; 4) содержалъ худо учениковъ казенномоштныхъ и больныхъ, потому что семинарская экономія находилась въ рукахъ его, а не эконома. Отъ дурной пищи, а главное отъ горькаго постнаго масла, ученики страдали кровавою рвотою, а нѣкоторые отъ этого, а равно и отъ другихъ небрежностей игумена Порфирия, померли».

Въ заключеніе своего донесенія о послѣдствіяхъ ревизіи, Дмитріевъ писалъ Пратасову: «По причинѣ взводимыхъ на игумена Порфирия преступлений, члены слѣдственной комиссіи хотя и полагаютъ, что онъ, по смыслу правиль св. отецъ, впредь до окончанія дѣла подлежалъ-бы запрещенію (въ священнослуженіи); но какъ въ опредѣленіи св. синода онъ былъ назначенъ только къ устраниенію отъ должности инспектора, то и они не рѣшаются сдѣлать заключенія о учиненіи запрещенія игумену Порфирию въ священодѣйствіи и рукоблагословеніи»¹⁾. Пораженіе

¹⁾ Донесеніе Дмитріева Пратасову почти буквально основано на показаніяхъ учениковъ, допрошенныхъ слѣдственnoю комиссіею. А показанія эти были почти всѣ въ родѣ слѣдующаго показанія ученика Мамацова, имѣвшаго отъ рода 16 лѣтъ: «Написанныя въ прошеніи Тинникова слова: «въ какомъ бѣдственномъ положеніи содержатся казенномоштные воспитанники», означаютъ то, что намъ даются кушанья худыя, притомъ такія, что юноши эти кушанья, часто болѣе отъ этого; говядина иногда бываетъ гнилая, а сыръ полонъ червей; кваса у насъ не бываетъ, а если и бываетъ, то весьма худой; притомъ, также кушанья и хлѣбъ не даются намъ въ соразмѣрномъ количествѣ. Въ столовой, когда сидишь за столомъ, то отъ нечистоты столовъ и стульевъ и отъ того, что эти столы никогда не бываютъ ничѣмъ покрыты, развѣ во время поѣщенія какого-либо знаменитаго человѣка, все пласть у насъ марается. Чашки, кувшины, вилки и ножи никогда не бываютъ чисты, развѣ въ недѣлю два раза помоютъ, а вилки и ножи бываютъ заржавѣлые. Когда недостаетъ намъ чашекъ, ложекъ, вилокъ и ножовъ, то убавлялъ всегда отецъ Порфирий какое-либо кушанье и этими деньгами покупалъ. Но всѣ эти столовые приборы бывали нечисты и въ салѣ замараны, особенно по пятницамъ, четвергамъ и постнымъ днямъ. Отецъ Порфирий, увѣдомившись, что продаются дешево въ городѣ капуста, орѣхи и прочее, надѣваетъ священническую шляпу, пойдетъ вмѣстѣ съ комиссаромъ и покупаетъ оныхъ весьма много, которыя, сгнивши, составляютъ наше продовольствіе и не выбрасываются, пока не сгниется очень. Пловъ намъ дѣлаютъ съ весьма горькимъ постнымъ масломъ, особенно въ великомъ посту, отъ чего именно два ученика умерли, а прочіе заболѣли и кашляли кровью, а однажды по той причинѣ, чтобы не заболѣть когда ученики не юли плова, то комиссаръ Николай Одишилидзевъ, ученикъ философіи, подалъ записку въ правленіе, что ученики не юли плова не потому, что они опасались вреда, но потому, что они сдѣлали между собою заговоръ и взбунтовались, за что и наказали нѣкоторыхъ учениковъ. Въ первые два года отецъ Порфирий давалъ намъ по простымъ днямъ одно кушанье, а по праздничнымъ по два, но послѣ по два по простымъ, а по праздничнымъ по три, а на ужинъ одно всегда, а

Порфирия было совершенное. Съ этого времени со стороны, поддерживавшей Тинникова, посыпались на противную сторону насмѣшки, угрозы и явные оскорблѣнія; ученики стали своевольничать, а наставники и даже ректоръ семинаріи старались угождать имъ и заискрывать ихъ благосклонность. Такъ, Іосселіаніи открыто укорялъ священника Мжедлова за то,

теперь по два. Въ самой больницѣ кушанье и хлѣбъ бывали при немъ такіе-же, какіе у здоровыхъ, и хотя нѣсколько разъ лекарь приказывалъ сдѣлать имъ такія-то кушанья, но Порфирий не велѣлъ давать, развѣ только одинъ супъ. Чай и сахаръ не давались больнымъ, развѣ тѣмъ только, кои находились въ крайней болѣзни, и, притомъ, когда подносили имъ кушанья и хлѣбъ, они должны поставить все это въ свою постель и тамъ есть. Когда ученики заболѣвутъ, то они отсылаются въ больницу съ прежними платьями и тамъ должны свое платье носить всегда на себѣ, такъ какъ нѣтъ больше (?), и когда выздоравливаютъ, выносятъ съ собою замаранное лекарствомъ. Часто больной желая выдти на дворъ, долженъ разодраный сюртукъ надѣть на себя и такъ пойдѣть, отъ чего часто, простудившись, опять заболѣвутъ. Постеля въ больницѣ всегда бываетъ нечиста и воняетъ; простыни и наволочки не было прежде вовсе ни въ больницѣ, ни въ комнатахъ, а только дали намъ во время прибытія г. Гаевскаго. Одинъ разъ отецъ Порфирий выгналъ изъ больницы, неизвѣстно за что, больнаго ученика философіи Іоссора Матулова, которому лекарь давалъ лекарства. Сторожа часто уходятъ куда-нибудь послѣ подлекаря, который уходить въ классъ; остаются одни больные, кои, томясь жаждою, или въ чемъ-либо другомъ нуждаюсь, должны терпѣть вмѣстѣ съ болѣзнию до ихъ пріиществія. Въ іюнѣ мѣсяцѣ отецъ Порфирий не имѣлъ у себя прислужника, взять больничнаго сторожа къ себѣ, и онъ, служа у него, оставилъ ихъ безъ человѣка, и съ ученикомъ богословія Аѳанасіемъ Амиранидзевиѣмъ въ это время сдѣлался обморокъ и долгое время находился въ такомъ положеніи, тогда какъ тутъ не было никого. Въ такомъ положеніи находясь, ученики больные, равно какъ и здоровые, какъ я выше сказаълъ, хотя просили, чтобы перемѣнить кушанья, но онъ, т. е. о. Порфирий, не принималъ ихъ прошенія. Въ доказательство всего этого, что сказаълъ я на счетъ больницы, я самъ находился (вѣроятно, въ больницѣ) и переносилъ все это. Платье намъдается для зимы суконный сюртукъ съ брюками изъ сѣраго сукна и гнилага, на три года, а для лѣта панковой сюртукъ и шаровары, и однажды вмѣсто лѣтнаго сюртука и шароваръ сошилъ намъ халаты изъ полосатаго холста, которыхъ никогда не видѣли на одеждѣ и не могли носить вѣтъ семинаріи, въ городѣ, не услышавъ насмѣшки отъ людей. Жилетку Порфирий сошилъ намъ только одну въ продолженіе четырехъ лѣтъ, а другую предъ экзаменомъ сего 1840 года. Рубашекъ и подштанниковъ прежде давалъ намъ по двѣ пары, а теперь по три. Но когда шить намъ платье, тогда Порфирий, желая оставить денегъ изъ положенной суммы для семинарскихъ воспитанниковъ, говорить портнымъ, которыхъ самъ выбираетъ, эти слова: «Берегись, чтобы материю пошло мало»; и потому намъ шить платье весьма узкое и коротенькое, особенно рубашки и подштанники, которыхъ не бываетъ намъ достаточно до назначенаго срока, равно какъ и сюртуки съ шароварами и брюками. Потому многіе ученики выпрашиваются у о. Порфирия материю для платья и прибавляютъ еще свое, кто въ состояніи, и шить просторное платье себѣ. 1839 г. въ семинаріи появилась повальная болѣзнь и лекарь, видя, что долго

что онъ держить не сторону учениковъ, а сторону инспектора, промѣняль грузинъ на русскаго монаха, и угрожалъ ему жалобою на него оберъ-прокурору св. синода; а по случаю назначенія Каневскаго исправляющимъ должность инспектора семинаріи, бѣгая по базару, съ восторгомъ сообщаю торgovцамъ, что «теперь инспекторомъ Каневскій и что

не прекратится эта болѣзнь, просилъ у о. Порфирия и о. ректора въ залѣ предъ учениками, чтобы уволить, но они не согласились на это и чрезъ нѣсколько дней померъ одинъ (ученикъ), и онъ еще просилъ ихъ, но и тогда не уволили, и потомъ пять учениковъ умерли, а прочіе заболѣли и лежали по комнатамъ, не имѣя никакой помощи отъ сторожей, лежали и находились въ такомъ жалкомъ положеніи, что имъ если понадобится вставать или выходить на дворъ и принести имъ хлѣба, должны были просить учениковъ, а если не было ихъ дома и находились въ классахъ, должны были переносить все это до ихъ прихода, потому что не было у нихъ сторожей. Во всемъ вышеизложенномъ экономъ семинаріи не участвуетъ—онъ занимается только покупками дровъ.

«Что игуменъ Порфирий находится подъ покровительствомъ экзарха Грузіи, то доказывается тѣмъ: въ правленіи духовной семинаріи онъ дѣйствуетъ самовольно и наказываетъ онъ учениковъ, какого-бы класса ни было, безъ изслѣдованія и безъ распоряженія семинарскаго правленія, и часто невинныхъ; весьма строго содржитъ учениковъ и весьма худо, какъ выше я написалъ, и все это дѣлаетъ онъ, какъ ему хочется, и, чтѣ вѣроятно, не безъ извѣстія его высокопреосвященства. Во время поправленія и составленія списковъ для отосланія въ академическое правленіе онъ Павла Королевскаго пишетъ по языку татарскому первымъ, который хотя никогда не ходить въ классъ и не знаетъ азбуки, а въ экзаменическихъ вѣдомостяхъ его никогда не бываетъ и прочихъ своихъ любимцевъ, *къ коимъ онъ расположеннъ соблазнительно для насъ*; въ случаѣ же, если не согласятся члены онаго правленія на то, какъ онъ составляетъ списки, то онъ пойдетъ къ экзарху Грузіи жаловаться и въ одно время въ правленіи, не согласясь подписаться на какой-то бумагѣ, всталъ на срединѣ присутствія и сказалъ членамъ: «Вѣрно всѣмъ подпісаться», гдѣ были и ученики на счетъ слѣдствія Тинникова, на котораго осетинскій учитель внесъ въ правленіе записку. О. Порфирий весьма часто, иногда и цѣлый день, бываетъ у его высокопреосвященства.

«Игуменъ Порфирий билъ собственноручно, какъ я самъ видѣль, учениковъ семинаріи, именно: Гавриила Татіева, Давида Тинникова, Ивана Лашаурова, Герасима Кинкодзева въ канцеляріи правленія и на балконѣ, Іассона Татіева, Виссаріона Хавидзева на улицѣ, Фому Элизбарова въ комнатѣ, Ефрема Хміадова, Димитрія Протопопова, Михаила Бухановскаго, Аѳанасія Виноградова и Михаила Алексѣева...

«Ученики семинаріи по распоряженію игумена Порфирия посредствомъ сторожей, имя и фамилію коихъ, по частой перемѣнѣ ихъ, теперь не помню, были наказываемы розгами предъ портретомъ Государя, слѣдующіе: Алексѣй Двалишвили, Спиридонъ Мтвареловъ, Захарій Копиновъ, Георгій Елосидзевъ, Пихистовъ, Алодовъ. Предъ св. образами, гдѣ совершаются всеночная, были наказываемы слѣдующіе: Иванъ Махаровъ, Иванъ Протопоповъ, Федоръ Іосебадзевъ, Симеонъ Лагуровъ. Я не былъ очевидцемъ сихъ наказываемыхъ, а только отъ самыхъ этихъ-же слышалъ» (см. ч. 1 прибавленій къ дѣлу по жалобѣ Тинникова, стр. 108—112).

вскорѣ смѣнимъ и эконома»¹). Каневскій, ободряя Тинникова и его товарищѣ, однажды обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «Мирные люди! спасибо вамъ! Не бойтесь, господа, выйдемъ какъ-нибудь, лишь были бы здоровы мы, намъ знакомы въ Россіи»²). Тотъ-же Каневскій ученикамъ партіи Тинникова, чрезвычайно обижавшій учениковъ противной имъ стороны, давалъ такие совѣты: «Зачѣмъ вы явно обижаете учениковъ, противныхъ вашей партіи? обижайте ихъ, но только такъ, чтобы начальство не могло замѣтить слѣдовъ вашихъ обидъ, а то, по надлежащему разслѣдованіи оныхъ, вы всегда останетесь виновными и должны терпѣть наказаніе; впрочемъ, не теряйте надежды на насть; наше сердце всегда съ вами»³). Всѣ ученики партіи Тинникова были отмѣчены Каневскимъ въ поведеніи лучше неподписавшихся; Тинниковъ сдѣланъ былъ старшимъ надъ тремя комнатаами. Угодливость ректора Сергея предъ учениками партіи Тинникова дошла до самаго унизительнаго раболѣпства: онъ позволялъ имъ шататься по городу до полуночи, приказывалъ economu семинаріи давать ученикамъ деньги на вино въ каждый воскресный день и самъ отъ себя посыпалъ деньги на вино и фрукты⁴). Ученики, видя такую поблажку себѣ со стороны ректора, инспектора и наставниковъ, конечно, не преминули по-своему выразить свое превосходство надъ противной партіей: они не кланялись прежнему своему инспектору и отворачивались при встрѣчѣ съ нимъ, колотили своихъ непріятелей-учениковъ, забрасывали и портили ихъ вещи, завели у себя свой домашній судъ и расправу, гдѣ Тинниковъ былъ предсѣдателемъ и главнымъ судьею⁵), принималъ прошенія и клалъ на нихъ свои резолюціи⁶). Приводимъ здѣсь описание своеольства возмутившихся учениковъ, сдѣланное врагомъ ихъ—игуменомъ Порфиремъ и официально представленное въ слѣдственную комиссию: «Возмутившіеся ученики, пишетъ онъ, съ надеждою на защитниковъ, предались совершенному своеолію, кричали повсюду, что по ихъ прошеніямъ, безъ всякаго разбирательства, отрѣшать и епархіальное, и семинарское начальства, читали въ классахъ, особенно въ среднемъ отдѣленіи, семинарскій проектъ, извращая оный въ укоризну начальства, скакали безобразно, дѣлая изъ сюртуковъ родъ фраковъ и приговаривая, что съ этого времени

¹) См. приложенія къ этому дѣлу, ч. II, стр. 74—78.

²) Тамъ-же.

³) Тамъ-же.

⁴) Тамъ-же, стр. 71.

⁵) Тамъ-же, стр. 156—157, а также заключеніе слѣдственной комиссіи.

⁶) См. прибавленій къ дѣлу по жалобѣ Тинникова ч. II, стр. 163.

имъ будуть шить фраки; учениковъ, не соглашающихся съ ними, особенно русскихъ, поносили срамными словами и угрожали имъ мщениемъ; невозможно было безъ сокрушения сердца смотрѣть на всѣ своевольства, которымъ предались ученики послѣ подачи прошений высшему начальству, особенно послѣ открытия слѣдственной комиссіи, съ участіемъ въ оной г. Дмитріева. У бунтующихъ учениковъ самый видъ человѣческій отъ дерзости и злобы измѣнился какъ-бы въ звѣрскій: ибо сердце человѣческое, по словамъ Сираха, измѣняетъ лицо его на добро или на зло, смотря по направленію сердца. Всѣ дерзости учениковъ возмутившихъ могутъ открыть ученики, съ терпѣніемъ и сокрушениемъ сердца взыравшіе на дѣйствія защитниковъ возмущенія и на своевольства учениковъ и при всѣхъ нападеніяхъ устоявшіе въ правдѣ и сохранившіе свое сердце непорочнымъ въ сію годину искушенія» ¹⁾.

Самая крайность тѣхъ формъ, въ какихъ выражалось торжество партии, враждебной Порфирию, было вредно для нея и весьма полезно для ея враговъ, которые, конечно, въ это время не дремали, а дѣйствовали усиленно; они не замедлили воспользоваться всѣми ошибками своихъ противниковъ и довести о нихъ, хотя косвеннымъ путемъ, до свѣдѣнія синода, гдѣ у нихъ были покровители и защитники. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что экзархъ во время производства слѣдствія велъ дѣятельную переписку съ нѣкоторыми изъ синодальныхъ и что Дмитріевъ принужденъ былъ жаловаться Пратасову на то, что экзархъ получаетъ изъ Петербурга увѣдомленія, предваряющія его о распоряженіяхъ синода ²⁾). Очень можетъ статься, что обо всѣхъ промахахъ противной партіи экзархъ доносилъ неофициально тѣмъ изъ членовъ синода, которые своимъ вліяніемъ могли дать иное направленіе дѣлу Порфирия. Какъ-бы то ни было, только въ ходѣ дѣла тифлисскихъ семинаристовъ произошелъ поворотъ, но не въ ихъ пользу. Ректоръ Сергій былъ смѣненъ; Дмитріевъ уволенъ и на его мѣсто поступилъ Измайловъ; Дроздовъ выѣхалъ изъ Тифлиса. Первый ударъ партіи Тинникова нанесъ новый ректоръ семинарии Флавіанъ, который въ своемъ донесеніи кіевскому академическому правленію о состояніи тифлисской семинаріи, о нравственности учени-

¹⁾ См. прибавленій ч. II, стр. 156—157.

²⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода секретное дѣло 1840 года, подъ № 44, по рапорту Дмитріева о подозрѣніи его, что экзархъ Грузіи имѣетъ съ кѣмъ-либо изъ синодскихъ переписку и получаетъ увѣдомленія, предваряющія его о распоряженіяхъ св. синода. На дѣлѣ этомъ карандашемъ сдѣлана слѣдующая отмѣтка неизвѣстною рукою: «Рапортъ сей приказано держать въ секретѣ и потому онъ не внесенъ въ общий реестръ».

ковъ сдѣлать отзывъ, не совсѣмъ для нихъ выгодный, именно что «ученики 1) грубы и расположены къ своевольству: въ нихъ замѣчается какая-то азіатская гордость, соединенная съ невѣжествомъ, незнаніемъ приличія и тѣхъ благородныхъ навыковъ, коими отличается благовоспитанное духовное юношество русское; 2) непочтительны къ начальству; выражаются предъ нимъ съ какимъ-то презрѣніемъ и надменностью, отнюдь несвойственною подчиненнымъ. Если входить записками въ правленіе за каждыя ихъ огорчительныя для начальства выраженія, то не достанетъ и бумаги, чтобы писать на нихъ записки; 3) любить въ пустякахъ жаловаться и крайне настойчивы въ томъ, чтобы ихъ непремѣнно удовлетворяли.

«Содержаніе ученикамъ производилось и производится хорошее. Пища всегда бываетъ хорошая и сытная, приготовляемая по русскому обычаю. Но ученики, получивъ привычку при прежнемъ начальствѣ къ излишнимъ требованіямъ, напр., вина за столомъ и разныхъ фруктовъ, выказываютъ и теперь ропотливость» ¹⁾.

За этимъ первымъ ударомъ послѣдовалъ рядъ пораженій партіи Тинникова. Измайловъ, продолжавшій послѣ Дмитріева слѣдствіе, далъ ему совершенно другое направленіе. Настроенный-ли въ Петербургѣ, или руководимый своимъ собственнымъ воззрѣніемъ, Измайловъ смотрѣлъ на обнаружившееся волненіе учениковъ тифлісской семинаріи, какъ на явленіе, произведенное частью начальствующими лицами въ семинаріи, а частью людьми посторонними, которые, по личностямъ къ мѣстному училищному начальству, воспользовавшись неважнымъ происшествіемъ съ ученикомъ Тинниковымъ, постарались образовать въ семинаріи партію недовольныхъ изъ учащихъ и учащихся. Однимъ словомъ, по мнѣнію Измайлова, это было заговоръ противъ Порфирия и экзарха, подготовленный Дроздовымъ и профессорами семинаріи: Іосселіаномъ, Каневскимъ и Соколовымъ, и для осуществленія коего было выдумано происшествіе съ Тинниковымъ, которому они приказали подать Пратасову жалобу на Порфирия, а иѣкоторымъ изъ его товарищѣ подъ ней подпинаться; что-же касается другихъ жалобъ семинаристовъ, въ которыхъ они писали разныя нелѣпныя клеветы на Порфирия, никогда не обращавшагося съ ними жестоко, а только строго, да и то принужденного къ тому слабостью ректора, слишкомъ потакавшаго ученикамъ, то онѣ также были написаны подъ вліяніемъ Дроздова и упомянутыхъ выше трехъ профессоровъ.

¹⁾ См. въ дѣлѣ по жалобѣ Тинникова предложеніе св. синоду Пратасова отъ 26-го августа 1842 года.

При такомъ взглѣдѣ, слѣдствіе ведено было къ тому, чтобы оправдать Порфирия и обвинить Тинникова. Съ этою цѣлью, спрашиваемы были та-кіе ученики, которые не были очевидцами происшествія съ Тинниковымъ и которые, естественно, должны были сказать, что они не видали того, какъ Порфирий билъ Тинникова, вслѣдствіе чего Измайлова заподозрѣлъ и отвергъ самый фактъ избиенія Тинникова Порфириемъ. Напротивъ, пред-намѣренно не были спрошены тѣ ученики, которыхъ подсыпалъ къ Тин-никову Порфирий съ предложеніями помириться; не обращено было также вниманія на то, что ученики спали по двое на одной койкѣ; признаны были недоказательными свидѣтельства и наставниковъ, и учениковъ о покровительствѣ Порфирию экзарха Грузіи. Такимъ образомъ, подъ пе-ромъ Измайлова явилось все это дѣло въ слѣдующемъ видѣ: «Тинниковъ до 18-го февраля 1840 г. не питалъ неудовольствія противъ инспектора Порфирия и питать было не за что; равно и Порфирий не имѣлъ къ нему невыгоднаго предубѣжденія, постоянно выставлялъ его по поведенію от-личнымъ. 18-го февраля Тинниковъ, виноватый, оказалъ Порфирию въ присутствіи учениковъ грубость и дерзость, непростительныя въ ученикѣ предъ инспекторомъ, за что, призванный въ правленіе, въ первый разъ наказанъ, и по суду, лишеніемъ старшинства и заключеніемъ въ карцеръ; послѣ таковыхъ наказаній, вредныхъ для наказаннаго въ по-слѣдствіи, Тинниковъ, лучшій ученикъ, питавшійся надеждами о себѣ, впалъ въ уныніе и сталъ искать средствъ поправить свои обстоятельства. Въ началѣ онъ думалъ оправдать себя или въ правленіи, или предъ экзар-хомъ (это слѣдуетъ изъ того, что Тинниковъ въ тотъ-же вечеръ, послѣ происшествія съ нимъ, пошелъ куда-то изъ комнаты и былъ остановленъ уже на улицѣ своими товарищами, и изъ черноваго его прошенія съ титу-ломъ къ экзарху (!?), чтѣ, вѣроятно и сдѣлалъ-бы, еслибы не случилось втеченія въ его обстоятельства обстоятельствъ другихъ. Случай этотъ слѣдующій: инспекторъ Порфирий имѣлъ непріязненныхъ къ себѣ людей въ и внутри семинаріи: въ семинаріи нѣкоторыхъ учениковъ, коихъ онъ одинъ только и наказывалъ, и нѣкоторыхъ наставниковъ, коимъ не-пріятно было видѣть, что администрація семинарская опиралась преиму-щественно на инспектора, не имѣющемъ, притомъ, степени академической; въ семинаріи, предмѣстника своего, чиновника Дроздова, который по-чemu-то недоброжелательствовалъ Порфирию, и діакона Урусова, человѣка сомнительного поведенія, жившаго у ректора семинаріи, архиман-дриста Сергія. Тинниковъ встрѣтился съ таковыми людьми, которые, внушивъ ему, что ни правленіе, въ коемъ дѣйствуетъ одинъ инспекторъ, ни экзархъ, который инспектору покровительствуетъ, дѣла его не попра-

вять (къ таковой догадкѣ приводить прошеніе наставниковъ и то-же черновое прошеніе Тинникова, исправленное Дроздовымъ (?!), обратили его, неопытнаго, съ жалобою къ г. оберъ-прокурору св. синода, и симъ положено было начало возмущенію учениковъ противъ семинарскаго начальства. Но чтобы осмѣлиться на жалобы къ г. оберъ-прокурору, надобно было происшествію Тинникова съ инспекторомъ придать важность и достовѣрность; для этого вымыщено жестокое избитіе Тинникова инспекторомъ (невѣроятное, кромѣ бездоказательности, и потому, что а) Тинниковъ человѣкъ рослый и мочный, а Порфирий слабый и невидный; б) Каневскій, защищающій Тинникова, объяснился слѣдственной комиссіи, что Тинниковъ 19-го февраля, при спросѣ его въ правленіи, не упоминаль обѣ окровавленіи его инспекторомъ и признаковъ отъ побоевъ никакихъ на немъ замѣтно не было¹⁾ и приговорено къ свидѣтельству много учениковъ, частію точно недовольныхъ Порфириемъ и дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ Тинниковымъ къ составленію партіи противъ него и къ подкрѣплѣнію замысла; таковы преимущественно: Іассонъ Татіевъ, Александръ Мамацовъ, Андрей Цицвіанідзевъ, Иванъ Лашауровъ и Михаилъ Элизбаровъ, бывшій у ректора Сергія келейникомъ, первый подпісавшій жалобу Тинникова и участвовавшій въ составленіи доноса, а большою частію склоненныхъ къ тому недовольными и облазнительными покровительствомъ имъ нѣкоторыхъ наставниковъ, какъ это слѣдуетъ заключить изъ защиты возмущавшихся учениковъ наставниками, изъ собственныхъ показаній нѣкоторыхъ подпісавшихся подъ жалобою и доносомъ, изъ поступка въ слѣдственной комиссіи ученика Іоанна Еліозидзева и изъ обслѣдованія по отказной просьбѣ ученика Гвимрадзева). На жалобу Тинникова долго не было отзыва; Порфирий, между тѣмъ, сталъ строже наблюдать за учениками и о проступкахъ ихъ доводить до свѣдѣнія правленія формально; затѣявшѣ дѣло могли думать, что жалоба оставлена безъ вниманія, какъ поданная помимо мѣстнаго начальства, или потому, что содержаніе ея не очень важно, а съ тѣмъ вмѣстѣ могли опасаться мщенія отъ инспектора, начавшаго дѣйствовать строго и по формѣ. Какъ Тинниковъ рѣшился на жалобу къ г. оберъ-прокурору не столько самъ собою, сколько по внушенію наставниковъ и Дроздова, то, боясь съ соучастниками своими послѣдствій такового поступка, безъ сомнѣнія обращался для совѣтовъ къ нимъ-же, наставни-

¹⁾ Слич. объясненіе ректора Сергія, который сказалъ, что Тинниковъ въ правленіи прямо жаловался на то, что инспекторъ Порфирий *прибилъ его, соняло, до крови* (См. прил. къ дѣлу о Тинниковѣ, ч. II, стр. 54—55).

камъ и Дроздову, а можетъ быть и просилъ участия ихъ не на однихъ словахъ, а и на дѣлѣ. Чтобы дать силу и движение жалобѣ, придумано: а) сдѣлать доносъ отъ учениковъ, хотя, главнымъ образомъ, на инспектора Порфирия, но касающейся вообще управления семинарскаго (чтѣ не есть дѣло однихъ учениковъ, ибо доносъ этотъ по плану и изложению показываетъ сочинителя больше смыщенаго, нежели ученика семинаріи); б) дать жалобѣ Тинникова правильный ходъ подачею отъ него прошений въ семинарское правленіе и исправляющему должность прокурора синодальной конторы; в) подкѣрѣнть эту жалобу частными жалобами другихъ учениковъ: это сдѣлали Татіевъ и Мамацовъ и намѣревался сдѣлать Цицвіанидзевъ, и наконецъ г) защищать жалующихся и доносчиковъ въ правленіи формально, и это приняли на себя Каневскій, Іосселіані и Соколовъ, которые, неизвѣстно по какому случаю, присутствовали при разбирательствѣ поступковъ по майскимъ запискамъ Порфирия и участвовали въ сужденіи о нихъ. Словомъ, придумано вести дѣйствія противъ семинарскаго начальства открыто. Наставники, защищая учениковъ при разбирательствѣ поступковъ ихъ по помянутымъ запискамъ, не могли не согласить членовъ правленія на свое мнѣніе объ уменьшении наказанія виновнымъ, чѣмъ, конечно, были-бы возстановлены порядокъ и спокойствіе въ семинаріи, хотя на это время; но какъ цѣль предприятия наставниковъ была другая, а совсѣмъ не защита учениковъ, то соглашенное мнѣніе они тогда-же подписать отказались безъ причины и этимъ поступкомъ, утвердивъ волненіе въ семинаріи, лишили семинарское начальство силы дѣйствовать на взолновавшихся учениковъ совершенно. Приведя въ такое состояніе семинарію, они, наставники, дерзнули наконецъ и сами послать прошеніе къ г. оберъ-прокурору св. синода, гдѣ, изложивъ дѣйствія семинарскаго правленія и свои, въ защиту учениковъ, сдѣлали доносъ хотя также на инспектора Порфирия, но касающейся уже мѣстнаго архіерея, экзарха Грузіи. Такимъ образомъ, жалоба Тинникова на одного инспектора семинаріи обратилась въ прошении 27 учениковъ въ доносъ на семинарское правленіе вообще, а въ прошении наставниковъ въ доносъ на мѣстнаго архіерея. Вскорѣ затѣмъ наряжено слѣдствіе и игуменъ Порфирий удаленъ отъ должностей при семинаріи; взолновавшіеся ученики отнесли это къ усилу своего дѣла и стали своевольствовать явно, помимо правленія подѣлали себѣ старшими, начали распоряжать бурсачнымъ столомъ, завели между собою какую-то расправу и, какъ извѣстно всѣмъ членамъ комиссіи, много обижали учениковъ не ихъ партии. Наставникъ Каневскій, сдѣланный исправляющимъ должность инспектора, былъ, при болѣзниеніи состояніи

ректора Сергія, одинъ дѣйствующимъ членомъ семинарскаго правленія; но онъ, соучастникъ въ дѣлѣ, поблажалъ своеувольствовавшимъ, ободряя ихъ и дѣломъ, и совѣтами, выставляя въ ежемѣсячныхъ запискахъ отличающимися въ поведеніи и прикрывая своеувольные ихъ поступки (этотъ выводъ утверждается, между прочимъ, и на слѣдующихъ обстоятельствахъ: а) на вопросъ слѣдственной комиссіи, что сдѣлано семинарскимъ правленіемъ по запискѣ исправлявшаго предъ Каневскимъ инспекторскую должность Марсова о своеувольномъ принятіи на себя иѣкоторыми учениками должности старшихъ, правленіе отвѣтствовало, что тогда-же, т. е. 30-го іюня, эти ученики смѣнены, между тѣмъ какъ Тинниковъ продолжалъ быть старшимъ посѣлъ и даже въ началѣ 1841 года; б) на требование о закупкѣ учениками провизіи, правленіе объяснилось отзы-вомъ ректора Сергія, даннымъ имъ въ небытность свою въ Тифлісѣ, гдѣ онъ со временемъ требованія пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, а при-сланнымъ по выѣздѣ, съ дороги; в) ученикъ лассонъ Татіевъ, лишенный при Порфирии полнаго содержанія, бывшій въ маѣ 1840 года предметомъ распри между членами правленія и наставниками, и какъ по сему обстоятельству, такъ и по другимъ много прикосновенный къ настоящему дѣлу, принять въ январѣ сего 1841 года опять на полное содержаніе). Когда-же въ слѣдственной комиссіи стало обнаруживаться, что жалоба Тинникова бездоказательна, что доносъ 27 учениковъ частю несправедливъ, частю преувеличенъ и что цѣль прошенія наставниковъ совсѣмъ иная, а не любовь къ истинѣ и порядку; когда открылось, что въ управ-леніи семинарію при Порфирии были слабости и упущенія, а не было злоупотребленій, какъ то показала ревизія, и что Порфирий, членъ прав-ленія, дѣйствовавшій съ болѣшимъ предъ прочими усилемъ, хотя вмѣ-шивался въ части другихъ членовъ, но не ко вреду семинаріи, и хотя обращался съ учениками самоуправно, но больше строго, нежели же-стоко, или тирански; и когда, между тѣмъ, въ управлѣніе семинарію вступилъ новоопредѣленный ректоръ, съ отбытія ректора Сергія не стало вблизи семинаріи діакона Урусова и чиновника Дроздовъ выѣхаль изъ Тифліса:—тогда комиссія усмотрѣла, что къ водворенію должностнаго по-рядка и спокойствія въ тифлісской семинаріи нужны только мѣры обыкновенныя, т. е. дѣятельность и присутствіе власти ректора, занятіе соб-ственнымъ дѣломъ каждого члена въ правленіи и усердіе къ своей долж-ности, при добромъ примѣрѣ отъ наставниковъ. Каковое усмотрѣніе оправдалось и на самомъ дѣлѣ: ибо съ удаленіемъ отъ семинаріи по-стороннихъ лицъ и по принятіи показанныхъ мѣръ спокойствіе между

учениками и порядокъ въ управлениі семинарскомъ тотчасъ возстановились и понынѣ не нарушаются»¹⁾.

Чтобы довершить пораженіе партии, враждебной Порфирию, Измайловъ представилъ Сергія, Іосселіани и Каневскаго неспособными къ наставнической должности и отозвался самымъ невыгоднымъ образомъ о преподаваніи ими наукъ въ семинаріи. «1) Ученики богословія не только не получили образованія (богословіе преподавалъ Сергій), нужного проповѣдникамъ для обращенія въ христіанство горскихъ здѣсь народовъ, но даже не сообщено имъ понятія ни о Мессіи, ни о должностіи и обязанностяхъ місіонерскихъ; 2) ученикамъ средняго отдѣленія (преподавалъ Іосселіани) читана філософія по произволу наставника, а не по предписанному какому-либо руководству, или разсмотрѣнному предварительно конспекту, и изъ отвѣтовъ учениковъ нельзя было уразумѣть ни начала, ни системы, ни цѣли філософскаго ученія въ здѣшней семинаріи; 3) ученики низшаго отдѣленія (наставникъ Каневскій), слушавши курсъ словесности, очень слабо знаютъ необходимыя для первоначальныхъ школъ правила риторики и поэзіи»²⁾. Когда дѣло Тинникова представлено было экзарху на окончательное заключеніе, то экзархъ, утвердивъ заключеніе слѣдственной комиссіи въ главныхъ его чертахъ, сдѣлалъ отъ себя къ нему прибавленіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ частностей, съ цѣлью еще болѣе усилить вину учениковъ и защитниковъ ихъ и доказать невинность Порфирия, а вмѣстѣ съ тѣмъ выставить Дмитріева, своего врага, главнымъ виновникомъ возмущенія семинаристовъ. «Инспекторъ, писалъ онъ, поступалъ съ учениками строго, но не грубо; пристрастія особеннаго къ кому-нибудь не оказывалъ и власти у членовъ правленія не предвосхищалъ; напротивъ, каждый членъ правленія дѣйствовалъ сообразно семинарскому уставу; экзархъ особеннаго покровительства инспектору не оказывалъ, потому что онъ экзарху ни съ какой стороны не родственникъ. Доносъ на Порфирия есть извѣтъ, составленный профессорами семинаріи: Іосселіани, Каневскимъ, Соколовымъ и чиновникомъ Дроздовымъ; но главнымъ дѣятелемъ въ заговорѣ противъ Порфирия былъ Дмитріевъ, подъ вліяніемъ котораго образовалась и окрѣпла партия изъ наставниковъ и учениковъ. До того времени, пока Дмитріевъ не исправлялъ должности прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы, какъ по епархіи тифлісской, такъ и по семинаріи, все было тихо и спокойно; начальники и наставники семинаріи жили между собою въ соглашеніи, кромѣ Іосселіани, который, будучи природою грузинъ, несмотря на

¹⁾ См. при дѣлѣ по жалобѣ Тинникова заключеніе слѣдственной комиссіи.

²⁾ См. при дѣлѣ Тинникова записку слѣдственной комиссіи, стр. 154—161.

образование его въ духовной академіи, всегда чуждался русскихъ и вельзъ себя двусмысленно въ отношеніи къ начальству. Въ продолженіе пятилѣтней службы инспектора Порфирия при тифлісской семинаріи, ученики никогда не жаловались на него ни семинарскому правленію, ни экзарху; не жаловались также никогда на содержаніе ихъ пищею и одѣждою, чтѣ оказалось справедливымъ и по слѣдствію, а напротивъ, всѣ были довольны и спокойны. Но 18-го февраля 1840 г. (а недавно предъ этимъ временемъ вступила въ управление должности прокурора г. Дмитріевъ) составилась партія изъ учениковъ, подавшая жалобу на инспектора Порфирия къ г. синодальному оберъ-прокурору, котораго и титула не знали ученики, какъ обнаружено и слѣдственною комиссию. Эта партія, во всю бытность г. Дмитріева въ должности прокурора, усиливалась и распространялась болѣе и разстраивала семинарію. Но съ отбытиемъ его, Дмитріева, изъ Тифліса и съ поступленіемъ на мѣсто его прокурора г. Измайлова, семинарія опять успокоилась. Дмитріевъ былъ и есть глава сей партіи, на котораго надѣялись и наставники, и возмутившіеся ученики, въ успѣхѣ своего заговора¹⁾). Въ заключеніе своего мнѣнія по дѣлу Тинникова, экзархъ произнесъ и приговоръ надъ наставниками и учениками, составившими, по его мнѣнію, заговоръ противъ Порфирия. Вотъ этотъ суровый приговоръ, въ которомъ такъ и слышится «*да погибнутъ*» всѣ поднявшіе руку на Порфирия! «Зная общее нерасположеніе грузинъ къ русскимъ, а равно и къ тому порядку, который старается завести русское начальство, отъ чего всякое должно взысканіе за отступленіе отъ порядка кажется для грузинъ стѣсненіемъ; зная также общую съ азіатскимъ народомъ склонность грузинъ къ составленію партій, не исключая даже духовенства и юношества духовнаго; зная особенную легкомысленность еще младенчествующаго въ Грузіи народа, по которой онъ на все готовъ склониться, а если присоединится къ тому подстрекательство и возбужденіе другихъ лицъ, а особенно каковы: Дмитріевъ, Дроздовъ и наставники юношества: то въ неопытныхъ воспитанникахъ вдругъ откроется (какъ и на самомъ дѣлѣ открылось) волненіе и родится такой духъ своеволія и непокорности къ мѣстному начальству, который впослѣдствіи трудно будетъ искоренить, ежели не принять строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ; зная еще и то, что тифлісская семинарія хотя и успокоилась съ отбытиемъ изъ Тифліса ректора Сергія, Дроздова и Дмитріева, но порывы дуриаго направленія въ нѣкоторыхъ воспитанникахъ ся и теперь еще выказываются, а въ тѣхъ ученикахъ, которые

¹⁾ См. при дѣлѣ Тинникова мнѣніе экзарха, стр. 21—22 и 34.

были первыми зачинщиками возмущения въ семинарии, и теперь духъ противленія къ мѣстному училищному начальству остается во всей силѣ, что ясно доказывается: произведеніемъ уже и при нынѣшнемъ ректорѣ Флавіанѣ 14-го апрѣля 1841 года шумомъ въ столовой, показанію 18-го декабря того-же года учениками Тинниковымъ и Михаиломъ Элизбаровымъ необыкновенною дерзостію лично самому ректору Флавіану; зная и то, что такое худое и до 18-го февраля 1840 г. вовсе небывалое направленіе въ воспитанникахъ тифлісской семинарии произошло наипаче отъ того, что они г. Дмитріевымъ были направлены обращаться съ прошеніями къ высшему начальству помимо своего епархіального и семинарского начальства; удаленіе-же инспектора Порфирія отъ семинарии относя къ успѣху своего дѣла, нѣкоторые изъ учениковъ, а особенно изъ бывшихъ зачинщиковъ возмущенія, сдѣлались болѣе своевольными и дерзкими; зная также и то, что остатки дурнаго направленія въ воспитанникахъ семинарии и теперь еще поддерживаются наставникомъ Іосселіаномъ, который, какъ грузинъ, всегда питая ненависть къ русскимъ, и теперь разстраиваетъ учениковъ, заводя партіи между учениками-грузинами и русскими и даже вредная дѣлаетъ подстрекательства въ духовенствѣ,— я полагаю, съ своей стороны, нужнымъ для искорененія такового зла поступить *примѣрно строго* съ тѣми, которые оказались виновными въ возмущеніи тифлісской семинарии, а именно: 1) наставниковъ: Платона Іосселіани и Матвѣя Соколова, какъ вредныхъ для семинарии и которыхъ образъ жизни и поведенія замѣтила и слѣдственная комиссія не совсѣмъ назидательнымъ для учащихся, нынѣ-же вовсе отрѣшить отъ должностей, занимаемыхъ ими при семинарии, безъ аттестатовъ; сверхъ того, для спокойствія семинарии, впредь полагалъ-бы я удалить наставника Іосселіани вовсе изъ Грузіи; иначе-же онъ, хотя и удаленный отъ семинарии, но живя въ Грузіи, по склонности своей къ смутамъ и партизанству, не престанетъ разстраивать учениковъ и подстрекать духовенство; 2) діакона Урусова, какъ порочнаго и котораго, притомъ, и слѣдственная комиссія признала человѣкомъ сомнительного поведенія, снявъ съ него санъ діаконскій, исключить вовсе изъ духовнаго званія и отослать къ гражданскому начальству на его разсмотрѣніе; 3) первыхъ зачинщиковъ возмущенія, учениковъ: Давида Тинникова, Михаила Элизбара, Іасона Татіева, Александра Мамацова, Андрея Цицвіанидзе, Ивана Лашаурова и Мелитона Өоміна, исключить изъ семинарии и отдать въ военную службу; 4) а о наставникѣ Каневскомъ, перемѣщенномъ уже въ псковскую семинарию, о бывшемъ ректорѣ архимандритѣ Сергіѣ, переведенномъ въ тверскую епархію, о чиновникѣ Дроздовѣ, слу-

жащемъ по гражданскому вѣдомству, и о коллежскомъ ассесорѣ Дмитріевѣ, служащемъ при св. синодѣ, не входя, съ моей стороны, ни въ какое сужденіе, предоставлю разсмотрѣнію вышаго начальства. Наконецъ и о бывшемъ инспекторѣ семинаріи, игуменѣ Порфирии, на котораго жалоба Тинникова и доносы другихъ учениковъ и наставниковъ оказались по слѣдствію неосновательными и бездоказательными, котораго, притомъ, преимущественную предъ прочими членами правленія дѣятельность усмотрѣла и слѣдственная комиссія, а обращеніе его съ учениками нашла строгимъ, но не жестокимъ, и который однако за всѣмъ тѣмъ оказался въ иѣкоторыхъ поступкахъ неправымъ и который уже полтора года, бывъ совершенно удаленъ отъ тифлисской семинаріи, состоитъ безъ должности, также не входя ни въ какое сужденіе, предоставлю благоразсмотрѣнію вышаго начальства»¹⁾.

Неотрадная участъ готовилась ученикамъ и наставникамъ, осмѣлившимся возстать противъ Порфирия. Слухи о приговорѣ экзарха достигли до подсудимыхъ. Семинаристы, не видѣвшіе никакого для себя исхода изъ своего положенія, съ мрачнымъ отчаяніемъ ожидали окончанія дѣла. Но не таково было дѣйствіе этого приговора на наставниковъ семинаріи, и особенно на Іосселіани. Въ виду страшной будущности, которая грозила ему изгнаніемъ не только изъ родного города, но и изъ отечества, разлукою съ престарѣлымъ отцомъ, уже стоявшимъ одною погой въ гробу, вѣчнымъ пятномъ для чести какъ его самого, такъ и единственнаго его сына, Іосселіани не могъ равнодушно ждать окончанія своей участіи и рѣшился испытать всѣ находившіяся въ его рукахъ средства для своего спасенія. Единственная надежда въ этомъ случаѣ оставалась на графа Пратасова; Іосселіани обратился къ нему съ просьбою позволить ему пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій по дѣлу, — и получилъ это разрешеніе.

Экзархъ, хорошо знавшій цѣль этой поѣздки, старался всѣми мѣрами отклонить отъ нея Іосселіани: онъ то ласкалъ его, то предлагалъ мировую черезъ посредство его отца, престарѣлого тифлисскаго протоіерея; но все было напрасно — Іосселіани былъ непреклоненъ. «Ну, сказалъ ему отецъ его, по крайней мѣрѣ простишь съ экзархомъ и получи отъ него благословеніе на дорогу». «Не хочу я видѣть, отвѣчалъ Іосселіани, и прощаться съ этимъ злодѣемъ. Но чтобы сдѣлать угодное вамъ, иду къ экзарху, хотя знаю напередъ, что онъ не дастъ мнѣ своего благословенія и я уѣду безъ него». Дѣйствительно, такъ и случилось. «Платонъ, спросилъ Іосселіани

¹⁾ См. при дѣлѣ Тинникова мнѣніе экзарха.

экзархъ, зачѣмъ ты ѿдѣшь въ Петербургъ? жаловаться на меня?» «Да», отвѣчалъ Іосселіані. «Нѣть тебѣ моего благословенія», сказалъ экзархъ. «Я уѣду и безъ него», отвѣчалъ съ грубостью горца Іосселіані и уѣхалъ. Въ Москвѣ Іосселіані былъ у митрополита Филарета и въ разговорѣ съ нимъ рѣзко и безцеремонно выражался обѣ экзархѣ и его дѣйствіяхъ. Мнѣніе митрополита обѣ экзархѣ какъ-бы поколебалось отъ словъ Іосселіані и знаменитый іерархъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Жаль, что преосвященный такъ дѣйствуетъ, а вѣдь предостерегалъ его отъ такихъ поступковъ одинъ изъ нашихъ іерарховъ и писалъ къ нему два письма, отъ которыхъ и камни-бы растаяли» ¹⁾). Еще безцеремоннѣе, еще рѣзче Іосселіані говорилъ обѣ экзархѣ предъ графомъ Пратасовыемъ и совершенно убѣдилъ его въ справедливости своего отзыва обѣ экзархѣ и Порфирии. Нужно замѣтить, что Пратасовъ еще и прежде былъ нерасположенъ къ экзарху и предубѣжденъ противъ Порфирия; но слѣдствіе Измайлова поколебало мнѣніе оберъ-прокурора св. синода и перемѣнило его не въ пользу семинаристовъ и наставниковъ. Пріѣздъ Дмитріева, бывшаго защитника семинаристовъ, въ Петербургъ и личное объясненіе его съ Пратасовыемъ; прибытіе туда-же Іосселіані и раскрытіе ему-же со всею подробностью этого дѣла; наконецъ, отчетъ о ревизіи тифлісской семинаріи, представлѣнныій въ св. синодъ архимандритомъ Аѳанасіемъ, совершенно противорѣчившій донесеніямъ Измайлова и заключенію экзарха — все это расположило Пратасова принять сторону наставниковъ и семинаристовъ. Аѳанасій, вопреки Измайлову, донесъ, что фактъ избіенія Тинникова инспекторомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, равно какъ и жестокое его обращеніе съ учениками, скверное ихъ содержаніе, вмѣшательство инспектора во всѣ части семинарскаго управлѣнія и покровительство ему со стороны экзарха. Тогда какъ слѣдственная комиссія представила наставниковъ Іосселіані, Каневскаго и другихъ дурными преподавателями, Аѳанасій нашелъ ихъ достойными и способнѣйшими. «Професоръ словесности Каневскій, писалъ Аѳанасій, весьма способенъ и отлично дѣятеленъ, почему и заслуживаетъ полную признательность начальства. Уроки словесности, читанные ученикамъ, сами по себѣ очень удовлетворительны, какъ по полнотѣ, такъ и по порядку... Философія преподается по запискамъ, составленнымъ учителемъ изъ грузинъ, кандидатомъ Платономъ Іосселіані, который весьма способенъ и усерденъ и заслуживаетъ полную благодарность начальства. Записки сами по себѣ очень

¹⁾ Этотъ предостерегатель былъ самъ преосвященный Филаретъ.

достаточны и усердіе наставника заслуживает совершенную похвалу»¹⁾. Общий взглядъ на тифлисскую семинарію, сдѣланный Аѳанасіемъ, даетъ о ней выгодное понятіе. «Тифлисская семинарія, писалъ онъ, по недавности ея заведенія, сдѣлала быстрые успѣхи на пути къ совершенству. Введеній только въ 1835 году новый порядокъ вещей въ ней прочно утвердился. Ревизоръ нашелъ въ наставникахъ усердіе къ своему дѣлу, въ ученикахъ вниманіе и любовь къ наставникамъ, преданность вѣрѣ, престолу и отечеству. Нѣкоторые воспитанники такъ свободно владѣютъ русскимъ языкомъ, что наблюдатель, бесѣдую съ ними, забываетъ что онъ среди дѣтей иноязычныхъ. Если есть какие недостатки, то въ заведеніи, столь юномъ, какова тифлисская семинарія, они неизбѣжны... Ученики-грузины кротки и послушны, даже робки и боязливы»²⁾.

Отзывъ Аѳанасія имѣлъ большое значеніе въ глазахъ Пратасова, несмотря на то, что экзархъ употреблялъ всѣ усилия заподозрить его предъ синодомъ. «Не знаю—такъ писалъ экзархъ—что онъ, о. Аѳанасій, донесъ св. синоду по ревизіи тифлисской семинаріи, а только изъ дѣйствій его, о. Аѳанасія, тогда-же мною замѣчено, что онъ во всю бытность свою въ Тифлісѣ, живя въ домѣ архимандрита Сергія и бывъ постоянно окружены наставниками: Іоссеіані, Каневскимъ и Соколовымъ—главными возмутителями спокойствія въ семинаріи,—весьма пристрастно смотрѣлъ на сихъ наставниковъ, а на возникшую отъ нихъ партію въ семинаріи едвали обратилъ онъ какое-либо вниманіе»³⁾. Съ этого времени Пратасовъ уже болѣе не измѣнялъ составленнаго имъ взгляда на дѣло тифлисскихъ семинаристовъ. Какъ-бы на зло экзарху, всѣ лица, враждебныя ему, явились въ Петербургъ, были обласканы и повышены Пратасовымъ. Дмитріевъ уже давно служилъ при синодѣ, Іоссеіані назначенъ сперва чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ, а потомъ помощникомъ прокурора тифлисской синодальной конторы (послѣднее было сдѣлано съ явнымъ намѣреніемъ уколоть экзарха), Аѳанасій былъ опредѣленъ ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, Каневскій получилъ каѳедру баккалавра въ той-же академіи. Общія усилия этихъ лицъ по дѣлу имѣли слѣдствіемъ то, что опредѣленіе синода, состоявшееся по немъ, не заключало въ себѣ той жесткости и суворости, какими было проникнуто мнѣніе экзарха. «Изъ разсмотрѣнія слѣдственнаго дѣла, говорить синодальный указъ, произведенаго особо

¹⁾ См. въ дѣлѣ по жалобѣ Тинникова предложеніе графа Пратасова св. синоду, отъ 24-го августа 1842 г., за № 11058.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ См. при дѣлѣ Тинникова мнѣніе экзарха, стр. 7, на оборотѣ.

наряженою комиссию о беспорядкахъ, оказавшихся по тифлисской семинарии, открывается, что таковые беспорядки произошли отъ своевольства и неповиновенія нѣсколькихъ учениковъ семинарии, отъ принятія нѣкоторыми наставниками и другими лицами на себя защиты тѣхъ учениковъ, отъ того, что бывшій инспекторъ семинарии, игуменъ Порфирий, поступалъ съ учениками жестоко и вообще выходилъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти и, наконецъ, отъ того, что бывшій ректоръ семинарии, архимандритъ Сергій, дѣйствовалъ слабо. Открывшіяся по слѣдствію обстоятельства заключаются въ слѣдующемъ: 1) неодобрительные поступки учениковъ семинарии состояли въ своевольствіи и неповиновеніи ихъ; изъ числа учениковъ болѣе виновными выставляются: Тинниковъ, Татіевъ, Мацовъ, Цицвіанидзевъ, Лашауровъ и Элизбаровъ; 2) преступки и своевольство учениковъ нашли себѣ защиту въ наставникахъ семинарии и бывшемъ инспекторѣ оной, чиновнику Дроздову. Наставники, поддерживавшіе сторону недовольныхъ учениковъ, суть: Каневскій, Іосселіані и Соколовъ; 3) инспекторъ семинарии, игуменъ Порфирий, подалъ поводъ къ беспорядкамъ по семинарии и жалобамъ нижеслѣдующими дѣйствіями: а) самоуправствомъ, ибо онъ, не доводя до свѣдѣнія семинарскаго правленія, наказывалъ учениковъ розгами, какъ въ правленіи, такъ и въ жилыхъ комнатахъ, а иныхъ учениковъ билъ своими руками; б) вмѣшательствомъ въ части ректорскую, экономическую и секретарскую, а также и въ обязанности библіотекаря; в) опущеніемъ собственныхъ его обязанностей, ибо онъ не доносилъ правленію о предосудительныхъ поступкахъ учениковъ до самого происшествія. 4) Безпорядки по семинарии не могли-бы происходить въ такомъ видѣ, еслибы бывшій ректоръ семинарии, архимандритъ Сергій, дѣйствовалъ; по своей обязанности, по своему долгу, съ твердостію и благоразуміемъ; но онъ, напротивъ того, когда открылось слѣдствіе, привлекалъ на свою сторону недовольныхъ инспекторомъ учениковъ средствами унизительными, какъ-то: посыпалъ имъ вино и даже водку. 5) Прикосновенными къ дѣлу выставляются: чиновникъ Дроздовъ и діаконъ Урусовъ: на перваго падаетъ явное подозрѣніе въ томъ, что онъ давалъ совѣты ученикамъ жаловаться на мѣстное начальство высшему начальству и исправлять черновое прошеніе учениковъ собственноручно. 6) Бывшій діаконъ Урусовъ, жившій у ректора, архимандрита Сергія, уличается по дѣлу въ томъ, что онъ виновныхъ учениковъ нерѣдко принималъ къ себѣ, особенно ученика Тинникова, чѣмъ содѣйствовалъ неповиновенію ихъ. 7) Хотя по замѣчаніямъ экзарха Грузіи выставляется прикосновеннымъ къ дѣлу коллежскій асессоръ Дмитріевъ, исправлявшій должность прокурора сино-

далной конторы, но слѣдствіемъ онъ оправданъ. По внимательномъ соображеніи обстоятельствъ дѣла сего съ мнѣніемъ по оному экзарха Грузіи, св. синодъ опредѣляетъ: 1) учениковъ, виновныхъ въ своеольствѣ и неповиновеніи, какъ-то: Тинникова, Татіева, Мамацова, Цицвіанидзева, Лашаурова и Элизбарова, хотя-бы слѣдовало исключить изъ духовнаго вѣдомства, но, принимая во вниманіе, во-первыхъ, что нѣкоторые изъ нихъ считались до возникшаго происшествія лучшими учениками, во-вторыхъ, молодость ихъ и неопытность, и въ-третьихъ, что беспорядки, произведенные ими, произошли болѣе отъ подстрекательствъ наставниковъ, притѣсненій инспектора семинаріи и необращенія должнаго вниманія на положеніе ихъ ректора семинаріи,—полагаетъ, въ предотвращеніе подобныхъ беспорядковъ на будущее время, оставить ихъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, съ предоставлениемъ мѣстному начальству дать имъ со временемъ назначеніе, сообразное поведенію ихъ, предоставивъ имъ, впрочемъ, право перейти въ другую епархію, или-же выйти изъ духовнаго званія, если того сами пожѣлаютъ. 2) Какъ изъ числа прикосновенныхъ къ настоящему дѣлу учениковъ остаются нѣкоторые нынѣ въ тифлісской семинаріи, какъ-то: Алексѣй Коліевъ, Иванъ Бешкеновъ, Симеонъ Харбысадзевъ, Георгій Цицкіевъ, Петръ Машисовъ, Гаврій Татіевъ, Ростамъ Іаевъ, Тимоѳей Багаевъ, Василій Еласидзевъ и Малказъ Лашауровъ; то вмѣнить семинарскому начальству въ обязанность имѣть неослабный надзоръ за поведеніемъ ихъ. 3) О бывшемъ инспекторѣ Дроздовѣ, наставникахъ: Каневскомъ, Іосселіанѣ и Соколовѣ въ сужденіе не входить, такъ какъ они уже выбыли изъ тифлісской семинаріи. 4) Бывшаго діакона Урусова, съ коего, по прошенію его, снять уже діаконскій санъ по опредѣленію св. синода 1842 года, и уволенъ онъ изъ духовнаго званія, оставить безъ дальнѣйшаго преслѣдованія по настоящему дѣлу. 5) Бывшаго инспектора семинаріи, игумена Порфирия, подавшаго поводъ къ беспорядкамъ по семинаріи своимъ неблагоразумнымъ управлѣніемъ, не опредѣлять впредь въ училищную службу, а помѣстить его въ одинъ изъ монастырей астраханской епархіи, съ тѣмъ, чтобы преосвященный епархіальный учредилъ за нимъ особенный надзоръ и обѣ образъ жизни его доносилъ св. синоду ежегодно. 6) Бывшаго ректора семинаріи, архимандрита Сергія, оставить настоятелемъ монастыря до усмотрѣнія, объявивъ ему строгое замѣчаніе за допущеніе во время управлѣнія тифлісской семинаріей вышеозначенныхъ беспорядковъ. 7) Надворнаго совѣтника Дмитріева, исправлявшаго должностъ прокурора, какъ по слѣдствію никакъ не обвиненнаго, оставить свободнымъ отъ сего дѣла. 8) Бывшаго эконома семинаріи, священника

Басхарова, оказавшагося малоспособнымъ къ таковой должности и нынѣ уволенного уже отъ оной, не опредѣлять впредь къ подобнымъ должностямъ. 9) Семинарскому начальству поставить въ непремѣнную обязанность, съ строгимъ подтверждѣніемъ, чтобы оно обратило особенное вниманіе на избрание старшихъ изъ такихъ учениковъ, которые бы своимъ поведеніемъ подавали добрый примѣръ нравственности, а никакъ не допускали-бы инспектору семинаріи распоряжаться самому по себѣ въ наказаніяхъ, безъ донесенія семинарскому правленію своевременно о поступкахъ учениковъ, и приняло-бы дѣйствительныя мѣры къ возвращенію покорности и доброй нравственности въ ученикахъ».

До какой степени снисходительно смотрѣлъ Пратасовъ на движение учениковъ тифлісской семинаріи, всего лучше открывается изъ того, что главные зачинщики этого движения—Тинниковъ, Мелитонъ Ѳоминъ и другіе—приняты были въ духовныя академіи, гдѣ и окончили академіческій курсъ и съ честью теперь служатъ—кто въ духовномъ, кто въ гражданскомъ вѣдомствѣ, между тѣмъ какъ Порфирий помѣщенъ былъ въ число братства Николаевской Чурканской пустыни, находящейся въ астраханской епархіи. Впослѣдствіи и самого экзарха постигло низведеніе. По случаю смерти кишиневскаго архіепископа Димитрія были перемѣщены въ 1844 году нѣкоторые архіереи, въ томъ числѣ и экзархъ. На мѣсто Димитрія назначенъ былъ изъ Вологды Иринархъ, а на его мѣсто изъ Орла Евлампій; на мѣсто Евлампія изъ Астрахани переведенъ Смарагдъ, а на его мѣсто изъ Грузіи Евгеній. Смарагдъ, въ письмѣ своемъ къ Пратасову, не скрылъ досады по случаю низведенія его съ высшей епархіи на низшую, а Евгеній даже прямо укорялъ за это Пратасова¹⁾. «Честь имѣю довѣсть до свѣдѣнія вашего, писалъ онъ Пра-

¹⁾ Чтобы имѣть понятіе о письмахъ архіереевъ къ Пратасову и чтобы видѣть, какъ много было въ нихъ работнія приводимъ здѣсь для образца: 1) письмо Анатолія, назначенного въ это-же время изъ волынскихъ викаріевъ на могилевскую каѳедру: «Сіятельныйшій графъ, милостивыи государь! Сколько разъ ни удостоивалася получать относящіяся къ земной судьбѣ моей ваши писанія, столько разъ получаю новыя доказательства милости и благодѣяній, изливаемыхъ на меня вашимъ сіятельствомъ. Взысканный, избавленный благотворною десницѣю вашею отъ тѣсноты и скорби, вскорѣ милостивымъ представительствомъ вашимъ у всероссійскаго Престола я призванъ въ сонмъ святителей церкви Христовой, возведенъ на екатеринбургскую архіерейскую епархію, со причислѣніемъ къ ордену св. Анны I степени, а теперь возведенъ на могилевскую каѳедру, славную прежними своими святителями. Чѣмъ-же я воздамъ вашему сіятельству за толиکія благодѣянія? Къ прискорбію, земная выраженія благодарности такъ слабы, безъсизненны, что я не нахожу въ нихъ ни одного слова

тасову, что я 22-го числа минувшаго февраля прибылъ въ Астрахань и вступилъ въ управление ввѣренной мнѣ астраханской епархіею. При семъ считаю неизлишнимъ присовокупить, что грузинское духовенство, привыкшее ко мнѣ въ продолженіи 10-лѣтняго моего управлениія грузинскимъ экзархатомъ, *весъма опечалилось переводомъ меня изъ Грузии*. А когда совершалъ я послѣднее служеніе въ тифліскому каѳедральному соборѣ и говорилъ прощальное слово, тогда духовенство и народъ пла-кали и рыдали по мнѣ. А при выѣздѣ моемъ изъ Тифліса грузинское духовенство сопровождало меня за заставу города и тамъ со мною про-стилось со слезами и рыданіемъ. При семъ случаѣ особенно замѣчательно было то, что даже армянское духовенство въ день отѣзда моего изъ Тифліса приходило въ соборѣ проститься со мною и принять отъ меня благо-словеніе. И вообще отъ всѣхъ сословій народовъ Грузіи 10-лѣтнимъ тамъ служеніемъ моимъ пріобрѣлъ я себѣ уваженіе и любовь»¹⁾. Низведеніе Евгения сопровождалось, сверхъ того, слѣдующимъ обстоятельствомъ, кото-рое еще болѣе усиливало это наказаніе и еще болѣе говорило о не-

ко изъявленію благодарныхъ ощущеній, исполняющихъ теперь мое сердце. Посему, утѣшаясь единственно тою мыслью, что въ Богѣ есть конечно воздаянія, достойныя великихъ подвиговъ вашихъ для блага церкви святой и вашихъ благодѣяній, не престану возносить теплѣйшихъ моленій Подателю всѣхъ благъ, да воздастъ вамъ за изливаемыя на меня благотворенія неисчерпаемыми своимъ щедротами» (см. въ дѣлѣ о назначеніи архіереевъ на новыя каѳедры) и 2) письмо Иринарха: «Новый знакъ милости, явленной мнѣ всемилостивѣйшимъ Монархомъ въ назначеніи меня въ начальники кишиневской епархіи, исполняя меня чувствомъ благоговѣнія къ имѣющему въ рукахъ своихъ сердце Царево и уклонившему оное столь милостиво на мое недостоинство, побуждаетъ меня въ то-же время обратиться къ вашему сіятельству, какъ къ главному орудію, по-средствомъ котораго явлена мнѣ сія милость, чтобы принести вамъ искреннѣйшую мою признательность. Будьте увѣрены, что я вполнѣ понимаю, до какой степени обязанъ я вашему ходатайству и содѣйствію настоящимъ моимъ перемѣщеніемъ въ лучшій климатъ, въ которомъ здоровье мое начинаетъ чувствовать великую нужду. Благодѣяніе, кото-рое вы єоказали мнѣ въ семъ случаѣ, будеть самыят пріятѣйшимъ чувствомъ въ моемъ сердцѣ и непрестаннымъ напоминаніемъ обязанности приносить о васъ Господу Богу моленія: да вѣнчаетъ васъ новыми милостями и щедротами! да облекаетъ васъ новою силою и славою свыше ко благу своей церкви!»

«Благоволите, милостивый государь, принять нелестное увѣреніе въ чувствахъ глубокаго почтенія и совершенной преданности, съ каковыми имѣю честь быть вашего сіятельства покорѣйшимъ слугою Иринархъ, епископъ кишиневскій и хотинскій».

¹⁾ См. въ дѣлѣ, находящемся въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, подъ № 66, о назначеніи преосвященныхъ: Смарагда архіепископомъ орловскимъ, Исидора экзархомъ Грузіи, Иринарха епископомъ кишиневскимъ, Анатолія епископомъ могилевскимъ, Евгения архіепископомъ астраханскимъ и Евлампія епископомъ вологодскимъ, письмо Евгения къ Пратасову за № 31, отъ 1-го марта 1845 года.

расположеніи къ экзарху Пратасова: всѣмъ перемѣщеннымъ архіереямъ выданы были, кромѣ прогоновъ, денежныя пособія на подъемъ и путевые издержки; только одному Евгенію отказали въ пособіи, что было для него обидою, тѣмъ чувствительнейшею, что онъ былъ очень скучъ и сребролюбивъ. Онъ не снесъ равнодушно этого и написалъ Пратасову слѣдующее письмо: «Указомъ св. правительствующаго синода отъ 31-го декабря 1844 года, за № 16403, дано мнѣ знать, что г. управляющій министерствомъ финансовъ, по содержанію сообщенныхъ ему опредѣленій св. синода отъ 21-го минувшаго ноября, увѣдомилъ васъ, что по вѣренному ему министерству сдѣлано распоряженіе объ отпускѣ перемѣщаемымъ изъ одной епархіи въ другую архіереямъ, поименованнымъ въ тѣхъ опредѣленіяхъ, назначенныхъ имъ денегъ на подъемъ и путевое содержаніе, сверхъ прогоновъ. Но я, перемѣщенный изъ грузинской въ астраханскую епархію, доселъ не получалъ на подъемъ и путевое содержаніе ни изъ тифлисскаго, ни изъ астраханскаго уѣздныхъ казначействъ. Между тѣмъ, какъ я имѣлъ труднѣйшій перѣездъ чрезъ Кавказскія горы, а не доѣзжая до Астрахани за 140 верстъ оставилъ изломанную свою карету на почтовой станціи, да вообще подъемъ и проѣздъ мой отъ Тифлиса до Астрахани былъ сопряженъ съ значительными издержками. Почему покорнѣйше прошу ваше сіятельство учинить распоряженіе объ отпускѣ, или объ исходатайствованіи мнѣ денегъ на подъемъ и путевое содержаніе, подобно прочимъ архіереямъ, перемѣщеннымъ въ ноябрѣ прошлаго года изъ одной епархіи въ другую»¹⁾.

Евгеній получилъ отказъ въ довольно жесткихъ выраженіяхъ: синодъ, опредѣленіемъ своимъ отъ 20-го—30-го июня 1845 г., заключилъ: «Объявить указомъ астраханскому архіепископу Евгенію на его просьбу объ удовлетвореніи его по случаю перемѣщенія съ экзаршеской каѳедры Грузіи на каѳедру архіепископа астраханскаго, подъемными и путевыми деньгами, подобно другимъ, перемѣщаемымъ съ однѣхъ каѳедръ на другія, архіереямъ, что такія выдачи производятся по особымъ соображеніямъ св. синода, и всегда тѣмъ лицамъ, которыя, по ограниченности личныхъ способовъ содержанія по прежнимъ мѣстамъ служенія ихъ, не могутъ имѣть особыхъ средствъ къ перемѣщенію; онъ-же, архіепископъ, получавшій по каѳедрѣ экзарха и званію пресѣдательствующаго въ грузино-имеретинской конторѣ св. синода однихъ окладовъ 6.200 руб. серебромъ, не могъ быть въ подобномъ тѣмъ затруднительномъ положеніи при своемъ перемѣщеніи, а слѣдовательно и имѣть нужду въ равномъ съ ними пособіи.

¹⁾ Тамъ-же.

Если-же онъ испрашиваетъ онаго въ видѣ награды себѣ, то и она по общему закону, каковъ постановленъ въ 1088 ст. 3 т. Уст. о служ. (изд. 1842 г.), зависить отъ усмотрѣнія начальства, а не отъ собственныхъ каждого просьбъ и ходатайствъ; что по всему этому св. синодъ въ просьбахъ ему отказываетъ¹). Рѣзче и жестче этого отказать было нельзя. Видно, въ лицѣ Пратасова, судьба хотѣла явиться Евгенію правосудною мстительницею; впрочемъ, она-же послала ему и утѣшеніе въ горѣ: онъ получилъ въ управлѣніе ту епархію, въ которую еще прежде его былъ посланъ синодомъ любимецъ его—Порфирий; такимъ образомъ, два друга снова свидѣлись и опять могли жить вмѣстѣ...

V. Ревизія костромскаго епархіального управлѣнія.

Поводъ къ этой ревизіи былъ поданъ преосвященнымъ Виталіемъ, епископомъ костромскимъ. Трудно представить себѣ человѣка съ болѣ непріятными и отталкивающими качествами, какъ Виталій. Толстый, угреватый, неповоротливый, надутый, презрительно обращавшійся съ низшими, изгибавшійся въ дугу передъ высшими, упрямый, недѣятельный, чрезвычайно требовательный въ отношеніи къ другимъ, грубый до цинизма съ подчиненными—таковъ былъ этотъ іерархъ. Изобрѣтательность его грубости нерѣдко удивляла даже людей, привыкшихъ съ малолѣтства къ самому спартанскому съ ними обращенію, какъ, напримѣръ, воспитанниковъ нашихъ духовныхъ академій. Такъ, во времена бытности Виталія ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, студенты ея весьма часто бывали свидѣтелями самыхъ возмутительныхъ съ его стороны поступковъ, изъ числа которыхъ приведемъ здѣсь слѣдующій: при чтеніи лекцій Виталій сидѣлъ, по большей части, обратившись къ студентамъ спиной; когда-же кто-нибудь изъ смѣльчаковъ студентовъ рѣшался въ это время возражать ему противъ его тезисовъ, тогда онъ обыкновенно дѣлалъ полуоборотъ на профессорскихъ креслахъ, и, какъ можно больше набравъ во рту слюны, харкаль въ ту сторону и по тому направленію, гдѣ сидѣлъ дерзкій возражатель. Конечно, подобный способъ рѣшенія возраженій могъ быть небезопасенъ для физиономіи возражателей, но на это ученый о. ректоръ мало обращалъ вниманія. Ректура Виталія въ с.-петербургской духовной академіи совпала съ эпохой вступленія въ должность оберъ-прокурора св. синода графа Пратасова, на котораго неповоротливая и безобразно-толстая фигура

¹) См. въ этомъ-же дѣлѣ указъ отъ 13-го июля 1845 года.

ректора, при первомъ-же его представлениі, произвела очень непріятное впечатлѣніе. Такое безотчетное чувство нерасположенія нашло, впрочемъ, себѣ вскорѣ оправданіе послѣ первого посѣщенія Пратасовыемъ академіи. Безпорядокъ и неряшество, въ ней господствовавшіе, сильно его поразили и такъ какъ главною виною всего этого былъ ректоръ, то Пратасовъ поставилъ ему это на видъ. Съ этого времени ни одно посѣщеніе оберъ-прокуроромъ академіи не обходилось безъ такъ-называемыхъ сценъ. Но чѣмъ прогрессивнѣе и откровеннѣе выражалось неблаговоленіе Пратасова къ Виталію, тѣмъ сильнѣе и открытие росло расположение къ нему московскаго митрополита Филарета. Остряки объясняли послѣднее тѣмъ, что «крайности сходятся» и физическимъ закономъ, по которому «два противоположныя электричества взаимно притягиваются». «Тучная фигура Виталія—говорили они—должна привлекать и притягивать къ себѣ тщедушную, сухую и подвижную фигуру Филарета». Но такое расположение московскаго митрополита къ Виталію гораздо естественнѣе объясняется слѣдующимъ психологическимъ закономъ: «враги моего врага мои друзья; преслѣдуемые моимъ врагомъ имѣютъ право на мое покровительство и защиту, и если хочешь сдѣлать непріятное своему врагу, то люби и покровительствуй тѣхъ, коихъ онъ преслѣдуется». Какъ-бы то ни было, только Виталій, гонимый Пратасовыемъ, сдѣлался любимцемъ Филарета и изъ ректоровъ с.-петербургской духовной академіи былъ назначенъ викаріемъ въ Москву, откуда, по рекомендациіи того-же Филарета, былъ переведенъ въ Кострому самостоятельнымъ епископомъ. Здѣсь виолѣбъ обнаружилась недѣятельность Виталія: отекшій отъ водяной, едва передвигавшій ноги, оттолкнувшись отъ себя грубымъ обращеніемъ и недовѣрчивостью членовъ консисторіи, требовавшій отъ нихъ какого-то непогрѣшительного и безошибочнаго сужденія о дѣлахъ, онъ совсѣмъ запутался въ нихъ и почти остановилъ всякое ихъ движеніе. На бѣду Виталія, секретарь костромской консисторіи, Архаровъ, не отличался ни добросовѣстностью, ни уваженіемъ къ архіерейскому сану. Это была одна изъ тѣхъ личностей, о которыхъ говорятъ, что они «сорвались съ цѣни и бѣжали изъ каторги».

Узнавши, что Виталій мнителенъ и боится дѣлъ, особенно ихъ численности, секретарь нарочно представлялъ ему дѣла огромными связками. Въ Костромѣ Виталій не кутилъ, а между тѣмъ слухи, имѣвшіе о спованіе въ прежней его жизни, приписывали его недѣятельность именно этому пороку; по крайней мѣрѣ, Пратасовъ былъ такого мнѣнія. Вызванный тогда на чреду священнослуженія въ Петербургъ, ректоръ костромской семинаріи Наeanапль своими рассказами о Виталіи еще болѣе утвердилъ Пратасова въ прежнемъ его мнѣніи о немъ. Поэтому, при первомъ

донесеніи секретаря костромской консисторіи, что Виталій изъ дѣль, пред-
ставляемыхъ къ нему отъ консисторіи, сдаєть въ нее только самыя мало-
сложныя, и что онъ не передаетъ въ нее бумагъ, присылаемыхъ къ нему
отъ разныхъ мѣстъ и лицъ черезъ почту и подаваемыхъ ему лично, а
часть клировыхъ вѣдомостей и послужныхъ списковъ, представленныхъ
ему иѣкоторыми благочинными и монастырскими настоятелями въ янвაрѣ
мѣсяцѣ 1843 по 1844 гг., сдали въ консисторію только 15-го января
1844 года ¹), Пратасовъ подумалъ, что все это происходитъ отъ излиш-
ниаго употребленія преосвященнымъ спиртныхъ напитковъ. Подозрѣніе
Пратасова находило какъ будто подтвержденіе въ самыя поступкахъ
Виталія. Когда по новому доносу секретаря костромской консисторіи, что
«изъ числа дѣль, которая по роду своему требуютъ разсмотрѣнія и
утвержденія костромскаго преосвященнаго, не сданы имъ въ консисторію
по 16-е января 1845 года 473 дѣла» ²), сдѣлано было синодомъ второе
подтвержденіе Виталію «обратить на замедленіе хода дѣль по костромскому
епархіальному управлѣнію, столь несомнѣнное съ порядкомъ службы,
особенное свое вниманіе и принять начальственныя мѣры къ устраниенію
сего и, между тѣмъ, въ началѣ сего 1845 года представить св. синоду
перечневую вѣдомость съ означеніемъ, сколько именно дѣль остается въ
нерѣшеніи» ³), то Виталій упорно молчалъ и бездѣйствовалъ. Пратасовъ
не хотѣлъ прямо назначить формальную ревизію, а между тѣмъ ему было
очень желательно имѣть вѣрныя и положительныя свѣдѣнія о состояніи
епархіальныхъ дѣль въ Костромѣ, а главное—о самомъ архіереѣ. Для
этого онъ избралъ другое средство, болѣе дѣйствительное и болѣе идущее
къ цѣли, именно посредствомъ довѣренаго лица, частнымъ образомъ,
безъ всякихъ формальностей, собрать на мѣстѣ и получить всѣ нужныя
свѣдѣнія. Выборъ Пратасова палъ на архимандрита Софонія, который
въ это время былъ переведенъ изъ ректоровъ каменецъ-подольской семи-
наріи въ ректоры ярославской и, слѣдовательно, могъ какъ-бы по дорогѣ

¹) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1844 года подъ № 252, по рапорту секретаря костромской консисторіи о причинѣ медленнаго теченія дѣль по костромскому епархіальному управлѣнію, и въ немъ доносъ секретаря Архарова отъ 12-го сентября 1844 года.

²) Тамъ-же, а также дѣло св. синода объ устраниеніи медленности по костромскому епархіальному управлѣнію и объ увольненіи отъ управлѣнія онаго, за болѣзнь, пр. Виталія и объ опредѣленіи костромскимъ епископомъ викарія с.-петербургской епархіи Іустина.

³) См. синодскую справку въ приведенномъ выше дѣлѣ объ устраниеніи медленности по костромскому епархіальному управлѣнію и проч.

къ мѣсту новаго назначенія заѣхать въ Кострому, хотя, слѣдуетъ замѣтить, Софонія отправлялся въ Ярославль не изъ Каменецъ-Подольска, а изъ Петербурга, гдѣ онъ находился тогда на чредѣ священнослуженія. Софонія отправлялся въ Кострому для исполненія возложеннаго на него порученія съ крайнимъ неудовольствіемъ. Это неудовольствіе, несмотря на всю сдержанность Софоніи, высказывается и въ письмѣ его къ Пратасову. Приведемъ здѣсь въ подлинникеъ это, интересное по многимъ отношеніямъ, письмо. Послѣ вступленія, въ которомъ онъ поздравляетъ Пратасова съ наступающимъ праздникомъ свѣтлого Христова Воскресенія въ которомъ такъ много высказано ему лести и угодливости, Софонія пишетъ слѣдующее: «Порученіе, которое угодно было вашему сиятельству возложить на меня касательно преосвященнаго костромскаго, исполнено мною, сколь было возможно, о чемъ пространнѣе честь имѣю доложить слѣдующее: прибывъ въ Ярославль 4-го апрѣля, на другой-же день я отправился въ Кострому. Тамъ остановился у купца Солодовникова, коего распрашивая о Костромѣ и сущихъ въ ней, непримѣтнымъ образомъ узнать очень много относящагося къ цѣли моей поѣздки. Почтенный старикъ Солодовниковъ извѣстенъ своею честностію, умомъ и преданностію истинѣ и вѣрѣ. Нельзя сомнѣваться въ его сказаніяхъ, тѣмъ паче, что въ тотъ день онъ готовилъ къ исповѣди и потомъ къ св. причастію. Затѣмъ, давъ видъ дѣлу, будто приѣхалъ для поклоненія Пресвятой Богородицѣ Феодоровской, я отправился въ соборъ, гдѣ, слушая литургію, имѣлъ возможность и случай познакомиться съprotoіереемъ и іереями собора, и между прочимъ со старцемъ Грузевымъ. Разсказы ихъ о консисторіи и ея дѣйствіяхъ много дали свѣта тому предмету, о которомъ нужно было мнѣ знать. Изъ собора ѿздили къ преосвященному, у коего пробылъ около пяти часовъ. Послѣ того былъ въ Богоявленскомъ монастырѣ и семинаріи; тамъ видѣлся съ управляющимъ монастыремъ и нѣкоторыми профессорами, съ коими, разговаривая о нихъ самихъ, естественно и непримѣтно я наводилъ рѣчь на епархиальное управлѣніе и вызнавалъ, что было нужно. На обратномъ пути изъ Костромы заѣзжалъ я въ Игрицкій Богородицкій монастырь, гдѣ послѣ литургіи (7-го числа, въ субботу Лазареву) заходилъ къ игумену Порфирию (старецъ при всей толстотѣ своей довольно тонокъ и умень), а потомъ останавливался въ двухъ селеніяхъ, чрезъ кои проѣзжалъ, и въ продолженіе перемѣнъ лошадей имѣлъ случай говорить наединѣ съ двумя священниками. Сумма всѣхъ свѣдѣній, которыя я такимъ образомъ успѣлъ собрать отъ постороннихъ, заключается въ слѣдующемъ: преосвященный Виталій съ первыхъ дней прибытія въ Кострому сталъ слабѣть въ здоровьѣ, которое бо-

лѣ и болѣе разстроивалось по мѣрѣ того, какъ онъ усугублялъ свою дѣятельность и сидячія занятія. Въ нынѣшнюю зиму и особенно въ началѣ проходящаго поста былъ при смерти, но теперь чувствуетъ себя лучше и наканунѣ моего прѣзда служилъ въ своей домовой церкви. По консисторіи дѣла идутъ медленно; особенно это замѣтно для ставленниковъ, по причинѣ рѣдкаго служенія преосвященнаго. Впрочемъ, никто не ставить сего ему въ вину. Рѣшительно никто не предполагаетъ касательно его болѣзни ничего, чтѣ могло-бы наводить какую-либо тѣнь подозрѣнія на его образъ жизни, а напротивъ, всѣ болѣе или менѣе намекаютъ на душевныя непріятности, и причину ихъ полагаютъ въ непріязненнѣ противу преосвященнаго дѣйствованія консисторіи и особенно секретаря. Нельзя не замѣтить, что всѣ до одного, не исключая и самихъ членовъ консисторіи, съ коими говорилъ я, отъ души одобряютъ благоразуміе, особенную добруту души, заботливость и стараніе владыки устроить благо епархіи и весьма соболѣзнуютъ о его разстроеннѣ здоровъ, а о секретарѣ всѣ отзываются съ худой стороны, съ тѣмъ только различіемъ, что иные (его стороны) высказываютъ свои мысли неопределенно, а другіе (большая часть) прямо говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ дурномъ, мздоимномъ и коварномъ интриганѣ.

«О свиданіи съ преосвященнымъ, какъ о существеннѣйшемъ предметѣ моего порученія, имѣю честь дождѣтъ вашему сіятельству особо. Преосвященный дѣйствительно поправляется въ здоровъ, можетъ уже ходить и говорить, хотя то и другое дѣлаетъ очень медленно и тихо. По его словамъ, подтвержденнымъ пользующимъ его медикомъ, онъ страждѣтъ отъ заваловъ въ печени (медикъ увѣряетъ, что можетъ скоро выздоровѣть). Предложеніе, которое я выразилъ ему отъ имени вашего сіятельства касательно временнаго увольненія себя отъ занятій по епархіи, принято было имъ съ глубокимъ и живымъ чувствомъ благодарности къ особѣ вашей за такое благодѣтельное участіе въ его положеніи. За всѣмъ тѣмъ, нельзя было не примѣтить, что его преосвященству хотѣлось-бы продолжать службу не прерывая, еслибы только перемѣнили секретаря и дали благонамѣреннаго ректора; но рѣшительное мнѣніе о семъ онъ хотѣлъ изложить предъ вашимъ сіятельствомъ въ особомъ письмѣ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ нимъ, я увидѣлъ ясно то, о чёмъ говорили другіе намеками. Больѣнь его подлинно произошла отъ напряженной дѣятельности, сопровождаемой постоянными душевными огорченіями. Кроме множества текущихъ дѣлъ, ему на третій день по прѣздѣ представлено было три воза нерѣшеныхъ дѣлъ, изъ коихъ нѣкоторыя восходили своимъ началомъ къ прошедшему столѣтію, между тѣмъ предшественникомъ его,

преосвященнымъ Владимиромъ, предъ самымъ выездомъ изъ Костромы доносимо было св. синоду о цвѣтущемъ состояніи консисторіи, съ присовокупленіемъ ходатайства о награжденіи членовъ ея и особенно секретаря, который выставленъ былъ съ превосходной стороны, тогда какъ о немъ-же за два мѣсяца предъ симъ тотъ-же преосвященный Владимиръ относился къ вашему сіятельству, какъ о человѣкѣ мздоимномъ и неблагонадежномъ. Вотъ первое, чтѣ возмутило духъ преосвященнаго Виталія и поставило его въ положеніе самое затруднительное. Далѣе, настоятельное домогательство секретаря о повтореніи ходатайства предъ св. синодомъ о наградѣ его, оставленное преосвященнымъ Виталіемъ безъ уваженія, вооружило противъ него сначала секретаря, а потомъ, за него и за себя, и всѣхъ членовъ консисторіи, оставшихся также безъ награды. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ произошло странное и для управлѣнія епархіального весьма вредное раздѣленіе между консисторіею и преосвященнымъ. Секретарь пересталъ ходить ко владыкѣ и доселъ присыпаетъ къ нему дѣла съ служителемъ консисторскимъ. Увлеченные имъ члены также вышли изъ повиновенія и, дѣйствуя заодно между собою и съ секретаремъ, составили изъ себя родъ конфедерациі, дѣйствующей независимо отъ преосвященнаго, и какъ-бы съ намѣреніемъ повредить ему во мнѣніи начальства, а можетъ быть съ желаніемъ ускорить его рѣшимость просить увольненія отъ епархіи. Вотъ вторая причина, наиболѣе разстроившая здоровье преосвященнаго и наиболѣе препятствующая успѣшному теченію дѣлъ консисторскихъ. Къ сему должно присовокупить, что изъ членовъ консисторіи *одинъ только понимаетъ ходъ дѣлъ консисторскихъ; за то сей единый сколько смышенъ, столько-же или даже болѣе нерасположенъ ко владыкѣ; прочие, при неменьшей нерасположенности къ преосвященному, суть трости, удобопреклоняющіяся по направленію воли секретаря. Всѣ опредѣленія и рѣшенія составляются подъ его вліяніемъ столоначальниками, которые, пользуясь видимымъ разстройствомъ консисторіи, почти всѣ свои сужденія основываютъ на мздѣ. Явная поблажка секретаря, происходящая изъ желанія привязать ихъ къ себѣ, крайне усилила въ нихъ и во всемъ причтѣ канцелярскомъ своеоліе и лихоимство. Тѣ только дѣла идутъ къ докладу, у коихъ есть двигательные металлическія пружины. Само собой разумѣется, что и рѣшеніе ихъ зависитъ отъ достоинства и количества сихъ пружинъ. Преосвященный показывалъ мнѣ нѣсколько таковыхъ рѣшений. При такомъ порядкѣ, или лучше, безпорядкѣ, ему остается или измѣнить большую часть рѣшений своими резолюціями, или соглашаться на явную несправедливость. Первое требуетъ усиленіаго дѣйствованія и здоровья неразстроеннаго; второе*

богъзниено и невыносимо для совѣсти. Владыка нѣсколько разъ выражалъ, что при немъ, къ крайнему его прискорбію, нѣть рѣшительно человѣка, который-бы сколько-нибудь содѣствовалъ ему въ трудахъ. Все это до-кладываю вашему сіятельству, какъ самое вѣрное соображеніе и непо-средственный результатъ того, что я слышалъ изъ устъ преосвященнаго. При семъ долгомъ считаю присовокупить его отзывъ о секретарѣ, выска-занный прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ и со слезами на глазахъ; вотъ собственные слова его: «Человѣкъ каторжный и отъявлен-ный злодѣй болѣе имѣть совѣсти, нежели этотъ секретарь». Справедливъ-ли, и до какой степени справедливъ этотъ отзывъ, судить ме могу. Но у преосвященнаго есть бумага (я ее видѣлъ) за подпісомъ членовъ конси-сторіи; содержаніе сей бумаги есть показаніе предъ зерцаломъ домоваго письмоводителя владыки о томъ, что якобы секретарь сначала ласкою, а потомъ угрозами склонялъ его къ разнымъ поступкамъ противу преосвя-щеннаго, самымъ коварнымъ и низкимъ. Если это правда, то отзывъ вла-дыки вполнѣ справедливъ. Но я доселѣ не упоминаю о моемъ свиданіи съ секретаремъ: это потому, что я не видѣлся съ нимъ. Какъ это ни странно, но случилось такимъ образомъ: возвратившись отъ владыки, я двукратно приглашалъ его къ себѣ, по первому посланному сказали, что его нѣть дома, а предъ вторымъ онъ отказался, отзываясь позднимъ временемъ (а это былъ 8-й часъ въ началѣ) и обѣщаюсь быть у меня рано утромъ. Угрожаемый явною опасностю скораго разлитія Волги, я вовсе не распо-лагался ночевать въ Костромѣ, однако-же въ надеждѣ обѣщанного сви-данія остался до утра. Но и это было напрасно. Я ждалъ до 8-ми часовъ; г. секретарь не явился; между тѣмъ вода поднималась, Волга чуть держалась, и потому, боясь, чтобы не остаться въ Костромѣ надолго, я рѣ-шился отправиться домой, не видавшись съ нимъ. Опасеніе мое было не напрасно. Волга тронулась въ тотъ-же самый день.

«Заключая мое покорѣйшее донесеніе вашему сіятельству, грѣхомъ считаю утаить, что преосвященный показался мнѣ малодушнымъ, нерѣши-тельнымъ и робкимъ. Есть-ли это случайное въ немъ явленіе, временнай припадокъ, слѣдствіе разстроеннаго здоровья, или всегдашнее свойство— судить не могу, ибо прежде не имѣль чести знать его. Но еслибы ваше сіятельство дозволили мнѣ высказать мое мнѣніе, то я полагалъ-бы, что во всякомъ случаѣ для возстановленія въ консисторіи надлежащаго по-рядка надобенъ иной владыка, съ большою энергию, съ лучшимъ здо-ровьемъ и съ сильнейшею волею: самъ преосвященный, какъ кажется, очень желалъ-бы перемѣститься въ другую епархію, и если онъ будетъ просить ваше сіятельство о перемѣнѣ только секретаря и иѣкоторыхъ чле-

новъ, то это потому лишь, что не надѣется, чтобы воля его о перемѣщении была уважена св. синодомъ»¹).

Но такъ какъ дознаніе, произведенное Софоніею, не было облечено въ офиціальныя формы, можетъ быть даже не было извѣстно и членамъ св. синода, и такъ какъ, основываясь на немъ, нельзя было постановить формальнаго опредѣленія о Виталіи, то по полученіи письма Софоніи къ Пратасову, по его предложенію, было наряжено формальное слѣдствіе надъ Виталіемъ и ревизоромъ былъ назначенъ ярославскій преосвященный Евгений. Въ синодальномъ указѣ говорилось, что «синодъ слушалъ предложеніе г. оберъ-прокурора графа Пратасова о запущеніи дѣлъ по костромскому епархіальному управлению и приказалъ: къ предупрежденію дальнѣйшей медленности и самаго безпорядка въ дѣлахъ костромскаго епархіальнаго управлія, признаетъ необходимымъ поручить преосвященному архіепископу ярославскому Евгению отправиться лично въ Кострому и, по надлежащемъ объясненіи съ преосвященнымъ и консисторію, вникнувъ въ причины, останавливающія своевременное разрѣшеніе поступающихъ къ нему, преосвященному, дѣлъ и бумагъ, донести о томъ св. синоду въ возможной скорости, съ присовокупленіемъ соображеній своихъ къ приведенію всего запущенаго въ должный порядокъ и съ представлениемъ реестра остающимся безъ движенія бумагамъ и дѣламъ»¹). Евгений, всегда дѣйствовавшій въ видахъ охраненія и защищенія іерархическихъ правъ и открыто выражавшій свое нерасположеніе къ преобладанію въ синодѣ свѣтскаго элемента, и теперь усиливается вину Виталія раздѣлить между имъ, консисторію и секретаремъ, и старался доказать, что число нерѣшенныхъ Виталіемъ дѣлъ гораздо менѣе показаннаго въ рапортѣ секретаря, злонамѣрно увеличившаго ихъ количество, и что нерѣшеннія дѣла обязаны своею неподвижностью болѣе консисторіи и секретарю, чѣмъ недѣятельности архіерея. Консисторія своимъ невѣжествомъ, незнаніемъ законовъ и неправильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ, а секретарь безпорядочнымъ ихъ веденіемъ и безвременнымъ внесеніемъ, по мнѣнію Евгения, основанному на словахъ Виталія, останавливали ихъ ходъ. Но управление Виталія

¹) См. въ дѣлѣ (1844 года, № 252), находящемся въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, по рапорту секретаря костромской консисторіи о причинахъ медленнаго теченія дѣлъ по костромскому епархіальному управлію, письмо Софоніи къ Пратасову отъ 14-го апрѣля 1845 года.

¹) См. въ дѣлѣ св. синода обѣ устраниеніи медленности по костромскому епархіальному управлію и обѣ увольненіи отъ управлія оною, за болѣзнь, пр. Виталія, и обѣ опредѣленіи костромскимъ епископомъ викария с.-петербургской епархіи Густина, указъ св. синода отъ 28-го мая 1845 года.

епархією, видно, было до того беспорядочно, что и Евгеній, въ заключеніе своего рапорта св. синоду о результатѣ произведенной имъ ревизії, долженъ быть сознаться, что «несумнителью причиною накопившихся у преосвященнаго дѣлъ почитаетъ онъ непрерывающіяся болѣзни, иногда докодящія до отчаянія, а вѣроятною причиною накопленія, согласно его самого мнѣнію (т. е. Виталія), полагаетъ непорядочное веденіе секретаремъ и рѣшеніе консисторіею дѣлъ, что его (Виталія) непрестанно огорчало по его пастырской ревности и почти на каждой строкѣ останавливало по его внимательности и аккуратности, и что онъ не видѣть надежды и возможности къ ихъ ускоренію, если останется на костромской епархіи Виталій, по его болѣзни и небезосновательной недовѣрчивости»¹⁾.

Изъ словъ самого Евгения видно, что Виталій, по своей болѣзни и физическимъ немощамъ, не былъ способенъ ни къ какой дѣятельности. Присутствіе ревизора и побужденія, дѣлаемыя имъ Виталію, на время какъ будто пробуждали въ немъ энергию, но она опять вскорѣ засыпала, и затѣмъ начиналась снова обычная апатія. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ Евгеній: «9-го июня я письменно отнесся къ преосвященному, съ приложениемъ копіи съ указа св. синода, прося сообщить мнѣ, сколько находится у него дѣлъ и бумагъ, точно-ли столько, сколько значится въ указѣ, и по какой причинѣ не сданы, и приложить оными реестръ, каковыи должны я представить св. синоду по силѣ того указа.

«Я просилъ каждодневно преосвященнаго послѣдить реестромъ; но онъ повторялъ: «Пусть прежде внесетъ консисторія». Чрезъ пять дней консисторія представила мнѣ при докладѣ два реестра. Тотъ и другой реестры того-же числа проводились я къ преосвященному при отношеніи, прося повѣрить оные или сличить съ находящимися у него подлинными дѣлами и возвратить ко мнѣ въ возможной скорости, присовокупя выписку или реестръ тѣмъ, которые-бы, сверхъ чаянія, не оказались у его преосвященства, или не окажется-ли сверхъ тѣхъ реестровъ дѣламъ, кои внесены раньше 30-го марта сего года. А какъ онъ не довѣрялъ консисторскимъ приказнымъ, то я предлагалъ и самого себя въ помощь, и моего письмоводителя съ его письмоводителемъ. Моего содѣйствія преосвященный не принялъ и, несмотря на свою болѣзнь, самъ съ нимъ неутомимо занимался переборкою дѣлъ. Прошло двѣ недѣли въ переборкѣ, и мой письмоводитель увѣрялъ меня, что почти всѣ дѣла отысканы по реестру, но преосвященный не довѣрялъ, считая реестры фальшивыми, ибо нашелъ три дѣла

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ св. синода рапортъ синоду Евгения отъ 20-го июля 1845 года.

вдвойнѣ написанными и два такихъ, кои уже сданы, и одинъ журналъ якобы внесеннымъ къ нему, котораго и не бывало вовсе. А при журналахъ нашель болѣе 200 рапортовъ, кои названы дѣлами, дабы-де увеличить накопленіе дѣлъ, какъ и другіе рапорты при копіяхъ съ докладнаго реестра внесенные, не составляющіе особыхъ дѣлъ, по относящіюся къ прежде внесеннымъ протоколамъ. Сколько ни просилъ я преосвященнаго, чтобы показанныя недоумѣнія изложилъ онъ мнѣ на бумагѣ, а также и поспѣшилъ реестрами имѣющихъ у него дѣлъ и бумагъ, или хотя возвращеніемъ консисторскаго съ повѣркою, но не получалъ ни того, ни другаго. А время длилось.

«Въ слѣдующій день (5-го іюля) просилъ преосвященнаго отношеніемъ, чтобы уведомилъ меня, по крайней мѣрѣ, о получении прежнихъ моихъ отношеній съ приложеніями, а если можно, и о причинѣ неответствованія. Вмѣсто письменнаго отвѣта явился ко мнѣ самъ и просилъ съ глубокимъ чувствомъ потерпѣть, прибавя: «Вы хотите подвергнуть меня суду въ неповиновеніи. Неужели-же, думаете, легко отвѣтствовать, а особливо въ болѣзни помъ моемъ положеніи и тѣла, и духа? Я долженъ быть замолчать и еще ждать» ¹⁾.

Секретарь костромской консисторіи Архаровъ, увидѣвъ изъ образа дѣйствій Евгенія, что онъ имѣеть намѣреніе сдѣлать его и членовъ консисторіи участниками въ винѣ Виталія, въ рапортѣ къ Пратасову протестовалъ противъ дѣйствій ревизора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Требованія Евгенія клонятся не къ той цѣли, чтобы донести св. синоду о дѣйствительной причинѣ запущенія упомянутыхъ дѣлъ и бумагъ и представить надлежащее мнѣніе св. синоду о приведеніи запущенаго въ порядокъ, но чтобы ввести пѣкоторымъ образомъ въ отвѣтственность и консисторію» ²⁾.

Синодъ хотя не отрицалъ, основываясь на ревизіи Евгенія, что запущеніе въ дѣлахъ по костромскому епархіальному управлению отчасти произошло отъ неисправности членовъ консисторіи и ея секретаря, но въ то-же время призналъ, что главнымъ виновникомъ этого запущенія былъ Виталій, который, по выраженію синодскаго указа, «имѣя своимъ назна-

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода объ устраненіи медленности по костромскому епархіальному управлению, и объ увольненіи отъ управлениія оною, за болѣзнь, пр. Виталія и объ опредѣленіи костромскимъ епископомъ викарія с.-петербургской епархіи Густина, рапортъ Евгенія св. синоду отъ 20-го іюль 1845 года.

²⁾ См. въ дѣлѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода по рапорту секретаря Архарова о причинѣ медленнаго теченія дѣлъ по костромскому епархіальному управлению, рапортъ Архарова Пратасову отъ 25-го іюля 1845 года.

ченіемъ управлять епархіею и начальствовать надъ консисторіею, требовалъ отъ консисторіи непогрѣшительного по всѣмъ дѣламъ сужденія и соблюденія всѣхъ формъ, не принимая никакихъ зависѣвшихъ отъ него мѣръ къ надлежащему устройству консисторіи и не представляя св. синоду ни о своихъ затрудненіяхъ, ни о своей болѣзни, которая и есть существенная причина накопленія дѣлъ. Изъ отзывовъ медицинскихъ видно, продолжаетъ синодъ, что болѣзнь преосвященнаго Виталія принимаетъ весьма сильный характеръ, а преосвященный Евгений свидѣтельствуетъ, что преосвященный не можетъ оставаться на настоящемъ мѣстѣ. По симъ обстоятельствамъ св. синодъ полагаетъ: 1) преосвященнаго епископа Виталія уволить отъ управления костромскою епархіею и опредѣлить членомъ московской конторы св. синода; 2) по уваженію къ его достоинствамъ и понесеннымъ имъ учебнымъ и пастырскимъ трудамъ, обеспечить въ средствахъ содержанія и возможности продолжать лечение, слѣдующимъ образомъ: а) опредѣлить ему изъ казны въ пенсію по 850 руб. сер. въ годъ; б) мѣстопребываніе ему назначить въ московскомъ ставропигіальномъ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ предоставить пользоваться лучшимъ помѣщеніемъ съ отопленіемъ, нужною прислугою и экипажемъ на выѣздъ во всякое время; 3) оставить ему полную свободу совершать тамъ по своему усмотрѣнію и распоряженію богослуженіе съ мѣстными монастырскими властями и братію, которыхъ и подчинить ему въ семъ отношеніи; 4) о мѣрахъ къ законному направленію и окончанію накопившихся въ костромской консисторіи дѣлъ имѣть особое сужденіе¹).

Вслѣдствіе этого особаго сужденія предписано было синодомъ преемнику Виталія разсмотрѣть безотлагательно задержанныя послѣднимъ дѣла и дать всѣмъ имъ законный ходъ, донеся о распоряженіяхъ своихъ по сему предмету своевременно св. синоду, а также поручено было ему удостовѣриться близайшимъ образомъ въ томъ, до какой степени справедливы жалобы преосвященнаго Виталія на членовъ и секретаря костромской консисторіи и о первыхъ представить мнѣніе св. синоду, а о послѣднемъ сообщить г. оберъ-прокурору св. синода²).

Іустинъ, вслѣдствіе этого указа, представилъ свой отзывъ о членахъ консисторіи, совершенно противорѣчившій мнѣнію о нихъ, высказанному Виталіемъ, Софоніею и Евгениемъ. «Разсмотрѣвъ, писалъ Іустинъ, всѣ нерѣшеннія дѣла, переданныя мнѣ преосвященнымъ Виталіемъ, я не на-

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ объ устраненіи медленности по костромскому епархіальному управлению и о проч. указъ синода отъ 8-го августа 1845 г.

²) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ синодскій отъ 10-го сентября 1845 г.

шель между ними такихъ, которыхъ прямымъ образомъ указывали-бы на нераченіе и цевинмательность членовъ консисторіи. Хотя съ нѣкоторыми опредѣленіями консисторіи и я не могъ согласиться, найдя ихъ не вполнѣ соотвѣтствующими обстоятельствамъ дѣлъ, но изъ этого нельзѧ еще безошибочно заключать объ отсутствіи должнаго вниманія въ членахъ консисторіи. И при полномъ вниманіи весьма легко не обнять иногда мыслю всѣхъ обстоятельствъ дѣла, особенно многосложнаго и запутаннаго, и чрезъ то дать направленіе оному, не вполнѣ соотвѣтствующее его сущности. Если пр. Виталій находилъ рѣшенія консисторіи неудовлетворительными, онъ обязанъ быть давать по онymъ свои резолюціи, какъ предписывается уставомъ духовныхъ консисторій, а не удерживать у себя. И потому жалоба преосвященнаго Виталія на членовъ консисторіи, по моему мнѣнію, не имѣть достаточнаго основанія. Такого мнѣнія я держусь тѣмъ тверже, что члены консисторіи, при моемъ управлениі епархіею, производятъ и рѣшаютъ дѣла, несмотря на ихъ многочисленность, съ удовлетворительной отчетливостію, которую я остаюсь доволенъ. Донося о семъ св. синоду, обязанностю мою считаю покорнѣйше просить не вмѣнять въ вину членамъ консисторіи жалобы, изъявленной на нихъ покойнымъ¹⁾ преосвященнымъ Виталіемъ, и тѣмъ поддержать ихъ усердіе къ службѣ, которая особенно для нихъ трудна, потому что всѣ они, исключая священника Надеждина, живутъ въ довольно дальнемъ разстояніи отъ консисторіи²⁾.

Отзыва Густина о секретарѣ Архаровѣ въ дѣлахъ синодскихъ нѣть; но, вѣроятно, онъ былъ для него не совсѣмъ благопріятенъ, потому что спустя нѣсколько времени Архарова перевели изъ Бостромы въ Пермь³⁾.

VI. Ревизія псковскаго епархіального управлениія.

Бываютъ люди, которые, при своей безукоризненной частной жизни, при благихъ, повидимому, намѣреніяхъ, при благородныхъ стремленіяхъ.

¹⁾ Виталій умеръ 29-го января 1846 года въ Костромѣ, какъ выражается Пратасовъ въ докладѣ Государю, послѣ тяжкой болѣзни, воспрепятствовавшей ему даже выѣхать оттуда къ новому мѣсту служенія (См. докладъ Пратасова отъ 4-го февраля 1846 года).

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ синоду Густина отъ 28-го марта 1846 года.

³⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1849 года по жалобѣ служившаго писцомъ въ костромской консисторіи Александра Владимирова на оказанныя будто-бы ему секретаремъ консисторіи *Васильевымъ* притѣсненія.

распространяют въ сферѣ, ихъ окружающей, лишь одно зло, съють беспорядки и плодить злоупотребленія; надъ всѣми ихъ дѣйствіями какъ-бы тяготѣть злая судьба, разрушающая всѣ ихъ благія намѣренія и обращающая въ ничто всѣ ихъ добрая дѣйствія. Конечно, если ближе и пристальнѣе всмотрѣться въ характеръ этихъ людей, то нельзя будетъ не замѣтить, что источникъ и причина безуспѣшности и даже положительной вредности ихъ дѣятельности заключаются въ нихъ самихъ, въ ихъ административной неспособности, въ отсутствіи въ нихъ строгихъ и твердыхъ самостоятельныхъ убѣждений, въ ихъ практической близорукости и, наконецъ, въ неумѣніи вѣрно и прямо понимать и цѣнить людей, къ нимъ близкихъ. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и Наѳанайль, архіепископъ исковской. Самый строгій монахъ¹), чуждавшійся не только общества женщинъ, о которыхъ онъ имѣлъ довольно оригинальное понятіе²), но и всякаго, кромѣ общества крестьянъ, съ которыми охотно разговаривалъ, любившій уединеніе и уединенные прогулки, врагъ всякой роскоши и излишества³), довольствовавшійся въ пищѣ любимою трескою⁴), зеленью и овощами, а въ питьѣ водою и рюмкою водки, настоянной трефолью, исполненный цѣломудрія, другъ всѣхъ бѣдныхъ, готовый имѣть отдать послѣднюю копейку, страдавшій частыми головокруженіями отъ солитера, недальновидный, довѣрчивый, слабохарактерный, способный привязываться до ослѣпленія къ лицамъ, какъ постоянно окружавшимъ его, такъ и случайно умѣвшимъ завладѣть его вниманіемъ⁵)— вотъ какимъ былъ архіепископъ Наѳанайль. Такого рода люди обыкновенно подчиняются постороннему вліянію и находятся всегда подъ опекою лицъ, съумѣвшихъ подладиться подъ ихъ характеръ. Такъ и Наѳанайль въ домашней жизни находился въ рукахъ своего келейника Семена, а въ офиціальной—подъ опекою каѳедрального протоіерея Знаменского.

¹) Иночество и дѣйствіе, по понятію Наѳанайла, не могли существовать одно безъ другого.

²) Онъ почиталъ нечистыми всѣхъ женщинъ, какого-бы возраста и званія овѣни были.

³) По смерти Наѳанайла осталось съ полсотни рублей денегъ, небольшая библіотека, золотая медаль въ память возсоединенія униатовъ и пѣсколько паръ платья, до того, впрочемъ, поношенного, что затруднялись опредѣлить его стоимость. Вследствіе всего этого, для покрытия расходовъ по погребенію Наѳанайла былъ сдѣланъ сборъ по подпискѣ доброхотныхъ дателей.

⁴) Наѳанайль родомъ былъ изъ Архангельской губерніи.

⁵) Въ рапортахъ синоду онъ предлагалъ себя, какъ жертву, за своихъ любимцевъ и былъ готовъ брать на себя тѣ взысканія, коимъ подвергались они по синодскимъ опредѣленіямъ.

Знаменский принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, часто встречающихся въ русскомъ духовенствѣ, которые подъ внѣшнимъ благоприли-чіемъ, подъ видимымъ смиреніемъ и кажущимся усердіемъ къ обществен-ному благу, искусно умѣютъ скрывать нравственное безобразіе: не-насыщенную жадность, непомѣрное честолюбіе, неприступную гордость, и вмѣсть съ тѣмъ низость раба, наглость и дерзость временщика, мсти-тельность и жестокость деспота. Этотъ-то человѣкъ до того завладѣлъ На-ѳанапломъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ всемою распоряжался въ псковской епархіи и дѣлалъ въ ней все по своимъ намѣреніямъ и желаніямъ. Лучшія мѣста въ епархіи Знаменскій раздавалъ или своимъ род-ственникамъ, или лицамъ, имъ покровительствуемымъ, а когда вышелъ новый штатъ для псковского духовенства и Наѳанапль поручилъ ему заняться распределеніемъ духовныхъ по мѣстамъ, то онъ лучшія пре-доставилъ своимъ родственникамъ, а часть продалъ съ молотка. Къ сожалѣнію, большая часть людей, получившихъ такимъ образомъ мѣста, не отличалась нравственностью. Никакое преступленіе, ими совершон-ное, ни одинъ явный ихъ порокъ не находили себѣ ни наказанія, ни судебнаго преслѣдованія; даже приносить на нихъ жалобы было опасно, потому что за нихъ стоялъ Знаменскій съ своимъ миценіемъ и преслѣдованіемъ. Другое зло, распространившееся по псковской епар-хіи подъ покровительствомъ Знаменскаго, было святотатство, кото-рое онъ привель, такъ сказать, въ систему и которому придалъ видъ какои-то законности; вся свѣчная операція по епархіи была имъ буквально захвачена въ свои руки. Протоіереи, священники и церковные старосты платили ему иѣкотораго рода оброкъ съ продажи церковныхъ свѣчъ, а за это получали полномочіе и право распоряжаться церковнымъ имуществомъ по своему усмотрѣнію. Злоупотребленій отъ этого безпорядка было множество: книги церковныя писались на-обумъ, священники и старосты расхищали церковныя деньги, сдирали и обращали въ свою пользу жем-чугъ и драгоцѣнныя камни съ окладовъ; старосты продавали съ церков-ными свѣчами свои собственныя, и послѣднихъ всегда въ большемъ ко-личествѣ. Знаменскій, какъ каѳедральный протоіерей, служилъ образцомъ для другихъ, и у себя въ соборѣ, на глазахъ архіерея, сдѣлался церков-нымъ старостою, удаливъ дѣйствительного; для лучшаго-же сбыта цер-ковныхъ свѣчъ, онъ поручилъ это дѣло нѣсколькимъ женщинамъ, которыя, сидя на улицахъ и въ переулкахъ, вели розничную торговлю свѣчами и выручку послѣ каждого дня представляли Знаменскому, отъ котораго по-лучали за это по 10 коп. съ рубля, въ видѣ жалованья.

Псковская консисторія была послушнымъ орудіемъ Знаменскаго: въ

ней вся, отъ ректора семинарі до послѣдняго сторожа, внимали ему безпрекословно. Только однажды консисторія, при всей своей безгласности и робкой покорности Знаменскому, протестовала противъ него (по дѣлу діакона Рудакова) и вошла къ архіерею съ такого рода докладомъ, что «Знаменскій дѣйствуетъ въ консисторіи противно истинѣ, съ патяжкою и обидою противъ пользы нѣкоторыхъ служителей церкви и усвояетъ себѣ, къ обидѣ прочихъ членовъ консисторіи, какую-то власть, по которой будто-бы все члены должны напередъ относиться къ нему съ докладами и испрашивать соизволенія на рѣшеніе дѣла такъ или иначе, и такимъ образомъ наносить оскорблѣніе сослужащимъ съ нимъ»¹). Наѳанаилъ, подъ вліяніемъ первого впечатлѣнія, произведенного на него этимъ протестомъ, какъ будто обнаружилъ чувство негодованія на самовластіе Знаменскаго въ консисторіи и написалъ на протестъ членовъ консисторіи такую резолюцію: «Прискорбно. Прежде этого не было. Надобно, чтобы протоіерей Знаменскій объяснился противу прописанного въ докладѣ четырехъ членовъ консисторіи и объясненіе свое представилъ мнѣ»²). Но дѣйствіе, произведенное оппозицію на Наѳанаила, было непродолжительно. Знаменскій представилъ архіерею изворотливое объясненіе, выполненное негодованіемъ противу нанесенной ему другими членами обиды, и все было забыто: Наѳанаилъ совершенно склонился на сторону Знаменскаго по тому самому дѣлу, по которому протестовали прочие члены консисторіи. Напрасно возвышали свой голосъ нѣкоторые смѣльчаки, угнетенные и придавленные Знаменскимъ; Наѳанаилъ не внималъ имъ, или находилъ ихъ жалобы неосновательными и писалъ на ихъ прошеніяхъ такого рода резолюціи: «Вразумить неосновательнаго просителя»³). Такимъ образомъ, безпорядки и злоупотребленія по псковской епархіи росли и плодились, и она по нравственности духовенства стала на самую низкую степень, сравнительно съ другими епархіями, чemu лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что нерѣдко, вмѣстѣ съ архіереемъ, служили пьяные діаконы. Но синодъ и Пратасовъ, имѣя выгодное миѣніе о Наѳанаилѣ и оказывая особеннѣе къ нему вниманіе, смотрѣли сквозь пальцы на все эти безпорядки и даже вызвали его для присутствованія въ синодѣ, гдѣ его рекомендація составила карьеру для нѣкоторыхъ лицъ. Но вскорѣ борьба, обнаружившаяся между Филаретомъ и Пратасовымъ и кончившаяся уда-

¹) См. въ синодѣ дѣло о безпорядкахъ по псковскому епархіальному управлению, докладъ членовъ псковской консисторіи отъ 19-го мая 1844 года.

²) См. вышеупомянутый докладъ.

³) См. въ приведенномъ дѣлѣ прошеніе діакона Рудакова и резолюцію на немъ Наѳанаила.

леніемъ первого изъ синода и торжествомъ послѣдняго, естественно должна была отдалить отъ Пратасова также и Наeanaiла, благоговѣвшаго предъ московскимъ митрополитомъ и раздѣлявшаго всѣ его взглѣды и убѣжденія. Съ этого времени отношенія между ними начинаютъ мѣняться. Наeanaiлу стали давать чувствовать, что имъ недовольны, и вотъ начинается рядъ оскорблений, повидимому, мелкихъ, но тѣмъ не менѣе чувствительныхъ. Противъ воли Наeanaiла, берутъ отъ него консисторскаго секретаря и назначаютъ новаго. Новый секретарь, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Сербиновичу, который главнымъ образомъ и участвовалъ въ его назначеніи во Псковъ, былъ лицо болѣе полномочное, чѣмъ прежній, а потому и болѣе опасное для архіерея, и, кромѣ секретарской должности, могъ исполнять еще обязанность и прокурора. Наeanaiль понялъ это, вознегодовалъ и сталъ презрительно обращаться съ секретаремъ. Какъ на бѣду Наeanaiла и Знаменскаго, Сварацкій-Сварикъ—такъ назывался новый секретарь—пріѣхалъ во Псковъ въ самый разгаръ злоупотреблений, совершившихся Знаменскимъ, именно въ то время, когда разбиралось духовенство псковской епархіи и происходило распределеніе его на мѣста по вновь утвержденнымъ штатамъ. Мы уже знаемъ, какъ добросовѣстно производилось это дѣло. Съ перваго-же дня начались столкновенія у Сварацкаго съ Наeanaiломъ и Знаменскимъ, но, впрочемъ, не Сварацкій былъ зacinщикомъ, а Наeanaiль, который при первомъ приемѣ секретаря выказалъ ему свое неудовольствіе, а потомъ, подъ предлогомъ, что Сварацкому далекоѣздить къ нему съ докладами и что у него есть человѣкъ опытный по дѣламъ епархіальнымъ, именно протоіерей Знаменскій, приказалъ не принимать секретаря, когда онъ явится къ нему съ бумагами ¹⁾). Отношенія Наeanaiла и Знаменскаго къ Сварацкому отозвались на всѣхъ членахъ консисторіи и на ея канцеляріи. Члены дѣйствовали наперекоръ секретарю, а канцелярія, за немногими исключеніями, подражала членамъ и оттого дѣла въ консисторіи шли медленно. Сварацкій, какъ лицо, стоявшее въ особенныхъ отношеніяхъ къ Сербиновичу, обнаруживалъ въ своихъ дѣйствіяхъ смѣлость, увѣрѣнность и сознаніе своихъ правъ и безстрашно поднялъ брошенную ему перчатку. Замѣтимъ также, что эту официальную, письменную борьбу опять началъ Наeanaiль, а не Сварацкій, который только отражалъ удары, наносимые ему архіереемъ, и, притомъ, весьма ловко и съ большимъ вредомъ для своего противника. Настроенный Знаменскимъ, Наeanaiль 28-го февраля 1845 года,

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода о беспорядкахъ по псковскому епархіальному управлѣнію рапортъ Сварацкаго къ Пратасову отъ 6-го февраля 1845 года, № 14.

помимо Пратасова, отъ котораго, какъ оберь-прокурора св. синода, непосредственно зависѣло опредѣленіе и увольненіе консисторскихъ секретарей, вошелъ рапортомъ прямо въ синодъ объ удаленіи Сварацкаго отъ должности. Въ этомъ рапортѣ, заключающемъ въ себѣ много скрытой горечи и много намековъ, непріятныхъ для Пратасова, Наeanайлъ излагаетъ сначала факты: превышеніе власти секретаремъ, вмѣшательство его въ сужденія членовъ консисторіи, споры его съ ними, задерживаніе исполненія резолюцій, да же обвиняетъ его во взяточничествѣ, о которомъ, будто бы, при трехъ прежде бывшихъ секретаряхъ псковской консисторіи: Черепнинѣ, Верещагинѣ и Маньковскомъ, и слуховъ не было, а въ заключеніе пишетъ: «Умоляю св. синодъ избавить меня отъ секретаря Сварацкаго, толь небрежнаго по должности своей и явно препятствующаго мнѣ благоустроить вѣренную въ управлѣніе мое епархию» ¹⁾). За этимъ рапортомъ послѣдовалъ другой, также обвинявшій Сварацкаго. Воспользовавшись тѣмъ поводомъ, что синодъ потребовалъ объясненія по дѣлу іеромонаха Святогорскаго Троицкаго монастыря Макарія, жаловавшагося синоду на неправильное наложеніе на него епархиальнымъ начальствомъ взысканія за время исправленія имъ казначейской должности въ Пикандровой пустыни, Наeanайлъ написалъ, что медленность по этому дѣлу произошла единственно отъ небрежности и невнимательности секретаря консисторіи, который будто-бы «2½ мѣсяца приготавлялъ одинъ рапортъ, тогда какъ этотъ рапортъ, весь умѣстившійся на 6-ти листахъ, могъ быть заготовленъ въ три дня, и секретарю стоило только распорядиться о перепискѣ опредѣленія, потому что опредѣленія приготавляются членами консисторіи всегда полныя и секретарь помѣщаетъ ихъ въ рапорты безъ всякаго измѣненія» ²⁾). Къ этому Наeanайлъ прибавилъ, что и «всѣ вообще дѣла при поступлѣніи настоящаго секретаря въ консисторію исполняются съ такою-же небрежностью и медленностью; самыя обыкновенныя справки и отношенія заготовляются мѣсяца по два и по три», и что, при всей неутомимости и благонадежности членовъ консисторіи, онъ не можетъ ручаться на будущее время за исправность дѣлъ, если нынѣшній секретарь не будетъ замѣненъ другимъ, болѣе дѣятельнымъ и лучше свое дѣло знающимъ. Сварацкій, вынужденный оправдываться въ введенныхъ на него обвиненіяхъ, раскрылъ передъ Пратасовымъ характеръ и образъ управлѣнія въ псковской епархиѣ и синодъ тогда въ первый разъ услышалъ о

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ Наeanaila въ св. синодъ отъ 28-го февраля 1845 года.

²⁾ См. тамъ-же предложеніе Пратасова синоду, 31-го мая 1845 года.

той порчѣ, которая въ ней развилась. Вотъ чѣдь писалъ Сварацкій въ своихъ объясненіяхъ Пратасову: «1) Читая сдѣланный на меня донось и не сознавая себя ни въ чѣмъ прописанномъ виновнымъ, полагалъ, иѣть-ли здѣсь какой-либо вины со стороны столоначальника, завѣдывающаго дѣломъ о іеромонахѣ Макаріѣ. По сему поручилъ моему помощнику отобрать отъ него подробное объясненіе о ходѣ дѣла, и отчего такъ долго длилось за-готовленіе въ св. синодѣ рапорта. Но изъ прилагаемаго при семъ въ под-линникѣ объясненія столоначальника, титулярнаго совѣтника Мутовозова, повѣреннаго прежде помощникомъ, а потомъ мною съ самимъ дѣломъ, оказалось, что въ движеніи дѣла не было ни малѣйшей медленности ни со стороны моей, ни со стороны столоначальника; проволочка въ писаніи ра-порта зависѣла, какъ и я знаю, отъ случайности, именно отъ стеченія множества занятій и торопливости чрезъ то писца, который долженъ былъ три раза переписывать обширный рапортъ, и за всѣмъ тѣмъ прошло въ этихъ перепискахъ только полторы недѣли, осталъное-же время, т. е. отъ послѣднихъ числь мая до половины іюня, бѣловый рапортъ находился у его высокопреосвященства, или его письмоводителя, неизвѣстно; но до-стовѣрно, что въ тотъ-же день, когда рапортъ, подписанный преосвящен-нымъ, принесенъ письмоводителемъ въ консисторію, записанъ онъ въ исходящую книгу и съ первою почтою отправленъ въ св. синодъ.

«Въ отношеніи (преосвященнаго) сказано, что членами консисторіи опредѣленія приготавляются всегда полныя и секретарь помѣщаетъ ихъ въ рапорты безъ всякаго измѣненія. Не упоминая о важнѣйшихъ резолю-ціяхъ, требующихъ большей внимательности и осторожности членовъ, приведу въ примѣръ самыя простыя изъ нихъ и легкія резолюціи. Свя-щенникъ, нынѣ протоіерей, Милевскій, на прошеніи о выдачѣ метриче-скаго свидѣтельства о рожденіи далъ резолюцію о выдачѣ свидѣтельства о бракѣ. Протоіерей Пятницкій, вмѣсто записи поступившихъ денегъ въ приходъ и храненія ихъ въ кассѣ, сряду и въ одинъ день написалъ резолюціи: «Записать деньги въ приходъ и расходъ и хранить въ казнохранилищѣ». Подобныхъ резолюцій весьма много и у священника, нынѣ протоіеря, Кудрявцева, и у всѣхъ ихъ, по важнѣйшимъ дѣламъ. Сосчитавъ однихъ резолюцій, которыя гг. члены, кромѣ архимандрита Митрофана, всегда осторожнаго и основательнаго, и прот. Знаменскаго, пишущаго мало и, по сорту дѣлъ его стола, резолюціи форменные, по-лагають, спѣша къ другимъ обязанностямъ, виѣ консисторіи, безъ совѣ-щанія со мною о законахъ и не вникая въ обстоятельства дѣлъ и чрезъ то заставляютъ меня назначать ихъ къ передокладу; таковыхъ, по за-мѣчанію моему, передложенныхъ и исправленныхъ резолюцій, среднимъ

числомъ, оказалось изъ 10—6, а это служить доказательствомъ, что резолюціи часто требуютъ измѣненій и смыслъ въ нихъ бываетъ неудобо-понятный и сбивчивый.

«Далѣе пишутъ, что «всѣ вообще дѣла, при поступлениі моемъ въ консисторію, исполняются съ такою-же, какъ рапортъ въ св. синодъ о іеромонахѣ Макаріѣ, небрежностию и медленностью; самыя обыкновенныя справки и отношенія заготовляются мѣсяца подва и по три». Вообще движение дѣлъ въ мое время нисколько не медленіе, но быстрѣе противъ прошедшихъ лѣтъ, ибо при меньшемъ числѣ чиновниковъ канцеляріи консисторіи (прежде было до 22 и болѣе, а нынѣ только 15, исключая помощника секретаря) болѣе дѣятельности, а чрезъ то и успѣха въ рѣшеніи и исполненіи дѣлъ и бумагъ, какъ свидѣтельствуетъ представленный вашему сіятельству отчетъ мой о дѣлахъ за 1844 г., котораго точная копія, за подпись тѣхъ-же членовъ консисторіи, представлена отъ его высокопреосвященства въ св. синодъ. Слѣдовательно несправедливо приписываютъ мнѣ медленность въ дѣлахъ, происходящую якобы отъ небрежности и невнимательности.

«Не могу при семъ случаѣ умолчать, что, при невнимательности къ дѣламъ гг. членовъ (кромѣ оо. архимандритовъ), многіе чиновники канцеляріи консисторіи въ дѣлопроизводствѣ неопытны и нерадивы, а потому первые излишне заставляютъ меня быть осторожнымъ, а послѣдніе требуютъ усиленнаго надзора, чтѣ мною и исполняется, а безъ него я не могъ-бы имѣть большаго противу прежнихъ годовъ успѣха въ дѣлопроизводствѣ.

«Объяснивъ несправедливость сдѣланнаго на меня доноса, я обязанъ изложить причины онаго. Причины слѣдующія: 1) до прибытія моего во Псковъ, его высокопреосвященство, бывъ недоволенъ перемѣщеніемъ секретарей, отзывался, что, вопреки представительства, отняли у него приготовленнаго имъ для себя секретаря Маньковскаго, а на мѣсто его назначили меня, и когда я, по приѣздѣ во Псковъ, первый разъ представлялся ему, онъ принялъ меня холодно, и потомъ, подъ предлогомъ дальней и невыгодной дороги, рекомендовалъ неѣздить къ нему съ докладами по дѣламъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ, какъ новому человѣку, неизвѣстна епархія и ея обстоятельства, а у него есть очень опытный по дѣламъ епархиальнымъ членъ консисторіи, протоіерей Знаменскій, о чёмъ преосвященнѣйшій владыка напоминалъ мнѣ три раза чрезъ нарочито прїѣзжавшаго отъ имени его члена консисторіи, священника, нынѣ протоіерея, Милевскаго.

«2) Предубѣжденный такъ заранѣе обо мнѣ, преосвященный могъ

видѣть меня предъ собою съ дѣлами въ продолженіе всего служенія моего въ псковской консисторіи не болѣе шести разъ, потому что, неся при семъ случаѣ какъ-бы должностъ простаго канцеляриста или сторожа— привозить и вручать бумаги, съ оставленіемъ ихъ до завтрашней присылки съ письмоводителемъ, скоро я наскучилъ самъ себѣ такими поездками, сопряженными съ потерей времени, и рѣшился исполнить непреоборимое желаніе владыки, занялся только службою по консисторіи, въ надеждѣ, что усердіе мое откроетъ мнѣ путь къ архипастырю, но въ надеждѣ ошибся. Протоіерей Знаменскій, принявъ къ себѣ помощникомъ священника, нынѣ протоіерея, Кудрявцева, успѣль вмѣстѣ съ нимъ отдалить архипастыря отъ меня и положить преграду милостивому ко мнѣ вниманію начальника, который по сей, а не иной, причинѣ, представляя въ св. синодъ и герольдю формулярные списки о службѣ моей, отмѣтилъ въ оныхъ, что способности и достоинства мои еще усматриваются. Я просилъ его высокопреосвященство лично объяснить причину такой сомнительной, во всю службу первый разъ встрѣченной мною отмѣтки, но онъ отвѣчалъ: «Худого для васъ здѣсь ничего нѣть; я не порочу васъ, но еще не успѣль усмотрѣть».

«3) Занимаясь службою въ консисторіи по долгу данной мною прислуги, я всегда старался выказать это чувство на самомъ дѣлѣ, судя обо всемъ непріятно, беспристрастно, по крайнему моему разумѣнію и не имѣя ни малѣйшаго помышленія кого-либо этимъ обидѣть. Но вотъ случаи, подавшіе нѣкоторымъ тг. членамъ поводъ къ негодованію на меня: а) при распределеніи, въ началѣ здѣшней службы моей, по новымъ штатамъ духовенства, я просилъ тг. членовъ предварительно дать время канцеляріи составить списокъ всѣмъ духовнымъ лицамъ въ епархіи, съ означеніемъ ихъ званія, лѣтъ отъ роду, семейства, образованія и нравственности, времени служенія, заслугъ и подсудности, дабы общими силами всѣ члены могли справедливѣе посудить, кого оставить или исключить изъ штата и тѣмъ изѣгнуть самимъ и избавить канцелярію отъ многихъ лишнихъ хлопотъ на будущее время. Но они на это не согласились и, раздѣливъ между собою (кромѣ архимандритовъ) по своему выбору уѣзды, распредѣлили духовенство, какъ имъ хотѣлось, и потомъ утвердили всѣ общими своимъ подпісомъ. Правда, дѣло обработано въ мѣсяцъ съ небольшимъ, но вышло то, что недовольныхъ распределеніемъ явилось множество: въ теченіе года поступило болѣе 500 просьбъ, и большая часть просителей распредѣлены вновь по причинамъ, болѣе уважительнымъ, а избранные членами исключены изъ штата. Это неустройство подало поводъ нѣкоторымъ членамъ, въ особенности Знаменскому,

имѣть притязаніе ко мнѣ и къ чиновникамъ канцеляріи въ мніомъ медленности дѣлопроизводства; между-же членами появились диспуты и несогласія во мніяхъ, въ согласованіи коихъ хотя я и принималъ участіе, но Знаменскій и Кудрявцевъ сочли эти дѣйствія мои за грубость, вмѣшательство въ права ихъ и сужденія, въ которыхъ будто-бы по закону не смѣю участвовать, а долженъ слѣпо имѣть повиноваться, исполняя въ точности всѣ ихъ приказанія.

«б) Протоіерей Знаменскій, состоя при каѳедральномъ соборѣ старшимъ протоіереемъ, живя въ соборномъ домѣ и не имѣя въ семействѣ своеемъ, кромѣ жены, никого, нуждающагося въ его пособіи, выпросилъ у преосвященнаго въ февралѣ прошлаго года разрѣшеніе пользоваться жалованьемъ и доходами, слѣдующими на часть третьяго священника великолуцкаго Богоявленскаго собора, всего 130 руб. сер. въ годъ, тогда какъ въ епархіи много есть заштатныхъ священниковъ, достойныхъ того мѣста и крайне нуждающихся въ пропитаніи своего семейства. Посему, при удобномъ случаѣ, я склонялъ его уступить это мѣсто священнику, къ которому самъ онъ изъявлялъ на словахъ состраданіе, но вмѣсто состраданія на дѣлѣ, онъ принялъ мое предложеніе себѣ въ обиду.

«в) Получая отъ свѣтскихъ лицъ замѣчанія, что въ праздничные дни отъ начальства каѳедрального собора дозволяется продавать церковные свѣчи не при соборѣ или дворѣ онаго, а на отдельномъ и отдаленномъ консисторскомъ дворѣ, у воротъ, смежныхъ съ рынкомъ, и что женщины, продающія свѣчи, стоя съ лотками по обѣ стороны воротъ въ длинныхъ рядахъ, кричать на проходящихъ и покупающихъ свѣчи неприлично, выхвалляя каждая свои свѣчи, я счѣлъ нужнымъ посовѣтовать протоіероу Знаменскому, какъ исправляющему старостинскую должность при соборѣ, отмѣнить эту свѣчную продажу, но онъ разгневался на вмѣшательство мое якобы въ его права и нападки на обычай, освященный древностію. Такихъ продавцовъ свѣчъ бываетъ до десятка и болѣе, и каждый изъ нихъ получаетъ награды по 10 коп. съ рубля. Присмотра за ними во время продажи нѣть никакого.

«г) Многіе жаловались мнѣ на обиды, неприличія и шалости отъ праздно пребывающихъ въ Псковѣ пріѣзжихъ штатныхъ и заштатныхъ священно- и церковнослужителей, а смотрѣніе за ними поручено протоіероу Знаменскому; я каждый разъ напоминалъ ему и докладывалъ начальству, что лучше-бы эту власть передать консисторіи, которая, по запискѣ въ книгу явившагося, и зная его нужду, старалась-бы скорѣе его успокоить и наблюсти, чтобы не жила нарочно ни одного часа. Тогда-бы и консисторія, какъ присутственное мѣсто и начальственное, имѣла

болѣе себѣ вѣсу между ея подчиненными. Протоіерей Знаменскій и Кудрявцевъ сочли это предложеніе за обиду, грубое и наглое вмѣшательство въ права другихъ и въ этомъ-же видѣ представили его высокопреосвященству, не требующему отъ меня никакихъ объясненій. Подобныхъ причинъ, бывшихъ поводомъ епархіальному начальству къ негодованію на меня, нельзя описать по множеству, но всеѣ онѣ есть не что иное, какъ чистое, беспристрастное и некорыстное усердіе мое къ Государю и отечеству; но, къ сожалѣнію, это усердіе люди, толкуя превратно, обращаютъ мнѣ во зло» ¹⁾.

Новое объясненіе Сварацкаго по новымъ обвиненіямъ Наѳанаила въ неправильныхъ и замедляющихъ ходъ дѣлъ распоряженіяхъ еще ярче раскрыло безпорядки псковскаго епархіального управлѣнія. Въ этомъ объясненіи Сварацкій, сказавъ, что Знаменскій пользуется неограниченнымъ довѣріемъ архіерея и управляетъ имъ по своему произволу, продолжаетъ такъ: «Послѣ сего удивительно-ли, что секретари, служившіе при такихъ, можно сказать, временщикахъ Знаменскихъ, или соглашаясь на все имъ предложеніе, были читмы и уважаемы, или, подобно мнѣ, должны терпѣть за свою правдивость. Такъ, секретарь, видя превосходство силы, стремящейся къ нарушенію законовъ, изъ видовъ частнаго самосохраненія почиталъ себя въ такомъ страдательномъ состояніи, что долженъ былъ согласиться навсегда замолчать о многихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ по дѣламъ, изъ коихъ, для примѣра, приведу два случая: а) сынъ священника боровской Троицкой церкви Иванъ Петровъ Добряковъ, родившійся, какъ видно изъ метрической книги той церкви, 25-го января 1821 года, впослѣдствіи времени, именно 20-го июля 1839 г., былъ исключенъ изъ низшаго отдѣленія псковскаго духовнаго уѣзднаго училища за великовозрастіе и совершенную безнадежность къ продолженію ученія по весьма слабымъ способностямъ къ наукамъ. 8-го марта 1840 года, по собственной его просьбѣ, онъ опредѣленъ въ псковскій Иоанно-Богословскій Крыпецкій монастырь послушникомъ и показанъ по клировой (вѣдомости) за 1840 годъ 19 лѣтъ отъ роду; но въ таковой-же вѣдомости за слѣдующій 1841 годъ написано, противно дѣлу, несправедливо, что онъ исключенъ изъ училища не въ 1839 году, а въ 1829 (ровно десять лѣтъ прибавлено), опредѣленъ въ монастырь не марта 8-го, а октября, не 1840 года, а 1830, и не 20, а 30 лѣтъ отъ роду. Основываясь на семъ неправильномъ показаніи о Добряковѣ въ клировой вѣдомости, настоятель Крыпец-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ Сварацкаго графу Пратасову отъ 6-го февраля 1845 года.

каго монастыря, игуменъ Веніамінъ (пользуючійся довѣреностію преосвященнаго и всегда при немъ живущій), представилъ въ іюль 1842 года его высокопреосвященству, а преосвященнѣйшій ходатайствовалъ предъ св. синодомъ, и указомъ онаго отъ 10-го августа того-же года, № 12.023, на основаніи духовнаго регламента и Высочайше утвержденныхъ 29-го мая 1832 года правилъ, разрѣшено постричь Добрякова въ монашество. Консисторія предписала о семъ настоятелю Веніамину 28-го числа того-же мѣсяца. Но настоятель за два дня предъ симъ, т. е. 26-го числа, взошелъ къ преосвященному съ представленіемъ, въ которомъ, дозволивъ себѣ подтверждать неправду (называя Добрякова уже монахомъ Іероѳеемъ, находящимся въ его монастырѣ 12 лѣтъ), просилъ, въ воздаяніе оказываемыхъ имъ по монастырю трудовъ и примѣрное поведеніе и въ поощреніе къ тому на будущее время, рукоположить во іеродіакона. Означенный Іероѳей, неизвѣстно когда постриженный въ монашество, произведенъ во іеродіакона 28-го августа (въ день предписанія консисторіи о постриженіи въ монашество), а черезъ день, т. е. 30-го числа того-же мѣсяца произведенъ въ іеромонаха и донынѣ находится въ Крыпецкомъ-же монастырѣ казначеемъ. Такимъ образомъ Добряковъ, въ противность правилъ церкви и законамъ Государя, произведенъ безъ должнаго искуса на 21 году отъ роду въ монашество, въ одинъ и тотъ-же мѣсяцъ пріобрѣлъ высшія иноческія достоинства не по лѣтамъ и за слугамъ своимъ, и этимъ обязанъ могуществу временщиковъ, въ числѣ коихъ бытъ и Знаменскій. б) На отношеніе вашего сіятельства отъ 5-го ноября 1841 года составленъ отзывъ отъ 9-го апрѣля 1842 года, коимъ ваше сіятельство неправильно заспокоены въ томъ, что священникъ Михайловскаго погоста Василій Смирновъ за доказанныи чрезвычайныя притѣсненія крестьянъ супруги сенатора, тайного совѣтника Новосильцова, достойно наказанъ, тогда какъ священникъ сей, по завѣренію многочисленныхъ свидѣтелей, на коихъ онъ самъ ссыпался, и по выраженію утвержденного преосвященнымъ протокола консисторіи, имѣя характеръ немиролюбивый, неприступный, грубый, вспышчивый, горячій, строптивый, склонный къ ссорамъ, неуступчивый, придирчивый и вздорный, при постоянномъ обращеніи въ пьянствѣ, за тѣ чрезвычайные свои поступки, послѣ извѣщенія вашего сіятельства, пробылъ въ каѳедральномъ соборѣ на испытаніи въ причетникахъ только два мѣсяца (если не менѣе, ибо въ дѣлѣ нѣть опредѣленія срока, а ходъ дѣла и время заставляютъ сомнѣваться, не менѣе-ли пробылъ на испытаніи) и, по рекомендациіи только одного Знаменскаго, разрѣшенъ въ священнослуженіи.

«Кромѣ многихъ примѣровъ, извѣстныхъ вашему сіятельству изъ

прежнихъ моихъ рапортовъ и того, что опишу въ настоящемъ донесеніи, поясняя дѣла и дѣйствія мои (sic), которыхъ превратными толкованіями такъ сильно стараются вѣкоторые гг. члены очернить непорочную мою службу, приведу въ доказательство моей ревности къ соблюденію присяги слѣдующіе недавніе случаи: а) указомъ св. синода отъ 10-го минувшаго августа переведены изъ рижскаго викаріатства въ псковскую епархію два рижскіе священника: родной сынъ протоіерея Знаменскаго Иванъ Знаменскій и Юнаковскій. Первый изъ сихъ, бывъ въ лѣтахъ и заслугахъ гораздо млаше противъ Юнаковскаго, по представительству отца, тотчасъ опредѣленъ священникомъ въ каѳедральный соборъ, гдѣ отецъ его протоіереемъ, и другой родственникъ, протоіерей Александръ Лебедевъ, ключаремъ, а Юнаковскій еще долго послѣ того не имѣлъ мѣста. б) Протоіерей Кудрявцевъ неправильно доложилъ преосвященному дѣло объ уплатѣ подрядчику Архипову за исправленіе въ его благочиніи Рижской церкви, вовлекъ архипастыря дать резолюцію противъ условій контракта для усугубленія разоренія жаловавшагося подрядчика. Не желая заводить на бумагѣ переписку и выставлять ошибку форменно, я объяснилъ 28-го июня преосвященному дѣло и, получивъ согласіе къ перемѣнѣ решения, сдѣлалъ на черновомъ докладѣ письменное указаніе для передоклада, но Кудрявцевъ, жестоко обидѣвъ меня въ канцеляріи предъ подчиненными, обидѣлъ меня и въ присутствіи, назвавъ замѣчаніе мое *курячю помаркою*...

«Наprotoіереевъ Знаменскаго и Кудрявцева не одинъ подрядчикъ жаловался на терпимыя отъ сихъ членовъ консисторіи притѣсненія при расплатѣ за произведенныя ими постройки и исправленія церквей и зданій, или при заключеніи на подѣлки контракта, о чѣмъ еще и нынѣ производятся по консисторіи дѣла...

«Знаменскій, съ самаго возвращенія преосвященнаго изъ С.-Петербурга, пользуясь въ высшей степени его расположениемъ и довѣріемъ, всячески старался выискивать себѣ разныя полномочія, относящіяся къ частному и общему вліянію на епархію, и вскорѣ дошелъ до того, что ему стало не нравиться, когда встрѣчаетъ что-либо находящимся вѣнчаной властью Знаменскаго найдена мною консисторія, а болѣе всего въ этомъ отношеніи отвѣчали закономъ данныя ея секретарю права, которыми обычно не секретарь владѣлъ, а вполнѣ владѣлъ Знаменскій. Эту власть свою надъ секретаремъ онъ надѣялся поддержать и при мнѣ, для чего принималъ и мѣры предосторожности. Конечно, опытность въ знаніи правъ секретарскихъ и увѣренность, что чрезъ соблюденіе оныхъ, при защитѣ тѣхъ-же законовъ, могу возстановить упавшій порядокъ въ дѣлопроиз-

водствъ и уроненное значеніе секретаря, обязанного сохранять правду и силу законовъ, хотя помогли миѣ установить порядокъ по консисторіи, дать направление нѣкоторымъ служащимъ въ консисторіи стараться со-хранять миръ и правду; но такъ какъ это послѣ разстройства первый я предпринялъ, то, кромъ многихъ преградъ, подвергся и преслѣдованію отъ властолюбія сильного епархиального временщика, протоіерея Знаменскаго. Онъ съ неразлучнымъ помощникомъ своимъ, прот. Кудрявцевымъ, встрѣ-чая отъ меня препятствія въ исполненіи ихъ незаконныхъ желаній, воз-намѣрился, вопреки законнаго порядка, помимо вѣдома моего, опредѣлить сперва помощникомъ секретаря, или, по крайней мѣрѣ, журналистомъ, самимъ преосвященнымъ признаннаго сомнительнымъ въ нравственности, кончившаго курсъ семинарскаго ученія, нынѣ Лемзальскаго священника, Меньшикова, а потомъ въ сторожа совершенно излишняго и порочнаго человѣка, родственника Знаменскаго, исключеннаго за безуспѣшность и худое поведеніе изъ учебнаго заведенія, аттестованнаго въ монастырѣ сомнительнымъ и удаленнаго за худую нравственность изъ штата Ка-чановской церкви, гдѣ находился на отцовскомъ мѣстѣ, пономаря Якима Барсова, дабы чрезъ нихъ (судя по похвалкамъ ихъ) завести смуты и разстройство законнаго порядка, заведеннаго мною по канцеляріи и съ трудомъ удерживаемаго въ присутствії консисторії; они желали и жела-ютъ, разрушивъ подчиненіе и порядокъ по канцеляріи, всю свою вину заведеннаго ими разстройства въ консисторіи и у преосвященнаго опро-кинуть на меня и, вытѣснивъ съ уніженіемъ, восторжествовать съ боль-шею противъ прежняго силою. За дѣйствительность этого ихъ намѣренія достаточно ручаются: а) внушеніе служащимъ въ канцеляріи не слу-шаться меня; б) завладѣніе правами секретаря докладывать преосвящен-ному дѣла, принимать поступающія отъ него въ консисторію бумаги, исправленіе или, точнѣе сказать, заготовленіе отъ имени его въ св. си-подѣ и вашему сіятельству исходящихъ бумагъ; в) испрошеніе Знамен-скимъ и Кудрявцевымъ у преосвященнаго такихъ резолюцій и предложе-ний, по которымъ-бы, какъ по прямымъ требованіямъ архипастыря, не могло быть въ консисторіи сужденія изъ боязни къ неминуемымъ непрі-ятностямъ противорѣчія, чѣмъ премного стѣсняется свобода прочихъ чле-новъ и секретаря въ сужденіяхъ по дѣламъ.

«При такихъ служебныхъ обстоятельствахъ секретарей здѣшней консисторіи, я въ необходимости долженъ быть поступить въ дѣлѣ Бар-сова о предоставлѣніи ему сторожевой должности такъ, какъ поступилъ, а не иначе, сколько для обезпеченія собственной моей чести, столько и для ускоренія къ сохраненію мира и порядка на службѣ; ибо приближа-

лось то время—яиварь мѣсяцъ,—когда умышляющему на честь мою и служащихъ въ канцеляріи консисторіиprotoіерею Знаменскому, по раз-
счетамъ его умысла, надлежало имѣть въ консисторіи надежнаго для него
человѣка Барсова, который-бы, научая и подстрекая священно- и цер-
ковнослужителей, приносящихъ метрическія и расписныя книги, къ кле-
ветамъ, и самъ-бы клеветаль на меня, будто я, по выражению его въ до-
кладѣ, виновенъ въ притѣсеніяхъ и корыстолюбивыхъ вымогательствахъ.
Неожиданная protoіереемъ Знаменскимъ неудача въ опредѣленій Бар-
сова сторожемъ канцеляріи консисторіи и открытие мною вмѣшательства
его въ канцелярскій порядокъ, съ утайкою принадлежащаго консисторіи
пакета полиціи и самаго арестанта Барсова, родили въ немъ, Знаменскому,
весьма явное для всѣхъ, непримиримое ко мнѣ мщеніе.

«Пономарь Барсовъ, доказанный въ худомъ поведеніи—незначитель-
ное лицо, но Знаменскій сдѣлалъ, что на мѣстномъ судѣ призналъ мало-
виновнымъ и значительнымъ лицомъ по застуленію за него, ради Зна-
менскаго, епархіальнымъ архіереемъ; потому что не только я за него стала
больше гонимъ, но и всѣ тѣ, которые болѣе или менѣе прикосновенны
къ дѣламъ о немъ, терпять такую-же участъ... Вѣрно и известно, что два
эти лица—Знаменскій и Кудрявцевъ—причиною нѣкоторыхъ частныхъ
неустройствъ въ епархіи и появленія лицъ, частію право, а частію не-
право жалующихся правительству на дѣйствія епархіального начальства,
тогда какъ преосвященный готовъ дѣлать добро; но эти любимцы его,
запутанные въ разныхъ дѣлахъ, доказывающихъ ихъ сребролюбіе, мѣ-
шаютъ ему, и онъ сilitся защищать ихъ, по словамъ его, во чтѣ-бы ни
стало» ¹⁾.

Объясненія Сварацкаго имѣли слѣдствіемъ то, что Наѳанаиль изъ
обвинителя сталъ обвиненнымъ. Напрасно писалъ онъ синоду, что у него
всѣ члены консисторіи люди прекрасные и самые благонамѣренные, а
особенно Знаменскій, «на котораго, по словамъ Наѳанаила, никто изъ
подвѣдомственнаго ему духовенства не приносилъ ему жалобы и который
совсѣмъ не такихъ свойствъ, чтобы стать дѣлать кому-либо притѣсенія
и во зло употреблять довѣріе, каковымъ отъ меня, равно впрочемъ съ
другими членами, пользуется» ²⁾; напрасно Наѳанаиль умолялъ св. си-
нодъ удалить изъ псковской консисторіи Сварацкаго, служеніе съ кото-
рымъ становилось, по выражению его, тягостнымъ ³⁾—синодъ мало внималъ

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ Сварацкаго Пратасову отъ 23-го но-
ября 1845 года.

²⁾ См. тамъ-же рапортъ Наѳанаила синоду отъ 21-го іюля 1845 года.

³⁾ Тамъ-же.

и объясненіямъ, и просьбамъ Наѳанаила; напротивъ, во всемъ обвинилъ преосвященнаго, тѣмъ болѣе что онъ устранилъ секретаря, при самомъ поступлениіи его въ должность, отъ исполненія прямыхъ и существенныхъ его обязанностей, и возложилъ это на нѣкоторыхъ членовъ консисторіи и въ особенности наprotoіерея Знаменскаго, вопреки установленному порядку, а отъ того произошли и слѣдующіе беспорядки: «1) по личному настоянію нѣкоторыхъ изъ членовъ консисторіи, замѣщались штатныя мѣста лицами безъ наблюденія правосудія и безъ вниманія къ службѣ и нравственности размѣщаемыхъ; 2) protoіерею Знаменскому предоставлены жалованье и доходы отъ празднаго мѣста при другой, въ иномъ уѣздѣ, церкви, тогда какъ нуждающіеся, напр., діаконъ Рудаковъ, по настоянію сего-же protoіерея, лишиены прежнихъ правъ на жалованье и доходы по службѣ; предоставлено-же пользоваться оними лицамъ, которые въ поведеніи не одобрялись и сей милости не заслуживали, какъ, напр., бывшему при каѳедральномъ соборѣ діакону, опредѣленному на мѣсто Рудакова съ тѣми самыми правами, въ которыхъ сему послѣднему было отказано; 3) допущена при консисторскомъ дворѣ, въ смежности съ рынкомъ, неумѣстная и весьма неприличная продажа церковныхъ свѣчъ въ пользу каѳедрального собора, безъ надлежащаго надзора за продажею и съ платою по 10 коп. съ рубля продающимъ свѣчи; 4) при общемъ несогласіи членовъ консисторіи между собою и съ секретаремъ, нерѣдко замедляется движеніе дѣлъ единственно оттого, что они позволяютъ себѣ дѣлать неприличные для судебнаго мѣста раздоры по полагаемымъ ими по дѣламъ резолюціямъ; такъ, напр., protoіерей Знаменскій по дѣлу Рудакова позволилъ себѣ обидныя для прочихъ членовъ дѣйствія, свидѣтельствующія о его самонадѣянности, безъ особыхъ на то правъ со стороны закона и съ одною увѣренностью въ защитѣ преосвященнаго, именемъ котораго онъ и другой protoіерей, Кудрявцевъ, распоряжаются дѣлами консисторіи съ явнымъ оскорблениемъ для секретаря, коему наблюденіе за симъ предоставлено закономъ. Сообразивъ все сіе, заключаетъ синодъ, и не усматривая никакихъ основаній къ обвиненію секретаря, св. синодъ опредѣляетъ: поручить преосвященному Наѳанаилу обозрѣть ближайшимъ образомъ ходъ дѣлъ въ псковской духовной консисторіи, ввестъ въ оныя порядокъ на точномъ основаніи закона, и о послѣдующемъ донести св. синоду, съ присовокупленіемъ мнѣнія и о томъ, можетъ-ли консисторія оставаться при нынѣшнемъ ея составѣ членовъ» ¹⁾).

Въ этомъ указѣ, несмотря на явное его стараніе оставить Наѳа-

¹⁾ Тамъ-же синодальный указъ 21-го декабря 1845 года.

наила, такъ-сказать, въ сторонѣ, было все-таки много довольно непріятныхъ для него намековъ. Уже необходимость писать объясненія противъ обвиненій Сварацкаго выводила Наанаила изъ себя. Но его ожидало еще большее несчастіе; у него явился обличитель, болѣе безпощадный, чѣмъ Сварацкій. На чѣдѣ послѣдній указывалъ съ нѣкоторою сдержанностью, соблюдая въ описаніи злоупотребленій епархіального начальства умѣренность тона, то подъ перомъ новаго доносителя рисовалось самыми яркими и густыми красками, съ необыкновенною смѣлостью, безпощадною правдивостью и откровенностью. Если рапорты Пратасову Сварацкаго вызвали архіерея на объясненія предъ св. синодомъ, то доносы второго обличителя подвергли Наанаила ревизіи, и даже не одной. Этотъ новый доносчикъ былъ псковской священникъ Василій Лебедевъ. Лицо это пріобрѣло такую громкую извѣстность не только въ псковской, рижской, тверской и владимірской епархіяхъ, но и во всемъ духовномъ вѣдомствѣ, своими нападеніями на епархіальное начальство, что мы не можемъ не остановиться на немъ. Тогда какъ одни лица спокойно привыкаютъ къ той удушливой средѣ, въ которой суждено имъ жить и дѣйствовать, другія, напротивъ, подобныя Лебедеву, всячески стремятся вырваться изъ этой среды, и если ихъ не выпускаютъ изъ нея, то они начинаютъ кричать и волноваться. На бѣду этихъ людей, ихъ не только не слушаютъ, но еще оскорбляютъ и унижаютъ. Рожденные съ огромнымъ запасомъ гордости и самолюбія, а, между тѣмъ, видя, что пошлость и бездарность стоять выше ихъ и что вопіющее беззаконіе пользуется почетомъ, они теряютъ постепенно спокойствіе духа и терпѣніе и начинаютъ борьбу съ окружающими безпорядками и злоупотребленіями. Встрѣченныя въ этой борьбѣ препятствія не только не останавливаютъ ихъ, но еще болѣе раздражаютъ. Убѣжденные въ чистотѣ и правотѣ своихъ стремленій, они становятся, наконецъ, мучениками своей идеи, за которую терпятъ всякаго рода лишенія и страданія. Но потому-ли, что зло бываетъ могущественно, а силы нападателей на него слишкомъ слабы и разъединены, или потому, что въ нападателяхъ слишкомъ много страстности, увлеченія и промаховъ, конечнымъ результатомъ дѣятельности такихъ людей являются горькое разочарованіе, малоутѣшительное сознаніе, что они слишкомъ много сдѣлали вреда для себя и слишкомъ мало пользы для общественной нравственности. Вотъ наводящія грусть на душу каждого, слова Лебедева, сказанныя имъ въ одномъ изъ писемъ къ оберъ-прокурору Карасевскому: «У меня теперь нѣтъ ни силъ трудиться, ни родительскихъ крошекъ и крупицъ—все ушло по милости псковскаго

епархіального начальства; едва только одна вѣра и надежда на Христа Спасителя осталась, любви-же къ ближнему какъ самъ не вижу ни въ комъ, то не знаю, что о ней сказать: любить или не любить»¹⁾. А между тѣмъ, еслибы имѣли терпѣніе прислушаться къ голосу этихъ людей и еслибы лучше поняли и оцѣнили ихъ стремленія, тогда общество пріобрѣло бы въ нихъ весьма полезныхъ дѣятелей.

Содержаніе доносовъ Лебедева представляетъ, за немногими исключеніями, весьма много сходнаго съ доносами Сварацкаго. Во всѣхъ доносахъ и жалобахъ Лебедева Государю, св. синоду и оберъ-прокурору синода постоянно встрѣчаются слѣдующіе предметы: притѣсненіе епархіальнымъ начальствомъ единовѣрцевъ, развратъ духовенства, святотатство, производимое подъ покровительствомъ епархіального начальства старостами и настоятелями церквей, злоупотребленіе членовъ консисторіи. Но прежде, нежели Лебедевъ обратился съ своими жалобами къ Государю, въ синодъ и къ оберъ-прокурору, онъ вѣль войну за то-же самое дома съ архіереемъ, консисторіею и духовнымъ правленіемъ. Эту домашнюю борьбу Лебедевъ началъ почти съ первыхъ годовъ своего служенія въ званіи священника, и къ жалобамъ и доносамъ Государю, синоду и оберъ-прокурору онъ перешелъ уже только тогда, когда принудила его къ тому крайность: запрещеніе въ священнослуженіи и преданіе суду уголовной палаты. Первое начало своей оппозиціи мѣстному начальству Лебедевъ обнаружилъ въ 1833 году по слѣдующему обстоятельству: бывшій тогда псковскимъ архіереемъ Меѳодій предписалъ, чтобы всѣ священно- и церковнослужители дали въ консисторіи подписки въ томъ, что они не будуть посѣщать свѣтскихъ зрелицъ, «гдѣ пѣкоторые изъ нихъ примѣчались въ позорѣ, къ посрамленію своего сана и народному соблазну»²⁾. Когда всѣ священно- и церковно-служители исполнили приказаніе архіерея, Лебедевъ, не сознававшій за собою этого преступленія, отказался отъ дачи подписки и просилъ позволенія объясниться лично съ архіереемъ по этому случаю. Консисторія сочла это прошеніе Лебедева «безчиннымъ и соблазнительнымъ поступкомъ»³⁾, записала его въ журналъ и положила взыскать съ Лебедева, не выпуская его изъ консисторіи, 10 руб. асс. Лебедевъ денегъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода по всеподданнѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василия Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ письмо Лебедева къ Карасевскому отъ 5-го августа 1855 года.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ стр. 21—22.

³⁾ Тамъ-же, стр. 22 и слѣдующія.

не даль и продолжалъ настаивать на своемъ прошении. Отказъ Лебедева уплатить штрафъ и упорство въ просьбѣ снова сочтены за преступление и снова записаны въ журналь. Личное объясненіе съ архіереемъ, наконецъ, было дозволено Лебедеву, и его претензія при этомъ объясненіи не показалась преосвященному поступкомъ безчиннымъ, какъ консисторіи.

Въ 1835 году мы уже видимъ Лебедева членомъ псковской консисторіи, правою рукою архіерея, дѣйствующимъ неутомимо и честно, преслѣдующимъ мѣдиумство, приводящимъ въ порядокъ консисторское дѣлопроизводство и сражающимся съ святотатствомъ. Строгій къ себѣ, трезвый, благоговѣйный въ служеніи, энергіческій въ исполненіи своихъ обязанностей, ревнивый къ пользамъ и славѣ церкви, Лебедевъ былъ украшеніемъ псковского духовенства. Архіерей ласкалъ его, отличалъ и представлялъ къ наградамъ; но онъ, будучи бѣденъ, сравнительно съ другими своими товарищами, добивался не отличій, а матеріального обеспеченія. Архіерей этого не хотѣлъ понять; Лебедевъ даль ему разумѣть, но слишкомъ оригинально: онъ подалъ сму прошеніе, въ которомъ, описать проходимыя имъ разныя должности, говорилъ, что при отправлении всѣхъ этихъ должностей, онъ «избѣгалъ всѣми силами неправильныхъ приобрѣтеній, дабы не потерять честнаго имени. Нынѣ, притупивъ зрѣніе, ослабивъ первы въ головѣ отъ сильнаго занятія дѣлами по возлагаемымъ должностямъ, онъ достигъ крайней границы и, не обинуясь, можетъ сказать, что онъ бѣденъ. Прохожденіе имъ должностей показало ему, отчего можно сдѣлаться неспособнымъ продолжать оныя. Честное и усердное прохожденіе оныхъ проложило ему путь къ бѣдности и, ослабивъ силы, привело къ послѣдней крайности, отъ которой избавиться и имѣть ему съ семействомъ своимъ безбѣдный кусокъ хлѣба предлежитъ для него два пути: одинъ—заглушить глашь совѣсти и страха Божія, но онъ безъ сихъ не живаль и жить не можетъ, ибо вѣрить, что долженъ явиться предъ сердцевѣдцемъ Бога; другой путь, чтобы бѣдность далѣе не мучила его—оставить духовное званіе. Сей путь хотя и незнакомъ для него, и страненъ, и въ глазахъ его не безопасенъ, но отъ крайности и съ прискорбіемъ души онъ избираетъ послѣдній. Надѣясь, что отецъ Небесный приметъ душу его, хотя онъ въ здѣшнемъ странствованіи и не будетъ носить одѣянія, духовнымъ лицамъ принадлежащаго, лишьбы не погасъ свѣтильникъ души его, просить по симъ причинамъ, на основаніи существующихъ законовъ, уволить его изъ духовнаго званія для поступленія туда, гдѣбы онъ съ семействомъ своимъ могъ имѣть наслущный хлѣбъ безъ отягощенія».

ближняго и безъ заглушенія гласа совѣсти»¹). Это прошеніе заключало въ себѣ и затаенное неудовольствіе Лебедева къ Наѳанайлу, и тонкій намекъ, что послѣдній честныхъ дѣятелей только ласкаетъ, но не грѣеть. Псковская консисторія, которой Лебедевъ успѣлъ порядочно насолить, рада была его прошенію: она увидѣла въ немъ капризъ взбалмошнаго человѣка, назвала его чуть не богачемъ, и опредѣлила прошеніе отослать въ синодъ, а самаго его лишить отличія, установленнаго для бѣлаго духовенства, и права засѣданія въ консисторії. Но Наѳанайль не вполнѣ согласился съ мнѣніемъ консисторіи. «На рѣшительное удаленіе отъ консисторіи священника Лебедева я согласиться пока не могу. Устранить его отъ присутствованія до окончанія только дѣла сего. А въ донесеніи св. синоду включить, между прочимъ, что священникъ Лебедевъ, сколько могъ я замѣтить, всегда имѣлъ образъ мыслей религіозный, и опредѣленъ мною присутствующимъ (въ консисторіи) по отличной его способности, что онъ совершенно оправдалъ сіе избраніе, весьма много способствовалъ къ исправленію упущеній и не-порядковъ, происшедшихъ отъ болѣзни и бездѣйствія секретаря, равно какъ и невнимательности прежнихъ членовъ консисторіи. Присовокупить также въ донесеніи, что священникъ Лебедевъ и при настоящемъ, нѣсколько улучшеннемъ, его состояніи, содержаніе дѣйствительно имѣть небогатое, какъ и большая часть псковскихъ священниковъ, но я не имѣю въ рукахъ способовъ улучшить его состояніе»²).

Лебедевъ остался въ духовномъ званіи, получивъ довольно богатое мѣсто при Благовѣщенской церкви въ Ригѣ. Наѳанайль отпустилъ его изъ Пскова съ самыемъ лестнымъ для него отзывомъ. «Я со скорбю разлучаюсь съ человѣкомъ, толь умнымъ, дѣятельнымъ и общеполезнымъ; утѣшаю-же себя тѣмъ, что отецъ Василій весьма благопотребенъ для рижской церкви»³). Рига, подобно Пскову и всей псковской епархіи, страдала расколомъ и святотатствомъ. Старосты церковные, сообща съ настоятелями церквей и благочинными, злоупотребляли церковными суммами. Лебедеву хорошо были известны эти дѣя язвы и онъ началъ противъ нихъ борьбу. Первый ударъ былъ нанесенъ Лебедевымъ цер-

¹) См. ч. I приложеній къ донесенію въ св. прав. синодъ, по исполненію указовъ онаго отъ 17-го декабря 1847 г. за № 14.252 и отъ 31-го того-же декабря за № 15,248, стр. 131—133.

²) См. въ вышеприведенныхъ приложеніяхъ.

³) См. въ св. синодѣ дѣло по доносамъ священника Лебедева о злоупотребленіяхъ свѣчными доходами по псковской епархіи и въ немъ вопросные пункты Лебедеву и отвѣты его на эти вопросы.

ковному старостѣ Благовѣщенской церкви, рижскому купцу Несодомову. Но этимъ онъ оскорбилъ, въ лицѣ Несодомова, не только все рижское купечество, но и духовенство, а особенно представителей его—духовное правленіе. Дѣло приняло оборотъ, неблагопріятный для Лебедева; Несодомовъ былъ опытный и, притомъ, богатый воръ, а противникъ его—болѣе горячій, чѣмъ искусный нападатель. Лебедевъ горячился, говорилъ грубости въ духовномъ правленіи, самому викарію, и этимъ только портилъ дѣло. Онъ подпалъ суду своего начальства за дерзости и вооружилъ противъ себя прихожанъ, которые, настроенные вліятельнымъ Несодомовымъ, подали прошеніе о томъ, чтобы вывести отъ нихъ Лебедева, за беспокойныя его качества, своеуправіе и пестерпимую для нихъ сварливость ¹). Хотя вслѣдствіи открылось, что прошеніе прихожанъ рижской Благовѣщенской церкви было только голосомъ одной партіи, а не всѣхъ прихожанъ, тѣмъ не менѣе, Лебедева перевели отъ богатой Благовѣщенской церкви къ бѣдной замковской Успенской. Тщетно потомъ Наѳанаилъ, узнавши свою ошибку, хотѣлъ, чтобы Лебедевъ оставался на прѣжнемъ своемъ мѣстѣ; напрасно писалъ онъ, что «заключая изъ слѣдственнаго, недавно сданнаго мною въ консисторію дѣла о непорядкахъ и злоупотребленіяхъ по Благовѣщенской церкви, открытыхъ священникомъ Лебедевымъ, что поданная на него ко мнѣ отъ нѣкоторой части прихожанъ благовѣщенскихъ просьба дѣйствительно, какъ жалуется священникъ, могла быть слѣдствіемъ исканій тамошняго причта, для котораго служитель, толь исправный и непорядковъ не терпящій, конечно, тяжелъ, я рекомендую консисторіи, не стѣсняясь прежде положеною мною резолюцію, разсмотрѣть внимательнѣе прошеніе сіе, предписавъ, между тѣмъ, лифляндскому духовному правленію, чтобы до особаго отъ епархіальнаго начальства распоряженія священникъ Лебедевъ оставался при Благовѣщенской церкви по-прежнему» ²). Но лифляндское духовное правленіе нашло неблаговременнымъ дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла по жалобѣ прихожанъ Благовѣщенской церкви на Лебедева по разнымъ причинамъ, въ числѣ которыхъ была и та, что онъ уже перемѣщенъ къ другой церкви и слѣдовательно теперь уже поздно перевершать дѣло. Наѳанаилъ, по безхарактерности своей, не возражалъ противъ мнѣнія духовнаго правленія. Обиженный Лебедевъ бѣсился, выходилъ изъ себя, а недоброжелательное къ нему лифляндское духовное

¹) См. въ дѣлѣ по всеподданнѣйшей жалобѣ священника Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ стр. 26—27.

²) См. въ томъ-же дѣлѣ стр. 28—30.

правлениі пользовалось этимъ ненормальнымъ его состояніемъ духа и без-прерывно подвергало его новымъ оскорблениямъ: то выговорамъ въ правлениі, то штрафамъ, то поклонамъ, то грозило подначаліемъ. Нужно замѣтить, что Лебедевъ подвергся-бы за свои поступки еще большему уніженію, еслибы его не защищалъ Наѳанаильъ отъ нападеній лифляндскаго духовнаго правления. Но натискъ недоброжелателей Лебедева на Наѳанаила былъ такъ силенъ, что и онъ долженъ былъ уступить имъ. Такъ, по дѣлу о непред-ставлениі Лебедевымъ приходо-расходныхъ по рижской Замковской церкви книги Наѳанаильъ хотя не согласился подвергнуть Лебедева мѣсячному подначалію, какъ положила псковская консисторія, однако-же долженъ былъ написать, что онъ «выходитъ изъ предѣловъ умѣренности. Уважая его строгую жизнь, его талантъ и ревность по службѣ, я не могу однако-жъ долѣе щадить его. Сдѣлать ему строгій выговоръ въ духовномъ правлениі, со внесеніемъ въ послужный списокъ и съ назначеніемъ ему въ церков-ныхъ собраніяхъ низшаго предъ всѣми рижскими священниками мѣста, исключая самыхъ младыхъ: Свѣтлова и Поспѣлова»¹). Лебедевъ такую резолюцію припісалъ вліянію на Наѳанаила членовъ консисторії, а по-тому призванный въ рижское духовное правление для выслушанія ея, по-далъ свой отзывъ, который наполнилъ выраженіями, оскорбительными для чести членовъ консисторії, называя ихъ «покровителями святотатства и потворщиками раскола». Вслѣдъ за этимъ поступила отъ самого архіеря Иринарха жалоба на Лебедева въ томъ, что «онъ порочить честь его сана и представлять его покровителемъ святотатства и раскола». За такую дерзость Лебедевъ былъ запрещенъ въ священнослуженіи, а потомъ хотя оно и было ему разрѣшено, но его перевели изъ Риги въ Псковъ къ По-кровской-отъ-торга церкви. И здѣсь онъ вскорѣ началъ борьбу съ церков-нымъ старостою и съ причтомъ. Староста, по обычаю всѣхъ псковскихъ старостъ, считалъ церковное хозяйство своимъ собственнымъ и, вмѣстѣ съ церковными свѣчами, продавалъ свои, а причтъ, состоявшій изъ людей со-мнительной нравственности, вслѣдствіе особыхъ побужденій, смотрѣлъ на это снисходительно. Лебедевъ, отобравъ церковные ключи отъ старости, взялся самъ распоряжаться церковнымъ хозяйствомъ, но дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ самоуправно, съ превышеніемъ власти, и далъ поводъ по-дозрѣвать себя въ недобросовѣстности и притѣсненіи другихъ. Причтъ по-далъ жалобу на Лебедева, что онъ обижаетъ ихъ въ раздѣлѣ доходовъ и что безотчетно распоряжается церковнымъ хозяйствомъ. У него вѣльно было отобрать церковные ключи, церковные приходо-расходныя книги и

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ стр. 34—35.

хлѣбъ. Къ участію въ этомъ дѣлѣ призвана была даже мѣстная полиція. Въ то-же время на него было сдѣлано начеть по рижской Замковской церкви, на сумму 483 р. 42^{3/4} коп. сер., и когда потребовали у него уплаты этихъ денегъ, то онъ не хотѣлъ ни отдавать ихъ, ни подписываться подъ указомъ. Псковская консисторія опредѣленіемъ своимъ отъ 1-го марта 1843 года предала Лебедева за ослушаніе и упорство суду уголовной палаты, а между тѣмъ, независимо отъ этого, въ консисторіи производились дѣла по разнымъ на него доносамъ и его то-и-дѣло призывали туда для выслушанія разныхъ опредѣленій о немъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, именно 7-го декабря 1843 года, Лебедевъ долженъ былъ дать отвѣты на вопросы по дѣлу объ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ по приходо-расходнымъ и сборнымъ книгамъ Покровской церкви, и когда ему читали опредѣленіе консисторіи по этому дѣлу, то онъ, раздраженный несправедливостью опредѣленія, дѣлалъ во время чтенія возраженія, какъ выражается псковская консисторія, «злобныя и укоризненные», а по выслушаніи опредѣленія, отъ дачи отвѣтовъ отказался и, подавъ заранѣе приготовленное имъ объясненіе, съ поясненіемъ на словахъ, что въ объясненіи его заключаются все отвѣты, вопросы положилъ въ пазуху. Когда-же члены и секретарь консисторіи начали вразумлять его, что «вопросы даны ему не для того, чтобы онъ пряталъ ихъ въ пазуху, а чтобы на нихъ отвѣчалъ кратко и ясно, не примѣшивая ничего посторонняго», то онъ, вынувъ оные изъ пазухи, съ необыкновеннымъ озлобленіемъ и раздраженіемъ, написалъ на первой страницѣ противъ вопросовъ такимъ образомъ: «Отвѣтъ дадъ въ объясненіи, поданномъ 7-го числа декабря 1843 года, покровскій священникъ Василій Лебедевъ» ¹⁾. Злобу свою онъ выразилъ, какъ говоритъ консисторія, «не только на словахъ, но и въ самомъ почеркѣ написанного имъ» ²⁾. На вопросъ консисторіи, какъ онъ могъ приготовить отвѣты, когда вопросы ему еще не были объявлены, онъ отвѣчалъ «съ тою-же злобою и укоризнами», что онъ «слѣдилъ и слѣдить за дѣйствіями консисторіи и всегда предварительно оныя знаетъ, но чрезъ кого, не объяснилъ, присовокупивъ только, что онъ это откроетъ не консисторіи, а повыше кому знаетъ. Наконецъ, прия въ какое-то изступленіе, началь разсуждать съ крикомъ, и неоднократно называлъ членовъ и секретаря покровителями воровъ и святотатцевъ. Когда-же протоіерей

¹⁾ См. обо всемъ этомъ въ дѣлѣ по всеподданійшей жалобѣ священника города Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ стр. 43—44.

²⁾ Тамъ-же.

Знаменскій, указывая ему на именный Высочайший указъ 1724 года января 27-го дня, началь напоминать Лебедеву объ обязанностяхъ, какъ подсудимые должны обращаться въ присутствіяхъ и какой отвѣтственности подвергаются они за нарушеніе порядка въ такихъ мѣстахъ за крикъ и укоризну: то Лебедевъ въ томъ-же изступленіи и съ тѣмъ-же озлобленіемъ сказавъ, что онъ со всѣми членами и секретаремъ консисторіи имѣеть личности, и самъ не безъ заслугъ и не хуже другихъ знаетъ законы, самовольно ушелъ изъ присутствія, *не сдѣлавъ ни къ кому никакого отношенія*¹). Мы буквально приводимъ этотъ обвинительный актъ противъ Лебедева изъ журнала псковской консисторіи, чтобы дать вѣрное понятіе о внутреннемъ состояніи духа Лебедева и точно изобразить отношенія къ нему членовъ консисторіи²), которые очень оскорблены были, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ не сдѣлалъ ни къ кому изъ нихъ «никакого отношенія», т. е. ушелъ, не поклонившись имъ. Послѣ такихъ дѣйствій Лебедева, въ псковской консисторіи началось сужденіе о поступкѣ его. Состоявшееся по этому случаю консисторское опредѣленіе, утвержденное и архіереемъ, гласило такъ: «Какъ дерзкій поступокъ упорно злаго противъ начальства и совершенно вышедшаго изъ повиновенія законной власти священника Василія Лебедева принадлежить по силѣ 3-го пункта 159-й статьи Устава духовныхъ консисторій, суду свѣтскому, то и передать дѣло о немъ въ псковскую палату уголовнаго суда для сужденія и приговора на основаніи уголовныхъ законовъ, съ прописаніемъ для соображенія въ семъ дѣлѣ оной палатѣ всѣхъ справокъ изъ дѣлъ консисторіи о неповиновеніи и дерзости его, Лебедева, противъ начальства. А между тѣмъ, чтобы какъ между прихожанами, такъ и иновѣрцами, живущими въ Псковѣ, не было соблазна отъ допущенія къ священнослуженію сего самоуправнаго человѣка, вовсе не хотящаго знать никакой власти, то запретить ему теперь-же священнослуженіе³). Съ этого времени Лебедевъ совсѣмъ пересталъ давать отвѣты консисторіи, прекратилъ всѣ отношенія къ своему епархіальному архіерею и началь жаловаться на злоупотребленія епархіального начальства Государю, синоду и оберъ-прокурору синода. Первая жалоба на Высочайшее имя послана была Лебедевымъ 9-го іюня 1844 года. Вотъ ея содержаніе: «Всѣдѣствіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Вели-

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ.

²) Впослѣдствіи этотъ поступокъ, приписанный Лебедеву консисторіею, былъ имъ формально опровергаемъ.

³) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ стр. 43—44.

чества соизволенія, кроткими мѣрами возрастающій во псковской епархіи тайный и явный расколъ наклонить къ единовѣрію, открыта въ 1836 году, именно мною, въ псковскомъ Загорскомъ яму единовѣрческая церковь, и тамошніе два наставника съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія произведены—главный въ іеромонаха, а помощникъ его во священника. Церковь эта, за невозможностью мнѣ тогда, какъ члену псковской духовной консисторіи, обремененному сильно дѣлами, поручена подручному мнѣ священнику Іакову Кудрявцеву, и всѣ собственныесъ тою единовѣрческою Загорскою церковью погосты, зараженные особенно явнымъ и тайнымъ расколомъ, ввѣрены ему-же, священнику Кудрявцеву, какъ благочинному, съ тѣмъ, чтобы онъ предохранялъ юную единовѣрческую церковь и наклонялъ въ подвѣдомственныхъ ему погостахъ раскольниковъ къ единовѣрію. Священникъ Кудрявцевъ, по выѣтии моемъ изъ консисторіи, а вмѣстѣ и изъ Пскова въ Ригу, занялъ вмѣсто меня судейскій стулъ въ псковской духовной консисторіи, и вмѣсто покровительства единовѣрческой церкви допустилъ въ ней соблазны и началъ тѣснить ту до того, что поколебались тысячами присоединившіеся къ единовѣрію и отпали опять въ расколъ; вслѣдствіе этого открылись дѣла, — и люди доселѣ томятся въ тюремномъ заточеніи.

«По переводѣ меня изъ Риги вторично во Псковъ, епархіальный архіерей въ дѣлѣ единовѣрія опять обратился ко мнѣ, первоначально разсказывая мнѣ съ сожалѣніемъ и прискорбіемъ о положеніи единовѣрцевъ въ псковской епархіи, а потомъ предписывая мнѣ и форменно чрезъ консисторію. Предписаніе епархіального архіерея мною исполнено въ точности, т. е. мною исходатайствована тѣснѣніемъ во Псковѣ единовѣрцамъ церковь, и епархіальный архіерей на рапортѣ моемъ о исполненіи предписанія предписалъ консисторіи такъ: «Отець Василий Лебедевъ порученіе мое исполнилъ прекрасно. Изъявить ему благодарность за его безкорыстное усердіе и ревность къ дому Божію». Загорскія единовѣрческія церкви іеромонахъ, главное лицо единовѣрцевъ въ псковской епархіи, и псковской единовѣрческой церкви попечитель, купецъ Агаѳонъ Дервинъ, подали епархіальному архіерею 2-го августа прошеніе, въ которомъ просили епархіального архіерея, чтобы дѣло обращенія раскольниковъ и самую единовѣрческую церковь въ Псковской губерніи, вмѣсто священника Кудрявцева, семь лѣтъ тѣснившаго ихъ единовѣрческую церковь, поручить мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я имъ способствовалъ въ обращеніи къ единовѣрію всѣхъ во псковской епархіи раскольниковъ и защищать-бы единовѣрцевъ и церковь ихъ во всѣхъ случаяхъ и словомъ, и дѣломъ явно, а не тайно.

уже, какъ это было съ самаго открытия церкви. Епархіальний архіерей на прошениі ихъ отъ 2-го числа августа предписаъ консисторіи такъ: «Священникъ Лебедевъ дѣйствительно полезенъ для единовѣрцевъ и дѣйствуетъ безкорыстно; пусть псковская единовѣрческая церковь будетъ въ завѣдываніи его, какъ благочиннаго. Со временемъ для церквей единовѣрческихъ можно будетъ устроить особое благочиніе». Слово: «безкорыстно», въ обѣихъ резолюціяхъ епархіальнымъ архіереемъ помѣщеннное, ясно свидѣтельствуетъ, что всѣ дѣйствія священника Кудрявцева и его соучастниковъ, тѣснящихъ единовѣрческую церковь, основаны на корысти, а не на пользу отечества и спасеніи душъ человѣческихъ. За симъ всѣдѣ, чрезъ весь августъ, сентябрь и октябрь, утѣсняемые единовѣрцы неоднократно ходили къ епархіальному архіерею съ письменными и словесными просьбами и неотступно просили, чтобы удалить священника Кудрявцева вообще отъ всѣхъ дѣлъ по единовѣрію и отъ самаго благочинія; ему для единовѣрческой церкви порученнаго, и поручить все это дѣло мнѣ; ибо они увѣрены, что безкорыстное мое усердіе и ревность къ дому Божію и попеченіе о пользѣ единовѣрческой церкви сдѣлаютъ въ одинъ годъ значительныя перемѣны въ мнѣніяхъ народа, расколомъ зараженнаго; но на ихъ прошениі и по сіе время ничего нѣтъ. А между тѣмъ членъ консисторіи, священникъ Кудрявцевъ, видя, что долженъ лишиться дѣлъ о единовѣріи и расколѣ, а вмѣстѣ и благочинія, а это-то для него суть аренда, а не должности, не имѣющія жалованья, составилъ противу меня заговоръ, всѣдѣствіе котораго объявлена погибель не одному мнѣ, но и всему моему семейству. Епархіальный архіерей сталъ какъ-бы безсиленъ противу заговорщиковъ, въ консисторіи судейскіе стулы занимающихъ, что, при всей его ко мнѣ и единовѣрческой церкви расположенности, по собственному его лично мнѣ сознанію, не въ состояніи удержать противозаконныя дѣйствія заговорщиковъ противу меня и единовѣрческой церкви. Опасаясь обременить Ваше Императорское Величество многосложностью моего всеподданнѣйшаго прошениія, не прилагаю собственноручныхъ епархіального архіерея ко мнѣ писемъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что дѣломъ единовѣрія и обращенія раскольниковъ съ 1836 года по настоящее время, согласно волѣ епархіального архіерея, занимался я и занимаюсь, и тѣмъ навлекъ на себя негодованіе отъ тѣхъ, для которыхъ единовѣрческая церковь непернѣма, какъ не приносящая корысти; но расколъ потаенный чрезъ обильныя ихъ приношенія покровительствуется.

«Всеавгустѣйшій Монархъ, чадолюбивѣйшій отецъ отечества! Миновавъ св. правительствующій синодъ, я всеподданнѣйше обращаюсь и припадаю къ престолу вашего Императорскаго Величества, потому что дѣло

это по важности своей, возросшему уже злу и обратившемуся какъ-бы въ мѣстный законъ, требуетъ средствъ къ пресѣченію, не отъ св. синода зависящихъ, но отъ мощной десницы Вашего Императорскаго Величества: ибо раскольники, видя нестроеніе въ православной церкви псковской епархіи, слыша хуленія отъ духовенства православной церкви на единовѣрческую, а вмѣстѣ встрѣчая и сами въ той и другой соблазны, не идутъ ни въ ту, ни въ другую церковь, но сильно волнуются, видя всѣ публичныя ихъ молельни въ Псковской губерніи уничтоженными. Единовѣрцы, заботящіеся о наклоненіи раскольниковъ къ себѣ, съ сильнымъ затрудненіемъ выхаживаютъ въ свою единовѣрческую церковь святыхъ иконы и утварь, взятые изъ молеленъ раскольничихъ; ибо заговорщики, тѣснящіе единовѣрческую церковь и домогающіеся того, чтобы въ Псковской губерніи не единовѣрческая церковь, но потаенный расколъ, много корысти приносящій, существовалъ, не даютъ единовѣрцамъ святыхъ иконъ и утвари прямо изъ молеленъ раскольничихъ, но для видовъ своихъ забираютъ тѣ въ соборъ и держать тамъ. Соблазны-же и буйства въ православной церкви умножились до того, что самъ епархіальный архіерей нынѣ, въ день Рождества Христова, во время божественной литургіи, стоя передъ престоломъ Всевышняго, плакалъ и жаловался вслухъ, что исправляющій должностъ протодіакона діаконъ не почтилъ толь величаго дня, но явился къ божественной литургіи пьяны; да это и весьма часто бываетъ въ каѳедральномъ соборѣ, а о приходскихъ церквяхъ и не говорю. Буйство-же отъ пьянства діаконовъ, и причетниковъ до того усилилось, что діаконы и дьячки рѣшаются бить въ церкви и даже во святымъ алтарѣ не только другъ друга, но и священниковъ до крови, и даже протоіереевъ. Объ иныхъ имѣются дѣла въ консисторіи, а о другихъ и дѣль нѣть; и все это остается безъ должнаго, хотя для предосторожности другимъ, вразумленія. И самъ епархіальный архіерей изъяснялъ консисторіи на бумагѣ, что Покровскія-отъ-торга церкви діаконъ Петръ Образскій оскорбилъ его лично, но и то оставлено. При производствѣ слѣдствія помимо духовной власти чрезъ посланныхъ отъ лица Вашего Императорскаго Величества, откроется больше нежели сколько я написалъ во всеподданнѣйшемъ моемъ прошеніи, а чрезъ то ясно обнаружатся причины существованія раскола» ¹⁾).

Спустя 10 дней послѣ подачи этого прошенія, Лебедевъ подалъ

¹⁾ См. въ дѣль св. синода по всеподданнѣйшемъ жалобѣ священника г. Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ всеподданнѣйшее прошеніе его отъ 9-го июня 1844 года.

прошение въ св. синодъ, въ которомъ коснулся другого зла, господствующаго въ псковской епархіи—святотатства. «Ища погубить меня, писалъ онъ въ этомъ прошении, безвинно, не силою закона, но, при противозаконныхъ дѣйствіяхъ, силою власти, за то, первое, что я, желая прекратить противозаконную, во Псковѣ открытую съ фабрики мелочную продажу свѣчъ восковыхъ, дѣлающую подрывъ казнѣ, по крайней мѣрѣ, каждогодно на 10.000 руб. серебромъ, подалъ прошение о выдачѣ приходо-расходныхъ книгъ въ свѣчную церковную лавку, открываемую мною; второе, за то, что я пресѣкъ злоупотребленія, кроющія святотатство по псковоградской Покровской-отъ-торга церкви, покровительствуемыя благочиннымъ, членами консисторіи и секретаремъ; третье, за то, что я, вопреки желанію и цѣли членовъ консисторіи, согласно волѣ его высокопреосвященства, исходатайствовалъ у покровскихъ прихожанъ для единовѣрцевъ во Псковѣ церковь и въ 17 дней все окончилъ и богослуженіе открылъ, тогда какъ 17 мѣсяцевъ единовѣрцы чрезъ происки членовъ консисторіи, а паче священника Іакова Кудрявцева, что нынѣ протоіерей, томились надѣй Ильинскою церковю и не освятили, издержавъ много денегъ на передѣлку ея, причемъ и самъ преосвященный не зналъ, что слѣдуетъ дѣлать, видя противодѣйствіе членовъ консисторіи; и наконецъ, четвертое, за то, что единовѣрческій іеромонахъ Михаилъ и псковскіе единовѣрцы подали прошеніе, чтобы протоіеряя Кудрявцева удалить вовсе отъ дѣлъ единовѣрія и обращенія раскольниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ благочинія, какъ дѣйствующаго во вредъ единовѣрію, но къ покровительству расколу тайному и даже явному, и просили, чтобы все дѣло обращенія раскольниковъ къ единовѣрію и самая ихъ церковь съ единовѣрцами были поручены мнѣ, какъ безкорыстно и съ пользою для единовѣрія дѣйствующему,—члены псковской духовной консисторіи и секретарь, несмотря на мои прошения о передачѣ дѣлъ въ гражданское присутственное мѣсто по подсудности, не хотятъ передать дѣлъ и не передаютъ, потому что, при передачѣ дѣлъ, откроется: первое, что злоупотребленія въ экономическомъ церковномъ управлѣніи, кроющія святотатство, допущены благочинными и самими членами консисторіи и секретаремъ не въ одной Покровской церкви, но и во всей епархіи, а потому ими и покровительствуются, на крайній вредъ церкви; второе, откроется то, что благочинные и члены консисторіи съ секретаремъ скрываютъ и явное святотатство по церквамъ, и преступниковъ; третье, откроется то, что они-же потворствуютъ и прикрываютъ расколъ тайный и явный, противодѣйствуютъ единовѣрію и тѣснятъ ихъ церковь и ихъ самихъ; четвертое, откроется и то, что они-же попустили ужасное пьянство въ

духовенствѣ, буйство по церквамъ и соблазны, чинимые лицами духовными, которымъ и покровительствуютъ, и пятое, откроется также и то, что всѣхъ тѣхъ, которые рѣшаются донести о вышеписанномъ, или противостоять преступнымъ дѣйствіямъ, благочинные, члены консисторіи и секретарь тѣснить, порочать и наконецъ приближаютъ къ погибели, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснить и тѣхъ, которые ведутъ жизнь строгую, усердную и ревностную по службѣ. Такъ точно стѣснили меня и даже дѣтей моихъ до того, что я потерялъ всякое терпѣніе и возможность къ терпѣнію. Сынъ-же мой, кончившій курсъ ученія въ псковской семинаріи Иванъ Лебедевъ, служившій съ похвалою отъ епархіального архіерея въ консисторіи и исправляющій должность столоначальника, подалъ вонъ изъ духовнаго званія, а зять мой, Псковоградскія Пороменскія церкви священникъ Иоаннъ Кудрявцевъ, видя и себя въ совершенной опасности, не знаетъ, чѣмъ съ собою дѣлать»¹⁾.

За этимъ прошеніемъ поступило третье прошеніе Лебедева въ св. синодъ, въ которомъ онъ, сказавъ обѣ увеличеніи имъ свѣчной прибыли при Покровской церкви съ 70 р. до 200 р. сер., писалъ, что «если бы епархіальное начальство не тѣснило тѣхъ, которые заботятся о благѣ общемъ и церкви, и о умноженіи свѣчныхъ доходовъ, тогда-бы каждая церковь въ епархіи къ 70 р. прибавила 130 р.». Но епархіальное начальство, вмѣсто благодарности и награды, разорило его до того, что онъ долженъ просить милости, онъ «стѣсненъ и убитъ въ духѣ до отчаянія; тяжесть креста, который я несу, превышаетъ силы терпѣнія моего. Съ 1837 года, въ девять этихъ лѣтъ, я потерпѣлъ убытковъ и разоренія до 5109 р. сер.; сверхъ того, заслуженныхъ мною еще въ 1836 и 1837 гг. 498 р. сер. и 15 коп. по постройкѣ теплой во Псковѣ соборной церкви епархіальное начальство исходатайствовало мнѣ не хотеть, тогда какъ деньги эти еще въ 1838 году отпущены были изъ казны, но, по распоряженію комиссіи построенія, съ утвержденія епархіального архіерея, израсходованы на постройку вмѣсто ремонтной суммы, за нахожденіемъ моимъ тогда въ Ригѣ. Стѣсненія-же епархіального начальства ко мнѣ столь тяжки, что 8-го ноября 1843 года весь хлѣбъ ржаный и яровый, въ числѣ 135 четвериковъ ржи и 135 четвериковъ овса, приготовленный мною, сыномъ моимъ, тогда служившимъ въ консисторіи и исправлявшимъ должность столоначальника, и зятемъ, Пораменскія церкви священникомъ, на годовое семейство нашихъ содержаніе, по распоряже-

¹⁾ См. тамъ-же прошеніе Лебедева отъ 16-го іюня 1845 года.

нію членовъ консисторіи, весь обобранъ, такъ, что засѣки въ амбарѣ метлою вымели и обыскали всѣ мельницы, нѣтъ-ли гдѣ намъ принадлежащаго хлѣба. И съ того числа по настоящее время, при неурожаѣ хлѣба, я долженъ былъ и дѣти покупать для себя хлѣбъ, продавая послѣднее движимое имущество, необходімое для домашняго обзаведенія.

«Не довольствуясь таковою мнѣ дѣлаемою тѣснотою, придумали члены консисторіи и секретарь оклеветать меня, будто-бы я имѣ въ присутствіи консисторіи наговорилъ или надѣлалъ, того не зная, 7-го числа декабря 1843 года, дерзостей. Извѣтъ этотъ отъ тѣхъ людей, которыхъ я изобличалъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ и съ которыми я съ 1837 года постоянно имѣю судебнаго дѣла, принять за достовѣрный и безъ слѣдствія; въ противность 166 и 169 ст. Устава консисторіи, запрещено мнѣ священодѣйствіе, а чтобы еще усилить тѣсноту мнѣ, опредѣленъ второй священникъ къ Покровской церкви, которому, вопреки ст. 1494 и 1562 XV т. Св. Зак., дозволено пользоваться половиною денежныхъ моихъ выгодъ. Дѣло это безъ производства слѣдствія, къ вящшему обремененію меня, передано въ псковскую палату уголовнаго суда, съ присовокупленіемъ къ нему справки мнимо касавшихся до меня дѣлъ. Конечно, бывши невиненъ совершенно, но еще заслуживая по дѣламъ награду и благодарность, я обвиненъ быть не могу, но тяжко, что разоренъ и оставленъ ожидать рѣшенія совершенно безъ куска хлѣба, ибо на бумагѣ хотя и написано, чтобы я отъдержанаго за мною при Покровской церкви священническаго мѣста пользовался половиною частію доходовъ денежныхъ отъ требъ и полнымъ жалованьемъ и поземельными впопію выгодами, но, по дѣйствіямъ благочиннаго и членовъ консисторіи, вотъ уже два мѣсяца не получаю доходовъ ни одной копѣйки, а жалованья—уже три мѣсяца; о поземельныхъ-же доходахъ и думать не могу, ибо всѣ мои распоряженія отвергнуты, и пустоши ввѣрены въ управление развратнымъ діаконамъ. Таковъ у насъ издавна въ епархіи порядокъ, и онъ поддерживается; доброе-же, какъ противное цѣлямъ членовъ консисторіи, опровергается и уничтожается. Слѣдствія-же производятся намѣренно не съ цѣллю открыть истину и пресечь зло, но чтобы запутать добро иувѣковѣчить зло. Противу сего-то непорядка 1835 и 1836 годы я боролся, занимая судейскій стулъ въ консисторіи, и тѣмъ, усугубивъ епархіальному архіерею, возстановилъ противу себя членовъ, секретарей и канцелярію консисторіи, измѣняемыхъ въ лицахъ, но не измѣняемыхъ въ духѣ и качествахъ; дѣла въ консисторіи суть свидѣтели того, что я пишу истину. Добродѣтельные и со способностями, подобно мнѣ, ручьями проливаются отъ обидъ слезы ко Всевышнему, а нерѣдко

случается, что слабый въ духѣ, совершивши доброе и получивши за него зло, ослабѣваетъ и наконецъ гибнетъ.

«Я отъ глубокой горести и сильного стѣсненія покорнѣйше осмѣливаюсь изъяснить предъ св. правительствующимъ синодомъ, что я никогда не былъ хуже членовъ консисторіи изъ бѣлага духовенства. Они хотя и означенованы наградами, но не могутъ никакихъ своихъ заслугъ поставить на виду—одно лишь время служенія и количество занимаемыхъ должностей; но ни время, ни количество должностей чести не приносятъ человѣку, а точное исполненіе одной, означенованное общею пользою, дѣлаетъ человѣка отличнѣйшимъ. Пусть они скажутъ, что они сдѣлали доброго, занимая судейское стулье въ консисторіи и проходя должности? При открытыхъ мною дѣлахъ и при другихъ фактахъ, имѣющихъ прийти въ явленіе и при имѣющихъ уже дѣлахъ въ консисторіи, архивѣ и на чердакѣ подъ крышею, сила пунктовъ 13 ст. XV т. Св. Зак. (sic) докажетъ, что они за люди. Къ описанному мною довольно одного Порховскаго уѣзда Пажеревицкаго погоста дѣль о потворствѣ расколу и святотатству, а вмѣстѣ и дурнымъ качествамъ духовенства. А если присовокупить къ тому пріемку документовъ, поддѣлку актовъ метрическихъ въ архивѣ и самыи архивъ, тогда неошибочно и непогрѣшительно могу сказать, что дѣйствія членовъ консисторіи, секретарей и канцелярій послужатъ позоромъ для каждого. По клеветѣ сихъ-то запрещено мнѣ священнодѣйствіе и лишенъ я дневнаго пропитанія...

«Я не накопилъ богатства, держа руки чистыми отъ лихомства и отъ торговли за требы, но для общей пользы прожилъ все то, что получилъ отъ родителей и за жену, изнуряемъ и разоряемъ бывъ членами консисторіи» ¹⁾.

Всѣ эти три прошенія не имѣли никакого полезнаго результата для Лебедева. Пратасовъ въ это время былъ за-границей; должность его исправлялъ Карасевскій, который, по самому своему положенію, не могъ дѣйствовать такъ, какъ-бы поступилъ въ этомъ случаѣ Пратасовъ. Синодъ, воспользовавшись отсутствіемъ своего оберъ-прокурора, удовольствовался отобраніемъ объясненій отъ преосвященнаго Наананаила по всѣмъ обвиненіямъ, введеннымъ Лебедевымъ на псковское епархіальное начальство и совершенно успокоился этими объясненіями, въ которыхъ доказывалось, что всѣ доносы Лебедева клевета и ложь, что члены псковской консисторіи люди самые благонамѣренные, что церковь единовѣрческая совсѣмъ не въ такомъ положеніи, чтобы можно было сожалѣть о

¹⁾ Тамъ-же, стр 10—14.

ней, и что нравственность духовенства въ прекрасномъ состояніи, хотя діаконъ Образскій дѣйствительно лично оскорбилъ архіерея, за что и получилъ надлежащее вразумленіе ¹⁾.

Напрасно Лебедевъ подавалъ снова жалобы оберъ-прокурору синода и самому синоду на дѣйствія епархіального начальства—онъ были оставлены синодомъ *безъ дѣйствія* ²⁾). Но когда Лебедевъ узналъ, что Пратасовъ возвратился изъ-за границы, онъ началъ осаждать его своими прошеними. Въ нихъ въ десятый разъ онъ повторялъ о злоупотребленіяхъ свѣчною суммою по псковской Покровской церкви и по всей псковской епархии, о распутствѣ духовенства и о покровительствѣ, оказываемомъ консисторіею и епархіальнымъ архіереемъ расколу и святотатству. Пратасовъ взглянуль на это дѣло болѣе серьезно, и въ синодѣ тотчасъ состоялось опредѣленіе о посыпкѣ въ Псковъ ревизора, для дознанія истины описываемыхъ Лебедевымъ злоупотребленій. Съ этою цѣлью былъ командированъ ректоръ астраханской семинаріи, архимандритъ Аполлинарій, которому предписано было синодомъ: «а) повѣрить при псковской Покровской-отъ-торга церкви по книгамъ и документамъ всю свѣчную операцию съ 1843 по 1845 г., и если обстоятельства потребуютъ большаго розысканія, въ такомъ случаѣ требовать, отъ кого будетъ слѣдоватъ, всѣхъ нужныхъ поясненій и самыхъ отвѣтовъ; б) обратить вниманіе на состояніе приходо-расходныхъ книгъ нынѣшняго года при нѣсколькихъ церквяхъ города Пскова и уѣзда его въ томъ отношеніи, всѣ-ли приходы и расходы записываются въ оныя въ свое время, и нѣтъ-ли такихъ, которыя пишутся по прошествіи уже полугода, а также сами-ли приходы церковные оныя составляютъ, или-же пишутся индѣи и благочинными, какъ доносить священникъ Лебедевъ, и на какихъ условіяхъ» ³⁾). Назначеніе ревизора поразило и опечалило псковское епархіальное начальство, но воодушевило Лебедева и сдѣлало его еще смѣлѣе и краснорѣчивѣе,—и вотъ онъ не замедлилъ отправить еще три прошенія на имя Пратасова, синода и даже Государя. Въ первомъ онъ говорить о плачевномъ состояніи единовѣрцевъ во Псковѣ отъ зазорнаго поведенія даннаго имъ епархіальнымъ начальствомъ священника, который постоянно пьянъ, курить табакъ и выдается, пьяный, метрическія свидѣтельства, а также отъ потворства епархіальнаго начальства расколу ⁴⁾). Во вто-

¹⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданнѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ рапортъ Нао-нала въ синодѣ отъ 28-го августа 1844 года.

²⁾ Тамъ-же два указа св. синода отъ 26-го апрѣля и 31-го декабря 1844 г.

³⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ синода отъ 14-го мая 1845 года.

⁴⁾ Тамъ-же прошеніе Лебедева къ Пратасову отъ 23-го февраля 1846 года.

ромъ прошениі Лебедевъ обвиняетъ своего архіеря во-лжи, называетъ его клеветникомъ и рабомъ членовъ консисторіи, находящимся отъ нихъ въ такой зависимости, что онъ противъ своей воли и своего сознанія дѣлаетъ угодное имъ. «Епархіальный архіерей, пишетъ Лебедевъ въ этомъ прошении, неоднократно плакавшій предо мною и сознававшійся предъ многими сторонними въ невольномъ членами консисторіи увлечениіи себя въ дѣло, столь противное закону, въ простомъ, келейномъ разговорѣ выражается такъ: «Миѣ на горло становятся члены консисторіи и требуютъ»¹). Въ третьемъ прошениі, поданномъ на имя Государя, уже по пріѣздѣ ревизора во Псковъ и по произведеніи имъ слѣдствія, Лебедевъ жалуется, что до сего времени, когда уже «вполнѣ развернулись предъ о. ревизоромъ всѣ злоупотребленія и обнаружили святотатство, сопровождаемое пьянствомъ въ духовенствѣ и сопряженными съ пьянствомъ поступками дерзости до такой степени, что самъ о. ревизоръ не избѣжалъ дерзостей, написанныхъ ему на бумагѣ, и лично оказанного непослушанія»²), онъ еще не разрѣшился въ священнослуженіи и не получилъ облегченія въ своихъ страданіяхъ.

Обстоятельства, обнаруженныя ревизіею Аполлинарія, были не въ пользу псковскаго епархіального начальства и, по большей части, подтверждали доносы Лебедева. Такъ, открылось: 1) что изъ псковской Покровской-отъ-торга церкви покупка и продажа свѣчъ записывались въ книги не счетомъ по извѣстной цѣнѣ каждого сорта свѣчъ, а вѣсомъ, прибыль отъ свѣчъ показывалась произвольная, а самыя книги ведены съ отступлениемъ отъ установленныхъ на то формъ. 2) Со времени поступленія въ эту церковь священника Василія Лебедева, понеченіемъ его и принятыми противъ злоупотребленій мѣрами, какъ-то: сдѣланными 3-го мая замѣчаніями на шнуровыхъ книгахъ, составленіемъ акта о накопленіи церковныхъ долговъ и найденныхъ по церкви беспорядкахъ, допущенныхъ церковнымъ старостою, мѣщаниномъ Латкинымъ, и отобраніемъ отъ него церковнаго хозяйства въ непосредственное распоряженіе священно-и церковнослужителей, свѣчные доходы значительно увеличились. 3) Хотя упомянутый актъ объявленъ былъ состоявшему тогда въ должности благочиннаго, священнику Александру Лебедеву, но онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ учету старосты Латкина, книгу не повѣрилъ и оставилъ ихъ безъ засвидѣтельствованія, вопреки 16 пункту старостинской инструкціи, по которой онъ обязанъ былъ неотложно повѣрить ихъ и засвидѣтель-

¹) См. въ приведенномъ дѣлѣ прошеніе Лебедева отъ 17-го января 1847 года.

²) Тамъ-же прошеніе отъ того-же года и числа.

ствовать, въ какомъ положеніи найдено имъ хождество церковное. 4) Приходъ и расходъ за октябрь и 17-е ноября записаны въ книгахъ діакономъ Арсеніемъ Карцовыемъ, безъ согласія и вѣдома священника Лебедева, какъ объяснилъ сей послѣдній. 5) Между тѣмъ, по указу псковской духовной консисторіи отъ 17-го того-же ноября, опять ввѣрены были старостѣ Латкину свѣчи и суммы церковные безъ всякаго ихъ учета, а священникъ Василій Лебедевъ, по донесенію нынѣшняго псковскаго благочиннаго, протоіеря Пятницкаго, о сдѣланныхъ имъ на шнуровыхъ книгахъ замѣніяхъ, преданъ 20-го мая 1844 года сужденію палаты уголовнаго суда. 6) Причтъ Покровской церкви со старостою, по показанію священника Лебедева, хотѣли утаить 30 фунт. отарковъ, оставшихся къ 1-му января 1844 года, и записали оные въ приходъ не прежде, какъ по обличеніи ихъ въ томъ Лебедевыемъ. 7) Въ книгахъ за 1844 годъ приходы и расходы писаны несвоевременно, а выручка въ январѣ, февраль и мартъ того года свѣчной суммы свидѣтельствуетъ, что свѣчная продажа въ Покровской церкви была не безъ злоупотреблений, ибо въ январѣ, февраль и мартѣ 1844 года выручено на свѣчахъ 151 руб. 95 $\frac{1}{2}$ коп. сер., тогда какъ въ тѣ-же мѣсяцы предшествовавшихъ лѣтъ было только отъ 27 до 35 руб. 53 коп. сер., да и въ 1845 году, какъ полагаетъ слѣдователь, записано по примѣру прежнихъ лѣтъ только 27 руб. 62 коп., а съ удаленіемъ священника Василія Лебедева отъ должности, съ 1-го июня 1844 года, свѣчные доходы видимо начали упадать и приближаться къ доходамъ предшествовавшихъ лѣтъ; въ шнуровыхъ-же книгахъ, коихъ благочинный, протоіерей Пятницкій, не повѣрялъ и оставилъ безъ засвидѣтельствованія, замѣчены разныя невѣрности. 8) При свидѣтельствѣ приходо-расходныхъ книгъ за 1845 годъ, какъ по Покровской, такъ и по другимъ церквамъ города Пскова и уѣзда его, найдено, что приходы и расходы въ нихъ записываются несвоевременно и невѣрно, а именно: а) по Покровской церкви, кромѣ вышеупомянутыхъ безпорядковъ и упущеній, открылось, что купленные поступившимъ вмѣсто Латкина старостою Федотовыемъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1845 года 2 $\frac{1}{2}$ пуда свѣчъ ни въ приходъ, ни въ расходъ по книгамъ не записаны; когда-же Федотовъ узналъ, что обѣ этомъ обстоятельствѣ сдѣлалось извѣстно слѣдователю, то 1-го июня внесъ въ церковь такое-же количество свѣчъ и записалъ оныя по книгѣ; б) по Покровской-съ-пролома церкви книги не были писаны съ 1-го января до конца мая; в) по Новоуспенской церкви тоже, въ чёмъ можно было удостовѣриться свѣжестью письма; г) по Успенской Бутырской тоже; д) по Варлаамовской приходы и расходы записаны не-вѣрно и также не въ свое время; е) по Богоявленской книги пишутся

несвоевременно; ж) по Иоанно-Богословской тоже, и, притомъ, въ расходѣ значится 314 руб. на покупку колокола, по словесному, будто-бы, разрѣшенію преосвященнаго, но благочинный Пятницкій отозвался о томъ невѣдѣніемъ; з) по Космо-Даміанской—книги, выданныя въ 1822 году, отъ давности избились и шнуръ перетерся, чтѣ, однако-же, по распоряженію консисторіи, исправлено, но о семъ распоряженіи въ книгахъ не отмѣчено, и огарочнаго воска ни за одинъ мѣсяцъ не показано; и) по Дмитріевской кладбищенской церкви книги пишеть не причтъ, а діаконъ Старовознесенскаго монастыря Утрецкій, получая за то отъ старосты церковнаго по 3 руб. сер. въ годъ; і) по церквамъ Псковскаго уѣзда: 1) по Матвѣевской, Негожскаго погоста, 2) Ильинской, Полонскаго погоста, и 3) Георгіевской, Рюшскаго погоста, приходо-расходныя книги пишеть помощникъ благочиннаго Кудрявцева, священникъ Лебятовскаго погоста Полипинъ, съ вѣдома благочиннаго, по просьбѣ, будто-бы, священнослужителей тѣхъ церквей, получая за труды доброхотное ихъ даяніе не свыше 3 руб. сер. въ годъ; кромѣ того, онъ-же, Полипинъ, пишеть книги въ погосты: Прудскій, Прощанскій и Оклюдненскій за такую-же плату; 4) по Михайло-Архангельской, Рожицкаго погоста, книги пишеть тамошній дьячекъ, по приказанію, будто-бы, благочиннаго Кудрявцева, который однако-же сего не подтвердилъ, и тотъ-же дьячекъ вѣдеть книги по Успенской церкви, Савиновскаго погоста, несмотря на то, что при этой церкви три священника, изъ коихъ одинъ окончившій курсъ наукъ въ семинаріи; 5) по Георгіевской церкви, погоста Косина; 6) Георгіевской, погоста Сенина; 7) Ильинской, Вибутскаго погоста и 8) Христорождественской, Чирскаго погоста, книги пишутся благочиннымъ псковскаго каѳедральнаго собора священникомъ Васильевымъ, по просьбѣ, будто-бы, причтовъ и старость тѣхъ церквей, съ полученіемъ за труды отъ старость по ихъ усердію; 9) по Петропавловской церкви, Спрединскаго погоста, книги пишутся несвоевременно и по многимъ статьямъ расхода нѣть росписокъ получателей и самого благочиннаго Раевскаго; 10) по Николаевской, Устиновскаго погоста, также нѣть росписокъ получателей на 123 руб. сер., въ томъ числѣ и самого благочиннаго Раевскаго въ полученіи имъ 64 руб. 60 коп. сер.; 11) по Миновской церкви, Кусовскаго погоста, продажа свѣчъ во всѣхъ мѣсяцахъ 1844 г. по іюнь мѣсяцъ 1845 года записана въ каждомъ по ровной части, чего дѣйствительно быть не можетъ и потому падаетъ подозрѣніе на злоупотребленія церковнаго причта и старости; благочинный-же сей церкви Раевскій ведеть жизнь нетрезвую и даже по вызову слѣдователя являлся къ нему несвоевременно и, притомъ, не совсѣмъ въ исправномъ видѣ;

12) по Николаевской церкви, Таиловского погоста, книги пишеть мѣстный священникъ Малиновскій; но при освидѣтельствованіи оныхъ 2-го іюня 1845 года оказалось, что приходы и расходы писаны въ нихъ недавно, начиная съ 1-го января того года и, притомъ, наугадъ, по соображенію съ прежними годами, ибо за іюнь мѣсяцъ, только-что тогда наступилъ, приходы и расходы были уже написаны и засвидѣтельствованы всѣмъ причтомъ и церковнымъ старостою; въ расходной книжѣ нѣтъ расписокъ получателей за все время съ 1-го января 1845 года и при сличеніи книгъ съ наличностью найдено свѣчъ и денегъ болѣе, чѣмъ по книгамъ значится¹⁾). Синодъ, по разсмотрѣніи ревизіи Аполлинарія, вмѣнилъ псковскому епархіальному начальству: 1) чтобы оно строго и непремѣнно приказало всѣмъ причтамъ и старостамъ церковнымъ вести отчетность по свѣчной операціи и вообще по церковному хозяйству на точномъ основаніи старостинской инструкціи и особо установленныхъ для сего правилъ и формъ, а высыпку денегъ за проданныя свѣчи, равно и повѣрку самыхъ свѣчъ и суммъ производить неотложно въ свое время и съ точностью записывать все въ приходо-расходные книги; консисторіи-же имѣть за симъ неослабное наблюденіе. 2) Благочиннымъ воспретить заниматься письмоводствомъ по церквамъ, ввѣрѣннымъ имъ надзору съ подтверждениемъ, дабы они сколь возможно чаще производили ревизію книгъ о свѣчномъ сборѣ, повѣряя въ то-же время при священно-и церковнослужителяхъ и при старостахъ со всею точностью счетъ денегъ и воска и о послѣдствіяхъ такой повѣрки каждый разъ собственоручно дѣлали надписи на книгахъ, съ строгою въ противномъ случаѣ за неисполненіе сего отвѣтственностью. 3) Обязать благочинныхъ послѣ каждой такой повѣрки доносить консисторіи о томъ, что найдено ими будетъ при осмотрѣ ввѣрѣнныхъ имъ церквей, дабы въ случаѣ открытія неисправностей или злоупотреблений, могли быть въ то-же время приняты нужныя мѣры къ прекращенію оныхъ. 4) Какъ обнаружено, что выдаваемая церквамъ свѣчныя шнуровые книги въ свое время не повѣрялись, а нѣкоторыя и вовсе не свидѣтельствовались, то возложить на обязанность консисторіи строго и неослабно наблюдать, дабы какъ повѣрка, такъ и свидѣтельствованіе сихъ книгъ производимы были неупустительно и о послѣдствіяхъ того и другого составлялись надлежащіе акты. 5) Обстоятельства обѣ усмотрѣнныхъ невѣрностяхъ въ шнуровыхъ свѣчныхъ книгахъ предоставить хозяйственному управлѣнію.

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ синодальный указъ отъ 9-го іюля 1847 года.

ленію при св. синодѣ принять въ соображеніе при ревизіи свѣчныхъ отчетовъ. Притомъ св. синодъ предписалъ сдѣлать учетъ бывшему старостѣ псковской Покровской церкви, мѣщанину Латкину, за время его службы, для обнаруженія изъясненнаго въ актѣ священника Василия Лебедева злоупотребленія, а также преемнику Латкина, купцу Федотову. Дѣйствія причта и старосты Николаевской Таиловской церкви, по которой приходы и расходы писались впередъ наугадъ, по соображенію съ свѣчными книгами прежнихъ лѣтъ, синодъ подвергнулъ особому разсмотрѣнію консисторіи, съ тѣмъ, чтобы о послѣдствіяхъ этого разсмотрѣнія было донесено св. синоду. Съ причта и старосты Богословской церкви, употребившихъ безъ дозвolenія начальства изъ свѣчной суммы 314 руб. сер. на покупку колокола, а равно съ благочиннаго Пятницкаго, допустившаго такое самоуправство въ распоряженіи церковныхъ достояніемъ, по слабости надзора за вѣренными ему церквами, синодъ полагалъ взыскать эту сумму. Поступокъ благочиннаго Александра Лебедева, который, зная о дѣлахъ и непорядкахъ по церкви Покровской, обнаруженныхъ священникомъ Василиемъ Лебедевымъ, изъ акта 3-го мая 1843 года объ освидѣтельствованіи суммъ и свѣчъ церковныхъ, никакого учета старостѣ Латкину не дѣлалъ и даже по окончаніи первой половины того года книгъ приходо-расходныхъ не повѣрялъ и оставилъ ихъ безъ засвидѣтельствованія, св. синодъ поручилъ разсмотрѣнію псковского епархіального начальства, съ тѣмъ, чтобы о послѣдующемъ донесено было ему. Благочинный Пятницкій былъ удаленъ св. синодомъ отъ благочиннической должности, какъ изобличенный по слѣдствію въ слабомъ смотрѣніи за веденіемъ отчетности о свѣчныхъ деньгахъ по вѣренному ему благочинію, въ явномъ и предосудительномъ упущеніи лежащихъ на немъ обязанностей, и какъ неблагонадежный. Мало того: Пятницкаго вѣльно было устранить даже отъ присутствія въ консисторіи въ продолженіе всего того времени, какъ псковская консисторія будетъ разматривать и обсуждать поступки церковныхъ старостъ и причтовъ по замѣченіямъ по благочинію Пятницкаго безпорядкамъ и упущеніямъ. Благочинный Раевскій, оказавшійся по слѣдствію неисправнымъ въ отправленіи лежащихъ на немъ обязанностей и замѣченный лично производившимъ ревизію, архимандритомъ Аполлинаріемъ, нетрезвымъ, былъ также удаленъ синодомъ отъ должности благочиннаго. Псковской консисторіи было поставлено на видъ слабое смотрѣніе ея вообще за благочинными, а въ особенности неразборчивость ея при назначеніи неблагонадежныхъ лицъ въ эти должности, а за то, что она въ своихъ опредѣленіяхъ неправильно обвиняла священника Лебедева,

сдѣланъ строгій выговоръ. Что-же касается самого Лебедева, то хотя онъ былъ объявленъ невиннымъ по настоящему дѣлу, но ему было сдѣлано замѣчаніе за надпись на шнуровыхъ книгахъ. Просьба-же его о разрѣшеніи ему священнослуженія оставлена безъ удовлетворенія до окончанія о немъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ дѣлъ¹).

Хотя въ синодскомъ указѣ не заключалось прямого выговора архіерею и синоду, повидимому, не затрагивалъ его, но у Наѳанапла было на столько догадливости, чтобы понять, какъ много этотъ указъ содѣжалъ въ себѣ намековъ, прямо относившихся къ нему, и какимъ обличеніемъ служило ему это молчаніе. Наѳанапль былъ не въ состояніи сдѣржать своего гнѣва и поторопился излить его, повидимому, на ревизорѣ, а въ сущности на синодѣ, назначившемъ такого ревизора. «Я не могу думать, писалъ Наѳанапль синоду, по полученіи имъ упомянутаго указа, чтобы слѣдователь самъ отъ себя рѣшился вымышлять и писать ложь, толь очевидную; здѣсь должна быть шутка надъ легковѣремъ его, можетъ быть, тѣмъ-же кляузникомъ Лебедевымъ сыгранная... Непріятнѣе всего то, что слѣдователь обнесъ предъ св. синодомъ доброго и почтенного священнослужителя, бывшаго благочиннымъ, Раевскаго, написавъ въ донесеніи своемъ, что Раевскій явился къ нему въ нетрезвомъ видѣ. Слѣдователь сдѣлалъ такое заключеніе о священнике Раевскомъ, какъ самъ онъ въ тотъ-же день изъяснился протоіерею каѳедральному, потому единственno, что Раевскій при явкѣ къ нему трясся и насилиу говорилъ (это подлинныя слова слѣдователя), впрочемъ виннаго запаху отъ него не слышалъ. Надобно знать, что священникъ Раевскій, при отлично хорошихъ качествахъ и способностяхъ, человѣкъ чрезвычайно робкій и притомъ косноязыченъ. Онъ каждый разъ, какъ является и ко мнѣ, трясется и, по косноязычію, съ трудомъ объясняется. Но отецъ слѣдователь, видно, еще не научился отличать природныхъ недостатковъ отъ нравственныхъ слабостей.

«Ревизія болѣе строгая и болѣе умная, безъ сомнѣнія, была-бы гораздо полезнѣе и раскрыла-бы дѣло въ лучшемъ видѣ, нежели ревизія толь поверхностная, сопровождающаяся одними лишь огорченіями людей честныхъ и заслуженныхъ, которыхъ честь теперь должна страдать невинно»²).

¹) См. въ вышеупомянутомъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 9-го июля 1847 г.

²) См. въ дѣлѣ по доносамъ священника Василія Лебедева о злоупотребленіяхъ свѣчными доходами по псковской епархіи рапортъ синоду Наѳанапла отъ 24-го октября 1847 года.

Ревизія Аполлинарія не только не исправила зла, но еще более ожесточила Наeanaiла и псковскую консисторію. Синодский указъ какъ-бы намѣренно не исполняли. Псковское епархіальное начальство ничего не предпринимало для пресъченія тѣхъ злоупотребленій, о которыхъ было доведено до свѣдѣнія синода, и не стыдилось даже дѣлать явный подлогъ. Такъ, напр., благочинный Пятницкій, который долженствовалъ быть удаленъ отъ должности по синодальному указу, псковскимъ епархіальнымъ начальствомъ былъ уволенъ по его прощенію, въ то самое время, когда уже полученъ былъ синодскій указъ объ его удаленіи; въ консисторію на мѣсто Пятницкаго назначили соборнаго священника Иоанна Васильева, изображенаго по ревизіи архимандрита Аполлинарія въ беспорядкахъ по церковному хозяйству. Церковное воровство продолжалось по-прежнему. Такъ, Лебедевъ доносилъ, что «протоіерей Кудрявцевъ подъ предлогомъ обветшанія и измѣненія многихъ церковныхъ вещей, выпросивъ позволеніе перемѣнить описи, украдъ много серебра, каменьевъ и жемчугу и даже самыхъ иконъ. Жемчугъ протоіерей Кудрявцевъ показалъ проданнымъ за 10 руб. серебромъ, тогда какъ того невозможно было продать и за 800 руб. серебромъ. Иконы Кудрявцевъ показалъ отদанными въ псковскую единовѣрческую церковь, но туда ни одна икона не поступала»¹). Кромѣ того, Лебедевъ никакъ не соглашался допустить кого-либо изъ членовъ псковской консисторіи произвести учетъ мѣщанину Латкину, «потому-что всѣ занимающіе судейскія стулья въ псковской консисторіи суть тѣ лица, которыхъ, ясно видѣвъ виновность Латкина, его оправдали, а Лебедева обвинили; начать на Латкина, имъ отглаженный, оставили не приведеннымъ въ ясность и намѣренно своевременнаго учета не произвели»²). Синодъ пораженъ былъ тою наглостью, съ которой псковское епархіальное начальство обращалось съ его указомъ, а потому онъ пересталъ церемониться съ Наeanailомъ: назначенъ былъ новый ревизоръ для новаго изслѣдованія справедливости жалобъ Лебедева, «доказывающаго очевидными фактами разныя неправильныя дѣйствія членовъ псковской консисторіи, а также для дознанія справедливости возраженій преосвященнаго псковскаго противъ произведенаго архимандритомъ Аполлинаріемъ слѣдствія, требующихъ, впрочемъ, точнѣйшаго и ближайшаго удостовѣренія въ справедливости онъхъ». Новый ревизоръ былъ ректоръ

¹) См. въ приведенномъ дѣлѣ письмо Лебедева къ Пратасову отъ 24-го октября 1847 года.

²) См. тамъ-же рапортъ Наeanailа св. синоду отъ 29-го ноября 1847 года.

черниговской семинарии Симеонъ, которому синодъ приказалъ обратить строгое вниманіе на порядокъ производства и на рѣшеніе по консисторіи дѣлъ о безпорядкѣ по свѣчной продажѣ, а также касающихся священника Лебедева¹). Синодъ, извѣщаючи Наѳанаила о назначеніи новой ревизіи, въ то-же время сдѣлалъ ему замѣчаніе за то, что онъ опредѣлилъ членомъ консисторіи на мѣсто протоіерея Пятницкаго священника Іоанна Васильева, прикоcновенного къ дѣлу о безпорядкахъ по свѣчной продажѣ, и предписалъ ему устраниТЬ послѣдняго отъ присутствованія въ консисторіи. Далѣе, въ этомъ-же указѣ синодъ писалъ, что «онъ не можетъ оставить безъ вниманія оскорбительныя для архимандрита Аполлинарія объясненія преосвященнаго псковскаго въ рапортѣ отъ 24-го октября за № 38, а потому, замѣтивъ и сіе преосвященному, предпи-
сать ему, чтобы онъ на будущее время въ донесеніяхъ своихъ вы-
шему начальству соблюдать должное приличіе»²). Ревизія архимандрита Симеона вполнѣ подтвердила доность Лебедева. Пятницкій дѣйствительно былъ уволенъ, по прошенію, уже по полученіи синодального указа объ удаленіи его отъ должности. «При разсмотрѣніи дѣла объ увольненіи Пятницкаго отъ должности благочиннаго, усмотрѣно было мною, писалъ ревизоръ, что Пятницкій уволенъ 22-го сентября, въ самое число, коимъ помѣченъ указъ св. синода объ удаленіи его отъ должности»³). Зло-
употребленія по свѣчной продажѣ существовали по-прежнему и, при разсмотрѣніи 20-ти приходо-расходныхъ книгъ, найдено ревизоромъ, что: 1) запись восковыхъ свѣчъ производится не однообразно, вопреки синодскому указу отъ 12-го сентября 1847 года. 2) Благочинные не производятъ ревизіи церковныхъ книгъ, а потому въ нихъ найдено много неисправностей, опущеній и даже злоупотребленій; священники даже не имѣли копіи съ синодального указа отъ 12-го сентября 1847 года. 3) Священники и старосты, объясняя малозначительность свѣчной вы-
ручки, жаловались на продажу свѣчъ въ раздробь, производимую во Псковѣ псковскимъ мѣщаниномъ Федоромъ Барзовымъ. 4) Самъ каѳедральный протоіерей самовольно взялъ на себя должность соборнаго церковнаго старосты, выдавалъ крестьянамъ и звонарямъ жалованье за свѣчную

¹) См. въ дѣлѣ по доносамъ священника Василія Лебедева о злоупотребленіяхъ свѣчными доходами по псковской епархіи указъ синодальный отъ 10-го декабря 1847 года.

²) См. вышеприведенный указъ синода отъ 10-го декабря 1847 года.

³) См. въ этомъ-же дѣлѣ письмо архимандрита Симеона къ Пратасову отъ 13-го января 1848 года.

продажу и кошельковый сборъ и дозволялъ женщинамъ продажу въ часовняхъ свѣтъ съ выдачею имъ за это десятаго процента съ рубля. 5) Псковская консисторія, имѣя въ дѣлахъ своихъ донесеніе Знаменскаго отъ 4-го октября 1839 года о злоупотребленіяхъ соборнаго старосты купца Смоленскаго и получивъ въ началѣ 1841 года донесеніе того-же Знаменскаго обѣ усердномъ и ревностномъ прохожденіи означеніемъ Смоленскими въ теченіи 9-ти лѣтъ сряду старостинской должности съ ощущительною пользою для церкви, вошла въ синодъ съ представлениемъ обѣ исходатайствованіи Смоленскому награды. 6) Та-же консисторія дѣлала распоряженіе о собраніи денегъ со всѣхъ церквей псковской епархіи на доставку св. мѣра. 7) При разсмотрѣніи рапортовъ причта и старосты Космо-Даміанской церкви о перемѣнѣ въ 1837 и 1844 годахъ описей церковнаго имущества, консисторія не произвела надлежащей повѣрки новыхъ описей и несправедливо заключила, что изъ старой описи и реестра прибылого имущества внесены въ новую опись всѣ вещи, а противъ тѣхъ, которая не внесены по ветхости, сдѣланы надлежащія отмѣтки, между тѣмъ какъ таковыхъ отмѣтокъ, особенно на описи 1837 года, совершенно нѣтъ, и изъ старыхъ описей не внесено въ новыя много вещей съ богатыми украшеніями, хранящихся въ кладовой. 8) По дѣлу о неблагонадежныхъ поступкахъ пономаря Кудрявцева, консисторія оставила безъ вниманія, что послѣдній изобличалъ сторожа Степанова съ женою въ продажѣ церковныхъ свѣтъ и въ высыпкѣ свѣтъныхъ денегъ изъ ящиковъ, что подтвердили священникъ и староста. 9) Протоіерей Знаменскій изобличается въ недобросовѣтности, какъ дозволившій себѣ сдѣлать епархіальному начальству о бывшемъ церковномъ старостѣ два донесенія, совершенно противорѣчащія одно другому. 10) Протоіерей Кудрявцевъ, находясь при Космо-Даміанской церкви, допустилъ, при перемѣнѣ въ ней описей церковнаго имущества, совершенные безпорядки, не внеся въ новую опись много вещей съ драгоцѣнными украшеніями, дозволялъ себѣ продажу церковнаго серебра и передѣлку онаго на разныя вещи безъ разрѣщенія епархіального начальства и тѣмъ обнаружилъ самоуправство въ распоряженіи церковною собственностью, навлекая на себя по разнымъ допущеннымъ при семъ случаѣ дѣйствіямъ даже подозрѣніе въ расхищенніи¹⁾.

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода по донесамъ священника Василія Лебедева о злоупотребленіяхъ свѣтъными доходами по псковской епархіи донесеніе въ синодъ архимандрита Симеона отъ 21-го июня 1849 года.

Еще архимандритъ Симеонъ не кончилъ своей ревизіи, какъ новое обстоятельство, случившееся съ Лебедевымъ, возбудило въ Пратасовѣ и синодѣ особенное участіе къ его судьбѣ и нерасположеніе къ дѣйствіямъ псковскаго епархіального начальства: получено было офиціальное извѣщеніе въ синодѣ, что Лебедевъ 7-го февраля 1847 года заключенъ, по опредѣленію палаты уголовнаго суда, въ псковской тюремный замокъ. Обстоятельство это поразило синодъ и раздражило Пратасова. Псковская палата уголовнаго суда нашла Лебедева виновнымъ въ дерзостяхъ и грубостяхъ противъ епархіального начальства, въ неповиновеніи законной власти и въ произнесеніи ругательствъ въ присутствіи консисторіи на членовъ ея, за что, на основаніи 156, 292, 298, 309, 310, 312, 365 и 424 ст. Уложенія о наказаніяхъ, опредѣлила, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ Сибирь на поселеніе. Начальникъ Псковской губерніи, представляя дѣло о Лебедевѣ на ревизію сената, въ рапортѣ своемъ смягчилъ жестокость приговора палаты такимъ образомъ: «лишивъ Лебедева всѣхъ особыхъ, личныхъ и по состоянію присвоенныхъ ему правъ, сослать на житѣе въ Томскую или Тобольскую губернію»¹). Такимъ образомъ Лебедевъ, какъ уголовный преступникъ, попалъ въ тюрьму. Синодъ, подвигнутый состраданіемъ къ нему, призналъ распоряженіе псковской консисторіи о преданіи его уголовному суду неправильнымъ и недѣйствительнымъ, во-первыхъ, потому что всѣ взводимыя на него преступленія, еслибы они даже были и доказаны, не подходятъ ни къ одному изъ случаевъ, подвергающихъ лица духовнаго званія свѣтскому суду; во-вторыхъ, потому что главнѣйшій фактъ, на которомъ основаны взводимыя на Лебедева обвиненія, есть журнальное постановленіе псковской консисторіи 7-го декабря 1843 года, въ коемъ описаны противозаконные поступки Лебедева, оказанные имъ въ присутствіи консисторіи, въ чемъ онъ, впрочемъ, не сознался и достаточнымъ образомъ законно не уличенъ, а напротивъ, наводя съ своей стороны, сомнѣніе на своевременное и правильное составленіе означенной журнальной статьи консисторіи, указываетъ въ ней разныя упущенія, лишающія, по мнѣнію его, документъ сей законной силы. Пратасовъ заключеніе синода довелъ до свѣдѣнія сената и просилъ его распоряженія, чтобы дѣло о Лебедевѣ, производившееся въ гражданскомъ вѣдомствѣ, какъ возникшее отъ неправильнаго распоряженія консисторіи,

¹) См. въ дѣлѣ по всеподданѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ указъ 10-го іюня 1848 года.

было предоставлено по принадлежности дальнѣйшему разсмотрѣнію св. синода, самъ-же Лебедевъ былъ переданъ по-прежнему въ епархиальное вѣдомство¹⁾. За этимъ послѣдовали запросы отъ синода псковской консисторіи, по какимъ уваженіямъ она, вопреки 158 ст. Уст. консист., подвергла Лебедева суду гражданскаго вѣдомства. Наeanaiлъ на эти запросы взялся самъ отвѣтить синоду за консисторію. Въ рапортѣ своемъ синоду отъ 29-го ноября 1848 года онъ объяснялъ, что священникъ Лебедевъ преданъ свѣтскому суду на основаніи 3-го пункта 159 ст. Устава духовныхъ консисторій, гдѣ сказано, что лица духовнаго званія подлежать свѣтскому суду въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Поступокъ Лебедева, который въ присутствіи консисторіи, отказываясь отъ дачи отвѣтствъ, съ крайнею наглостью и крикомъ неоднократно называлъ членовъ и секретаря консисторіи покровителями воровъ и свято-татцевъ, консисторія могла сочестъ, такъ какъ и онъ самъ, по крайнему своему разумѣнію закона, счелъ, принадлежащимъ къ тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ, сообразуясь особенно съ мѣрою наказанія, за поступки такого рода закономъ опредѣляемою. Ибо въ 309 ст. Улож. о наказ. уголовн., изд. 1845 года, между прочимъ, изображенено: «Если кто до такой дерзости дойдетъ, что въ присутствіи или составляющихъ оное членовъ, таковой подвергается ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а буде по закону не изъять отъ тѣлеснаго наказанія, и наказанію плетьми чрезъ палачей»²⁾.

Синодъ, не обращая вниманія на отзывъ Наeanaiла, снова предписалъ уже ему самому представить подробное объясненіе: по какимъ уваженіямъ псковская консисторія, вопреки 158 ст. Устава духовныхъ консисторій, подвергла священника Лебедева суду гражданскаго вѣдомства; были-ли предварительно со стороны епархиального начальства приняты надлежащія мѣры для обращенія его къ долгу подчиненности, и по какому поводу преосвященный въ своемъ донесеніи, въ основаніе распоряженія епархиального начальства о преданіи Лебедева уголовному суду, ссылается на Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, тогда какъ это уложеніе издано уже послѣ означеннаго распоряженія, учиненнаго еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1845 года³⁾. Это предписаніе до того

¹⁾ См. вышеприведенный указъ 10-го іюня 1848 года.

²⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархиальнымъ начальствомъ рапортъ Наeanaiла св. синоду отъ 29-го ноября 1848 г.

³⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ синодскій указъ отъ 10-го декабря 1848 г.

обидѣло Наѳанаила, что онъ въ рапортѣ своемъ синоду на предложеніе ему вопросы отвѣчалъ, что «какъ о ругательствахъ Лебедева въ присутствіи консисторіи, такъ и о преданіи его по сему случаю уголовному суду въ свое время было имъ доносимо св. синоду и донесеніе сіе принято св. синодомъ безъ всякаго замѣчанія»¹⁾. Въ этихъ словахъ преосвященнаго псковскаго слышится не только упрекъ синоду, но и иронія надъ его опрометчивостью, несамостоятельностью и шаткостью мнѣній и убѣждений. Такія объясненія естественно должны были еще болѣе раздражить Пратасова, вслѣдствіе настоящій котораго синодъ опять потребовалъ у Наѳанаила и псковской консисторіи, чтобы они, независимо отъ прежнихъ объясненій, доставили новое: по какимъ уваженіямъ, вопреки 158 ст. Устава духовныхъ консисторій, подвергли Лебедева суду гражданскаго вѣдомства²⁾? Послѣ того какъ вопросъ уже былъ поставленъ такъ категорически, отвѣтъ на него стѣлся невозможнымъ. Наѳанаиль и консисторія замолчали. Тогда послѣдовалъ изъ синода грозный указъ, въ которомъ высказано много горькаго и колкаго для Наѳанаила. «Святѣйшій синодъ, говорится въ этомъ указѣ, разсмотрѣвъ въ подробности дѣло, совокупно съ истребованными отъ псковской консисторіи объясненіями о причинахъ и основаніяхъ, по коимъ священникъ Лебедевъ подвергнутъ былъ уголовному суду, находитъ: 1) что, на основаніи примѣч. къ 888 ст. Св. Зак. и 158 ст. Устава духовныхъ консисторій, всѣ лица духовнаго званія за проступки и преступленія противъ должности, благочинія и благоповеденія подлежать суду епархіального начальства, и потому псковская консисторія, для обращенія священника Лебедева къ своему долгу, обязана была употребить мѣры исправленія и взысканія, указанныя въ 187 ст. того-же устава; но въ отношеніи къ Лебедеву правило сіе не исполнено, ибо онъ подвергнутъ былъ лишь выговору и потомъ запрещенію въ священнослуженіи, а за симъ преданъ уголовному суду, тогда какъ епархіальное начальство имѣло возможность принять для вразумленія Лебедева болѣе строгія мѣры, въ вышеприведенной статьѣ Устава духовныхъ консисторій поименованныя; 2) что если консисторія приписываемыя Лебедеву противозаконныя дѣйствія признала подлежащими уголовному суду, то и въ такомъ случаѣ, на основаніи 160 ст. Устава, первоначальное изслѣдованіе должно было произвестъ въ духовномъ вѣдомствѣ порядкомъ, установленнымъ въ законахъ; но и сіе правило не исполнено, и Лебедевъ преданъ уголовному

¹⁾ Тамъ-же рапортъ Наѳанаила синоду отъ 14-го декабря 1848 года.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ синодскій указъ отъ 22-го декабря 1848 г.

суду безъ производства въ духовномъ вѣдомствѣ означенного изслѣдованія; 3) что по существу самого дѣла о священникѣ Лебедевѣ, главнѣйшимъ фактамъ къ обвиненію его представляется выставленный консисторіею 7-го декабря 1843 года журналъ, въ которомъ описаны дерзкія выраженія, произнесенные Лебедевымъ въ присутствіи консисторіи; но актъ сей не можетъ быть принятъ за неопровергнутое доказательство къ совершенному обвиненію подсудимаго въ приписываемыхъ ему поступкахъ; ибо Лебедевъ, не сознаваясь въ таковыхъ поступкахъ, въ объясненіяхъ своихъ наводить сомнѣніе на своевременное и правильное составленіе означенной журнальной статьи консисторіи и указываетъ въ ней разныя упущенія, лишающія, по мнѣнію его, документъ сей законной силы; стороннихъ-же свидѣтелей къ изобличенію Лебедева по дѣлу никого не указано, а на членовъ и секретаря консисторіи, участвовавшихъ въ составленіи помянутаго журнала, Лебедевъ объявляетъ подозрѣніе, изъясняя, что они взвели на него обвиненія изъ личнаго къ нему неудовольствія за открываемыя имъ злоупотребленія по продажѣ въ псковской епархіи церковныхъ свѣтъ, о чѣмъ по доносамъ его, Лебедева, производится въ св. синодѣ особое дѣло; 4) что взводимыя на Лебедева обвиненія въ упущеніяхъ по церковнымъ приходо-расходнымъ книгамъ восходили уже на разсмотрѣніе св. синода и, по опредѣленію онаго, послѣдовавшему въ іюль мѣсяцѣ 1847 года, онъ отъ суда по сему предмету освобожденъ. Изъ всего вышепизложеннаго открывается, что псковская консисторія, какъ уже признано и правительствующими сенатомъ, неправильно предала Лебедева уголовному суду за такие поступки, которые подлежали сужденію духовнаго начальства, и чрезъ то подвергла его крайнему стѣсненію; но, съ другой стороны, и самъ Лебедевъ, въ раздраженіи своемъ считая себя утѣсняемымъ за ревность его къ открытому злоупотребленій, вышелъ изъ границъ должностнаго приличія и послушанія мѣстному своему начальству и въ данныхъ имъ уголовной палатѣ на бумагѣ объясненіяхъ дозволилъ себѣ употребить дерзкія выраженія, оскорбляющія начальствующихъ надъ нимъ лицъ и строго воспрещаемыя законами. Св. синодъ, сообразивъ всѣ сіи обстоятельства и имѣя въ виду, что Лебедевъ постоянно остается недоволенъ всѣми распоряженіями обѣ немъ епархиальнаго начальства и, почитая себя утѣсненнымъ, отказывается отъ выполненія требованій онаго, а потому дальнѣйшее оставленіе Лебедева въ псковской епархіи представляется неудобнымъ, опредѣляется: 1) членамъ псковской консисторіи, подписавшимъ неправильное и несогласное съ законами опредѣленіе о преданіи священника Василія Лебедева уголовному суду, имѣвшее послѣдствіемъ для него стѣсненіе и заключеніе

ние въ тюремномъ замкѣ, сдѣлать строжайшій выговоръ со внушеніемъ, чтобы на будущее время въ дѣйствіяхъ своихъ были осмотрительнѣе и соблюдали въ точности преподанныя въ руководство правила; 2) по оглашенію Лебедева въ неуважительномъ обращеніи въ присутствіи консисторіи и произнесеніи оскорбительныхъ словъ къ членамъ ея, за неимѣніемъ въ виду твердыхъ доказательствъ къ обвиненію его въ таковыхъ дѣйствіяхъ, оставить по сему предмету въ подозрѣніи, а за помѣщеніе имъ въ данныхъ уголовной палатѣ объясненіяхъ дерзкихъ выражений на счетъ начальствующихъ надъ нимъ лицъ. вмѣнить ему въ наказаніе бытность его подъ запрещеніемъ священнослуженія, подъ судомъ и содержаніе въ теченіи 9 мѣсяцевъ въ тюремномъ заключеніи, внушивъ, притомъ, ему, чтобы впредь не выходилъ изъ повиновенія установленной власти и не позволялъ себѣ поступковъ, запрещаемыхъ законами, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности; и 3) какъ дальнѣйшее пребываніе Лебедева въ псковской епархіи при настоящихъ обстоятельствахъ оказывается несовмѣстнымъ, то перевезти его въ тверскую епархію, предоставивъ тамошнему преосвященному дать ему священническое мѣсто по своему усмотрѣнію» ¹⁾.

Но Лебедевъ, на зло Наѳанаилу, не думалъ вѣхать въ тверскую епархію; онъ послалъ прошеніе къ Пратасову, въ которомъ умолялъ его ходатайствовать предъ св. синодомъ, чтобы ему было позволено, по болѣзниенному его состоянію, оставаться въ Псковѣ заштатнымъ священникомъ, съ правомъ отправлять богослуженіе, когда позволить ему его здоровье. «Не состоя въ кругу дѣйствительной службы, писалъ онъ Пратасову, я не буду видѣть того, о чёмъ я прежде писалъ вашему сіятельству; не буду имѣть обязанности видѣть отвѣтствовать за молчаніе, но буду имѣть насущный кусокъ хлѣба. Въ случаѣ-же совершеннаго лишенія зрѣнія, которымъ угрожаетъ мнѣ постоянная болѣзнь головы моей и частые припадки, нерѣдко отнимающіе всю возможность къ зрѣнію и даже при посредствѣ стеколъ,—уголъ, на часть мою доставшійся въ домъ родителя моего, будетъ мнѣ пріютомъ, а кусокъ хлѣба и чаша студеной воды, поданные мнѣ и женѣ моей дѣтьми моими, будутъ мнѣ наградою тѣхъ праведныхъ трудовъ моихъ, безкорыстной ревности и усердія моего, съ которыми я, при строгой моей и безукоризненной жизни, въ продолженіи 33 лѣтъ трудился для пользы церкви, епархіи и ближняго, и въ трудахъ тѣхъ потерялъ здоровье, зрѣніе и самую честь, едва

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ синодскій указъ отъ 8-го июня 1849 года.

удержавъ санъ, 30 лѣтъ носимый и честно охраняемый мною»¹⁾. Синодъ, по предложению Пратасова, согласился на просьбу Лебедева. Это обстоятельство не только раздражило Наёнаила, но и сдѣлало его больнымъ, а слухи, дошедши до него изъ Петербурга, что результатъ и второй ревизіи будетъ такъ-же неблагопріятенъ ему, какъ и первой, окончательно сложили его въ постель. Оставалось, впрочемъ, еще средство успокоить себя и помириться съ Пратасовымъ, именно: выдать головою своихъ любимцевъ, особенно Знаменского. На этотъ единственно возможный способъ примиренія дѣлаемы были намеки изъ Петербурга; прибѣгнуть къ этому средству совѣтовали Наёнаилу и ректоръ псковской семинаріи архимандритъ Антоній, и секретарь псковской консисторіи Алякринскій, но преосвященный, считая предательствомъ оставить своихъ любимцевъ въ самую критическую для нихъ минуту, отвѣчалъ на предложеніе вышеозначенныхъ лицъ, что онъ уже слишкомъ далеко зашелъ, что ему трудно вернуться и что онъ рѣшился до конца вытерпѣть мученія. Между тѣмъ, Наёнаилъ сталъ страдать безсонницею, у него начали появляться частые приливы крови къ головѣ, и хотя въ августѣ 1849 года пустили ему кровь изъ руки, но это ни мало не облегчило его страданій; напротивъ, черезъ нѣсколько дней послѣ кровопускания онъ почувствовалъ сильную лихорадку и давленіе подъ ложечкой. Въ послѣднихъ числахъ августа, ведомый подъ руки, онъ вышелъ въ свой садъ; во время этой прогулки былъ очень разговорчивъ съ окружавшими его, но въ словахъ больного архипастыря уже слышалось предчувствіе близкой смерти и другой жизни. Любаясь зрѣлостью и красотою плодовъ, онъ сказалъ: «Все это хорошо только на время, и ничто въ здѣшнемъ мірѣ не стоитъ постоянной привязанности, и самая настоящая жизнь не стоитъ того, чтобы жить для нея одной», и потомъ, взглянувъ на солнце, прибавилъ: «и я скоро приближусь къ тебѣ». Чрезъ два дня послѣ этого, въ 10 часовъ утра, страшная агонія овладѣла имъ и послѣ получасового боренія съ жизнью онъ скончался²⁾.

Результаты второй ревизіи узналъ не Наёнаиль, но его преемникъ, которому пришлось быть свидѣтелемъ кары, постигшей любимцевъ Наёнаила, и слышать, что доносы Лебедева на клевета, а правда. Вслѣдствіе этой ревизіи, синодъ опредѣлилъ: 1) предписать преосвященному Платону,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ письмо Лебедева къ Пратасову отъ 19-го июля 1849 года.

²⁾ См. секретную записку, подъ заглавіемъ: «Псковская епархія съ 1840 по 1849 годъ».

управлявшему тогда псковскою епархию, о подтверждении всѣмъ причтамъ и старостамъ церквей, чтобы отчетность по свѣчной операціи и вообще по церковному хозяйству ведена была на точномъ основаніи старостинской инструкціи и особо установленныхъ для сего правиль и формъ, а высыпка денегъ за проданныя свѣчи, равно какъ и повѣрка са-мыхъ свѣчъ и суммъ производилась непремѣнно въ свое время и съ точ-ностью записывалось все въ приходо-расходныя книги, за чѣмъ консти-сторіи имѣть неослабное наблюдение; 2) подтвердить благочиннымъ, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не занимались письмоводствомъ по цер-квамъ, ввѣреннымъ имъ надзору, но сколь возможно чаще производили ревизіи книгъ о свѣчномъ сборѣ, повѣряя въ то-же время при священо-и церковнослужителяхъ и при старостахъ со всею точностью счетъ денегъ и воска и о послѣдствіяхъ таковой повѣрки каждый разъ собственно-ручно дѣлали надписи на книгахъ; о томъ-же, что ими будетъ найдено при осмотрѣ ввѣренныхъ имъ церквей, доносили безъ малѣйшаго отлага-тельства консисторіи, дабы, въ случаѣ открытия какихъ-либо неисправно-стей или злоупотребленій, можно было своевременно принять нужныя мѣры къ отвращенію оныхъ. При семъ предварить благочинныхъ, что въ случаѣ несоблюденія съ ихъ стороны вышепрописанного порядка, всѣ могущія произойти упущенія останутся на непосредственной ихъ отвѣт-ственности¹); 3)protoiereevъ: Знаменскаго и Кудрявцева, употреблявшихъ во зло довѣріе къ нимъ епархиального начальства и дозволившихъ себѣ дѣйствія, превышающія права предоставленной имъ власти, съ обна-руженіемъ, притомъ, своей неблагонадежности, отъ присутствія въ конси-сторіи удалить, предоставивъ преосвященному Платону на мѣсто ихъ избрать другихъ, благонадежныхъ членовъ и объ утвержденіи ихъ пред-ставить св. синоду; а между тѣмъ, обратить бдительное вниманіе на по-рядокъ производства дѣлъ въ псковской консисторіи и принять зависящія отъ него законныя мѣры къ приведенію оной въ надлежащее устройство; 4) поручить консисторіи въ новомъ составѣ войти въ разсмотрѣніе обстоятельства относительно увольненія протоiereя Пятницкаго отъ благочиннической должности, по прошенію, въ то время, какъ уже полу-ченъ былъ указъ св. синода объ удаленіи его отъ означенной должности и, постановивъ по сему предмету опредѣленіе на законномъ основаніи, представить св. синоду²). Дѣйствіе этого указа на псковское епархиаль-

¹) Эти два пункта были также помѣщены въ синодскомъ указѣ, состоявшемся послѣ первой ревизіи.

²) См. въ дѣлѣ по всеподданѣйшей жалобѣ священика г. Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархиальнымъ начальствомъ указъ отъ 10-го февраля 1850 года.

ное начальство и на все духовенство было подобно действию пронесшагося урагана. Духовенство, более или менѣе причастное къ тѣмъ-же злоупотребленіямъ, въ какихъ были обвинены нѣкоторые изъ членовъ консисторіи и изъ священниковъ, начало действовать законнѣе, изъ боязни, чтобы и его не постигло достойное наказаніе. Для него въ это время и смерть Наѳанаила казалась какимъ-то многознаменательнымъ явленіемъ, хотя, въ сущности, она служила примирительною жертвою. Съ преемникомъ его, Платономъ, у Пратасова не было угловатыхъ отношеній; напротивъ, онъ имѣлъ особенные побужденія ласкать его и ему угоджать, потому что Платонъ, находившійся въ весьма хорошихъ отношеніяхъ къ князю Суворову и рекомендованный имъ съ отличной стороны Государю, былъ удостоенъ аудіенціи и произвелъ на Императора Николая I самое выгодное впечатлѣніе. Теперь Пратасову уже болѣе не былъ нуженъ тотъ человѣкъ, который послужилъ для него такимъ прекраснымъ орудіемъ къ раскрытию беспорядковъ псковскаго епархіального начальства и къ его наказанію; Лебедеву слѣдовало-бы молчать, но онъ опять заговорилъ. Впрочемъ, къ своимъ новымъ доносамъ онъ былъ подвигнутъ поступками Платона. Преемнику Наѳанаила было непріятно имѣть вблизи себя такого неугомоннаго и страшнаго цензора епархіального начальства, каковъ былъ Лебедевъ, и онъ, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что Лебедевъ посредствомъ Пратасова домогался получить штатное священническое мѣсто при псковской Никитской церкви, донесъ синоду, что «самое это домогательство Лебедева ясно показываетъ, что болѣзнь, по которой Лебедевъ получилъ дозволеніе оставаться въ псковской епархіи за штатомъ, была временною, отъ которой онъ теперь выздоровѣлъ, или послужила ему только предлогомъ испросить дозволеніе оставаться въ псковской епархіи, вопреки опредѣленію св. синода о перемѣщении его въ тверскую. Но, оставаясь въ псковской епархіи и виѣ штата, онъ, Лебедевъ, вреденъ для сей епархіи, ибо наущеніемъ и составленіемъ несправедливыхъ просьбъ производить разстройство въ епархіи, возбуждаетъ неблагопокорность епархіальному начальству и вмѣстѣ подаетъ поводъ къ напрасному производству такихъ дѣлъ, которыя отнимаютъ только время отъ другихъ полезнѣйшихъ занятій, навлекаютъ нареканіе на духовенство и унижаютъ начальство»¹⁾). Въ доказательство того, что Лебедевъ действительно занимается составленіемъ бумагъ для другихъ, Платонъ приложилъ при своемъ рапорѣ черновыя просьбы, писанныя рукою

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ преосвященнаго Платона синоду отъ 11-го мая 1853 года.

Лебедева, отъ имени торопецкаго священника Воздвиженскаго, столона-чальника консисторіи Протопопова и бывшаго славковскаго діакона Косьмы Семенова, а также привель отзывъ о Лебедевѣ благочиннаго Кунинскаго¹), который, несмотря на близкое родство съ Лебедевымъ, отозвался о немъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ за 1852 годъ слѣдующимъ образомъ: «Трезвъ, но неблагодаренъ бываетъ къ ближнимъ, и не только имѣть страсть судить и осуждать другихъ, но и способствовать другимъ къ сутяжничеству»²). Кромѣ явнаго покровительства Платона протоіерейя Знаменскому, Кудрявцеву и Пятницкому, открытымъ врагамъ Лебедева, его особенно оскорбило еще то обстоятельство, что преосвященный, неизвѣстно по какому побужденію и для какой цѣли, началъ производить полуофиціальное дознаніе о томъ, дѣйствительно-ли отецъ Лебедева, бывшій священникъ Гавріль Буржской, былъ священникомъ и имѣлъ истинное рукоположеніе³). Представленіе преосвященнаго Платона, къ довершенню несчастія Лебедева, было уважено синодомъ, которыйвелѣлъ перемѣстить его въ тверскую епархію, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ тверскому архіепископу послать его, немедленно по прибытии въ Тверь, въ монастырь на мѣсяцъ, для обращенія его къ долгу подчиненности, а затѣмъ дать ему священническое мѣсто, по своему усмотрѣнію, съ учрежденіемъ за нимъ особаго надзора чрезъ благочиннаго⁴). Когда Лебедеву было объявлено это опредѣленіе синода, то онъ, повидимому, принялъ его равнодушно и даже говорилъ, что ему очень пріятно быть перемѣщеннымъ въ тверскую епархію, потому что три рубля въ мѣсяцъ онъ вездѣ получить можетъ, но тутъ-же, впрочемъ, объявилъ, что ранѣе первыхъ чиселъ ноября (синодальный указъ о перемѣщенніи Лебедева въ Тверь по-

¹) Личность Кунинскаго была самая фальшивая и грязная, и такой отзывъ о немъ основанъ на его характеристицѣ, сдѣланной преосвященнымъ Филаретомъ рижскимъ. Сказавъ въ отчетѣ, что всѣ священники его викаріатства ведутъ себя съ примернымъ усердіемъ къ исполненію своихъ обязанностей, съ благоговѣніемъ совершаютъ богослуженія и духовныя требы, между собою сохраняютъ миръ, и что вообще ихъ исправность въ дѣлахъ и нравственная безукоризненность должны быть признаны достойными изумленія, онъ продолжаетъ: «Исключеніемъ изъ общаго положенія духовенства служить протоіерей Кунинскій, сварливый, непокорный, гордый и интригантъ» (См. въ отчетахъ епархіальныхъ архіереевъ за 1847 годъ отчетъ о состояніи рижскаго викаріатства).

²) См. вышеприведенный рапортъ преосвященнаго Платона синоду отъ 11-го мая 1853 года.

³) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ письмо Лебедева къ Пратасову отъ 10-го ноября 1853 года.

⁴) Тамъ-же синодскій указъ отъ 16-го сентября 1853 года.

сланъ былъ 16-го сентября 1853 года) онъ изъ Пскова выѣхать не можетъ, какъ потому, что имѣть обзаведеніе, которое долженъ продать, такъ и потому, что нужно заняться изготавленіемъ теплой одежды для себя и жены. Когда-же наступилъ срокъ выѣзда, то Лебедевъ, несмотря на то, что уже получилъ паспортъ, не поѣхалъ въ Тверь и на понужденія консисторіи, явясь въ нее, подать объясненіе, что не можетъ отправиться изъ Пскова, во 1-хъ, потому, что паспортъ и указъ, полученные имъ 6-го ноября, онъ, при особомъ прошеніи, препроводилъ къ оберъ-прокурору св. синода, а во 2-хъ, потому, что переводъ свой въ тверскую епархію, сдѣланный по одному голословному домогательству архіерея, признается для себя весьма стѣснительнымъ и за несостоявшееся продажею дома невозможнымъ къ исполненію, и что обо всемъ этомъ онъ послалъ 10-го ноября всеподданійшее на четырехъ листахъ Его Императорскому Величеству прошеніе¹⁾). Чтобы выслать Лебедева изъ Пскова, Платонъ даже готовъ былъ прибѣгнуть къ полицейскимъ мѣрамъ и испрашивалъ на то позволеніе у синода, который, въ отвѣтъ, прислалъ указъ, извѣщавшій архіерея, что, по случаю порученнаго св. синодомъ архимандриту Софоніи изслѣдованія по новымъ доносамъ Лебедева о разныхъ беспорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ псковской епархіи, священникъ Лебедевъ долженъ оставаться въ городѣ Псковѣ впредь до окончанія сего дѣла и дальнѣйшаго о немъ распоряженія²⁾). Лебедевъ въ своихъ доносахъ Государю и Пратасову писалъ, между прочимъ, слѣдующее: 1) «Съ самаго вступленія Платона въ управлѣніе псковской епархіею, употреблены и употребляются все успія къ тому, чтобы проектъ его о свѣчной продажѣ не возымѣлъ дѣйствія и, чтобы доходы свѣчные не могли съ 10.000 возрасѣться на 135.000 руб. сер.; 2) Платонъ ходатайствуетъ о возстановленіи чести протоіереевъ Знаменского и Кудрявцева, обвиненныхъ синодомъ въ важныхъ преступленіяхъ, и облагодѣтельствовалъ всѣхъ виновныхъ въ расхищеніи суммъ изъ духовной консисторіи; 3) попустилъ въ церквяхъ епархіи церковнымъ старостамъ открыто злоупотреблять должностю и расхищать церковные и свѣчные доходы, ни малѣйшаго не обращая вниманія не только на дѣла, возникающія о семъ, но даже жестоко стѣсняя и преслѣдуя открывавшихъ такія дѣла священно-и церковнослужителей; а потому дѣла такого рода въ псковской духовной консисторіи рѣшительно все лежать безъ рѣшенія и указы св. синода безъ исполненія. 5) Торжественно попустилъ пьянство въ духовен-

¹⁾ См. рапортъ преосвященнаго Платона синоду отъ 4-го декабря 1853 года.

²⁾ См. указъ синода отъ 14-го мая 1854 года.

ствѣ́й псковской епархіи, усилившееся до того, что во время проѣздовъ его по епархіи свита его небоязненно и безнаказанно производить буйства и драки. Настоятели двухъ монастырей: великолуцкаго Небина и опочецкаго Святогорскаго, записали въ монастырскія экономическія книги на расходъ, первый 30 р. сер., а второй 49 р., употребленныхъ на вина, при угощениі его преосвященства во время обзора епархіи и монастырей. Послѣ такихъ проѣздовъ по епархіи, сильно зараженной расколомъ, остаются впечатлѣнія, крайне плачевныя для церкви. Раскольники при бесѣдахъ со мною обливаются слезами о томъ, что не причащаются св. Христовыхъ Таинъ, но не идуть ни въ православную, ни въ единовѣрческую церковь, потому что не видятъ къ себѣ любви апостольской и трезвости въ духовенствѣ.—Для обращенія раскола необходимы не строгость и крутыя мѣры, но любовь и безкорыстіе... 6) Духовенство псковской епархіи, сколько отъ испорченной нравственности, а болѣе изъ отчаянія, предалось пьянству до такой степени, что священникъ, совершенно пьяный, рѣшается служить даже божественную литургію, и горе тому, кто осмѣлится о семъ донести; ибо пьянство, состоя подъ покровительствомъ, признается болѣзнию. Словомъ, духовенство псковской епархіи, не говоря о младшемъ, но даже и старшее злоупотребленіемъ власти псковскаго епархіального начальства доведено до такого положенія, что одинъ изъ членовъ консисторіи, священникъ Цвиневъ, 31-го числа декабря 1851 года, въ объясненіи его преосвященству написалъ, что если и членъ консисторіи не хочетъ прослыть ябедникомъ и клеветникомъ и подвергнуться за то отвѣтственности, лишиться чести присутствовать въ консисторіи, лишиться даже честнаго имени, то что-бы ни видѣлъ противное закону, о всемъ долженъ, скрѣпя сердце, молчать. 7) Стѣсняются священники честные и прикрываются развратные; такъ, напримѣръ, священникъ, чрезъ распутную жизнь впавшій въ венерическую болѣзнь, обезображеній ею, въ нетрезвомъ видѣ совершившій божественную литургію, падавшій при совершениі божественной литургіи и оставившій ее безъ окончанія, при пристрастномъ донесеніи епархіального начальства, вышелъ оправданъ въ св. синодѣ, а донесшій о такомъ пьянствѣ священникъ подвергся четырехмѣсячному подначалію. Это обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что оба священника: Орловъ и Щекинъ, находясь въ пригородѣ Изборскѣ, по частому проѣзду его преосвященства чрезъ Изборскѣ, извѣстны лично его преосвященству, извѣстна и самая нетрезвость Орлова... Священникъ Раевскій, удаленный св. синодомъ отъ должности благочиннаго за пьянство и беспорядки по церквамъ, его смотрѣнію ввѣреннымъ, а сверхъ того уличаемый куче-

ромъ архіерейскаго дома Никитою Алексеевымъ въ держаніи зазорнаго поведенія дѣвицъ въ архіерейскомъ домѣ и его собственномъ, его преосвященствомъ утвержденъ депутатомъ въ псковскую палату гражданскаго суда и опредѣленъ къ церкви Никитской во Псковѣ, а потомъ перемѣщенъ въ городъ Опочку къ Покровской церкви. 8) Нынѣ, въ день Богоявленія Господня, діаконъ, исправляющій должность иподіакона и живущій въ домѣ архіерейскомъ, Павелъ Троицкій, до того былъ пьянъ, что, облачая его преосвященство къ божественной літургіи въ соборѣ каѳедральномъ, едва не сбіль съ ногъ самого архіерея, и къ чтенію Евангелія до того разслабъ, что началъ видимо падать, и архіерей приказалъ вывести его изъ церкви... Изъ подобныхъ Троицкому составляется свита, сопровождающая архіерея въ проѣздахъ по епархіи. Эта свита и проѣзды оставляютъ по себѣ въ епархіи заразу, а не образецъ доброй нравственности въ духовенствѣ, на торжество расколу. Нынѣ, въ день Пятидесятницы, Порховскаго уѣзда, Ясенскаго погоста священникъ Тимоѳей Дружининъ, въ деревнѣ праздновавшій день Пятидесятницы, сгорѣлъ вмѣстѣ съ домомъ, сгорѣвшимъ въ числѣ 8-ми домовъ. Ни престарѣлый, ни дѣти и никто, еще не склонившійся дню къ вечеру, не спалъ и не сгорѣлъ, но священникъ спалъ толь крѣпкимъ сномъ, что не могъ спасти жизнь свою отъ огня. Въ псковской епархіи въ разныхъ видахъ, но обычай одинъ, чтобы въ гостяхъ или при гостяхъ, при отправлѣніи требъ въ приходѣ или молебствій, непремѣнно быть пьянымъ всему причту наполовину, или, если еще въ силахъ, то завести скору и драку. Въ 1853 году посланъ въ отдаленный губерніи дьячекъ Псковскаго уѣзда Горыстинскаго погоста за то, что священникъ, дьячекъ и пономарь въ праздновавшей деревнѣ, ходя съ животворящимъ крестомъ и со святыми иконами, до того напились пьяны, что въ домѣ церковнаго старосты той-же деревни завели между собою ужасную драку и на шумъ ихъ сбѣжалась вся деревня. Отъ такихъ пастырей въ погостахъ и отъ такого духовенства, что могутъ заимствовать прихожане православные и что услышитъ расколъ? Много нужно удивляться тому, на что во время проѣздовъ, толь частыхъ по епархіи псковской, а паче по уѣзdamъ Псковскому, Порховскому, Новоржевскому и Островскому, бываетъ обращено вниманіе архіерея! Его преосвященство не обращаетъ вниманія на то, что у священниковъ молодыхъ лѣтъ трясутся руки при богослуженіи до того, что съ немалой опасностію держать потиръ въ рукахъ. И эти-то незамѣчаемые священники съ трясущимися руками награждаются набедренниками, получаютъ должность благочинныхъ и даже членовъ псковской консисторіи!... Въ псковскомъ каѳедральномъ

соборъ служащихъ и живущихъ есть довольно пьянистующихъ, и тѣ въ немаломъ уваженіи и довѣріи. Архіерей жившаго въ каѳедральномъ соборѣ, въ должностіи иподіакона, діакона Павла Троицкаго взялъ на жительство въ архіерейскій домъ, и за то, что онъ въ толь высокоторжественный день къ архіерейскому служенію явился пьяный, не подвергъ его суду, но перевѣль просто безъ всякаго суда и вразумленія въ Никандрову пустынъ. И это, конечно, потому, что архіерей опасается завести судное дѣло съ человѣкомъ, жившимъ съ его преосвященствомъ въ одномъ домѣ и видѣвшимъ все то, о чёмъ, слышавъ и видѣвъ, плачутъ многіе изъ православныхъ псковской епархіи, а раскольники радуются и укоряютъ православныхъ. Другой, исправляющій должностіе иподіакона, соборный-же діаконъ, Сырковскій, еще при покойномъ архіерѣѣ, идя съ архіерейскимъ посохомъ отъ богослуженія въ Богоявленской церкви и въ пьяномъ видѣ произнося ругательства, къ лицу архіеря относящіяся, на колѣнѣ сломалъ посохъ на части и бросиль съ ругательствомъ среди улицы, ругая архіеря и любимцевъ его. Сырковскій и нынѣ точно таѣ-же пьянистуетъ и буйствуетъ, бѣдя по епархіи съ архіереемъ, за то получаетъ въ соборѣ за должностіи діакона и иподіакона въ сложности едва-ли не болѣе протоіерейскаго жалованья и бываетъ членомъ комиссій. Вотъ причина, почему пьянство въ псковской епархіи усиливается и почему его преосвященство Платонъ, архіепископъ рижскій и митавскій, управляющій псковскою епархіею, поблажаетъ пьянству и другимъ порокамъ, гонить людей трезвыхъ, строгой жизни и ревностныхъ по службѣ, т. е. имѣющихъ чрезмѣрную ревность къ точному исполненію всего святаго и законнаго въ мірѣ, ладить съ церковными старостами и подбираеть въ должностіи благочинныхъ и членовъ консисторіи людей, подобныхъ протоіерою Кунинскому, помнящихъ пословицы: «всего міра на свой ладъ не передѣлаешь» и «плетью обуха не перебѣешь», а потому уступчивыхъ обстоятельствамъ, т. е. не обращая даже вниманія на то, святы-ли и законны-ли тѣ обстоятельства, или противны законамъ Божіимъ и государственному.

«Нравственность духовенства до того испорчена, что испорченность ея видна и въ семейной жизни и общественной. Два брата, священники Алексѣй и Дмитрій Орловы, первый постоянно въ Изборскѣ совершаѣтъ богослуженіе и даже божественную литургію въ совершенномъ опьяненіи, падаль и не доканчивалъ божественной литургіи, а другой держаѣтъ подъ жертвенникомъ во святомъ алтарѣ пѣнное вино, отъ чего также не могъ доканчивать божественной литургіи, и оба ведутъ жизнь супру-

жескую весьма тяжелую, подавая и тѣмъ, и другимъ недобрый примѣръ прихожанамъ. Нынѣ по лѣту изъ исаломщиковъ каѳедрального собора, тоже окончившій курсъ ученія въ семинаріи, Демяницкій, произведенъ во діакона за 12 верстъ отъ Пскова въ погостъ Рюха. Жизнь его супружеская столь тяжела, что никто изъ духовныхъ не осмѣливается дать ему квартиру,—живеть въ домѣ у крестьянина,—постоянно между женою и мужемъ отчаянныіе бои и ссоры. Демяницкій жилъ немалое время съ женою своею въ квартирѣ соборнаго дома при глазахъ главнаго начальства, но на такую его жизнь вниманія не обращено...

«Священникъ Метлинскій пьянъ въ церкви, пьянъ въ дома своего и въ домѣ, а сверхъ того буенъ въ семейной жизни, а между тѣмъ Платонъ наградилъ его набедренникомъ. Торопецкій игуменъ Варлаамъ оговаривается и уличается въ развратной жизни, а преосвященный Платонъ изъ бѣдѣйшаго Торопецкаго монастыря перевель его въ богатѣйшій Святогорскій. Тогда вся псковская епархія удивилась и захочотала; порокъ восторжествовалъ, а любящіе все святое и законное въ мірѣ отъ печали опустили свои головы и закрыли себѣ глаза. Пусть хотя нынѣ его преосвященство пояснить, за какія услуги и за какое терпѣніе священникъ Метлинскій получилъ набедренникъ, а игуменъ Варлаамъ — богатѣйшій Святогорскій монастырь въ управлениѣ¹⁾?

Въ своихъ доносахъ Лебедевъ, кромѣ нападеній на безнравственность духовенства, помѣстилъ извѣстія и о томъ, что злоупотребленія по свѣтской продажѣ продолжаютъ еще существовать по церквамъ: Покровской, Алексіевской, Пороменской, Богоявленской, Мишаринской, Успенской и другимъ; что имѣющіяся въ производствѣ дѣла о злоупотребленіяхъ и расхищеніяхъ церковныхъ доходовъ не только не получаютъ окончанія, но даже не принимается никакихъ мѣръ къ преслѣдованію злоупотребленій; что обнаруживаются поблажка и покровительство злоупотребителямъ и явное стѣсненіе людямъ честнымъ, и что учета старостамъ Латкину и Федотову, несмотря на указы св. синода, до сихъ поръ еще не сдѣлано консисторіею, хотя со временеми полученія синодального указа протекло шесть съ половиною лѣтъ²⁾.

Прежде изложенія результатовъ ревизіи Софонія, слѣдуетъ замѣтить,

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ всеподданѣйшее прошеніе священника Лебедева отъ 10-го ноября 1853 года, а также письмо его къ Пратасову отъ 23-го февраля 1854 года.

²⁾ См. письмо Лебедева къ Пратасову отъ 23-го февраля 1854 года.

что онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Платону и былъ весьма предубѣжденъ противъ Лебедева. Но, несмотря на все это, Софонія принужденъ былъ сказать, что доносъ Лебедева вполнѣ справедливъ относительно безпорядковъ по Алексіевской церкви, нетрезвости священниковъ Орловыхъ и Метлинского и неподвижности нѣкоторыхъ дѣлъ въ продолженіе шести лѣтъ, но преувеличенъ касательно ссоры пѣвчихъ въ дорогѣ и ненамѣреннаго поврежденія посоха иподіакономъ Сырковскимъ, и извращенъ весьма во многомъ относительно времени и обстоятельствъ приводимыхъ происшествій. *Относительно времени:* о священникѣ Раевскомъ сказано, что онъ опредѣленъ преосвященнымъ Платономъ къ Никитской церкви во Псковѣ, тогда какъ опредѣленіе его къ сей церкви послѣдовало еще при покойномъ Наѳанаилѣ. Гористинскій дьячекъ Назаретскій, учинившій въ деревнѣ буйство и драку со священникомъ и пономаремъ, приведенъ въ подкѣпленіе доноса объ усиленіи въ епархіи пьянства при преосвященномъ Платонѣ, но этотъ буйственный поступокъ былъ совершенъ Назаретскимъ до вступленія въ управление епархіею преосвященнаго Платона. *Относительно обстоятельствъ:* преосвященный Платонъ не далъ студенту Уtrechtскому отцовскаго діаконскаго мѣста въ погостѣ, потому что имѣлъ въ виду сдѣлать его учителемъ и потомъ священникомъ, а Лебедевъ указываетъ на отказъ Уtrechtскому, какъ на продолженіе негодованія преосвященнаго къ отцу его за доносъ¹⁾). Затѣмъ все прочее, составляющее доносъ Лебедева, голословно и даже вовсе ложно(?).

Въ заключеніе отчета о своей ревизіи, Софонія помѣщаетъ нѣсколько замѣчаній о жизни и качествахъ Лебедева. «Жизнь священника Лебедева, пишетъ Софонія, какъ общественная, такъ и семейная, неукоризненна. Онъ не имѣть никакихъ открытыхъ и грубыхъ слабостей и пороковъ: умѣренъ, трезвъ и исполнителенъ въ своихъ обязанностяхъ служебныхъ и домашнихъ. Онъ живеть въ домѣ, оставшемся послѣ отца и принадлежащемъ ему, двумъ братьямъ его и сестрѣ. Семейство его состоитъ изъ трехъ душъ: онъ самъ, жена его и сынъ, служащий по гражданскому вѣдомству въ самомъ Псковѣ. Но съ нимъ-же живеть и зять

¹⁾ Бывають священническія мѣста хуже дьяческихъ. Страненъ капризъ преосвященнаго, давшаго Уtrechtскому священническое мѣсто, котораго онъ не искалъ, а отказалавшаго ему въ отцовскомъ діаконскомъ, котораго онъ всѣми силами домогался. Это заставляетъ смотрѣть на поступокъ Платона совсѣмъ не съ той оптимистической точки зреянія, съ которой на него смотрѣла Софонія, старавшіяся защитить во чѣ-бы то ни стало Платона.

его, священникъ Кудрявцевъ, съ женою и шестилѣтнимъ сыномъ. Лебедевъ живеть скромно, но не скудно; пріятельскихъ сзязей почти ни съ кѣмъ не имѣть, а ограничивается, большею частію, кругомъ семейнымъ. Будучи крѣпкаго духа, смысленъ отъ природы и начитанъ, обладая довольно твердымъ и выразительнымъ словомъ и не утомляясь трудами, Лебедевъ могъ-бы, при вышесказанныхъ качествахъ, проходить должностъ пастыря церкви съ ощущительною пользою, сслибы не слишкомъ увлекался духомъ самомечтательности, усиливаемой пылкимъ и раздражительнымъ характеромъ.

«Самомечтательность Лебедева, происходя изъ сознанія, что онъ не имѣть такихъ слабостей, какъ другіе, что онъ лучше многихъ понимаетъ сущность всякаго дѣла, что онъ дѣйствуетъ усерднѣе, живѣе и безпристрастнѣе, и следственно съ большею, чѣмъ другіе, пользою могъ-бы занимать высшія должности, породила въ немъ духъ излишняго довѣрія къ себѣ, ослабила должностное уваженіе къ другимъ и силою обстоятельствъ развила прирожденную наклонность пререкать и противляться власти.

«Довѣріе Лебедева къ себѣ такъ велико, что онъ едва-ли считаетъ себя погрѣшимъ. Однажды, въ разговорѣ со мною, взглянувъ свой на дѣйствія консисторіи, назвалъ онъ святымъ. Изъ таковой самоувѣренности естественно образовались въ немъ настойчивость и упрямство, съ коими онъ обыкновенно защищаетъ свои мнѣнія, хотя-бы несправедливость ихъ была доказана фактически. Что протоіерей Кудрявцевъ былъ въ Ригѣ благочиннымъ, въ этомъ Лебедевъ убѣжденъ донынѣ, по крайней мѣрѣ, не хочетъ сознаться, что онъ ошибся. Пререкать ему въ подобныхъ случаяхъ небезопасно: онъ скоро выходитъ изъ себя и становится грубъ и обидчивъ.

«Неуваженіе Лебедева къ другимъ, равнымъ себѣ, выражается въ его смѣлыхъ сужденіяхъ, въ его отзывахъ и заключеніяхъ, сколько неосновательныхъ иногда, столько-же и оскорбительныхъ. Простая, быть можетъ, по началу наклонность судить и осуждать, со временемъ перешла въ страсть къ злословію и развилаась до такой степени, что Лебедевъ въ настоящее время не щадить ни родственниковъ, ни умершихъ. Каѳедральный протоіерей Куинскій родной шуринъ Лебедеву, священникъ Дружининъ покойникъ уже; но Лебедевъ никого столько не поносить, какъ Куинскаго, а несчастный Дружининъ послужилъ для него примѣромъ усилившагося въ исковской епархіи пьянства. Злословіе сдѣлалось какъ-бы любимымъ занятіемъ Лебедева и пищею духа его. Онъ не довольствуется сказать о комъ-либо худое однажды, но повторяетъ

одно и то-же нѣсколько разъ. Протоіерей Знаменскій и священникъ Орловъ выводятся имъ на среду позора, первый три, а другой четыре раза.

«Духъ пререканія и противлѣнія власти былъ всегда въ Лебедевѣ; но въ первые годы его священства въ Псковѣ онъ проявлялся рѣже и не въ такомъ объемѣ. По перемѣщеніи-же въ Ригу, неповиновеніе начальству подъ разными предлогами стало повторяться чаще и сопровождаться уже дерзостю и оскорблѣніями. Преосвященный Иринархъ (1841 года) формально жаловался преосвященному Наѳананлу, что Лебедевъ порочитъ честь его сана. Но въ послѣднее десятилѣтіе, со времени заключенія его въ тюремномъ замкѣ, неблагопокорливость Лебедева получила новый видъ; Лебедевъ вступилъ въ открытую судебнную прю съ епархіальнымъ начальствомъ и съ сего времени открылась въ немъ страсть къ доносамъ на мѣстное управление и отъ доносовъ перешла къ кляузамъ.

«Кляузническій духъ обнаруживается въ Лебедевѣ тѣмъ, что онъ не истиинъ въ словѣ и явно фальшивъ въ совѣсти; почти ни одного факта не излагаетъ съ опредѣленною точностію и всему даетъ видъ не настоящій. И въ словѣ, и въ дѣлѣ всюду видны чрезмѣрныя преувеличенія или уменьшенія; обстоятельства, раздѣленныя значительнымъ временемъ, сближаютъ намѣренно и соединяютъ такъ, что они представляются современными и ведутъ совсѣмъ къ другому заключенію, нежели како-бы слѣдовало; явную ложь, а иногда и клевету, смѣшиваетъ съ истиною, и наконецъ, частыми повтореніями одного и того-же и отступленіями отъ сущности дѣла до того затѣмняетъ истину и запутываетъ ходъ рѣчи, что трудно понять, что онъ хочетъ сказать.

«Страсть къ доносамъ и кляузамъ сдѣлалась въ Лебедевѣ господствующею. Лебедевъ пишеть не только за себя, но и за другихъ. Зять его, священникъ Кудрявцевъ, неспособенъ писать ничего, и все, что известно подъ его именемъ, пишется перомъ Лебедева. Священники Доріомедовъ и Херасковъ, Синскій діаконъ Лебедевъ и Корельскій дьячекъ Кудрявцевъ принадлежать къ школѣ священника Лебедева и пишуть, какъ слышно, по его возбужденію и наставленію. Угрожая-ли только, или выражая истинное положеніе духа своего, Лебедевъ лично говорилъ предо мною, что одна могила можетъ удержать его отъ доносовъ при видѣ зла; это-же частію выражаетъ онъ и въ прошеніи, говоря: «Я долженъ оставаться во Псковѣ на страхъ злымъ».

«Впрочемъ, при опредѣленіи свойствъ Лебедева въ настоящее время, не должно упускать изъ виду нынѣшняго его положенія, которое не есть нормальное, но болѣе или менѣе случайное. Нынѣшнее положеніе Лебедева есть положеніе человѣка, сильно раздраженнаго, оскорблѣннаго и

униженного, по его понятію, несправедливо. Многое изъ того, что предпринимается имъ нынѣ, предпринимается, быть можетъ, не совсѣмъ по расположению и по сознанію,— предпринимается, быть можетъ, какъ усиленная и послѣдняя мѣра поддержать честь и жизнь. Онъ на это намекалъ неоднократно, давая знать, что еслибы начальство, оставивъ всѣ дѣла, поддержало его нравственно и, указавъ новое поприще дѣятельности, обеспечило его средствами жизни и не раздражало слишкомъ крутыми мѣрами, то онъ съ готовностю и всесѣло посвятилъ-бы себя служенію церкви и сталъ-бы всѣми силами подвизаться во благо ея, чтобы оправдать снисхожденіе и милость, еслибы они были ему оказаны.

«Взявъ при семъ во вниманіе, съ одной стороны, что Лебедевъ дѣйствительно служилъ нѣкогда съ ощущительною пользою (особенно по дѣламъ раскольническимъ), какъ это видно изъ своеучной рекомендациіи о немъ преосвященнаго Наѳанаила въ послужномъ спискѣ за 1836 годъ, а съ другой, что онъ еще бодръ духомъ и довольно крѣпокъ силами, можно надѣяться, что онъ былъ-бы не бесполезенъ, особенно тамъ, где наиболѣе нуженъ примѣръ правильной, трезвой и даже строгой жизни. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя надѣяться, чтобы Лебедевъ, оставшись въ псковской епархіи, могъ совершенно успокоиться и успокоить другихъ. Въ псковской епархіи онъ имѣть множество знакомыхъ и даже агентовъ, чрезъ коихъ дѣйствуетъ такъ искусно, что знать болѣе или менѣе вѣрно почти все, что дѣлается въ епархіальномъ управлѣніи, начиная отъ консисторіи до послѣдняго благочиннаго, знаетъ качества, образъ жизни и взаимное отношеніе болѣшой части духовенства и самое положеніе многихъ церквей градскихъ и сельскихъ. Посему трудно предположить, чтобы онъ, оставаясь въ прежнемъ мѣстѣ, удержался отъ искушенія писать доносы, если не за себя, то за другихъ. Кромѣ сего, непокойный духъ Лебедева распространился между многими и образовалъ въ духовенствѣ какъ-бы особую партию, во всякомъ отношеніи вредную для общественнаго спокойствія. Зло сіе не перестанетъ существовать въ епархіи дотолѣ, пока будетъ оставаться въ предѣлахъ ея Лебедевъ»¹⁾.

Вслѣдствіе этой ревизіи, Лебедеву сдѣланъ строгій выговоръ за неуваженіе къ епархіальному начальству и приказано юхать въ тверскую епархію; псковская консисторія, за медленное производство дѣлъ и за до-

¹⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданійшій жалобѣ священника города Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ донесеніе Софонія въ св. синодѣ отъ 3-го августа 1854 года.

пущеніе беспорядковъ по Алексіевской церкви, получила также выговоръ, а преосвященному Платону предписано: а) имѣть строгій надзоръ за его пѣвчими, не допуская съ ихъ стороны такихъ поступковъ, которые оглашали-бы ихъ въ епархіи съ невыгодной стороны; б) донести св. синоду, исполненъ-ли указъ св. синода отъ 31-го декабря 1853 года по дѣлу объ отрѣшениіи протоіеряя Цятницкаго отъ должности благочиннаго, такъ какъ, по донесенію архимандрита Софонія, дѣла сего въ псковской консисторіи не находится ¹⁾.

По Лебедевъ не ѿхалъ въ Тверь подъ разными предлогами: то по случаю болѣзни, то по неимѣнію способовъ къ путешествію, то по причинѣ накопившихся и неуплаченныхъ имъ долговъ. Между тѣмъ, псковское епархіальное начальство всячески старалось скорѣе избавиться отъ него и выпроводить его изъ Пскова. Такъ, оно просило псковскую врачебную управу освидѣтельствовать Лебедева, которая нашла его дѣйствительно страдающимъ отъ ревматизма въ головѣ. Такъ, псковское епархіальное начальство даже предлагало Лебедеву отъ себя деньги на поѣздку, но онъ отказался отъ нихъ, остался во Псковѣ и послалъ новыя жалобы на Платона и просилъ чрезъ исправляющаго должностъ оберъ-прокурора св. синода Карасевскаго о переслѣдованіи своего дѣла. Синодъ оставилъ безъ послѣдствій какъ жалобы Лебедева, такъ и прошеніе его, а ассигновалъ ему 120 р. сер. на переѣздъ изъ Пскова въ Тверь. Лебедевъ отвѣчалъ, что этой суммы ему недостаточно на его путешествіе и для уплаты его долговъ, и вслѣдъ за тѣмъ послалъ на высоچайшее имя жалобу, въ которой въ сотый разъ повторялъ свои обвиненія епархіального начальства и въ заключеніе которой писалъ, что «на уплату его долговъ, на одежду, подводы, на содержаніе въ пути и на обзаведеніе на новомъ мѣстѣ ему нужно 1.500 руб. сер. и что если законъ не дозволяетъ изъ казны выдавать такого количества, то тотъ-же законъ воспрещаетъ дѣлать стѣснительные и затѣйливые переводы людей изъ мѣста въ мѣсто. «Переводъ меня въ тверскую епархію, равно и зятя моего, священника Гудряцкаго, есть только одна противозаконная прихоть псковского епархіального начальства, и прихоть, направленная ко вреду псковской епархіи и церкви. Посему не казна, но епархіальное начальство пусть выдастъ миъ деньги 1.535 рублей серебромъ» ²⁾. Помимо рѣзкихъ выходокъ и желчныхъ выражений, помѣщен-

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 18-го октября 1854 года.

²⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ всеподданѣйшее прошеніе Лебедева на имя Государя отъ 12-го июля 1855 года, а также письма его къ Карасевскому отъ 12-го июля 1855 года отъ, 5-го августа 1855 года и отъ 16-го августа 1855 года.

ныхъ въ этихъ доносахъ Лебедева, встрѣчается въ нихъ много такихъ мѣсть, которая невольно наводятъ какую-то грусть на душу и рождаютъ самое тягостное чувство, какъ, напримѣръ, слѣдующія: «я нищъ до наготы... я не имѣю подрясника и долженъ рясу надѣвать на рубашку... шесть лѣтъ я пытался во Псковѣ милостынею ¹⁾... Священникъ если станетъ защищаться и доказывать свою невинность на бумагѣ, то не найдеть ни правосудія, ни защиты. Священника никто не хочетъ защищать, а когда самъ станетъ защищаться, говорить: сутяга, беспокойный человѣкъ, убирайся изъ епархіи, дай покой епархіальному начальству» ²⁾.

Вслѣдствіе этихъ доносовъ послѣдовала трагическая развязка: Лебедеву запрещено было священнослуженіе, ношеніе рясы и рукоблагословеніе, и онъ отосланъ въ суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, настоятелемъ котораго велѣно было имѣть строжайшій за нимъ надзоръ, не позволять ему писать доносовъ и, по истеченіи года, донести обѣ образъ жизни его св. синоду. Причиною такой мѣры синодъ выставилъ въ указѣ свое мѣнѣне неуваженіе Лебедева къ начальству, дерзость и ослушаніе отправившися въ тверскую епархію ³⁾.

Послѣ годичнаго пребыванія въ суздальскомъ монастырѣ, Лебедевъ, какъ рапортовалъ архимандритъ этого монастыря, «не оказалъ ни малѣйшаго раскаянія въ прежніхъ своихъ дерзкихъ противу епархіального начальства поступкахъ», а потому синодъ оставилъ его впредь до усмотрѣнія въ монастырѣ, преосвященному-же владимирскому Густину предписалъ продолжать, чрезъ настоятеля монастыря, неослабный надзоръ за Лебедевымъ и, въ случаѣ его исправленія, донести о томъ синоду ⁴⁾. Монастырское заключеніе сломило, наконецъ, эту гордую натуру: 14-го ноября 1857 года владимирскій архіерей донесъ св. синоду, что «Лебедевъ, чистосердечно раскаяваясь во всѣхъ его неумѣстныхъ доносахъ и судебныхъ жалобахъ, обязуется и клятвою и священствомъ утверждаетъ: 1) что переписокъ или жалобъ въ псковской епархіи, гдѣ онъ жительствовалъ и на службѣ состоялъ, впредь не только возобновлять на бумагѣ ни чрезъ себя, ни чрезъ родныхъ его не будетъ, но и на словахъ нигдѣ въ частныхъ разговорахъ не упомянуть; посему съ сего времени съ сыновнею покорностію умоляетъ благомилостивое начальство виновность

¹⁾ См. вышеупомянуты письма Лебедева.

²⁾ См. письмо Лебедева отъ 16-го августа 1855 года.

³⁾ См. тамъ-же, указъ синодскій отъ 26-го августа 1855 года.

⁴⁾ См. синодальный указъ отъ 6-го февраля 1857 года.

его, въ тѣхъ словахъ и въ дерзкихъ выраженіяхъ имъ сдѣланную, простить, отъ жительства въ арестантскомъ отдѣлѣніи и въ монастырѣ освободить и дать ему приличное и соотвѣтственное бѣдности его мѣсто при приходской церкви; 2) на будущее время, когда получить мѣсто, безъ архипастырскаго благословенія не только не откроетъ никакой переписки, но ниже словесно кому объявлять будетъ и даже благочинному о томъ, еслибы что онъ и встрѣтилъ въ кругу его обязанностей по службѣ противное законамъ въ причтѣ-ли, въ храмѣ-ли Божиѣмъ, или между прихожанами, но прежде объявить словесно своему архипастырю, и какъ благословлено будетъ, такъ и поступить. Буде-же въ чёмъ нарушена будетъ имъ сія подпись, то осуждается себя за нарушеніе своего обязательства клятвенного и священству сдѣланного въ здѣшней жизни строжайшей отвѣтственности и въ будущей суду Божию»¹).

Синодъ, получивъ это донесеніе объ обращеніи на путь истины заблудшой овцы, приказалъ освободить Лебедева отъ заключенія въ арестантскомъ отдѣлѣніи Спасо-Евѳиміева монастыря и помѣстить его временно для окончательного испытанія нравственности между монастырскою братіею, а преосвященному владимірскому предписалъ о послѣдствіяхъ такого испытанія войти съ надлежащимъ представлениемъ въ св. синодъ въ концѣ будущаго 1858 года, или ранѣе, если дальнѣйше поведеніе Лебедева окажется безукоризненнымъ и раскаяніе искреннимъ. Но еслибы въ теченіе сего времени Лебедевъ снова обнаружилъ прежнюю свою наклонность къ ложнымъ доносамъ и непокорность начальству, то въ такомъ случаѣ синодъ уполномочивъ преосвященнаго немедленно распорядиться о заключеніи его опять въ арестантское отдѣлѣніе²).

Несчастная жена Лебедева, переселившаяся изъ Пскова въ Сузdalъ, чтобы ближе быть къ своему мужу и, по возможности, облегчать тяжесть его заключенія, выразила участіе свое къ его судьбѣ болѣе дѣятельнымъ образомъ и подала прошеніе на имя Государыни Императрицы Маріи Александровны о помилованіи ея мужа; но прошеніе это, переданное въ синодъ, осталось безъ всякихъ послѣдствій. Только 3-го ноября 1858 года, вѣдѣствіе рапорта владимірскаго преосвященнаго о безукоризненномъ поведеніи Лебедева, св. синодъ освободилъ его отъ дальнѣйшаго пребыванія въ сузdalскомъ монастырѣ, разрѣшилъ ему священнослуженіе, рукоблагословеніе и ношеніе рясы, а также дозволилъ

¹) См. тамъ-же рапортъ Іустина, епископа владимірскаго, отъ 14-го ноября 1857 года.

²) См. тамъ-же синодскій указъ отъ 8-го декабря 1857 года.

отправиться во Псковъ. Псковскому-же преосвященному предписано было сдѣлать Лебедеву, по прибытии его на мѣсто, приличное пастырское наставление о томъ, какъ онъ долженъ вести себя на будущее время, и заѣмъ помѣстить его на священническое мѣсто по собственному своему усмотрѣнію ¹⁾.

VII. Ревизія пензенскаго епархіального управлениія.

Распоряженіе ввѣреннымъ вѣдомствомъ, какъ помѣстѣмъ, въ которомъ можно хохяйничать по своему произволу и раздавать значительныя должности и хлѣбныя мѣста своимъ родственникамъ, знакомымъ и клиентамъ, къ сожалѣнію, явленіе довольно обыкновенное въ нашей общественной жизни. Этого порока не чужды и архіереи, которые, несмотря на отреченіе свое отъ міра и родныхъ по плоти, страждуть, какъ и міряне, непотизомъ и любостяжаніемъ. Одни изъ такихъ духовныхъ администраторовъ соблюдаются при этомъ нѣкотораго рода приличіе и какъ-бы сдерживаются себя, другие-же, напротивъ, смотрятъ на эти злоупотребленія какъ на право, соединенное съ званіемъ, узаконяютъ и доводятъ ихъ до самой наивной патріархальности. Къ числу послѣднихъ лицъ принадлежалъ и пензенскій преосвященный Амвросій. У него до такой степени было развито чувство любви къ роднымъ, что онъ готовъ былъ вызвать во ввѣренную ему епархію и помѣстить на лучшія мѣста не только самыхъ близкихъ родныхъ, но и всѣхъ троюродныхъ и четвероюродныхъ и даже тѣхъ, которыхъ самъ не признавалъ родственниками, но которые утверждали, что они ему приходятся въ родствѣ; готовъ былъ для нихъ отнимать безъ всякой вины мѣста у другихъ, даже быть жестокимъ, не будучи такимъ по природѣ. Амвросій считалъ себя счастливымъ только въ кругу своихъ родныхъ и потому его архіерейское жилище болѣе походило на домъ семьянина, чѣмъ на келью монаха. Впрочемъ, онъ обнаружилъ такія стремленія не на первыхъ порахъ своего архіерействованія. Во время управления волынскою епархіею, Амвросій ничѣмъ не проявилъ своего непотизма, впрочемъ не потому, чтобы онъ тогда былъ чуждъ этого порока, а потому, что его родные не хотѣли переселиться въ епархію, столь отдаленную и, притомъ, по своему народонаселенію столь непохожую на наши великорусскія; но лишь только его перевели изъ Житомира въ Нижній-Новгородъ, онъ

¹⁾ См. указъ св. синода отъ 10-го декабря 1858 года.

тотчасъ вызвалъ туда своего родного брата со всѣмъ его семействомъ, бывшаго священникомъ при бѣжецкомъ соборѣ. Преимущественно-же и во всей полнотѣ непотическія стремленія Амвросія обнаружились въ Пензѣ. Здѣсь прибыла къ нему цѣлая колонія его племянниковъ и мужей его племянницъ, которые всѣ заняли самыя выгодныя мѣста и должности, а одинъ изъ его племянниковъ, пользовавшійся особыннымъ довѣріемъ дяди и вліяніемъ на епархіальныя дѣла, Моревъ, даже получиль два мѣста: должность письмоводителя при архіереѣ и должность помощника секретаря въ консисторії.

Извѣстно, что непосредственнымъ результатомъ непотизма бываетъ страсть къ пріобрѣтенію для обезспеченія своихъ родныхъ и система поборовъ и подарковъ, изъ чего естественно вытекаетъ еще новое зло— несправедливый и пристрастный взглядъ на людей, которыхъ достоинства оцѣниваются родственниками начальника по количеству подарковъ, получаемыхъ ими отъ нихъ, и по степени оказываемаго имъ подобострастія. Слѣдствіемъ всего этого является система угнетенія и преслѣдованія людей честныхъ и достойныхъ, но бѣдныхъ и благородныхъ душою, возвышеніе людей ничтожныхъ и безнравственныхъ, но тароватыхъ и щедрыхъ на подарки, наконецъ патріархальность въ канцелярскомъ дѣло-производствѣ, пренебреженіе къ законности и формѣ при веденіи дѣлъ и владычество произвола. Всѣ эти недостатки совмѣстило въ себѣ и непотическое управлѣніе Амвросія пензенскою епархіею и, притомъ, въ самыхъ отвратительныхъ формахъ, потому что родственники его были люди въ высшей степени невѣжественные, алчные и завистливые, которыхъ вся дѣятельность ограничивалась тѣмъ, что они оспаривали другъ у друга любовь и расположение Амвросія, постоянно плакали передъ нимъ о своей бѣдности и недостаткахъ, сплетничали ему,ссорились между собою и перебивали другъ у друга приходившихъ къ архіерею просителей, чтобы сорвать съ нихъ взятку. Совершенно опутанный своими родными, Амвросій сдѣлался правителемъ несправедливымъ, корыстолюбивымъ и жестокимъ. Такъ, чисто изъ корыстныхъ видовъ, онъ отдалъ въ аренду частнымъ лицамъ продажу церковныхъ свѣчъ и выдумалъ награждать священниковъ черными скуфьями, которая позволяла имъ употреблять даже во время богослуженія. Такъ, всѣ поездки преосвященнаго по епархіи сопровождались постоянно огромными поборами. Протоіереи уѣздныхъ соборовъ и сельскіе благочинные старались въ этомъ случаѣ превзойти другъ друга въ усердіи къ интересамъ архіепастира, за что получали отъ него особыя льготы и права злоупотреблять своею властью и дѣлать поборы собственно для себя. Нерѣдко по

наговору племянниковъ, безъ всяаго суда и слѣдствія, люди достойные лишились мѣстъ и потомъ безъ куска хлѣба бродили по епархіи. На ихъ должности опредѣлялись люди недостойные и безнравственные, но богатые или состоявшіе въ родствѣ съ родными Амвросія. Случалось даже, что лица, замѣщанныя въ уголовныхъ преступленіяхъ, напримѣръ въ кражѣ съ почты казенныхъ денегъ, были тщательно отстаиваемы архіереемъ и получали увольненіе съ чистымъ аттестатомъ. Взяточничество изъ архіерейскаго дома перешло въ консисторію, въ духовныя правленія, къprotoіераемъ уѣздныхъ соборовъ и къ благочиннымъ. Между послѣдними особенно отличался protoіерей саранскаго собора Смирновскій. Много лѣтъ пензенская епархія находилась подъ этимъ беззаконнымъ и неправнымъ управлѣніемъ и еще долго пришлось бы ей терпѣть это зло, еслибы особенные обстоятельства не произвели необыкновенаго движенія и воодушевленія во всѣхъ недовольныхъ Амвросіемъ. Эти особенные обстоятельства были слѣдующія: до Пензы донесся слухъ о назначеніи на петербургскую метрополію варшавскаго архіепискона Антонія. Съ этимъ слухомъ достигли и вѣсти о нѣкоторыхъ частностиахъ изъ его жизни въ бѣломъ духовенствѣ, которая тѣмъ болѣе интересовали пензенскихъ духовныхъ, что онъ касалась прежнихъ отношеній къ нему ихъ архиастыря. Быстро распространилась въ пензенской епархіи молва, что Амвросій былъ врагомъ и гонителемъ Антонія и его зятя, а вмѣстѣ съ этимъ разошлись и анекдоты о томъ, какъ однажды Амвросій билъ Антонія палкою и какъ въ другой разъ наплевалъ ему въ глаза. Самъ преосвященный былъ или такъ неостороженъ, или такъ напуганъ назначеніемъ Антонія на петербургскую метрополію, что не скрывалъ своихъ опасеній за свое благосостояніе и наивно разсказывалъ въ кругу родныхъ о прежнихъ своихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ новому петербургскому митрополиту; родные Амвросія сообщили все это по секрету своимъ друзьямъ, а эти своимъ, и такимъ образомъ обѣ этой враждѣ вскорѣ узнала вся пензенская епархія, гдѣ было очень много недовольныхъ и обиженныхъ Амвросіемъ. Немедленно противъ него образовалась оппозиція, которой, какъ можно предполагать, былъ данъ сигналъ изъ Петербурга, что уже наступило время обнаружить ей свое недовольство.

Въ синодской канцеляріи стали поговаривать о безпорядкахъ, господствующихъ въ пензенскомъ епархіальномъ управлѣніи. Эти разговоры дошли до свѣдѣній и секретаря пензенской консисторіи, который понялъ, что онъ сдѣлаетъ не только приятное нѣкоторымъ влиятельнымъ лицамъ въ синодѣ, но даже и одолжить ихъ, если пришель доносъ на Амвросія и

доставить имъ поводъ къ нему привязаться и начать формальное изслѣдованіе; и вотъ, на основаніи этихъ побужденій, секретарь, до сего времени находившійся въ хорошихъ отношеніяхъ къ архіерею, вдругъ совершило перемѣнилъ тонъ своего обращенія съ нимъ. Перемѣна эта поразила Амвросія; но, вмѣсто того, чтобы быть болѣе осторожнымъ и благоразумнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ сношеніяхъ съ Ошанинымъ—такъ прозывался секретарь—онъ сталъ горячиться, привязываться къ нему и, дождавшись формального на себя доноса секретаря, самъ первый подалъ на него Пратасову жалобу въ томъ, что «Ошанинъ бываетъ нетрезвъ и по сей причинѣ, равно и отъ недостатка способностей, уклоняется отъ составленія срочныхъ вѣдомостей, задерживаетъ бумаги, замедляетъ ходъ дѣлъ, возбуждаетъ посему многія жалобы просителей, на требованія членовъ консисторіи въ семъ случаѣ не обращаетъ вниманія, дѣлопроизводствомъ во все почти время занимались и занимаются членъ консисторіи,protoіерей Островидовъ, и помощникъ секретаря Моревъ, а самъ Ошанинъ до того неопытенъ, что, вмѣсто экстракта, приказываетъ переписывать дѣло отъ слова до слова, законовъ къ дѣламъ не подводить, выписокъ изъ нихъ и справокъ изъ дѣлъ не подписываетъ; копіи съ журналовъ вносятъ къ нему никѣмъ не засвидѣтельствованныя въ вѣрности съ подлинными, а протоколы представляютъ безъ означенія на нихъ времени подписанія и причины неподписанія другими членами, съ приписками, никѣмъ неоговоренными; многократнымъ замѣчаніемъ его, что подобный упущенія дадуть поводъ къ злонамѣреннымъ разнымъ злоупотребленіямъ, не внималъ, такъ что, замѣтивъ изъ принесенныхъ затѣмъ къ нему девяти дѣлъ и другихъ бумагъ тѣ-же самыя упущенія, онъ долженъ былъ объявить Ошанину, что станеть требовать отъ него объясненія на бумагѣ; но Ошанинъ съ явнымъ неуваженіемъ отъ него ушелъ и прислалъ вслѣдъ за тѣмъ прошеніе объ исходатайствованіи ему перемѣщенія на службу въ канцелярію св. синода»¹⁾.

Тогда Ошанинъ, какъ-бы защищаясь отъ нападеній Амвросія, позволъ на него уже явную и сильную аттаку. Въ рапортѣ своемъ оберъ-прокурору, секретарь доносилъ, что Амвросій перемѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ нему послѣ доклада имъ преосвященному двухъ дѣлъ большої важности: «1) о постриженіи въ малый образъ монашества изъ военнаго вѣдомства, изъ низкихъ чиновъ, не выслужившаго лѣтъ, безъ разрѣшенія военнаго вѣдомства, Михаила, и 2) о самовольномъ распространеніи церкви въ г. Саранску безъ разрѣшенія св. синода, и съ симъ

¹⁾ См. протоколъ св. синода, 31-го августа 1844 года, № 294.

докладомъ затмились всѣ его заслуги»¹⁾). Противъ обвиненій въ пьянствѣ, лѣнности и неспособности къ службѣ, Ошанинъ отозвался слѣдующимъ образомъ: «1) настоящему невыгодному мнѣнію о немъ преосвященнаго нельзя дать вѣры, потому что до сего времени онъ рекомендовалъ его высшему начальству какъ отличнаго чиновника; 2) постоянно быть нетрезвымъ, какъ преосвященный позволилъ себѣ назвать его, неестественно, и онъ давно-бы, по освидѣтельствованіи врачебною правою, отправленъ былъ въ домъ умалишенныхъ; 3) беспорядки въ отношеніи къ секретарской обязанности происходятъ не отъ него, а отъ помощника его, Морева, который, какъ самовольный молодой человѣкъ, съ дерзостію схватывается съ его стола бумаги и уносить ихъ къ преосвященному, а преосвященный дѣлаетъ ему, Ошанину, замѣчанія и велитъ отбирать объясненія; а вообще, если бываетъ остановка въ дѣлахъ консисторіи, то это по одному столу того-же Морева, который, какъ родной племянникъ преосвященнаго, ссылается во всемъ на волю дяди; 4) что здоровье его, Ошанина, разстроилось отъ ежедневныхъ оскорблений преосвященнаго и грубыхъ насыщекъ и дерзостей членовъ консисторіи, а особенно протоіерея Островицова, любимца преосвященнаго, и помощника секретаря Морева, которые, при громкомъ смѣхѣ, въ присутствіи консисторіи, употребляютъ оскорбительныя для его чести выраженія; 5) отъ своевременнаго составленія срочныхъ вѣдомостей онъ, Ошанинъ, самовольно не уклонялся, какъ можно усмотрѣть изъ дѣлъ канцеляріи оберъ-прокурора»²⁾). Дѣло разгорѣлось. По заведенному порядку, синодъ потребовалъ отъ Амвросія въ подлинникѣ дѣла о постриженіи въ малый образъ монашества солдата Михаила Кутырева, не выслужившаго срочныхъ лѣтъ въ военномъ вѣдомствѣ, и о самовольномъ распространеніи въ г. Саранскѣ Успенской церкви. Амвросій, въ свой чередь, въ письмѣ къ Пратасову жаловался на Ошанина, какъ на чиновника неблагонадежнаго и неисправнаго и приложилъ при этомъ выписку изъ 17-ти дѣлъ, по которымъ онъ требовалъ у секретаря официального объясненія о томъ: а) почему нѣ-которые журналы имъ не скрѣплены, одни выписки вовсе не подписаны, другія подписаны поздно, а на иныхъ не обозначено времени подписанія? почему на дѣлахъ нѣть нумерациіи и копіи въ вѣрности ихъ съ подлинниками не засвидѣтельствованы? б) почему секретарь задерживаетъ у себя такія бумаги, которыя должны сдаваться тотчасъ по скрѣпѣ его? в) почему Ошанинъ ушелъ изъ консисторіи и, такимъ образомъ, ослу-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ См. вышеприведенный протоколъ св. синода.

шался преосвященнаго, который приказалъ ему очистить въ одинъ день всѣ бумаги, по которымъ дожидаются просители? г) на какомъ основаніи секретарь вошелъ канцелярскою запискою къ преосвященному о томъ, слѣдуетъ-ли исполнить его резолюцію по дѣлу объ опредѣленіи къ семейству умершаго дьячка опекуномъ священника Трофимова, и гдѣ секретарь нашелъ законъ, который дозволялъ-бы ему дѣлать возраженія преосвященному? Всѣдѣ за этимъ Ошанинъ донесъ, что при повѣркѣ рѣшеннѣхъ дѣлъ съ описями, онъ нашелъ дѣло объ удержаніи архіерейскими письмоводителемъ, титулярнымъ совѣтникомъ Вознесенскимъ, казенныхъ денегъ 1.490 руб. 50 коп. сер. и о подложномъ составленіи имъ бумаги. Въ этомъ доносѣ Ошанинъ обнаружилъ, что пензенская консисторія освободила Вознесенскаго отъ суда за утайку казенныхъ денегъ и выдала ему при увольненіи его отъ службы надлежащій аттестатъ. Наконецъ, взаимное озлобленіе архіеря и секретаря консисторіи выразилось въ слѣдующемъ: Ошанинъ не только отказался отъ денежной награды, назначеннай ему пензенскою консисторіею изъ суммы, опредѣленной синодомъ чиновникамъ, занимавшимся дѣлами по свѣчной операциѣ, но и внесъ докладъ преосвященному такого рода: «Съ кого слѣдуетъ взыскать неправильно выданныя консисторіею ему и помощнику его Мореву деньги изъ числа опредѣленныхъ св. синодомъ занимавшимся по свѣчной суммѣ чиновникамъ, таѣ какъ ни Моревъ, ни самъ Ошанинъ этою частію за прошедшій (1843 годъ) не занимались». Амвросій-же, взбѣшненный всѣми этими выходками Ошанина, предалъ его суду уголовной палаты за не-предъявленіе консисторіи полученнаго имъ рапорта отъ столоначальника саранскаго духовнаго правленія о самовольномъ устройствѣ при Успенской церкви придѣла.

Когда, такимъ образомъ, взаимныя обвиненія Амвросія и Ошанина представили факты, обратившіе на себя вниманіе синода и даже потребовавшіе принятія со стороны его мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, тогда положено было назначить ревизію пензенскаго епархіального управліенія. Въ синодскомъ протоколѣ, составленномъ по этому случаю, явно видно стремленіе заранѣе оправдать Ошанина и обвинить Амвросія, и потому всѣ дѣйствія послѣдняго по отношенію къ секретарю подвергнуты синодомъ осужденію. «Изъ всего вышеизложеннаго (т. е. изъ взаимныхъ обвиненій Амвросія и Ошанина), говорится въ протоколѣ, видно, что настоящее дѣло, въ которомъ пензенскій преосвященный Амвросій и члены тамошней духовной консисторіи обвиняютъ секретаря Ошанина въ безпорядкахъ, нерадѣніи по службѣ и даже неспособности къ оной, а секретарь жалуется на стѣсненія, присвоекупляя донесенія о безпорядкахъ по епар-

хіальному управлінію, не имѣло въ самомъ началѣ своеї достаточныхъ основаній и получило ходъ виѣ порядка, законами опредѣленаго. Такъ, 1) со времени опредѣленія Ошанина секретаремъ до марта текущаго года какъ самъ преосвященный, такъ и члены консисторіи, одобряя службу Ошанина, не поставляли ему въ вину донесеній его о невозможности явиться къ должностіи по болѣзнямъ припадкамъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ преосвященный, по собственному предположенію о поведеніи Ошанина и постороннимъ слухамъ о нерадѣніи и безпорядкахъ, производимыхъ якобы имъ, поручилъ членамъ консисторіи о всѣхъ дѣйствіяхъ секретаря записать въ журналъ и, собравшись вмѣстѣ, сдѣлать, сообразно обстоятельствамъ на законномъ основаніи постановленіе; 2) консисторія, разсмотрѣвъ пять рапортовъ, въ которыхъ Ошанинъ разновременно доносилъ о болѣзняхъ своихъ припадкахъ и послѣ подачи которыхъ онъ вскорѣ являлся къ должностіи, объяснилась обѣ Ошанинѣ слѣдующимъ образомъ: «онъ нерѣдко одержимъ болѣзни, и болѣзнь сія приходитъ къ нему болѣе въ то время, когда со стороны его бываетъ нужна особенная дѣятельность по дѣламъ срочныхъ отчетностей. Такъ, сдѣлался больнымъ и при составленіи отчетовъ о свѣчныхъ и церковныхъ доходахъ. Подававши доклады о болѣзни своей, онъ или на другой-же день, или чрезъ нѣсколько сутокъ являлся въ консисторію въ такомъ состояніи, что никакой болѣзни въ немъ не замѣчалось, а примѣтны были только раздражительность и азартъ; между тѣмъ, онъ ничѣмъ не занимался и на предложенія членовъ заниматься отвѣчалъ одно и то-же, что онъ боленъ. И какъ все это ведеть къ прямому заключенію, что секретарь подаваемыми докладами о болѣзни своей и тѣмъ, якобы онъ нынѣ боленъ отъ оскорблений, старается прикрыть явную уклончивость отъ обязанностей, которая, въ случаѣ продолженія, можетъ повести къ самой остановкѣ дѣла, то консисторія просила его преосвященство такія дѣйствія Ошанина сообщить г. оберъ-прокурору св. синода. Не касаясь уже того, что на подобное обвиненіе секретаря, исполненное какъ-бы насыщекъ, консисторія не имѣла права, самая форма, данная сему дѣйствію, противна узаконенному порядку. Журналъ есть дневная записка того, что происходило въ тотъ именно день въ присутствіи. Слѣдственно изъясненіе въ журналѣ одного дня всего того, что замѣчалось будто-бы прежде, безъ всякихъ на это доказательствъ, или предшествовавшихъ журналовъ, отъемлетъ отъ сего акта свойственную ему силу и обращаетъ онъ въ актъ обвинительный, безъ спроса и объясненій обвиняемаго; 3) при сообщеніи сего журнала его сіятельству, преосвященный Амвросій присовокупилъ къ оному: а) такія обвиненія, которыя падаютъ не столько на служебныя

отношения, сколько на частную жизнь Ошанина, и которых могли составиться не иначе, какъ отъ частныхъ слуховъ, ничъмъ не подтвержденыхъ, и б) официальная оглашенія о поведеніи Ошанина, которых несомнѣнны съ порядкомъ и достоинствомъ службы, тѣмъ болѣе, что они, съ другой стороны, обнаруживаются какъ-бы преслѣдованіе, подтверждающееся собственнымъ отзывомъ преосвященнаго, угрожавшаго Ошанину за каждую неисправность отдавать его подъ судъ; 4) наконецъ, когда все это дѣло, со всѣми обвиненіями на Ошанина, доведено было до святѣйшаго синода, епархиальное начальство предало его суду уголовной палаты за непредъявленіе консисторіи полученнаго имъ, Ошанинымъ, рапорта отъ столоначальника саранскаго духовнаго правленія на счетъ самовольнаго устройства при церкви придѣла, тогда какъ надлежало истребовать предварительно объясненіе, изъ котораго открылось-бы, что рапортъ былъ на имя секретаря, а имъ представленъ его сіятельству г. оберъ-прокурору¹⁾). Ревизоромъ былъ первоначально назначенъ московской Троицкой на Арбатѣ церкви протоіерей Платоновъ, а въ помощники ему данъ одинъ изъ чиновниковъ синодальной канцеляріи. Но какъ Платоновъ, по болѣзни, отказался отъ этого порученія, то вместо него назначили киевскаго викария Варлаама, человѣка правдиваго, но съ фанатическими стремленіями. Ревизору было приказано: а) обревизовать за послѣдніе шесть лѣтъ все движение дѣлъ по времени, производству и исполненію ихъ, сообразно-ли оно съ тѣми правилами, какія постановлены въ уставѣ духовныхъ консисторій и въ общихъ законахъ Имперіи; нѣть-ли въ чѣмъ-либо медленности или отступленія отъ предписаннаго порядка, формъ и обрядовъ, и отъ чего они произошли; б) освидѣтельствовать консисторскія денежныя суммы по книгамъ и другимъ документамъ какъ за настоящее время, такъ и за то, когда обнаружилось удержаніе Вознесенскимъ 1.490 руб. 50 коп. сер., и, пересмотрѣвъ все дѣло о сей суммѣ, дѣйствительно-ли оно такъ произведено и окончено, какъ показалъ секретарь Ошанинъ, раскрыть, если это справедливо, почему такъ поступлено? взысканы-ли удержаныя деньги? почему не было донесено о томъ св. синоду и кто причиною всего такого безпорядка и упущенія? в) особо, безъ огласки, разсмотрѣть дѣло по обвиненію секретаря и оправданія его, и заключеніе свое по этому предмету представить отдельно отъ ревизіи; г) исполнить, такимъ образомъ, порученіе, представить въ св. синодъ свои разысканія съ вѣрными соображеніями и заключеніями.

¹⁾ См. вышеприведенный синодскій протоколъ.

Ревизія начиналась при самыхъ грозныхъ предзнаменованияхъ для Амвросія: племянника его, Морева, велѣно было удалить отъ должности помощника секретаря; членамъ пензенской консисторіи сдѣлано замѣчаніе; преданіе Амвросіемъ Ошанина суду уголовной палаты найдено неправильнымъ. Въ синодѣ все было противъ него; самая личность и внутреннія качества ревизора мало предвѣщали хорошаго для Амвросія. Но къ чести Варлаама нужно сказать, что онъ показалъ себя вполнѣ беспристрастнымъ въ этомъ дѣлѣ: онъ не скрылъ недостатковъ Ошанина, не пощадилъ членовъ консисторіи и сказалъ всю правду объ Амвросіі. Вотъ какіе беспорядки замѣчены имъ были по консисторской канцеляріи: 1) журналы присутствія консисторіи ведены не въ узаконенномъ порядке; такъ, напр., въ 1837 году, болѣе нежели за полгода, совсѣмъ не оказалось бѣловыхъ журналовъ, а журналовъ по освидѣтельствованію суммъ консисторіи составлено въ томъ году только пять, тогда какъ ихъ должно было составлять ежемѣсячно. Журналы представлялись на утвержденіе преосвященнаго только по 8-е марта 1839 года, далѣе-же не видно, чтобы они были вносимы къ нему, потому что на нихъ нѣть никакихъ его отмѣтокъ и резолюцій. Въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ, хотя не обнаружено такихъ беспорядковъ, какіе выше показаны, но однако-же найдено, что журналы ведены были ненадлежащимъ образомъ, потому что ихъ составлялось въ годъ отъ 150 до 175, т. е. не болѣе, какъ на двѣ трети присутственныхъ дней въ году. Въ графѣ журналовъ обѣ исполненіи рѣшений рѣдко были выставляемы, гдѣ нужно, надлежащія отмѣтки. Требующія-же формою журнальныя примѣчанія подъ дневнымъ журналомъ о числѣ выслушанныхъ утвердительныхъ резолюцій преосвященнаго и о днѣ подписанія протоколовъ и журналовъ прежнихъ засѣданій не всегда писались какъ должно, а во многихъ журналахъ ихъ вовсе нѣть. Въ докладныхъ реестрахъ открыто еще болѣе беспорядковъ, нежели въ бѣловыхъ журналахъ: всѣ они оказались неперенумерованными по листамъ, со множествомъ вложенныхъ листовъ, полулистовъ и даже четверушекъ разнородной бумаги съ помарками, перепутанными до крайности. Содержаніе дѣлъ вносилось въ докладные реестры несогласно существу ихъ, весьма сбивчиво и безъ нужныхъ справокъ. Вообще, во всѣхъ графахъ докладныхъ реестровъ или вовсе нѣть надлежащихъ отмѣтокъ, или-же онъ не въ должномъ порядке и съ ненадлежащею ясностью изложены.

О дѣятельности членовъ консисторіи и ихъ способностяхъ Варлаамъ отозвался такъ: «Не всѣ члены консисторіи достаточно приготовлены къ несению возложенныхъ на нихъ обязанностей, и нѣкоторыхъ изъ

нихъ можно было-бы замѣнить другими, болѣе способными и имѣющими академическую степень. При таковой неспособности членовъ консисторіи, при ревизіи дѣлъ обнаружено весьма много суждений и рѣшений неосновательныхъ, неполныхъ, нетвердыхъ, и иногда даже противорѣчащихъ законамъ. Сіе въ особенности замѣчено по дѣламъ бракоразводнымъ, раскольническимъ, обѣ опредѣлений по разнымъ случаюмъ эпитетамъ, о выдачѣ метрическихъ свидѣтельствъ, о свѣтчномъ сборѣ и вообще по дѣламъ слѣдственнымъ. Большая часть дѣлъ по симъ предметамъ производилась безъ соблюденія узаконенного порядка и получала болѣе или менѣе неправильное окончаніе. Вообще, въ производствѣ дѣлъ и исполненіи состоявшихся по онымъ рѣшений обнаружена непростительная медленность, простиравшаяся до того, что нѣкоторыя изъ нихъ оставались по два и по три года безъ всякаго движенія, а также и то, что консисторія, разсмотривая иныхъ дѣла, судить пристрастно и рѣшаетъ неправильно собственно потому, чтобы исполнить желаніе епархіального преосвященнаго, какъ сіе обнаружено по дѣлу о выдачѣ метрическаго свидѣтельства о рождении полковницы Винтербергеръ отъ чиновника Руссова. Дѣло сіе производилось и разсмотривалось два года, наконецъ въ полномъ присутствіи консисторіи рѣшено тѣмъ, что означенная Винтербергеръ не признана законою дочерью Руссова, потому что на это не было достаточныхъ доказательствъ. Составленный по сему дѣлу протоколь утвержденъ былъ подпісомъ всѣхъ членовъ консисторіи, исключая одного. Преосвященный, разсмотрѣвъ таковый протоколь, въ резолюціи своей выразился такъ: «Представить мнѣ дѣло съ новымъ мнѣніемъ». Консисторія, не имѣвъ въ виду никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ собранныхъ ею прежде по сему дѣлу, чрезъ три дня отмѣняетъ прежнее свое мнѣніе и составляетъ журналъ, излагая въ ономъ новое мнѣніе, по которому полковница Винтербергеръ признается законою дочерью чиновника Руссова¹).

Далѣе ревизоръ описываетъ небрежность членовъ въ веденіи дѣлъ. «Консисторія, пишетъ онъ, съ представлений, сообщеній и отношений своихъ къ разнымъ мѣстамъ и лицамъ, оставляла при дѣлахъ черновые отпуски по немногимъ только дѣламъ, по всѣмъ-же прочимъ не оставляла таковыхъ при дѣлахъ, а отмѣчалось только: «Предписано духовному правленію, благочинному» или: «сообщено туда-то». Отъ сего важнаго упущенія произошло то, что невозможно было ревизовавшимъ поговорить, какие именно даны были консисторію отвѣты

¹) См. въ синодальномъ архивѣ указъ св. синода отъ 30-го декабря 1846 года.

разнымъ мѣстамъ и лицамъ по различнымъ дѣламъ; что консисторія не могла и сама себя повѣрить въ прежнихъ своихъ дѣйствіяхъ, не могла опредѣлительно отвѣтить разнымъ мѣстамъ и лицамъ, когда возникли впослѣдствіи требованія о доставленіи копій съ того или другаго отпуска консисторіи, а сіе самое нерѣдко порождало напрасную переписку, возбуждало сомнѣніе на дѣйствія консисторіи и вообще замедляло ходъ дѣлъ. Срочныя свѣдѣнія, получаемыя консисторіею отъ духовныхъ правленій о получаемыхъ изъ консисторіи указахъ, о рѣшеніяхъ и нерѣшеныхъ дѣлахъ и о доставленіи разныхъ свѣдѣній отъ монастырей и архіерейскаго дома, почти всегда оставались безъ повѣрки съ документами и съ данными на то предписаніями, въ противность 309 ст. Устава духовныхъ консисторій; отъ таковаго безпорядка произошло то, что нѣкоторыя духовныя правленія не доставляли своеувременно разныхъ отчетовъ въ денежныхъ суммахъ и въ казенную палату, и въ самую консисторію. Изъ монастырей отчетность представляется не въ одинаковомъ видѣ, не по одинаковой формѣ и несогласно послѣдовавшимъ на то предписаніямъ высшаго начальства. Дѣла всякаго рода, иногда даже подряды на значительную сумму, въ совершенную противность 320, 321 и 322 ст. Устава духовныхъ консисторій, рѣшались по однимъ докладнымъ реестрамъ, такъ что дѣлъ рѣшеныхъ по докладнымъ реестрамъ въ годъ найдено 4 части, а иногда и болѣе противъ одной части таковыхъ рѣшеныхъ по журналамъ и протоколамъ. Отъ сего весьма естественно происходили разныя упущенія въ дѣло-производствѣ, по неимѣнію полныхъ справокъ и неприведенію приличныхъ законовъ къ рѣшаемымъ дѣламъ, а главное отъ того, что рѣшенія, писанныя въ докладномъ реестрѣ однимъ членомъ, не всегда подвергались общему сужденію, а послѣ уже усмотрѣнію и утвержденію епархіального архіерея, за невнесеніемъ къ нему всѣхъ таковыхъ дѣлъ и за ненаблюденіемъ ни со стороны преосвященнаго, ни со стороны самой консисторіи правилъ о томъ, чтобы таковыя дѣла подвергаемы были повѣркѣ и срочной периодической отчетности. Въ консисторіи не имѣется правильной описи дѣламъ, а общихъ описей дѣламъ вовсе не составлялось, да и тѣ описи, какія имѣются въ консисторіи, составлены весьма неисправно, съ ошибками, перемарками, безъ должныхъ отмѣтокъ, а потому многія дѣла остаются на нѣсколько лѣтъ безъ всякаго движенія и какъ-бы въ неизвѣстности» ¹⁾.

Но самая главная доля обвиненій въ епархіальныхъ безпорядкахъ

¹⁾ См. вышеприведенный синодскій указъ отъ 30-го декабря 1846 г.

пала на Амвросія. Такъ какъ консисторія, по своему положенію и отношенію къ архіерею, всегда бываетъ слѣпою исполнительницею его воли, потому что никакой протестъ со стороны ея противъ распоряженій епархіального архіерея невозможенъ, то Варлаамъ былъ совершенно правъ, назвавъ въ отчетѣ о своей ревизіи синоду главнымъ виновникомъ беспорядковъ по пинзенскому духовному управлению Амвросія, о которомъ онъ писалъ слѣдующее: «1) Преосвященный въ дѣлахъ епархіального управлія весьма часто не только начиналъ, но и продолжалъ и оканчивалъ разнаго рода дѣла даваемыми по онимъ резолюціями. Отъ сего произошло, что почти четыре части дѣлъ въ каждомъ изъ обревизованныхъ шести годовъ заканчивались по однимъ докладнымъ реестрамъ. При таковомъ образѣ дѣйствованія преосвященнаго Амвросія, во всѣхъ обнаруженныхъ упущеніяхъ и беспорядкахъ по дѣламъ консисторія нерѣдко въ оправданіе свое ссылалась на личные распоряженія преосвященнаго, которая она только приводила въ исполненіе. Дѣйствуя такимъ образомъ по всѣмъ дѣламъ консисторіи, преосвященный не озабочивался о дальнѣйшемъ теченіи ихъ собственно по консисторіи, не требовалъ для повѣрки и своихъ соображеній формальной и опредѣлительной отчетности въ дальнѣйшемъ ходѣ или исполненіи онъхъ. Отъ сего произошло то, что бѣловые журналы не на всѣ присутственные дни писались, и внесеніе дѣлъ въ докладные реестры расшириено было болѣе надлежащаго, ибо весьма многія изъ таковыхъ дѣлъ, по силѣ 321 и 322 ст. Устава духовныхъ консисторій, должны были быть вносимы въ бѣловые журналы, а другія и въ самые протоколы. Изъ этого-же начала произошло и то, что онъ, преосвященный, послѣ своихъ первоначальныхъ дѣйствій по дѣламъ ограничивался разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ только того, что консисторія сама сочтетъ за нужное внести къ нему. Слѣдствіемъ сего было то, что въ 1839 г. журналы помѣчены и утверждены преосвященнымъ только по 8-е марта, всѣ-же прочіе, сколько ихъ было тогда, не были вносимы къ нему, да и въ самой консисторіи ихъ не было за полгода и цѣлые мѣсяцы. Несмотря на таковые весьма важные беспорядки, со стороны преосвященнаго не было обращено на сіе ни малѣйшаго вниманія. Сосредоточивая, такимъ образомъ, теченіе дѣлъ въ своемъ лицѣ и рѣша ихъ нерѣдко по первому доносу и взгляду, онъ естественно дѣйствовалъ иногда скоро и взгляды не всегда были вѣрны и полны. Консисторія-же, получивъ дѣла съ опредѣлительными резолюціями преосвященнаго, не пересматривала ихъ вновь, не пополняла нужными справками или узаконенными для дѣлонроизводства формами, а приводила только ихъ въ исполненіе.

2) По дѣламъ слѣдственнымъ слѣдователи назначались самимъ преосвященнымъ, и нерѣдко тѣ самые, кои первоначально доносили о тѣхъ дѣлахъ. Часто не было требуемо депутатовъ съ гражданской стороны, а таковы замѣнялись сельскими старшинами, большою частью людьми неграмотными. Подсудимыя и прикосновенные къ дѣламъ лица не всегда допускались къ прочтенію слѣдствія и рукоприкладству. Отъ сего самаго всѣ слѣдственные дѣла производились съ нарушеніемъ многихъ формъ и законовъ, для подобныхъ дѣлъ существующихъ, а сіе самое подавало поводъ къ безпрерывнымъ и справедливымъ жалобамъ и къ тому, что весьма многія дѣла по нѣсколько разъ были переслѣдываемы и дополняемы. 3) При ревизіи обнаружено, что во многихъ дѣлахъ и случаяхъ преосвященный Амвросій расширялъ права іерархической да-лѣ предѣловъ, законами постановленныхъ. Это въ особенности замѣчено: а) въ наградахъ священниковъ скуфьями чернаго бархата, для употребленія оныхъ и въ церкви, и во время всѣхъ священнослуженій, во всемъ подобно съ скуфьями фioletовыми, всемилостивѣйше жалуемыми по удостоенію св. синода; б) въ даваемыхъ священникамъ разрѣшеніяхъ снимать съ мѣстъ святые престолы, по случаю перемостки церковныхъ половъ и послѣ опять поставлять оные на свои мѣста безъ установленнаго чиноположенія церкви; в) въ перемѣнѣ съ престоловъ срачицъ также безъ чиноположенія; г) въ положеніи одной дѣвкѣ, блудившей два года съ роднымъ своимъ отцомъ, эпитиміи, тогда какъ для такой грѣшницы нѣть даже и закона въ каноническихъ правилахъ христіанской церкви, почему ему и слѣдовало о дѣлѣ семъ представить на разрѣшеніе высшему начальству; д) въ напечатаніи въ типографіи пензенскаго губернскаго правленія правилъ для руководства благочинныхъ и всѣхъ священно-и церковнослужителей безъ пропуска оныхъ узаконеною цензурою и безъ испрошенія на то разрѣшенія вышаго начальства и съ употребленіемъ на отпечатаніе тѣхъ правилъ церковной кошельковой суммы. 4) Кромѣ того, обнаружены многія дѣйствія преосвященнаго, несогласныя съ узаконенными формами управлениія, какъ-то: въ удаленіи священнослужителей отъ приходовъ безъ слѣдствія и суда, по одной его, преосвященнаго, резолюціі; въ частомъ перемѣщеніи съ мѣста на мѣсто священо-и церковнослужителей, иногда даже вдругъ цѣлыхъ приходовъ безъ судебнаго приговора консисторіи; въ предоставлениі діаконскихъ мѣстъ дьячкамъ, пономарямъ и пѣслушникамъ, совсѣмъ не учившимся въ семинаріи; въ увольненіи изъ духовнаго вѣдомства канцелярскихъ служителей прежде окончанія слѣдственныхъ о нихъ дѣлъ. Сверхъ того, по дѣлу обѣ удержаніи бывшимъ при епископѣ

Амвросію письмоводителемъ, титулярнымъ совѣтникомъ Вознесенскимъ, казенныхъ денегъ, оказалось: 1) что деньги, бывъ получаемы разновременно, и начиная съ 1836 года, дѣйствительно были удержанымы упомянутымъ Вознесенскимъ (умершимъ въ 1844 году) до 1839 года, но въ концѣ сего года нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, коимъ часть изъ оныхъ слѣдовала въ выдачу, явились къ преосвященному Амвросію, желая узнать о назначеніи имъ денежнаго пособія; по поводу сему были отысканы имъ, преосвященнымъ, при членѣ консисторіи, протоіереѣ Островидовѣ, и бывшемъ секретарѣ Миловскому, въ занимаемой Вознесенскимъ квартирѣ въ домѣ-же его, преосвященнаго, и частію представлены самимъ Вознесенскимъ; послѣ сего, по запискѣ ихъ на приходъ въ книги, разданы въ 1839 и 1840 годахъ по принадлежности съ расписками въ книгахъ. 2) Всльдъ за симъ, по предложенію преосвященнаго, Вознесенскій уволенъ отъ должности письмоводителя на службѣ въ консисторіи, и во исполненіе резолюцій преосвященнаго, состоявшихся на отысканныхъ у Вознесенскаго отношеніяхъ г. оберъ-прокурора, разновременно взяты отъ Вознесенскаго объясненія, въ коихъ онъ показалъ, что таковое удержаніе денегъ сдѣлано имъ безъ всякаго намѣренія, а собственно по одной забывчивости, происходившей отъ болѣзнейшихъ припадковъ, нерѣдко съ нимъ случавшихся. Консисторія, при решеніи по сему предмету дѣла, хотя и не приняла сихъ объясненій въ оправданіе, опровергая оныя тѣмъ, что ежели Вознесенскій чувствовалъ себя часто болѣйшимъ, то могъ-бы и не брать на себя обязанности получать съ почты деньги; но какъ удержаныя имъ деньги были все сполна отысканы, то, не подозрѣвая (Вознесенскаго) въ намѣреніи злоупотребленіи, нашла его виновнымъ и подлежащимъ сужденію по законамъ только за беспечность по должности, а потому, за силою всемилостивѣшаго манифеста 16-го апрѣля 1841 года, съ утвержденія преосвященнаго Амвросія, опредѣленіемъ 6-го іюня 1841 года, отъ всякаго дальнѣйшаго суда его освободила и, по увольненіи отъ службы по духовному вѣдомству, выдала ему надлежащій аттестатъ безъ прописанія производившагося о немъ, Вознесенскому, дѣла. 3) Св. синоду не было о семъ донесено, какъ объясняетъ преосвященный Амвросій, потому, что не сочтено сіе за нужное, ибо деньги и даже самыя бумаги, при которыхъ оныя были присланы, найдены все въ цѣлости, и весь безпорядокъ въ несвоевременной сдачѣ денегъ произошелъ собственно отъ болѣзни письмоводителя Вознесенскаго и составлялъ одно только упущеніе по должности его, а не преступленіе особой важности»¹⁾.

¹⁾ См. вышеприведенный синодскій указъ отъ 30-го декабря 1846 г.

Когда ревизія Варлаама была разсмотрѣна въ синодѣ, тогда состоялся слѣдующій указъ: «По производившемуся въ святѣйшемъ синодѣ дѣлу (такъ начинается указъ) о беспорядкахъ, открывшихся по производству дѣлъ въ пензенской духовной консисторіи и вообще по управлению пензенскою епархіею, какъ со стороны тамошней консисторіи, такъ и со стороны самого епархіального архіерея, святѣйшій синодъ приказали: изъ дѣлъ святѣйшаго синода видно, что со времени управления пензенскою епархіею епископомъ Амвросіемъ безпрестанно доходили до синода жалобы на необыкновенную медленность въ теченіи дѣлъ епархіального управления, на разные болѣе или менѣе важные беспорядки и даже злоупотребленія лицъ, входящихъ въ составъ управления. Для исправленія всего сего принимаемы были со стороны святѣйшаго синода нужная мѣры, но какъ всѣ допущенные по управлению пензенскою епархіею беспорядки, при невнимательности къ онymъ епархіального архіерея, не могли быть исправлены предписываемыми святѣйшимъ синодомъ мѣрами, то онъ въ необходимости нашелся поручить бывшему викарію кіевской митрополіи, епископу Варлааму, обревизовать въ подробности всѣ дѣла по управлению пензенскою епархіею за послѣдніе шесть лѣтъ, т. е. начиная съ 1839 по 1845 годъ, и обѣ оказавшемся представить синоду». Потомъ, исчисливъ всѣ тѣ беспорядки, которые были замѣчены Варлаамомъ и которые приведены выше въ извлечениіи изъ его ревизіи, и приказавъ епархіальному пензенскому начальству исправить ихъ, синодъ произносить свой судъ надъ Амвросіемъ и его консисторіею. «1) Преосвященный Амвросій (такъ выражается синодскій указъ), имъ назначеніемъ своимъ управлять пензенскою епархіею и начальствовать надъ консисторіею, не только не принималъ зависящихъ отъ него мѣръ къ надлежащему благоустройству консисторіи и вообще ввѣренного ему управления епархіи, но, большею частію, самъ разстраивалъ таковое управление присвоеніемъ себѣ ненадлежащей власти. Поставивъ всѣ вышеизложенные беспорядки, упущенія и противозаконныя дѣйствія на видъ пензенскому епархіальному начальству, предписать ему наблюсти, чтобы на будущее время приняты были надлежащія мѣры къ отвращенію замѣченной въ производствѣ дѣлъ по консисторіи непростительной медленности, и чтобы онъ рѣшаемы были правильно и бѣзпристрастно. Что-же касается до дѣйствій епископа Амвросія, открывшихся при ревизіи и обращающихъ на себя особенное вниманіе начальства, то обѣ ономъ святѣйшій синодъ будетъ имѣть сужденіе особо. 2) Такъ какъ при обревизованіи дѣлъ пензенской консисторіи и при личномъ посѣщеніи епископа Варлаама присутствія оной, замѣчено, что не всѣ настоящіе члены консисторіи достаточно

приготовлены къ несенію возложенныхъ на нихъ обязанностей, что подтверждаютъ вполнѣ вышеизложенные беспорядки по производству дѣлъ въ консисторіи, то святѣйшій синодъ, принимая, съ одной стороны, въ соображеніе, что беспорядки эти, при настоящемъ составѣ консисторіи, не могутъ быть исправлены, а съ другой, что нельзя ожидать правильнаго и успѣшнаго производства дѣлъ и на будущее время, признаетъ необходимымъ и полезнымъ уволить отъ должности членовъ пензенской духовной консисторіи протоіереевъ: Феодора Островицова, Маркелла Бурлукаго, Феодора Мошкова, и священниковъ: Козыму Романова и Симеона Эмпедоклова, а на мѣсто ихъ назначить членами консисторіи протоіереевъ: Андрея Овсова, Феодора Пантелеевскаго, Ioanna Почелмовскаго, Ioanna Студейскаго и Михаила Мидова. Затѣмъ вмѣнить консисторіи въ обязанность, чтобы въ дѣлопроизводствѣ соблюдались были въ точности узаконенные въ Уставѣ духовныхъ консисторій правила, изложенные въ главѣ III, отдѣленіи 1, 2, 3, 4 и 5; чтобы журналы присутствія консисторіи ведены были въ надлежащемъ порядкѣ и непремѣнно каждому присутствію, съ надлежащими отмѣтками въ оныхъ, и представлялись были, по точной силѣ 328 ст. Устава духовныхъ консисторій, на утвержденіе епархіального преосвященнаго; чтобы докладные реестры по консисторіи составлялись были установленнымъ порядкомъ, съ надлежащею ясностію и отчетностію и съ сообразными съ существомъ дѣлъ отмѣтками¹⁾ и т. д., что уже извѣстно намъ изъ ревизіи Варлаама.

Увольненіе членовъ пензенской консисторіи, бывшихъ только исполнителями воли своего архіерея, выговоръ, сдѣланный синодомъ Амвросію въ весьма жесткихъ выраженіяхъ, наконецъ угроза, высказанная въ концѣ синодескаго указа,—все это предвѣщало для него мало утѣшительнаго и какъ-бы давало знать, что ему слѣдуетъ отказаться отъ управліенія епархіею и просить покоя. Притомъ-же, партія недовольныхъ управліеніемъ Амвросія, ободренная исходомъ дѣла съ Ошанинымъ, явно теперь возстала противъ архіерея и чаще начала обращаться съ своими доносами на него въ синодъ. Во главѣ этой партіи стоялъ архимандритъ саранскаго Петропавловскаго монастыря Феофілъ, а вліятельными членами ея были священники города Саранска: Охотинъ, Малининъ, Соколовъ и Колниковъ. У Феофіла начались личности съ любимцемъ Амвросія, саранскимъ протоіереемъ Дмитремъ Смирновскимъ. Смирновскій довелъ до свѣдѣнія архіерея о разныхъ беспорядкахъ по саранскому Петропавловскому монастырю и о безпутной жизни настоятеля этого монастыря,

¹⁾ См. вышеприведенный указъ св. синода отъ 30-го декабря 1846 года.

архимандрита Феофила. Феофиль, съ своей стороны, жаловался Амвросию на Смирновского, какъ на человѣка дерзкаго, корыстолюбиваго и клеветника. Амвросій донесъ на Феофила синоду, а Феофиль, въ свою очередь, донесъ синоду о беспорядкахъ по епархіальному управлению. Въ то-же время нѣкто Баредниковъ, принадлежавшій къ партіи Феофила, жаловался св. синоду на протоіеряя Смирновского и, между прочимъ, обви-нялъ его въ томъ, что онъ собиралъ съ духовенства деньги для угощенія Амвросія, во время посѣщенія имъ Саранска. Синодъ потребовалъ по жалобѣ Баредникова объясненія отъ Амвросія, который не замедлилъ его представить, но оно послужило обвинительнымъ противъ него актомъ. Амвросій сознавался, что «духовные города Саранска два раза подносили ему хлѣбъ-соль; въ первый разъ онъ принялъ, но на будущее время предварилъ, дабы этого не было. Архимандритъ Антоній, сопровождающей всегда его по епархіи и завѣдывающей въ пути свитою, объяснялъ ему, что духовенство саранское выпрашивало у него всегда свиту преосвя-щенаго на свое содержаніе, считая за униженіе уступить эту честь дворянству и купечеству, всегда готовому съ особеннымъ удовольствіемъ принять и накормить всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Таковое радушіе и хлѣб-босольство, не воспрещаемое законами, ни божескими, ни гражданскими, составляетъ искони лучшую черту характера русскаго народа; поэтому, можетъ быть, если на сей предметъ и сдѣлало духовенство какія-либо складки, то эти складки были чисто добровольныя, безъ всякаго принуж-денія, и могли произтекать изъ общаго желанія угостить гостей, доста-вившихъ имъ столько пріятныхъ часовъ своимъ стройнымъ пѣніемъ во время служенія его, но ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть вида на-лога или побора, хотя нѣкоторые священники: Соколовъ, Малининъ и Охотинъ въ показаніяхъ своихъ приписываютъ такой сборъ личной ко-рысти протоіеряя Смирновскаго». Въ заключеніе объясненія своего, Амвросій просить св. синодъ разрѣшить ему «принять мѣры къ искорененію зло-вредныхъ плевель, насѣянныхъ возмутителемъ архимандритомъ Феофи-ломъ, и оградить пастырей стада отъ дальнѣйшихъ покушеній людей, за-раженныхъ вредными правилами—священниковъ: Соколова, Колпикова, Охотина и Малинина»¹). Но синодъ не думалъ ограждать пастырей стада отъ покушеній такихъ «зловредныхъ людей», каковы были Охотинъ, Со-ковъ и подобные имъ, но сдѣлалъ Амвросію выговоръ «за допущеніе Смирновскому производить противозаконные сборы, дабы впредь подоб-

¹) См. въ св. синодѣ протоколъ 25-го ноября 1846 года, № 393.

ныхъ сборовъ отнюдь терпимо не было, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія по законамъ»¹⁾.

Между тѣмъ, по дѣлу Феофила присланъ былъ отъ св. синода въ Саранскъ ревизоръ, архимандритъ арзамасскаго Спасскаго монастыря Амфилохій. Его ревизія была неблагопріятна и для Смирновскаго, и для самого Амвросія. Феофилъ найденъ правымъ, а Смирновскій признанъ интриганомъ и высланъ изъ города Саранска въ село. Сверхъ того, ревизія Амфилохія сопровождалась такими обстоятельствами, которыя еще болѣе уронили Амвросія въ глазахъ синода. Преосвященному, по нѣкоторымъ причинамъ, не хотѣлось, чтобы при производимомъ слѣдствіи находился Охотинъ, исправлявшій должностъ офиціального депутата духовенства города Саранска, а потому онъ еще заранѣе назначилъ вместо него другого депутата. На бѣду этотъ депутатъ по требованію ревизора не явился, и Амфилохій, побуждаемый необходимостью, долженъ былъ притгласить Охотина, который и принялъ участіе въ слѣдствіи. Амвросій призналъ этотъ поступокъ Охотина своею виной и пензенская консисторія удалила его за это отъ депутатской должности и сдѣлала ему строгій выговоръ; но преосвященный не удовольствовался этимъ: онъ отрѣшилъ Охотина и отъ должности увѣщателя, со внесеніемъ всего этого въ послужный списокъ. Охотинъ подалъ на архіерея жалобу въ св. синодъ, прося въ ней избавить его отъ притѣсненій своего архипастыря. Синодъ потребовалъ отъ Амвросія, объясненій и по этому дѣлу.²⁾ Представленные преосвященнымъ объясненія были неловки и обидны для слѣдователя, а потому синодъ снова послалъ выговоръ Амвросію въ такомъ видѣ: «Пензенское епархіальное начальство не имѣло никакого основанія къ обвиненію священника Охотина за исполненіе вышеизѣясненнаго требованія Амфилохія, облеченаго отъ св. синода особымъ довѣріемъ, которыи самъ-бы и подлежалъ отвѣтственности въ такомъ случаѣ, еслибы распоряженіе его признано было неправильнымъ, а не священникъ Охотинъ. Сверхъ того, епархіальное начальство вошло въ сужденіе о дѣйствіяхъ Охотина по такому дѣлу, которое принадлежало разсмотрѣнію святѣйшаго синода, а не епархіального начальства. Посему святѣйшій синодъ опредѣляетъ: отмѣнивъ рѣшеніе пензенскаго епархіального начальства объ удаленіи священника Охотина отъ депутатской и увѣщательской должностей и объ учиненіи ему строгаго выговора, и исключивъ сіе изъ послужного его списка, оставить его при прежніхъ должностяхъ, а

¹⁾ См. тамъ-же.

²⁾ См. въ св. синодѣ протоколъ за 1847 годъ, № 200.

епархіальному начальству за неумѣстное и неправильное его распоряженіе сдѣлать строгое замѣчаніе¹).

Междѣ тѣмъ и Ошанинъ, даже по окончаніи ревизіи, не переставалъ жаловаться синоду на Амвросія, который, еще не вразумленный данными ему уроками, неправильно удержалъ у него жалованье за все время его болѣзни и предалъ его суду уголовной палаты по дѣлу Штерна. Дѣло Штерна состояло въ томъ, что его въ одинъ прекрасный день напоили пьянымъ до безпамятства и, когда онъ проснулся, объявили ему, что онъ повѣнчанъ на дочери коллежскаго ассесора Александра Зайцевой. Нужно замѣтить, что Штернъ былъ больной, дряхлый и почти дошедшій до идотизма старикъ, который скончался черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, именно 16-го июня 1845 года, въ помѣстьѣ Зайцевыхъ, передавъ женѣ все свое имѣніе. Родственники Штерна, негодуя на такое его распоряженіе, стали опровергать дѣйствительность его брака съ Зайцевой и успѣли доказать, что при совершенніи этого брака не было ни обысковъ, ни поручителей, однимъ словомъ, что его слѣдуетъ считать мнимымъ²). По протесту родственниковъ Штерна, въ пензенской консисторіи производились справки о бракѣ его съ Зайцевою. Но пусть самъ Ошанинъ говорить объ этомъ: «Я, писалъ онъ Пратасову, явясь по полученіи нѣкотораго облегченія отъ болѣзни въ консисторію, обратилъ первое мое вниманіе на дѣло жены писца 1 разряда Штернъ, по которому, вопреки закона, принялъ на себя власть отдачи меня въ уголовную палату его преосвященство, и это дѣло я нашелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ онаго уже выписка составлена и законы подведены исправляющимъ должность мою, столоначальникомъ Карпинскимъ, который, желая вовлечь меня въ невинную отвѣтственность, сдѣлалъ по сей выпискѣ опущенія, зная, что на основаніи ст. 2461 ст. Х т. Св. Зак. лежить все сіе на отвѣтственности секретаря, и по этому случаю въ необходимости я былъ подать докладъ въ пензенскую духовную консисторію, съ которой копію имѣю честь представить вашему сіятельству и просить покорнейше избавить консисторію отъ столоначальника Карпинскаго, какъ отъ чиновника неблагонамѣренаго и небрежнаго къ своей обязанности³). Пратасовъ предложилъ прошеніе Ошанина синоду, который на-

¹) См. указъ св. синода, 28-го февраля 1846 года, также указы 30-го октября и 4-го мая того-же года.

²) См. въ св. синодѣ протоколъ 25-го сентября 1846 года № 394.

³) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1845 года подъ № 33, по жалобѣ секретаря пензенской духовной консисторіи Ошанина на неповиновеніе ему чиновниковъ и на преданіе его преосвященнымъ уголовному суду.

шелъ дѣйствія Амвросія неосновательными и предписалъ ему «немедленно отнестись къ кому слѣдуетъ, чтобы переданное имъ на разсмотрѣніе уголовной палаты дѣло о медленности, допущенной по дѣлу вдовы Штернъ, было возвращено, и затѣмъ, по внимательномъ и подробномъ разсмотрѣніи и опредѣленіи степени вины прикосновенныхъ къ дѣлу тому лицъ, представить оное съ заключеніемъ св. синоду»¹⁾). Распоряженіе Амвросія объ удержаніи жалованья у Ошанина за все время его болѣзни также признано синодомъ неправильнымъ²⁾). Однимъ словомъ, что ни дѣлалъ Амвросій—на него жалоба въ синодъ, что ни жалоба—ему замѣчаніе, выговоръ, или угроза отъ синода. А между тѣмъ изъ Петербурга ему явно давали знать, что для него наступила пора отказаться отъ своей должности. Но это грозило Амвросію разлукою съ родными и потому представлялось ему такимъ бѣдствіемъ, что для избѣженія его онъ рѣшился лучше прибѣгнуть къ великолѣпію своего врага. Племянникъ Амвросія, Моревъ, отправился съ письмомъ отъ него къ митрополиту Антонію и, какъ намъ уже известно изъ біографіи послѣдняго³⁾), Амвросій не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Гордость и месть Антонія при видѣ своего врага, умоляющаго о пощадѣ, были достаточно удовлетворены и потому петербургскій митрополитъ началъ разыгрывать роль великолѣпнаго защитника Амвросія: одинъ только его голосъ раздавался въ синодѣ въ защиту пинзенскаго архипастыря и только ему одному онъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Съ этого времени синодъ пересталъ преслѣдоватъ Амвросія; его оставилъ въ покой и Ошанинъ, вышедший въ отставку, о которой еще во время варлаамовской ревизіи онъ подавалъ прошеніе Пратасову. «Страданія мои, писалъ онъ оберъ-прокурору, по должности секретаря пинзенской духовной консисторіи превосходятъ все терпѣніе человѣка; преосвященнѣйшій Амвросій съ полнымъ присутствіемъ консисторіи продолжаетъ оскорблять меня и на бумагѣ, и на словахъ, и эти тяжкія оскорблѣнія не даютъ поправляться разстроенному здоровью, а съ другой стороны мое небогатое имѣніе почти полтора года безъ моего личнаго хозяйственнаго надсмотра приходить въ упадокъ; специальное размежеваніе земли, за неприбытиемъ моимъ, остановилось; я просилъ объ увольненіи меня въ отпускъ или въ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Дѣло той-же канцеляріи и того-же года подъ № 38, по рапорту секретаря пинзенской консисторіи о неправильномъ удержаніи у него епархіальнымъ начальствомъ жалованья за время болѣзни.

³⁾ См. въ этихъ материалахъ біографію с.-петербургскаго митрополита Антонія.

отставку, но не удостоился получить начальственного разрешения¹). Но ему было отказано въ его просьбѣ по той причинѣ, что его присутствие въ Пензѣ считалось необходимымъ по случаю назначенаго св. синодомъ изслѣдованія о беспорядкахъ по пензенскому епархиальному управлению и консисторіи²). Ошанинъ, несмотря на этотъ отказъ, послалъ другое прошеніе къ Пратасову объ увольненіи его отъ службы и писалъ: «При опредѣленіи моемъ въ секретари, я имѣлъ счастіе слышать начальственныя ваши наставленія, какъ долженъ вести себя въ назначенной вашимъ сіятельствомъ должности, и вы изволили обѣщать, сіятельнѣйшій графъ, если я содѣлаюсь достойнымъ вашей высокой начальственной милости, наградить меня чинами, орденами и деньгами. Я употребилъ, съ своей стороны, всѣ возможныя усиленія уничтожить зло и прекратить беззаконіе по пензенской духовной консисторіи и уже годъ исполнился таковымъ моимъ дѣйствіямъ, за которыя я ежеминутно былъ преслѣдуемъ миценіемъ членовъ пензенской духовной консисторіи и пресвященнымъ Амвросіемъ съ его роднымъ племянникомъ Моревымъ. Это преслѣдованіе совершенно лишило меня силъ и здоровья къ продолженію службы моей, и четыре мѣсяца ревизующіе консисторію съ меня брали вопросные пункты, не выпуская изъ присутствія, какъ будто бы государственного преступника. Сіятельнѣйшій графъ, когда-же настанетъ минута избавленія моего? Вы одни, ваше сіятельство, изволите избавить несчастнаго страдальца отъ руки гонителей. Неужели мнѣ избрать Пензу могилою своею? Умоляю у ногъ вашего сіятельства дозволить мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ для поправленія разстроеннаго моего здоровья; тѣмъ болѣе я имѣю право просить обѣ этомъ, что ревизующія лица приступаютъ къ разсмотрѣнію послѣдняго шестого года и отчетность, слѣдующая до должности моей за 1844 годъ, вся отправлена. Я надѣюсь, что просьба страдальца, гонимаго за истину, будетъ ходатайствовать у вашего сіятельства»³). Послѣ этихъ двухъ прошеній, Ошанинъ подавалъ еще два, 27-го июля 1845 года и 24-го октября того-же года. Наконецъ, 14-го января 1846 года, по милости Пратасова, принимавшаго живое участіе въ судьбѣ Ошанина, онъ былъ признанъ совершенно невиннымъ и по-

¹) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1844 года подъ № 215 по просьбамъ секретаря пензенской консисторіи Ошанина объ увольненіи его отъ службы.

²) Тамъ-же.

³) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1844 года, подъ № 215 по просьбамъ секретаря пензенской консисторіи Ошанина объ увольненіи его отъ службы.

лучиль увольненіе. Замѣчательенъ синодскій указъ, данный по этому случаю. «Святѣйшій синодъ, сказано въ указѣ, разсмотрѣвъ во всей подробности обстоятельства настоящаго дѣла и сообразивъ объясненія той и другой стороны (т. е. Амвросія и Ошанина), истребованныя при ревизії съ подходящими къ нему законами, находить, что донесенія секретаря Ошанина во многомъ подтвердились, и въ особенности о беспорядкахъ по консисторіи и по слѣдующимъ дѣламъ: о Вознесенскомъ, кантонистѣ Кутыревѣ, о распространеніи въ г. Саранскѣ Успенской церкви. Что-же касается до обвиненій, взводимыхъ пензенскимъ епархіальнымъ начальствомъ на секретаря Ошанина, то оныя совершенно теряютъ свою силу, если принять во вниманіе во-первыхъ, что нѣкоторыя изъ нихъ по слѣдствію вовсе не подтвердились, по другимъ оказалось, что они основаны только на однихъ показаніяхъ, безъ всякихъ ясныхъ и законныхъ доказательствъ; во-вторыхъ, что епископъ Амвросій началь взводить разныя обвиненія на секретаря Ошанина послѣ того, какъ онъ донесъ о распространеніи въ г. Саранскѣ Успенской церкви безъ разрѣшенія св. синода и о постриженіи Михаила Кутырева изъ военныхъ чиновъ въ малый монашескій чинъ безъ соизволенія на то высшаго начальства; въ-третьихъ, что до начатія сихъ дѣлъ епископъ Амвросій не дѣлалъ Ошанину ни выговоровъ, ни замѣчаній, и въ консисторіи никакихъ бумагъ относительно неисправностей его, Ошанина, и образа жизни его нѣтъ, а сіе и доказывается, что взводимыя на Ошанина обвиненія суть слѣдствія личныхъ неудовольствій къ нему епархіального архіерея и членовъ консисторіи; въ-четвертыхъ, что, сверхъ вышепоказанныхъ обвиненій секретаря Ошанина, ревизовавшіе дѣла пензенской консисторіи не представили никакихъ другихъ дѣлъ до него относящихся (?), и наконецъ, въ-пятыхъ, что Ошанинъ самъ и давно уже настоятельно просить объ увольненіи его отъ должности секретаря пензенской консисторіи по болѣзниенному его состоянію, почему святѣйшій синодъ, основываясь на семъ, опредѣляетъ: по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ не признавая Ошанина виновнымъ въ какихъ-либо влекущихъ за собою отвѣтственность дѣлахъ по пензенской консисторіи, просьбу его объ увольненіи отъ настоящей должности представить предварительному разсмотрѣнію г. оберъ-прокурора св. синода и дѣло считать поконченнымъ» ¹).

¹) См. вышеприведенное дѣло подъ № 215.

VIII. Ревизія пермского епархіального управління.

Борьба между Аркадіемъ, архієпископомъ пермскимъ, и секретаремъ пермской консисторіи Архаровыемъ—лицами уже намъ знакомыми—послужила поводомъ къ ревизії мѣстного епархіального управління. Начало ихъ взаимной ненависти восходитъ ко времени назначенія Архарова секретаремъ пермской консисторіи, и можно сказать, что эти два лица, еще не видавши другъ друга, стали питать самую полную и искреннюю ненависть одно къ другому. Архаровъ, отличавшійся постояннымъ нерасположеніемъ ко всѣмъ архіереямъ вообще и бывшій въ открытой враждѣ съ тѣми изъ нихъ, съ которыми приходилось ему служить, въ особенности терпѣть не могъ Аркадія, котораго считалъ самимъ деспотическимъ и двоедушнымъ изъ архіереевъ, самымъ пристрастнымъ и несправедливымъ правителемъ, наконецъ самымъ беззаконнымъ непотистомъ. Сверхъ того, Архаровъ былъ убѣжденъ, что его перевели изъ Костромы въ Пермь за то, что онъ не поладилъ съ костромскимъ епископомъ Виталиемъ, а потому его прежняя вражда къ архіереямъ еще болѣе усилилась. Аркадій, съ своей стороны, ненавидѣлъ Архарова за то, что онъ явился ему помѣхой къ осуществленію его плановъ и намѣреній и что отъ него надлежало охранять іерархическую права, такъ какъ новому пермскому секретарю, занявшему мѣсто, которое предназначалъ Аркадій своему любимцу, помощнику секретаря пермской консисторіи Топоркову, предшествовала молва, что онъ погубилъ и довелъ до смерти преосвященнаго Виталія, и что онъ, будучи покровительствуемъ Пратасовымъ, посланъ отъ него въ Пермь въ видѣ соглядатая за Аркадіемъ. Не совсѣмъ чистому въ своихъ дѣйствіяхъ пермскому архіерею тотчасъ представилось, что Архаровъ легко можетъ вынести соръ за домашній порогъ, а этого сору, благодаря таинственности и самовластію, господствовавшимъ въ патріархальному управлініи Аркадія, было слишкомъ много. Итакъ, еще до встрѣчи этихъ двухъ лицъ уже существовало у нихъ достаточно причинъ къ взаимной ненависти. Непосредственная, личная отношенія еще болѣе усилили это нерасположеніе: Архаровъ не думалъ насиливать своихъ чувствъ, а Аркадій—сдерживать своей злобы. Съ первого приема секретаря, преосвященный началь рядъ тѣхъ выходокъ, на изобрѣтеніе которыхъ онъ былъ такъ способенъ. Каждое слово, сказанное Аркадіемъ Архарову, было оскорблениемъ послѣдняго; каждое движение руки владыки были выражениемъ самаго уничтожительного презрѣнія къ секретарю; наконецъ, въ каждомъ поступкѣ Аркадія было видно желаніе уязвить самолюбіе Архарова.

рова. Душа пермского архипастыря такъ была переполнена злобою и ненавистью къ Архарову, что онъ при выражениі ихъ не стѣснялся никакими виѣшними приличіями и даже отступиъ отъ обычнаго своего правила — замаскировывать свои чувствованія и прикрывать внутреннее движение страсти личиною виѣшней благопристойности. Такъ, благословляя всѣхъ правою рукою, Аркадій одного Архарова благословлялъ лѣвою и, притомъ, не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи постороннихъ лицъ ¹⁾); приказавъ ему приходить къ себѣ три раза въ день съ консисторскими бумагами, самъ отъ него ихъ не принималъ, а высыпалъ всегда за ними въ переднюю келейника ²⁾). Если-же иногда случалось Архарову лично видѣть Аркадія, то послѣдній намеками даваль знать первому, что совершенно въ немъ не нуждается. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще и то, что за частною и семейною жизнью Архарова строго слѣдили люди, преданные преосвященному, и этого обстоятельства онъ не только не считалъ нужнымъ скрывать отъ него, но, напротивъ, при каждомъ удобномъ случаѣ доводилъ до его свѣдѣнія. Непріязненныя отношенія архипастыря къ Архарову естественно отразились и на его служебной дѣятельности въ консисторіи, гдѣ самое законное его требование не исполнялось потому только, что это было требование лица, ненавистнаго архіерею; самая неотлагательная бумага оставалась безъ всякаго движенія, если только архіерей и его агенты замѣчали, что секретарь торопится исполнить ее. Члены пермской консисторіи, какъ послушныя орудія воли Аркадія, старались превзойти другъ друга въ грубостяхъ Архарову и тѣмъ дѣятельнѣе стремились дѣлать все наперекоръ ему, чѣмъ болѣе были увѣрены въ приобрѣтеніи за то особеннаго расположенія архіерея. Злоба Аркадія на секретаря была такъ сильна, что простидалась на все, что только имѣло къ нему какое-нибудь отношеніе ³⁾). Всякій другой на мѣстѣ Архарова

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло по доносамъ секретаря пермской консисторіи Архарова о существующихъ въ тамошней консисторіи беспорядкахъ и о произвольныхъ — неправильныхъ распоряженіяхъ преосвященнаго Аркадія по управлению епархіею, и по жалобамъ Архарова на притѣсненія, дѣлаемыя ему преосвященнымъ и проч., и въ этомъ дѣлѣ рапорты Архарова графу Пратасову отъ 11-го и 27-го июля 1848 года.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Учитель пермской семинаріи Вешняковъ былъ аттестованъ Аркадіемъ въ послужныхъ спискахъ неодобрительно за то, что былъ вхождъ въ домъ Архарова. Здѣсь, кстати, разскажемъ о стараніяхъ Аркадія запятнать его въ общественномъ мнѣніи и повредить его репутаціи, чтобы видѣть, до какой степени преосвященный былъ изобрѣтатель и искусенъ въ наукѣ мишенія. Однажды прѣѣзжаетъ къ Аркадію съ обыкно-

или паль-бы подъ тяжестью этого положенія, или отказался-бы отъ мѣста, или сталъ-бы сносить всѣ оскорблениа отъ архiereя, чтобы безусловною своею покорностью пріобрѣсть его милость. Такъ и было съ предшественниками Архарова: Тарховъ, работѣнно исполнявшій волю Аркадія, пользовался за то его расположениемъ, а Лазаревъ, болѣе самостоятельный, принужденъ былъ бѣжать отъ нападеній Аркадія въ другое вѣдомство. Но Архарова такое положеніе, напротивъ, только еще болѣе озлобляло и раздражало, и онъ за презрительное съ собою обращеніе сталъ платить Аркадію грубостями и дерзостями: во 1-хъ, пересталъ самъ ходить къ нему съ докладами, а сталъ посыпать дѣла съ консисторскими чиновниками и, притомъ, съ самыми худшими; во 2-хъ, открыто началъ смѣяться надъ незаконными дѣйствіями Аркадія, смѣло разоблачая это виды; въ 3-хъ, показывалъ полное презрѣніе къ фаворитамъ архiereя и къ его родственникамъ, а особенно къ архимандриту Павлу, любимцу преосвященнаго и лицу самому довѣренному у него, однимъ словомъ его фактотуму. При такомъ напряженномъ состояніи взаимныхъ отношеній Аркадія и Архарова, нельзя было ожидать, чтобы они не выразились въ доносахъ и жалобахъ другъ на друга высшему начальству, тѣмъ болѣе, что у каждого изъ нихъ, вслѣдствіе систематического подсматриванія другъ за другомъ, накопилось довольно материаловъ для того, чтобы выставить своего противника съ дурной стороны. Первый послалъ доносъ Архаровъ, вынужденный, впрочемъ, къ тому обидными выраженіями,

венною рапортчию о состояніи семинаріи ея инспекторъ. Аркадій съ печально-тайнымъ видомъ спрашиваетъ инспектора, знаетъ-ли онъ о распространившемся въ городѣ слухѣ, что учитель семинаріи Вешняковъ боленъ дурною болѣзнию? Тотъ отвѣчаетъ, что не знаетъ. Аркадій удивляется, показываетъ видъ, что не вѣрить словамъ инспектора, и съ самымъ, повидимому, простодушнымъ смѣхомъ говоритъ: «Чтѣ вы, чтѣ вы, отецъ инспекторъ, притворяется незнайками? Я сегодня уже отъ троихъ свѣтскихъ людей слышалъ объ этомъ. Да вы спросите-ка отца ректора и своихъ товарищѣй, такъ и тѣ вамъ скажутъ это!» Инспекторъ пріѣзжаетъ въ семинарію и тоже съ таинственнымъ видомъ начинаетъ спрашивать о Вешняковѣ профессоровъ семинаріи и ректора. Такимъ образомъ слухъ, выдуманный Аркадіемъ, расходится по всей Перми и возвращается къ своему источнику—къ Аркадію, который выслушиваетъ его, какъ новость для себя. А между тѣмъ Вешняковъ куда ни явится къ знакомымъ, вездѣ на него смотрятъ какъ-то двусмысленно. Наконецъ, друзья сообщаютъ ему о молвѣ, распространившейся въ городѣ на его счетъ. Вешняковъ запирается въ своей квартирѣ и не является въ обществѣ, а Аркадій, уже на основаніи общей молвы, считаетъ себя теперь совершенно вправѣ говорить вслухъ всѣмъ объ его болѣзни. Мало того, онъ считаетъ свою обязанностью, на основаніи слуха, пущенного имъ въ ходъ, аттестовать неодобрительно Вешнякова въ формулярномъ спискѣ.

написанными о немъ Аркадіемъ на мѣсячномъ консисторскомъ реестрѣ и его распоряженіемъ объ убавкѣ жалованья у нѣкоторыхъ чиновниковъ пермской консисторіи. Дѣло было такъ: за іюнь мѣсяцъ 1848 года пермскою консисторіею представленъ былъ преосвященному реестръ съ росписаниемъ жалованья служащимъ въ ней чиновникамъ. Аркадій, вмѣсто того, чтобы утвердить это росписаніе, убавилъ у нѣкоторыхъ чиновниковъ часть ихъ жалованья, чтѣ въ общей сложности, составило до 6 р. сер., и на томъ-же реестрѣ выразилъ свое мнѣніе о дѣятельности консисторской канцеляріи вообще и, главнымъ образомъ, о дѣятельности ея секретаря. Мнѣніе это было весьма нелестно для служебной репутаціи Архарова. «Секретарь, написалъ Аркадій, не исполняетъ резолюцій моихъ касательно нехожденія и поздняго хожденія консисторскихъ чиновниковъ къ должности, относительно ослабленія дѣятельности консисторской канцеляріи, да и самъ не ходитъ послѣ обѣда къ должности, и я опасаюсь большого разстройства по канцеляріи и обязываюсь принять рѣшительныя мѣры къ отвращенію сего, если не увижу должнаго вниманія по всѣмъ своимъ напоминаніямъ и замѣчаніямъ; прежніе гг. секретари сами получали отъ меня и сами представляли ко мнѣ дѣла, а нынѣшній г. секретарь не слѣдуетъ примѣру сему: дѣла представляются ко мнѣ различными лицами, иногда даже Державинымъ, а въ иные почтовыя дни бываетъ даже некому и бумагъ сдать, слѣдующихъ въ правительствующій синодъ, отъ того бумаги останавливаются до слѣдующей почты. То, что, по симъ обстоятельствамъ, прежніе гг. секретари, постоянно ходившіе и послѣ обѣда къ должности и тѣмъ подававшіе прочимъ примѣръ къ дѣятельности и исправности по должности и поведенію, исполняли сами лично, (то я принужденъ былъ) поручить г. помощнику секретаря, который, какъ всегда видимый на должностіи, уже и исправляетъ многое по сему»¹⁾). Архаровъ тотчасъ донесъ рапортомъ Пратасову о распоряженіи Аркадія касательно вычета жалованья у нѣкоторыхъ чиновниковъ пермской консисторіи и испрашивалъ его разрѣшенія: какъ ему поступить съ оставшимися отъ вычета 6 р. серебромъ. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ, въ томъ-же рапортѣ, оправдываясь во взвѣденыхъ на него Аркадіемъ обвиненіяхъ, раскрывалъ передъ Пратасовымъ всѣ неблаговидныя дѣйствія пермскаго архіерея: «Выставленныя, пишетъ Архаровъ, его преосвященствомъ въ вышепрописанной резолюціи опасенія на счетъ разстройства по канцеляріи, есть одно только притязаніе ко мнѣ за то, что начальству не угодно было уважить пред-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ Архарова Пратасову отъ 11-го іюля 1848 года.

ставленій его обѣ опредѣленіи секретаремъ консисторіи особенно покровительствуемаго имъ помощника секретаря Топоркова, за что онъ и предмѣстника моего, г. Лазарева, довелъ до самой крайности и заставилъ перемѣститься въ гражданское вѣдомство, и за то еще, что я, по перемѣщеніи въ пермскую консисторію, завожу здѣсь законный порядокъ въ дѣлопроизводствѣ и открылъ важныя злоупотребленія, о чемъ съ будущею почетою имѣеть поступить отъ меня къ вашему сіятельству подробный рапортъ, вслѣдствіе предписанія вашего отъ 21-го прошлаго мая за № 3383. Его преосвященство собственно чрезъ себя и чрезъ приверженцевъ своихъ разные разглашаетъ обо мнѣ слухи и угрожаетъ, что меня, какъ неблагонадежнаго чиновника, въ Перми не будетъ, что они меня голодомъ отсюда прогонятъ, что сдѣлаютъ безумнымъ, что лишать меня прѣдѣлъ, и проч., и проч. Въ надеждѣ на Господа, защищающаго правду, и уповая на покровительство вашего сіятельства, какъ начальника, желающаго, чтобы подчиненные ваши дѣйствовали въ должности по законамъ совѣсти и присяги, я не боюсь несправедливыхъ угрозъ его преосвященства и надѣюсь, что начальство мое меня не обидитъ напрасно. Канцелярія консисторіи не разстраивается, а направляется, сколько возможно къ совершенству. Одно слѣдующее обстоятельство есть сему доказательствомъ: въ пермской консисторіи въ трехъ только годахъ—въ 1845, 1846 и 1847—опущено за- пискою въ докладные реестры входящихъ дѣлъ и бумагъ 11, 896, а съ секретными одного 1847 года 12, 677; теперь-же всѣ вообще бумаги вносятся во всѣ консисторскіе документы и ни одно дѣло, ни одна бумага изъ виду консисторіи не теряется. Я къ должности являюсь ежедневно, приходя къ оной въ 7, 8 и никогда не позже 9-го часа, такъ что иногда ни одного приказанаго не бываетъ въ канцеляріи. Выхожу отъ должности послѣ членовъ консисторіи и по исполненіи всѣхъ приготовленныхъ для меня бумагъ. Хожу къ должности, когда нужно, и послѣ обѣда. По субботамъ хотя и не бываетъ присутствія, но я хожу постоянно. Когда его преосвященство присыпаетъ въ свое время ко мнѣ въ консисторію слѣдующія отъ него бумаги, я всегда ихъ принимаю и расписываюсь въ его реестрѣ. Самъ носилъ къ нему послѣ присутствія дѣла, которыя представляются къ нему отъ консисторіи, но когда преосвященный приказывалъ принимать ихъ отъ меня въ передней своему лакею; когда лакей объявлялъ мнѣ, что преосвященный или въ саду, или кушаетъ, или почиваетъ; когда самъ онъ, принимая отъ меня дѣла въ сонмѣ всякихъ лицъ и благословляя меня лѣвою рукою, не говорилъ со мною ни слова, и когда я, вникнувъ въ положеніе дѣйствій пермскаго епархіального начальства, возымѣлъ сомнѣніе, какъ-бы не впасть мнѣ невольно въ искушеніе,—

я началъ поручать дѣла, для представлениія къ его преосвященству, регистратору, какъ это водилось и во всѣхъ консисторіяхъ, гдѣ я служилъ прежде. Регистраторы всѣ таковыя дѣла вносили въ особый реестръ и отдавали ихъ подъ росписку письмоводителя архіерейскаго, а также принимали отъ нихъ съ роспискою и сдаваемыя отъ епископовъ бумаги, чѣмъ самымъ я и спасся во время управлениія костромскою епархиєю покойнаго преосвященнаго Виталія. Пермскій-же преосвященный письмоводителя при себѣ не имѣть, говоря, что никому не вѣрить и что будто-бы знать о семъ и св. синодъ, а ведеть входящій свой реестръ самъ. Но какъ онъ владыка, то я и не смѣю дожелить, сколь неприличенъ тотъ реестръ. Еслибы занимался имъ письмоводитель, то онъ быль-бы и чистъ, и аккуратенъ, и удоборазборчивъ. Я принимаю бумаги по реестру его преосвященства только по нумерамъ, а самой сущности никакъ не могу разобрать, да и во всей канцеляріи не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ могутъ, и то съ трудомъ, разбирать резолюціи его преосвященства, хотя онъ другое что отлично пишетъ, а онъ большею частію слишкомъ велики и ихъ очень нерѣдко бываетъ въ дѣлѣ половина и болѣе противу листовъ, въ ономъ находящихся. Канцелярскіе чиновники и служители также ходятъ къ должностіи неупустительно и занимаются дѣломъ каждый по способностямъ, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, есть и нерадивые, но ихъ образумить мнѣ, находящемуся одному въ кругу исполняющихъ мановеніе воли его преосвященства, нѣть возможности. Его преосвященство указываетъ въ означенной резолюціи своей на прежнихъ секретарей. Изъ нихъ прежде бывшій Тарховъ быль за-одно съ епархиальнымъ начальствомъ и дѣлали они такія дѣла, за которыхъ всякий другой, кажется, на самомъ краю свѣта не нашелъ-бы мѣста; а предмѣстникъ мой, г. Лазаревъ, быль, смѣю выразиться, какъ онъ и самъ объяснялъ мнѣ, загнанъ епархиальнымъ начальствомъ. Желаніе преосвященнаго есть такое, чтобы я утромъ, послѣ присутствія, и вечеромъ быль у него вмѣсто дежурнаго, и чтобы находился безвыходно въ консисторіи, но я человѣкъ, имѣю домъ, имѣю семейство¹). Вѣрный своему обѣщанію—подробно писать съ слѣдующею почтою о беспорядкахъ по пермскому епархиальному управлению—Архаровъ, вслѣдъ за первымъ рапортомъ, послалъ Пратасову второй, состоящей изъ 16-ти листовъ убористаго письма, гдѣ онъ уже не оправдывается, а безпощадно обвиняетъ въ беспорядкахъ пермское епархиальное начальство. Безпорядки эти, по доносу Архарова, состояли въ слѣдующемъ: 1) Дѣла въ консисторіи раздѣлены по четыремъ столамъ не согласно

¹⁾ См. вышеприведенный рапортъ Архарова Пратасову отъ 11-го июля 1848 г.

съ Уставомъ духовныхъ консисторій, а по приходи Аркадія. 2) Дѣла и бумаги, поступающія въ консисторію, записывались въ докладные реестры и докладывались не всѣ, а по выбору, такъ что въ теченіе только трехъ лѣтъ 11,896 дѣлъ и бумагъ частью утрачено, частью исполнено безъ всякаго участія консисторіи, частью-же получило незаконное окончаніе; даже указы св. синода скрываются пермскимъ епархіальнымъ начальствомъ. 3) Дѣла о единовѣрцахъ и раскольникахъ производятся тайно отъ консисторіи и известны только преосвященному, его родственнику архимандриту Павлу и покровительствуемому ими помощнику секретаря Топоркову. 4) Поступавшія въ консисторію бумаги записывались во входящіе и докладные реестры несвоевременно и не по порядку вступленія, а по произволу и чрезъ долгое время. 5) Исполненія по дѣламъ и бумагамъ производятся такъ: которыя бумаги слѣдуетъ исполнять по журналамъ, тѣ исполняются по докладнымъ реестрамъ; которыя слѣдуетъ исполнить, вслѣдствіе важности ихъ содержанія, по протоколамъ, тѣ исполняются почти всѣ по журналамъ; по протоколамъ-же или опредѣленіямъ исполняется самая малая часть; даже слѣдственный дѣла, по которымъ рѣшается участъ подсудимыхъ лицъ, и дѣла о построеніи новыхъ церквей получаютъ окончаніе по краткимъ журналамъ. 6) Резолюціи членовъ консисторіи, по которымъ производились исполненія по докладному реестру, подписаны большою частью только однимъ членомъ и рѣдко двумя или тремя. 7) Указы св. синода за нѣсколько лѣтъ не переплетены и хранятся не у регистратора, а у Топоркова, безъ всякаго порядка, что доказывается уже и тѣмъ, что многіе указы подшиты подлинниками къ дѣламъ. 8) Съ давняго времени ни съ одного изъ протоколовъ и опредѣленій не снято копій и всѣ они не сданы въ регистратуру для переплета и надлежащаго затѣмъ храненія, и остаются подлинниками подъ дѣлами. 9) Въ архивѣ нѣть ни хронологического реестра дѣламъ и актамъ, ни алфавитнаго указателя, ни книги для вписыванія выдаваемыхъ изъ архива дѣлъ столоначальникамъ для справокъ. Въ архивныхъ комнатахъ помѣщаются не всѣ дѣла и акты, но огромное ихъ число лежитъ въ беспорядкѣ въ неприличной комнатѣ подъ каѳедральною колокольнею. Въ архивѣ пермской консисторіи находится множество нерѣшенныхъ дѣлъ, къ обнаружению которыхъ никто не рѣшается приступить изъ боязни епархіального архіерея, который готовъ употребить самая несправедливыя и нехристіанскія мѣры, чтобы погубить и уничтожить того, кто не захочетъ за-одно дѣйствовать съ нимъ и съ разсѣянною по всей епархіи кучею родныхъ его и переходцевъ изъ владимірской епархіи и кто рѣшится вывести наружу ихъ дѣянія. 10) Медленное производство дѣлъ по перм-

скому епархиальному управлению непростительно; напр., а) дѣло о выдачѣ канцелярскому служителю главной конторы Богословскихъ заводовъ Эрику метрическаго свидѣтельства началось въ пермской консисторії 13-го ноября 1846 года, а кончено 24-го марта 1848 года; б) несовершеннолѣтняя круглая сирота, дочь чертежника Бѣляева, Анастасія, прислала въ консисторію изъ Москвы прошеніе о метрическомъ свидѣтельствѣ 28-го октября 1846 года, а опредѣленіе по сему прошенію состоялось 7-го июля 1847 года. Пермской архіепископъ дозволяетъ себѣ не приводить въ исполненіе даже Высочайшія повелѣнія, какъ, напр.: чтобы благочинные не стѣсняли внутренняго богослуженія единовѣрческихъ церквей, чтобы въ отношеніи къ завѣданію сихъ церквей преосвященные сообразовались въ точности съ Высочайше утвержденными въ 1800 году правилами митрополита Платона о единовѣрцахъ, чтобы раскольники вѣнчаны были въ православныхъ или единовѣрческихъ церквяхъ безъ требованія присоединенія къ православію, и чтобы священники, повѣнчавъ раскольниковъ, не считали ихъ своими прихожанами и не простирали къ нимъ въ отношеніи исправленія требъ никакихъ требованій... «Раскольники, зная указъ св. синода, пишетъ Архаровъ, и изображенное въ немъ Высочайшее повелѣніе, какъ должны вѣнчать ихъ приходскіе священники, но не видя со стороны приходскихъ священниковъ исполненія по означеному Высочайшему повелѣнію, по необходимости должны были допустить и допустили между себя сводные браки въ чувствительномъ множествѣ, и зло сіе доселѣ усиливается, такъ какъ духовенство и раскольники и теперь формально не знаютъ оной Высочайшей воли. Дѣйствія преосвященнаго, чрезъ неисполненіе воли правительства, не сокращаются, но умножаютъ расколъ въ пермской епархіи и приводятъ раскольниковъ въ совершенное ожесточеніе противъ православія. Самая увѣщанія, производимая при мнѣ въ присутствіи пермской консисторіи лицамъ по сводному браку, согласны (иначе и быть не можетъ) съ дѣйствіями самого преосвященнаго; имъ говорено было: «Повѣнчайтесь въ церкви и послѣ того исполняйте всѣ ея требованія», но они рѣшительно не согласились на сіе. Хотя донесенія преосвященнаго пермского св. синоду о присоединяющихся изъ раскола къ православію и о самыхъ дѣйствіяхъ его и учрежденныхъ здѣсь миссій и миссіонеровъ и очень громки, но на самомъ дѣлѣ они есть одинъ только видѣ, быть у него на хорошемъ счету и получать одобренія и награды. Преосвященный доносить, что столько-то въ такомъ-то году обратилось раскольниковъ къ православію и единовѣрію, но документы церковные говорятъ совсѣмъ не то, напримѣръ:

Оханского уезда въ селѣ Сепычевскомъ по духовной росписи за 1847 годъ значится изъ обращенныхъ православныхъ прихожанъ обоего пола 2225 человѣкъ, но изъ нихъ въ томъ году было у исповѣди 34, а у святаго причастія только 8 человѣкъ, и то, вѣроятно, тѣ только были, которые въ томъ году или около онаго, судя по лѣтамъ, повѣнчаны бракомъ... Осмѣливаюсь къ сему пункту присовокупить еще два обстоятельства, по моему разумѣнію, заключающія въ себѣ великий грѣхъ предъ Богомъ и правительствомъ: а) Указомъ св. синода отъ 21-го августа 1846 года вѣльно преосвященному пермскому, между прочимъ, разсмотрѣть: не слѣдуетъ-ли удалить священника Каменского завода Ивана Яковкина въ другое мѣсто и о семъ донести св. синоду. Его преосвященство, вслѣдствіе сего указа, рапортомъ отъ 1-го ноября того 1846 года за № 9458, донесъ св. синоду, что священникъ Яковкинъ переведенъ въ Мехонскую слободу. Рапортъ этотъ утвержденъ указомъ св. синода отъ 31-го декабря 1846-же года, за № 18.387. Между тѣмъ, Яковкинъ резолюціею его преосвященства, данною еще 21-го октября того 1846 года на прошеніе его, опредѣленъ (и нынѣ находится) Камышловскаго уезда въ Ертарскій винокуренный заводъ къ одноклірной Троицкой церкви, гдѣ приходскихъ дворовъ 276 и прихожанъ обоихъ половъ 2.829 душъ и гдѣ сверхъ того, производится священнику жалованья 300 руб. асс., назначена казенная квартира и есть довольноное количество земли; а въ Мехонской слободѣ онъ, Яковкинъ, совершенно не былъ; слѣдовательно означеній рапортъ преосвященнаго св. синоду за № 9458 былъ несправедливый. б) По дѣлу о постройкѣ каменнаго корпуса для помѣщенія пермской консисторіи, его преосвященство, рапортомъ отъ 23-го января 1845 года за № 515, испрашивалъ у св. синода разрѣщенія о назначеніи въ жалованье архитектору Мейснеру 2.000 руб. асс.; но указомъ св. синода отъ 2-го августа 1845 года, за № 9880, объяснено пермскому епархіальному начальству, что за оптовою отдачею постройки зданія для помѣщенія консисторіи на подрядъ, св. синодъ не имѣть основанія назначать особаго жалованья архитектору, приглашенному для наблюденія за постройкою, и что при всѣхъ подобныхъ случаяхъ прочность, правильность и всѣ условия по постройкѣ ограждаются силою контракта съ подрядчиками, также и самую плату получаютъ по учиненіи надлежащаго удостовѣренія въ прочности и правильности зданія. Между тѣмъ, изъ отношенія строительной комиссіи въ пермскую консисторію отъ 20-го октября 1844 года, за № 140, видно, что архитектору Мейснеру въ сентябрѣ еще мѣсяцѣ 1844 года выдано денегъ 500 р. асс., которыхъ у него и остались. 11) Великое множество дѣлъ по разнымъ предметамъ, которыхъ

по роду своему должны производиться на гербовой бумагѣ, начинаются по резолюціямъ преосвященнаго и производятся въ консисторіи на бумагѣ простой. 12) Дѣла ставленическія вообще почти производятся безъ всякаго участія присутствія консисторіи, даже такъ, что требуется изъ консисторіи и составляется въ ней справка, а проситель произведенъ уже во священника или діакона. 13) Дѣла о перемѣщеніи духовныхъ лицъ съ одного мѣста на другое, большею частію, дѣла *слезныя*: если кто его преосвященству и члену консисторіи (уроженцу владимірскому, родственнику преосвященнаго, съ самаго послушническаго званія при немъ пребывающему и, какъ говорятъ въ Перми, бывшему у него прежде кучеромъ и переѣздившему съ нимъ всѣ до одного мѣста, гдѣ преосвященный находился—и въ училищныхъ должностяхъ, и въ епископскомъ санѣ), настоятелю Верхотурскаго монастыря, проживающему постоянно въ пермскомъ архіерейскомъ домѣ, архимандриту *Павлу*¹⁾, по извѣстнымъ только имъ причинамъ, не понравится, то таковыхъ приказывается благочиннымъ или рекомендовать невыгодно, или заводить о нихъ дѣла, или-же резолюціями преосвященнаго назначаются они за штать, или перемѣщаются верстъ за 100, 200, 300, за 400 и болѣе, и въ этомъ случаѣ ни просьбы перемѣщаемаго, ни плачь семейства, ни разореніе, ничто не умилостивляетъ его преосвященства, и многіе отъ того переходятъ въ другія епархіи или увольняются сами за штать. Онъ кучами перемѣщается и оставляетъ за штатомъ безъ всякихъ прошеній и не имѣющихъ къ почисленію за штать узаконенныхъ лѣтъ... Въ пермской епархіи только почти и пользуются благами жизни и спокойствіемъ священнослужители, поступившіе изъ владимірской епархіи, изъ коихъ, кажется, большая часть родственники его преосвященства и архимандрита Павла, и тѣ изъ пермскихъ уроженцевъ и изъ другихъ епархій, которые сроднились съ владимірскими. Его преосвященство и архимандритъ Павелъ отправляли нѣкоторыхъ (одного съ архіерейскимъ даже келейникомъ) изъ Перми кончившихъ курсъ учения въ семинаріи во владимірскую епархію жениться на своихъ родственницахъ—на внучкахъ и на племянницахъ, и они, женившись тамъ, получили и занимаютъ теперь самыя отличнѣйшія мѣста, а привезенные съ женами ихъ сестры, выйдя въ Перми замужъ, тоже предоставили мужьямъ своимъ, своимъ братьямъ и другимъ родственникамъ самыя лучшія мѣста. Въ пермской епархіи Шадринскій и Ирбитскій уѣзды счи-

¹⁾ Ненависть пермского духовенства къ этому архимандриту Павлу была всеобщая и сильная.

таются, по продовольствіямъ жизни, самые лучшіе и богатые, и въ сихъ-то однихъ двухъ уѣздахъ болѣе 30 человѣкъ владимѣрскихъ, а нѣть сомнѣнія, что гораздо и болѣе, такъ какъ многіе, подобно двумъ роднымъ братьямъ благочиннымъ, молодымъ еще священникамъ Димитрію и Ивану Спасскимъ, въ клировыхъ вѣдомостяхъ не показываются, что они изъ владимѣрской епархіи. Владимѣрскіе вообще занимаютъ и лучшія священническія и протоіерейскія мѣста, и благочинническія, и другія почетныя должности, и получаютъ ихъ въ столь короткое время, что не-владимѣрскіе и не-родственники не смѣли-бы и подумать о томъ, исключая самой малой части какъ-нибудь попавшихъ въ милость. Напримѣръ, означенные Спасскіе занимаютъ и отличные приходы, и благочинническія должности и имъ—двумъ роднымъ братьямъ—ввѣренъ по благочинію надзоръ вообще за всѣмъ Оханскимъ уѣздомъ, между тѣмъ какъ они оба люди не-трезвые. Родной братъ архимандрита Павла, Иванъ Смирновъ, протоіеремъ въ отличномъ приходѣ—въ селѣ Пещанскомъ. Благочинный Стефанъ Груздевъ, изъ одного села съ архимандритомъ Павломъ и свойственнику его—протоіереемъ въ г. Кунгурѣ. Ирбитской Срѣтенской церкви протоіерей Александръ Діомидовский, будучи священникомъ, перемѣщенъ изъ владимѣрской въ пермскую епархію 2-го марта 1839 года и въ то-же самое время опредѣленъ въ ирбитское духовное правленіе присутствующимъ, 29-го июня того-же года учителемъ крестьянскихъ дѣтей, 26-го августа того-же года награжденъ набедренникомъ, 2-го октября того-же года опредѣленъ духовникомъ, 24-го декабря 1840 года, по закрытіи ирбитского духовнаго правленія, опредѣленъ по 2-му округу, а 27-го ноября 1841 года и по 1-му округу благочиннымъ, сотрудникомъ попечительства и членомъ осеннаго комитета, 20-го января 1843 года цензоромъ проповѣдей, 25-го октября 1844 года цензоромъ катехизическихъ поученій, 14-го января 1845 года произведенъ въ протоіерея, и сверхъ того, два раза объявлена ему благодарность епархиального начальства. И теперь сей Діомидовский надъ всѣмъ Ирбитскимъ уѣздомъ—надъ 28 или 30 церквами—одинъ благочинный! Верхотурскаго уѣзда, слободы Тагильской священникъ Василій Ястребовъ—владимѣрскій-же. На сего священника судьба излила также щедроты свои вполнѣ: онъ, по окончаніи въ семинаріи курса, произведенъ 18-го января 1839 года во священника, 22-го октября опредѣленъ благочиннымъ и сотрудникомъ попечительства, 29-го августа того-же года награжденъ набедренникомъ, 4-го апрѣля 1840 года опредѣленъ присутствующимъ верхотурскаго духовнаго правленія, отстоящаго отъ слободы Тагильской, гдѣ онъ, Ястребовъ, и теперь проживаетъ, въ 70-ти верстахъ. Сверхъ сего, къ прежнимъ церквамъ его

благочинія причислены и градскія верхотурскія церкви и возложены на него должности въ городѣ постояннаго присутствующаго при испытаніяхъ въ Законѣ Божіемъ въ верхотурскихъ училищахъ и въ алапаевскихъ заводскихъ училищахъ и члена верхотурскаго комитета попечительного общества о тюрьмахъ. Камышловскаго уѣзда, Пышминской слободы священникъ Иванъ Скворцовъ перемѣщенъ изъ владимирской епархіи и определенъ на настоящее мѣсто 25-го іюля 1839 года, 7-го іюля 1840 года определенъ благочиннымъ, 17-го декабря 1842 года награжденъ набедренникомъ, 13-го апрѣля пожалованъ скуфьею, 14-го марта 1847 года определенъ присутствующимъ въ камышловское духовное правленіе, отстоящее отъ слободы Пышминской—отъ мѣстожительства его, Скворцова—въ 35-ти верстахъ; 7-го мая того-же года перемѣщенъ въ камышловскому Покровскому собору, наprotoіерейское мѣсто, 12-го декабря того-же года паки перемѣщенъ въ Пышминскую слободу, 14-го ноября того-же года, назначенъ цензоромъ проповѣдей. Сей отличенный священникъ тѣмъ замѣчательнъ, что нѣсколько уже лѣтъ совершенно глухой. Впрочемъ, этотъ священникъ уволенъ отъ присутствія въ духовномъ правленіи и на его мѣсто определенъ также владимірецъ, села Галкинскаго священникъ Яковъ Миртовъ, живущій отъ города въ 8-ми верстахъ, и это свое распоряженіе преосвященный основываетъ на томъ, что по собору начинаются дѣла и ихъ разсматриваются въ духовномъ правленіи сами члены соборнаго причта, присутствующіе духовнаго правленія,—соборные священники. Но, кажется, для одного собора, который въ отношеніи дѣлъ можно удобно подчинить самой консисторіи, опредѣлять сельскихъ священниковъ присутствующими духовнаго правленія не слѣдуетъ, особенно изъ родныхъ своихъ и владимірецъ, которыхъ туземцы пермскіе за ихъ дѣянія, за предоставленія имъ во всѣхъ отношеніяхъ преимущества и за то, что всякий изъ нихъ хвалится родствомъ съ преосвященнымъ и съ архимандритомъ Павломъ (архимандритъ Павелъ лично говорилъ мнѣ, что угодникъ Божій Митрофанъ, епископъ воронежскій, есть предокъ преосвященнаго пермскаго Аркадія, въ чемъ я готовъ принять самую страшную присягу), ненавидятъ не просто только ненавистію, а ненавистію самыхъ злѣйшихъ враговъ. Господь милостивъ, что у нихъ таковая ненависть скрывается еще доселѣ въ сердцахъ. Впрочемъ, докладываю вашему сіятельству, по совѣсти христіанина, что многіе туземцы пермскіе дѣтямъ своимъ, обучающимся въ семинаріи, запрещаютъ имѣть всякое соотношеніе съ владимірцами, а особенно заводить съ ними родство по бракамъ, подъ обѣщаніемъ за противное объявление родительскаго проклятія, и сіи юные воспитанники, кромѣ того,

объявляютъ, что отцы ихъ, причетники, когда упоминается въ церкви во время богослуженія на эктеніяхъ имя пермского преосвященнаго, не поютъ: Господи помилуй! Я все это слышалъ отъ самихъ наставниковъ семинаріи... Законны-ли таковыя дѣйствія пермского архіепискона, объ этомъ въ Перми изъ духовныхъ никто говорить не смѣеть, а только свѣтскіе всѣ удивляются, сколько рѣшителенъ и пристрастенъ къ своимъ его преосвященство». Далѣе Архаровъ приводить нѣсколько случаевъ въ доказательство того, какъ Аркадій жестоко преслѣдовалъ тѣхъ, которые осмѣливались доносить ему о проступкахъ его родственниковъ, земляковъ и вообще покровительствуемыхъ имъ, и прибавляетъ, что «если преосвященный имѣть на кого особые виды и ему покровительствуетъ, то требуетъ, чтобы никто уже его, каковъ-бы онъ ни былъ, не трогалъ и къ защитѣ такового и оправданію самъ употребляетъ разныя извороты. 14) Кромѣ предоставлѣнія Аркадіемъ своимъ роднымъ и землякамъ почетнѣйшихъ по всей епархіи должностей и отличныхъ мѣстъ, онъ, по извѣстнымъ только ему и архимандриту Павлу причинамъ, допустилъ при многихъ церквяхъ и приходахъ между священно-и церковнослужителями значительное, противное закону родство. Въ самомъ даже архіерейскомъ домѣ между первенствующими лицами есть родство: преосвященный Аркадій архимандриту Павлу, который постоянно проживаетъ въ архіерейскомъ домѣ и управляетъ имъ, консисторіею и всею епархіею, родственникъ, хотя они и скрываютъ это, а экономъ архіерейского дома, іеромонахъ Мисаиль, владимірскій уроженецъ, былъ женатъ на сестрѣ родной или двоюродной—неизвѣстно—архимандрита Павла. 15) Канцелярія пермской консисторіи самая плохая и едва-ли есть хуже ея въ другой какой-либо консисторіи. Въ ней не болѣе двухъ человѣкъ, довольно опытныхъ, и не болѣе двухъ-же человѣкъ имѣютъ самую слабую опытность, а прочіе изъ исключенныхъ учениковъ и до того плохи, что я не могу и изъяснить вашему сіятельству. Перепискою на-бѣло бумагъ въ св. синодъ и къ вашему сіятельству могутъ заниматься только двое или почти одинъ, и потому бумаги отъ его преосвященства переписываются у него учениками семинаріи. Здѣсь не могутъ быть терпимы такие люди, которые понимаютъ дѣло, которые опытны въ томъ и, слѣдовательно, могутъ имѣть за себя хоть какой-нибудь голосъ. Говорятъ и видно изъ дѣлъ, что въ пермской консисторіи были очень опытные чиновники, но они всѣ вытѣснены и даже съ обидою для нихъ. Здѣсь секретарю консисторіи ни отъ кого изъ канцелярскихъ чиновниковъ нельзя имѣть помощи. Помощникъ секретаря Топорковъ, обязанный, по 345 статьѣ Устава

духовныхъ консисторій, исполнять порученія секретаря, занять другими разными должностями, именно: онъ есть столоначальникъ консисторіи, секретарь Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и письмоводитель Комитета по секретнымъ дѣламъ. Я покорнѣйше просилъ его преосвященство или снять съ помощника секретаря Топоркова упомянутыя должностіи, или дать мнѣ право избрать другаго помощника, но онъ приказалъ мнѣ молчать. Этотъ Топорковъ есть явный примѣръ для всѣхъ въ запущеніи и беспорядкахъ и по управляемому имъ столу въ канцеляріи, и въ особенности по секретнымъ дѣламъ; но за то, что онъ безусловно уже исполняетъ всякую волю властей пермскаго епархіальнаго управления и дѣйствуетъ, какъ они ему приказываютъ, состоять подъ сильною ихъ защитою и покровительствомъ и получаетъ разныя поощренія и награды, и нѣсколько разъ преосвященный ходатайствовалъ объ опредѣленіи его секретаремъ консисторіи. А какъ ему не удалось до сего достигнуть, то онъ, кажется, рѣшился до конца преслѣдовать секретарей, опредѣляемыхъ сверхъ его воли. Что-же касается до членовъ консисторіи, то они по разнымъ случаямъ состоять въ совершенной зависимости отъ преосвященнаго и потому не могутъ и не пріучены такъ дѣйствовать по дѣламъ епархіального управления, какъ законъ повелѣваетъ, а дѣйствуютъ они во всякомъ дѣлѣ по приказаніямъ преосвященнаго, или лично имъ самимъ объявляемымъ, или, большею частію, чрезъ архимандрита Павла, который для того только и проживаетъ въ Перми, чтобы раздавать по епархіи приказанія преосвященнаго объ исполненіи угоднаго ему, передавать консисторіи таковыя-же и доносить его преосвященству благовременно и безвременно, кто именно что говорить и что даже думаетъ. Если-же кто изъ членовъ рѣшился дѣйствовать по дѣламъ по своему разумѣнію, то его преосвященство сначала различно задѣваетъ ихъ и пишетъ на счетъ ихъ, какъ и въ отношеніи секретарей, различныя оскорбительныя резолюціи и, наконецъ, приказываетъ подать прошеніе объ увольненіи по какимъ-либо причинамъ отъ должностіи членовъ консисторіи. Упоминаемый архимандритъ Павелъ, управляющій первымъ столомъ и завѣдывающій по оному всѣми вообще секретными дѣлами, такъ недальновиденъ, что иногда стыдно и участвовать въ писанныхъ имъ резолюціяхъ, а онъ не терпить, чтобы исправлять ихъ. Рѣшительную недальновидность его можете усмотрѣть, ваше сіятельство, изъ слѣдующаго случая: въ апрѣль мѣсяцѣ сего 1848 года священникъ Андрей Прощекальниковъ, въ присланномъ въ пермскую консисторію на Высочайшее имя прошеніи изъяснивъ, что архимандритъ Павелъ доставлялъ ему, Прощекальникову, нѣсколько лѣтъ чай фунтами,

получалъ съ него за то пудами медь, просилъ сдѣлать между ними въ томъ разсчетъ, такъ какъ архимандритъ переслалъ Прощекальникову чаю 30 фунтовъ, а Прощекальниковъ передалъ ему меду 25 пудовъ. Пермская консисторія постановила (иначе и быть не могло) отказать Прощекальникову въ просьбѣ, какъ бездоказательной, и возвратить ее ему съ надписью. По сему постановленію заготовлено было опредѣленіе и представлено къ подписанію. Скрѣпивъ это опредѣленіе, я доложилъ его для подписи членамъ консисторіи; по получениіи-же оного для представленія къ преосвященному, я увидалъ, что оно и самимъ отвѣтчикомъ, архимандритомъ Павломъ, подписано. Я обязанностю послѣ сего поставилъ дождить ему, архимандриту, что ему не слѣдовало подписывать о самомъ себѣ опредѣленія, и онъ на это отвѣчалъ мнѣ именно сими словами: «Вѣдь я дуракъ, нигдѣ не учился, оттого-то это и случилось»... Здѣсь увѣряютъ, что архимандритъ Павель, закупая въ большомъ количествѣ чай, разсыпаетъ оный по всей епархіи къ извѣстнымъ ему духовнымъ лицамъ и получаетъ за него выручку разными вещами, что самое и подтверждается означенною просьбою Прощекальникова».

Далѣе Архаровъ пишетъ, что Аркадій вмѣшивается во внутреннее управлѣніе консисторской канцеляріи, къ ослабленію власти ея секретаря, самъ опредѣляетъ канцелярскихъ служителей, даже сторожей, не обращая вниманія на ихъ способности и на ихъ нравственные качества, вслѣдствіе чего поступили въ консисторскую канцелярію Чечулинъ, Бирюковъ и Поповъ, уличенные въ воровствѣ и даже грабительствѣ. Въ заключеніе доноса, Архаровъ говоритъ, что метрическія, обыскныя, исповѣдныя и приходо-расходныя книги по пермской епархіи пишутся фальшиво и небрежно, а особенно о присоединившихся къ православію, и что эти книги никогда не свидѣтельствуются консисторіею, несмотря на всѣ усиленія секретарей, потому, что такія свидѣтельствованія были-бы непріятны преосвященному, который всѣми мѣрами возстаетъ противъ нихъ.

Доность Архарова, при сильномъ развитіи шпіонства въ пермскомъ духовенствѣ, при извѣстной услугливости губернскихъ почтмейстеровъ провинціальнымъ властямъ и при существованіи у всѣхъ архіереевъ корреспондентовъ въ синодской и оберъ-прокурорской канцеляріяхъ, не могъ остаться тайною для Аркадія. Онъ счелъ неумѣстнымъ теперь молчать обѣ Архаровѣ и поэтому написалъ къ Пратасову письмо, въ которомъ, по изложеніи всѣхъ неблагонамѣренныхъ дѣйствій секретаря, просилъ обѣ его смѣнѣ. Письмо это само говоритъ за себя, а потому и не нуждается въ какихъ-либо комментаріяхъ. Вотъ оно: «Ваше сіятельство, милостивый государь! переведенный изъ костромской въ нашу пермскую

консисторію Иванъ Архаровъ болѣе и болѣе выказываетъ себя неблагонамѣреннымъ и опаснымъ. Первымъ дѣломъ его, по пріѣздѣ въ Пермь, было пустить молву, что онъ пріѣхалъ ревизоромъ: онъ-де уже трехъ архіереевъ успѣлъ. Затѣмъ началъ въ присутствіи консисторіи дивиться, что члены сидятъ подолгу, началъ соглашать ихъ сократить часы засѣданій, и, какъ онъ сталъ выходить изъ присутствія раньше членовъ, нынѣ уже и члены сидятъ не до двухъ часовъ пополудни, а до первого только. Предмѣстники его постоянно занимались дѣлами въ консисторіи и послѣ обѣда: г. Архаровъ послѣ обѣда совсѣмъ не является въ консисторію. Ни за дѣлами, ни съ дѣлами, по примѣру своихъ предмѣстниковъ, ко мнѣ ни поутру, ни пополудни не приходитъ; въ охраненіе цѣлости дѣлъ и канцелярской тайны, принужденъ я былъ дать предложеніе консисторіи, чтобы за дѣлами и съ дѣлами приходилъ ко мнѣ помощникъ секретаря. По необходимости давалъ я предложенія, что не въ полной формѣ составляются для доклада записки (308 ст. Уст. дух. конс.), не просматриваются приготовленныя бумаги (339 ст. Уст. дух. кон.), не поѣдятся еженедѣльно настольный докладный реестръ (345 ст.), рѣдкую бумагу, даже въ св. правительствующій синодъ, не переписываютъ въ другой разъ, вслѣдствіе замѣченныхъ мною ошибокъ, невѣрностей,

«Началъ дивиться, что члены консисторіи ничѣмъ не пользуются отъ консисторіи и поодиночкѣ ихъ соглашать пытался, чтобы дѣйствовали съ нимъ *за-одно*, общая доходъ по 3.000 руб. въ годъ каждому. Члены консисторіи лично объясняли мнѣ таковыя неблагонамѣренныя дѣйствія г. Архарова и хотѣли было даже составить журналъ обѣ оныхъ, считая его весьма опаснымъ для нихъ и для епархіи. Возбуждасть являющихся къ нему жаловаться на начальство; въ числѣ обольщенныхъ имъ и тотъ священникъ Андрей Прощекальниковъ, по прошенію которого сего дня за № 853 представляются отъ меня въ св. правительствующій синодъ свѣдѣнія. Этотъ молодой священникъ даже явно хвалится покровительствомъ г. Архарова. Самое прошеніе, думаю, сочинено подъ руководствомъ Архарова и съ пособіемъ земляка его, столь много зла надѣлавшаго у насъ и по консисторіи, и по попечительству, бывшаго столонаачальника и секретаря Флавіева. Духъ у того и другого одинъ. Прошеніе переписано служителемъ графа Строганова, живущимъ въ Перми,—очевидно, что и сочинено въ Перми. Разсуждая въ присутствіи консисторіи о прошеніи, г. Архаровъ спросилъ: ужели можно вѣнчать раскольниковъ безъ присоединенія? Когда миссіонеръ, протоіерей Протасовъ, сказалъ, что есть на это особое разрѣшеніе, г. Архаровъ сказалъ: «А я не зналъ». Ему и другу его Флавіеву не былъ извѣстенъ секретный указъ ко мнѣ за

№ 5, отъ 31 го декабря 1839 года, а священикъ Прощекальниковъ или не читая подпісалъ прошеніе, или бытъ совершино отуманѣйъ обольщеніями. Громки слова г. Архарова: «Пиши,—я напишу г. оберь-прокурору; все будетъ по нашему».

«Самъ не занимаясь дѣлами, другихъ отвлекая отъ занятій, вовлекая другихъ въ противленіе начальству, между тѣмъ имъ столько случаевъ и способовъ вредить епархіальному управлению, не можетъ не быть признаваемъ за чиновника самаго неблагонамѣренаго и опаснаго. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство, для огражденія нашего спокойствія служебнаго, перевѣстъ г. Архарова изъ Перми куда-либо: служить съ нимъ, какъ вреднымъ человѣкомъ, не могу..

«Члены консисторіи доселъ были съ чистыми руками, со взаимнымъ другъ къ другу уваженіемъ; не увлекаются еще ни обольщеніями, ни угрозами врага мира и порядка. Когда онъ успѣть перелить свой духъ въ другихъ, тогда трудно будетъ исправлять испорченное. Когда медленнымъ производствомъ дѣлъ, или еще притязаніями оттолкнемъ отъ себя православныхъ, которые просятъ, напримѣръ, о построеніи церквей или о поправленіи ихъ, можемъ разстроить и ихъ довѣренность къ епархіальному начальству, охладить ихъ къ церкви. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство перевѣстъ отъ насъ г. Архарова: онъ для насъ вреденъ»¹⁾.

Но какъ ни усиливался Аркадій своимъ письмомъ произвѣстъ впечатлѣніе на Пратасова, онъ ошибся въ своихъ надеждахъ—Пратасовъ ему не повѣрилъ. А потому синодъ—конечно, подъ вліяніемъ оберь-прокурора—удалилъ изъ Перми архимандрита Павла²⁾, а также приказалъ Аркадію уволить отъ присутствія въ консисторіи временно имъ назначенныхъ ея членами: іеромонаха Мисаила, ключаря Лупшова и игумена Соликамскаго монастыря Алексея, поставивъ на видъ преосвященному таковое отступленіе отъ законнаго порядка и запретивъ показывать въ послужныхъ спискахъ этихъ трехъ лицъ, что они присутствовали въ консисторіи. Хотя Архарову синодскимъ указомъ дано было разумѣть, что онъ неправъ, и было строго предписано, чтобы онъ отнюдь не отваживался уклоняться отъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, т. е. отъ своеевременнаго хожденія въ консисторію, представлениія дѣлъ лично пре-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ письмо преосвященнаго Аркадія къ Пратасову отъ 22-го августа 1848 года.

²⁾ Павелъ переведенъ былъ изъ Перми въ пензенскій Спасопреображенскій третьеклассный монастырь настоятелемъ 22-го сентября 1848 года (См. въ канцеляріи оберь-прокурора св. синода дѣло подъ № 51 объ отпускѣ прогоновъ назначеннымъ настоятелямъ монастырей архимандритамъ Павлу и Герасиму).

освященному и строгаго исполненія всѣхъ установленныхъ для дѣло-производства правиль; но, тѣмъ не менѣе, изъ того-же указа было видно, что доносу Архарова даютъ въ синодѣ значеніе: отъ Аркадія этимъ-же самимъ указомъ требовали представленія подробнаго и обстоятельнаго объясненія по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, изложеннымъ въ рапортахъ Архарова.

Объясненія Аркадія въ высшей степени обнаружили нравственный характеръ этого человѣка. Въ нихъ вполнѣ высказались его умѣніе обходить тѣ вопросы, отвѣты на которые были трудны и опасны, его изворотливость, ловкость, лживость, злость и мстительность. Такъ, напримѣръ, у него не дрогнула рука написать въ этихъ объясненіяхъ, что родственниковъ его и земляковъ въ пермской епархіи немногого (всего только 77 человѣкъ!), что земляки его, владимирцы, занимаютъ, большею частью, худшія сравнительно съ другими мѣста и что онъ не имѣеть пристрастія ни къ кому изъ своихъ подчиненныхъ. Вотъ образчикъ увертки Аркадія: «Гдѣ болѣе, пишеть онъ въ своихъ объясненіяхъ, почетныя мѣста и должности, какъ не въ епархиальномъ губернскомъ городѣ? Но собственно въ городѣ Перми нѣть ниprotoiereевъ, ни священниковъ, ни діакона, ни даже причетника и сторожа изъ владимирцевъ». Чтобы понять все безстыдство этихъ словъ, нужно припомнить, что ими Аркадій защищается противъ взведенного на него Архаровыемъ обвиненія въ томъ, что онъ раздаетъ богатыя мѣста въ епархіи своимъ родственникамъ и землякамъ и преимущественно помѣщаетъ ихъ въ уѣздахъ Ирбитскомъ и Шадринскомъ, считающихъ самыми богатыми. Какъ ловко Аркадій отводить отъ себя этотъ ударъ Архарова, утверждая, что въ самой Перми нѣть владимирцевъ! Или еще: Аркадій отвѣчаетъ синоду, что въ пермской консисторіи нѣть членовъ изъ владимирцевъ, тогда какъ архимандритъ Павелъ, игравшій главную роль въ консисторіи, былъ уроженецъ Владимирской губерніи. Или вотъ еще уловка: Архаровъ пишетъ, что Аркадій принималъ у него бумаги черезъ лакея, а Аркадій на это отвѣчаетъ, что при немъ нѣть лакеевъ, а есть только одинъ штатный служитель, занимающій должность келейника. Потомъ продолжаетъ: «Былъ только одинъ случай, времени которому, впрочемъ, не припомню, былъ случай, когда былъ у меня кто-то изъ свѣтскихъ чиновниковъ, по должности (имени его не помню—не думалъ я замѣтить имена посѣтителей, дни и случаи, не предполагая столь злостныхъ дѣйствій секретаря); въ это время приходилъ ко мнѣ секретарь Архаровъ и, не дождавшись моего къ нему выхода, втеръ дѣла служителю келейнику, который о приходѣ секретаря мнѣ совсѣмъ не докладывалъ, почитая неприличнымъ, можетъ быть, войти

въ ту комнату, въ которой былъ у меня тогда тотъ чиновникъ... Разъ, или много два приносилъ мнѣ дѣла секретарь Архаровъ и при другихъ, т. е. при просителяхъ, но въ такое время приходить зависѣло отъ воли самого секретаря. При просителяхъ говорить съ нимъ о пустякахъ не прилично, а о дѣлахъ незаконно. Молчанія моего при семъ случаѣ не считалъ я и никто не почететь за оскорблѣніе секретарю Архарову, съ которымъ въ свиданіяхъ и наединѣ говорить должно очень, очень осторожно: люди, къ начальству или должностіи являющіеся съ *духами* (sic) и съ лицомъ краснымъ, иногда позволяютъ себѣ дерзости. Раза два или три приходилъ онъ ко мнѣ при каѳедральномъ протоіереѣ Михаилѣ Пратасовѣ, членѣ консисторії. Одинъ такой случай объясненъ мною въ представленіи св. синоду за № 1022, отъ 5-го октября минувшаго года, во 2 пунктѣ. Благословеніе лѣвою рукою не только не противозаконно, а въ иѣкоторомъ отношеніи бываетъ даже полезно и нужно. Архіереи, имѣя право благословлять обѣими руками, могутъ благословлять и лѣвою рукою: сего благословенія никто изъ православныхъ не охуждалъ и не охуждается»¹⁾.

Но за то щедрою рукою разсыпалъ Аркадій въ своихъ объясненіяхъ всякаго рода наговоры Архарову, называя его то «клеветникомъ, усиливашимся полагать преграды до крайней возможности безпристрастнымъ дѣйствіямъ епархіального архіерея и производить разстройство между мирно живущими туземцами и переселенцами», то «ложивымъ доносчикомъ и неимовѣрно зложелательнымъ къ пермскому епархіальному управлѣнію, которое подъ Божіимъ покровительствомъ неуклонно идетъ къ цѣли, указанной оному высшимъ правительствомъ», то «защитникомъ раскольниковъ, опаснымъ и вреднымъ для пермской миссіи, для пермской епархіи, по полугоду удерживающимъ выдачу указовъ ставленникамъ», то «ябедникомъ», то «человѣкомъ, стремящимся поколебать вѣрность подчиненныхъ по службѣ и покорить себѣ умы ихъ».

Пока Аркадій писалъ такого рода объясненія, Архаровъ представилъ на него Пратасову иѣсколько новыхъ доносовъ, въ которыхъ выставилъ злоупотребленія преосвященнаго по епархіальному управлѣнію, его мстительность и жестокость, пристрастіе и безчеловѣчіе; такъ, напр., онъ діакона Ушакова въ продолженіе 11-ти лѣтъ 7 разъ перевезъ съ мѣста на мѣсто. Аркадій не обращалъ вниманія на то, что въ консисторскомъ домѣ во время морозовъ въ трехъ углахъ присутственной

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапорты преосвященнаго Аркадія синоду отъ 22-го января, 22-го и 26-го февраля, 7-го марта, 9-го августа и 5-го октября 1849 года.

комнаты выступает ледъ и держится тамъ по нѣсколько дней, а въ комнатахъ канцеляріи, кромѣ такого-же холода, бываетъ жесточайшій угаръ, такъ что чиновники занимаются въ шубахъ, шинеляхъ и теплыхъ сапогахъ, а отъ угара дневальные и сторожа доходятъ иногда до безумія.

Въ хаосѣ взаимныхъ обвиненій и доносовъ синодъ не могъ ничего разобрать и опредѣлить: кто правъ и кто виноватъ? Ему оставалось одно средство для узнанія истины и степени виновности взаимно обвиняющихъ лицъ — назначить ревизію пермскаго епархіального управлѣнія, и онъ рѣшился на эту мѣру. «Какъ дѣйствія секретаря Архарова, писалъ по этому случаю синодъ, выставляются преосвященнымъ пермскимъ въ такомъ видѣ, что они не могутъ быть оставлены безъ строгаго законнаго преслѣдованія, а между тѣмъ безъ формальнаго дознанія на мѣстѣ нельзя положить рѣшительнаго заключенія о степени вины его въ приписываемыхъ ему опущеніяхъ по должностіи и неблагонамѣренномъ дѣйствованіи по оной; съ другой стороны, и содержащіяся въ донесеніяхъ секретаря Архарова указанія на безпорядки по епархіальному управлѣнію также обращаютъ на себя особенное вниманіе, то св. синодъ опредѣляетъ: всѣ выставляемыя въ донесеніяхъ преосвященнаго Аркадія обвиненія на секретаря Архарова, а равно и объясняемыя секретаремъ Архаровымъ безпорядки по епархіальному управлѣнію подвергнуть мѣстной повѣркѣ и обслѣдованію, возложивъ таковую на ректора казанской академіи архимандрита Григорія, протоіеряя Верхо-Спасскаго придворнаго собора въ Москвѣ Покровскаго и чиновника особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ св. синода, надворнаго совѣтника Пашковскаго, съ тѣмъ, чтобы обо всемъ, что ими будетъ обнаружено, представили они въ св. синодъ свои соображенія¹⁾). Но протоіерей Покровскій, по болѣзни и за старость лѣтъ, отказался отъ возложеннаго на него порученія, и на мѣсто его, по указанію московскаго митрополита Филарета, назначенъ былъ серпуховской протоіерей Левицкій, «какъ чловѣкъ, дознанный въ способности къ правильному, разборчивому и безпристрастному изслѣдованію и производству дѣлъ, и какъ такой священнослужитель, который не одинъ при церкви, а слѣдовательно отъ назначенія его ревизоромъ не можетъ произойти затрудненія въ мѣстномъ исполненіи должностей»²⁾). Если, по этому отзыву Филарета, былъ такъ способенъ для производства ревизіи протоіерей Левицкій, то не уступалъ ему въ

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 24-го октября 1849 г.

²⁾ См. рапортъ преосвященнаго Филарета синоду отъ 15-го декабря 1849 г.

аккуратности, трудолюбії и въ знанії юридическихъ пріемовъ ректоръ Григорій, хотя, можетъ быть, не имѣлъ его разборчивости. Даже Пашковскій былъ небезполезенъ, потому что обладалъ въ нѣкоторой степени способностями, необходимыми для ревизора. Вообще нужно сказать, что ревизіонная комиссія была составлена удачно. Слѣдствіе, произведенное ею, за весьма немногими исключеніями, было правильно и вѣрно. Вотъ ея мнѣніе о степени виновности лицъ, подвергшихся ея изслѣдованию: 1) касательно секретаря Архарова: «а) Обвиненіе секретаря Архарова, доносила комиссія синоду, не во всегдашнемъ хождениі въ консисторію на должностъ хотя и доказывается членами оной, но настоящее удовлетворительное теченіе дѣлъ консисторскихъ *довольно оправдываетъ его въ этомъ.* б) Обвиненіе Архарова въ соглашеніи членовъ на сокращеніе часовъ засѣданія *не доказано*, а тѣ ранніе выходы, въ коихъ сознается Архаровъ, *оправдываются указанными имъ причинами.* в) Въ нехождениі къ преосвященному съ дѣлами, даже послѣ внушенія отъ св. синода, Архаровъ не оправдывается представленными имъ причинами, тѣмъ болѣе, что и внушеніе св. синода толкуется по-своему. г) Обвиненіе, будто Архаровъ склонялъ членовъ консисторіи дѣйствовать съ нимъ за-одно и обѣщалъ доходъ, *бездоказательно.* д) Доказательства по предмету возбужденія Архаровыимъ духовенства къ жалобамъ на епархіальное начальство недостаточны, какъ по несовершенной опредѣлительности оныхъ, такъ и потому, что жалобы на пермское епархіальное начальство высшему бывали и гораздо прежде, а во время пребыванія комиссіи въ Перми никто не обнаруживалъ такого возбужденія. е) Въ умышленной проволочкѣ дѣлъ Архаровъ *не изобличается.* ж) Разстройства въ канцеляріи консисторіи въ настоящее время *не видно, равно и признаніковъ прежняго разстройства, которое-бы произошло отъ Архарова.* з) Въ замедленіи свидѣтельствованія казны консисторской въ августѣ минувшаго 1849 года Архаровъ оправдывается обстоятельствами, а въ замедленіи таковомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ оказывается неправымъ. и) Вину несвоевременного составленія списковъ формуллярныхъ за 1848 г. Архаровъ слагаетъ частію на преосвященнаго, у котораго прошлогодніе черновые списки находились до 21-го сентября, а частію на консисторію, которая представлениемъ новыхъ списковъ преосвященному безъ скрѣпъ и вѣдома секретаря обличаетъ себя въ несогласномъ дѣйствованіи съ послѣднимъ; но обстоятельства эти не вполнѣ оправдываютъ Архарова въ незаботливости его по сему предмету. і) Хотя 1) секретарь Архаровъ не безъ основанія представляеть членовъ пермской консисторіи неблагорасположенными къ себѣ, какъ состоящему въ приказной ссорѣ съ епар-

хіальнымъ начальствомъ, и 2) хотя журналъ консисторіи 28-го сентября 1849 года о шумномъ его въ тотъ день спорѣ съ членами относительно единовѣрцевъ не былъ предъявленъ ему, Архарову, надлежащимъ образомъ, но поелику 1) журналъ этотъ подписанъ пятью членами и двумя чиновниками, исправлявшими должность столоначальниковъ, и 2) есть единственный въ своемъ родѣ, ибо нѣть никакого другаго журнала, составленного членами пермской консисторіи на секретаря Архарова, то нельзя не признать за дѣйствительное событія, поставленного причиною къ составленію вышеупомянутаго журнала, а потому слѣдуетъ дать оному полную вѣру, тѣмъ болѣе, что мысли, приписываемыя Архарову означеннымъ журналомъ, хотя не съ такою силою, выражены въ разныхъ его объясненіяхъ по сему дѣлу; поэтому Архаровъ почитается виновнымъ въ шумномъ спорѣ съ членами, воспрещаемомъ ст. 60 т. II. Св. Зак. Что-же касается до шума, крика и оскорблений, приписываемыхъ членами консисторіи Архарову въ другія времена, то обвиненіе въ оныхъ, какъ неопредѣлительное и бездоказательное и, притомъ, дѣлаемое несвоевременно, не признается заслуживающимъ уваженія».

2) Касательно преосвященнаго:

«I) Хотя Архаровъ не безъ основанія пишетъ, что дѣйствія преосвященнаго Аркадія въ отношеніи къ протоіерейямъ Инсарскому и Ганимедову, къ священникамъ Прощекальникову и Пономареву (подвергшіяся разсмотрѣнію св. синода, — впрочемъ, лишь нѣкоторыя) были стѣснительны для означенныхъ лицъ, равно какъ и не безобидны безвинные перемѣщенія нѣкоторыхъ священно-и церковнослужителей съ однихъ мѣстъ на другія; не безъ основанія также почитается онъ, Архаровъ, обидными и вредными для себя дѣйствія преосвященнаго и членовъ консисторіи, состоящія въ не-представленіи его, Архарова, къ знаку отличія безпорочной службы, въ оставленіи безъ аттестаціи въ послужномъ спискѣ, въ нѣкоторыхъ укоризненныхъ для него резолюціяхъ, въ наименованіи его ложнымъ и злобнымъ доносчикомъ, противникомъ, врагомъ зависимости, и въ нѣкоторыхъ недоказательныхъ доносахъ; однако-же Архаровъ признается виновнымъ: а) въ употребленіи выражений, слишкомъ дерзкихъ и оскорбительныхъ для преосвященнаго, которыхъ излишество и самъ онъ (Архаровъ) признаетъ, б) въ бездоказательномъ извѣтѣ, будто-бы преосвященный вооружилъ противъ него духовенство и канцелярію консисторіи, а также будто преосвященный давалъ приказанія рекомендовать невыгодно ненравившихся ему духовныхъ лицъ, или заводить обѣихъ дѣла.

«II) Доносъ Архарова относительно пристрастія преосвященнаго Аркадія къ духовнымъ, переселившимся изъ владимірской епархіи, и

особенно къ родственникамъ его, въ большої части обстоятельствъ спра-
ведливъ, именно въ томъ, что а) изъ владимирской епархіи перемѣстилась
(въ Пермь) значительная часть—77 священно-и церковнослужителей; что
б) въ числѣ ихъ были и родственники преосвященнаго, впрочемъ
*не большая часть*¹⁾, а 13 человѣкъ, кромѣ 5-ти племянницъ; что
в) упомянутые владимирскіе переселенцы помѣщены преимущественно
въ уѣздахъ Шадринскомъ и Камышловскомъ, кои, по общему отзыву
мѣстныхъ жителей, превосходятъ другіе уѣзды жизненными благами;
что г) въ сихъ только уѣздахъ родственниковъ преосвященнаго нынѣ
состоитъ 22 человѣка, въ числѣ коихъ заключаются нѣкоторые и изъ
вышеупомянутыхъ; что д) владимирскіе переселенцы живутъ спокойнѣе
другихъ, не подвергаясь частымъ непроизвольнымъ перемѣщеніямъ, и
е) что представленныя Архаровы мъ лица дѣйствительно скорѣе другихъ
получили почетныя должности и отличія. Что-же касается до вражды
между духовенствомъ, перемѣстившимся изъ владимирской епархіи и
природнымъ пермскимъ, то обстоятельство сіе, судя по отзывамъ на-
ставниковъ пермской семинаріи, можно почитать вѣроятнымъ только,
особенно въ отношеніи къ прошедшему; а посему выраженіе Архарова о
семъ предметѣ слишкомъ преувеличено.

«III) Допущеніе родства между причтами при нѣкоторыхъ церквяхъ
подтверждается доказательствами.

«IV) Донось Архарова о томъ, будто-бы преосвященный Аркадій не-
совершенно выполнилъ Высочайшее повелѣніе относительно вѣнчанія свод-
ныхъ раскольническихъ браковъ и будто-бы отъ сего сводные браки не
уменьшаются, а умножаются, оказывается вовсе несправедливъ; относи-
тельно-же того, что протоіерей Протасовъ исправлялъ миссіонерскую долж-
ность по Оханскому уѣзду вопреки указу св. синода, подтверждается са-
мимъ преосвященнымъ и дѣломъ о семъ; вѣрно также и то, что преосвя-
щенный Аркадій не согласился на распоряженіе консисторіи касательно
содѣйствія Архарову по предмету предписанія г-на оберъ-прокурора св.
синода на счетъ донесенія ему о происшествіяхъ по духовенству. Задер-
жаніе указовъ отъ 22-го апрѣля 1839 года съ Высочайшимъ повелѣніемъ
бездоказательно относить Архаровъ къ вліянію преосвященнаго; пото, что
не донесено о семъ обстоятельствѣ св. синоду, почитается опущеніемъ со
стороны епархіального начальства.

«V) Донесеніе преосвященнаго Аркадія св. синоду: 1) относительно

¹⁾ Впослѣдствіи самъ св. синодъ не согласился съ такимъ воззрѣніемъ слѣдствен-
ной комиссіи на этотъ предметъ.

присоединяющихся изъ раскола къ православію и, въ частности, относительно сепычевскихъ прихожанъ, Архаровъ ложно представилъ не соотвѣтствующими дѣйствительности; по что жители Сепычей и нѣкоторыхъ другихъ православныхъ селеній не усердны къ св. церкви и мало расположены къ исполненію христіанскаго долга—исповѣди и пріобщенія св. Таинъ и къ исправленію требъ,—это весьма ясно доказывается собранными свѣдѣніями и признается самимъ преосвященнымъ, въ отвѣтѣ коего высказано и защищеніе означеннаго недостатка въ сепычевскихъ прихожанахъ. То-же видно изъ дѣла и относительно единовѣрцевъ пермской епархіи, присоединеніе коихъ консисторія подтверждаетъ подписками о семъ, и сама признаетъ, что требуются еще особенные и долговременные занятія съ ними. 2) Донесеніе относительно священника Яковкина не соотвѣтствовало современному положенію дѣла о семъ священникѣ, а 3) донесенія относительно 500 руб. асс., взятыхъ изъ Петропавловскаго собора, вовсе не было, посему извѣстъ Архарова о семъ неоснователенъ.

«VI) Доносъ Архарова относительно перемѣщеній кучами и касательно увольненій за-штатъ священно-и церковнослужителей, безъ прошений и съ стѣсненіемъ для перемѣщаемыхъ и не по требованію обстоятельствъ, хотя неточенъ въ отношеніи къ числу лицъ, показанныхъ въ іюль 1848 года, но въ отношеніи къ содержанію своему подтверждается и объясненіемъ самого преосвященнаго, и полученными изъ консисторіи копіями съ предложеній послѣдняго по сему предмету, и свѣдѣніями о діаконахъ Ушаковѣ и Максимовѣ; сверхъ сего, видно изъ обстоятельствъ, что преосвященный Аркадій не принималъ въ соображеніе наставленія, изложеннаго въ указѣ св. синода отъ 1-го ноября 1846 года, за № 14.515.

«VII) Сдача преосвященнымъ Аркадіемъ секретныхъ бумагъ въ консисторію во множествѣ, по исполненіи оныхъ, оправдывается предоставленнымъ ему отъ св. синода правомъ; оставленіе-же многихъ изъ таковыхъ бумагъ безъ доклада консисторіи составляетъ неизвинительную неисправность канцеляріи консисторіи и бывшихъ секретарей оной. А то, что преосвященный Аркадій допускалъ произволъ въ производствѣ нѣкоторыхъ ставленническихъ дѣлъ, даже съ устраниеніемъ консисторіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подтверждается достаточно представленными примерами.

«VIII) Доносъ секретаря Архарова, что преосвященный убавилъ 6 руб. сер. изъ жалованья канцелярскихъ чиновниковъ пермской консисторіи за іюнь 1848 года въ запасъ для лицъ, предполагавшихся къ увеличенію канцеляріи, основанъ на резолюціи преосвященнаго; но убавка

эта не составляет действія противозаконнаго; высказанныя-же Архаровыемъ, по поводу оной, мысли обнаруживаются въ немъ, Архаровъ: 1) непріязненное расположение къ своему начальству, по которому онъ мѣру временной предосторожности представилъ противодействіемъ себѣ и какимъ-то противозаконнымъ намѣреніемъ; 2) недовольство законнымъ способомъ къ содержанію и склонность къ способамъ особымъ, представляемымъ подъ именемъ дозволенныхъ, а между тѣмъ не основаннымъ ни на какомъ законѣ, и 3) важную клевету, взвѣденную на архимандрита Павла, имѣвшаго, будто-бы, въ рукахъ своихъ всѣ способы, именуемые позволенными, которыхъ между тѣмъ самъ-же Архаровъ не находитъ въ Перми и послѣ упомянутаго архимандрита».

3) Касательно консисторіи:

«1) Доность Архарова о несоблюдении пермскою консисторіею казен-наго интереса при производствѣ дѣлъ, доказанъ вполнѣ, и члены оной мало извиняютъ себя ссылкою на молчаніе о томъ секретарей. 2) Размѣщеніе консисторскихъ дѣлъ по четыремъ столамъ хотя и не соотвѣтствуетъ порядку Устава духовныхъ консисторій, но причины, изложенныя въ отвѣтѣ преосвященнаго по сему предмету, оправдываютъ оное. 3) Въ отступлениі отъ установленнаго законами порядка въ производствѣ дѣлъ члены пермской консисторіи частію сами сознаются, говоря, что иные дѣла бываютъ отслушиваемы и тремя членами, безъ отвлеченія другихъ отъ ихъ занятій, а еще болѣе обличаются въ этомъ выставленными примѣрами, которые подтверждаютъ доность Архарова касательно сего предмета и заставляютъ предполагать въ членахъ недостатокъ должнаго вниманія даже къ указамъ св. синода. Дѣйствованіе консисторіи по предмету переплета документовъ оной явно противозаконно. 4) Недостатки, указанные Архаровыемъ по настольнымъ реестрамъ, по журналамъ, по протоколамъ консисторіи и относительно исполненія резолюцій, подтверждаются частію сознаніемъ самихъ столоначальниковъ консисторіи, частію примѣрами тѣхъ недостатковъ, которые остаются и донынѣ, и частію дѣлами о переплетѣ документовъ и по доносамъ Флавіева. 5) Недостатки относительно храненія указовъ св. синода и протоколовъ консисторіи хотя и исправлены многіе, но и теперь остаются еще таковые въ немаломъ количествѣ. 6) Оставленіе церковныхъ документовъ почти всѣхъ безъ должнаго свидѣтельства подтверждается самыми документами, какъ не имѣющими надписей о свидѣтельствѣ, такъ и предложеніями преосвященнаго, данными въ ноябрѣ 1847 года по сему предмету, которыя и донынѣ не приведены въ исполненіе; этими-то предложеніями опровергается и извѣтъ Архарова, будто преосвященный препятство-

валь свидѣтельствованію церковныхъ документовъ. 7) Замедленіе по дѣламъ о выдачѣ первыхъ трехъ метрическихъ свидѣтельствъ оправдывается достаточно; проче-же примѣры замедленія не оправдываются представленными причинами; общія причины медленности по производству дѣлъ, указанныя Архаровы мъ, справедливы, кромѣ той, которую поставляеть онъ въ неисполненіи нѣкоторыхъ журналовъ, во время отбытія преосвященнаго въ епархію; ибо это было непродолжительно и не безъ исключений. Должность миссіонера по уѣздамъ Пермскому и Осинскому съ должностями благочиннаго и члена консисторіи въ лицѣ каѳедральнаго иротоіерея Михаила Протасова почитается неудобосовмѣстимою, какъ требующая немаловременныхъ занятій и для сего нерѣдкихъ отлучекъ изъ города. 8) Въ недостаткахъ по архиву консисторіи сознается и пермское епархіальное начальство. 9) Существование въ архивѣ пермской консисторіи нерѣшиенныхъ дѣлъ доказано Архаровы мъ и не подлежитъ сомнѣнію. 10) Невнесеніе многихъ бумагъ во входящіе реестры доказано примѣрами, а невнесеніе въ докладные настольные реестры многихъ-же бумагъ и записанныхъ во входящіе подтверждено самою консисторіею, съ таковы мъ только несправедливымъ объясненіемъ, будто всѣ тѣ бумаги не требовали никакого разсужденія и распоряженія».

«11) Относительно распубликованія Высочайшаго повелѣнія, изображенаго въ указѣ св. синода отъ 19-го декабря 1838 года, и 12) о пятистахъ рубляхъ, взятыхъ въ 1837 году изъ пермскаго Петропавловскаго собора на выписки церковныхъ плановъ,—очевидны сами по себѣ. Но они были до Всемилостивѣйшаго манифеста 16-го апрѣля 1841 г. 13) По соображенію какъ значущихъ въ дѣлѣ (?), такъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, есть основаніе думать, что члены пермской консисторіи выполняли иногда волю преосвященнаго Аркадія съ отступлениемъ отъ порядка, требуемаго законами; сказанное-же Архаровы мъ, будто-бы они и не могутъ дѣйствовать, какъ законъ повелѣваетъ, есть чрезмѣрное преувеличеніе,ничѣмъ не доказанное. Особенное снисхожденіе преосвященнаго Аркадія къ протоіерею Іакову Пономареву обнаруживается тѣмъ, что, при извѣстности объ его запоѣ, оставленъ онъ членомъ консисторіи и доставлены ему отличія, по обличеніи его въ самой консисторіи въ нетрезвости, не удаленъ отъ присутствія въ консисторіи, а также отзывомъ преосвященнаго, что онъ былъ терпимъ по уваженію къ его опыта и неутомимости въ дѣлахъ. 14) Невѣрность въ счетѣ службы Шастина показываетъ недостатокъ вниманія производившихъ это дѣло, оказавшееся несогласнымъ съ дѣйствительностю. Донесеніе членовъ консисторіи о томъ, будто-бы свидѣтельствованы были церковные

документы, какъ несогласное съ дѣйствительностію, подаетъ поводъ заключать о намѣренномъ желаніи ихъ закрыть неисправность свою несправедливостію»¹⁾.

Синодъ, вслѣдствіе этого донесенія ревизіонной комиссіи и взгляда ея на дѣйствія Архарова и епархіального пермскаго управліенія, составилъ такого рода опредѣленіе по этому дѣлу: «1) Секретарю Архарову, за несоблюденіе долга подчиненности, за уклоненіе отъ представленія преосвященному дѣль и бумагъ, за нерѣдкое нехожденіе къ должности, за замедленіе ревизіи консисторскихъ суммъ въ сентябрѣ 1849 года, за неприличность и преувеличеніе доноса въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ онъ по слѣдствію не оправданъ, сдѣлать строгое замѣчаніе со внушеніемъ, что впредь за подобные поступки подвергнется сужденію по законамъ. 2) Членамъ пермской консисторіи за всѣ вышеизложенные упущенія и беспорядки по дѣлопроизводству, въ которыхъ они оказываются виновными, сдѣлать строгій выговоръ, со внушеніемъ, что за подобныя дѣла подвергнутся строжайшей отвѣтственности по законамъ; допущенные-же беспорядки по дѣлопроизводству и по архиву немедленно исправить, за чѣмъ особенное наблюденіе поручить преосвященному Аркадію, съ тѣмъ, чтобы о введеніи порядка по замѣченнымъ частямъ доносить св. синоду чрезъ каждые полгода, доколѣ все замѣченное въ беспорядкѣ не исправится, и 3) преосвященному Аркадію объяснить, что св. синодъ съ крайнимъ прискорбіемъ обозрѣвалъ распоряженія его, которыя оказываются выходящими изъ порядка, а по своему примѣру и послѣдствіямъ вредны службѣ и нравственному благу порученной ему епархіи. Произвольное и стѣснительное, безъ законной причины, перемѣщеніе духовенства съ однихъ мѣстъ на другія составляетъ собою дѣйствіе, крайне стѣснительное для подчиненныхъ и вредное для паствы. Вызовъ изъ одной владимѣрской епархіи столь значительного числа духовенства и въ особенности родственниковъ, съ предоставлениемъ симъ послѣднимъ выгодныхъ мѣстъ и незаслуженныхъ повышеній и отличій, составляя несправедливость и стѣсненіе для мѣстнаго духовенства, обнаруживаетъ такое въ лицѣ его пристрастіе, которое противно законамъ и, притомъ, крайне неприлично для его сана. Показаніе-же значительного числа раскольниковъ присоединившимся къ церкви, тогда какъ они продолжаютъ чуждаться ея, какъ противное истинѣ и представляющее столь

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ донесеніе слѣдственной комиссіи св. синоду отъ 2-го марта 1849 года.

важное дѣло въ превратномъ видѣ, можетъ вредить самому дѣлу и вводить высшее начальство, основывающееся на такихъ донесеніяхъ, въ неправильное заключеніе и даже могло-бы послужить основаніемъ къ неправильнымъ донесеніямъ Государю Императору, а потому, сдѣлавъ за все сіе строгій выговоръ ему, преосвященному, предписать: 1) отъ неправильнаго передвиженія духовенства воздержаться; 2) впредь изъ владимірской епархіи въ пермскую лиць духовныхъ и воспитанниковъ не переводить; 3) о присоединившихся раскольникахъ къ церкви доносить по одной истинѣ, не считая ихъ присоединенными дотолѣ, доколѣ сіе не оправдается исполненіемъ съ ихъ стороны устава церкви; 4) принять всѣ мѣры, чтобы о происшествіяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ и среди духовенства доставлялись г. оберъ-прокурору свѣдѣнія своевременно и вѣрно для доклада Государю Императору; 5) не допускать никакихъ неправильныхъ распоряженій, подобныхъ вышеизложеннымъ, и для прекращенія сего на будущее время въ случаяхъ несогласія его, преосвященнаго, съ консисторіею, не приводя своихъ заключеній въ исполненіе, представлять дѣла на разрѣшеніе св. синода, и 6) поставить себя строго въ предѣлы закона и порядка, такъ, чтобы св. синодъ не былъ вынужденъ принять какія-либо рѣшительныя мѣры въ отношеніи къ нему, преосвященному»¹).

Въ 1851 году Аркадій былъ перемѣщенъ изъ Перми въ Петрозаводскъ и съ этого времени до того измѣнились непріязненные къ нему отношенія св. синода, что его даже вызвали въ Петербургъ для присутствованія въ немъ, а друга его, архимандрита Павла, перевели въ Олонецкую епархію. Самъ Пратасовъ, враждовавшій прежде противъ Аркадія, впослѣдствіи оказывалъ вниманіе къ нему и охотно исполнялъ его просьбы. Такъ, когда владимірскій епископъ Іустинъ не согласился опредѣлить въ село Черкутино—родину покойнаго графа Михаила Михаиловича Сперанскаго—на мѣсто протоіерея Михаила Федоровича Третьякова, женатаго на сестрѣ покойнаго Сперанскаго, внука его, окончившаго курсъ наукъ во владимірской семинаріи, Павла Киржачскаго, на томъ основаніи, что Киржачскій былъ второго разряда, а Черкутинскій приходъ, по средствамъ, представляемымъ имъ къ содержанію священнослужителей, могъ быть занятъ перворазряднымъ воспитанникомъ семинаріи, тогда Аркадій, какъ родной братъ протоіерея Третьякова, обратился съ просительнымъ письмомъ къ Пратасову объ опредѣленіи въ Черкутино означен-

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 31-го декабря 1850 года.

наго Киржачского ¹). Пратасовъ съ жаромъ взялся за это дѣло и, отозвавшись съ чувствомъ негодованія о поступкѣ Густина при предложеніи письма Аркадія св. синоду, успѣль склонить его членовъ удовлетворить просьбу Аркадія ²). Можетъ быть, на перемѣну отношеній синода и Пратасова къ Аркадію имѣло большое вліяніе обаятельное имя его родственника—Михаила Михаиловича Сперанского, а можетъ быть этому много помогло и присущее Аркадію искусство очаровывать людей и располагать ихъ въ свою пользу. Нѣкоторые-же объясняютъ измѣненіе отношеній къ Аркадію тѣмъ, что Пратасовъ, чувствуя въ послѣдніе годы своей жизни утомленіе отъ постоянной борьбы съ архіереями, сталъ примиряться съ тѣми изъ нихъ, которыхъ ему приходилось прежде учить порядку и сдержанности.

¹⁾ Вотъ письмо Аркадія къ Пратасову:

«Сіятельныййшій графъ, милостивыйшій государь! Владимірской епархіи села Черкутина протоіерей Михаилъ Федоровъ и жена его, родная и единственная сестра покойнаго графа Михаила Михаиловича Сперанского, оба слишкомъ семидесятилѣтніе, имѣютъ нужду въ призрѣніи. Протоіерей свое священническое мѣсто желаетъ сдать своему внуку, сыну вдовы-дочери, окончившему курсъ во владимірской семинаріи Павлу Киржачскому; но такъ какъ сей внуkъ кончилъ семинарскій курсъ во второмъ разрядѣ, то владимірской архіпастырь отказалъ протоіерою въ просьбѣ, предлагая протоіерою помѣниться мѣстомъ съ перворазряднымъ священникомъ, чтобы на мѣсто сего священника произвестъ помянутаго внука. Протоіерей Михаилъ, мой родной братъ, поступилъ въ село Черкутино на мѣсто родителя, графа Михаила Михаиловича; графъ, изъ признательности къ протоіерою за успокоеніе родителей, и зная скудость его, выстроилъ для него въ селѣ Черкутинѣ каменный домикъ; протоіерою оставить Черкутино, и особенно изъ признательности къ покойнымъ родителямъ и высокому благодѣтелю—тяжело; притомъ-же, протоіерей въ нынѣшнемъ году лишился единственнаго сына, статского совѣтника Петра Сперанского, который волею Божіею умеръ; имѣть двухъ дочерей съ сиротами, оставшихся послѣ священниковъ; вдовы и сироты многочисленныя, доселѣ питаются пріютомъ у престарѣлыхъ родителей, которые образецъ добродѣтелей супружескихъ и родительскихъ.

«Сіятельныййшій графъ! изъяснивъ горькія обстоятельства престарѣлыхъ сестры и зята покойнаго графа Михаила Михаиловича Сперанского, осмѣливаясь обратиться къ вамъ, милостивыйшій государь, съ мою покорнѣшую просьбою—не соблаговолите-ли вы и нынѣ обратить ваше милостивое вниманіе на тяжкое положеніе поминаемыхъ родныхъ покойнаго графа и найти возможнымъ, чтобы сестра и зять его могли провести послѣдніе дни своей жизни въ селѣ Черкутинѣ, при родномъ призрѣніи внука, поминаемаго воспитанника семинаріи Павла Киржачскаго, съ опредѣленіемъ его на священническое мѣсто, занимаемое теперь протоіереемъ». (29-го августа 1853 года).

²⁾ См. въ св. синодѣ о производствѣ семинариста Павла Киржачскаго во священника въ село Черкутино на мѣсто протоіеря Михаила Третьякова, годъ 1853 № 1313.

IX. Ревизія олонецкаго епархіального управління.

Ревизія олонецкаго епархіального управління была вызвана дѣйствіями архієпископа олонецкаго Венедикта, человѣка больного физически и нравственно, оригинала до странностей, мизантропа, мало вѣровавшаго въ благородство побужденій и чувствъ и сухого формалиста. Подозрительный и мрачный взглядъ Венедикта на людей образовался въ немъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ въ его жизни, еще прежде, чѣмъ онъ былъ назначенъ петербургскимъ викаріемъ. Столичная жизнь и ея обстановка не только не измѣнили, но еще болѣе усилили мрачное настроеніе души Венедикта. Въ Петербургѣ онъ увидѣлъ лицомъ къ лицу многія неустройства нашей высшей духовной администрації, которые вдали отъ правительственного центра были имъ вовсе не замѣчаемы. Въ Петербургѣ-же онъ былъ пораженъ разладомъ между словами и дѣйствіями, который представляется тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ болѣе люди, подверженные этому пороку, предъявляютъ правъ на общественное къ себѣ уваженіе. Онъ порывался срывать маску съ такихъ людей, пытался, во время самостоятельного, за слабостью митрополита Серафима, управлія петербургскою митрополіею, выводить на позоръ этихъ общественныхъ лицедѣевъ и преслѣдоватъ ихъ формальнымъ судомъ; но они, оградивъ себя, какъ каменною стѣною, протекцію и будучи защищаемы секретаремъ Серафима Сусловымъ, не потерявши и въ то время своего значенія, были всегда оправдываемы. Самая продолжительность времени пребыванія его въ должностіи петербургскаго викарія, выходившая далеко за обычные предѣлы (Венедиктъ былъ петербургскимъ викаріемъ почти 10 лѣтъ, съ 1-го мая 1833 г. по 16-е ноября 1842 г.), частыя столкновенія его съ препятствіями въ исполненіи своихъ намѣреній, постоянная борьба противъ вторженія свѣтской власти въ дѣла петербургскаго епархіального управлія,—все это болѣе и болѣе раздражало его и развивало въ немъ мизантропію. Отъ людей бѣжалъ онъ къ дѣламъ консисторскимъ и хотѣлъ забыться въ нихъ, но и здѣсь встрѣчалъ онъ снова людей въ самыхъ непривлекательныхъ образахъ. Единственнымъ мѣстомъ успокоенія его, гдѣ онъ отдохахъ душою и тѣломъ, гдѣ среди задушевныхъ разговоровъ успокоивалась у него желчь и исчезала хандра, были семейства родныхъ его братьевъ: протоіерея I. Григоровича и чиновника Константиновскаго дворца Н. Григоровича. Изъ писемъ Венедикта къ братьямъ изъ Петрозаводска видно, какъ горячо онъ любилъ ихъ и какъ близко принималъ къ сердцу все касавшееся до нихъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько

отрывковъ изъ этихъ писемъ. Вотъ, напр., что онъ писалъ, между прочимъ, къ о. протоиерею Григоровичу отъ 29-го октября 1849 года: «Почтеннѣйший, любезный братецъ, отецъ протоиерей Иоаннъ Иоанновичъ, письма ваше отъ 28-го сентября, и братцево отъ 29-го, получилъ я исправно. Читая и перечитывая ихъ, вижу ихъ даже во снѣ и благодарю за извѣщеніе отъ всего сердца. Но, за всѣмъ тѣмъ, не могу ясно постигнуть, что это за бѣды собираются на мою голову; что я сдѣлала худаго имъ? въ чемъ я виноватъ предъ ихъ милостями?» А вотъ другое его письмо къ нему-же, отъ 20-го апрѣля 1850 года:

«Почтеннѣйший, любезный братецъ, отецъ протоиерей Иоаннъ Иоанновичъ!»

«Воистину воскресе Христосъ! Душевно благодарю васъ со всею домашнею церковю вашею и за благожеланія съ свѣтлымъ днемъ Господа и Иисутиеля, и за праздничную посылку. Ихъ получилъ я своеучно въ самый день.

«Къ Александру Ивановичу (старшій сынъ о. Григоровича, поступившій въ военную службу) въ Ямбургъ написалъ я въ первый разъ только нынѣ, 25-го числа, или лучше сказать, со вторничною почтою на Свѣтлой недѣлѣ; приложилъ по настоящей своей возможности и на красное яичко или, лучше сказать, на солдатскіе зубы, 25 р. Дай Богъ, чтобъ былъ хорошимъ солдатомъ, тогда будетъ и хорошимъ капраломъ. Кланяйтесь братцу Николаю Ивановичу. Да утѣшитъ его самъ Господь. Постараюсь написать къ нему съ слѣдующею почтою и самъ, что Богъ пошлетъ. Нынѣшнія суеты одолѣваютъ у меня (sic).

«Прощайте покамѣсть. Да благопоспѣшитъ вамъ Господь во всемъ.

«Вамъ душевно преданный братъ и слуга А. В—ть».

Но посѣщенія Венедиктомъ семействъ своихъ братьевъ не могли на-долго поддерживать въ немъ хорошаго настроенія духа, потому что, во-первыхъ, при многочисленности епархиальныхъ дѣлъ ему нельзя было часто посѣщать ихъ, а во-вторыхъ, хандра и мизантропія слишкомъ далеко пустыли корни въ его душѣ.

Послѣ почти десятилѣтняго викаріатствованія въ Петербургѣ, за два мѣсяца до смерти митрополита Серафима, Венедиктъ былъ назначенъ олонецкимъ архіепископомъ и присутствующимъ въ св. синодѣ. Новое назначеніе, какъ и всякая новость, на первыхъ порахъ если не произвело перемѣны въ характерѣ Венедикта, то, по крайней мѣрѣ, какъ-бы оживило его, тѣмъ болѣе, что при этомъ возбуждены были въ немъ надежды на повышеніе и на переводъ въ высшую и болѣе выгодную для

него епархію, и ему было прямо сказано, что на настояще свое назначеніе онъ долженъ смотрѣть какъ на временное и переходное. Но время, между тѣмъ, шло, а новаго назначенія Венедикту не давали, хотя держали его въ Петербургѣ и не отпускали въ свою епархію. Такъ прошло около пяти лѣтъ. Надежды Венедикта постепенно испарялись и онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣрялся въ томъ, что его обманываютъ, и въ синодѣ держать потому только, что въ немъ чувствуютъ нужду, какъ въ опытномъ юристѣ; и дѣйствительно, какъ скоро эта нужда въ немъ миновала, ему предписали указомъ отправиться въ Петрозаводскъ, а предшественника его по управлѣнію олонецкою епархіею, донскаго архіепископа Игнатія, вызвали на его мѣсто въ синодъ. Венедиктъ пріѣхалъ въ свою епархію съ чувствами, проникнутыми желчью, а встрѣча съ тамошними лицами и дѣлами настроили его на самый грустный ладъ. Весь отдавшись мрачнымъ впечатлѣніямъ, лишенный утѣшенія своихъ братьевъ, съ тупою ненавистью и злобою къ своему предшественнику, Венедиктъ въ его учрежденіяхъ хотѣлъ преслѣдоватъ его самого, уничтожалъ все полезное, устроенное имъ, и возобновлялъ все, уничтоженное имъ. Мало обращая вниманія на общественное мнѣніе, брюзгливый, неблагообразный въ служении, не строгий къ себѣ, не слишкомъ мягкий къ другимъ, болѣй, безъ любви къ своей паствѣ, онъ произвелъ на нее неблагопріятное впечатлѣніе, которое было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе и яснѣе носился передъ нею образъ прежняго ея дѣятельнаго пастыря, благоговѣйнаго въ служеніи, доступнаго для всѣхъ, внимательнаго ко всѣмъ. Чтобы судить о внутреннемъ состояніи души Венедикта, мы приведемъ здѣсь письмо его къ о. протоіерею Григоровичу отъ 15-го ноября 1847 года: «Душевно благодаренъ вамъ, писалъ онъ, за письмо отъ 1-го ноября. Взаимно написалъ-бы и о здѣшнихъ духовныхъ особенностиахъ, но онъ, по начально положеннымъ на нихъ клеймамъ, такъ тягостны мнѣ, что ни самъ не могу смотрѣть на нихъ равнодушно, ни людямъ похвалиться нельзістями. Лучше, разсуждаю, помолчать». Другое письмо, отъ 29-го октября, еще лучше характеризуетъ внутреннее состояніе его. «Если позволяять вамъ обстоятельства, писалъ онъ къ тому-же своему брату, и ваша служба, Бога ради пріѣзжайте ко мнѣ, хотя дня на три или четыре. Мнѣ очень-бы желательно раздѣлить съ вами свои мысли и чувствованія. Ихъ никто другой не можетъ принять отъ меня». Потомъ онъ постоянно просилъ своихъ братьевъ чаще писать къ нему и обращался къ нимъ съ такого рода мольбою: «Бога ради, радуйте меня при досугахъ своими письмами; они для меня утѣшеніе, какого-бы ни были содержанія» (письмо отъ 8-го

апрѣля 1850 года). Недовольство своимъ состояніемъ выражалось и въ его епархіальныхъ дѣлахъ, которыя хотя двигались, но медленно, но сили печать апатіи и были болѣе разрушительного свойства, чѣмъ устро-ящаго. Онъ чувствовалъ всю безъисходность своего положенія и съ безотраднымъ отчаяніемъ покорился своей судьбѣ. Братья хорошо понимали состояніе души его, а потому хлопотали въ Петербургѣ о переводѣ его въ другую епархію и ни мало не вѣрили его фразѣ слѣдующаго содержанія: «Возьмите себѣ за и на поговореніе, что я не думаю и рѣшительно не хочу никуда отсюда, хотя-бы то было на самое лучшее мѣсто. Здѣсь я пришелся ко двору. При случаѣ поговорите объ этой моей новости и съ Василиемъ Борисовичемъ (Бажановымъ), прося отъ меня-же, чтобы въ надлежащихъ случаяхъ благоволили онъ закинуть по этому за меня свое словечко. Я не ищу ничего на свѣтѣ и ни о чьемъ не думаю, кроме того, на что единожды поставленъ. Даль-бы Богъ и это сдѣлать, какъ должно и какъ хочется». Въ постскриптѣ этого письма онъ прибавляеть: «Мартовская и апрѣльская погода здѣсь такая отличная, какой въ Петербургѣ не видывано и не слыхано. Благость и премудрость Господа на сѣверѣ для человѣка такова-же, какъ и на благодатномъ югѣ. Дивны дѣла Твоя, Господи, и ни едино-же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ!» (письмо отъ 8-го апрѣля 1850 года). Примирившись, повидимому, съ средою, Венедиктъ съ полнымъ невниманіемъ къ синоду, открытымъ невниманіемъ къ его предписаніямъ и указамъ и явною оппозиціею его распоряженіямъ. Вынесши изъ Петербурга полное и глубокое къ нему нерасположеніе, онъ въ Петрозаводскѣ не исполнилъ его предписаній. Такъ, остались неисполненными Венедиктомъ слѣдую-щіе синодальные указы: 1) по жалобѣ на него синоду священника олонец-каго собора Александра Прилежаева на неправильное удаленіе его изъ города Олонца въ г. Вытегру; 2) о разсмотрѣніи поступковъ священника Повѣнѣцкаго уѣзда, Паданскаго погоста Ильи Егорова, учиненныхъ въ православной часовнѣ, въ противность узаконеніямъ объ образѣ поведенія въ отношеніи къ раскольникамъ; 3) по дѣлу о сравненіи содержанія причта въ селѣ Рубежѣ съ причтами другихъ церквей; 4) о построеніи церкви въ Верховскомъ приходѣ; 5) по прошенію воспитанника олонецкой семинарии Федора Ладвинскаго на проволочку съ 1844 года дѣла о производствѣ его въ духовный санъ; 6) о недоставленіи срочныхъ донесеній за цѣлый годъ объ училищахъ при монастыряхъ и приходскихъ церквяхъ, о бывшихъ и не бывшихъ на исповѣди и у св. причастія, о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, и 7) о недоставленіи отвѣта министру финансовъ о возвращеніи въ капиталъ Александроневской церкви,

состоящей въ вѣдѣніи Олонецкихъ заводовъ, билета Сохранной казны въ 1250 руб. асс., а равно и другихъ принадлежащихъ ей суммъ¹). Но большой бѣды еще не было-бы, еслибы Венедиктъ не исполнилъ только этихъ указовъ; самъ синодъ, чувствуя свое неловкое положеніе по отношенію къ нему, боялся раздражать его настоятельными напоминаніями о неисполненныхъ указахъ. Къ несчастію Венедикта, въ числѣ неисполненныхъ имъ синодальныхъ указовъ находилось одно высочайшее повелѣніе. Въ 1846 году Императоръ Николай повелѣлъ министру юстиціи графу Панину удалить отъ службы по вѣренному ему министерству чиновниковъ, не только явно неблагонадежныхъ, но и тѣхъ, которые навлекаютъ на себя сильное подозрѣніе въ неблагонамѣренности дѣйствій; вмѣстѣ съ этимъ, повелѣно было Панину представить и проектъ о мѣрахъ къ приведенію въ надлежащее устройство состава гражданскихъ чиновниковъ и по другимъ вѣдомствамъ, кромѣ министерства юстиціи. Таѣмъ какъ безпорядки и упущенія замѣчены были Государемъ преимущественно по губернскимъ учрежденіямъ, то поэтому проектъ Панина направленъ былъ, главнымъ образомъ, къ улучшенію состава губернскихъ чиновниковъ. По проекту Панина предполагалось отправить въ разныя губерніи членовъ консультаціи, снабдивъ ихъ особымъ наставленіемъ, по силѣ котораго они должны будутъ ревизовать губернскія и уѣздныя судебныя мѣста, для узнанія степени благонадежности губернскихъ чиновниковъ и для удаленія отъ должности тѣхъ изъ нихъ, которые не далѣе пяти лѣтъ тому назадъ заслужили явное порицаніе своимъ поведеніемъ или сильное подозрѣніе, а также и для приведенія въ ясность и отстраненія, по мѣрѣ возможности, на мѣстѣ тѣхъ главныхъ безпорядковъ, которые обнаружены произведенными донынѣ ревизіями, и въ особенности медленности или бездѣйствія въ производствѣ дѣлъ и слѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по проекту Панина, предоставлялось этимъ ревизорамъ право увольнять отъ должности тѣхъ неблагонадежныхъ чиновниковъ по вѣдомству министерства юстиціи, которые опредѣлены на службу не по указамъ Государя или сената. Удаленныхъ такимъ образомъ чиновниковъ Панинъ полагалъ не опредѣлять ни въ какую должность безъ разрѣшенія главнаго начальства. Наконецъ, для достижения, по его выраженію, во всей полнотѣ воли Государя, онъ предлагалъ пересмотрѣть весь уставъ о гражданской службѣ, со всѣми его приложеніями и дополненіями. Пересмотромъ устава, по предположенію

¹) См. въ дѣлѣ св. синода объ увольненіи отъ службы неблагонадежныхъ чиновниковъ, начавшемся 18-го декабря 1846 года, указъ синодскій отъ 8-го июня 1849 года.

его, долженъ быть заняться особый комитетъ, составленный изъ товарищего министровъ и начальника штаба, и изъ директоровъ департаментовъ тѣхъ главныхъ управлений, въ коихъ нѣть лицъ первыхъ двухъ званій. Государь одобрилъ проектъ Панина, но съ нѣкоторыми ограничениями, выраженными въ слѣдующей резолюціи: «Согласенъ; но неблагонадежныхъ чиновниковъ не опредѣлять вновь на службу по другому вѣдомству безъ Моего распоряженія; комитетъ составить изъ товарищего министровъ подъ предсѣдательствомъ А. С. Танѣева»¹). Новое распоряженіе касалось и гражданскихъ чиновниковъ, служащихъ по духовному вѣдомству. Синодъ, по выражению его, «соображаясь съ существующимъ по духовному вѣдомству порядкомъ завѣдыванія всѣхъ епархиальныхъ и присутственныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній, соединенныхъ съ іерархическою властью епархиальныхъ архіереевъ, которымъ подчинены гражданскіе чиновники оныхъ, положилъ: взамѣнъ мѣръ, принятыхъ по министерству юстиціи, исполнить сіе высочайшее повелѣніе по духовному вѣдомству слѣдующимъ образомъ: для ближайшаго узнанія степени благонадежности служащихъ въ епархіяхъ гражданскихъ чиновниковъ, для удаленія отъ должности тѣхъ, кои преждею подсудимостію въ недавнее еще время, т. е. не далѣе пяти лѣтъ тому назадъ, или дурнымъ поведеніемъ заслужили явное порицаніе, или навлѣкли на себя сильное подозрѣніе, въ послѣднемъ званіи не ослабившееся, поручить епархиальнымъ архіереямъ, также оберъ-священникамъ гвардейскаго и grenадерскаго корпусовъ и арміи и флотовъ обратить нынѣ-же, неукоснительно, строжайшее вниманіе на службу и поведеніе всѣхъ чиновниковъ ихъ вѣдомства, кромѣ секретарей духовныхъ консисторій, и о томъ, кого они признаютъ неблагонадежнымъ къ оставленію при настоящей должности, представить къ увольненію, съ изъясненіемъ побудительныхъ къ тому причинъ, на разрѣшеніе св. синода, а по духовно-учебному вѣдомству установленнымъ для сего порядкомъ. За симъ предписать къ повсемѣстному наблюденію по духовному вѣдомству, чтобы чиновники, увѣленные отъ должностей, какъ неблагонадежные, также бывшіе подъ судомъ и приговоромъ суда не оправданные, даже и въ тѣхъ случаяхъ, хотя-бы лица сіи не имѣли еще класснаго чина или права на оный, не были опредѣляемы ни къ какимъ должностямъ, безъ представленія о томъ предварительно на усмотрѣніе св. синода»²). Всѣдствіе

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ копію съ выписки изъ журналовъ комитета министровъ 19-го ноября и 3-го декабря 1846 года.

²) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ синода отъ 20-го декабря 1846 года.

этого, архіереи должны были рапортовать св. синоду о неблагонадежныхъ чиновникахъ, служащихъ по духовному вѣдомству. Одни изъ архіереевъ донесли, что у нихъ иѣхъ такихъ чиновниковъ, другие представили къ увольненію иѣкоторыхъ, но трети въ продолженіе цѣлаго года не присыпали никакихъ исполнительныхъ донесеній¹⁾, а потому снова циркулярнымъ указомъ св. синода подтверждено было послѣднимъ о скорѣйшемъ исполненіи указа касательно неблагонадежныхъ чиновниковъ. Наконецъ, всѣ архіереи доставили донесенія по этому предмету, какъ умѣли, кромѣ Венедикта. Пратасовъ самъ писалъ къ нему, чтобы онъ позабочился объ исполненіи высочайшаго повелѣнія, но Венедиктъ не удостоилъ отвѣтомъ оберъ-прокурора. Тогда Пратасовъ въ вѣдомости о неисполненныхъ высочайшихъ повелѣніяхъ за 1848 годъ черезъ Танѣева доложилъ Государю, что Венедиктъ уже болѣе года не исполняетъ высочайшаго повелѣнія о неблагонадежныхъ чиновникахъ. Государь на этой вѣдомости написалъ: «Спросить». Синодъ спросилъ Венедикта, но онъ ему не отвѣтилъ. Тогда синоду ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ послать отъ себя довѣренное лицо въ Петрозаводскъ для истребованія отъ Венедикта отчета не только въ этомъ поступкѣ, но и въ другихъ, и для обозрѣнія образа его управления. Въ указѣ синода по случаю назначенія надъ Венедиктомъ ревизіи, многознаменательно сначала перечислялись всѣ тѣ случаи, въ которыхъ онъ не исполнилъ его предписаній, а потомъ говорилось, что «онъ съ сожалѣніемъ усматриваетъ крайній недостатокъ дѣятельности архіепископа Венедикта въ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей и заботливости не только указовъ св. синода, но и высочайшихъ повелѣній, такъ что ни побужденія начальства, ни обращеніе на его медленность по первому показанному здѣсь дѣлу вниманія Государя Императора, не возбудили его донынѣ къ исполненію долга, а потому, считая себя въ непремѣнной обязанности употребить всѣ крайнія мѣры, какъ къ наискорѣйшему исполненію высочайшей Его Императорскаго Величества воли о мѣрахъ къ устраненію отъ службы неблагонадежныхъ чиновниковъ по духовному вѣдомству, такъ и окончанію прочихъ вышепрописанныхъ дѣлъ, опредѣляется: 1) командировать въ г. Петрозаводскъ одного изъ находящихся въ С.-Петербургѣ архимандритовъ, поручивъ ему, по прїѣздѣ туда, отнестись лично къ архіепископу Венедикту, чтобы онъ благоволилъ поспѣшить въ присутствіи его окончаніемъ всѣхъ помянутыхъ дѣлъ, а особенно о чиновникахъ, и

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ предложеніе графа Пратасова синоду отъ 10-го декабря 1847 года.

вручилъ ему требуемыя отъ него свѣдѣнія для представлениія въ св. синодъ. 2) Еслибы при семъ преосвященный и затруднился въ нѣкоторыхъ такими обстоятельствами, которыя легко могутъ быть устранины, то предложить ему, ни мало не медля, принять къ тому нужныя мѣры и съ такою-же поспѣшнотою положивъ конецъ тѣмъ дѣламъ, передать ему, что нужно св. синоду, для представлениія въ онъ. 3) Если-же напротивъ, въ окончаніи какихъ-либо изъ тѣхъ дѣлъ примѣчено будетъ со стороны преосвященнаго одно безосновательное уклоненіе, въ такомъ случаѣ просить у него самыхъ дѣлъ тѣхъ для просмотра, принявъ тѣ изъ нихъ, кои не получили еще окончанія по консисторіи, или и полу-чили, но имѣютъ въ составѣ своеемъ какіе-либо недостатки, предложить ей окончить въ самоскорѣйшемъ времени, и получивъ оныя отъ нея обратно, представить въ св. синодъ подлинниками. 4) Въ случаѣ какихъ-либо препятствій и затрудненій доносить обѣ оныхъ св. синоду. Вмѣстѣ съ симъ, предписать самому архіепископу Венедикту непремѣнно и безъ малѣйшаго замедленія выполнить всѣ требования командируемаго по изложеннымъ дѣламъ и съ нимъ-же донести о томъ св. синоду»¹⁾.

Въ этомъ указѣ заключались и программа дѣйствій для ревизора, и выговоръ и угроза для Венедикта, и боязнь синода, чтобы Венедиктъ не сдѣлалъ какой-либо отчаянной выходки. Ревизоромъ назначенъ былъ Антоній, ректоръ кіевской семинаріи, человѣкъ тонкій, хитрый, самостоятельный и твердый. Венедиктъ принялъ Антонія не очень мягко и любезно; но онъ повелъ дѣло такъ ловко, что преосвященный исполнилъ почти всѣ предписанія синода, за исключеніемъ только двухъ, именно: 1) касательно вновь строющейся каменій церкви Олонецкаго уѣзда въ Верховскомъ погостѣ и 2) возвращенія въ капиталь Александровской церкви билета Сохранной казны въ 1250 руб. асс., несмотря на то, что онъ въ это время былъ очень нездоровъ, такъ что съ нимъ дѣлались припадки даже во время отправленія богослуженій. Такъ, 22-го іюля, какъ рапортовалъ секретарь олонецкой консисторіи, случилось слѣдующее происшествіе съ Венедиктомъ во время отправленія имъ богослуженія въ кафедральномъ соборѣ: по освященіи св. Даровъ, онъ упалъ на руки сослужащихъ съ нимъ и потому спущенъ былъ на полъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи и оставался въ безпамятствѣ до прибытія медиковъ около 25-ти минутъ. Священнодѣйствіе докончилъ и положенный на этотъ день царскій молебенъ совершилъ уже Антоній — реви-

¹⁾ См. въ вышеупомянутомъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 15-го іюня 1849 года.

зоръ¹). Что-же касается исполненія высочайшаго повелѣнія о неблагонадежныхъ чиновникахъ, то Венедиктъ рапортовалъ и объ этомъ синоду, но объяснилъ причину своей медленности по этому дѣлу чрезвычайно темно и уклончиво; впрочемъ, изъ этого рапорта можно было видѣть, что онъ недоволенъ своею консисторіею. «Возвратясь на епархію, писалъ онъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1847 г. и озабочиваясь тѣмъ, что около пяти минувшихъ не имѣль я къ служащимъ въ консисторіи чиновникамъ личныхъ по службѣ отношеній, ниже непосредственныхъ съ ними занятій дѣлами, поручалъ я для безошибочности своей разсмотрѣть это присутствіемъ епархіальной консисторіи и дать мнѣ отзывъ свой. На это консисторія, протоколомъ 8-го іюня 1848 года, представила: 1) что на службѣ въ оной состоять четыре чиновника: коллежскіе секретари — столонаачальникъ и казначай Стефанъ Моминскій и столонаачальникъ Александръ Троицкій, архиваріусъ губернскій секретарь Иванъ Намочскій и коллежскій регистраторъ Игнатій Соколинъ. Изъ нихъ архиваріусъ Намочскій 19-го мая 1848 года подалъ въ консисторію на высочайшее имя объ увольненіи отъ службы по разстроенному здоровью; прошеніе то не разрѣшено еще въ консисторіи; и 2) что чиновники, служащіе въ консисторіи олонецкой, признаются сю способными къ прохожденію своихъ должностей и причинъ къ увольненію ихъ не предвидится. По содержанію этого отзыва разсуждая, что о качествахъ присяжнаго чиновника надлежало-бы судить по опытамъ проведенного уже на службѣ времени, и посему не позволяя себѣ ожидать причинъ къ такому удостовѣренію въ будущемъ времени, между тѣмъ замѣчая, что-есть въ консисторіи денежныя дѣлопроизводства, какъ-то: о суммѣ около 34.000 руб. асс., отпущенной въ 1831 году въ пособіе церквамъ и причтамъ Повѣнецкаго уѣзда, о суммѣ антиминской съ открытия епархіи, о суммѣ вѣнчиковой, о заемообразныхъ въ долгъ отпускахъ, каковыя дѣлопроизводства должны-бы и очищаться повременно, — давалъ я многократно предложения и побужденія объ ускореніи представлениемъ дѣлъ такового рода, имѣя въ виду какъ тѣ вообще, что чѣмъ далѣе будетъ длиться, тѣмъ болѣе окончательная отчетность по симъ можетъ затрудняться, а при самомъ разматриваніи и соображеніи таковыхъ отчетныхъ дѣлъ могли-бы быть видиѣ какъ должностная заботливость каждого чиновника о порядкѣ и правильности въ состоящемъ на рукахъ его дѣлъ, такъ и подготовительная мѣры къ безостановочной, когда тре-

¹) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1849 года, подъ № 30, по рапорту секретаря олонецкой консисторіи о болѣзни преосвященнаго олонецкаго Венедикта.

буется, отчетности, следовательно и суждения о нравственныхъ качествахъ лица безопаснѣе. Изъ предложеній и побужденій послѣднее было касательно антиминской суммы 8-го апрѣля 1849 года по случаю, что предстоитъ нужда въ новомъ запасѣ антиминсовъ, съ назначеніемъ въ ономъ, какъ въ седьмомъ уже касательно этой суммы побужденіи, не-премѣнного срока на изготавленіе отчета въ двѣ недѣли; но, не получая ни сего, ни дѣлъ о другихъ суммахъ изъ консисторіи, равно не получая свѣдѣній отъ г. секретаря оной, хотя-бы то подручныхъ (?), какія были-бы причины этому запущенію; къ тому-же, видя, что и архивъ консисторіи не приведенъ въ назначенный уставомъ порядокъ, а иные изъ членовъ, при настоятельныхъ, непосредственныхъ развѣданіяхъ моихъ, поставляли не разъ въ виду, что промедленія долговременныя происходять съ ихъ стороны то за недоставленіемъ справокъ канцелярскихъ, либо архивныхъ, то за невозможностію отыскать потребныя къ решенію извѣстнаго денежнаго обстоятельства бумаги, по нахожденію ихъ при дѣлахъ другаго рода, по не дѣлавшимся въ свое время отмѣткамъ о томъ, по неснятію принадлежныхъ копій, по бывшимъ иногда назначеніямъ расхода или прихода не на бумагѣ, а словесно, по неимѣнію въ свое время достаточнаго числа писцовъ, по опасеніямъ нынѣ ошибки въ присутственныхъ сужденіяхъ отъ неполноты и неточности въ дѣлоизвѣдствахъ своего времени, допущенной по неопытности канцеляріи на службѣ новаго рода и необычной съ другими мѣстами губернскими.

«Въ какой-бы степени все то ни было, но я, многократно разсуждая, что тѣмъ, кои позволили себѣ въ минувшемъ высказанныя по настоящему (?) упущенія въ важнѣйшихъ предметахъ должности, надлежало-бы и возмѣстить ихъ впослѣдствіи, на чѣдѣ довольно было и времени, а не оставлять безъ заботы, какъ-бы не относящіяся уже къ нимъ,—не могу я, съ одной стороны, не опасаться того, чтобы подтвержденія прописанному отзыву консисторіи касательно непредусматриванія въ будущемъ причинъ за чиновниками ея къ увольненію, съ другой—не могу пропустить безъ вниманія того, что, въ случаѣ увольненія, совершенно нельзѧ будетъ замѣстить здѣсь кого-либо другими лицами, и напослѣдокъ, на случай оставленія какъ виновныхъ (?) для изготавленія всѣхъ, какія слѣдуютъ, отчетностей, и какъ должностнующихъ знать бывшее за ихъ время болѣе и удобнѣе, чѣмъ всякой другой, осмѣливалась смиреннѣйше дождѣть то-же, что докладывалъ я въ 1843 году рапортомъ 13-го декабря за № 2714, съ добавленіемъ въ особенности съ штатовъ 1844 года денежнѣмъ дѣламъ людей и окладовъ на два еще стола (?), примѣняясь въ чѣмъ приличествуетъ и необходимо къ учрежденію 2-го января 1845 года

для губернскихъ правленій, либо дозволить войти особымъ представлениемъ¹⁾».

Синодъ радъ былъ, что получилъ хоть какое-нибудь объясненіе отъ Венедикта, а потому болѣе и не тревожилъ его своими требованіями и выговорами; но, при всемъ томъ, отказалъ ему въ увеличеніи штата олонецкой консисторіи. Венедиктъ также былъ радъ, что такъ легко отдѣлся отъ ревизіи. Въ дѣлахъ синодскихъ нѣть никакихъ свѣдѣній о результатахъ этой ревизіи, вѣроятно, потому, что синоду было известно болѣзnenное состояніе Венедикта, а послѣдовавшая вскорѣ потомъ его смерть пристановила синодъ въ произнесеніи приговора объ его администраціи.

Послѣ ревизіи Венедиктъ жилъ недолго. Еще со второго года пребыванія своего въ Петрозаводскѣ онъ началъ жаловаться на состояніе своего здоровья; сначала писалъ, что у него худо стали служить глаза и руки²⁾ и что всякое напряженіе приводить его въ изнеможеніе; потомъ, что у него болѣть и ноги, и руки, и грудь³⁾. Болѣзнь—какъ видно, водяная—все болѣе и болѣе усиливалась и съ 1849 года, послѣ описанного выше припадка, здоровье его болѣе не поправлялось, какъ видно изъ письма его отъ 30-го сентября 1850 года къ своему брату, протоіерею Григоровичу, въ которомъ онъ писалъ слѣдующее: «Опишу вамъ, братецъ, о себѣ очень невеселое: съ половины прошлаго 1849 года стала я очень слабѣть въ силахъ своихъ; глаза тупѣютъ, ноги часто подкашиваются, одышка одолѣваетъ часто. Отъ послѣдней, которая особенно беспокоила меня до половины минувшаго августа, стала я отпиваться, какъ теленокъ, сливками парными и чувствуя себя посвѣжѣе, въ дышаніи посвободнѣе. Чѣмъ Богъ дастъ далѣе, да будетъ Его святая воля! Мѣстныхъ болѣй въ тѣлѣ нигдѣ и никакихъ не ощущаю, благодареніе Господу, но часто находящее ослабленіе, изнеможеніе въ общихъ силахъ обезпокоиваетъ тѣмъ не менѣе. Значить, вѣкъ изжитъ уже, пора и честь знать. Остается отечески взыывать: Господи Боже, Творче и Искупителю мой, помилуй меня, грѣшнаго». Еще 3-го ноября того-же 1850 года написалъ онъ весьма короткое письмо къ протоіерею Григоровичу, въ которомъ выражалъ досаду свою на секретаря олонецкой консисторіи Гиляровскаго за то, что тотъ въ письмѣ своемъ къ одному изъ петербургскихъ пріятелей сообщилъ извѣстія о его болѣзни

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ объ увольненіи отъ службы неблагонадежныхъ чиновниковъ рапортъ преосвященнаго Венедикта отъ 7-го августа 1849 года.

²⁾ См. письмо его къ о. протоіереру И. И. Григоровичу отъ 29-го октября 1849 года.

³⁾ Письмо къ тому-же протоіеру Григоровичу отъ 8-го апрѣля 1850 года.

и слабости; въ заключеніе своего письма, Венедиктъ сказалъ: «Пою Богу моему, дондеже есмъ». Но это было, если можно такъ выразиться, хвастовство тѣмъ, чего уже не было; смерть была близка къ нему. Спустя мѣсяцъ послѣ этого письма, Венедикта уже не существовало. Олонецкій гражданскій губернаторъ уведомилъ графа Пратасова о кончинѣ преосвященнаго Венедикта слѣдующимъ донесеніемъ: «Долгомъ поставляю почтенѣйшее донести вашему сиятельству, что сего числа (7-го декабря 1850 года), въ первомъ часу пополудни скончался олонецкій архіепископъ Венедиктъ отъ водяной болѣзни. Только нѣсколько дней тому назадъ показались признаки этой болѣзни, но его преосвященство чувствовалъ себя въ силахъ, такъ что думалъ еще служить вчерашняго числа. Прошедшую ночью болѣзнь усилилась, сегодня утромъ архіепископъ исповѣдался, причастился, особорованъ масломъ и, затѣмъ, простясь со всѣми у него бывшими, тихо окончилъ жизнь»¹).

Х. Ревизія кавказскаго епархіального управлениія.

Преосвященный Іоанникій, оказавшійся, какъ мы уже видѣли²), неспособнымъ и вреднымъ на оренбургской каѳедрѣ, былъ наказанъ перенесеніемъ изъ Уфы въ Ставрополь. Но съ перемѣною мѣста не измѣнился нравственный характеръ Іоанникія, который и на новой каѳедрѣ сохранилъ всѣ свои старыя, не весьма нравственныя, привычки. Изъ Уфы онъ вывезъ своего родственника Альбанова, который въ Ставрополѣ получилъ мѣсто помощника секретаря консисторіи и сдѣлался повѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ архіерея; съ Альбановымъ близко сошелся каѳедральныи ставропольскій протоіерей Крастилевскій, начавшій вскорѣ играть роль посредника между просителями и архіереемъ. Опираясь на этихъ двухъ лицъ, Іоанникій управлялъ вѣреною ему епархіею, а они, сильные довѣріемъ къ себѣ преосвященнаго, а можетъ быть, связанные съ нимъ тайными и темными отношеніями, опредѣляли на мѣста, наказывали и награждали, брали и продавали все, что только можно было взять и продать. Духовенство кавказское, убѣдившись на опыте, что посредствомъ денегъ можно

¹) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1850 года подъ № 971, о кончинѣ архіепископа олонецкаго Венедикта и объ избраніи на его мѣсто другого.

Венедиктъ умеръ на 61 году. Государь на докладѣ графа Пратасова о смерти Венедикта написалъ только: «Избрать другаго» (См. тамъ-же докладъ оберъ-прокурора).

²) См. ревизію уфимскаго епархіального управлениія.

пріобрѣтать мѣста и награды и избѣгать наказаній, предалось корыстолюбію, пьянству и недѣятельности, и вообще начало отличаться буйствомъ, развратомъ и цинизмомъ. Обличителемъ управленія Іоанникія явился секретарь кавказской консисторіи Васильевъ—личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ нерѣдкихъ во времена Пратасовскія выкидышей изъ новосозданной оберъ-прокурорской канцеляріи, которые, надменные какими-то связями съ директорами синодальныхъ управлений, обнадеженные ихъ протекціею, снабженные отъ нихъ тайными словесными инструкціями, невѣжды почти во всемъ, а преимущественно въ юриспруденціи, являлись на секретарскія должностіи въ провинціальныя консисторіи съ огромными претензіями и корчили изъ себя оберъ-прокуроровъ. Васильевъ былъ самонадѣянъ и дерзокъ, но неостороженъ и неблагоразуменъ, золъ и властолюбивъ, но неопытенъ и непрактиченъ, мстителенъ, но неоснователенъ, и если онъ не могъ ужиться въ Одесѣ, Пензѣ и Костромѣ, то тѣмъ менѣе могъ остаться спокойнымъ въ Ставрополѣ. Характеръ епархіального кавказскаго управлія, особенно то вліяніе, какое имѣли на дѣла епархіальный Альбановъ и Крастилевскій, сильно волновали Васильева, который хотѣлъ играть въ консисторіи роль начальника надъ ея членами, позволяя себѣ обращаться съ ними какъ съ лакеями¹⁾ и не хотѣлъ ни въ чёмъ подчиняться своему архиерею. Но годы, проведенные Васильевымъ въ разныхъ перемѣщеніяхъ съ одного мѣста на другое и формальное слѣдствіе, которому онъ подвергся за свое властолюбіе, жестокость и самоуправство въ костромской консисторіи²⁾, прошли для него не даромъ и обогатили его нѣкоторою опытностью. Въ эти годы Васильевъ узналъ, что дѣйствовать можно только тогда, когда имѣешь сообщниковъ, а потому, начиная борьбу съ Іоанникіемъ, онъ старался образовать себѣ партію изъ нѣкоторыхъ членовъ кавказской консисторіи. Эти члены были: ректоръ кавказской семинаріи Іоанникій и протоіерей ставропольскаго Троицкаго собора Макарій Знаменскій, которыхъ

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло по доносамъ секретаря кавказской духовной консисторіи Васильева на тамошнее епархіальное начальство о беспорядкахъ по управлію, и въ этомъ дѣлѣ рапортъ членовъ кавказской консисторіи Крастилевскаго и Граникова, въ которомъ они жалуются Іоанникію, что секретарь Васильевъ 13-го іюня 1857 года называлъ въ присутствіи консисторіи протоіеря Гремяченскаго «торгашомъ, шабаемъ, кулакомъ» и доказывалъ, что «ему приличнѣе торговать съ бабами ломаннымъ желѣзомъ и съ цыганами лошадьми, нежели присутствовать въ консисторії».

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1849 года по жалобѣ служившаго писцомъ въ костромской консисторіи Александра Владимирова на оказанныя, будто-бы, ему секретаремъ консисторіи Васильевымъ притѣсненія.

оппозиція епархіальному архієрею проявлялась, впрочемъ, самимъ робкимъ образомъ и не шла далъе несоглашенія съ какимъ-нибудь консисторскимъ опредѣленіемъ или пересуда какого-либо слишкомъ рѣзкаго поступка преосвященнаго. Оградивъ себя этою партіею, Васильевъ началь доносить на Іоанникія. Въ своихъ рапортахъ, разновременно посланныхъ имъ графу Пратасову и Карасевскому, онъ описывалъ слѣдующія злоупотребленія по кавказскому епархіальному управлѣнію: 1) Оно допускаетъ намѣренную медленность въ рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ и, въ доказательство этого, Васильевъ приводить слѣдующій фактъ: бывшій казачьяго войска въ станицѣ Убѣжинской священникомъ Григорій Ливановъ въ 1840 году былъ преданъ новочеркасскимъ епархіальнымъ начальствомъ суду за служеніе въ февралѣ мѣсяцѣ въ пьяномъ видѣ литургіи и за буйство, а въ августѣ того-же года за воровство изъ церкви денегъ; въ 1843 году, по учрежденіи кавказской епархіи, Ливановъ перешелъ въ вѣдѣніе кавказскаго епархіальнаго начальства, а 2-го июля того-же года преосвященнымъ Іеремію, бывшимъ епископомъ кавказскимъ, уволенъ за штатъ. Между тѣмъ, по рѣшенію новочеркасской консисторіи, 11-го января 1843 года Ливановъ за благословеніе казачьихъ дѣтей Ермолаева, Кряхина и Куркина жить съ невѣстами блудно, былъ присужденъ къ отсылкѣ на смиреніе въ Черноморскую пустынѣ, впредь до окончанія о немъ другихъ дѣлъ, куда, впрочемъ, былъ высланъ не ранѣе 20-го марта, а до того времени спокойно проживалъ въ Убѣжинской станицѣ, предавался всевозможнымъ порокамъ и, несмотря на то, что запрещенъ былъ въ священнослуженіи, исправлялъ требы. Въ январѣ 1845 года Ливановъ бѣжалъ изъ Черноморской пустынѣ. По отчисленіи церквей и духовенства линейнаго казачьяго войска изъ кавказской епархіи въ вѣдѣніе оберъ-священника отдѣльнаго кавказскаго корпуса, всѣ дѣла о священнику Ливановѣ были переданы оберъ-священнику Михайловскому, который, послѣ продолжительной переписки, отказался отъ него и всѣ дѣла о немъ прислалъ обратно въ кавказскую консисторію. Такимъ образомъ, священникъ Ливановъ, шатаясь по станицамъ линейнаго казачьяго войска, присталъ къ раскольникамъ вѣтковскаго толка, которые, исправивъ его по своимъ правиламъ, взяли къ себѣ въ попы, и онъ совершалъ у нихъ всѣ требы. Наконецъ, 23-го сентября, по распоряженію наказнаго атамана князя Эристова, присланъ былъ Ливановъ въ консисторію подъ карауломъ, какъ бродяга. 2) Каѳедральный протоіерей Крастилевскій, пользуясь особыніемъ довѣріемъ Іоанникія, позволяетъ себѣ противозаконныя и стѣснительныя дѣйствія не только для духовенства, но и для самаго присутствія консисторіи; такъ, напр., оста-

навливається рѣшенія многихъ дѣлъ и даетъ имъ направлениe, согласное съ своими корыстолюбивыми видами¹). 3) Епархіальное начальство злоупотребляетъ денежными суммами — свѣчною и отпускаемою на паемъ помѣщений для епархіального управлениe. 4) Священнослужительскія мѣста раздаются не по заслугамъ, а большею частью изъ видовъ корысти; въ подтверждениe этого, Васильевъ приводитъ Попова, который изъ казаковъ, никогда не учившихся, былъ назначенъ священникомъ въ хороший приходъ. 5) Перемѣщенный изъ оренбургской консисторіи въ кавказскую коллежскій регистраторъ Альбановъ, сопутствуя преосвященному во время разѣздовъ его по епархіи, дѣлаетъ поборы съ духовенства. 6) Духовенство кавказской епархіи ведеть жизнь зазорную, а преосвященный Іоаннікій оказываетъ ему послабленіe; въ доказательство этого Васильевъ указываетъ на дѣло о священникѣ села Петровскаго Василія Алексѣевъ, который за дурные поступки приговоренъ былъ къ низведенію въ причетники, но преосвященный, взявъ съ него 600 или 700 руб. сер., отмѣнилъ рѣшеніе консисторіи и назначилъ его только на мѣсяцъ въ архіерейскій домъ. 7) Духовенство кавказское, не видя строгаго преслѣдованія преступленіямъ, дошло до такого нерадѣнія о своихъ обязанностяхъ, что заставляетъ привозить больныхъ для исповѣди и св. причастія въ церковныя ограды, и это дѣлается не только въ селахъ, но даже въ губернскомъ городѣ, на глазахъ епархіального начальства, а умершихъ хоронить безъ отпѣванія, которое совершается на могилахъ уже по прошествіи нѣсколькихъ недѣль²).

¹) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ по доносамъ секретаря кавказской консисторіи Васильева на тамошнее епархіальное начальство о беспорядкахъ по управлениe рапортъ его оберъ-прокурору св. синода объ истязаніяхъ, причиненныхъ протоіереемъ Іаковомъ Прѣображенскімъ дьячку Моздокскаго собора Петру Спиридову, а также о злоупотребленіяхъ его по сему собору и значительной растратѣ церковной суммы, гдѣ, между прочимъ, Васильевъ доносить, какъ Прѣображенскій предлагалъ ему подарки и увѣрялъ его, что въ рѣшеніи дѣла въ пользу его Васильевъ на встрѣтить препятствія ни со стороны преосвященнаго, ни со стороны консисторіи, и какъ все дѣло повернулось въ пользу Прѣображенскаго, хотя и составленъ былъ уже протоколь, совершенно его обвинявшій.

²) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапорты секретаря Васильева оберъ-прокурору графу Пратасову, Карасевскому, Сербиновичу и графу Толстому о звонарѣ Асанасіѣ Лашкѣ, укравшемъ 67 руб. изъ соборной кружки, о побояхъ, нанесенныхъ Троицкаго собора протоіереемъ Гремяченскимъ крестьянину Тамбовской губерніи Феоктисту Свищеву, о священникѣ Песчанскомъ, замѣченномъ въ дурномъ поведеніи о священникѣ Михайловой, преданномъ пьянству и отправленномъ на два мѣсяца въ монастырь, о повѣнчаніи протоіереемъ Петровымъ противозаконныхъ браковъ, о священникѣ Григоріѣ Лавровѣ, вѣнчавшемъ браки въ избѣ, притомъ несовершеннолѣтнихъ, и бросившемъ самовольно свой приходъ, и пр.

По всѣмъ этимъ доносамъ св. синодъ потребовалъ отъ Іоанникія объясненій. Въ доставленныхъ объясненіяхъ преосвященный утверждалъ, что все, доведенное секретаремъ до свѣдѣнія синода, ложь и клевета, и доказывалъ что самъ Васильевъ, напротивъ, допускаетъ слѣдующія противозаконныя дѣйствія: а) замедляетъ и ослабляетъ дѣйствія консисторіи, являясь на службу поздно, иногда даже по окончаніи присутствія, а между тѣмъ запрещаетъ чиновникамъ давать членамъ дѣла до его прихода, забираетъ дѣла къ себѣ на-домъ и удерживаетъ ихъ по полугоду и болѣе; б) произвольно составляетъ опредѣленія отъ имени консисторіи, дѣлаетъ въ подлинныхъ протоколахъ подчистки и скрываетъ данную резолюцію; в) распоряжается своевольно; такъ, между прочимъ, въ 1851 г. велѣлъ взять подъ арестъ двухъ іеромонаховъ и продержалъ ихъ въ консисторіи два дня, составивъ предварительно опредѣленіе, будто-бы по доносу на нихъ эконома архіерейскаго дома, и убѣдивъ трехъ членовъ подписать оно; г) отговаривается во взятіи съ содергавшаго подъ надзоромъ священника Образцова 40 руб. сер. за освобожденіе изъ-подъ ареста и отпускъ къ раскольникамъ. Въ заключеніе всѣхъ своихъ объясненій, Іоанникій просилъ синодъ удалить отъ него секретаря Васильева, для восстановленія надлежащаго порядка и спокойствія въ его епархіи¹⁾.

Такъ какъ сущность доносовъ Іоанникія и Васильева не могла быть иначе повѣрена, какъ посредствомъ ревизіи, то синодъ и приѣгнуль къ этой мѣрѣ; онъ назначилъ одного изъ своихъ членовъ, астраханскаго архіепископа Евгенія, произвести на мѣстѣ дознаніе обо всемъ, что доносили Іоанникій и Васильевъ другъ на друга св. синоду и его оберъ-прокурорамъ. Въ указѣ, данномъ по этому случаю, между прочимъ, находилось одно, достойное примѣчанія, наставленіе Евгению: «Производить слѣдствіе самыемъ тщательнымъ образомъ и, притомъ, по возможности, безъ излишнихъ формальностей, во избѣженіе вредной огласки²⁾.

Прежде изложенія результатовъ произведенной преосвященнымъ Евгениемъ ревизіи, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ она была исполнена, и о томъ лицѣ, которое уполномочено было синодомъ для ея производства. Обстоятельства эти были вообще неблагопріятны для Васильева. Онъ писалъ свои доносы на Іоанникія при графѣ Пратасовѣ, Карасевскомъ и Сербиновичѣ, а ревизія по этимъ доносамъ была произведена уже при графѣ Толстомъ; между тѣмъ, въ теченіе этого времени въ синодѣ многое измѣнилось: и лица, и порядокъ дѣлъ,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапорты св. синоду преосвященнаго Іоанникія.

²⁾ Тамъ-же, секретный указъ синода Евгению, отъ 30-го апрѣля 1855 года.

и воззрѣнія на лица и дѣла, вѣдѣствіе чего на іерархическія права архіереевъ стали уже смотрѣть тамъ совершенно иначе, чѣмъ при графѣ Пратасовѣ. Сверхъ того, личность самого ревизора не обѣщала ничего хорошаго для Васильева: это было лицо, до крайности недовольное Пратасовымъ и въ высшей степени проникнутое понятіями о неприосновенности іерархическихъ правъ. И дѣйствительно, надо сознаться, что ревизія произведена до такой степени пристрастно, что преосвященный Евгений даже не почелъ нужнымъ спросить тѣхъ, на кого ссылался Васильевъ, какъ на свидѣтелей, и явно и намѣренно не обратилъ вниманія на самыя поразительныя явленія, говорившія не въ пользу преосвященнаго Іоанникія. Такъ, не спрошены были ревизоромъ ректоръ кавказской семинаріи Іоанникій и протоіерей ставропольскаго Троицкаго собора Макарій Знаменскій, на томъ основаніи, какъ доносилъ синоду ревизоръ, что «они не принадлежать къ архіерейской партіи и могутъ показать не въ пользу его». Такъ точно не обращено было вниманія ревизоромъ на слѣдующее происшествіе: когда онъ вмѣстѣ съ Іоанникіемъ пошелъ осматривать мѣсто, будто-бы приобрѣтенное послѣднимъ для построенія консисторскаго зданія, и когда они стали измѣрять его саженями, то владѣтельница этого мѣста, пораженная тѣмъ, что два архіерея его мѣряютъ и, вообразивши, что хотятъ отнять ея достояніе, выбѣжала на улицу и, подошедши къ преосвященному Евгению, при всѣхъ сказала ему, что это мѣсто принадлежить ей, а не кому-нибудь другому. При такомъ образѣ производства ревизіи, неудивительно, что Васильевъ оказался безусловно и во всемъ виноватымъ, а Іоанникій почти во всемъ правымъ. Ревизія или, лучше, отчетъ о ревизіи, у Евгения состоитъ изъ сужденія 1) о лицахъ и 2) о дѣлахъ. Лица, надь которыми онъ произносить свой приговоръ—Васильевъ, члены кавказской консисторіи и преосвященный Іоанникій. Вотъ что доносилъ онъ синоду о Васильевѣ:

«а) Секретарь Васильевъ считаетъ себя лицомъ самостоятельнымъ и никому по епархіальному вѣдомству не подчиненнымъ. Къ своему епархіальному преосвященному онъ вовсе не является съ дѣлами, а отсыаетъ ихъ къ нему чрезъ консисторскаго сторожа. Также не является онъ къ преосвященному въ высокоторжественные и великие праздничные дни для должностного почтенія. Да и вообще къ православному духовенству не имѣть онъ не только никакого уваженія, но и питаетъ къ нему какую-то непонятную ненависть и злословить его всегда, и къ обезславию его изыскиваетъ даже злонамѣренныя выдумки и огласки.

«б) Характера онъ немиролюбиваго и весьма беспокойнаго, а потому и вся дѣятельность его по службѣ преимущественно направлена къ со-

ставленію протестовъ и доносовъ начальству, нежели къ благонамѣрен-
ному сотрудничеству съ епархіальнымъ начальствомъ. Да и по другимъ
епархіямъ, гдѣ онъ прежде служилъ, вездѣ, кажется, заводилъ онъ без-
покойства по своему беспокойному характеру.

«в) Къ тому-же, онъ чрезвычайно раздражителенъ и вспыльчивъ и
весьма дерзокъ не только на словахъ, но и въ официальныхъ бумагахъ
противъ членовъ консисторіи и даже противъ особы самого епархіаль-
наго преосвященнаго. Также онъ, Васильевъ, необыкновенно упрямъ и
при слушаніи дѣлъ въ присутствіи консисторіи, въ случаѣ несогласія
членовъ съ его мнѣніемъ, онъ, увлекаясь духомъ запальчивости, часто
выходить изъ границъ благопристойности. А къ двумъ старшимъ чле-
намъ консисторіи: каѳедральному протоіерею Крастилевскому и прото-
іерею Гремяченскому, питаетъ сильную и непримиримую вражду за то,
что они, какъ болѣе опытные въ дѣлахъ, противодѣйствуютъ деспоти-
ческому преобладанію его, Васильева, въ рѣшеніи дѣлъ.

«г) Секретаря Васильева ненавидятъ всѣ чиновники и канцелярскіе
служители кавказской духовной консисторіи, по худому обращенію его
съ ними. Ненавидить его и духовенство кавказской епархіи за беспокой-
ный его характеръ.

«д) Секретарь Васильевъ ведеть жизнь разгульную: каждый день
или онъ въ гостяхъ, или у него гости, съ которыми просиживаетъ цѣлые
ночи. Просыпается онъ не раньше 11-го часа утра, а оттого и въ конси-
сторію приходить онъ всегда поздно. Нѣтъ сомнѣнія, что и отъ такой
разгульной жизни секретаря Васильева дѣла по кавказской консисторіи
идутъ неуспѣшно.

«е) Секретарь Васильевъ, и въ костромской консисторіи служивши,
какъ видно изъ дѣла, производившагося тамъ о немъ, также поздно хо-
дилъ въ духовную консисторію и множество забиралъ къ себѣ дѣлъ на
квартиру и удерживалъ у себя на долгое время и чрезъ то останавливалъ
течение дѣлъ консисторскихъ. Отъ этой худой и вредной для службы при-
вычки онъ, Васильевъ, и теперь не отсталъ.

«ж) Съ другой стороны, обращая вниманіе на подлинныя объяснен-
ія секретаря Васильева, представленныя мнѣ по истребованнымъ мною
изъ кавказской духовной консисторіи разныемъ дѣламъ, я нахожу въ
этихъ объясненіяхъ совершенное отсутствіе здравой логики, несвязность,
безсмыслицу, пустословіе и примѣсь всякой всячины, къ дѣлу не при-
надлежащей, и хотя я неоднократно и словесно напоминалъ ему, Васи-
льеву, и письменно подтверждалъ, чтобы онъ на всѣ запросы, отъ меня
ему предлагаемые, отвѣчалъ ясно, кратко и безъ всякихъ окличностей,

но онъ продолжалъ наполнять свои объясненія разными разностями несвязными, голословными, околесными и посторонними; а потому невольно прихожу къ той мысли и къ такому заключенію, что онъ, Васильевъ, неспособенъ даже къ порядочному составленію дѣловыхъ бумагъ, тѣмъ менѣе къ прохожденію секретарской должности»¹⁾.

О членахъ консисторіи, за исключеніемъ тѣхъ, которые не принадлежали къ партіи Іоанникія, Евгений отзываетъ совершенно иначе. «Всѣ члены кавказской духовной консисторіи, пишетъ онъ далѣе въ своемъ рапортѣ синоду, кромѣ ректора семинаріи, въ судейскихъ дѣлахъ свѣдущи, а особенно отличается опытностію въ дѣлахъ каѳедральный протоіерей Константинъ Крастилевскій; но, къ сожалѣнію, между членами консисторіи нѣтъ единодушія. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно: ректоръ семинаріи архимандритъ Іоанникій, и протоіерей Макарій Знаменскій, пристали къ партіи секретаря Васильева. Изъ нихъ первый, по видимому, держится стороны епархіального преосвященнаго, но тайно потворствуетъ враждебнымъ видамъ секретаря Васильева противъ епархіального начальства; а второй, т. е. Знаменскій, возсталъ явно противъ своего архипастыря, будучи оскорблѣнъ тѣмъ, что преосвященный подвергъ его слѣдствію и суду за утайку кружечныхъ братскихъ доходовъ. Ректоръ-же присталъ къ партіи секретаря Васильва изъ опасенія, чтобы Васильевъ, какъ привязчивый ко всему и всегда готовый къ допросамъ, не очернилъ и его предъ высшимъ начальствомъ и не повредилъ службѣ его. И сія-то неблагонамѣренная партія, которой главнымъ коноводомъ есть секретарь Васильевъ, дѣлала мнѣ немало затрудненій, при производствѣ порученнаго мнѣ слѣдствія»²⁾.

Что касается Іоанникія, то ревизоръ написалъ ему просто панирикъ. «Кавказскій преосвященный Іоанникій, имѣя отъ рода 65 лѣтъ, неусыпно занимается дѣлами епархіального управленія. По всѣмъ дѣламъ, къ нему представляемымъ, не только даетъ онъ своевременные резолюціи, но и весьма часто дѣлаетъ по онимъ напоминанія, настоянія и подтвержденія консисторіи и секретарю. Онъ знаетъ хорошо законный порядокъ и опытенъ въ дѣлахъ; онъ твердаго ума и воли и самъ подробно вникаетъ во всякое дѣло и не позволяетъ никому изъ своихъ подчиненныхъ владѣть собою въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, и еслибы секретарь Васильевъ благонамѣренно содѣствовалъ епархіальному начальству, то

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ рапортъ Евгения св. синоду, отъ 20-го июня 1856 года.

²⁾ Въ томъ-же рапортѣ.

дѣла епархіального управлениія текли-бы безостановочно и успѣшно. Преосвященный Іоанникій ведеть жизнь благочестивую и строгую. У всѣхъ онъ въ большомъ уваженіи и любимъ своею паствою» ¹⁾.

Въ заключеніе этого рапорта, ревизоръ предлагаетъ слѣдующія мѣры къ возстановленію законнаго порядка въ кавказскомъ епархіальномъ управлениі: «1) Назначить въ кавказскую духовную консисторію другаго секретаря, благонамѣренаго и дѣятельнаго; 2) секретаря Васильева, по неспособности и ненадежности къ прохожденію секретарской должности, вовсе уволить отъ службы по духовному вѣдомству; 3) члена консисторіи, протоіерея Макарія Знаменскаго, какъ имѣющаго постоянную и нѣпримиримую вражду къ членамъ-же консисторіи: каѳедральному протоіерею Крастилевскому и протоіерею Гремяченскому, и составляющаго съ секретаремъ Васильевымъ одну враждебную партію противъ епархіального начальства и по качествамъ не одобряемаго епархіальнымъ преосвященнымъ, вовсе отрѣшить отъ присутствія и званія члена консисторіи. И нѣтъ никакого сомнѣнія, заключаетъ преосвященный Евгений, что съ удаленіемъ этихъ двухъ лицъ—Васильева и Знаменскаго—возстановится законный порядокъ и совершенное спокойствіе въ кавказской епархіи и дѣла епархіального управлениія пойдутъ успѣшно» ²⁾.

Сужденіе ревизора о дѣлахъ, или точнѣе, о безпорядкахъ по кавказскому епархіальному управлению совершенно соотвѣтствуетъ отзыву его о вышепоказанныхъ лицахъ. Все то, что Васильевъ называлъ безпорядкомъ, подъ первомъ Евгенія является или чистою клеветою или преувеличеніемъ. Такимъ образомъ, въ рапортѣ своемъ синоду Евгений называлъ клеветою оговоръ Васильева во взятіи Іоанникіемъ со священника Алексѣева 600 или 700 р. сер. «Вслѣдствіе такового оговора, доносилъ онъ синоду, чрезъ состоящаго при мнѣ члена астраханской духовной консисторіи, протоіерея Василия Мартинова, подъ строжайшимъ секретомъ спрошены были 18-го ноября 1855 года порознь члены консисторіи, протоіереи: Крастилевскій, Граниковъ, Сухаревъ и Гремяченскій, а села Петровскаго священникъ Василий Алексѣевъ—28-го ноября. Первый изъ нихъ, протоіерей Крастилевскій, по сану священства объяснилъ, что священникъ Алексѣевъ состоялъ подъ судомъ и дѣло о немъ рѣшено консисторіею сообразно обстоятельствамъ, которое и представлялось на утвержденіе, но говорилъ-ли протоіерей Гремяченскій, что по сему дѣлу были даваемы кому-либо деньги, и сколько, онъ того не слы-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

халь и не зналъ, и самъ въ этомъ обстоятельствѣ дѣйствующимъ лицомъ не былъ. Вторый, протоіерей Граниковъ, что онъ никогда ни отъ кого не слышалъ, будто-бы взято преосвященнымъ Іоанникіемъ за милостивое рѣшеніе со священника Василія Алексѣева 600 или 700 руб. Третій, Сухаревъ, что протоіерей Димитрій Гремяченскій дѣйствительно прото-варивался о 600 руб. по дѣлу священника Алексѣева, но онъ не сказалъ ему, что эти деньги получилъ архипастырь или протоіерей Крастилевскій, а выражался, что это дѣло ему, Алексѣеву, обошлось до 600 р. сер. въ консисторіи, чтѣ, будто-бы, въ селѣ Петровскомъ высказывалъ самъ Алексѣевъ, а кому, тоже не сказалъ ему Гремяченскій; а разговоръ ихъ объ этомъ былъ не въ консисторіи, а на улицѣ. Четвертый, протоіерей Гремяченскій, что онъ не только торжественно, но и тайно не говорилъ, что преосвященный Іоанникій взялъ отъ священника Василія Алексѣева 600 или 700 руб. сер. за отмѣну рѣшенія консисторіи о немъ, Алексѣевѣ, и что дѣйствователемъ въ семъ дѣлѣ былъ, будто-бы, протоіерей Крастилевскій; но признается, что протоіерей Макарій Знаменскій неоднократно говорилъ ему о семъ. Знавши его сильную непріязнь къ особѣ его преосвященства Іоанникія, онъ всякий разъ при навѣтѣ Знаменскаго устранился отъ него съ презрѣніемъ, равно и въ присутствіи консисторіи, когда тотъ-же протоіерей Знаменскій началь оглагольствовать преосвященнаго (это было при секретарѣ Васильевѣ и болѣе никого тогда въ присутствіи не было), онъ отвѣтилъ ему презрительными улыбками и внутренно посмѣивался безсильной его клеветѣ. Самъ священникъ Василій Алексѣевъ, съ коего, будто-бы, взято было 600 или 700 рублей сер., по священству объяснилъ такъ, что онъ, за отмѣну опредѣленія консисторіи, его преосвященству Іоанникію ни одной копѣйки не давалъ, а воспользовался его милостію собственно для своихъ дѣтей, коихъ у него въ то время было восьмьеро. Ректоръ-же семинаріи, архимандритъ Іоанникій, и членъ консисторіи протоіерей Знаменскій не были спрошены,—первый потому, что находится въ непріязненномъ отношеніи къ преосвященному Іоанникію, въ которое онъ поставилъ себя при спросѣ о поведеніи инспектора семинаріи, архимандрита Алипія, а второй, протоіерей Знаменскій, какъ единомышленникъ секретаря Васильева и также питающей неудовольствие къ преосвященному за то, что подвергъ его слѣдствію и суду за утайку братскихъ кружечныхъ доходовъ.

«По соображенію вышеизложенныхъ объясненій, пишетъ Евгеній, членовъ консисторіи и самого священника Василія Алексѣева, оговоръ секретаря Васильева есть не что иное, какъ злонамѣренная выдумка его, Васильева, съ единомышленникомъ своимъ протоіереемъ Знаменскимъ, на

преосвященного Иоанникія, дабы чѣмъ-нибудь повредить чести своего архипастыря. Ибо самъ священникъ Алексѣевъ по священству объяснилъ, что онъ преосвященному не давалъ за это дѣло ни одной копѣйки, а воспользовался милостію его собственно для осьмерыхъ дѣтей; протоіерей же Гремяченскій ссылку на него секретаря совершенно отвергъ, а эту злостную огласку на преосвященного Иоанникія относить прямо къ протоіероу Знаменскому, который и говорилъ это въ присутствіи консисторіи при секретарѣ Васильевѣ. Хотя-же протоіерей Сухаревъ и объяснилъ, что протоіерей Гремяченскій, будто-бы, проговаривался ему, что дѣло священнику Алексѣеву обошлось до 600 или 700 руб. сер., но опредѣленно ничего не сказалъ, а болѣе вопреки оговору секретаря: а) что протоіерей Гремяченскій говорилъ ему о семъ не въ присутствіи, а на улицѣ, и б) что не архипастырь взялъ деньги и не протоіерей Крастилевскій, а обошлось ему во столько въ консисторіи; в) что въ селѣ Петровскомъ, будто-бы, высказывалъ обѣ этомъ самъ священникъ Алексѣевъ, а кому именно, не сказалъ. А напротивъ, священникъ Алексѣевъ лично и по священству объяснилъ, что онъ преосвященному не давалъ ни одной копѣйки. Слѣдовательно такое неопредѣленное объясненіе протоіеря Сухарева и не можетъ быть принято за справедливое, тѣмъ болѣе, что протоіерей Гремяченскій объяснился такъ, что онъ не только торжественно, но и тайно обѣ этомъ не говорилъ»¹⁾.

Съ такой-же точки зреінія смотрѣлъ Евгений и на прочіе доносы Васильева, которые всѣ нашелъ неосновательными. «1) Донось Васильева, продолжаетъ онъ, что коллежскій регистраторъ Альбановъ, сопутствую преосвященному въ разѣздахъ по епархіи, взимаетъ поборы съ духовенства, равномѣрно ничѣмъ не доказывается, не имѣть никакого основанія и произошелъ отъ личной непріязни Васильева къ Альбанову. 2) По свѣчной и отпускаемой на наемъ помѣщеній для консисторіи суммамъ не открыто никакихъ злоупотребленій за время управленія преосвященнымъ Иоанникіемъ ввѣренною ему епархію; неправильный о семъ доносъ секретаря Васильева обнаруживаетъ одну только злонамѣренность его очернить епархіальное начальство предъ высшимъ начальствомъ и послѣдоваль уже послѣ возникшихъ между Васильевымъ и членами консисторіи взаимныхъ несогласій. 3) Причиною медленнаго производства дѣлъ по консисторіи есть недостатокъ опытныхъ чиновниковъ, но и при всемъ оно шло-бы гораздо успѣшнѣе, еслибы самъ секретарь Васильевъ не полагалъ къ тому препятствій. Незаконнаго направленія дѣлъ

¹⁾ См. тамъ-же рапортъ Евгенія синоду отъ 20-го июня 1856 года.

консисторію и беспечности въ рѣшениі оныхъ, кромѣ того, что относится къ личнымъ дѣйствіямъ самого Васильева, не оказалось. 4) Между членами консисторіи протоіерей Крастилевскій не только трудился по вѣренному ему столу, но и писалъ резолюціи и по другимъ столамъ, а нѣкоторыя бумаги собственноручно записывалъ и въ докладный реестръ; извѣстъ-же Васильева, что онъ останавливается рѣшенія большей части дѣлъ и даетъ имъ согласное съ своими видами направленіе, не имѣть никакого основанія. 5) По собраннымъ свѣдѣніямъ о духовенствѣ открылось, что дѣйствительно и въ селахъ, и въ самомъ городѣ Ставрополь иногда привозятъ больныхъ къ церквамъ, но эти случаи весьма рѣдки. Причиною этого не нерадѣніе священниковъ, а закоренѣлые обычай мѣстныхъ жителей, или отчасти это бываетъ и случайно, когда прѣѣзжаютъ сторонніе люди на ярмарки, или проѣзжаютъ мимо и заболѣваютъ; дѣлаютъ-же это въ той надеждѣ, что, обратившись къ церкви, они удобиѣ и скорѣе могутъ отыскать священника и исполнить долгъ христіанскій. Есть также обычай хоронить безъ священниковъ, а послѣ поютъ погребеніе; но этотъ обычай болѣе существуетъ въ Черноморіи и на отдаленныхъ хуторахъ и при одноштатныхъ церквяхъ. Если-же встрѣчались нѣкоторые случаи, что священники, какъ, напр., Гиренко, изъ корыстныхъ видовъ не отпѣвали умершихъ, или по нерадѣнію, то та-ковые были судимы и подвергаемы законному взысканію. 6) Секретарь Васильевъ въ 1852 году доносилъ бывшему оберъ-прокурору св. синода, что въ кавказской епархіи много подсудимыхъ за дурное поведеніе лицъ духовнаго званія; что они, оставаясь долгое время ненаказанными, вдаются въ еще болѣе пороки, позорять носимый ими санъ и унижаютъ духовное состояніе не только въ глазахъ православныхъ прихожанъ, но и иновѣрныхъ азіатцевъ, которые съ презрѣніемъ указываютъ на нихъ на базарахъ и ярмаркахъ, и, въ доказательство справедливости сего, указывалъ на количество дѣлъ, въ теченіе трехъ лѣтъ рѣшенныхъ, о преступленіяхъ духовенства, и на количество дѣлъ, производящихся о безнравственности и пьянствѣ, такъ что въ одномъ 1852 году болѣе 60 человѣкъ подвергнуто взысканію въ кавказской епархіи, имѣющей только 160 церквей. По размотнѣніи мною вѣдомостей о лицахъ, подвергшихся взысканію въ 1852 году и состоявшихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по 15-е сентября 1855 года, оказалось, что секретарь Васильевъ въ первую вѣдомость включилъ 87 священно- и церковнослужителей, подвергнутыхъ взысканію въ 1852 году за разные проступки, но эти проступки были учинены не въ одинъ годъ, а въ теченіе 10 лѣтъ; по второй вѣдомости (о состоявшихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по 15-е сен-

тября 1855 года) показано секретаремъ Васильевымъ 117 человѣкъ, но въ числѣ ихъ заключаются военного вѣдомства 5 человѣкъ, исключенныхъ изъ духовнаго званія 3, умершихъ 5 и лишенныхъ духовнаго сана 2; двое показаны вдвойнѣ, нѣсколько лицъ показаны состоящими подъ судомъ за такие проступки, какъ, напр., отлучка отъ прихода безъ дозволенія благочиннаго, а одинъ благочинный показанъ состоящимъ подъ судомъ потому, что въ его благочиніи живеть священникъ, повѣнчавшій бродягъ; за вымогательства по требамъ отъ прихожанъ 13, за повѣнчаніе незаконныхъ браковъ 17, въ томъ числѣ священники, діаконы и причетники; затѣмъ, собственно за проступки противъ благоповеденія, 48 лицъ священно-и церковнослужительскаго званія. Всѣхъ-же священно-и церковнослужителей, монашествующихъ и послушниковъ, исключая заштатныхъ, въ кавказской епархіи считается 795 человѣкъ. Число лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ за проступки противъ благоповеденія, въ сравненіи съ означенною общею цифрою, хотя не такъ велико, если принять во вниманіе, что дѣла эти возникли въ разное время, начиная съ 1843 года по 15-е сентябрь 1855 года, однако и довольно значительно. Предосудительные проявляются болѣе въ духовенствѣ Черноморскаго войска, потому что тамошнее духовенство, образовавшееся изъ казацкаго сословія, находится на низкой степени просвѣщенія; впрочемъ, нынѣ вакантныя мѣста и въ Черноморіи замѣщаются окончившими курсъ семинарскаго ученія воспитанниками. Нѣть сомнѣнія, что подсудимые, оставаясь долгое время ненаказанными, могутъ вдаваться еще въ болѣе пороки, но причиной медленности въ рѣшеніи дѣлъ судныхъ и происходящаго отъ нея зла служить не дурная организація присутствія консисторіи и не грѣховность равнодушія епархиального архіерея (какъ секретарь Васильевъ выразился въ объясненіи отъ 30-го ноября 1855 года), но самъ-же Васильевъ, который не только не печется о своевременномъ докладѣ дѣлъ съ полными свѣдѣніями, но какъ-бы намѣренно задерживаетъ ихъ у себя, и изъ показанныхъ въ вѣдомости дѣлъ 34 давно-бы были кончены, еслибы секретарь не запрещалъ столоначальникамъ подавать въ присутствіе бумагъ безъ предварительного своего просмотра»¹⁾.

Послѣ такой ревизіи нечего было ожидать Васильеву и его сторонникамъ. Указъ синода, состоявшийся по этому случаю, дышалъ противъ нихъ угрозою и карою. «Секретарь Васильевъ, говоритъ онъ, доносившій о разныхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по дѣламъ кавказской кон-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указы синода отъ 12-го октября 1856 года и 17-го мая 1857 года.

систорії и епархіальному управлению и важностю своїхъ доносовъ вынудившій къ повѣркѣ оныхъ особимъ порядкомъ, чрезъ личное на мѣстѣ изслѣдованіе и обозрѣніе дѣлъ синодальнимъ членомъ, преосвященнымъ архіепископомъ Евгеніемъ, бывшимъ астраханскимъ, оказывается главнымъ виновникомъ всѣхъ беспорядковъ, допущенныхъ по производству дѣлъ въ консисторії; что отъ его собственно дѣйствій происходятъ и медленность, и неправильное направлениe дѣлъ; онъ вышелъ изъ всякаго подчиненія мѣстному епархіальному архіерею, не оказывается ему должнаго уваженія и составилъ противъ него враждебную партію, склонивъ на свою сторону двухъ членовъ консисторії; что, вмѣсто исполненія существенныхъ своихъ обязанностей, онъ вдался въ составленіе доносовъ, большею частію вовсе несправедливыхъ, вопреки долгу службы, во вредъ и беспокойство въ епархіи и къ напрасному обремененію вышаго начальства; что онъ даже дозволилъ себѣ дерзкую клевету на епархіальнаго своего архіерея, приписавъ ему безъ всякаго основанія неправильныя распоряженія, по вліянію на него, будто-бы, нѣкоторыхъ подчиненныхъ лицъ, потворство порочному духовенству и самое даже лихоміство; что Васильевъ не удержался отъ беспорядковъ, своеволія и злословія и послѣ перемѣщенія его изъ костромской консисторії въ кавказскую, вслѣдствіе оглашенія его въ разныхъ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, и что изъ членовъ кавказской консисторії архимандритъ Іоанникій и протоіерей Знаменскій, постыдно присоединяясь на сторону Васильева во враждебныхъ его замыслахъ, потеряли чрезъ то довѣріе къ нимъ начальства и подлежатъ осужденію за возстаніе противъ іерархической власти. По таковымъ основаніямъ и уваженіямъ, св. синодъ опредѣляетъ: I) секретаря кавказской духовной консисторії, коллежскаго секретаря Александра Васильева, какъ неблагонадежнаго къ дальнѣйшему прохожденію занимаемой имъ должности, на основаніи 3-го примѣч. къ 1203 ст. Уст. о служ., въ XV продолж. III т. Св. Зак., изд. 1842 г., отъ службы по духовному вѣдомству уволить съ аттестатомъ; предоставить г-ну оберъ-прокурору св. синода, графу Александру Петровичу Толстому, сообщить о семъ уставовленнымъ порядкомъ инспекторскому департаменту гражданскаго вѣдомства. II) Ректора кавказской духовной семинарії, архимандрита Іоанникія, уволить какъ отъ присутствованія въ консисторії, такъ и отъ лежащихъ на немъ по семинаріи должностей и назначить настоятелемъ третьекласснаго Щацкаго Чернѣева Николаевскаго монастыря тамбовской епархіи, предоставивъ распоряженіе о снятіи съ него училищныхъ должностей духовно-учебному управлению при св. синодѣ. III) Настоятеля ставропольскаго Троицкаго собора, протоіерея Макарія

Знаменского, устранивъ отъ должности члена консисторіи, перевестъ изъ города Ставрополя на другое мѣсто, по усмотрѣнію преосвященнаго»¹⁾).

Но такъ какъ было-бы совершенно неприлично, еслибы синодъ вовсе оставилъ безъ вниманія безпорядки по кавказскому епархіальному управлению, то поэтому онъ сдѣлалъ легкія замѣчанія членамъ консисторіи и предложилъ нѣкоторая наставленія преосвященному Іоанникию. «При семъ—продолжаетъ указъ—св. синодъ не можетъ оставить безъ вниманія, что безпорядки въ дѣлопроизводствѣ кавказской консисторіи происходятъ не отъ одного секретаря Васильева, но виновниками таковыхъ оказываются и члены консисторіи, коими не соблюдается даже узаконенный порядокъ присутствованія: такъ, одни изъ нихъ приходятъ въ консисторію ранѣе, а другіе позже узаконеннаго времени, и уходятъ изъ оной несвоевременно, по собственному произволу; вслѣдствіе сего поручить преосвященному кавказскому, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на дѣлопроизводство консисторіи, какъ на важнѣйшее основаніе епархіального управления, и наблюдалъ-бы, чтобы присутствіе консисторіи начиналось въ 9 или 10 часовъ утра, согласно существующему на сей предметъ закону, и продолжалось-бы смотря по теченію дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ члены консисторіи являлись въ присутствіе и выходили изъ оного въ одно время и отнюдь не дозволяли-бы себѣ удаляться изъ присутствія, когда кому вздумается.

«По поводу замѣченного недостатка нравственныхъ качествъ во многихъ изъ духовныхъ лицъ кавказской епархіи, поставить въ обязанность преосвященному Іоанникию: 1) войти въ ближайшее соображеніе, не представится-ли возможнымъ нынѣшніе обширные округи благочиній, для удобнѣйшаго надзора за поведеніемъ приходского духовенства, раздѣлить на меньшія пространства, или-же опредѣлить къ благочиннымъ, гдѣ окажется нужнымъ, особыхъ помощниковъ; 2) разсмотрѣть непосредственно и съ должнымъ вниманіемъ, всѣ-ли благочинные способны и благонадежны къ прохожденію своихъ должностей, съ тѣмъ, что ежели окажутся между ними такие, которые сами, по нетвердымъ нравственнымъ правиламъ, служатъ дурнымъ примѣромъ и соблазномъ подчиненному имъ духовенству, то таковыхъ неотложно удалять отъ должностей, и 3) при обозрѣніи епархіи обращать тщательное вниманіе на нравственную сторону и образъ жизни приходского духовенства, собирая нужная для того свѣдѣнія о каждомъ лицѣ *секретнымъ образомъ подъ рукою* и свои личныя наблюденія и мѣстныя дознанія повѣрять

¹⁾ См. вышеприведенный указъ синода.

впослѣдствіи съ аттестацію благочинныхъ; въ случаѣ же, когда дойдутъ до него, преосвященнаго, неблагопріятные слухи о поведеніи кого-либо изъ духовныхъ лицъ, не оставлять оные безъ вниманія, а поручать въ то-же время ближайшему изъ надежныхъ священнослужителей повѣрить эти слухи на мѣстѣ и донести объ оказавшемся по сущей справедливости, или-же вызывать таковыхъ въ архіерейскій домъ для личнаго усмотрѣнія въ поведеніи» ¹⁾.

Наконецъ, указъ обращается и къ приходскому духовенству съ словомъ внушенія такого рода: «Подтвердить всему приходскому духовенству съ подписками, чтобы они, во-первыхъ, безъ крайней нужды и безъ вѣдома мѣстныхъ благочинныхъ отъ своихъ приходовъ отнюдь не отлучались, а получивъ на то дозволеніе благочинныхъ, поручали исправленіе по своимъ приходамъ требъ ближайшимъ священникамъ и о томъ оповѣщали въ то-же время и своихъ прихожанъ; во-вторыхъ, тѣла умершихъ погребали по церковному чиноположенію и своевременно, подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности за противное, и въ-третьихъ, существующей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай привозить больныхъ въ церкви для напутствованія св. Тайнами и погребать безъ священниковъ старались исправлять исподволь благоразумными пастырскими внушеніями» ²⁾.

Въ заключеніе, синодъ предписывалъ Іоанникію: 1) производящимся по консисторіи дѣламъ о неблаговидныхъ поступкахъ духовенства дать успѣшное и правильное теченіе; 2) имѣть строгое наблюденіе, чтобы, при повѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ и при свидѣтельствованіи суммъ, непремѣнно находились всѣ члены консисторіи и ректоръ семинаріи, назначивъ для этого предварительно известные часы, и чтобы какъ въ храненіи суммъ, такъ и въ освидѣтельствованіи ихъ, поступаемо было во всемъ согласно съ существующими на сей предметъ правилами и постановленіями ³⁾.

XI. Слѣдствіе надъ архангельскимъ епископомъ Варлаамомъ.

Слѣдствіе надъ преосвященнымъ Варлаамомъ было вызвано не церковно-административно его дѣятельностю, но личными его отношеніями

¹⁾ См. вышеупомянутый указъ.

²⁾ Въ томъ-же указѣ.

³⁾ Въ томъ-же указѣ.

къ архангельскому военному губернатору Бойлю, и на этомъ основаніи оно помѣщается непосредственно за ревизіями епархіальныхъ управлений. Своеобразная личность Варлаама и обстоятельство, подавшее по-водь къ производству надъ нимъ слѣдствія, представляютъ много любопытнаго. Грубый, своенравный, религіозный фанатикъ, готовый положить на костры и плахи всѣхъ, не раздѣляющихъ его убѣждений¹), суевѣръ²), вѣрящий снамъ, врагъ всякой новизны, какъ-бы она ни была полезна, видящій въ каждомъ отступлениі отъ рутины вольнодумство и ересь³), а между тѣмъ самъ обличенный синодомъ въ нѣкоторыхъ неправославныхъ миѳніяхъ, смотрящій на просвѣщеніе, какъ на заразу и порчу нравственности, совѣтующій прибѣгать къ насилию и полицейскимъ мѣрамъ для распространенія и утвержденія православія, запальчивый, любящій вмѣшиваться не въ свои дѣла, упрямый до смѣшнаго⁴), готовый идти на ножъ изъ-за своихъ убѣждений, хотя-бы они были ошибочны—вотъ портретъ Варлаама.

¹⁾ Когда производилось здѣсь въ Петербургѣ дѣло о налитографированіи русского перевода Библіи, тогда Варлаамъ, будучи членомъ слѣдственной комиссіи по этому дѣлу, открыто говорилъ, что о. Павскаго, какъ главнаго виновника этого еретического беззаконнаго перевода, слѣдовало-бы сжечь въ срубѣ.

²⁾ Однажды на тропинкѣ, ведущей изъ архіерейскаго дома въ баню, Варлаамъ увидѣлъ такъ-называемый гашникъ отъ портковъ, чтѣ привело его въ смущеніе и неистовство. Началось розысканіе о томъ, кому принадлежитъ эта вещь. По слѣдствію открылось, что владѣтель этой вещи былъ пѣвчій изъ архіерейскаго хора, который, распарывая свои износившіеся портки, бросилъ гашникъ отъ нихъ на тропинку, какъ вещь ему болѣе ненужную. Бѣднякъ и не думалъ, что эта ветошь будетъ причиной его несчастія и что на него взведутъ обвиненіе въ намѣреніи «испортить» архіерея. А между тѣмъ это случилось: Варлаамъ, подозрѣвая, что пѣвчій хотѣлъ его «испортить», приказалъ подъ розгами допрашивать несчастнаго, съ какою цѣлью онъ бросилъ свой гашникъ на тропинку, по которой, зналъ, что будетъ проходить архіерей. Безвиннаго преступника сѣкли по три раза въ день розгами, но не могли этимъ вынудить сознанія и наконецъ оставили его въ покой.

³⁾ Профессоръ пензенской семинаріи Рязановъ заподозрѣнъ былъ Варлаамомъ и ректоромъ семинаріи Евпсихіемъ въ вольнодумствѣ и еретичествѣ за то, что выпустилъ изъ риторики Бургія *хріи*, обращался человѣчно съ семинаристами и давалъ имъ темы для сочиненій изъ жизни дѣйствительной, какъ, напримѣръ, описание святокъ, лѣта и т. под., а не изъ свящ. Писанія.

⁴⁾ Во время нахожденія Варлаама викаріемъ въ Киевѣ, ему однажды, послѣ обѣдни, вздумалось заѣхать къ тамошнему генералъ-губернатору Бибикову, съ которымъ онъ уже успѣлъ поссориться и даже серьезно. Докладываютъ Бибикову, что преосвященный викарій хочетъ его видѣть.

«Не могу принять, скажи ему», кричить Бибиковъ своему лакею. Лакей букваль-

Съ такимъ характеромъ Варлаамъ нигдѣ не могъ снискать себѣ расположения. Покойный кіевскій митрополитъ Филаретъ, у котораго онъ въ санѣ викарія началь свое архіерейское служеніе, былъ чрезвычайно радъ, когда наконецъ его назначили въ Архангельскъ: такъ надоѣль онъ ему своими выходками и упрямствомъ. Пріобрѣтя самостоятельность, Варлаамъ сдѣлался свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣзкія выраженія въ годовыхъ отчетахъ о состояніи ввѣренной ему епархіи, грубая правдивость, а болѣе всего нелѣпыя и сумасбродныя требованія вывѣли изъ терпѣнія синодъ, который сдѣлалъ ему выговоръ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. «Св. синодъ, говорится въ указѣ, посланномъ къ Варлааму, разсмотрѣвъ всѣ его требованія и предположенія, опредѣляетъ: 1) Увѣдомить преосвященнаго, что онъ можетъ, если признаетъ нужнымъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ управляемой имъ епархіи, войти по узаконенному порядку съ особыми представленіями о постройкѣ зданій для духовныхъ правленій, обѣ открытии уѣзднаго училища и обѣ увеличеніи числа приютовъ, съ яснымъ доказаніемъ представляющейся необходимости и приложеніемъ всѣхъ нужныхъ для подробнѣйшаго обозрѣнія каждого предмета справокъ; а по предположенію о требованіи раскольническихъ дѣтей въ училища отнюдь не приступать ни къ какимъ дѣйствіямъ, строго исполняя правила, предписанныя въ отношеніи раскольниковъ въ секретномъ циркулярномъ указѣ св. синода отъ 5-го апрѣля 1845 года. 2) По предположенію его, преосвященнаго, касательно пересмотра и исправленія богослужебныхъ церковныхъ книгъ, изъяснить ему, что св. синодъ съ крайнимъ прискорбіемъ усматриваетъ, что онъ, преосвященный, коснувшись предмета исправленія книгъ, обнаружилъ въ себѣ уклоненіе отъ исторіи, невниманіе къ іерархическому порядку,

но передаетъ Варлааму слова господина. «Скажи, что мнѣ непремѣнно нужно видѣть его высокопревосходительство», говорить Варлаамъ. Лакей идеть въ кабинетъ Бибикова и передаетъ ему сказанное Варлаамомъ. «Такъ скажи ему, что я въ одномъ халатѣ, а слѣдовательно не могу его принять». Несмотря на это, Варлаамъ почти насильно приталкиваетъ лакея въ кабинетъ Бибикова и опять съ тѣмъ-же требованіемъ. Взбѣшенный такою назойливостью, генераль-губернаторъ кричитъ въ бѣшенствѣ: «Такъ поди и скажи ему, что я нагой и, если онъ хочетъ, такъ пусть идеть сюда», и, съ этими словами, снимаетъ съ себя все платье, даже рубашку, приказываетъ подать себѣ сигару и въ такомъ положеніи ложится на диванъ. Когда лакей пересказалъ Варлааму, какой пріемъ готовится ему въ кабинетѣ генераль-губернатора, онъ возразилъ, что это его, какъ монаха, не соблазнить, и спокойно вошелъ въ кабинетъ Бибикова, сѣлъ противъ него на кресла и началъ съ нимъ разговаривать. И Бибиковъ, и Варлаамъ выдержали свои роли во время разговора, продолжавшагося около получаса; одинъ, нагой, лежалъ и курилъ, а другой сидѣлъ противъ него, какъ-бы не замѣчая этого.

неуважение къ соборамъ, признаннымъ нашею церковю, и неразсудительность о печальныхъ послѣдствіяхъ, какія испытала наша церковь чрезъ расколъ суемудрыхъ и несмыслищихъ людей. Онъ, преосвященный, долженъ быть представить себѣ, съ какою тщательностю и благонамѣренностию приступлено было къ исправленію книгъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ; положено было собрать всѣ древнія книги и рукописи, и это сдѣлано было съ особеннымъ тщаніемъ; положено было достать въ самой Греціи древнѣйшія книги и для сего послано было туда лицо опытное, облеченое довѣріемъ. Преосвященному должно быть вполнѣ извѣстно, сколько было прислано рукописей изъ Аѳонскихъ монастырей, сколько доставлено книгъ изъ Болгаріи, вѣрныхъ и несомнѣнныхъ. Такой приступъ къ дѣлу, столь важному, быть самыи благоразумныи и благополезныи. Затѣмъ, самая повѣрка и исправленіе книгъ происходили со всею разсудительностю и благонамѣренностию, ибо производились подъ неусыпнымъ смотрѣніемъ цѣлаго сонма святителей и другихъ опытныхъ мужей, руководимыхъ одними благонамѣренными видами и страхомъ Божіимъ; а предъ сею предусмотрительною точностю должна исчезнуть та мнимая здравая критика, которой рѣшился желать преосвященный. Послѣ всего этого, какъ могла прийти преосвященному грѣховная мысль, что исправители были люди несвѣдущіе, или управляемые западнымъ духомъ? Извѣстно, что къ дѣлу сему взяты были изъ Киева два свѣдущіе человѣка, какъ основательно знавшіе языки греческій и славянскій. Но развѣ они заражены были латинскимъ духомъ? Да и кто-бы имъ дозволилъ внести въ книги латинское учение и какъ-бы они могли сдѣлать это, когда всѣ смотрѣли съ величайшою осторожностю, дабы чего-либо не было привнесено неправаго, а тѣмъ болѣе латинскаго? Имѣя все это въ виду, преосвященный однажды увлекся разсужденіемъ до того, что будто Греція, потерявши политическое свое бытіе, потеряла и знаніе догматовъ богословскихъ, какъ будто книги церкви греческой исчезли въ то время съ лицами, какъ будто и теперь нѣть древнѣйшихъ писаній святыхъ отцевъ церкви, и какъ будто церковь греческая лишилась всѣхъ своихъ настырей, тогда какъ, напротивъ, они постоянно были и, пріѣзжая въ Россію, приносили свои знанія и укрѣпляли союзъ церкви россійской съ греческою. Что касается до примѣровъ, представленныхъ преосвященнымъ въ подтвержденіе разногласія новоисправленныхъ книгъ съ старыми и съ самими собою, то примѣры сіи ничего болѣе не доказываютъ, какъ то, что преосвященный, замѣтивши несогласіе въ словахъ, не умѣлъ сдѣлать примиренія въ сущности. Преосвященному надобно было обратиться къ

здравому разсуждению, къ благоразумію, къ опытной заботливости о чадахъ церкви, дабы обращать ихъ въ нѣдра церкви кроткими совѣтами, добрымъ ученіемъ, мирнымъ дѣйствованіемъ, а не предлагать средства, которыми можно разодрать одежду церкви. Гдѣ-же послѣ сего та вѣра, то повиновеніе, которыя каждый православный христіанинъ, а особенно пастырь, долженъ оказывать соборнымъ постановленіямъ? Гдѣ та заботливость, та святительская ревность и любовь, которыми должно врачевать, а не растревлять раны, должно предотвращать печальные раздоры въ членахъ церкви, а не возобновлять ихъ? Все сіе поставить на видъ преосвященному, съ присовокупленіемъ, что св. синодъ надѣется не встрѣтить ничего подобнаго въ дальнѣйшихъ мѣнніяхъ и дѣйствіяхъ его, преосвященнаго, и что онъ будетъ поступать впредь какъ пастырь разсудительный и благоразумный» ¹⁾.

Къ несчастію Варлаама, война 1853—1856 г.г. застала его въ Архангельскѣ. На такого фанатика и энтузіаста, каковъ былъ онъ, военные событія произвели-бы сильное впечатлѣніе даже и тогда, когда театръ ихъ находился-бы вдали отъ него, а тутъ непріятельскіе корабли начали крейсеровать на Бѣломъ морѣ, въ предѣлахъ епархіи Варлаама; монастырь Соловецкій подвергся бомбардированію англо-французовъ, около Колы явились англійскіе пароходы, непріятели дѣлали промѣры въ рѣкахъ, выходили на берегъ, въ двухъ мѣстахъ входили въ храмы Божіи, снимали колокола, похищали изъ церквей деньги. Всѣ эти происшествія въ совокупности сильно подействовали на живое воображеніе Варлаама; онъ заскідалъ вопросами мѣстное гражданское начальство, завалилъ приказаніями подчиненное ему духовенство и возмечталъ, будто только онъ одинъ и можетъ спасти Архангельскій край. Но въ то время, когда Варлаамъ былъ весь движение и беспокойство, въ военномъ и гражданскомъ мѣстныхъ начальствахъ царствовали, по его понятію, совершенная апатія, преступная и подозрительная недѣятельность. Отъ чего-же происходит это? спрашивалъ онъ себя, и отвѣчалъ на этотъ вопросъ такъ: «Бойль по происхождению англичанинъ, а по вѣрѣ не православный, слѣдовательно онъ естественно долженъ сочувствовать своимъ соотечественникамъ и единовѣрцамъ-англичанамъ, а не русскимъ, желать успѣха нашимъ врагамъ и ясно, что Бойль измѣняетъ: вотъ онъ оставляетъ безъ защиты монастыри, не извѣщаетъ его о своихъ распоряженіяхъ, не приказываетъ крестьянамъ защищать церкви и спасать церковное имущество, а оттого крестьяне, при первомъ появленіи непріятельскихъ кораблей, бѣгутъ, забравши свое иму-

¹⁾ См. въ св. синодѣ секретный указъ 2-го декабря 1846 года за № 125.

щество, въ лѣсъ, а не хотять ни защищать храмовъ Божіихъ, ни спасать церковнаго достоянія». Мысль объ измѣнѣ Бойля сдѣлалась господствующею въ умѣ Варлаама, превратилась въ кошмаръ, который не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, думалъ Варлаамъ, медлить нечего, каждая минута дорога, и на этомъ основаніи онъ послалъ доносъ военному министру на Бойля въ томъ, что со стороны его не принято никакихъ мѣръ къ оборонѣ монастырей: Соловецкаго, Онежскаго, Крестнаго и Никольскаго Корельскаго, и что ружья у архангельскихъ гарнизонныхъ батальоновъ и инвалидныхъ командъ прибрежныхъ пунктовъ никуда не годятся¹). Катенинъ, управлявшій въ то время военнымъ министерствомъ за Чернышева, просилъ Бойля сдѣлать нужные распоряженія къ удовлетворенію ходатайства преосвященнаго Варлаама и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказать освидѣтельствовать ружья, какъ архангелогородскихъ гарнизонныхъ батальоновъ, такъ и инвалидныхъ командъ прибрежныхъ пунктовъ Архангельской губерніи и, въ случаѣ негодности оныхъ, замѣнить ихъ изъ числа доставленныхъ въ Архангельскъ для вооруженія прибрежныхъ жителей 3669 ружей²). Доносъ Варлаама задѣлъ за живое Бойля. Отвѣчая или, лучше, оправдываясь предъ военнымъ министромъ, онъ не счелъ за нужное щадить Варлаама и писалъ, что преосвященный, «разстраиваетъ себя тѣмъ, что, предаваясь напрасной и непомѣрной боязни непріятельскаго нападенія, вѣрить происходящимъ отъ этого страха тревожнымъ снамъ и вступаетъ въ откровенную бесѣду о настоящихъ политическихъ дѣлахъ съ людьми, до такой-же степени боязливыми и такъ же мало понимающими военное и морское дѣло, какъ самъ преосвященный. Въ этихъ бесѣдахъ епископъ Варлаамъ и съ своей стороны высказываетъ свои, ни на чёмъ не основанныя, опасенія, и даже въ произносимыхъ въ церквяхъ проповѣдяхъ, увлекаясь своими ошибочными убѣжденіями, бываетъ такъ неостороженъ, что словами своими не ободряетъ слушателей, какъ-бы сдѣлывало пастырю, но, напротивъ приводить въ уныніе и внушаетъ недовѣріе къ начальству, какъ передано мнѣ объ этомъ нѣкоторыми почетнѣйшими лицами Архангельска, заслуживающими полное довѣріе.

«Я всѣми мѣрами стараюсь урезонить и успокоить преосвященнаго, прошу его чаще видѣться со мною и самъ бываю у него, причемъ объ-

¹) См. въ св. синодѣ секретное дѣло о принятіи мѣръ къ отвращенію вредныхъ послѣдствій по случаю военныхъ обстоятельствъ, и въ немъ предложеніе синоду графа Пратасова отъ 23-го августа 1854 года.

²) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ копію съ рапорта архангельского военнаго губернатора Бойля военному министру, отъ 4-го августа 1854 года.

ясняю ему, какія мѣры приняты къ защитѣ края отъ непріятеля и какъ эти мѣры надежны. Но все это для него недостаточно, и главная причина его сокрушенія заключается въ томъ, что находящійся при одномъ изъ устьевъ р. Двины Никольскій монастырь, котораго онъ настоятелемъ, не защищенъ гарнизономъ и орудіями, между тѣмъ, какъ этотъ монастырь защищенъ самою природою, да и по бѣдности своей, можно быть увѣренными, не привлечетъ непріятеля, и вообще укрѣплять находящіеся на берегахъ Бѣлого моря монастыри было-бы совершенно бесполезно.

«Вашему сіятельству извѣстно, что всѣ высочайше одобренныя мѣры къ оборонѣ здѣшняго края, а также и Соловецкаго монастыря своеевременно приняты. Между тѣмъ, преосвященному и монашествующимъ изъ статистическихъ описаний извѣстно, что въ 1801 году въ Соловецкомъ монастырѣ находилось 1500 солдатъ съ полевою артиллерию подъ начальствомъ генерала Дохтурова, да и въ Архангельскѣ войска было гораздо болѣе, нежели нынѣ, а потому въ настоящее время чтобы ни было сдѣлано для монастыря и для монашествующихъ, будетъ казаться, по сравненію съ 1801 годомъ, недостаточнымъ»¹).

Отношеніе Бойля доложено было военнымъ министромъ Императору Николаю и онъ приказалъ графу Пратасову принять мѣры къ устраниенію того вреднаго вліянія, которое опасенія Варлаама могутъ имѣть на умы жителей²). Пратасовъ, 23-го августа 1854 года, предложилъ отношеніе военнаго министра съ изложеніемъ высочайшаго повелѣнія св. синоду, который, послѣ совѣщаній о томъ, что нужно дѣлать и какъ поступить съ Варлаамомъ, положилъ немедленно командировать въ Архангельскъ присутствовавшаго тогда въ синодѣ архіепископа олонецкаго Аркадія. Государь утвердилъ эту мѣру. Въ синодскомъ указѣ, данномъ Аркадію по этому случаю, предписывалось, чтобы онъ, «вникнувъ на мѣстѣ въ причины недоразумѣнія между архангельскимъ преосвященнымъ и тамошнимъ военнымъ губернаторомъ, поставилъ преосвященнаго Варлаама наставленіями своими въ надлежащія миролюбивыя отношенія къ военному губернатору, что и во всякомъ случаѣ, особенно-же въ настоящемъ времени, необходимо, и съ тѣмъ вмѣстѣ, если усмотрить надобность, даль-бы образу мыслей и дѣйствій преосвященнаго направленіе, сообразное требованіямъ нынѣшнихъ обстоятельствъ. О семъ дать преосвящен-

¹) См. въ томъ-же дѣлѣ копію съ письма вице-адмирала Бойля къ военному министру отъ 11-го августа 1854 года.

²) См. тамъ-же копію съ секретнаго отношенія военнаго министра къ оберъ-прокурору св. синода, отъ 19-го августа 1854 года, за № 552.

ному архієпископу Аркадію секретный указъ, съ приложеніемъ въ ко-
нцѣ происходившей переписки, предписавъ о томъ-же по надлежащему
и преосвященному Варлааму. За симъ, еслибы по какимъ-либо непред-
видѣннымъ причинамъ оказалось, что всѣ таковыя принятыя преосвя-
щеннымъ архієпископомъ Аркадіемъ мѣры не вполнѣ могутъ достигнуть
цѣли, въ такомъ случаѣ онъ долженъ немедленно вступить въ управле-
ніе епархіею и о томъ предъявить и вручить преосвященному Варлааму
особый, прилагаемый при семъ, на таковыи случай приготовленный указъ
о сдачѣ епархіи и немедленномъ прибытіи въ С.-Петербургъ. Но если въ
сей послѣдней мѣрѣ не будетъ предстоять надобности, то указъ сей пред-
ставить обратно св. синоду, по возвращеніи въ С.-Петербургъ. По содер-
жанію сего 2-го пункта дать преосвященному архієпископу Аркадію
особый секретный указъ. Такъ какъ все сіе порученіе дается преосвя-
щенному Аркадію секретно, подъ видомъ командированія его къ обозрѣн-
ію иѣкоторыхъ уѣздовъ ввѣренной ему олонецкой епархіи, то по сему
послѣднему предмету дать ему, преосвященному Аркадію, еще особый
указъ, съ изыясненіемъ цѣли отправленія его въ ону, съ выдачею ему
на подъемъ 1.000 руб. сер. на счетъ 20.000, на экстраординарные
расходы по духовному вѣдомству отпускаемыхъ. По возлагаемымъ на
преосвященнаго архієпископа Аркадія порученіямъ вмѣнить ему въ обя-
занность представить св. синоду донесенія сообразно съ имѣющими
открыться обстоятельствами¹⁾.

Такъ какъ св. синоду быль хорошо извѣстенъ характеръ Вар-
лаама и онъ предвидѣлъ, что послѣдній не откажется отъ мысли, въ
истинѣ которой уѣдился, то Аркадію быль данъ указъ, въ случаѣ,
если Варлаамъ не согласится примириться съ Бойлемъ, вступить самому
въ управлѣніе архангельскою епархіею, а Варлаама выслать въ Петер-
бургъ. Въ первомъ изъ своихъ рапортовъ синоду Аркадій писалъ, что
онъ съ 10-го по 17-е сентября имѣлъ ежедневно неоднократныя ке-
лейныя собесѣданія съ преосвященнымъ Варлаамомъ; въ продолженіе
этого-же времени также видѣлся четыре раза съ военнымъ губернаторомъ
Бойлемъ, два раза съ гражданскимъ губернаторомъ Фрибесомъ и
управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ Зубовымъ, по
разу съ вице-губернаторомъ, съ комендантомъ Соловьевымъ и дру-
гими служащими въ Архангельскѣ чиновниками. «Послѣ таковыхъ сви-
даній и особенно изъ келейныхъ собесѣданій съ преосвященнымъ, за-

¹⁾ См. тамъ-же указъ синода преосвященному Аркадію отъ 27-го августа 1854 года.

ключаю, что причинами недоразумѣній между преосвященнымъ Варламомъ и г. военнымъ-губернаторомъ послужили слѣдующія три обстоятельства: а) г. Бойль не всѣ свои, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, свѣдѣнія и распоряженія открывалъ преосвященному, какъ-бы желалъ сего преосвященный; б) преосвященный по нѣкоторымъ своимъ требованіямъ въ защиту нѣкоторыхъ мѣстъ епархіального управления отъ нападенія непріятелей не получалъ отъ г. военнаго губернатора желаемаго удовлетворенія; в) военный губернаторъ Бойль по происхожденію англичанинъ и по вѣрѣ пранадлежитъ къ англиканской церкви. Имѣя въ виду сіи, преосвященнымъ открытыя мнѣ причины, старался я поставить преосвященнаго Варлаама въ надлежащія, миролюбивыя отношенія къ военному губернатору, и преосвященный, оставаясь при прежнемъ недовѣріи къ военному губернатору, увѣрялъ меня, что онъ, преосвященный, миролюбивыхъ отношеній къ военному губернатору не нарушилъ и не будетъ нарушать. Преосвященный вѣрить снамъ, которымъ, какъ онъ самъ объяснялъ мнѣ, издавна ведеть запись, и имѣть нѣсколько замѣчательныхъ для него сновъ и въ настоящее время; о нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилъ и съ другими. Убѣждаясь важностію настоящихъ военныхъ обстоятельствъ, онъ, преосвященный, говорилъ проповѣди и такія, на сочиненіе которыхъ, какъ онъ самъ-же объяснялъ мнѣ, употреблялъ не болѣе часовъ двухъ предъ самою литургіею, которую совершать готовился. Въ таковыхъ, столъ поспѣшио сочиняяихъ, проповѣдяхъ могли вкрадываться мысли и выраженія, дававшія людямъ предубѣжденымъ поводъ недоразумѣвать о нѣкоторыхъ лицахъ и должностныхъ распоряженіяхъ ихъ. Преосвященный давалъ мнѣ обѣщаніе: а) о снахъ своихъ не говорить болѣе съ другими; б) проповѣди сочинять осмотрительнѣе, и в) вообще въ разговорахъ быть осторожнѣе, но обѣщаніе только словесное, котораго, при остающемся въ немъ недовѣріи къ г. военному губернатору Бойлю, признать за неизмѣнное, вполнѣ успокоительное, нельзя»¹⁾. А потому, вслѣдъ за этимъ рапортомъ и въ тотъ-же самый день, Аркадій послалъ въ синодъ другой, въ которомъ писалъ, что «Варлаамъ, при твердой своей волѣ, крѣпко увѣренъ въ своей правотѣ по настоящему обѣ немъ дѣлу; жалуясь, что якобы и военный, и гражданскій губернаторы не оказываютъ ему, преосвященному, должнаго уваженія (на что въ доказательство приводилъ мнѣ и нѣкоторые, даже недавно бывшіе случаи) и не отлагая своего къ

¹⁾ См. тамъ-же рапортъ преосвященнаго Аркадія синоду отъ 17-го сентября 1854 года.

нимъ недовѣрія, ничѣмъ не обезпечиваетъ того, что онъ, преосвященный, мое ему наставленіе относительно должностнаго дѣйствованія, при нынѣшихъ военныхъ обстоятельствахъ края, соблюдетъ вполнѣ. По симъ причинамъ нельзѧ съ основательностію предполагать, чтобы принятая мною мѣры наставленія преосвященному Варлааму, епископу архангельскому, о которыхъ доношу я св. синоду отъ сего-же 17-го числа за № 262, относительно должностнаго дѣйствованія при нынѣшихъ военныхъ обстоятельствахъ края, вполнѣ могли достигнуть цѣли, вслѣдствіе чего, на основаніи помянутаго за № 8598 секретнаго указа, рѣшился я вступить въ управление архангельскою епархіею впредь до повелѣнія и, вмѣстѣ съ симъ, сдать въ архангельскую духовную консисторію указъ св. синода за № 8599, отъ 28-го минувшаго августа, для надлежащаго по оному распоряженія, и о томъ предъявилъ и вручилъ преосвященному Варлааму особый на его имя за № 8600 изъ св. синода указъ о сдачѣ епархіи и немедленномъ прибытіи въ С.-Петербургъ» ¹⁾.

17-го сентября объявленъ былъ Варлааму указъ о сдачѣ епархіи Аркадію, а на другой день Варлаамъ доносилъ синоду, что «указъ сей его высокопреосвященствомъ врученъ мнѣ лично 17-го сентября, въ 3 часа пополудни, послѣ уже недѣльнаго проживанія его высокопреосвященства въ моемъ домѣ и послѣ постоянныхъ бесѣдъ объ исполненіи другаго указа св. синода, врученнаго 10-го сентября его высокопреосвященствомъ. Нижайше рапортую св. синоду о полученіи сего втораго указа, честь имѣю присовокупить, что какъ скоро духовная консисторія, съ распоряженія его высокопреосвященства, сдѣлаетъ свое постановленіе касательно сдачи архангельской епархіи въ управление ему, а также и о пересмотрѣ всего имущества архіерейскаго дома и о сдачѣ онаго кому слѣдуетъ, и коль скоро всеблагій Господь поддержитъ мое здоровье при истинно тревожныхъ для меня обстоятельствахъ, то я, въ исполненіе указа, поспѣшу явиться въ С.-Петербургъ къ усмотрѣнію моего благопечительнѣйшаго начальства» ²⁾.

Вслѣдствіе двухъ означенныхъ рапортовъ Аркадія, синодъ приказалъ ему оставаться въ Архангельскѣ, управлять тамошнею епархіею впредь до особаго распоряженія, озаботиться устраниеніемъ возникшихъ недоразумѣній въ сношеніяхъ мѣстныхъ епархіального и гражданскаго начальствъ и

¹⁾ Тамъ-же второй рапортъ преосвященнаго Аркадія синоду.

²⁾ См. тамъ-же рапортъ преосвященнаго Варлаама синоду отъ 18-го сентября 1854 года.

установить ихъ на будущее время соотвѣтственно нынѣшнимъ обстоятельствамъ. О томъ же, что до сего времени открылось и что еще будетъ открыто, донесть св. синоду съ должною подробностью и съ своими соображеніями. А Варлааму тутъ-же снова подтверждалось, чтобы онъ, на основаніи переданнаго ему преосвященнымъ Аркадіемъ указа св. синода, вытребовавъ себѣ откуда слѣдуетъ подорожную и получивъ прогонныя деньги изъ имѣющихъ съ вѣдѣніи епархиальнаго начальства суммъ, отправился неотложно въ С.-Петербургъ и, по прибытіи сюда, занять на Ярославскомъ подворьѣ отведенное ему помѣщеніе и донесъ о томъ св. синоду¹⁾.

Варлаамъ, еще ранѣе этого указа, выѣхалъ изъ Архангельска; дорогу въ Петербургъ совершилъ на свой счетъ; по прибытіи въ столицу, остановился на Ярославскомъ подворьѣ и только спустя 3 недѣли послѣ своего пребыванія въ Петербургѣ онъ осмѣлился «всепокорнѣйше просить св. синодъ о томъ, не благогодно-ли будетъ сдѣлать отеческое и милостивое распоряженіе о возвратѣ ему прогоновъ здѣсь въ Петербургѣ, по нахожденію его въ столицѣ уже болѣе трехъ недѣль и на своеемъ совершенно отчетѣ и съ двумя еще людьми при немъ, взятыми для дороги и для прислуги изъ Архангельска—однимъ священникомъ и однимъ штатнымъ служителемъ архангельскаго архіерейскаго дома»²⁾). Неудивительно, что Варлаамъ такъ присмирѣлъ въ Петербургѣ. Съ перваго-же приема, сдѣланнаго ему здѣсь, онъ увидѣлъ, что приговоръ ему уже произнесенъ и что ему грозитъ увольненіе на покой. Вообще нужно сказать, что всѣ члены синода и важнѣйшіе синодальныя чиновники обошлисъ съ нимъ болѣе, нежели холодно и при первомъ-же визитѣ или дѣлали ему рѣзкіе выговоры за неблагоразумныя его дѣйствія, или давали видъ, что лучше бы онъ не пріѣзжалъ къ нимъ, или принимали его съ какою-то необыкновенною важностью и даже съ оскорбительнымъ участіемъ. Варлаамъ, видимо, смущенный этими приемами, ожидалъ трагической развязки. Если ему еще не было объявлено объ увольненіи его на покой, то единственно потому, что хотѣли соблюсти формальность и ждали результатовъ слѣдствія, производимаго оставшимся въ Архангельскѣ Аркадіемъ. Но вотъ, наконецъ, полученъ и отчетъ Аркадія о произведенномъ имъ слѣдствіи, которое было совершено не въ пользу Варлаама. Выводы или соображенія, представленные Аркадіемъ синоду по дѣлу Варлаама, заключались

¹⁾ Тамъ-же указъ синодскій архіепископу Аркадію отъ 2-го октября 1854 года.

²⁾ Тамъ-же рапортъ преосвященнаго Варлаама синоду отъ 26-го октября 1854 года.

въ слѣдующемъ: 1) Варлаамъ въ сношеніяхъ своихъ съ Бойлемъ не соблюдалъ порядка, опредѣленнаго синодальнымъ указомъ; 2) былъ неоткровененъ въ рапортахъ и донесеніяхъ синоду о своихъ распоряженіяхъ: такъ, онъ скрылъ отъ синода, что требовалъ отъ военнаго губернатора на предметъ перевозки драгоцѣнностей изъ Крестнаго монастыря въ Архангельскъ: а) *конеоя*, б) *обороны* этому монастырю такой-же, какая назначалась для Соловецкаго монастыря, и в) *обязанія* городскихъ и сельскихъ правленій оказывать церквамъ и причтамъ въ мѣстахъ приморскихъ содѣйствіе къ сохраненію церковнаго имущества; 3) былъ неумѣренъ въ своихъ требованіяхъ, именно: просилъ Бойля, чтобы тотъ увѣдомлялъ его о всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, какіе могутъ развиваться по Архангельской губерніи иногда и неожиданно, и непредвидѣнно, при состояніи ея на военномъ положеніи. Отъ неумѣстности требованій преосвященнаго Варлаама произошло то, что Бойль отвѣчалъ не на всѣ его требованія, а ограничился только выясненіемъ того, что и какъ изъ церковнаго имущества перевозить слѣдуетъ, и присовокупилъ, что военный дѣйствія не могутъ быть безъ жертвъ и что допустить гласную перевозку церковнаго имущества, не составляющаго большой цѣнности, значило-бы заставить и всѣхъ жителей, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, прибѣгнуть къ сбереженію своего имущества, что непремѣнно повлекло-бы за собою болѣе беспорядки, страхъ между жителями и упадокъ общественнаго духа въ пользу непріятеля; 4) намѣренно увеличивалъ опасность; 5) явно обнаруживалъ недовѣріе къ главному начальнику края и въ самомъ себѣ показалъ тревожныя опасенія; 6) безъ основанія опорочилъ предъ св. синодомъ дѣйствія управляющаго архангельскою палатою государственныхъ имуществъ; 7) Варлаамъ только и показывалъ свою рѣвность относительно сохраненія церковнаго имущества, которая и ввела его въ обширную переписку съ главнымъ начальникомъ края, но не внушалъ духовенству и паству повиновенія мѣстному гражданскому начальству, какъ требовалось синодальнымъ указомъ. Всѣдѣствіе того, что въ распоряженіяхъ епархиальнаго начальства была какъ-бы забыта нравственная сторона духовенства и паства, произошло то, что настоятель Онежскаго Крестнаго монастыря архимандритъ Нилъ не далъ жителямъ Онеги пушекъ и допустилъ непріятеля увезти изъ оныхъ двѣ... «Не отъ того-ли, что епархиальное начальство въ самомъ начальствѣ не обратило вниманія на нравственную сторону духовенства и паства, не сдѣлало особыхъ духовенству внушеній, которыхъ-бы его и паству воодушевляли противу врага—писалъ Аркадій—никто изъ духовенства не оказалъ засвидѣтельствованныхъ кѣмъ слѣдуетъ подвиговъ къ защитѣ края—ободрѣ

ніемъ-ли народа или другою распорядительностію, а съ противной сто-
роны оказываются нѣкоторые. Никакъ нельзя думать, чтобы въ духо-
венствѣ не было достойныхъ пастырей, способныхъ и годныхъ на всякий
подвигъ въ пользу отечества при настоящихъ обстоятельствахъ, но оно
было лишено необходимыхъ наставлений, возбужденій, будучи занято
одною заботою о сохраненіи церковнаго имущества, перепискою, ожида-
ніями разрѣшений на представлениія о мѣрахъ къ сохраненію онаго»¹⁾.

Но когда дѣло Варлаама казалось совершенно потеряннымъ, когда
онъ ждалъ отъ синода только кары, вдругъ и неожиданно пришла къ нему
помощь оттуда, откуда, можетъ быть, онъ вовсе и не ожидалъ ея. Спаси-
телемъ Варлаама явился архимандритъ Соловецкаго монастыря Александръ.
Послѣ мужественной обороны этого монастыря отъ англичанъ, архиман-
дритъ Александръ сталъ львомъ и героемъ, о которомъ вездѣ говорили,
котораго подвиги вездѣ превозносили, котораго портреты раскупались
сотнями. Его вызвали въ Петербургъ и представили ко двору, гдѣ
стъ жадностью внимали, какъ непреложной истинѣ, каждому его слову, ка-
сающемуся военныхъ дѣйствій непріятелей въ Бѣломъ морѣ. Къ нему
обратились съ разспросами и по дѣлу Варлаама. Александръ, говоря о мѣ-
рахъ, принятыхъ архангельскимъ губернаторомъ для защиты Соловецкаго
монастыря, прямо отозвался, что Бойль оставилъ его вовсе безъ защиты
и показалъ въ этомъ случаѣ мало участія и много равнодушія. Къ тому-
же, самъ Варлаамъ не оставался безмолвнымъ и къ написанному имъ
прежде передавалъ устно такія обстоятельства, которыя оправдывали его
и усиливали подозрѣнія противъ Бойля; таѣ, напр., онъ разсказывалъ, что
англійскій консулъ и по объявленіи намъ войны англичанами жилъ въ домѣ
военнаго губернатора, который оказывалъ ему гостепріимство, оскорбляв-
шее патріотическое чувство русскихъ. Сверхъ того, и Императоръ Николай,
былъ теперь болѣе расположенъ въ пользу Варлаама, чѣмъ Бойля. Нако-
нецъ, скоропостижная смерть послѣдняго въ С.-Петербургѣ, воспрепятство-
вавшая получить отъ него обстоятельный объясненія по взводимымъ на
него обвиненіямъ, набрасывала какую-то тѣнь на него и какъ-бы очищала
бывшаго архангельскаго преосвященнаго. И вотъ Варлаамъ, вместо уволь-
ненія на покой, по высочайшему повелѣнію былъ переведенъ въ Пензу,
на мѣсто умершаго епископа Амвросія, а архимандритъ Александръ, по-
священный въ епископа, посланъ занять архангельскую каѳедру²⁾.

¹⁾ Тамъ-же рапортъ преосвященнаго Аркадія синоду отъ 3-го ноября 1854 года.

²⁾ Тамъ-же указъ св. синода отъ 17-го декабря 1754 года.

6) Выговоры архіерейм.

Если административныя распоряженія епархіального архіерея были неправильны и уклонялись отъ законнаго порядка и началь нравственныхъ, или если его дѣйствія влекли за собою разстройство въ епархіальномъ управлениі, то надъ виновнымъ въ такихъ преступленіяхъ обыкновенно назначались отъ синода ревизія или слѣдствіе. Но когда архіерей совершилъ только одинъ какой-либо неприличный или неблагоразумный поступокъ, или когда учиненное имъ незаконное и неправственное дѣйствіе было явленіемъ случайнымъ и не вытекало изъ общаго направленія его административной дѣятельности, тогда дѣло, по большей части, кончалось только выговоромъ или замѣчаніемъ виновному.

При изложениіи выговоровъ, полученныхъ архіерейми, какъ высочайшихъ, такъ и синодальныхъ, мы будемъ слѣдоватъ хронологическому порядку; для избѣжанія же повтореній, мы въ настоящемъ отдѣль опустимъ всѣ тѣ выговоры и замѣчанія архіереймъ, которые были обыкновеннымъ результатомъ произведенныхъ надъ ними ревизій и слѣдствій и которые нами приведены выше, въ своихъ мѣстахъ.

I. Выговоръ Антонію, епископу воронежскому.

Первый изъ архіереевъ, получившій выговоръ отъ Императора Николая, былъ преосвященный воронежскій Антоній. Поводомъ къ тому послужилъ слѣдующій неосторожный поступокъ съ его стороны: 23-го декабря 1827 года Антоній, пригласивъ къ себѣ начальника 6 отдѣленія 11 округа корпуса жандармовъ подпоковника Волкова, объявилъ ему, что въ домовой архіерейской церкви найденъ конвертъ со вложеніемъ письма къ нему и запечатанного пакета на высочайшее имя. Волковъ, полагая, что въ этомъ пакетѣ заключается пасквиль, и желая безъ потери времени приступить къ отысканію виновнаго, рѣшился, съ согласія преосвященнаго Антонія, вскрыть пакетъ и прочитать вмѣстѣ съ нимъ находившуюся въ немъ бумагу. Бумага эта, какъ видно изъ донесенія Волкова своему окружному начальнику, заключала въ себѣ необдуманныя предположенія касательно преобразованія нѣкоторыхъ частей управлениія и увѣренія, что въ случаѣ неисполненія предлагаемыхъ мѣръ вскорѣ послѣдуетъ всеобщій бунтъ.

Окружный жандармскій начальникъ препроводилъ бумагу къ Бен-

кендорфу, а Бенкендорфъ къ воронежскому губернатору для открытия ея автора. Губернаторъ черезъ нѣсколько времени донесъ шефу жандармовъ, что сочинитель помянутой бумаги найденъ и есть ученикъ воронежской семинаріи 2-го низшаго отдѣленія Евѳимъ Тараховъ, который признался ему, что онъ составилъ и переписалъ эту бумагу безъ вѣдома кого-либо и подбросилъ ее въ церковь преосвященнаго Антонія наканунѣ праздника Рождества Христова. Бенкендорфъ представилъ обѣ этомъ дѣлѣ Государю докладную записку, на которой Императоръ Николай положилъ слѣдующую резолюцію: «Сдѣлать строжайшій выговоръ подполковнику Волкову и преосвященному Антонію за то, что смѣли распечатать бумагу, писанную на Мое имя»¹). Бенкендорфъ, по принадлежности, сообщилъ обѣ этомъ князю Мещерскому, тогдашнему синодальному оберъ-прокурору, а сей послѣдній синоду, который, въ свою очередь, передалъ выговоръ Антонію.

II. Выговоръ Аарону, епископу архангельскому.

Въ 1828 году сдѣланъ былъ выговоръ архангельскому епископу Аарону. По доносу священника Михаила Каллиникова, епископъ архангельский Ааронъ, будучи приглашенъ пасторомъ и торгующимъ при тамошнемъ портѣ англійскимъ обществомъ на закладку ихъ церкви, прибылъ 11-го іюня 1828 года, въ 2 часа пополудни, въ домъ пастора, куда собирались и всѣ знатные по билетамъ. Отсюда началась церемоніальная процессія: старшина, англійскій купецъ Меккензи, несъ на подушкѣ се-ребряную бляху съ надписью, означающею время основанія церкви; за нимъ шелъ въ мантильонѣ англійскій пасторъ, послѣ него пасторъ лютеранскій въ обыкновенной одеждѣ, за ними преосвященный Ааронъ въ рясѣ, далѣе званные чиновники и граждане, какъ изъ нѣмцевъ, такъ и изъ русскихъ. На мѣстѣ церковной закладки уже находились архимандриты: крестный Неофитъ и архангельскій Анастасій, соборные: протоіерей Іоаннъ Невдачинъ, священники Федоръ Черноруцкій и Маркъ Колчинъ, протодіаконъ Василій Едовинъ, діаконъ Іоаннъ Поповъ и архіерейскіе пѣвчіе. По прибытии на мѣсто, преосвященный и всѣ поименованные духовные облачились. На восточной сторонѣ, гдѣ быть престолу, постав-

¹) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 23-го февраля 1828 года обѣ учиненіи строжайшаго выговора подполковнику Волкову и воронежскому епископу Антонію за то, что осмѣлились распечатать бумагу, адресованную на высочайшее имя Государя Императора.

ленъ быть столъ, на немъ чаша съ водою, Евангеліе и крестъ напрестольные. Во-первыхъ, пѣли водоосвященіе, положенное въ 1-й день августа, и преосвященный освятилъ воду; потомъ отслуженъ былъ молебенъ великомуученику Георгію, какъ видно, въ честь великобританскаго короля Георга IV. За симъ преосвященный читалъ молитву на основаніе храма, по прочтеніи которой проповѣдь Невдачинъ съ священникомъ Колчинымъ водрузили крестъ на восточной сторонѣ церкви, съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди твоя», а пѣвчіе пѣли концертъ «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ». Преосвященный окропилъ фундаментъ и положилъ основные камни, пасторъ—бляху, чиновники и граждане—также камни. Въ заключеніе, возглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣшему Дому и созидающимъ храмъ сей; музыка играла любимую англійскую пѣсню: «Боже, спаси короля»; въ это время архимандриты кропили фундаментъ. Стеченіе народа было большое и хотя почти всѣ стояли съ открытыми головами, но никто не молился. Нѣкоторые изъ русскихъ, приведенные въ негодованіе всѣмъ этимъ, говорили вслухъ: «Архіерей еретикъ, продалъ нашу святую вѣру: до чего мы дожили». «Нынѣ въ Архангельскѣ—писалъ Каллиниковъ—большія идуть сужденія по домамъ о семъ явномъ соблазнѣ для православныхъ христіанъ»¹⁾. Этотъ доносъ побудилъ князя Мещерскаго потребовать отъ преосвященнаго Аарона объясненій, а отъ архангельскаго губернатора уясненія фактовъ, сообщаемыхъ въ доносѣ. Хотя тотъ и другой въ своихъ отношеніяхъ къ Мещерскому изложили факты нѣсколько иначе и дали имъ другое значеніе, тѣмъ не менѣе доносъ Каллиникова оказался справедливымъ. Такъ, Ааронъ писалъ князю Мещерскому, что дѣйствительно 11-го числа июня 1828 года совершилъ онъ по чиноположенію нашей церкви молебствіе по случаю заложенія англиканской церкви, и описывалъ это дѣло такъ: «Изъ дому англійскаго пастора, гдѣ англійскій консулъ, контрѣ-адмиралъ Гамильтонъ и прочие старѣйшины просили меня совершить освященіе мѣсту по чиноположенію греко-римской церкви, такъ какъ она такового постановленія у себя не имѣть, а прибѣгаешь къ нашей церкви по особенному къ ней уваженію, пошли они съ генераль-губернаторомъ и прочими чиновниками на мѣсто, которое такъ близко, что нельзѧ было употребить экипажа, и прибыли на мѣсто

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 31-го іюля 1828 года по предложенію г. синодальнаго оберъ-прокурора, съ приложеніями о происшествіи, случившемся въ г. Архангельскѣ, при заложеніи англійской церкви, и въ немъ письмо священника архангельской Успенской церкви Михаила Каллиникова къ князю Мещерскому.

закладки, гдѣ на помостѣ уготовано было мѣсто для нашего духовенства. Поименованныя духовныя особы дожидались меня уже въ облаченіи маломъ, и я возложилъ на себя малое облаченіе и началъ водоосвященіе предъ столомъ, на коемъ находилась Божія святыня. По начатіи я совершилъ кажденіе кругомъ стола, гдѣ и водосвятная чаша находилась. Послѣ водоосвященія тотчасъ началъ я молебенъ св. великомученику и побѣдоносцу Георгію и присовокупилъ молитвы на основаніе храма по книгѣ Петра Могилы, ни въ чёмъ не дѣля измѣненія. По окончаніи молебна, при окроплѣніи мѣста святою водою, я поставилъ съ молитвословіемъ крестъ на мѣстѣ, гдѣ быть жертвоприношенію въ храмѣ, за симъ и положилъ камень въ основаніе храма, при окроплѣніи водою; послѣ подавалъ камни двоимъ архимандритамъ, за ними английскому пастору, еще английскому консулу, генераль-губернатору и г-ну Гамильтону подавая по кирпичу, дабы и они участвовали въ святынѣ. Во время каковаго дѣйствія пѣвчіе пѣли концертъ «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ? Сдѣлавъ основаніе храму, возвратились мы на мѣсто стоянія нашего и начали отпустѣть. По отпустѣ на четыре стороны дѣлали я богомольцамъ освѣніе крестомъ животворящимъ, а протодіаконъ провозгласилъ и пѣвчіе пропѣли Государю нашему и всему Августѣйшему Дому многая лѣта. Ко кресту всѣ чиновники россійскіе и английскіе для лобызанія подходили и принимали кропленіе святою водою. Народъ, коего стеченіе было немалое, во время водоосвященія и молитвы на основаніе храма молился съ подобающимъ благоговѣніемъ и всѣ иностранцы дѣлали святынѣ Божіей благоговѣйное поклоненіе, также и во время кажденія мною всѣ стояли съ открытыми главами, въ шляпѣ никто не былъ изъ предстоящихъ. По совершенніи всего дѣйствія, всѣ старѣйшины английскаго общества подходили ко мнѣ, благодарили меня и превозносили великолѣпіе обрядовъ грекороссійскія церкви, чѣмъ они были тронуты до глубины сердца. Предложеніе о музыкѣ я дозволилъ, когда уже мы ушли съ мѣста, а оная играла что-то величественное изъ духовныхъ пѣсней, что я издали могъ замѣтить¹⁾). Архангельскій генераль-губернаторъ написалъ къ князю Мещерскому почти то-же, что и Ааронъ, но свое отношеніе заключилъ слѣдующими рѣзкими выходками противъ доносчика: «Но чтобы по сему случаю исключительно была въ народѣ какая-либо молва, или негодованіе, а по домамъ продолжалось якобы сужденіе, я до получения отъ вашего сиятельства отношенія ни отъ кого не слыхалъ и полагаю совершенною ложью, скорѣе соглашаясь въ томъ, что сей при-

¹⁾ См. въ томъ-же дѣлѣ письмо преосвященнаго Аарона къ князю Мещерскому.

мѣръ благовѣнія иностранцевъ къ нашей церкви между простымъ народомъ служить неоспоримымъ ему убѣжденіемъ, что наша православная вѣра и грекороссійская церковь суть первенствующія въ мірѣ, видя всенародно, что и иностранцы при закладкѣ храма своего признали за необходимое прибѣгнуть къ церкви грекороссійской для освященія мѣста храму ихъ и просили нашего-же преосвященнаго отправить торжественно Господу Богу молебствіе по чиноположенію нашей православной церкви. Въ заключеніе всего полагаю, что доноситель о семъ происшествіи, обратившій торжественное богослуженіе въ соблазнъ, долженъ быть самъ сущій еретикъ»¹⁾). Синодъ, которому Мещерскій предложилъ и доносъ Каллиникова, и письмо Аарона, и отношеніе архангельского генераль-губернатора Миницкаго, произнесъ такой приговоръ по этому дѣлу: «Не предполагая изъ настоящаго поступка преосвященнаго архангельского никакихъ предосудительныхъ къ тому въ собственномъ лицѣ его причинъ, какія даетъ подразумѣвать доноситель происшествія священникъ Каллиниковъ въ письмѣ своемъ къ г. оберъ-прокурору и кавалеру князю Петру Сергеевичу Мещерскому, и не отвергая мысли преосвященнаго Аарона, что совершить извѣстныя молитвы, по чину православной нашей церкви, на основаніе англиканского храма, побудили его только убѣдительная просьбы англійскаго общества, по чувствованію ихъ пре-восходства и великолѣпія богослужебныхъ обрядовъ нашей церкви предъ обрядами ихъ собственной, равно не отвергая и того, что при семъ случая не только русскими, но и самими иностранцами сохранено было все должное благовѣніе, и что не было и нѣть въ народѣ столь сильнаго и столь явнаго отъ того дѣйствія соблазна, какой выставляетъ доносчикъ Каллиниковъ, поелику все то, что изложено въ доставляемомъ отъ преосвященнаго къ оберъ-прокурору свѣдѣніи, подтверждается и отзывомъ къ нему г. архангельского генераль-губернатора Миницкаго, при всемъ томъ однакожъ св. синодъ находитъ поступокъ преосвященнаго Аарона противозаконнымъ потому, во-первыхъ, что англичане случившіеся тогда въ Архангельскѣ, яко англиканскаго исповѣданія, какъ видно по самому основанію помянутаго храма, состоять въ соборныя апостольскія церкви, а правилами св. Апостолъ 45, а лаодикійскаго собора 33 постановлено: 1) «моляся съ еретики, да отлучится. Аще-же яко причетники пріемлетъ я, да извергается», и 2) «съ еретики и со отвергшимися отъ соборныхъ церкви да не помолится никто»; слѣдовательно преосвя-

¹⁾ См. въ приведенномъ выше дѣлѣ отношеніе генераль-губернатора Миницкаго къ князю Мещерскому.

щенный архангельской общениемъ съ иновѣрцами въ молитвѣ нарушилъ уже сіи правила, употребивъ существующій въ нашей церкви чинъ дѣйствія на основаніе православнаго храма при заложеніи церкви другаго вѣроисповѣданія, противнаго ученію грекороссійской церкви. И во-вторыхъ потому, что нельзя съ твердостію предположить, чтобы сіе священнодѣйствіе, совершенное при великомъ стеченіи народа, не произвело въ немъ никакого соблазна, а въ словѣ Божіемъ у евангелиста Матея, главы 18, въ стих. 7, сказано: «Горе міру отъ соблазнъ: нужда бо есть прійти соблазномъ: обаче горе человѣку тому, имъ-же соблазнъ приходитъ»; и потому св. синодъ, не извиняя ни мало преосвященнаго въ неосмотрительномъ поступкѣ его, коимъ вовлекъ онъ и другихъ служителей церкви въ одну съ нимъ вину, опредѣляетъ: поручить преосвященному Серафиму, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, объявить преосвященному Аарону отъ св. синода строжайшій за таковыи противозаконныи поступокъ его выговоръ, со внушеніемъ, притомъ, ему, что если онъ впредь когда-либо отступитъ отъ правилъ св. Апостоловъ и соборовъ и причинитъ тѣмъ соблазнъ, то, на основаніи вышеприведенаго 45 апостольскаго правила, отлученіе будетъ отъ архіерейскаго священнодѣйствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаніе будетъ неспособнымъ къ управлению епархіею. Но, не приводя въ исполненіе опредѣленія сего, предоставить г. тайному совѣтнику синодальному оберъ-прокурору и кавалеру князю Петру Сергеевичу Мещерскому доложить о семъ Государю Императору и испросить на то высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, для чего и дать къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ съ опредѣленія сего копію»¹⁾). Князь Мещерскій все дѣло о закладкѣ въ Архангельскѣ англиканской церкви, съ опредѣленіемъ синода, представилъ Государю Императору. Императоръ Николай написалъ на докладѣ слѣдующее мнѣніе о поступкѣ Аарона, замѣчательное тѣмъ, что оно выражаетъ мысль, нѣсколько отличную отъ взгляда св. синода.

«Нахожу сей поступокъ епископа Аарона весьма необдуманнымъ, хотя происшедшімъ, вѣроятно, отъ доброго намѣренія; ибо онъ могъ быти участвовать при закладкѣ оной церкви, какъ частное лицо, но не священнодѣйствовать, и еще менѣе по обряду, принятому при закладкахъ православныхъ грекороссійскихъ церквей, а потому сдѣлать епископу Аарону за таковыи его поступокъ строгій выговоръ»²⁾). На этомъ-же

¹⁾ Тамъ-же указъ св. синода.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ сообщеніе высочайшей воли чрезъ статсъ-секретаря Муравьевъ г. оберъ-прокурору св. синода князю Мещерскому.

докладъ Государь сдѣлалъ строгій выговоръ и архангельскому генераль-губернатору Миницкому за то, что онъ не только не принялъ благоразумныхъ мѣръ къ отклоненію епископа отъ подобнаго дѣйствія, но и самъ званіемъ своимъ въ томъ съ нимъ участвовалъ¹⁾). Сверхъ того, Государь далъ замѣтить, что «возсыпаніе молитвы къ Богу обще съ другими христіанами не можетъ быть предосудительно, если не дѣлается тогда нарушенія приличію обряда, каждому вѣроисповѣданію свойственаго, который надлежитъ соблюдать свято, и еще менѣе допускать къ нему соблазнъ, какъ тому, по неосторожности епископа Аарона, былъ поданъ поводъ»²⁾). Резолюція Государя объявлена была князю Мещерскому чрезъ статсъ-секретаря Муравьеву, а выговоръ Аарону былъ посланъ чрезъ митрополита Серафима, отъ имени котораго изготовлено было къ нему секретное отношеніе. Въ отвѣтъ на это отношеніе, Ааронъ написалъ къ Серафиму слѣдующее письмо: «Высокопреосвященнѣйший владыко, милостивѣйший отецъ и архипастырь! Почтеннѣйшее вашего высокопреосвященства отношеніе, отъ 28-го ноября 1828 года ко мнѣ пущенное за № 10 секретно, со строгимъ для меня выговоромъ за учиненную мною закладку англиканской церкви въ Архангельскѣ, я получилъ съ болѣзнью сердца моего и потщуся оное обратить себѣ въ наученіе, о чёмъ вашему высокопреосвященству благопочтеннѣйше симъ рапортую. Вашего святѣйшества, милостивѣйшаго отца моего и покровителя, усерднѣйшій послушникъ Ааронъ, епископъ архангельскій и холмогорскій»³⁾.

III. Выговоръ Стефану, епископу вологодскому.

Въ 1828 году Стефанъ былъ переведенъ съ волынской каѳедры на низшую вологодскую за то, какъ видно изъ синодального доклада, что въ ходѣ епархиальныхъ дѣлъ синодъ замѣтилъ медленность, въ особенности-же по устройству архіерейскаго дома⁴⁾). Стефанъ, большой хлѣбосоль, жилъ весело на Волыни, за что любили его польские паны и шляхта, такъ что съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ свѣль близкое знакомство. Вечеринки, устраиваемыя имъ, отодвинули на задній

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ письмо преосвященнаго Аарона къ митрополиту Серафиму отъ 26-го января 1829 года, за № 101.

⁴⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода докладъ 24-го ноября 1828 г., подъ № 231.

планъ епархиального дѣла и, разумѣется, такой образъ жизни преосвященнаго ни мало не соотвѣтствовалъ тѣмъ видамъ, которые наше правительство стало обнаруживать въ отношеніи Западнаго края. Государь, на синодскомъ докладѣ о переводе Стефана изъ Волыни въ Вологду, написалъ слѣдующій неодобрительный о немъ отзывъ: «Въ Волынскую губернію нужно назначить надежную особу»¹⁾). Послѣ польскаго восстания въ 1830 году многіе изъ поляковъ были сосланы въ Вологду и здѣсь они познакомились или возобновили старое знакомство съ Стефаномъ. Къ числу новыхъ его знакомцевъ принадлежалъ волынскій помѣщикъ Пининскій, первоначально содержавшійся въ с.-петербургской крѣпости за содѣйствіе польскимъ мятежникамъ къ перепискѣ съ ихъ родственниками и пріятелями, а потомъ сосланный по высочайшему повелѣнію въ Вологду, куда за нимъ послѣдовалъ и его сынъ. Между ними и Стефаномъ завязалась самая тѣсная дружба, такъ что они поселились даже въ архіерейскомъ домѣ и, когда Пининскій-сынъ по высочайшему повелѣнію былъ посаженъ на гауптвахту, то служитель архіерейскаго дома носилъ ему туда обѣдъ и ужинъ. Съ Стефаномъ познакомился также князь Гедройцъ, первоначально сидѣвшій въ динабургской крѣпости, оттуда сосланный въ Устюгъ подъ строжайшій надзоръ полиціи и, наконецъ, переведенный въ Вологду. Это знакомство Стефана съ поляками естественно обратило на себя вниманіе вологодскаго общества: начались разговоры, пересуды, толки, переданные въ столицу жандармскимъ штабъ-офицеромъ. 13-го октября 1831 г. князь Мещерскій получилъ отъ ген.-адъют. Бенкендорфа слѣдующее секретное отношеніе: «Волынскій помѣщикъ Пининскій, содержавшійся въ здѣшней крѣпости за содѣйствіе находившимся въ оной, по дѣлу о польскихъ злоумышленныхъ обществахъ, арестантамъ къ перепискѣ съ ихъ родственниками и пріятелями, сосланъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ Вологду, куда послѣдовалъ за нимъ и сынъ его. Здѣсь нашли они себѣ сильнаго покровителя въ епископѣ Стефанѣ, который даже принялъ ихъ къ себѣ въ домъ, къ крайнему негодованію вологодскихъ жителей. Таковое покровительство доставило Пининскому-отцу возможность войти въ тайное сношеніе съ генераль-маюромъ княземъ Гедройцемъ, сосланнымъ изъ динабургской крѣпости въ городъ Устюгъ подъ строжайшій надзоръ полиціи, и потомъ, когда Пининскій-сынъ, за неприличное его поведеніе, былъ, по высочайшему повелѣнію, посаженъ на гауптвахту, преосвящен-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода докладъ 24-го ноября 1828 г.. № 231.

ный Стефанъ ежедневно посыпалъ къ нему съ монастырскимъ служителемъ обѣдъ и ужинъ. Столъ предосудительное потворство епископа Стефана поляку, сосланному за преступленіе подъ надзоръ полиціи, и сыну его, обратившему на себя гнуснымъ поведеніемъ строгое, по высочайшему повелѣнію, взысканіе, возлагаетъ на меня обязанность обратить на оное вниманіе вашего сіятельства, тѣмъ болѣе, что епископъ Стефанъ переведенъ въ Вологду изъ Волынской губерніи вслѣдствіе дошедшихъ, какъ говорять, до св. синода свѣдѣній на счетъ жизни его въ Житомирѣ, несоответствовавшей его сану»¹). Князь Мещерскій потребовалъ отъ Стефана объясненій по этой бумагѣ. Преосвященный по пунктамъ разобралъ взвѣденныя въ ней на него обвиненія и каждое изъ нихъ опровергъ съ достоинствомъ, смѣло и не безъ искусства. Въ своемъ объясненіи, довольно объемистомъ, Стефанъ 1) отрицалъ тотъ пунктъ доноса, которымъ онъ обвинялся въ покровительствѣ Пининскими, утверждая: а) что былъ только знакомъ съ ними, но точно такъ-же, какъ были знакомы съ ними всѣ вологодскіе жители, не исключая даже губернатора, который вмѣстѣ съ Пининскими посыпалъ его въ день Пасхи, причемъ увѣрялъ, что отецъ Пининскій присланъ въ Вологду не подъ надзоръ полиціи, но на жительство, впредь до высочайшаго повелѣнія; б) что принималъ Пининскихъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ литургии, и то потому, что чиновники, дворяне и даже жандармскій полковникъ Дейерь, неоднократно говорили ему, что Пининскіе имѣютъ полную свободу со всѣми знакомиться и что знакомство съ ними никому не можетъ повредить; наконецъ, в) что самъ былъ очевидцемъ ласковаго обращенія съ Пининскими не только мѣстныхъ высшихъ властей и дворянъ, но даже сенаторовъ, ревизовавшихъ Вологодскую губернію, которые всѣ смотрѣли на нихъ, какъ-бы на вологодскихъ уроженцевъ. 2) Принятіе Пининскихъ въ архіерейскій домъ для квартированія Стефанъ называлъ дѣйствіемъ человѣколюбія и врожденной ему склонности дѣлать вся кому, по возможности, добро. Такъ какъ квартира, занимаемая Пининскими, была нестерпимо холодна, а сухой и теплой они не могли найти во всей Вологдѣ, по случаю появленія въ ней холеры, которая навела такой страхъ и уныніе на жителей, что никто изъ нихъ не хотѣлъ отдавать въ наемъ покоеvъ, то они, находясь въ стѣснительной крайности и, при-

¹) См. въ дѣлѣ св. синода объ учиненіи вологодскому епископу Стефану строгаго выговора за неприличные сану его поступки, списокъ съ секретнаго отношенія генераль-адъютанта Бенкендорфа къ оберъ-прокурору св. синода, отъ 13-го октября 1831 г. за № 5203.

томъ, зная, что Стефанъ въ 1829 году отвелъ помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ прибывшему тогда въ Вологду археологу Строеву съ двумя его помощниками, обратились съ нему, преосвященному, съ просьбою помѣстить и ихъ на жительство въ архіерейскомъ домѣ, и онъ, по долгу христіанскому, приказалъ отвестъ имъ три небольшія комнаты, за наемную плату въ пользу дома, въ которомъ они и жили съ октября мѣсяца 1830 года до послѣднихъ числа іюля 1831 г. 3) Что касается Гедройца, то Стефанъ писалъ, что онъ былъ введенъ къ нему Пининскимъ, который, при представлении его преосвященному, объяснилъ ему, что онъ его совсѣмъ не знаетъ и видитъ въ первый разъ въ жизни. Гедройцъ желалъ сойтись съ Стефаномъ преимущественно затѣмъ, чтобы узнать отъ него, не были-ли онъ знакомъ съ его братомъ, епископомъ Гедройцомъ. Получа отъ владыки на свой вопросъ о братѣ отрицательный отвѣтъ, Гедройцъ, будучи глухъ, продолжалъ неоднократно повторять, его, что чрезвычайно утомило Стефана, который по слабости тогда своего здоровья, не былъ въ состояніи громко говорить. Замѣтивъ это, Пининскій вывелъ Гедройца изъ комнаты Стефана, который съ тѣхъ поръ больше его не видѣлъ и только впослѣдствіи узналъ отъ губернатора, что онъ отправленъ изъ Вологды въ Устюгъ, но не подъ строжайшій надзоръ. 4) Обвиненіе, что принятіе Пининскихъ для квартированія въ архіерейскій домъ возбудило крайнее негодованіе во всѣхъ жителяхъ Вологды, Стефанъ опровергалъ такимъ образомъ: «Изъ объясненныхъ выше обстоятельствъ изволите усмотреть, ваше сиятельство, могло-ли быть какое негодованіе, когда Пининскіе почти всѣми почтѣнными лицами были любимы, въ чемъ я совершенно увѣряюсь, что никакого негодованія не было; ибо ежели-бы такое негодованіе отъ жителей гражданскихъ происходило, то гражданскій губернаторъ Брусиловъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, благоразумный, пользующійся любовію жителей Вологодской губерніи всѣхъ сословій, исключая немногихъ, ревностный и вѣрный слуга всемилостивѣшаго Государя нашего, истинный христіанинъ, управляющій десять лѣтъ Вологодскою губерніею и, можно сказать, знающій склонности каждого жителя Вологды, не могъ бы мнѣ, по его искренней откровенности, не объявить о происходящемъ отъ жителей за Пининскихъ ко мнѣ негодованіи, но сего отъ него, губернатора, мнѣ объявляю не было. А сверхъ того, еслибы о Пининскихъ начала публика разумѣть столько невыгодно, то не могли-бы долже продолжать съ ними знакомство чиновники и дворяне, но оное продолжалось и всегда они къ нимъ, Пининскимъ, бѣдили, въ томъ числѣ и жандармскій полковникъ Дейерь взаимно съ ними перегащивался». 5) Касательно доставленія кушанья архіерейскимъ служителемъ посаженному на гаупт-

вахту сыну Пининского, Стефанъ писалъ слѣдующее: «Когда сынъ Пининского, по высочайшему повелѣнію, посаженъ былъ на гауптвахту, кто тамъ его кормилъ, я совершенно не зналъ, а нынѣ, по полученіи отъ вашего сіятельства предписанія, видя явную на себя клевету, вынужденъ имъ нашелся учинить изысканіе, по какому поводу такая клевета на меня могла произойти, и открылось, что дѣйствительно принадлежащей архіерейскому дому штатный служитель, живущій въ архіерейскаго дома, носилъ на гауптвахту сыну Пининскому кушанье, потому что Пининскій-отецъ, отправляясь въ Сольвычегодскъ, того служителя подрядилъ, въ бытность сына его подъ арестомъ готовить на него кушанье и носить къ нему, такъ какъ, по случаю тогда свирѣпствовавшей холеры, получать изъ трактировъ кушанье было трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно. Да ежели-бы упомянутый сынъ Пининского обратился посредствомъ кого-либо въ такой крайности обѣ оказаний ему пособія въ пропитаніи ко мнѣ или къ другой какой-либо добродѣтельной особѣ, по долгу христіанскому никто-бы также не отрекся благаго дѣла, руководствуясь благимъ на то примѣромъ Государя Императора, установившаго попечительные комитеты. Слѣдовательно, отъ кого-бы таковое благотвореніе сыну Пининского, яко арестанту, оказываемо ни было, кажется, законопреступлениемъ признано быть не должно, ибо симъ никакого особыннаго покровительства Пининскимъ ни мало не доказывается, кромѣ одной христіанской добродѣтели. Но изъ чего доноситель генералъ-адъютантъ Бенкендорфу призналъ меня особынннымъ покровителемъ Пининскихъ, не знаю, и что подъ покровительствомъ онъ разумѣеть, и почему оно есть законопреступно, не постигаю. Ежели доноситель на меня есть изъ числа такихъ лицъ, которые несправедливо вѣрили нелѣпымъ мнѣніямъ, что свирѣпствовавшая смертоносная болѣзнь холера происходила якобы отъ отравы воды и пищи поляками, то по сему можно допустить, что такой доноситель и одно мое приватное съ Пининскими знакомство могъ почитать преступлениемъ; столько-же, однако, ошибочно такъ думать и о смертности людей отъ отравы, а не отъ холеры».

Наконецъ, на послѣдній пунктъ доноса Стефанъ отвѣчалъ такъ: «Побудительныхъ причинъ къ доносу на меня г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфу съ такимъ превратнымъ изложеніемъ событий и съ видимою цѣллю подвергнуть меня замѣчанію высшаго начальства со стороны моей никакихъ не нахожу; ибо я ни жизнью своею, ни распоряженіями своими въ дѣлахъ епархіальныхъ ни малѣйшаго къ неудовольствію повода ни духовенству, ни свѣтскаго званія лицамъ не подалъ, кромѣ тѣхъ только духовнаго званія людей, съ которыми, яко оказавшимися за всѣми испра-

вительными мѣрами въ духовномъ званіи и потерпимыми, поступилъ по точности, какъ повелѣно высочайшими указами, безъ всякаго послабленія; но и сіи, чувствуя важность своихъ преступлений и соотвѣтствующую онымъ мѣру наказанія, кажется, также не должны-бы питать ко мнѣ неудовольствія. Но, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ, потерявъ совѣсть свою и скрывъ свои поступки, жаловались въ виду невиннаго ихъ угнетенія жандармскому полковнику Дейеру, съ обнесеніемъ меня невинно вышепрописанными обстоятельствами и г. Дейеръ, можетъ быть, доносилъ о томъ г. генераль-адъютанту Бенкендорфу. Къ таковому заключенію ведетъ меня то только, что безъ всякихъ видимыхъ причинъ онъ, г. Дейеръ, прекратилъ со мною свое знакомство и никогда уже, по прежнему своему обыкновенію, даже и въ высокоторжественные дни послѣ литургіи изъ собора съ прочими чиновниками ко мнѣ не заходитъ» ¹⁾.

Отзывъ Стефана при особомъ докладѣ князь Мещерскій представилъ Государю, который приказалъ сдѣлать епископу строгій выговоръ за поступки, вовсе неприличные его сану ²⁾.

IV. Строгое замѣчаніе епископу тамбовскому Евгению.

Въ 1831 году, для уменьшенія числа лицъ духовнаго званія и для очищенія духовнаго вѣдомства отъ негодныхъ членовъ, высочайше повелѣно было обратить излишнихъ и неблагонадежныхъ изъ духовнаго званія въ военное. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, въ какой степени этою мѣрою правительство достигло предположенной имъ цѣли, тѣмъ болѣе, что оно само впослѣдствіи, именно въ 1853 году, созналось, что упомянутая мѣра, при всѣхъ предосторожностяхъ, съ какими она была приводима въ дѣйствіе, исполнялась не безъ большихъ затрудненій и съ немалымъ ропотомъ и что она не освободила духовное вѣдомство отъ лицъ, дѣйствительно для него излишнихъ по совершенной необразованности или ненадежному поведенію, такъ какъ многіе изъ нихъ или по физическимъ недостаткамъ, или по лѣтамъ, оказались къ военной службѣ неспособными ³⁾. Сверхъ того, способъ, которымъ эта мѣра приводилась въ исполненіе

¹⁾ См. въ дѣлѣ обѣ учиненіи вологодскому епископу Стефану строгаго выговора за неприличные сану его поступки отношеніе его къ князю Мещерскому.

²⁾ Тамъ-же предложеніе князя Мещерскаго св. синоду.

³⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода книгу докладовъ, годъ 1853, № 100.

неніе, неразборчивость и преступное невниманіе къ положенію лицъ, подлежащихъ этой мѣрѣ, со стороны нѣкоторыхъ епархиальныхъ начальниковъ, сообщили ей характеръ жестокости, какого-то гоненія, воздвигнутаго правительствомъ на беззащитное сословіе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ то безучастіе къ своимъ меньшимъ братьямъ, то безчеловѣчіе, которыми очернили себя нѣкоторые епархиальные начальники, приводя въ исполненіе высочайшее повелѣніе.

Особеннымъ усердіемъ къ выполненію видовъ правительства, неразборчивостью и невниманіемъ къ участіи подчиненныхъ отличился тамбовскій епископъ Евгений. Дѣйствительно, его неразборчивость и невниманіе граничили почти съ жестокостью. Синодальные акты 1831 и 1832 годовъ наполнены жалобами синоду и даже самому Государю на жестокость Евгения. Изъ многихъ подобныхъ жалобъ приведемъ въ образецъ нѣкоторыя. Такъ, жена одного церковника, Осипа Федорова, Анна Тимофеева, обратилась со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ Государю Наслѣднику, прося его ходатайства предъ Государемъ Императоромъ о возвращеніи ей мужа, отданаго по распоряженію Евгения, въ октябрѣ мѣсяца 1831 года, въ военную службу, несмотря на то, что она оставалась послѣ него беременно съ 4-ми малолѣтними дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ ихъ пропитанію¹). Или вотъ другой примѣръ: престарѣлая пономарская вдова Петрова просила Государя Императора, чтобы изъ двухъ ея сыновей, отдавшихъ Евгениемъ въ солдаты, оставили ей одного, какъ единственного ея кормильца на старости лѣтъ. Просьба ея передана была на разсмотрѣніе въ синодъ, который, найдя, что Евгений поступилъ неразборчиво, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ сыновей вдовы Петровой не былъ ни въ чемъ замѣченъ, а, напротивъ, отличался нравственнымъ поведеніемъ, положилъ: возвратить его престарѣлой матери²). Въ такомъ видѣ дѣло представлено было на высочайшее возврѣніе. Государь утвердилъ мнѣніе синода, но, пораженный поступкомъ Евгения, а можетъ быть припоминая и другія жалобы на него по подобнымъ-же дѣламъ, написалъ на синодальномъ докладѣ слѣдующее: «Возвратить, но за неправильную отдачу сдѣлать строгое замѣченіе».

V. Замѣченіе архангельскому епископу Георгію.

12-го сентября 1832 года синодальный оберъ-прокуроръ князь Мещерскій словесно предложилъ св. синоду на благоразсмотрѣніе о замѣченіи

¹) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода въ книгѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ 1831 годъ № 280.

²) См. въ книгѣ докладовъ 1832 годъ, № 304.

номъ имъ неприличії со стороны духовенства во время церемоніи, бывшей 25-го іюня того года въ Архангельскѣ, при открытиі памятника по-койному статскому совѣтнику Ломоносову, которая подробно была описана въ 170 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1832 года. Затѣмъ было прочитано сдѣлывшее описание этой церемоніи изъ показанныхъ «Вѣдомостей»: «Утромъ 25-го іюня, въ 9 часовъ, начался благовѣстъ къ божественной литургіи, которая совершина въ каѳедральномъ соборѣ епархіальнымъ преосвященнымъ съ старшимъ духовенствомъ. Предъ окончаніемъ литургіи, инспекторомъ семинаріи Софоніемъ произнесено приличное сему торжественному дню слово. По окончаніи литургіи и благодарствен-наго о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго Дома молебствія и по разоблаченіи духовенства, началось торжественное шествіе къ памятнику. Впереди ученики здѣшнихъ духовныхъ и граждансіихъ училищъ, кантонисты архангельского полубатальона и воспитанники призыва общественного призрѣнія съ ихъ наставниками и прочими чинами; за ними потомки и родственники Ломоносова, потомъ преосвященный съ прочимъ духовенствомъ, предшествуемый архіерейскими пѣвчими; за духовенствомъ военные и граждансіе чиновники, въ предшествіи военнаго губернатора, по старшинству ихъ чиновъ; за ними дамы, дворянство, купечество и прочіе граждане.

«Въ продолженіе шествія архіерейскими пѣвчими пѣта была ода сочиненія Ломоносова: *Хвала Всевышнему Владыке*.

«По прибытии къ памятнику и по занятіи всѣми своихъ мѣстъ, г. губернскимъ прокуроромъ прочтено отношеніе бывшаго г. министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества на сооруженіе сего памятника соизволеніе. Послѣ сего, устроенный губернскимъ архитекторомъ надъ памятникомъ наметъ, по сдѣланному сигналу, мгновенно открыть, и въ ту-же минуту музыка здѣшняго порта заиграла тушь, а вслѣдъ затѣмъ пѣвчіе пропѣли: *Боже Царя храни!* Потомъ протодіаконъ въ устроенной заблаговременно на ступенькахъ подъ памятникомъ, подлѣ самаго пьедестала, каѳедрѣ читаль краткую рѣчъ, приготовленную на сей случай преосвященнымъ, по окончаніи которой, вмѣстѣ съ музыкою, пропѣли первое отданіе сочиненнаго на сей случай въ здѣшней семинаріи канта. Учитель гимназіи, г. коллеж-кій совѣтникъ Смирновъ, прочелъ сочиненную выбывшимъ уже отсель съ Петрозаводскѣ учителемъ г. Никольскимъ рѣчъ, послѣ которой пѣвчими съ музыкою пропѣта вторая часть канта.

«Потомъ студентъ семинаріи Спасскій произнесъ сочиненную имъ рѣчъ и пропѣта третья часть канта; послѣ чего прочтена сочиненная

ученикомъ богословія Молчановымъ на сей случай *ода*, и напослѣдокъ стихи на латинскомъ языке. Въ заключеніе всего, пѣвчими пропѣто *Тебѣ Бога хвалимъ*.

«Духовенство, высшіе чиновники, почетные граждане и родственники Ломоносова градскимъ главою приглашены были въ общественный залъ на завтракъ, въ продолженіе котораго всѣми присутствовавшими, воодушевленными чувствованіями всеподданнѣйшей благодарности и пламенной любви къ Августѣйшему виновнику настоящаго торжества, пита за здравіе Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей фамиліи».

Синодъ приказалъ преосвященному Георгію донести ему, дѣйствительно-ли, при открытии памятника покойному Ломоносову, происходило все такъ, какъ напечатано о томъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», по какому поводу находился онъ съ духовенствомъ при этой церемоніи и чѣмъ руководствовался въ соучастованіи въ оной? При объясненіи вѣдомо было Георгію «доставить въ св. синодъ копіи съ произнесенныхъ при этомъ случаѣ духовными лицами рѣчей и пропѣтыхъ архіерейскими пѣвчими канта, оды и стиховъ, сочиненныхъ ученикомъ Молчановымъ на латинскомъ языке, съ переводомъ послѣднихъ на русскій языкъ»¹⁾.

Георгій, въ объясненіи своеемъ сознавался, что при открытии памятника Ломоносову почти все дѣйствительно происходило такъ, какъ описано въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но находилъ, что въ нихъ начало открытия памятника несправедливо слито съ предшествовавшимъ богослуженіемъ, такъ что по описанію выходитъ, будто-бы и проповѣдь, и литургія, и самый благовѣстъ, начавшійся въ 9 часовъ утра того дня, имѣли непосредственное отношеніе единственно къ памятнику и служили началомъ открытия его, между тѣмъ какъ все это происходило обыкновеннымъ порядкомъ, по случаю высокоторжественнаго дня, для котораго и безъ открываемаго памятника были-бы и литургія съ благовѣстомъ, и проповѣдь въ свое время, и благодарственное молебствіе о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго дома. Такъ, начало открытия памятника послѣдовало не въ 9 часовъ утра, а по совершенномъ окончаніи богослуженія въ церкви. Другая неточность въ извѣстіяхъ «Вѣдомостей» заключалась въ томъ, что послѣ рѣчи, произнесенной учителемъ гимназіи Смирновымъ, говорилъ рѣчь учитель Спасскій, а послѣ

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло о бытіи преосвященнаго Георгія, епископа архангельскаго, при церемоніи по случаю открытия памятника Ломоносову, и въ этомъ дѣлѣ выписку изъ синодскаго журнала 12-го сентября 1832 года.

оды, сказанный ученикомъ Молчановымъ, говорилъ латинскіе стихи учитель Заринскій.

Но самое любопытное въ этомъ объясненіи—это отвѣтъ Георгія на вопросъ синода: по какому поводу находился онъ съ прочимъ духовенствомъ при такой церемоніи? «Находился я при этой церемоніи—писалъ Георгій—по словесному и письменному приглашенію военного губернатора, заступающаго должность гражданскаго губернатора и прочихъ гражданскихъ чиновниковъ, отнюдь не почитая дѣйствіемъ противозаконнымъ и предосудительнымъ соучаствовать въ изъявленіи всеобщей торжественной радости и признательности къ такому мужу, коего заслуги въ ученомъ отношеніи для всѣхъ россиянъ незавѣнны. Къ сему приводило и то, что первую мысль о сооруженіи памятника Ломоносову подалъ покойный преосвященный Неофитъ, и что сей-же высокоторжественный день пред назначенъ на мѣстѣ, на той-же площади, гдѣ по обстоятельствамъ холеры всенародно молились, торжественно излиться предъ Господомъ въ ощущеніяхъ благодарности и радости общенародной о избавленіи нась отъ всѣхъ непріязненныхъ смутъ, кои тоже препятствовали давно желанному для всѣхъ, по Высочайшему благоволенію, открытию памятника, какъ то изъяснено въ рѣчи подъ № 3. Самый день рождения Его Императорскаго Величества, столь радостно-творный для счастливыхъ подданныхъ, служилъ для меня новымъ побужденіемъ участвовать во всеобщей радости всѣхъ и чрезъ сіе способствовать къ усугубленію величія не столько открытия памятника, совершившагося въ сей день, сколько самаго дня, столь высокоторжественнаго, и къ поощренію любви и соревнованія къ наукамъ жителей града Архангельска, кои весьма неохотно давали въ училища своихъ дѣтей».

На послѣдній вопросъ синода: чѣмъ руководствовался Георгій въ соучаствованіи въ церемоніи открытия памятника Ломоносову? онъ отвѣчалъ такъ: «По рѣдкости подобныхъ случаевъ, я не имѣлъ образцовъ и примѣровъ для руководства въ предстоящемъ дѣлѣ. Но если при открытии памятника Демидову, мужу-благотворителю, совершено было, по распоряженію преосвященнаго Авраама, архіепископа ярославскаго, молебствіе съ водосвятіемъ при самомъ памятниѣ, то не казалось мнѣ предосудительнымъ, при открытии памятника Ломоносову, мужу ученому, почитить сіе открытие тутъ-же, за оградою каѳедрального собора, личнымъ моимъ присутствіемъ съ духовенствомъ, безъ облаченія и безъ всякихъ особыхъ церковныхъ церемоній. Бывшія при памятниѣ Демидова молебствіе и водосвятіе не меньшей важности почитаю я, нежели одно мое присутствіе

предь памятникомъ Ломоносова, при стеченіи всѣхъ изъясненныхъ обстоятельствъ, которые пропущены въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾.

При объясненіи приложены были копіи съ произнесенныхъ при этомъ случаѣ рѣчей, оды, латинскихъ стиховъ съ переводомъ и пропѣтаго пѣвчими канта. Кромѣ этого офиціального объясненія, Георгій прислалъ къ князю Мещерскому конфиденціальное, въ которомъ просилъ его оказать ему снисхожденіе, потому что «если онъ и поступилъ въ этомъ дѣлѣ не-прилично для своего сана, то съ совершенною чистотою цѣлей и намѣреній, къ возбужденію благодарности къ Богу и Государю и соревнованія къ наукамъ»²⁾). Но, кажется, это отношеніе болѣе повредило Георгію, чѣмъ принесло ему пользы; особенно весьма некстати было въ немъ указаніе на московскаго митрополита Филарета, который не только участвовалъ при закладкѣ въ Москвѣ триумфальныхъ воротъ, но и произнесъ при этомъ рѣчь. Князь Мещерскій и это конфиденціальное отношеніе къ нему предложилъ св. синоду, слѣдовательно, ссылка на Филарета сдѣлалась гласною и произвела на него, присутствовавшаго при чтеніи этого отношенія, весьма непріятное впечатлѣніе. Изъ дѣла синодскаго о поступкѣ архангельскаго епископа ясно видно, что митрополитъ московскій самъ взялъ на себя трудъ написать синодскую резолюцію по дѣлу преосвященнаго Георгія—такъ оно его заняло! Вотъ эта резолюція: «По разсмотрѣніи сего дѣла, св. синодъ находитъ въ дѣйствованіи епархіального начальства немаловажныя несообразности и непріличія, какъ-то: 1) О памятнику Ломоносову упомянуто въ церковномъ словѣ на высокоторжественный день рождения Его Императорскаго Величества, не только потому, что почесть памятника есть гражданская и для церкви посторонняя, но еще болѣе потому, что при церковномъ торжествѣ о высокомъ рождении Благочестивѣшаго Государя Императора несообразно было выставлять предь алтаремъ похвалу и почесть подданнаго. 2) Изъ распоряженія о церемоніальномъ шествіи къ памятнику вышла также несообразность, что храмъ Божій превратился въ сборное мѣсто для процессіи гражданской. 3) Смѣщеніе священнаго съ свѣтскимъ, особенно странное для простаго народа, представлялось и въ томъ, что протодіаконъ, употребляемый для церковныхъ возглашеній, употребленъ былъ для чтенія рѣчи при памятнике. 4) Въ рѣчи сей священное изреченіе: *Сей день, его-же сотвори Господъ*, употреблено неумѣстно; и 5) Латинскіе стихи по недостаткамъ и содер-

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ отношеніе преосвященнаго Георгія къ князю Мещерскому отъ 10-го ноября 1832 года.

²⁾ Тамъ-же.

жанія, и языка, допущены до публичнаго чтенія не къ чести духовныхъ училищъ. Замѣтивъ сіе преосвященному епископу архангельскому, под- твердить ему, чтобы впредь отъ подобныхъ несообразностей и неприличій удержался; чтобы сочиненія лицъ духовнаго вѣдомства, читанныя и пѣ- тыя при открытии памятника, не были напечатаны, и чтобы впредь въ до- несеніяхъ начальству не пропускалъ онъ никакихъ нужныхъ обстоя- тельствъ, какъ то въ семъ дѣлѣ пропущено, какого училища и какихъ предметовъ учители Спасскій и Заринскій»¹⁾.

VI. Высочайшее замѣчаніе смоленскому епископу Иосифу.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1832 года статсь-секретарь Танѣевъ сообщилъ оберъ-прокурору св. синода, по высочайшему повелѣнію, слѣдующія Го- сударя Императора замѣчанія: «1) Смоленскій архіерей, встрѣтивъ Госу- даря со крестомъ и давъ приложиться, останавливался при каждомъ по- воротѣ и благословлялъ, идучи вверхъ по крыльцу, вмѣсто того, чтобы прямо идти на свое мѣсто. 2) Пѣвчіе у этого архіерея одѣты весьма грязно и вопреки всякаго приличія, большиѣ изъ нихъ въ нѣмецкихъ изно- шенныхъ и изгаженныхъ кафтанахъ»²⁾). При этомъ Танѣевъ объявилъ князю Мещерскому высочайшую волю, чтобы пѣвчіе смоленскаго архіерея немедленно были переодѣты по покрою пѣвчихъ с.-петербургскаго митро- полита, равно какъ и во всѣхъ епархіяхъ.

Это высочайшее замѣчаніе, по обыкновенному порядку, было объяв- лено княземъ Мещерскимъ синоду и смоленскому епископу. Послѣдній написалъ къ синодальному оберъ-прокурору, что «съ глубочайшимъ вѣро- подданническимъ благоговѣніемъ пріемлет помянутыя замѣчанія и что, встрѣтивъ Государя Императора у соборнаго крыльца со крестомъ и идучи вверхъ по сему довольно высокому и крутому крыльцу, останавливался онъ при каждомъ поворотѣ и тѣмъ-же крестомъ осѣнялъ, по примѣру предшественниковъ своихъ, епископовъ: Ирина и Іоасафа, встрѣчавшихъ такимъ-же образомъ блаженныя памятіи Государя Императора Александра Павловича. Симъ отъ предшественниковъ заимствованнмъ примѣромъ думалъ онъ и желалъ торжественнѣйше изъявить свое благоговѣніе къ лицу Помазанника Божія.

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода.

²⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода докладъ 22-го октября 1832 года.

«Что-же касается до парадной одежды п'вчихъ, то оная, по приказанию его, оставлена была за ветхостю; п'вчие скоро будутъ вновь переодѣты». Относительно одежды Іосифъ прибавилъ, что, «въ усталости возвратившись изъ высочайше дозволенного ему отпуска въ Кіевъ за два только дня до прибытія Государя въ Смоленскъ, не могъ онъ при другихъ занятіяхъ напомнить себѣ о сказанномъ предметѣ» ¹⁾.

VII. Выговоръ Иліодору, епископу курскому.

Статья-секретарь Танѣевъ сообщилъ князю Мещерскому, что Государь, въ бытность въ Бѣлгородѣ въ тамошнемъ каѳедральномъ соборѣ, къ крайнему своему удивленію и неудовольствію, замѣтилъ висяцій въ немъ свой портретъ, который приказалъ тогда-же чрезъ тамошняго гражданскаго губернатора снять, и что Государь поручилъ св. синоду именемъ его сдѣлать за это строжайший выговоръ курскому преосвященному, съ объявленіемъ о томъ по всѣмъ епархіямъ и съ подтвержденіемъ, чтобы въ церквяхъ не было никакихъ изображеній, кромѣ иконъ ²⁾). Св. синодъ, передавая преосвященному курскому этотъ выговоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ ему донести: кѣмъ именно внесенъ въ бѣлгородскій соборъ портретъ Государя Императора, по чьему дозволенію и распоряженію, и извѣстно-ли было обѣ этотъ портретъ ему, преосвященному? Но еще прежде синода подобные-же запросы предложены были Иліодору курскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Спрошенные по этому случаю соборяне бѣлгородскаго собора показали: 1) что Императорскіе портреты въ бѣлгородскомъ соборѣ введено ставить съ 1787 года, по распоряженію епархіального начальства; въ это время поставленъ былъ на боковой сторонѣ портретъ Императрицы Екатерины II, впослѣдствіи повѣшены были въ соборѣ по обѣимъ сторонамъ портреты Императоровъ Павла I и Александра I. На основаніи этихъ примѣровъ, въ маѣ мѣсяца 1827 года, по распоряженію епархіального архіерея, поставленъ былъ въ соборѣ и портретъ Государя Императора Николая Павловича. 2) «Побужденіемъ къ поставленію таковыхъ портретовъ какъ прежнихъ монарховъ, такъ и нынѣ царствующаго, было единственно благовѣйное вѣрноподданническое чувство къ высокому покровителю св. церкви, дабы всегда имѣть предъ глазами своими видимое Помазанника Божія изображеніе и тѣмъ пламеннѣй-

¹⁾ См. приведенный докладъ.

²⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурору св. синода 1832 года № 102.

шую возносить молитву къ Царю царствующихъ о благодеятствии и долгодеятствии его, каковое чувство чисто иелицемърной, св. въро требуемой приверженности и глубочайшаго уваженія къ всемилостивѣйшему Государю своему, служители грекороссійской церкви, всегда нося въ душахъ своихъ, считали и нынѣ считаютъ обязанностію, всѣми способами, по крайнему своему разумѣнію, утверждать и другихъ въ тѣхъ вѣрноподданническихъ чувствахъ» ¹⁾.

Синодъ старался оправдатъ Иліодора и ходатайствовалъ черезъ князя Мещерскаго о снятіи съ него того наказанія, которому онъ подвергся. Вотъ докладъ князя Мещерскаго по этому предмету: «Синодъ, усматривая изъ сего донесенія (т. е. преосвященнаго Иліодора), что обыкновеніе имѣть въ бѣлгородскомъ каѳедральномъ соборѣ Императорскіе портреты введено съ 1787 года бывшимъ тогда епархиальнымъ начальствомъ, и что портретъ Вашего Императорскаго Величества внесенъ въ оный еще въ 1828 году, т. е. четырьмя годами прежде поступленія на тамошнюю архіерейскую каѳедру епископа Иліодора, который прибылъ туда въ маѣ мѣсяцѣ сего года (1832), находитъ, что какъ побужденіемъ съ сему введенію было единственно благоговѣйное чувствованіе къ высокимъ покровителямъ св. церкви, то всякое покушеніе на уничтоженіе такого обычая, который существовалъ свыше 45 лѣтъ, а паче покушеніе только что вступившаго на паству епископа могло-бы произвестъ непріятныя чувствованія въ тамошнихъ жителяхъ и даже подозрѣнія на вѣрноподданническую преданность и благоговѣніе его къ Монарху. По уваженію сихъ обстоятельствъ, а равно и того полезнаго и похвального служенія, коими всегда отличался епископъ Иліодоръ и въ низшихъ степеняхъ іерархіи, и въ настоящемъ санѣ его, св. синодъ поручилъ мнѣ представить все сіе на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества и все подданнѣйше испрашивать, не благоугодно-ли будетъ Вашему Величеству повелѣть Высочайше назначенный епископу Иліодору строжайшій выговоръ всемилостивѣйше снять съ него и въ послужный списокъ его не вносить». Государь написалъ на этомъ докладѣ: «Согласенъ, но объявить, что Я приказалъ непремѣнно вездѣ по церквамъ портретовъ Моихъ не вѣшать».

VIII. Выговоръ Евлампію, епископу орловскому.

Объ этомъ выговорѣ уже было сказано при изложеніи ограниченія архіерейскихъ правъ въ царствованіе Николая I, а потому здѣсь мы пред-

¹⁾ См. тамъ-же.

ставимъ только сущность этого дѣла. Въ 1843 году статья-секретарь Танѣевъ объявилъ графу Пратасову высочайшее повелѣніе, чтобы епископу орловскому сдѣланъ былъ отъ св. синода выговоръ за произнесеніе рѣчи при встрѣчѣ Государя Императора въ городѣ Орлѣ, вопреки запрещенію, объявленному въ 1826 году по духовному вѣдомству. Св. синодъ исполнилъ это повелѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ всѣмъ архіереямъ, чтобы они, на точномъ основаніи высочайшаго повелѣнія, отнюдь не произносили рѣчей во время высочайшихъ путешествій¹⁾.

IX. Выговоръ епископу подольскому Елпидифору.

Въ 1849 году графъ Пратасовъ получилъ слѣдующее анонимное письмо: «Будучи увѣренъ въ высокой ревности вашего сіятельства, съ которою неусыпно трудитесь о благѣ православныхъ российскихъ церквей, пріемлю смѣлость почтеннѣйше донести вамъ о великихъ злоупотребленіяхъ, чинимыхъ въ отношеніи церквей подольской епархіи, въ которой имѣю жительство. Преосвященный Елпидифоръ, епископъ подольской и брацлавской, посѣща въ настоящее лѣто сельскія церкви, возилъ съ собой родного брата своего, молодого парня, Гаврилу, поручивъ ему повѣрять при ревизіи наличныя суммы каждой церкви. Гаврила этотъ, по обсчетѣ суммы, взималъ безъ исключенія съ каждой церкви по 12 рублей серебромъ, и на спросы приходскихъ священниковъ и церковныхъ старостъ, на что и для кого забираетъ эти деньги, не обинуясь отвѣчалъ, что забираетъ ихъ по приказанію преосвященнаго на его-же надобности. Въ одномъ приходѣ священникъ рѣшился спросить самого преосвященнаго, слѣдуетъ-ли этотъ взяточкъ (sic) писать по церковнымъ реестрамъ расходомъ, и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Пиши, если хочешь, но упреждаю тебя, что нигдѣ мѣста не сыщешь». Въ другихъ мѣстахъ случалось такъ, что подъ ревизію въ наличности не было болѣе въ церкви 3 или 4 рублей; въ такихъ случаяхъ тотъ-же Гаврила, съ протодіакономъ и другими членами архіерейской свиты, сильно настаивали, чтобы они заступнико за церковь давали своихъ по 12 рублей, и буде не имѣютъ своихъ, то заняли-бы у кого-нибудь, а въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ накопленія церковной суммы, удовлетворяли-бы изъ ней кредитора, и, страшная священника отрѣшениемъ отъ мѣста, заставляли ихъ удовлетворять своимъ требованіямъ. Подобные примѣры были въ селеніяхъ Мо-

¹⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода 1843 годъ, № 147.

тилевского уѣзда Поповцахъ, Гальчинцахъ и Комаринцахъ, чего я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ священникъ, не могши ни у кого занять денегъ, по выѣздѣ уже архіерея, досталъ у кого-то 12 рублей и, во избѣжаніе тяжкой бѣды, послалъ ихъ въ догонку за нимъ въ г. Баръ.

«Не имѣя въ дѣлѣ семь никакого интереса, я единствено изъ чистой ревности къ святынѣ всепокорнѣйше доношу о семь вашему сіятельству и осмѣливаюсь увѣрить, что если еще другая подобная послѣдуетъ архіерейская ревизія въ подольской епархіи, то сельскія церкви, и безъ того довольно нищенскія, крайне разорятся. Если настоящее донесеніе мое не будетъ удостоено вѣроятія, то не благоугодно-ли будетъ вашему сіятельству, для удостовѣренія въ томъ, командировать кого изъ добросовѣстныхъ канцеляріи своей инкогнито по тѣмъ селамъ, въ которыхъ учнена ревизія, для спросу о томъ церковныхъ старость и приходскихъ священниковъ, такъ, впрочемъ, чтобы о командировкѣ этой и прѣѣздѣ командированнаго не могла знать подольская консисторія, преисполненная іезуитами.

«P. S. Прошу извинить великодушно, что я, во избѣжаніе всякихъ могущихъ случиться по этому непріятностей, подписался не собственнымъ именемъ. Гумбергъ»¹⁾.

По полученіи этого доноса немедленно было послано отъ графа Пратасова къ Елпидифору конфиденціальное, съ приложеніемъ псевдонимнаго письма, отношеніе, которымъ затребовано отъ преосвященнаго на него объясненіе. Елпидифоръ отвѣчалъ Пратасову 23-го декабря 1849 года. «Сейчасъ—писалъ подольскій преосвященный—имѣль я честь получить милостивое конфиденціальное отношеніе вашего сіятельства отъ 12-го сего декабря за № 7594, съ приложеніемъ письма какого-то лжеименнаго Гумбера о дѣйствіяхъ моихъ при обозрѣніи епархіи, и трепещущею отъ душевнаго смущенія рукою спѣшу высказать вашему сіятельству со всею откровенностью и прямотою, что и какъ было.

«Роднаго брата и никакого родственника при себѣ не имѣю, а называемый въ письмѣ братомъ моимъ нѣкто Гаврило есть совершенно чужой мнѣ человѣкъ, служащий мнѣ келейникомъ, впрочемъ кончившій курсъ ученія въ воронежской семинаріи, сирота, мною призрѣнныи, восемь лѣтъ уже страдающій неизлечимою болѣзнью и потому меня не оставляющій и мною не оставляемый. Я о немъ, не обвиняясь, могу ска-

¹⁾ См. въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло о случаѣ, бывшемъ во время обозрѣнія преосвященнымъ подольскимъ вѣренной ему епархіи.

зать, что онъ самъ, ни въ чемъ не нуждаясь, всецѣло и искренно бѣрежетъ и мою честь: такъ онъ былъ настроенъ съ самаго начала и въ такомъ отношеніи и нынѣ постоянно мною удерживается. При ревизіи церквей я считалъ излишнимъ пересчитывать церковныя деньги, въ томъ предположеніи, что таковыя къ моему прибытію непремѣнно уже будутъ въ наличности, и потому ни въ одномъ селеніи къ церковнымъ деньгамъ ни я самъ и никто другой пальцемъ не прикасался и не видѣлъ ихъ; а разсматривалъ я самъ вездѣ приходорасходныя книги и другіе документы церковные, и смотрѣлъ также, надлежащимъ-ли образомъ и въ безопаснѣомъ-ли мѣстѣ держится и сохраняется ящикъ съ суммами церковными. Гаврило-же оный зналъ только, при входѣ моемъ въ церковь, принять мою палку и держать ее, не отходя отъ клироса, или на улицѣ хлопотать около экипажа и людей.

«Что касается до полученія денегъ, при проѣздѣ по церквамъ, то дѣйствительно было таковое полученіе, и съ вѣдома моего, *какъ всегда вездѣ водилось и водится*; но въ настоящій разъ при мнѣ это было совсѣмъ не такъ, какъ описалъ г. Гумберть. Зная, что при этомъ случаѣ нѣрѣдко бывають злоупотребленія, я, въ предотвращеніе такаго, нарочито не бралъ съ собою ни ключаря и никого другаго для пособія себѣ при разсмотрѣніи отчетностей церковныхъ, и самъ все разсматривалъ и благочиннымъ открыто говорилъ, чтобы, если кому изъ духовенства, по обычаю, угодно будетъ что-нибудь пожертвовать на свиту, то давали-бы отнюдь не изъ церковныхъ денегъ, а свои собственныя, а дабы и со стороны бывшихъ въ свитѣ со мною не было отъ кого-либо нахальства и плутовства, поручено было получать даваемое, но отнюдь не вынуждаемое, одному регенту, и записывать, гдѣ что будетъ дано. Поэтому регентъ и получалъ вездѣ; въ нѣкоторыхъ-же немногихъ мѣстахъ, и то только въ первую поѣздку, и не въ уѣздахъ, о которыхъ упоминаетъ Гумберть, когда пѣвчіе почему-либо отставали отъ меня, принималъ Гаврило мой и послѣ отдавалъ регенту. Во вторую-же поѣздку по уѣздамъ, упоминаемый въ письмѣ Гумберта Гаврило рѣшительно нигдѣ ни копѣйки не принималъ. И деньги давали обыкновенно благочинные по 10 р., иногда и побольѣ, но не отъ каждой церкви, а по обозрѣніи всѣхъ, какія приходились на пути, церквей округа того или другаго благочиннаго, очень-же рѣдко гдѣ сами священники давали, и гдѣ это случалось, то давали только по 2, по 3 и въ одномъ мѣстѣ 6 руб. По возвращеніи, регентъ списокъ, гдѣ что получено, и самыя деньги представлялъ эконому, и деньги, по особому расписанію, съ утвержденія моего, поступали въ раздѣлъ всѣмъ пѣвчимъ и бывшимъ въ поѣздкѣ діаконамъ. Поэтому

никто нигдѣ меня не спрашивалъ, и не было повода спрашивать, какъ записать въ книгу церковную выданнія на свиту мою деньги. Ежели гдѣ-либо благочинные взимали для этого церковныя деньги противъ моего внушенія, то это миѣ неизвѣстно, и я не могу, особенно вдругъ, искоренить всѣхъ злоупотребленія. Отъ старость церковныхъ рѣшительно нигдѣ не было взято.

«Конечно, нельзя похвалить, что это мною было допущено, но я къ этому склонился частію повсемѣстнымъ обычаемъ, частію-же здѣсь и особенною нѣкоторою нуждою: здѣсь пѣвчіе и служащіе при миѣ діаконы, не какъ въ другихъ русскихъ городахъ, совершенно почти никакихъ доходовъ не имѣютъ, а однимъ жалованьемъ содержаться очень трудно. Сознаюсь и каюсь въ этомъ, и покорнѣйше испрашиваю милостиваго вашаго благоснисхожденія. Не думаю, чтобы всѣ или даже кто-либо этимъ отягощался и имѣть собственно за то на меня неудовольствіе; но принесшій на меня такую жалобу долженъ быть или отъ тѣхъ, кто вообще привыкъ клеветать и недавно составлялъ на меня и на другихъ клеветы предъ св. синодомъ и вашимъ сіятельствомъ, или изъ числа тѣхъ, кои послѣ ревизіи моей за свои неисправности подверглись заслуженному заслуженному взысканію. Пусть-бы лжеименныи ревнитель пользы церковныхъ писалъ то и такъ, чтѣ и какъ было, а не бросаль своей грязи на лицо, которое всемѣрно старается соблюсти себя совершенно чистымъ. Больно для сердца, что совершенно напрасно честь страдаетъ. Для успокоенія моего смѣю надѣяться и ожидать милостиваго и благожелательнаго вашего мнѣ по сему вразумленію¹).

Послѣ открытаго признанія Елпидифора въ томъ, что дѣйствительно во время обозрѣнія имъ епархіи дѣлались поборы, конечно, странными должны были показаться Пратасову возгласы преосвященнаго противъ клеветы, введенной, будто-бы, на него псевдонимнымъ Гумбертомъ и защищеніе своей чести и чистоты дѣйствій. Дѣло говорило само за себя, а потому объясненіе Елпидифора обратилось въ новый обвинительный противъ него актъ. Пратасовъ²) предложилъ о такихъ виновнѣхъ злоупотребленіяхъ по подольскому епархіальному управлѣнію синоду, а синодъ написалъ по этому случаю Елпидифору слѣдующее: «Св. синодъ изъ отзыва преосвященнаго епископа Елпидифора съ особыннмъ прискорбіемъ усматриваетъ, что онъ, преосвященный, допущеніемъ сбора приношеній отъ подчиненнаго ему духовенства въ пользу людей, составляю-

¹) Въ томъ-же дѣлѣ.

²) Вместо Пратасова дѣлаль предложеніе синоду Карасевскій.

щихъ его свиту и получающихъ отъ щедротъ Монарха содержаніе, дозволилъ себѣ такое дѣйствіе, которое противно церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ, унизительно для его, преосвященнаго, сана и званія, и крайне соблазнительно для подчиненныхъ и для всей паствы, въ которыхъ чрезъ сіе не можетъ не колебаться уваженіе къ архіерейскому достоинству, особенно-же въ странѣ, наполненной иновѣрцами. Посему св. синодъ опредѣляетъ: 1) преосвященному Епідифору за таковыя дѣйствія сдѣлать строгій выговоръ, съ подтвержденіемъ, впредь не допускать отнюдь подобныхъ дѣйствій, и 2) сумму, подобнымъ образомъ полученную его свитою, обратить въ тамошнее попечительство о призрѣніи бѣдныхъ духовныхъ для предписанного правилами употребленія¹⁾).

Х. Выговоръ Иннокентію, епископу екатеринославскому.

Мы уже несолько разъ упоминали, какой беспорядокъ и разстройство производили въ епархіальныхъ дѣлахъ тѣ лица, которыхъ изъ канцелярій синодальной и оберъ-прокурора св. синода были отправляемы на должность секретарей консисторій. Эти лица, всегда состоявшія или подъ особыннымъ покровительствомъ Сербиновича, Войцеховича, Юзефовича и Яковенко, или связанныя какими-то тайными отношеніями съ Карасевскимъ, Новосильскимъ и др., являлись на секретарскія должности съ правами прокуроровъ и ставили себя вовсе не въ подчиненныя отношенія къ своимъ архіереямъ. Одинъ изъ такихъ чиновниковъ синодской канцеляріи, особенно близкій къ оберъ-секретарю Яковенко, былъ назначенъ секретаремъ въ екатеринославскую консисторію. Архіерей держалъ себя въ отношеніи къ нему, какъ начальникъ; это не понравилось секретарю: начались неофиціальные доносы на преосвященнаго въ Петербургъ обѣ образъ его жизни и дѣйствій и обѣ его отзывахъ о синодскихъ порядкахъ. Послѣднее особенно не понравилось тогдашней синодской бюрократіи, которая была недовольна Иннокентіемъ. Но для того, чтобы поразить его, былъ нуженъ формальный доносъ и, притомъ, не отъ консисторскаго секретаря, а отъ посторонняго. Дѣло за этимъ не стало: Иннокентій, какъ человѣкъ болѣзненный, служилъ рѣдко, что было стѣснительно для ставленниковъ или кандидатовъ на священно-и церковнослужительскія мѣста. Одинъ изъ нихъ, подстрекнутый и возбужденный секретаремъ екатеринославской консисторіи, подалъ въ св. синодъ жалобу на архіерея и письмоводителя

¹⁾ Въ томъ-же дѣлѣ указъ св. синода отъ 17-го февраля 1850 года.

его Ширяева въ томъ, что послѣдній беретъ взятки и продаєтъ мѣста. Этого было достаточно. Для формы потребовали объясненій отъ Иннокентія по жалобѣ, принесенной на него, и присылки нѣкоторыхъ ставленническихъ дѣлъ. Послѣ получения отзыва, долго разсуждали въ синодской канцеляріи, какъ поступить съ преосвященнымъ. Проектъ опредѣленія нѣсколько разъ измѣнялся подъ рукою Яковенко и Позняка: то хотѣли прямо послать Иннокентія на покой, то сдѣлать строжайшій выговоръ, наконецъ остановились на послѣднемъ. Приводимъ здѣсь въ подлинникъ опредѣленіе синода. «Изъ обстоятельствъ дѣла сего видно, гласить синодскій указъ: 1) Воспитанникъ екатеринославской семинаріи Иванъ Федоровъ, въ присланномъ его сіятельству г-ну оберъ-прокурору св. синода прошеніи, изъясняетъ, что изъ 42 воспитанниковъ, кончившихъ съ нимъ курсъ семинарскаго ученія въ 1849 году, только 8 рукоположены въ санъ священническій, прочие-же, а въ числѣ ихъ и онъ, Федоровъ, не удостоиваются сего потому, что не могутъ внести архіерейскому письмоводителю Ширяеву положенныхъ имъ на каждого ста рублей серебромъ; ибо чиновникъ сей, только по получении сей суммы, побуждается преосвященнаго къ богослуженію, которое онъ рѣдко совершаєтъ, а между тѣмъ неплатящіе воспитанники, проживая въ Екатеринославль съ женами, снискиваютъ себѣ пропитаніе—льтомъ пиленіемъ дровъ на пристани, а зимою колотьемъ льда. При семъ воспитанникъ Федоровъ просить обратить начальственное вниманіе на такое горестное его и соучениковъ его положеніе. 2) Преосвященный Иннокентій, отъ котораго по содержанію таковой жалобы требовались свѣдѣнія и самыя дѣла о воспитанникахъ, не произведенныхъ въ священство, въ рапортѣ своемъ св. синоду отъ 30-го минувшаго апрѣля объяснилъ, что жалоба Федорова есть наглая клевета, какъ въ отношеніи къ самому преосвященному, такъ и къ письмоводителю его Ширяеву; что рѣдкому служенію его въ 1849 и 1850 годахъ были причиною болѣзниенные припадки его, и что воспитанникъ Федоровъ не рукоположенъ доселъ потому, что не умѣеть прочесть порядочно часовъ. При семъ преосвященный представилъ производящіяся у него ставленническія дѣла о воспитанникахъ: Федоровъ, Комаревскому, Шереметьеву, Ладдаеву, Иванкову и Постреланеву. Изъ дѣлъ сихъ видно, что они начались 1) 25-го октября, 2) 9-го декабря 1849 года, 3) 22-го мая, 4) 7-го октября, 5) 17-го іюля и 6) 25 сентября 1850 года. Разсмотрѣвъ внимательно объясненіе преосвященнаго Иннокентія и всѣ означенныя дѣла и сообразивъ оныя съ жалобою воспитанника Федорова, св. синодъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что изъясняемыя имъ, воспитанникомъ, нареканія имѣли основаніе въ той непростительной

медленности, какая допущена была преосвященнымъ сперва въ производствѣ дѣлъ, а потомъ въ откладываніи рукоположенія, и хотя нѣтъ въ виду законныхъ доказательствъ, чтобы дѣйствія сіи зависѣли отъ причинъ, указуемыхъ Федоровыми, за всѣмъ тѣмъ нельзѧ не согласиться, что онѣ могли послужить къ жалобамъ со стороны обиженныхъ и даже соблазномъ для постороннихъ, тѣмъ болѣе, что если преосвященный дѣйствительно не могъ служить по болѣзни, то, съ окончаніемъ каждого дѣлопроизводства, надлежало ему отсылать ставлениковъ для рукоположенія къ со-сѣдственнымъ епархіальнымъ архіереямъ и, такимъ образомъ, предотвращать поводъ къ нареканіямъ и жалобамъ. По симъ соображеніямъ, св. синодъ опредѣляетъ: 1) Преосвященному Иннокентію, сдѣлавъ строгій выговоръ какъ за допущеніе столь важнаго безпорядка въ управляемой имъ епархіи, такъ и за неправильное примѣненіе словъ Апостола Павла къ настоящему случаю: а) поспѣшить неотложнымъ рукоположеніемъ упомянутыхъ шести воспитанниковъ и отпускомъ ихъ къ предназначеннымъ для нихъ мѣстамъ, б) письмоводителя Ширяева, для предотвращенія дальнѣйшихъ нареканій и соблазна, перевѣстъ въ одно изъ духовныхъ правлений екатеринославской епархіи въ должностіе столоначальника, в) на будущее время не допускать ни малѣйшей медленности въ производствѣ ставленническихъ дѣлъ и самомъ рукоположеніи кандидатовъ въ священство. Если-же и теперь болѣзненное состояніе препятствуетъ преосвященному исполнять съ надлежащою точностию пастырскія обязанности свои и въ особенности неупустительное совершеніе имъ самимъ богослуженія, то о семъ обязанъ онъ донести св. синоду не медля, къ особому разсмотрѣнію. 2) О семъ, для должностнаго исполненія, послать ему, преосвященному, указъ, съ возвращеніемъ представленныхъ имъ дѣлъ и съ требованіемъ отъ него неукоснительного донесенія о послѣдующемъ¹⁾.

XI. Выговоръ екатеринославскому епископу Гавріилу.

15-го июня 1829 года князь Мещерскій получилъ отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фонъ-Фока частную записку о слѣдующихъ безпорядкахъ по екатеринославскому епархіальному управлению:

1) Въ 1826 году по доносу о злоупотребленіяхъ, будто-бы, симферопольскаго протоіерея Чернявскаго по постройкѣ тамошней церкви, произведено было слѣдствіе, по которому онъ былъ оправданъ; но за всѣмъ тѣмъ, его отрѣшили отъ присутствованія въ духовномъ правлениі и на его

¹⁾ См. въ св. синодѣ указъ 11-го июля 1851 года.

мѣсто назначили доносчика, протоіерея Молчанова. Между тѣмъ, экстрактъ изъ этого дѣла былъ сочиненъ и отданъ секретарю Неводчикову для просмотра, а тотъ держитъ его у себя на квартирѣ три года и до сихъ поръ медлить окончаніемъ дѣла, ожидая отъ Чернявскаго вещественной благодарности.

2) Въ томъ-же 1826 году возникло по Новомосковскому уѣзду между протоіереями Башинскимъ и Щугаловскимъ 16 дѣлъ о растратѣ церковныхъ доходовъ и другихъ злоупотребленіяхъ. Неводчиковъ, получивъ отъ Щугаловскаго въ подарокъ 4 лошади въ 600 руб., до сего времени не давалъ этимъ дѣламъ никакого хода по консисторіи и старался подвести ихъ подъ всемилостивѣйшій манифестъ; наконецъ, епископъ Гаврілъ приказалъ заняться этими дѣлами и дать имъ движеніе.

3) Дѣла ставленниковъ, пріготовляемыхъ къ посвященію, всѣ безъ исключенія находятся не въ консисторіи, какъ слѣдовало-бы, но на дому Неводчикова, съ тою цѣлью, чтобы священно-и церковнослужители приходили къ нему съ благодарностью, которая истощаетъ этихъ бѣдныхъ людей до такой степени, что они для выкупа граматъ и для избѣжанія тягостной проволочки, принуждены занимать у служащихъ въ консисторіи деньги на самое короткое время за неимовѣрные проценты.

4) Дѣла о разныхъ происшествіяхъ въ церквяхъ, на которыхъ, по высочайшему повелѣнію, не распространяется всемилостивѣйшій манифестъ, удерживаются Неводчиковымъ подъ разными предлогами и онъ, обнадеживая виновныхъ то манифестомъ, то маловажностью ихъ проступковъ, получаетъ отъ нихъ взятки.

5) Канцелярія консисторіи, при составленіи вѣдомостей изъ годовыхъ церковныхъ отчетовъ по свѣтчной суммѣ, находя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ совершенное небреженіе и даже утайку денегъ, докладываетъ о томъ Неводчикову, а онъ, вмѣсто принятія мѣръ къ прекращенію такого зла, скрываетъ отъ присутствія безпорядки, списывается съ виновными и получаетъ отъ нихъ по 200 и болѣе рублей; такъ, еще недавно были ему присланы отъ настоятеля іеремонаха Тихона 300 руб., а отъ протопота Кошевскаго лошадь.

Бѣ довершенію сихъ злоупотребленій, находящійся при епископѣ Гаврілѣ домовыемъ секретаремъ губернскій секретарь Николаевскій, за объявленіе ставленникамъ резолюцій преосвященнаго, береть съ каждого отъ 20 до 50 руб. Ежели-же кто по бѣдности, или почему-либо другому, не удовлетворить его требованію, таковыи съ дерзостью и бранью выгоняется изъ комнаты, а за симъ слѣдуетъ отказъ просителю въ его просьбѣ. Кромѣ того, граматы священническія и діаконскія, за кои полу-

жено братъ по 15 коп., продаютъ по 16 руб., 10 копѣчныхъ—по 12 руб., а 5-копѣчныхъ—по 8 руб.¹).

По заведенному порядку записку Фонъ-Фока князь Мещерскій пропроводилъ къ Гавріилу, съ тѣмъ, чтобы онъ обратилъ особенное внимание на содержащіяся въ ней обвиненія, и если найдетъ, что дѣйствительно упомянутыми въ запискѣ лицами допущены какія-либо злоупотребленія, то произвѣль-бы по нимъ изслѣдованіе.

Чтобы оцѣнить объясненіе, данное Гавріиломъ по этой запискѣ, мы должны предварительно сказать нѣсколько словъ объ его характерѣ. Преосвященный Гавріиль имѣлъ самыя патріархальныя свойства: онъ смотрѣлъ на епархію, какъ на свою собственность, которою могъ распоряжаться по произволу, и потому имущество церквей и достояніе причтовъ онъ разсматривалъ, какъ свои оброчныя статьи. Съ такими взглядами, Гавріиль постоянно находился въ зависимости отъ своихъ подчиненныхъ, которые брали взятки и раздавали мѣста, кому хотѣли. Въ Екатеринославль на него имѣлъ вліяніе письмоводитель Николаевскій, въ Одессѣ—келейникъ Драковъ, въ Твери—инподіаконъ Дмитрій Семеновъ. Секретари консисторіи, письмоводители и келейники находились подъ защитою и покровительствомъ Гавріила. Жалобы на лихомство, особенно въ Одессѣ, свидѣтельствуютъ, что преосвященный, защищая взяточниковъ, защищалъ этимъ самого себя. Поэтому неудивительно, что объясненіе Гавріила по запискѣ Фонъ-Фока преимущественно направлено къ оправданію консисторскаго секретаря Неводчикова и архіерейскаго письмоводителя Николаевскаго. Представимъ это объясненіе Гавріила по пунктамъ.

1) О Черніавскомъ преосвященный писалъ, что дѣйствительно дѣло о немъ тянулось съ 1825 года по 1829, но причинъ такого медленнаго производства не изложилъ и даже не послалъ дѣла въ синодъ, какъ этого послѣдній требовалъ.

2) О Молчановѣ Гавріиль доносилъ, что онъ съ 1829 года уже болѣе не присутствуетъ въ духовномъ правленіи, и что онъ, за упущеніе по должности и въ особенности за недостодолжное употребленіе денежнъ, отпущеныхъ на постройку свѣтской лавочки, лишенъ званія благочиннаго. Въ 1826 году между протоіереями Башинскимъ и Цугаловскимъ дѣйствительно возникло немалое число дѣлъ, которыхъ и оставались безъ движенія также до 1829 года, но въ этомъ году были возобновлены.

¹) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1829 года, подъ № 8, по доносу о злоупотребленіяхъ по екатеринославской консисторіи, и въ немъ записку Фонъ-Фока отъ 15-го іюня 1829 года.

лены и о ходѣ ихъ приказано консисторіи доносить ему, преосвященному, еженедѣльно.

3) Неводчиковъ во взятіи у Цугаловскаго 4-хъ лошадей не признался, а изъяснилъ, что за дальностью квартиры отъ консисторіи принужденъ былъ купить сначала одну лошадь, вороную, а потомъ другую, рыжую, что въ 1828 г. тѣхъ лошадей онъ промѣнялъ Цугаловскому на двухъ-же лошадей, стоящихъ нынѣ не болѣе 150 руб., въ чёмъ и сослался на него, присовокупивъ, что, служа безпорочно, невыгодное о себѣ мнѣніе принимаетъ съ крайнимъ прискорбіемъ, лишающимъ его охоты продолжать службу.

4) Цугаловскій также показалъ, что Неводчикову 4-хъ лошадей онъ никогда не давалъ, и что двухъ его лошадей, карюю и гнѣдую, вымѣнялъ на своихъ.

5) Неводчиковъ дѣла консисторскія бралъ къ себѣ, по весьма малому числу способныхъ канцелярскихъ служителей; сіе ему теперь воспрещено. Ставленическія дѣла текутъ не мѣшкотно и не обременительно для ставлениковъ. На притѣсненіе никто ему, преосвященному, не жаловался. За граматы взималось со священниковъ по 15 руб., съ діаконовъ по 9 руб., но не за одинъ только граматы, а также и на клиръ (?!), по указанному предписанію (?!), и на церковныя потребы (?), по положенію предшественниковъ его, преосвященнаго. Нынѣ за граматы взимается сумма, соразмѣрная ихъ стоимости и пересылкѣ изъ Москвы; на клиръ-же пошлина берется теперь сообразно указамъ.

6) Относительно уменьшенія свѣчныхъ доходовъ Гавріилъ писалъ, что оно дѣйствительно замѣчено консисторіею въ тѣхъ мѣстахъ, где хлѣбъ былъ истребленъ саранчею; но, по вновь сдѣланному распоряженію, сумма эта съ 1828 года уже начала увеличиваться.

7) Іеромонахъ Тихонъ отозвался, что онъ точно послалъ деньги Неводчикову, но съ просьбою передать ихъ въ другое мѣсто (?). Неводчиковъ-же на сію статью объясненія не далъ, за приключившееся съ нимъ тяжкую болѣзнь. На вопросъ о лошади, присланной, будто-бы, отъ протоіерея Кошевскаго въ подарокъ Неводчикову, послѣдній отвѣтствовалъ, что, желая вмѣсто двухъ негодныхъ лошадей имѣть одну хорошую, онъ поручилъ въ 1828 году Кошевскому купить такую лошадь, на что и далъ ему 150 руб. Кошевскій по этому пункту показалъ согласно съ Неводчиковыми.

Относительно корыстолюбія Неводчикова Гавріилъ писалъ, что «хотя совѣсти глубины и трудно проникнуть, нельзя однакожъ обѣ умѣренности

его въ томъ не подумать, видя небогатое его состояніе и скромную жизнь при разстроенному здоровью.

«Извѣтъ на Николаевскаго, по объясненію Гавриила, произошелъ отъ зависти другихъ скромной и трезвой его жизни (!); онъ противу сего оправдывается и тѣмъ, что съ августа 1829 года находится боленъ».

Заключеніе объясненія Гавриила написано до того темно, что въ немъ можно понять смыслъ только послѣднихъ словъ. Въ нихъ онъ просить обратить милостивое вниманіе «какъ на секретаря консисторскаго, такъ и на прочихъ»¹).

Такъ какъ улика была слишкомъ ясна, то синодъ, по настоянію оберъ-прокурора, положилъ сдѣлать преосвященному Гавриилу, за допущеніе злоупотребленій и противозаконныхъ поборовъ, строгое замѣчаніе²).

7) *Низведеніе архіереевъ на низшія каѳедры и посылка ихъ на покой.*

Эти два отдѣла соединены въ одинъ, на томъ основаніи, что весьма часто, непосредственно за распоряженіемъ синода о низведеніи какого-нибудь архіерея на низшую епархію, слѣдовало и его увольненіе на покой. Причиною такого явленія были иногда особенные соображенія св. синода, а иногда оскорблѣнное самолюбіе низводимыхъ архіереевъ; и въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ предшествовавшихъ, мы будемъ слѣдовать хронологическому порядку.

I. Низведеніе на низшую епархію пермскаго епископа Діонисія и посылка его на покой.

Въ 1828 году оберъ-прокуроръ св. синода князь Мещерскій получилъ отъ унтеръ-шихтмейстера пермскихъ заводовъ Пермякова прошеніе, въ которомъ онъ жаловался на племянника Діонисія, священника Яковкина, за то, что послѣдній разстроилъ его бракъ съ дочерью умершаго унтеръ-шихтмейстера Падерина, а также и на медленность въ производствѣ дѣла, начатаго имъ, Пермяковымъ, по этому случаю въ пермской консисторіи. Князь Мещерскій потребовалъ объясненія по этой жалобѣ отъ Діонисія, который отвѣчалъ оберъ-прокурору, что бракъ

¹) См. въ дѣлѣ о злоупотребленіяхъ по екатеринославской консисторіи стр. 9—19.

²) Тамъ-же, стр. 20.

Пермякова съ Падериною бытъ остановленъ вслѣдствіе рапорта мѣстнаго благочиннаго, пермскаго каѳедральнаго собора протоіерея Квашнина, ко-торый донесъ ему, что священникъ Яковкинъ не рѣшается ихъ вѣнчать по причинѣ оказавшагося между ними родства. Это обстоятельство за-ставило Діонисія поручить протоіерею Квашнину опредѣлить степень родства между означенными Пермяковымъ и Падериною. Пока это род-ство разбиралось Квашнинъ, а потомъ консисторію, пока консисто-рія представила свое мнѣніе объ этомъ преосвященному и пока приво-дилась въ исполненіе его резолюція, онъ получилъ отъ Падериной и бли-жайшихъ ея родственниковъ прошенія, въ которыхъ они ходатайство-вали дозволить ей выйти замужъ за другого, а не за Пермякова. При-чины, приводимыя въ этихъ прошеніяхъ, заключались въ томъ, будто Падерина къ браку съ Пермяковымъ была принуждаема управителемъ Мотовилихинскаго завода Рыжковскимъ, и что какъ она сама, такъ и родственники ея, никогда не изъявляли своего согласія на этотъ бракъ. «Основываясь на этихъ прошеніяхъ, писалъ въ заключеніе своего объ-ясненія Діонисій, я приказалъ прекратить дѣло о бракѣ Падериной съ Пермяковымъ и позволилъ ей вступить въ бракѣ съ другимъ лицомъ»¹⁾), что дѣйствительно и случилось. Объясненіе Діонисія показалось князю Мещерскому не только неудовлетворительнымъ, но явно обличающимъ его въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, а потому онъ въ предложеніи своемъ синоду рѣшительно обвинялъ преосвященнаго въ незаконныхъ дѣйствіяхъ и находилъ, что ему тотчасъ-же слѣдовало-бы, по полученіи поколѣнной росписи, дать разрѣшеніе на бракъ, потому что изъ нея прямо было видно, что женихъ и невѣста состоять между собою въ 7-й степени свойства, между тѣмъ какъ по указу св. синода отъ 17-го февраля 1810 года дозволены браки въ 5-й степени родства по крови. Но преосвященный, вмѣсто того, приказалъ изготавливать выписки изъ зако-новъ, въ явную противность 2-го пункта своей должности, изображенной въ духовномъ регламентѣ, отъ чего произтекла медленность, къ явной обидѣ просителя, который еще болѣе могъ считать себя притѣсненнымъ, когда преосвященный Діонисій, послѣ разрѣшенія этого брака консисто-рию, сдѣлалъ новую остановку какими-то ненужными вопросами.

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1828 года подъ № 159, по предложенію г. синодаль-наго оберъ-прокурора, съ приложеніемъ прошенія штата главной конторы пермскихъ заводовъ унтеръ-шихтмейстера Пермякова съ жалобою на племянника бывшаго перм-скаго епископа Діонисія, разстроившаго бракосочетаніе его съ дочерью умершаго унтеръ-шихтмейстера Падерина, и въ этомъ дѣлѣ объясненіе преосвященнаго Діонисія отъ 9-го февраля 1828 года.

Послѣдняго показанія Пермякова преосвященный въ отзывѣ своемъ ничѣмъ не опровергъ и не оговорилъ. Наконецъ, послѣ полугодовой приволочки, бракъ Пермякова разстроился и невѣста его, какъ видно изъ просьбы ея родственниковъ, считая, что свадьба не можетъ состояться за родствомъ, вышла замужъ за другого, отъ чего проситель, сдѣлавшій разные расходы къ предстоявшему браку, дѣйствительно понесъ напрасные убытки ¹⁾). Вмѣстѣ съ своимъ предложеніемъ, князь Мещерскій представилъ на разсмотрѣніе синода просьбу Пермякова и объясненіе по ней преосвященнаго Діонисія. На бѣду преосвященнаго, къ этому дѣлу присоединилось еще новое: о раскольникахъ пермской епархіи, по которому была замѣчена синодомъ нетвердая его дѣятельность. Эти обстоятельства были причиною того, что Государь, вѣроятно, отъ самого-же синода получившій свѣдѣнія о бездѣятельности преосвященнаго Діонисія, чрезъ митрополита Серафима приказалъ синоду войти въ разсужденіе о переводе Діонисія въ низшую епархію и о назначеніи на его мѣсто другого архіерея, съ болѣе твердымъ характеромъ, подобно тому, какъ «по высочайшему повелѣнію сдѣланъ переводъ въ прошедшемъ году казанскаго архіепископа въ Тверь» ²⁾.

Но дѣло о низведеніи Діонисія на низшую каѳедру вдругъ приняло другой оборотъ, вслѣдствіе вмѣшательства московскаго митрополита Филарета, который представилъ синоду, что какъ до сего было въ Москвѣ обыкновенно нѣсколько архіереевъ для частыхъ, по особымъ обстоятельствамъ, священнослуженій и крестныхъ ходовъ, и именно: въ 1821 г. находилось три грузинскихъ архіерея, нынѣ-же остается одинъ архіепископъ Досиоей, который отъ священнодѣятельствія въ холодныхъ соборахъ отказывается болѣзню и, сверхъ того, просить увольненія въ отчество, то для службъ, которыя исправляемы были помянутыми архіереями, полезно было-бы назначить епископа Діонисія на пребываніе въ Москвѣ, съ производствомъ ему, по примѣру двухъ грузинскихъ архіереевъ, по три тысячи рублей (асс.) въ годъ. «Я пріемлю смѣлость, докладываль князь Мещерскій Государю, мысль митрополита Филарета повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, прежде нежели поднести формальный докладъ синода о переводе епископа Діонисія, тѣмъ паче, что

¹⁾ Въ томъ-же дѣлѣ предложеніе князя Мещерскаго синоду отъ 26-го мая 1828 года.

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1828 года подъ № 153, по предложенію синодального члена преосвященнаго Серафима, митрополита новгородскаго, съ изѣясненіемъ высочайшаго повелѣнія о переводе пермскаго епископа Діонисія въ другую епархію.

четырехлетний опытъ открылъ въ немъ недостатокъ твердости, которая нужна для управлінія не только пермскою, но и всякою другою епархіею.

«Симъ всеподданѣйшимъ донесеніемъ почитаю я долгомъ ускорить, дабы синодъ успѣхъ къ слѣдующему докладному дню приготовить докладъ о епископѣ Діонисіѣ въ томъ видѣ, какъ благоугодно будетъ Вашему Величеству разрѣшить» ¹⁾.

Этотъ докладъ былъ поднесенъ Государю княземъ Мещерскимъ 16-го апрѣля 1828 года, а 18-го апрѣля онъ предложилъ синоду, что Государь Императоръ, соизволяя на увольненіе пермского епископа Діонисія отъ управлія епархіею, высочайше повелѣть соизволилъ имѣть ему пребываніе въ Москвѣ для исправленія священнослуженія, съ производствомъ ему на содержаніе по три тысячи рублей (acc.) въ годъ изъ суммъ, на духовный департаментъ ассигнуемыхъ ²⁾.

II. Увольненіе на покой архангельского епископа Аарона и низведеніе Георгія полтавскаго на архангельскую каѳедру.

Мы выше видѣли, что преосвященный Ааронъ подвергся высочайшему выговору за принятіе участія въ церемоніи и освященіи при закладкѣ англиканской церкви въ Архангельскѣ. Сверхъ того, до св. синода доходили на него и жалобы. Такъ, въ 1826 году коллежскій совѣтникъ Назимовъ жаловался св. синоду, что Ааронъ, при возникшемъ у него, Назимова, несогласіи съ женою, вошелъ въ разбирательство поданныхъ ею жалобъ, въ которыхъ она просила его содѣйствія къ воспрепятствованію мужу взять съ собою въ Петербургъ ее и сына, и что преосвященный своими резолюціями по тѣмъ жалобамъ, вовсе не относившимися къ его разсмотрѣнію и сужденію, усилилъ семейнуюссору и помрачилъ честь его, Назимова, обидными выраженіями ³⁾. Государь, какъ-то узнавшій объ этомъ дѣлѣ, приказалъ, чтобы по принесенной св. синоду

¹⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода годъ 1828, № 230.

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1828 года, № 153, по предложенію синодального члена преосвященнаго Серафима, съ изъясненіемъ высочайшаго повелѣнія о переводѣ пермского епископа Діонисія въ другую епархію.

³⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1826 года, № 314, по прошенію коллежскаго совѣтн. Назимова, съ жалобою на неправильное вступленіе преосвященнаго архангельского въ разбирательство жалобъ на него жены его, и въ немъ прошеніе Назимова и предложеніе князя Мещерскаго синоду.

жалобъ Назимова на распоряжение Аарона донесено было ему какъ объ отзывѣ, какой полученъ будеть по этому предмету отъ преосвященнаго, такъ и о заключеніи по немъ св. синода¹). Заключеніе синода по дѣлу Назимова обвиняло Аарона; синодъ отмѣнилъ всѣ резолюціи его по этому дѣлу и прекратилъ всякое по нимъ дѣйствіе, а разсмотрѣніе и рѣшеніе возникшихъ между Назимовымъ и женою его несогласій предоставилъ свѣтскому начальству; потомъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ присвоилъ себѣ непринадлежащую ему власть и, «дѣйствуя во всѣхъ случаяхъ безъ основаній и узаконеннаго порядка, по образу своихъ только собственныхъ сужденій, позволялъ себѣ употреблять въ резолюціяхъ выраженія смѣлыя и оскорбительныя»²), и, въ заключеніе, подтвердилъ ему «отнюдь не входить впредь въ разсмотрѣніе дѣлъ, другой власти принадлежащихъ, да и дѣла, кои принадлежать суду духовнаго правительства, разбирать осмотрительно, и тѣ изъ нихъ, кои требуютъ законнаго изслѣдованія, поручать консисторіи и ожидать, пока оныя придутъ къ нему по порядку, не вмѣшиваясь и въ оныя преждевременными предложеніями, развѣ только цѣбутительными, въ случаѣ медленнаго производства по консисторіи»³). Это заключеніе синода и объясненіе Аарона были доложены Государю княземъ Мещерскимъ. Послѣ рѣшенія этого дѣла, св. синодъ на Аарона, котораго положеніе становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, смотрѣлъ очень непріязненно и, наконецъ, составилъ о немъ слѣдующій докладъ Государю: «Изъ вступающихъ въ св. синодъ дѣлъ открывается, что по управлению архангельскою епархіею возникаютъ разные беспорядки, по коимъ судить можно, что тамошній епископъ Ааронъ не оправдалъ избрания своего къ сей должности. Многія предписанія, данныя синодомъ къ направленію дѣйствій его сообразно порядку, не имѣли доселе должнаго успѣха. Епископъ Ааронъ въ донесеніяхъ своихъ синоду самъ сознаетъ себя не въ силахъ управлять болѣе помянутою епархіею и потому просить перемѣстить его въ другую или уволить вовсе на покой. Синодъ признаетъ нужнымъ назначить въ архангельскую епархію другаго архіерея, полагая уволить епископа Аарона на покой, съ дозволеніемъ ему избрать для пребыванія своего монастырь и съ назначеніемъ ему пенсіи, на основаніи прежніхъ примѣровъ, по 2,000 рублей (acc.)»⁴).

¹) Тамъ-же, предложеніе князя Мещерского синоду отъ 19-го февраля 1827 г.

²) Тамъ-же, указъ св. синода отъ 15-го апрѣля 1827 года.

³) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 15-го апрѣля 1827 г.

⁴) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 9-го августа 1830 года о перемѣщеніи полтавскаго епископа Георгія въ архангельскую епархію, по увольненіи

Но прежде чѣмъ члены синода приступили къ окончательному заключенію по этому дѣлу, князь Мещерскій довелъ до ихъ свѣдѣнія о нравственныхъ дѣйствіяхъ полтавскаго епископа Георгія, съ тою цѣлью, чтобы низвестъ его съ полтавской каѳедры на архангельскую, имѣющую сдѣлаться праздною по увольненіи на покой Аарона. Георгій отличался непомѣрнымъ корыстолюбіемъ, для удовлетворенія котораго онъ, между прочимъ, устроилъ при архіерейскомъ домѣ свѣтчную епархіальную лавку, отдалъ ее на откупъ, и предписалъ всѣмъ церквамъ своей епархіи покупать изъ нея свѣчи¹). Князь Мещерскій обѣ этомъ поступкѣ получилъ безыменный доносъ, а потому нужно было его провѣрить. Съ этого цѣлью онъ обратился съ конфиденціальнымъ письмомъ къ малороссійскому генераль-губернатору князю Репнину. «До свѣдѣнія моего—писалъ князь Мещерскій—доходили неоднократно слухи о злоупотребленіяхъ, замѣченныхъ по управлѣнію полтавскою епархіею, въ которой якобы въ пользу самого преосвященнаго допускаются разные противузаѣмные поборы съ просителей. По таковымъ слухамъ рѣшился я обратиться къ вашему сіятельству, какъ къ главному начальнику того края, съ покорнѣйшею просьбою почтить меня своимъ увѣдомленіемъ, не извѣстны-ли вамъ, милостивѣйшій государь, какія-либо пристрастныя дѣйствія или предосудительныя послабленія по епархіальному управлѣнію по Полтавской губерніи, которая могли-бы подать вѣрное понятіе о нравахъ и способностяхъ самого начальника епархіи.

«Не считаю нужнымъ присовокуплять, что переписку нашу по сему предмету желалъ-бы я сохранить въ совершенной тайнѣ. Ваше сіятельство, конечно, сами признаете достаточную къ тому причину, какъ въ существѣ самого дѣла, такъ и въ необходимомъ уваженіи къ лицу, облеченному высокимъ священнымъ саномъ»²).

Отвѣтъ князя Репнина былъ уклончивъ и нерѣшителенъ. Вотъ онъ: «Письмо, коимъ ваше сіятельство почтить меня изволили, принялъ я знакомъ лестнаго для меня довѣрія вашего; но, признаюсь вамъ, милостивѣйшій государь, что весьма затрудняюсь исполненіемъ требуемаго вами;

отъ управлѣнія сею послѣднею епископа Аарона, и въ немъ докладъ свѣт. синода Государю.

¹) См. въ той-же канцеляріи дѣло 7-го ноября 1829 года обѣ устроенной преосвященнымъ полтавскимъ при домѣ своемъ свѣтчной лавки, съ отдачею оной на откупъ.

²) См. въ приведенномъ дѣлѣ о перемѣщеніи полтавскаго епископа въ архангельскую епархію, по увольненіи отъ управлѣнія послѣднею епископа Аарона, письмо князя Мещерскаго къ князю Репнину.

совѣсть не позволяетъ обвинять кого-либо безъ ясныхъ и сильныхъ дово-
довъ, а я ихъ не имѣю.

«Преосвященный нашъ нѣсколько опрометчиваго характера; распо-
ряженія его оскорбили многихъ; уваженіе мое къ его сану оградило и
меня, но теперь, по милости Божіей, сношенія наши дружественныя; съ
другими-же онъ остается въ прежнемъ положеніи, почему и можно пола-
гать, что слухи о злоупотребленіяхъ, какъ здѣсь распространившіяся,
такъ и до вашего сіятельства достигшіе, увеличены недовольными»¹⁾.

Несмотря на такой нерѣшительный отзывъ князя Репнина, князь Мещерскій былъ до того увѣренъ въ корыстолюбивыхъ дѣйствіяхъ Георгія, что доложилъ о нихъ синоду, какъ о предметѣ совершенно ему извѣстномъ. «Я почелъ нужнымъ—пишетъ онъ въ докладѣ своемъ Го-
сударю—увѣдомить членовъ синода о дошедшіхъ до меня частныхъ
свѣдѣніяхъ касательно корыстолюбивыхъ дѣйствій полтавскаго епископа
Георгія по управлению ввѣренной ему епархией. Хотя свѣдѣнія сіи, по
секретному сношенію моему съ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ
достаточно и не подтверждаются, ибо изъ отзыва его видно, что
къ онѣмъ могли служить поводомъ необходительное обращеніе сего
епископа съ разными лицами и даже самимъ военнымъ губернаторомъ,
который, впрочемъ, состоить нынѣ съ нимъ, какъ пишетъ, въ хоро-
шихъ отношеніяхъ; но, за всѣмъ тѣмъ, поелику вышеозначенныя свѣ-
дѣнія оставляютъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ дѣйствій епископа Георгія,
то по важности мѣста и званія его не могли не быть приняты мною
въ особенное вниманіе»²⁾.

Члены синода, выслушавшіе такое предложеніе князя Мещерскаго,
вошли въ разсужденіе и положили слѣдующее рѣшеніе по дѣлу Георгія:
«Формальнымъ изслѣдованіемъ къ раскрытию такихъ дѣйствій не
всегда можно достигнуть сей цѣли, поелику къ оному требуются ясныя
и опредѣленныя доказательства, кои при подобныхъ случаяхъ рѣдко
представить возможно, а между тѣмъ, можетъ быть чрезъ сіе потря-
сено должное уваженіе къ сану епископа. Имѣя въ виду примѣры, что
въ случаяхъ сомнительныхъ дѣйствій архіереевъ были они иногда пере-
водимы изъ одной епархіи въ другую, для испытанія на новомъ мѣстѣ
ихъ служенія, они полагаютъ, что мѣра сія могла-бы быть употреблена

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ о перемѣщеніи полтавскаго епископа Георгія
письмо князя Репнина къ князю Мещерскому.

²⁾ См. въ приведенномъ выше дѣлѣ о перемѣщеніи полтавскаго епископа Георгія
докладъ князя Мещерскаго Государю Императору.

и въ настоящемъ случаѣ назначеніемъ епископа Георгія къ переводу въ архангельскую епархію, потому болѣе, что самыи переводъ сей изъ епархіи полтавской, которая по выгодамъ, предоставленнымъ епархіальнымъ архіереямъ, есть лучшая противъ архангельской, могъ-бы служить и въ видѣ исправительной мѣры, въ случаѣ если бы были дѣйствительно какія-либо со стороны сего епископа непозволенныя дѣйствія¹⁾.

Государь утвердилъ опредѣленіе синода и, такимъ образомъ, Георгій изъ Полтавы переведенъ былъ въ Архангельскъ, на мѣсто уволеннаго на покой Аарона.

III. Низведеніе нижегородскаго епископа Амвросія на пензенскую епископію.

О нравственномъ характерѣ Амвросія и обѣ образѣ его управлениія мы уже упоминали не разъ; а потому здѣсь прямо приступимъ къ описанію тѣхъ двухъ обстоятельствъ, которыя послужили поводомъ къ низведенію его на низшую каѳедру. Первое изъ этихъ обстоятельствъ было то, что Амвросій, безъ всякаго суда и слѣдствія, по однимъ своимъ резолюціямъ, подвергъ разнымъ наказаніямъ 13 діаконовъ, большая часть которыхъ была лишена мѣстъ и права священнослуженія. Такое самоназвание возбудило протестъ со стороны обиженныхъ Амвросіемъ и по разсмотрѣніи дошедшіхъ отъ нихъ до св. синода жалобъ, приказано было преосвященному отмѣнить свои распоряженія касательно этихъ діаконовъ, чтѣ имъ хотя и было исполнено, по съ неумѣстными возраженіями. Къ этому обстоятельству присоединилось еще и другое. Въ го-родѣ Балахнѣ огласили святымъ одного монаха, по имени Пафнутія, умершаго слишкомъ за двѣстѣ лѣтъ тому назадъ. Стали разсказывать, особенно женщины, о разныхъ чудесахъ, будто-бы бывающихъ на его могилѣ. Амвросій, основываясь на этихъ росказняхъ, безъ всякаго сношенія съ синодомъ, какъ-бы канонизовалъ Пафнутія и приказалъ построить надъ его гробомъ церковь. Между тѣмъ, обслѣдованіе и историческія соображенія открыли, что на томъ мѣстѣ, где построена церковь, никогда не было похоронено никакого іеромонаха Пафнутія. Синодъ послѣ этого уже не могъ быть снисходителенъ къ Амвросію, и вотъ состоялось опредѣленіе о переводѣ его въ низшую по степени епархію. «Поелику преосвященный епископъ нижегородскій, имѣя въ виду, какъ теперь доносить, невыгодныя о нѣкоторыхъ изъ діаконовъ

¹⁾ См. вышеупомянутый докладъ князя Мещерскаго.

свѣдѣнія, не представилъ ихъ въ свое время св. синоду и тѣмъ самыи вовлекъ оный, по мнѣнію его, въ несправедливое о нихъ заключеніе; когда-же, по таковому представленію его, получилъ указъ изъ онаго, несогласный съ его распоряженіями, въ противность чина архіерейскія присяти и 7-го пункта именнаго высочайшаго указа 1802 г. сентября 8-го дня, дозволилъ себѣ возражать противъ онаго съ дерзновенными выраженіями, то за таковыя его дѣйствія хотя-бы и слѣдовало подвергнуть его отвѣтственности, тѣмъ-же чиномъ архіерейскія присяти положенной, но, по уваженію къ прежней хорошей и немало-временной его службѣ, перемѣстить его нынѣ въ другую, третьяго класса нисшей степени епархію, съ строжайшимъ, впрочемъ, подтверждениемъ, что впредь за подобный беспорядокъ и неповиновеніе указнымъ предписаніямъ высшей власти подвергнется строгому по законамъ суждению» ¹).

Нечаевъ, исправлявшій за князя Мещерскаго должность оберъ-прокурора св. синода, въ докладѣ своемъ Государю написалъ объ Амвросіѣ, что въ дѣйствіяхъ его замѣчено много произвола и неосновательности и потому онъ находитъ неловкимъ оставить его въ той епархіи, гдѣ немалое число его распоряженій не только не было одобрено синодомъ, но даже совсѣмъ отмѣнено, какъ несогласныя съ строгимъ законнымъ порядкомъ. «Почему—продолжаетъ Нечаевъ—лучшею въ семъ случаѣ мѣрою представляется переводъ сего архіерея въ иную епархію; а чтобы переводъ таковой послужилъ вмѣстѣ и вразумленіемъ ему дѣйствовать впредь осмотрительнѣе, конечно, небезполезно сдѣлать оный съ нѣкоторымъ пониженіемъ.

«Изъ другой записки, при семъ-же докладѣ прилагаемой, объ оглашеніи за святаго умершаго монаха Пафнутия, Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть новую причину къ перемѣщенію епископа Амвросія, котораго самомнѣніе, не терпящее возраженій, и самоуправство, уклоняющееся отъ строгой подчиненности законному порядку, должны быть приведены въ тѣснѣйшія границы» ²).

Докладъ синода о низведеніи Амвросія возвратился отъ Государя съ слѣдующею резолюціею: «Перевѣсть; бывъ въ Нижнемъ, Я самъ за-

¹) См. въ св. синодѣ дѣло 1835 года № 1604, по опредѣленію св. синода о переведеніи преосвященнаго епископа нижегородскаго Амвросія на другую, низшей степени, епархію, и въ немъ опредѣленіе синода 29-го октября 1834 года.

²) См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода, годъ 1835, № 5 и 6.

мѣтиль, что онъ не охотникъ исполнять волю начальства; его надо имѣть подъ строгимъ надзоромъ»¹⁾.

Синодъ предположилъ низвестъ Амвросія на пензенскую каѳедру, которую занималъ въ то время епископъ Іоаннъ, и это предположеніе было удостоено 19-го января 1835 года высочайшаго утвержденія²⁾. Такимъ образомъ, Амвросій былъ переведенъ въ Пензу, а Іоаннъ въ Нижній-Новгородъ. Въ указѣ о перемѣщении Амвросія на новую епископію не только выставлены были тѣ незаконныя его дѣйствія, за которыя онъ подвергся пониженію, но «и въ сообразность, какъ выражается синодъ, высочайшей волѣ Государя Императора, для ближайшаго надзора за дѣйствіями епископа Амвросія по управлѣнію вновь вѣренною ему епархію, сверхъ общихъ положеній, по коимъ рѣшенія и распоряженія епархіальныхъ архіереевъ подлежать ревизіи или утвержденію св. синода»³⁾, постановлены были новыя правила для епархіального управлѣнія Амвросія. Эти правила, довольно сильно ограничивавшія его дѣятельность и стѣснявшія его произволъ, были слѣдующія: «а) въ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлахъ, во всякомъ случаѣ, когда епископъ Амвросій не будетъ согласенъ съ мнѣніемъ консисторіи, или только съ большинствомъ голосовъ въ ней, то, не отмѣняя и не измѣняя такового мнѣнія, онъ обязанъ представлять его съ своимъ заключеніемъ на предварительное разсмотрѣніе св. синода; б) если епископъ Амвросій признаетъ нужнымъ уволить или удалить отъ должности кого-либо изъ присутствующихъ консисторіи, то на это, съ изъясненіемъ уважительныхъ причинъ, долженъ испрашивать разрѣшенія отъ св. синода, представляя вмѣстѣ на предполагаемую вакансію двоихъ кандидатовъ, съ подробными списками о ихъ службѣ; в) сверхъ того, предоставить г. синодальному оберъ-прокурору подтвердить секретарю пензенской консисторіи, чтобы онъ во всякомъ случаѣ, когда въ нынѣшнемъ епархіальномъ управлѣніи усмотрѣно будетъ отступленіе или несообразность съ правилами церкви и законными постановленіями, тотчасъ о томъ доносить оберъ-прокурору, не останавливая, вирочемъ, исполненія по рѣшеніямъ и распоряженіямъ епархіального начальства»⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же, докладъ 1835 года за № 5.

²⁾ Въ томъ-же дѣлѣ указъ св. синода епископу Амвросію отъ 18-го января 1835 года.

³⁾ См. въ дѣлѣ о переведеніи преосвященнаго епископа нижегородскаго Амвросія въ другую, низшій степени, епархію указъ св. синода.

⁴⁾ См. вышеприведенный указъ св. синода отъ 18-го января 1835 года.

IV. Низведеніе вятскаго епископа Іоанникія на оренбургскую каѳедру.

Въ числѣ кандидатовъ на оренбургскую каѳедру былъ представлѣнъ, вмѣстѣ съ двумя архимандритами Ниломъ и Феодотіемъ, и епископъ вятскій Іоанникій. Такъ какъ это сопоставленіе могло показаться страннымъ и броситься въ глаза Государю, то кнѧзь Мещерскій объяснилъ причины этого явленія въ слѣдующей докладной запискѣ: «Поднося при семъ докладъ св. синода объ избранныхъ на вакансію оренбургской архиерейской каѳедры кандидатахъ, долгомъ почитаю представить Вашему Императорскому Величеству предварительное объясненіе о причинѣ, почему въ чицло ихъ внесенъ, совокупно съ двумя архимандритами, епископъ вятскій Іоанникій занимающій нынѣ каѳедру хотя также третьеклассной епархіи, но старшой противу оренбургской. Побужденіемъ къ сему назначенію были особенные обстоятельства вятской епархіи и учрежденныхъ въ ней миссій, по которымъ, при всей благонамѣрности нынѣшняго начальника, остается еще желать въ занимающемъ сіе мѣсто особенной твердости и личной настойательности въ надзорѣ управлѣнія. Въ сей епархіи замѣчено не всегда просвѣщенное и усердное, и не всегда безкорыстное дѣйствованіе приходскаго духовенства относительно неутвержденныхъ въ вѣрѣ черемисъ и вотяковъ; донесенія объ успѣхахъ миссій оказываются не во всѣхъ частяхъ вѣрными, а со стороны епископа Іоанникія неполная мѣра силы характера, каковая въ преимущественной степени требуется въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы ближайшимъ и точнѣйшимъ образомъ открыть положеніе дѣлъ и людей и дать тѣмъ и другимъ рѣшительное направлѣніе къ лучшему. Напротивъ того, оренбургская епархія, малочисленная и по населенію военному зависящая наиболѣе отъ особеннаго поставленнаго надъ нимъ начальства, не представляетъ такихъ трудностей въ своемъ управлѣніи, почему и можно надѣяться, что епископъ Іоанникій, пріобрѣвшій уже и некоторую опытность въ епархиальномъ управлѣніи, будетъ здѣсь существеннѣе полезенъ, ежели Вашему Величеству благоугодно будетъ назначить его на сію каѳедру.

«Члены св. синода, препоручая мнѣ всеподданнѣйше доложить о таковомъ ихъ предположеніи, изъявляли мнѣніе, что было-бы по обстоятельствамъ обѣихъ епархій полезнѣйшо мѣрою, еслибы поступилъ на оренбургскую каѳедру сей первый кандидатъ—епископъ Іоанникій, съ

сохраненiemъ настоящей своей степени (ибо пониженія не заслуживаетъ), какъ о томъ упомянуто и въ синодскомъ докладѣ, а въ вятскую епархію былъ опредѣленъ другой начальникъ, съ качествами, наиболѣе для дѣлъ ея нужными.

«Исполняя сіе порученіе, относительно прочихъ кандидатовъ, архимандритовъ Феодотія и Нила (которые находятся теперь здѣсь на чредѣ священнослуженія), осмѣливаюсь присовокупить, что члены синода разумѣютъ ихъ равно способными къ занятію архіерейскихъ вакансій; но по моему наблюденію третій кандидатъ, архимандритъ Нилъ, хотя и моложе другаго, но сдѣвали не будетъ надежнѣе для епархіального управлѣнія¹⁾.

Государь согласился съ мнѣніемъ оберъ-прокурора св. синода; Иоанникій былъ переведенъ въ Уфу, а на его мѣсто назначили Нила²⁾.

•

V. Увольненіе на покой екатеринославскаго архіепископа Феофила.

Преосвященный Феофиль любилъ кутежи, въ которыхъ принималъ участіе екатеринославскій вице-губернаторъ. Эти пиршества иногда оканчивались ссорою между ними. Сверхъ того, почти достовѣрно было извѣстно и то, что Феофиль бралъ взятки при посредствѣ своего письмоводителя Жуковскаго. Бенкендорфъ, извѣщеній о такихъ поступкахъ преосвященнаго, представилъ о немъ Государю Императору слѣдующуя записку: «Архіепископъ Феофиль имѣетъ несчастную привычку употреблять большое количество горячительныхъ напитковъ, даже до неистойности. Говорять, что онъ причастенъ и лихоимству. Для сбора употребляетъ келейника, который по представленію его получилъ чинъ и несправедливо представленъ къ ордену, якобы за спасеніе утонавшихъ, коихъ вытащили изъ воды сторонніе люди»³⁾.

Записка Бенкендорфа была передана по приказанію Императора Николая князю Мещерскому, который, чтобы удостовѣриться въ фактахъ,

¹⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода годъ 1835, № 305.

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1835 года, подъ № 1611, о перемѣщеніи Иоанникія, епископа вятскаго, на каѳедру оренбургской епархіи и о бытіи ректору ярославской семинаріи архимандриту Нилу епископомъ вятскимъ.

³⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода годъ 1827, № 201.

въ ней изложенныхъ, вошелъ въ переписку съ екатеринославскимъ губернаторомъ Свѣчинымъ и статскимъ совѣтникомъ Мизко. Собранныя этимъ путемъ свѣдѣнія князь Мещерскій изложилъ въ своеемъ докладѣ Государю, въ которомъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «Какъ и до меня доходили нѣсколько подобные, хотя, впрочемъ, и, весьма неопределенные слухи, то по важности лица и предмета почель я нужнымъ скретно отнести къ екатеринославскому гражданскому губернатору Свѣчину и начальнику екатеринославскаго комитета Израильскихъ христіанъ, статскому совѣтнику Мизко, особенно известному мнѣ издавна по его доброй нравственности, чтобы они безъ отгаски и формальныхъ изысканій развѣдали подъ рукою о сущности дѣла. Отношенія мои обращены къ симъ лицамъ къ каждому порознь, дабы имѣть свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ и сличить ихъ. Нынѣ получены отзызы: 1) отъ губернатора Свѣчина, что онъ подтверждаетъ дошедшія сюда свѣдѣнія, выше изложенные; описываетъ поведеніе находящагося при архіепископѣ чиновника 14 класса Жуковскаго касательно непозволительного вымогательства денегъ у просителей и упоминаетъ о неправильномъ представлении его къ наградѣ орденомъ. Онъ присовокупилъ, что смѣлъя дѣйствія Жуковскаго рождаются сомнѣніе и на счетъ самого архіепископа.

«Ко мнѣ дѣйствительно поступило отъ екатеринославскаго архіепископа представление о наградѣ Жуковскаго за приведеніе въ порядокъ запущенныхъ по консисторіи дѣлъ, коихъ показано 128. 2) Отъ статскаго совѣтника Мизко, что мѣстная молва дѣйствительно описываетъ происшествіе между вице-губернаторомъ и архіепископомъ, сомнѣнія тамошней публики о нетрезвости послѣдняго, причины сихъ сомнѣній и невыгодное общее мнѣніе о келейнике Жуковскомъ. Мизко присовокупилъ утвердительно, что архіепископъ вообще не пользуется любовью и довѣрѣнностью своей паствы.

«Прежде сего въ подобныхъ случаяхъ, касавшихся архіереевъ, обыкновенно съ высочайшаго дозволенія сообщаемо было чрезъ митрополита подъ рукою, чтобы просили увольненія отъ епархіи, для успокоенія въ одномъ изъ монастырей, въ коемъ пожелаютъ».

Государь на докладѣ князя Мещерскаго написалъ: «Велѣть просить увольненія; о Жуковскомъ взять мѣры, чтобы приведенъ былъ къ порядку, взявъ на то мѣры по вашему усмотрѣнію»¹⁾.

Послѣ всего этого, Феофиль не замедлилъ прислать въ синодъ

¹⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода 1827 годъ, № 201.

просьбу о своемъ увольненіи по слабости здоровья отъ управлениі ввѣренною ему епархіею, и синодъ разрѣшилъ ему отбыть на покой.

VI. Низведеніе епископа Елпидифора съ каменець-подольской каѳедры на вятскую.

Выше было сказано о дѣйствіяхъ преосвященнаго Елпидифора, за которымъ онъ получилъ отъ св. синода строгій выговоръ, вскорѣ сдѣлавшійся извѣстнымъ всей епархіи. Вслѣдствіе этого выговора, положеніе преосвященнаго въ Подольскѣ стало весьма неловкимъ и щекотливымъ, особенно-же послѣ того, когда онъ, по указу синода, долженъ былъ собранною его свитою, во время поѣздки по епархіи, деньги обратить въ подольское попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія. Оболо этого времени упразднилась архіерейская каѳедра въ Петрозаводскѣ и по этому случаю произошло перемѣщеніе архіереевъ, которымъ воспользовался синодъ для наказанія Елпидифора. Въ Петрозаводскѣ перевели пермскаго преосвященнаго Аркадія, которому было также неловко оставаться въ Перми, послѣ такъ-называемой архаровской исторіи¹⁾). На мѣсто Аркадія въ Пермь перемѣстили вятскаго епископа Неофита, а на его мѣсто Елпидифора.

VII. Посылка на покой екатеринославскаго епископа Иннокентія.

Выговоръ, довольно жесткій, сдѣланный Иннокентію синодомъ, по жалобѣ на него воспитанника екатеринославской семинаріи Ивана Федорова²⁾), такъ оскорбилъ самолюбіе преосвященнаго, что онъ немедленно по полученіи этого выговора прислалъ въ синодъ прошеніе объ увольненіи его на покой по слабости здоровья, на что и послѣдовало согласіе синода.

¹⁾ См. выше въ отдѣлѣ о ревизіяхъ надъ архіереями ревизію пермскаго епархіального управлениія.

²⁾ См. выше выговоръ Иннокентію, епископу екатеринославскому, и также указъ синода отъ 11-го июня 1851 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КО ВТОРОЙ КНИГѢ

„Материаловъ для исторіи православной церкви въ царствованіе императора Николая I“.

(Цифрами показаны страницы книги).

Ааронъ, епископъ архангельскій: его участіе въ церемоніи закладки англиканской церкви въ Архангельскѣ 341.

Увольненіе его на покой 373.

Агафоновъ, тит. совѣтникъ, помощникъ секретаря оренбургской консисторіи: вопросъ о сожжениі имъ, совмѣстно съprotoіереемъ Кандарицкимъ, бумагъ оренбургской консисторіи 93.

Злоупотребленія, въ которыхъ онъ былъ изображенъ ревизіею 107.

Александръ, архимандритъ Соловецкаго монастыря: его назначеніе епископомъ архангельскимъ, на мѣсто переведеннаго въ Пензу Варлаама 339.

Алексѣевъ, Василій, сельскій священникъ 315.

Альбановъ, помощникъ секретаря кавказской консисторіи 312.

Амвросій, преосвящ. пензенскій: его характеристика 250.

Его прежнія отношенія къ митрополиту с.-петербургскому Антонію 252.

Его борьба съ секретаремъ консисторіи Ошанинымъ 253.

Ревизія пензенскаго епархіального управлінія 257.

Отзывъ ревизора Варлаама о дѣятельности Амвросія 261.

Указъ синода по поводу ревизіи 274.

Жалоба священника Охотина на Амвросія и объясненія послѣднаго синоду 267.

Предписаніе синода Амвросію по дѣлу Штерна 269.

Обращеніе Амвросія къ митрополиту Антонію 269.

Указъ синода по дѣлу Амвросія и Ошанина 271.

Амвросій, епископъ нижегородскій: низведеніе его на пензенскую епископію 377.

Резолюція имп. Николая I на докладѣ об Амвросіѣ 378.

Амфілохій, архимандритъ, посланный синодомъ въ Саранскъ для ревизіи по дѣлу настоятеля мѣстнаго монастыря, Феофила 267.

Англиканская церковь въ Архангельскѣ: церемонія ея закладки при участіи епископа Аарона 341.

Приговоръ св. синода по этому дѣлу 344. Мнѣніе имп. Николая I 345.

Антоній, іеромонахъ, отданный подъ судъ за прелюбодѣйство 2.

Антоній, ректоръ кіевской семинаріи: отправка его на ревизію въ Петрозаводскъ по случаю бездѣятельности олонецкаго архіепископа Венедикта 308.

Апполинарій, архимандритъ, посланный синодомъ во Псковъ для ревизіи 219.

Факты, обнаруженные этой ревизіей 220.

Аркадій, архіепископъ пермской: его борьба съ секретаремъ мѣстной консисторіи Архаровымъ 272.

- Отзывъ Аркадія обѣ Архаровѣ 275.
 Письмо Аркадія къ оберъ-прокурору св. синода Пратасову обѣ Архаровѣ 286.
 Его изворотливое объясненіе по поводу доноса Архарова 289.
 Синодъ назначаетъ ревизію пермского епархіального управлінія 291.
 Мнѣніе ревизіонной комиссіи 292.
 Опредѣленіе синода по поводу этой ревизіи 298.
 Переимѣщеніе Аркадія въ Петрозаводскъ 299.
- Аркадій**, архіепископъ олонецкій: команда-ровка его синодомъ въ Архангельскъ для разбора недоразумѣній между мѣстнымъ епископомъ Варлаамомъ и военнымъ губернаторомъ Бойлемъ 333.
 Его донесеніе синоду 334.
 Принятіе Аркадіемъ епархіи отъ Варлаама 336.
 Отчетъ Аркадія синоду 337.
- Архаровъ**, секретарь костромской консисторіи: его враждебныя отношенія къ епископу Виталию 178.
 Протестъ Архарова противъ дѣйствій архіепископа Евгения, производившаго слѣдствіе по дѣламъ костромского епархіального управлінія 186.
- Архаровъ**, секретарь пермской консисторіи: его борьба съ архіереемъ Аркадіемъ 272.
 Донесеніе Архарова на Аркадія 274.
 Безпорядки въ пермскомъ епархіальномъ управлініи, указанные Архаровымъ 277.
 Новые доносы Архарова 290.
 Ревизія пермского епархіального управлінія 291.
 Мнѣніе ревизіонной комиссіи 292.
 Опредѣленіе синода по поводу этой ревизіи 298.
- Архіереи**: ихъ работѣнныя отношенія къ оберъ-прокурору св. синода графу Пратасову 174.
 Выговоры имъ (см. *выговоры архіереевъ*).
 Низведеніе ихъ на низшія каѳедры и отсылка ихъ на покой 370.
- Аѳанасій**, архимандритъ, ревизовавшій тифлісскую семинарію 154.
 Его отчетъ обѣ этой ревизіи 170.
- Басхаровъ**, священникъ, экономъ тифлісской семинаріи: его жалоба на семинариста Тинникова 145.
- Бенкендорфъ**, ген.-адъютантъ: его записка къ имп. Николаю I о непристойномъ поведеніи екатеринославскаго архіепископа Феофила 381.
- Бибиковъ**, кіевскій генералъ-губернаторъ: его отношенія къ викарію Варлааму 328.
- Бойль**, архангельскій военный губернаторъ: нареканія на него мѣстнаго епископа Варлаама 331.
 Повелѣніе имп. Николая I по этому поводу 333.
 Смерть Бойля 339.
- Брѣевъ**, протоіерей, членъ оренбургской консисторіи 87.
- Бутурлинъ**, гвардій ротмістръ: его донесеніе Чернышеву по дѣлу обѣ избѣженій діакона Антонія Терентьевъ помѣщикомъ Давыдовымъ 63.
- Варлаамъ**, экономъ иркутскаго архіерейскаго дома: его рапортъ консисторіи по дѣлу архіепископа Иринея 25.
 Показанія Варлаама передъ иркутскою слѣдственою комиссией по этому дѣлу 53.
- Варлаамъ**, епископъ архангельскій: слѣдствіе надъ нимъ 327.
 Его характеристика 328.
 Выговоръ ему отъ синода 329.
 Его пререканія съ архангельскимъ военнымъ губернаторомъ Бойлемъ 331.
 Повелѣніе имп. Николая I по этому поводу 333.
 Сдача епархіи Варлаамомъ архіепископу Аркадію 336.
 Прибытіе Варлаама въ Петербургъ 337.
 Защита Варлаама архимандритомъ Соловецкаго монастыря Александромъ 339.
 Переводъ Варлаама въ Пензу 339.
- Варлаамъ**, кіевскій викарій, назначенный ревизоромъ пензенскаго епархіального управлінія 257.
 Отзывъ его о членахъ пензенской консисторіи 258.
 Отзывъ его о дѣятельности преосвящ. Амвросія 261.
- Васильевъ**, секретарь кавказской консисторіи: его борьба съ преосвященнымъ Ioannикіемъ 313.
 Доносы Васильева на Ioannіка 314.
 Отзывъ ревизора Евгения о Васильевѣ 317.
 Указъ синода по поводу ревизіи 324.
 Увольненіе Васильева отъ службы по духовному вѣдомству 325.

Венедиктъ, архієпископъ олонецкій: его характеристика 301.

Письма его къ брату, протоіерею Григоровичу 302, 303.

Невниманіе Венедикта къ указамъ св. синода 304.

Неисполненное Венедиктомъ высочайшее повелѣніе 307.

Прибытие въ Петрозаводскъ ревизора, ректора кіевской семинаріи Антонія 308.

Смерть Венедикта 312.

Вешняковъ, учитель пермской семинаріи, запятнанный въ общественномъ мнѣніи архієпископомъ Аркадіемъ (выноска) 273.

Виталій, епископъ костромской: его характеристика 177.

Расположеніе къ нему московского митрополита Филарета и нелюбовь оберъ-прокурора св. синода Пратасова 178.

Назначеніе слѣдствія надъ Виталіемъ 184.

Увольненіе его отъ управлѣнія епархію 187.

Владиміръ, іеромонахъ, членъ оренбургской консисторіи 85.

Войцеховичъ, кол. ассесоръ: его командинровка въ Тулу для ревизіи дѣлъ тульской консисторіи 70.

Обнаруженные имъ беспорядки въ этой консисторіи 72.

Мнѣніе Войцеховича о составѣ канцеляріи тульской консисторіи 75.

Выговоры архіереямъ:

I. Антонію воронежскому 340.

II. Аарону архангельскому 341.

III. Стефану вологодскому 346.

IV. Евгенію тамбовскому 351.

V. Георгію архангельскому 352.

VI. Іосифу смоленскому 357.

VII. Иллідору курскому 358.

VIII. Евлампію орловскому 359.

IX. Елпидифору подольскому 360.

X. Иннокентію екатеринославскому 364.

XI. Гаврілу екатеринославскому 366.

Гавріль, епископъ екатеринославскій: выговоръ, объявленный ему за допущеніе злоупотребленій по епархіальному управлѣнію 366.

Объясненія его по этому поводу 368.

Гавріль, архієпископъ херсонскій: доносъ на него чиновника Костенского 1.

Гамильтонъ, контръ-адмиралъ: его участіе

въ церемоніи закладки англиканской церкви въ Архангельскѣ 342.

Гедройцъ, князь, сосланный въ Вологду послѣ польского восстания 1830 г. 347.

Георгій епископъ полтавскій: низведеніе его на архангельскую кафедру 373.

Его корыстолюбіе 375.

Георгій, епископъ архангельскій: его присутствіе на торжествѣ открытия памятника Ломоносову и что изъ этого произошло 353.

Объясненія его на запросъ по этому поводу со стороны синода 354.

Гогель I, поручикъ, посланный въ Иркутскъ по дѣлу мѣстнаго архієпіерея Ирина 27.

Голубевъ, чиновникъ: донесеніе его генераль-губернатору Восточной Сибири Лавинскому по дѣлу обѣ Иркутскому архієпископу Ирина 22.

Гремяченскій, протоіерей въ Ставрополѣ 318.

Григорій, архимандріть, ректоръ казанской духовной академіи, назначенный ревизоромъ въ пермскую епархію 291.

Григоровичъ, I. I., протоіерей 301.

Григоровичъ, Н. I., чиновникъ 301.

Громовъ, протоіерей: его объясненіе передъ иркутскою слѣдственными комиссіей по дѣлу о нареканіяхъ архієпископа Ирина на генераль-губернатора Восточной Сибири, Лавинскаго 54.

Гумбертъ, псевдонимъ, сдѣлавшій графу Пратасову доносъ на подольского епископа Елпидифора 360.

Давыдовъ, помѣщикъ, совершившій насилие надъ діакономъ Антоніемъ Терентьевымъ 62.

Повелѣніе имп. Николая I по этому дѣлу 66.

Дамаскинъ, архієрей тульскій 61.

Донесеніе Дамаскина св. синоду по дѣлу обѣ истязаній діакона Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ 67.

Сдѣланное Дамаскину св. синодомъ строгое замѣчаніе 77.

Данкіевъ, ученикъ тифлісской семинаріи: письмо его къ оберъ-прокурору св. синода Пратасову 139.

Дейерь, жандармскій полковникъ въ Вологдѣ 348.

Діонисій, епископъ пермской: низведеніе его на низшую епархію 370.

Предоставленіе ему права жить и совер-
шать священнослуженіе въ Москвѣ 373.
Дмитріевъ, исправл. должностъ прокурора
тифлісской синодальной конторы 125.

Рапортъ Дмитріева оберъ-прокурору
св. синода Пратасову о жестокомъ обращеніи съ учениками тифлісской семинаріи
и инспектора Порфирия 129.

Борьба Дмитріева съ Порфириемъ 149.
Донесеніе Дмитріева оберъ-прокурору
св. синода Пратасову 153.

Другое донесеніе его 155.
Прибытие Дмитріева въ Петербургъ 170.

Дроздовъ, бывшій инспекторомъ тифлісской
семинаріи до назначенія на эту должностъ
игумена Порфирия 125.

Отзыvъ о немъ Порфирия 150.
Смѣна Дроздова и отѣзду его изъ
Тифліса 160.

Духовно-учебный заведенія: господствова-
вшая въ нихъ система управлениія 122.

Евгений, архіепископъ ярославскій, произво-
дившій формальное слѣдствіе надъ епи-
скопомъ костромскимъ Виталиемъ 184.

Донесеніе Евгения 185.
Евгений, архіепископъ астраханскій: дознаніе,
произведенное имъ о положеніи дѣль-
въ кавказской епархіи при преосвящен-
номъ Иоаннікіѣ 316.

Его донесеніе синоду 317.
Предложенные имъ мѣры 320.

Указъ синода по поводу произведенен-
аго Евгениемъ дознанія 324.

Евгений, епископъ тамбовскій: его неразбор-
чивость при увольненіи чиновниковъ, на-
влекшая на него строгое замѣчаніе со
стороны св. синода 352.

Евгений, экзархъ Грузіи: его привязанность
къ игумену Порфирию, инспектору и учи-
телю тифлісской семинаріи 123.

Отзыvъ Евгения о наставникахъ и учен-
икахъ семинаріи, возставшихъ противъ
насилій Порфирия 167.

Старанія Евгения набросить тѣнь на
архимандрита Аѳанасія, ревизовавшаго
тифлісскую семинарію 171.

Перемѣщеніе Евгения на астраханскую
каѳедру 174.

Его безуспѣшное ходатайство о выда-
чѣ денегъ на переѣздъ 176.

Евлампій, епископъ орловскій: выговоръ ему
за произнесеніе рѣчи при встрѣчѣ имп.
Николая I въ Орлѣ 360.

Елпидифоръ, епископъ подольскій и брац-
лавскій: выговоръ ему за поборы, дѣлав-
шіеся имъ во время объѣздовъ епархіи 360.

Его объясненія по этому поводу 361.
Низведеніе его на вятскую каѳедру 383.

Жуковскій, чиновн. 14 класса, находившійся
при екатеринославскомъ архіепископѣ Фео-
филѣ и обвинявшійся во взяточничествѣ 382.

Знаменскій, протоіерей во Псковѣ 190.
Обвиненія, выставленныя противъ него
секретаремъ псковской консисторіи Сва-
рацкимъ 196.

Знаменскій, Макарій, протоіерей Троицкаго
собора въ Ставрополѣ 313.
Устраненіе его отъ должностіи члена
ставропольской консисторіи 326.

Измайлова, производившій слѣдствіе о без-
порядкахъ въ тифлісской семинаріи: его
стремленіе оправдать инспектора семина-
рія Порфирия 161.

Изложеніе Измайлова въ дѣла, возник-
шаго по поводу жалобъ семинаристовъ
на Порфирия 162.

Отзыvъ Измайлова о ректорѣ и настав-
никахъ семинаріи 166.

Иліодоръ, епископъ курскій: выговоръ ему
за помѣщеніе царскаго портрета въ бѣл-
городскомъ соборѣ 358.

Иннокентій, епископъ екатеринославскій:
выговоръ, объявленный ему за допущеніе
безпорядковъ по епархіи 364.

Увольненіе его на покой 383.
Ириней, архіепископъ иркутскій: слѣдствіе
надъ нимъ 4.

Введеній имъ въ Пензѣ порядокъ обуч-
енія прихожанъ молитвамъ 6.

Перемѣщеніе его въ Иркутскъ 10.
Жалоба на него протоіеря Парняко-
ва 10.

Жалоба на него-же протоіеря Флорен-
сова 18.

Непріязнь Иринея къ генералъ-губер-
натору Лавинскому 20.

Докладъ синода Государю по дѣлу
Иринея 21.

Донесеніе о томъ-же чиновника Голу-
бева 22.

Рапортъ о томъ же эконома Варлаама
25.

Рапортъ о томъ-же протоіеря Кано-
ровскаго 26.

Отправка Иринея въ Спасоприлуцкій монастырь 28.

Письма Иринея къ митрополиту Серaphиму и оберъ-прокурору св. синода князю Мещерскому 29 и 30.

Отвѣты Иринея на вопросы слѣдственной комиссіи 34.

Медицинское освидѣтельствованіе Иринея въ Вологдѣ 48.

Иркутская слѣдственная комиссія по дѣлу Иринея 49.

Рѣшеніе св. синода по дѣлу о поступкахъ Иринея и замѣщанныхъ въ его дѣлѣ лицахъ 56.

Пребываніе Иринея въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ 60.

Іоанникій, архіепископъ оренбургскій 79.

Его корыстолюбіе 80.

Его непріязнь къ секретарю консисторіи Мамину 84.

Дѣло о кражѣ въ архіерейскомъ домѣ 85.

Докладъ, поданный Іоанникію тремя членами консисторіи, противниками секретаря Мамина 86.

Обвиненіе Мамина передъ св. синодомъ архіеп. Іоанникіемъ 94—97.

Безпорядки, замѣчанные синодомъ по оренбургскому епархіальному управлѣнію и консисторіи при архіепископѣ Іоанникіѣ 99.

Ревизія этого управлѣнія 101.

Приговоръ синода по поводу этой ревизіи 109.

Характеръ поступившихъ на Іоанникія жалобъ 112.

Преслѣдованіе Іоанникіемъ священника Шмотина 11.

Іоанникій, архіепископъ оренбургскій, по-тому кавказскій 312.

Объясненія Іоанникія св. синоду по поводу доносовъ секретаря кавказской семинаріи Васильева 316.

Дознаніе, произведенное астраханскимъ архіепископомъ Евгениемъ по поводу взаимныхъ обвиеній Іоанникія и Васильева 316.

Отзывъ объ Іоанникіѣ ревизора Евгения 319.

Указанія, преподанныя Іоанникію св. синодомъ послѣ ревизіи 326.

Іоанникій, епископъ вятскій: низведеніе его на оренбургскую каѳедру 380.

Іоанникій, ректоръ кавказской семинаріи 313.

Назначеніе его настоятелемъ третьекласснаго Николаевскаго монастыря 325.

Іоаннъ, архимандритъ, членъ грузино-имеретинской конторы св. синода: назначеніе его въ комиссію для изслѣдованія по жалобѣ ученика тифлисской семинаріи Тинникова на инспектора Порфирия 148.

Отзывъ Дмитріева объ Іоаннѣ 154.

Іоаннъ, епископъ пинзенскій: перемѣщеніе его на нижегородскую каѳедру 379.

Іосселяні, Платонъ, преподаватель тифлисской семинаріи 126.

Его заступничество за семинариста Тинникова, избитаго инспекторомъ Порфиремъ 141.

Поѣздка Іосселяніи въ Петербургъ, съ цѣлью выяснить оберъ-прокурору св. синода Пратасову положеніе дѣлъ въ тифлисской семинаріи 169.

Іосифъ, епископъ смоленскій: Высочайшее замѣчаніе, объявленное ему по волѣ имп. Николая I 357.

Іустинъ, пріемникъ епископа костромского Виталія по управлѣнію епархіей 187.

Іустинъ, епископъ владимірскій: его отказъ назначить Павла Киржачскаго священникомъ въ с. Черкутино, родину М. М. Спранскаго 299.

Калинниковъ, Мих., священникъ: его донось на архангельскаго епископа Аарона 342.

Каменевъ, благочинный, священникъ села Покровки: его участіе въ дѣлѣ помѣщика Давыдова, избившаго діакона Антонія Терентьевъ 65.

Кандарицкій, членъ оренбургской консисторіи 85.

Вопросъ о сожженніи имъ бумагъ консисторскихъ 93.

Каневскій, Климентъ; секретарь правленія тифлисской семинаріи: его протестъ по дѣлу о преслѣдованіи семинаристовъ, которыхъ вооружилъ противъ себя инспекторъ семинаріи Порфирий 141.

О немъ-же 149, 159.

Каноровскій, протоіерей: рапортъ его по дѣлу иркутскаго архіепископа Иринея 26.

Рѣшеніе св. синода (по дѣлу Иринея) относительно Каноровскаго 58.

Катенинъ, управлявшій военнымъ министерствомъ за Чернышева: его участіе въ

дѣлѣ о пререканіяхъ между архангельскимъ епископомъ Варлаамомъ и военнымъ губернаторомъ Бойлемъ 332.

Киржачскій, Павелъ, внуkъ родственника М. М. Сперанского: ходатайство о немъ преосв. Аркадія 299.

Костенскій, чиновникъ IX класса: доносъ его на херсонскаго архіеп. Гаврила 1.

Крастилевскій, протоіерей въ Ставрополѣ 312.

Кульматицкій, Андрей, протоіерей, смотритель тифлисскихъ духовныхъ училищъ 151. О немъ-же 154.

Кунинскій, благочинный во Псковѣ: его характеристика 237.

Кутыревъ, Михаилъ, солдатъ, постриженный въ малый образъ монашества 254.

Лавинскій, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири: его непріязненія отношенія къ иркутскому архіерею Иринею 20.

Неоправдавшееся нареканіе Иринея на Лавинскаго 54.

Лазаревъ, секретарь пермской консисторіи 274.

Лебедевъ, Василій, псковской священникъ, членъ мѣстной консисторіи: его характеристика 204.

Доносы Лебедева на злоупотребленія въ псковскомъ епархіальномъ управлѣніи 205.

Служба его въ Ригѣ 207.

Его столкновеніе со старостою Благовѣщенской церкви, рижскимъ купцомъ Несодомовымъ 208.

Столкновеніе его съ церковнымъ старостою во Псковѣ 209.

Преданіе Лебедева псковскою консисторію суду уголовной палаты 210.

Его жалобы Государю, синоду и оберъ-прокурору синода 211.

Отношеніе синода къ его жалобамъ 219.

По настоянію оберъ-прокурора Пратасова, синодъ посыпаетъ во Псковъ ревизора, въ лицѣ архимандрита Аполлинария 219.

Факты, обнаруженные этимъ ревизоромъ 220.

Рѣшеніе синода по поводу ревизіи Аполлинария 223.

Заключеніе Лебедева въ псковской тюремный замокъ 229.

Переписка синода съ Наеванайломъ по этому поводу.

Указъ синода по этому дѣлу 231.

Переводъ Лебедева въ тверскую епархію 233.

Результаты новой ревизіи чрезъ архимандрита Симеона 234.

Отказъ Лебедева выѣхать изъ Пскова въ Тверь 238.

О томъ-же 247.

Ссылка Лебедева въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь 248.

Левицкій, протоіерей, участвовавшій въ ревизіи пермского епархіального управлѣнія 291.

Лепоринскій, членъ оренбургской консисторіи 85.

Ливановъ, Григорій, священникъ 314.

Ломоносовъ, открытіе ему памятника въ Архангельскѣ 353.

Любославовъ, секретарь иркутской консисторіи 49.

Показаніе его передъ иркутскою слѣдственными комиссіей по дѣлу архіеп. Иринея 53.

Макарій, іеромонахъ Святогорскаго Троицкаго монастыря: жалоба его на псковское епархіальное начальство 193.

Мамацовъ, ученикъ тифлисской семинаріи: жалоба его оберъ-прокурору св. синода Пратасову на семинарскіе порядки 131.

Показаніе Мамацова передъ слѣдственными комиссіей 156.

Маминъ, секретарь оренбургской консисторіи 80.

Непріязненія отношенія между нимъ и архіереемъ Ioannикіемъ 84.

Отзывы членовъ консисторіи о Мамина 86, 87.

Доносы Мамина оберъ-прокурору св. синода Пратасову на Ioannикія 88.

Ревизія оренбургскаго епархіального управлѣнія и приговоръ св. синода 101—109.

Мейнеръ, архитекторъ: его причастность къ дѣлу о постройкѣ каменнаго корпуса для пермской консисторіи 280.

Мелетій, архіепископъ иркутскій, назначенный преемникомъ преосв. Иринея 59.

Миницкій, архангельскій генералъ-губернаторъ 344.

Моревъ, секретарь тульской консисторіи 68.

Отрѣшеніе его отъ должности 77.

Назимовъ, коллежский советникъ: жалоба его св. синоду на вмѣшательство архангельского епископа Аарона въ его семейный дѣлѣ 373.

Наeanailъ, архіепископъ псковской 189.

Взглядъ св. синода на его управление епархіею 202.

Ревизія епархіального управління архімандритомъ Аполлинаріемъ 220.

Рѣшеніе св. синода по поводу этой ревизіи 223.

Отписка Наeanailа въ синодъ 225.

Послѣдствія ревизіи 226.

Синодъ назначаетъ новую ревизію, для производства которой избираетъ ректора черниговской семинаріи Симеона 227.

Смерть Наeanailа 234.

Наeanailъ, ректоръ костромской семинаріи: его отзывы въ Петербургѣ о епископѣ костромскомъ Виталіѣ 178.

Неводчиковъ, секретарь екатеринославской консисторіи: обвиненіе его въ злоупотреблѣніяхъ по должностіи 367.

Зашита его епископомъ Гавріломъ 368.

Несмѣловъ, протоіерей, членъ оренбургской консисторіи 87.

Несодомовъ, купецъ, староста Благовѣщенской церкви въ Ригѣ: его столкновеніе со священникомъ Лебедевымъ 208.

Нечаевъ, оберъ-прокуроръ св. синода: его приемы воздѣствія на синодъ 69.

Напряженныя отношенія его къ митрополитамъ Серафиму и Евгению 78.

Докладъ Нечаева Государю о кандидатахъ на оренбургскую каѳедру 79.

Никодимъ, ректоръ оренбургск. семинар. 80.

Отзывъ о немъ каѳедральнаго протоіерея Субботина 115.

Нинодимъ, архимандритъ, производившій слѣдствіе по дѣлу о секретарѣ оренбургской консисторіи Маминѣ 99.

Оренбургское духовное управлініе: его ревизія 79.

Охотинъ, священникъ гор. Саранска: его участіе въ ревизіи, производившейся въ этомъ городѣ архимандритомъ Амфиліхіемъ, и жалоба его на пензенскаго архіерея Амвросія 267.

Ошанинъ, секретарь пензенской консисторіи: его борьба съ преосвященнымъ Амвросіемъ и рапорты его оберъ-прокурору св. синода 253.

Преданіе Ошанина суду уголовной палаты 257.

Ревизія епархіального управління при Варлаамѣ въ указѣ синода по поводу ея 264.

Доносъ Ошанина по дѣлу Штерна 268.

Отставка Ошанина 269.

Указъ синода объ Ошанинѣ 271.

Павель, архимандритъ, настоятель Верхотурскаго монастыря 281.

Отзывъ о немъ секретаря пермской консисторіи Архарова 285.

О Павлѣ см. также выноску на стр. 288.

Переводъ Павла въ олонецкую епархію 299.

Паисій, іеродіаконъ: его участіе въ дѣлѣ архіепископа Иринея 49.

Его отвѣты на вопросные пункты иркутской слѣдственной комиссіи по этому дѣлу 51.

Рѣшеніе св. синода (по дѣлу Иринея) относительно Паисія 58.

Панинъ, графъ, министръ юстиціи: мѣры, задуманныя имъ въ видахъ выполненія повелѣнія Императора Николая I объ очищеніи чиновничества отъ неблагонадежныхъ элементовъ 305.

Парняковъ, иркутскій каѳедральный протоіерей: жалоба его Государю на архіепископа Иринея 11.

О той-же жалобѣ 59.

Пафнутій, монахъ, нѣкогда жившій въ Балахнѣ и сочтенный молвою за святого 377.

Пашковскій, чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ св. синода, участвовавшій въ ревизіи пермскаго епархіального управління 291.

Пермяковъ,unterъ-шахтмейстеръ пермскихъ заводовъ: жалоба его на священника Яковкина 370.

Пининскіе, отецъ и сынъ, поляки, сосланные въ Вологду послѣ польскаго восстанія 1830 г.: ихъ связь съ вологодскимъ епископомъ Стефаномъ 347.

Платонъ, архіепископъ псковской 234.

Его отношеніе къ священнику Вас. Лебедеву 236.

Его покровительство врагамъ Лебедева 237.

Порфирий, игуменъ, инспекторъ тифлісской семинаріи 121.

Его педагогические взгляды 122.

Его характеристика 124.

Решение св. синода о строгом изследовании поступков Порфирия относительно семинариста Тинникова 148.

Борьба Порфирия съ Дмитриевымъ; его прошение на Высочайшее имя 149.

Результатъ этого прошенія 155.

Пратасовъ, графъ, оберъ-прокуроръ св. синода: его отношение къ ученикамъ тифлисской семинаріи, жаловавшимся на жестокое обращеніе инспектора семинаріи Порфирия 174.

Протопоповъ, Дмитрій, ученикъ тифлисской семинаріи: письмо, его къ оберъ-прокурору св. синода Пратасову 134.

Отзывъ о немъ инспектора семинаріи Порфирия 150.

Прошечниковъ, Андрей, священникъ, жаловавшійся на архимандрита Павла 285.

Расколь: усиленіе его въ пензенской епархіи въ 1827 г. 5.

Ревизія: чрезвычайная, посылавшимся отъ синода лицами 1.

Нерасположеніе синода къ производству слѣдствій надъ архіераями 3.

Взглядъ синода и его оберъ-прокуроровъ на ревизію консисторій 61.

Ревизія: тульской консисторіи 61.

Тифлисской семинаріи 121.

Костромского епархіального управлінія 177.

Псковского епархіального управлінія 188.

Пензенского епархіального управлінія 250.

Черніцкого епархіального управлінія 272.

Олонецкаго епархіального управлінія 301.

Кавказскаго епархіального управлінія 312.

Репнинъ, князь, малороссійскій генераль-губернаторъ: его переписка съ княземъ Мещерскимъ по поводу жалобъ на полтавскаго епископа Георгія 375.

Сварацкій-Сваринъ, секретарь псковской консисторіи: его столкновенія съ архіепископомъ Нафанаиломъ и протоіереемъ Знаменскимъ 192.

Объясненіе Сварацкаго оберъ-прокурору св. синода по поводу введеній на него

архіепископомъ Нафанаиломъ обвиненій 194.

Свѣчна продажа: отдача ея херсонскимъ архіепископомъ Гавріломъ въ аренду одесскимъ купцамъ Харламову и Маркову 2.

Семинарія тифлисская: ея ревизія 121.

Сергій, архимандритъ, ректоръ тифлисской семинаріи 123.

Его отношение къ семинаристамъ, возмутившимся противъ инспектора семинаріи Порфирия 149.

Отзывъ о немъ исправл. должностъ прокурора тифлисской синодальной конторы Дмитріева 153.

Увольненіе Сергія отъ ректорства 160.

Симеонъ, архимандритъ, ректоръ черниговской семинаріи, производившій ревизію псковскаго епархіального управлінія 227. Результаты этой ревизіи 234.

Смирновскій, Дмитрій, протоіерей: его донесенія пензенскому архіерою Амвросію о беспорядкахъ по саранскому Петропавловскому монастырю и о безпутной жизни его настоятеля Феофіла 265.

Послѣдствія ревизіи, произведенной въ Саранске архимандритомъ Амфілохіемъ 267.

Соколовъ, Матоей, преподаватель тифлисской семинаріи: его заступничество за семинариста Тинникова, избитаго инспекторомъ Порфиремъ, 141.

Софонія, архимандритъ, производившій дознаніе о дѣлахъ консисторской епархіи 179.

Письмо Софоніи къ оберъ-прокурору св. синода Пратасову 180.

Отзывъ его о епископѣ Виталіѣ 183.

Командировка Софоніи синодомъ для разслѣдованія по доносамъ свящ. Лебедева о злоупотребленіяхъ въ псковской епархіи 238.

Отчетъ Софоніи о своей ревизіи 243.

Стефанъ, епископъ вологодскій: его характеристика 346.

Его связи съ сосланными въ Вологду поляками 347.

Объясненіе его по этому поводу оберъ-прокурору св. синода кн. Мещерскому 348.

Субботинъ, протоіерей: жалоба, поданная имъ оберъ-прокурору св. синода Пратасову на архіепископа оренбургскаго Іоанникия 112.

- Рѣшеніе св. синода по этой жалобѣ 121.
- Танѣевъ**, А. С.: назначеніе его предѣдателемъ особаго комитета по вопросу объ удаленіи со службы неблагонадежныхъ чиновниковъ 306.
- Тарховъ**, секретарь пермской консисторіи 274.
- Татиевъ**, Яссонъ, ученикъ тифлисской семинаріи: жалоба его оберъ-прокурору св. синода Пратасову на семинарскіе порядки 130.
- Терентьевъ**, Антоній, сельскій діаконъ, избійный помѣщикомъ Давыдовымъ 62.
- Дѣло о покражѣ діакономъ Терентьевымъ меда у пономаря и овчинъ у крестьянина 69.
- Постигшая Терентьева кара 77.
- Тинниковъ**, Давидъ, ученикъ тифлисской семинаріи, подвергшійся жестокому обращенію со стороны инспектора семинаріи, Порfirія 126.
- Возмущеніе воспитанниковъ противъ инспектора; жалоба Тинникова оберъ-прокурору св. синода Пратасову на Порfirія 128.
- Преслѣдованіе Тинникова Порfirіемъ 140.
- Заступничество за него нѣсколькихъ учителей семинаріи 141.
- Заключеніе св. синода по жалобѣ Тинникова 147.
- Тифлисская семинарія**: ея ревизія 121.
- Топорковъ**, помощникъ секретаря пермской консисторіи 272.
- Трапезниковъ**, Конст. Петр., иркутской городской голова: его участіе въ дѣлѣ архіепископа Иринея 40.
- Показаніе его передъ иркутскою слѣдственnoю комиссиeю по этому дѣлу 52.
- Тульская консисторія**: ея ревизія 61.
- Филаретъ**, митрополитъ московскій: составленная имъ синодская резолюція о замѣнѣ епископу архангельскому Георгію за присутствіе при церемоніи открытия памятника Ломоносову 356.
- Филиппъ**, іеромонахъ, смотритель уфимскихъ училищъ 80.
- Флоренсовъ**, протоіерей: жалоба его на иркутскаго архіепископа Иринея 18. О томъ-же 59.
- Фонъ-Фокъ**, дѣйств. ст. сов., подавшій оберъ-прокурору св. синода князю Мещерскому записку о беспорядкахъ по екатеринославскому епархіальному управлению 366.
- Хундуковъ**, учитель осетинскаго языка въ тифлисской семинаріи: его участіе въ столкновеніи семинаристовъ Тинникова и другихъ съ инспекторомъ Порfirіемъ 143, 145.
- Черкутино**, село, родина М. М. Сперанского: вопросъ о назначеніи туда священникомъ Павла Киржачскаго 299.
- Чернышевъ**: докладъ его Императору Николаю I о дѣлѣ помѣщика Давыдова, подвергшаго діакона Антонія Терентьева истязанію, и резолюція Государя 66.
- Ширяевъ**, письмоводитель епископа екатеринославскаго Иннокентія, обвинявшійся во взяточничествѣ 365.
- Шмотинъ**, священникъ, подвергшійся гоненію со стороны архіепископа оренбургскаго Иоанникія 118.
- Штернъ**, писецъ 1-го разряда, повѣнчанный въ пьяномъ до безпамятства видѣ на дочери колл. ассесора Александра Зайцевой: дѣло о немъ 268.
- Ѳеофанъ**, архимандритъ ставропигіального Донскаго монастыря, производившій ревизію оренбургскаго епархіальнаго управлінія при архіепископѣ Иоанникіѣ 101.
- Ѳеофілъ**, архимандритъ, настоятель саранскаго Петропавловскаго монастыря: глава партіи, боровшейся противъ Амвросія, преосвященнаго пензенскаго 265.
- Жалобы его на любимца Амвросія, Смирновскаго, 266.
- Ревизія Амфилохія 267.
- Ѳеофілъ**, архіепископъ екатеринославскій: увольненіе его на покой 381.
- Резолюція имп. Николая I на докладъ оберъ-прокурора князя Мещерскаго о Ѳеофілѣ 383.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫХЪ СТА ДВЪНАДЦАТИ ТОМОВЪ СБОРНИКА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ I. Уставъ Русского Исторического Общества.—Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщ. кн. Н. А. Орловымъ и изд. подъ наблюдениемъ А. Ф. Бычкова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракаловой. Сообщ. изъ государственного архива К. К. Злобинымъ.—О мемуарахъ герцога Карла-Фридриха, отца имп. Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма имп. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ.—Бумаги изъ дѣль о генераль-прокурорѣ Глѣбовѣ и о сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.—Письма имп. Екатерины II къ г-жѣ Жоффрэнъ. Сообщ. А. Ф. Гамбургеромъ.—Переписка по дѣлу объ открытии въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата. Князя М. А. Оболенскаго, и пр. Цѣна 2 р.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первыя годы царствованія имп. Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ.—Записка графа Понто-ди-Борго о немъ самомъ. Сообщено К. К. Злобинымъ.—Депеши графа Литты, посланника малтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. Ф. Бычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго.—Выписки о государственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ имп. Екатериною II съ 1762 по 1769 годъ. Сообщ. графомъ А. С. Уваровымъ.—Извлеченія изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщ. княземъ Н. А. Орловымъ.—Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи, и пр. Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Дмитрія Прокофьевича Троцкаго о министерствахъ. Сообщена А. Н. Поповымъ.—Записка графа И. Каподистрія о его служебной дѣятельности. Сообщ. изъ государственного архива въ С.-Петербургѣ.—Отвѣтное письмо графа И. Каподистрія Петро-Бею, вождю спартанцевъ.—Инструкція, данная имп. Екатериною II фонъ Ребиндеру. Сообщ. А. Х. Бекомъ.—Письма имп. Александра I-го къ кнгинѣ З. А. Волконской. Сообщ. княземъ А. Н. Волконскимъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣль саксонскаго государственного архива въ Дрезденѣ профессоромъ Э. Германомъ Цѣна 3 р.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенные въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I Цѣна 2 р.

Томъ V. Письма имп. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. П. Лагарпу. Сообщ. Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Проектъ князя М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный имп. Екатеринѣ II въ 1775 г. Сообщено А. Н. Поповымъ.—Бумаги кн. И. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственного архива въ Дрезденѣ Э. Германомъ.—Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну, гр. Никитѣ Петровичу. Сообщены гр. В. Н. Панинъ. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ имп. Александру I. Сообщены М. И. Богдановичемъ.—Бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Сообщены гр. В. Н. Панинъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинъ.—Бумаги кн. И. В. Репнина. Сообщено кн. Н. В. Репнинъ.—Записки князя А. А. Чарторыйскаго имп. Александру I, 26 июня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственного архива Э. Германомъ Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по преднарѣтанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400 преимущественно собственоручныхъ бумагъ императрицы, съ 1744 по 1764 г. включительно). Часть I Цѣна 3 р.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенные въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть II Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ, 1782 г. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ. Документы эти напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. — Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ Великою Княжною Александрою Павловпою. — Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинъ въ 1765 и 1771 гг. — Письма кн. А. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцеву. — Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову) Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ м. и. д., съ 1765—1771 гг. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ, и извлеченные изъ архива прав. сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Собраны и изданы академикомъ А. О. Быковымъ Цѣна 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ англійского госуд. архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ госуд. архивѣ м. и. д., съ 1771—1774 гг. Изданы академикомъ Я. К. Гrotомъ. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Нового Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. — Донесенія барона Мардефельда, прусского посланника при Петрѣ Великомъ. — Бумаги князя Репнина за время константинопольского посольства Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управлія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка имп. Екатерины II съ Фальконетомъ Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 июля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ф. Штендманомъ. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1770 по 1776 гг. включительно. Сообщено изъ англійск. госуд. архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XX. Дипломатическіе материалы сборнаго содѣржанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. — Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено имперскимъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ и госуд. канцлеромъ княземъ А. М. Горчаковымъ. — Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Феодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. — Письма Великаго Князя Павла Петровича (впослѣдствіи императора Павла I) къ барону Карлу Иван. Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. — Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. — Записка государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. — Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17-го марта 1877 г. въ Аничковомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. — Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гrotомъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія А. И. Чернышева имп. Александру I, 1810 и 1811 гг. Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 г. — Письма А. И. Чернышева къ канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г. — Донесенія имп. Александру I кн. А. В. Куракина, 1811 и 1812 гг. — Донесенія кн. Куракина канцлеру

Н. П. Румянцову, 1811 и 1812 гг. — Письма графа П. А. Шувалова къ императору Александру I, 1811 г. — Донесение бар. Сухтелена имп. Александру I, 1812 г. Сообщ. А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ госуд. архива въ С.-Петербургѣ. — Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представленный императору Александру I М. М. Сперанскимъ. Сообщ. А. О. Бычковымъ Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ: 1) Донесение гр. Сольмса Фридриха II и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 г. 2) Шесть приложений къ донесенію гр. Сольмса королю, отъ 15 (26) октября 1766 г., № 270. Сообщено изъ берлинского госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть I Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма имп. Екатерины II къ барону Мельхіору Гrimmu. Сообщ. изъ госуд. архива мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. академикомъ Я. К. Гrotomъ Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесеніе нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ нидерландского государственного архива. Изданы А. Х. Бекомъ Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петров. Шереметева, съ 1704—1718 г. и др. бумаги. Съ портр. имп. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ Цѣна 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событиями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1747—1787 гг. Томъ I Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ госуд. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, съ 1774 по 1778 г. Собранны академ. Я. К. Гrotomъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть IV Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собранны и изданы А. Н. Куломзиннымъ Т. I Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событиями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2-мя гравюрами и планомъ. 1788—1799 г. Т. II Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II Цѣна 5 р.

Томъ XXXII. Истор. свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Нового Уложенія. Собранны и нап. подъ наблюд. проф. В. И. Сергѣевича. Часть IV. Ц. 3 р.

Томъ XXXIII. — Письма барона Мельхіора Гrimma къ импер. Екатеринѣ II, съ приложеніями.—Письма Эрнеста-Іоганна Бирона къ посланнику гр. Герману Кейзерлингу. —Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ приуѣчаніями Цѣна 3 р.

- Томъ XXXIV.** Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, наход. во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива мин. иностр. дѣлъ въ Парижѣ. Напеч. подъ наблюд. А. А. Полковова, А. Ф. Бычкова и Г. Ф. Штендмана. Часть I Цѣна 3 р.
- Томъ XXXV.** Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе Вел. Кн. Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напеч. подъ наблюд. Г. О. Карпова. Томъ I Цѣна 3 р.
- Томъ XXXVI.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Нового Уложенія. Собранны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергеевича. Часть V Цѣна 2 р.
- Томъ XXXVII.** Дипломатическая переписка прусского короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщено изъ берлинскаго государств. архива. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ф. Штендмана. Часть II Цѣна 3 р.
- Томъ XXXVIII.** Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Съ 1581 по 1604 годъ. Изданы подъ наблюденіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Томъ II Цѣна 3 р.
- Томъ XXXIX.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1704—1708 г. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива министерства иностранніхъ дѣлъ. Часть III Цѣна 3 р.
- Томъ XL.** Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ, съ 1719—1723 годъ. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ф. Штендмана. Часть II Цѣна 3 р.
- Томъ XLI.** Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами, Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціею, за время великихъ князей Иоанна III и Василия Ioannovica. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ф. Карпова. Томъ III Цѣна 3 р.
- Томъ XLII.** Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ госуд. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, съ 1788 по 1796 г. Собранны академикомъ Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. Ф. Штендмана. Часть V Цѣна 3 р.
- Томъ XLIII.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Нового Уложенія. Собранны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергеевича. Часть VI Цѣна 3 р.
- Томъ XLIV.** Письма барона Мельхіора Гrimma къ имп. Екатеринѣ II. Напеч. подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота Цѣна 3 р.
- Томъ XLV.** Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собранны и изданы А. Н. Куломзинъ, Т. II Цѣна 3 р.
- Томъ XLVI.** Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. Ф. Штендманомъ. Часть II Цѣна 3 р.

- Томъ XLVII.** Бумаги посланн. Я. И. Булгакова съ 1779—1798. Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. О. Дубровинымъ Цѣна 3 р.
- Томъ XLVIII.** Дипломатическая переписка импер. Екатерины II съ 1762—1764 г. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго. Часть I Цѣна 3 р.
- Томъ XLIX.** Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 по 1724 гг. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть III Цѣна 3 р.
- Томъ L.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1708—1712 гг. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива министерства иностраннаго дѣлъ. Часть IV Цѣна 3 р.
- Томъ LI.** Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1764—1766 гг. Часть II. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Уляницкаго Цѣна 3 р.
- Томъ LII.** Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана Часть. IV. Цѣна 3 р.
- Томъ LIII.** Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюл. Г. О. Карпова . . . Цѣна 2 р.
- Томъ LIV.** Переписка герцога Ришелье съ императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами. Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова Цѣна 3 р.
- Томъ LV.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайного совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакцію Н. О. Дубровина. Ч. I (февраль—іюль 1726 г.). . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LVI.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайного совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакцію Н. О. Дубровина. Часть II (іюль—декабрь 1726 г.). Цѣна 3 р.
- Томъ LVII.** Дипломатическая переписка импер. Екатерины II, съ 1766—1767 гг. Часть III. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Уляницкаго Цѣна 3 р.
- Томъ LVIII.** Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Ч. V. Цѣна 3 р.
- Томъ LIX.** Памятники дипломатическихъ сношеній Московск. госуд. съ Польско-Литовскими, съ 1533—1560. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. О. Карпова. Цѣна 3 р.
- Томъ LX.** Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія русского біографическаго словаря. Часть I. А—Л Цѣна 3 р.
- Томъ LXI.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1712—1719 г. Сообщено изъ англійскаго государственного архива министерства иностраннаго дѣлъ. Часть V Цѣна 3 р.

- Томъ LXII.** Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія русскаго биографического словаря. Часть II. М—О Цѣна 3 р.
- Томъ LXIII.** Протоколы, журналы и указы Верховаго тайного совѣта, съ 1 января по конецъ июня 1727 г. Часть III. Изданы подъ редакціею Н. О. Дубровина. Ц. 3 р.
- Томъ LXIV.** Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ, Маньянна, за 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Н. Штендмана. Часть VI Цѣна 3 р.
- Томъ LXV.** Дипломатическіе акты изъ архива князя Н. В. Репнина, относящіеся до тешенскаго конгресса 1779 г., изданные профессоромъ Ф. Ф. Мартенсомъ. Цѣна 3 р.
- Томъ LXVI.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1728—1733 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностраннаго дѣлъ. Часть VI Цѣна 3 р.
- Томъ LXVII.** Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1767—1768 г. Часть IV. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго Цѣна 3 р.
- Томъ LXVIII.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Нового Уложенія. Собранны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергеевича. Часть VII Цѣна 3 р.
- Томъ LXIX.** Протоколы, журналы и указы Верховаго тайного совѣта, съ 1 июля по конецъ декабря 1727 года. Часть IV. Изданы подъ редакціею Н. О. Дубровина. Ц. 3 р.
- Томъ LXX.** Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть I. 1800—1802 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXI.** Памятники дипломатическіхъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскімъ, съ 1560—1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. О. Карпова Ц. 3 р.
- Томъ LXXII.** Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ берлинскаго государственнаго архива. Издана подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.
- Томъ LXXIII.** Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго. Изданы подъ редакціею Н. О. Дубровина Цѣна 3 р.
- Томъ LXXIV.** Бумаги Высочайше учрежденнаго, 6 декабря 1826 г., «Особаго секретнаго комитета». Изданы подъ редакціею Предсѣдателя Общества . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXV.** Донесенія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ Маньянна, за 1727—1739 гг., и предписанія французскаго министерства. Изданы подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть VII Цѣна 3 р.
- Томъ LXXVI.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, за 1733—1736 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностраннаго дѣлъ. Часть VII Цѣна 3 р.

- Томъ LXXVII.** Дипломатическая сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть II. 1803—1804 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXVIII.** Бумаги гр. Арсения Андреевича Закревскаго, 1812—1831 гг. Часть II. Изданы подъ редакціей Н. Ф. Дубровина . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXIX.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайного совѣта, съ января по конецъ юна 1728 г. Часть V. Изданы подъ редакціей Н. Ф. Дубровина. Ц. 3 р.
- Томъ LXXX.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ августа 1736 по конецъ 1739 г. Сообщена изъ англійского государствен-наго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VIII . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXXI.** Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ, Маньяна, и распо-ряженія французскаго правительства, за 1730—1733 г. Часть VIII. Изданы подъ на-блюденіемъ Г. Ф. Штендмана . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXXII.** Дипломатическая сношенія Россіи съ Франціею въ эпоху Наполеона I. Часть III, 1805—1806 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXXIII.** Политическая переписка императора Наполеона I съ генераломъ Савари, 1807 г. Извлечена изъ парижскихъ архивовъ: министерства иностранныхъ дѣлъ и національного . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXXIV.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайного совѣта съ юля по конецъ 1728 г. Часть VI. Изданы подъ редакціей Н. Ф. Дубровина . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXXV.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1740 г. по 3 марта 1741 г. Сообщена изъ англійского государственного ар-хива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть IX . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXXVI.** Донесенія маркиза де-ла-Шетарди французскому правительству и отвѣты министерства, 1738—1740 гг. Сообщены изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Часть IX. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ф. Штендмана. Ц. 3 р.
- Томъ LXXXVII.** Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1768—1769 г. Часть V. Томъ издавъ барономъ Ф. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго . . . Цѣна 3 р.
- Томъ LXXXVIII.** Дипломатическая сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Напо-леона I. 1807—1808 гг. Часть IV. Томъ изданъ подъ редакціей А. С. Трачевскаго Ц. 3 р.
- Томъ LXXXIX.** Посольство графа П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 г. Томъ изданъ подъ редакціей Н. К. Шильдера. Цѣна 3 р.
- Томъ XC.** Журналы Высочайше утвержденного 6 декабря 1862 года «Особаго секретнаго комитета». Часть II. Изданы подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества А. А. Половцова Цѣна 3 р.
- Томъ XCI.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, 1741 г. Сообщена изъ англійского государственного архива министерства ино-странныхъ дѣлъ. Часть X Цѣна 3 р.

- Томъ XCII.** Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и распоряженія французскаго правительства въ 1741 г., по іюнь. Часть X. Изданы подъ редакціей Г. О. Штендмана. Цѣна 3 р.
- Томъ XCIII.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Нового Уложенія. Собранны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергеевича. Ч. VIII Цѣна 3 р.
- Томъ XCIV.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайного совѣта, январь-июнь 1729 г. Часть VII. Изданы подъ редакціей Н. О. Дубровина Цѣна 3 р.
- Томъ XCV.** Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымомъ, Нагаями и Турциею, 1508—1521 гг. Изданы подъ редакціею Г. О. Карпова и Г. О. Штендмана Цѣна 3 р.
- Томъ XCVI.** Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, за 1741 г., по конецъ года. Часть XI. Изданы подъ редакціей Г. О. Штендмана Цѣна 3 р.
- Томъ XCVII.** Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1769—1771 г. Часть VI. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ барона О. А. Бюлера, при содѣйствіимагистра В. А. Уляницкаго Цѣна 3 р.
- Томъ XCVIII.** Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія. Изданы подъ редакціей Н. О. Дубровина Цѣна 3 р.
- Томъ XCIX.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ іюня 1742 по апрѣль 1744 г. Сообщена изъ англійскаго государственного архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XI. Цѣна 3 р.
- Томъ С.** Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и полномочнаго министра д'Аллюна съ 1742 по май 1743 г. Часть XII. Изданы подъ редакціей Г. О. Штендмана. Цѣна 3 р.
- Томъ СI.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайного совѣта, съ іюня 1729 по 4 марта 1730 г. Часть VIII. Изданы подъ редакціей Н. О. Дубровина. Цѣна 3 р.
- Томъ СII.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1744 по 4 января 1746 г. Сообщена изъ англійскаго государственного архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XII. Цѣна 3 р.
- Томъ СIII.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1746 по 24 мая 1748 г. Сообщена изъ англійскаго государственного архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XIII Цѣна 3 р.
- Томъ СIV.** Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны, 1731—1740 гг. Собранны и изданы подъ редакціею профессора А. Н. Филиппова. Томъ I (1731—1732 гг.) Цѣна 3 р.
- Томъ СV.** Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и полномочнаго министра д'Аллюна съ 1743 по 1745 г. Часть XIII. Изданы подъ редакціею Г. О. Штендмана. Цѣна 3 р.

Томъ СVI. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Ioannovны, 1731—1740 гг. Собранны и изданы подъ редакцію профессора А. Н. Филиппова. Томъ II (1732 г.) Цѣна 3 р.

Томъ CVII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Нового Уложенія. Собранны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Серебрѣвича. Часть IX. Цѣна 3 р.

Томъ CVIII. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Ioannovны, 1731—1741 гг. Собранны и изданы подъ редакцію профессора А. Н. Филиппова. Томъ III (1734 г.) Цѣна 3 р.

Томъ CIX. Дипломатическія сношенія австрійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ф. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ CX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1746 г. Сообщена изъ англійскаго государственного архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XIII Цѣна 3 р.

Томъ CXI. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Ioannovны, 1731—1740 гг. Собранны и изданы подъ редакцію профессора А. Н. Филиппова. Томъ IV (1735 г.) Цѣна 3 р.

Томъ CXII. Донесенія представителей французскихъ при русскомъ дворѣ, а также донесеніе русскихъ представителей при французскомъ дворѣ съ 1814—1816 гг. Подъ редакцію предсѣдателя общества А. А. Половцова. Цѣна 3 р.

Къ каждому тому Сборника приложенъ азбучный указатель именъ.

